

В. П. Бузескул

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ ГРЕЦИИ

ВВЕДЕНИЕ
В ИСТОРИЮ ГРЕЦИИ

*Обзор источников и очерк разработки
греческой истории в XIX
и в начале XX в.*

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "КОЛО"

Санкт-Петербург : 2005

ББК 63.3(0)3

Б90

*Федеральная целевая программа «Культура России».
Подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»*

Б90 Бузескул В. П.

Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / Вступ. ст. и общ. ред. проф. Э. Д. Фролова.— СПб.: Издательский дом «Коло», 2005.— 672 с.

ISBN 5-901841-28-X

Книга виднейшего историка античности В. П. Бузескула (1858—1931) посвящена обзору исторической традиции в исследованиях древней Греции — как исторической мысли самих древних греков (от Геродота до Полибия), так и изучению древнегреческой истории в новое время (от Вольфа и Нибура до Белоха и Пёльмана). Это произведение остается уникальным в своем роде, поскольку до сих пор не имеет аналогов по источниковедению и историографии античной Греции.

Для студентов, аспирантов, преподавателей и всех интересующихся вопросами античной истории.

ББК 63.3(0)3

Текст публикуется по изданию:

Бузескул В. П. Лекции по истории Греции. Т. I. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. Изд. 3-е, перераб.— Пг., 1915.

© Фролов Э. Д., вступ. ст., 2005.

© Издательский дом «Коло», оформление, подготовка текста, 2005.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Э. Д. Фролов. Научное творчество В. П. Бузескула (1858—1931)
как живое олицетворение исторического синтеза 9

Предисловие к первому изданию (39—40). Предисловие ко второму изданию (41—42). Предисловие [к третьему изданию] (43—46)

I. Обзор источников (47)

1. Язык (48)

2. Предания (мифы и сказания). Значение мифов и сказаний (49).— Толкование их (50-57)

3. Памятники вещественные. Значение вещественных памятников (54-57).— Монеты (58)

4. Надписи и рукописные документы (59). Значение и содержание надписей (60—61).— Недостатки надписей как источника (61).— Важнейшие надписи (62—70).— Эпиграфика (71).— Сборники надписей (72—75).— Рукописные документы (76).— Папирусы (77)

5. Литературные произведения. Значение литературных произведений как исторического источника (77—79).— «Гомеровский вопрос» (80—82).— Гесиод (82).— Лирика (83).— Трагики (84—86).— Комедия (87-89).— Философы (90-92).— Ораторы (93-95).— Гиппократ (96).

Историки (96).— Элементы начальной историографии (97—98).— Логографы (99).— Характеристика логографов (100—101).— Кадм (102).— Гекатей (102-103).— Гелланик (104-105).— Дионисий Милетский и Харон из Лампсака (106).— Ферекид (106).— Ксанф (106)

Геродот (107). Геродот и логографы (108).— Биография Геродота (109—111).— Содержание его труда (112).— Мирозозрение

- (113—116).— Примеры рационализма (117).— Политические симпатии Геродота (118).— Отношение к варварам (119).— Источники (120—123).— Историческая критика у Геродота (124—125).— Недостатки Геродота и их объяснение (126—130).— Значение труда Геродота (131)
- Фукидид** (132).— Фукидид и Геродот (133).— Биография Фукидида (134-136).— Источники Фукидида (137).— Характеристика его труда (138).— Критика и приемы (138-139).— Метод реконструкции (140-141).— Речи (142-143).— Идея причинности и законосообразности (144).— Рационализм (145—146).— Роль личности у Фукидида (147).— Политические воззрения (148—149).— Объективность (150-151).— Фукидид и современная критика (152—159).— Фукидид и историческая наука XIX века (160-162)
- Ксенофонт**. Биография Ксенофонта (163—164).— «Hellenica» (165—166).— Вопрос о пристрастии Ксенофонта (167—169).— Ксенофонт как историк (170—171).— «Анабасис» (172).— Другие произведения Ксенофонта (173—176).— Псевдо-Ксенофонтова «Афинская полита» (177-180)
- Историки V—IV в.**, произведения которых сохранились лишь в отрывках. Кратипп (181).— «Оксиринхский историк» (181—182).— Ион Стесимброт (183).— Ктесий (183).— Эней (184).— Риторическое направление (184).— Эфор (185-186).— Феопомп (187—188).— Сицилийские историки (189—190).— Аттиды и аттидографы (191)
- Аристотель**. Начало политической литературы (192—193).— Аристотель (194-195).— «Политика» (196-197).— «Политии» (198).— «Афинская полита» (198).— Вопрос об «Афинской политии» в современной литературе (199-205).— «Полития» — произведение Аристотеля (206).— Характеристика «Афинской политии» (207—212).— Причины недостатков (213).— Воззрения Аристотеля в «Политии» и в «Политике» (214—216).— Источники «Афинской политии» (217-222).— Значение «Политии» (223-224).— Другие труды Аристотеля (225).— Перипатетики и их современники (226—228)
- Источники по истории Александра Великого и его преемников (229—231).— Представители александрийской образованности (232—233).

- Полибий** (234).— Биография Полибия (235—236).— «История» Полибия. Ее содержание (237—239).— Ее универсальность (240).— Планомерность исторического процесса (240—241).— Судьба (242).— Божество (243).— Факторы исторического процесса (244).— «Прагматическая история» (245).— Польза истории (246).— Правда (246).— Речи (247).— Важность причин (248).— Требования от историков (249).— Подготовка, личный опыт и источники Полибия (250—251).— Влияние стои (252).— Беспристрастие Полибия (252—253).— Политические воззрения (254—256).— Полибий как писатель (257—258).— Значение Полибия (259)
- Посидоний (259).— Страбон (260).— Тимаген (260).— Трог Помпей (260).— Николай Дамасский (261).— Корнелий Непот (261)
- Диодор Сицилийский**. «Историческая библиотека» Диодора (262).— Взгляд Диодора на историю (263).— Характеристика «Исторической библиотеки» (264).— Хронология Диодора (265).— Источники Диодора и его отношение к ним (266—268)
- Плутарх**. Биография и личность Плутарха (269—270).— Его сочинения (271).— «Moralia» (271).— «Жизнеописания» (272).— Плутарх как биограф (273—275).— «Теория единого источника» (276—279)
- Диоген Лаэртий (280).— Дион Хрисостом (280).— Фаворин, Афиней, Элиан и др. (281).— Элий Аристид (282).— Лукиан (282).— Хронографы (283).— Юлий Африкан (283).— Евсевий (283—284).— Фотий (285).— Сборник эксцерптов (285).— Лексикографы (285)
- Географы и путешественники-периегеты** (286).— Страбон (287).— Периегеты (288).— Павсаний (289-290)
- II. Очерк разработки греческой истории в XIX и начале XX в.** (291)
- Новое «Возрождение классической древности»** в XVIII и начале XIX в. (294) Ученые XVI—XVII в. (294).— Вико (294).— Начало нового «Возрождения» (295).— Винкельман (295).— Лессинг и другие (296).— Гете и Шиллер (296).— Романтизм (297).— Франция (298).— Англия (299)

От Вольфа, Нибура и Бёка до Грота. Начало новой эпохи (299).— Вольф (300).— Нибур (300-301).— Бёк (302).— *Corpus Inscriptionum Graecarum* (303—304).— «Государственное хозяйство афинян» (305—308).— Другие труды Бёка (309).— Взгляд Бёка на филологию и борьба с Германом (310).— Влияние Бёка (311—312).— Шлейермахер. Беккер (313).— К. О. Мюллер (314—315).— Путешествия в Грецию (316—320).— Труды по греческим древностям (321).— К. Ф. Герман (322).— Лобек (323).— Велькер (323).— Дройзен (323-328)

От Грота до конца 60-х годов. Англия и Греция (329).— Фёлюолл (329).— Грот (329-330).— «История Греции» (331).— Успех ее (332).— Ее достоинства (333—335).— Ее недостатки (336—338).— Гладстон (339).— Фриман (340).— Шёман (340-341).— Э. Курциус (342—345).— «Греческая история» (346—347).— Последующие работы Курциуса (348-349).— Макс Дункер (350-352).— Фюстель де Куланж (353).— Его взгляд на историю (354).— «La cité antique» (355—358).— Противоречия у Фюстель де Куланжа и их примирение (359-360).— Другие работы Фюстель де Куланжа по греческой истории (361).— Тэн (362).— Дюрюи (362).— Разработка греческой истории в России. М. С. Куторга (363—367).— Другие русские ученые этого периода (368—369).— К. Я. Люгебиль (370)

Развитие эпиграфики и раскопки 70-х и 80-х годов (371). Эпиграфика конца 60-х годов (371).— Начало нового периода. *Corpus Inscriptionum Atticarum* (372—373).— Эпиграфика в Англии, Франции и Италии (374).— Эпиграфика в России (374).— Ф. Ф. Соколови его ученики (374—375).— В. В. Латышев (376—378).— Раскопки (379-380).— Шлиман (381-383).— Раскопки на Гиссарлыке (384-387).— Микены (388-389).— Тиринф (390).— Последние годы Шлимана (391—392).— Раскопки в Олимпии (393—395).— Раскопки в Пергаме (396).— Гуман (397-400).— Французская школа в Афинах (401).— Раскопки на Делосе (402).— Другие раскопки Французской школы (403).— Французские ученые второй половины XIX в. (404—405).— Немецкий институт в Афинах (406).— Британская школа и общества (407—408).— Американская школа (409).— Исследования в Малой Азии (410).— Австрийские экспедиции (410).— Греческое Археологическое общество (411).— Раскопки в Афинах (411-412).— Элевсин (413).— Эпидавр (413).— Микены (414).— Танагрские фигуры

(414).— Открытие Додоны (415).— Сидонские саркофаги (416).— Открытия древностей в южной России (416—418).— Пантикапей (419-421).— Тамань и Кубань (422).— Херсонес (423).— Ольвия (424).— Приднепровье (424)

Обработка греческой истории в 70—80-х годах (425). Труды по топографии (425).— Крайний критицизм (426).— Последние томы «Истории древности» Макса Дункера (427—428).— Юлиус Шварц (429—431).— Вторая половина 80-х гг. (432).— Гольм (432-437).— Бузольт (438-441).— Гильберт (442).— Герцберг (443).— Французская литература (444).— Фриман (445).— Магаффи (446).— П. И. Аландский (447).— В. В. Латышев (448).— Ф. Г. Мищенко (449-450)

Открытия 90-х годов XIX и начала XX в. Открытия папирусов. (451) Начало открытия греческих папирусов (451).— Великие открытия 1891 г. (452).— Папирусы Фл. Питри (452).— Открытие «Афинской политики» (453).— Другие публикации Кениона (454—455).— Публикации Гренфелла и Ханта: Оксиринхские папирусы и др. (456—460).— Публикации на континенте (461—464).— «Персы» Тимофея (465).— Менандр (466—468).— Значение открытых папирусов (469—473).— Острака (474).— Пергаментные рукописи (475)

Эпиграфика и раскопки. Эпиграфика (476—478).— Археологические институты (479).— Раскопки (480).— Раскопки Дёрпфельда в Афинах (481).— Исследование VI города на Гиссарлыке (482—483).— Раскопки в Дельфах (484—488).— Открытия на Крите (489-490).— «Дворец Миноса» (491-497).— Открытия в Фесте и в его окрестностях (498—503).— Раскопки в Орхомене (504).— Открытия в Фессалии (505).— Этолия (506).— Аттика (506).— Пелопоннес и соседние острова (507—509).— Делос (510).— Тенос, Парос, Лесбос, Хиос (511).— Самос (512).— Эфес (513).— Милет (514).— Приэна (515).— Магнесия (516).— Дидимы (516).— Пергам (517-518).— Кос (519-520).— Родос (521).— Кипр (521).— Раскопки на юге России. Херсонес (522—523).— Ольвия (524-527).— Пантикапей (528-529).— Танаис (530).— Раскопки на Березани (531).— Курганы. «Солоха» (532—533).— Миннз (534).— «Трипольская культура» (Хвойко) (535).— Раскопки Э. Р. фон Штерна в Петренах (536).— Экспедиции в Малую Азию, Сирию и проч. (537—538)

Новейшие труды по истории Греции. Влияние открытий на обработку греческой истории (539).— Второе издание «Древностей» и «Греческой истории» Бузольта (540—541).— Новейшее направление в исторической науке (542—544).— Отражение его в области изучения греческой истории (545).— Белох (546—554).— Эд. Мейер (555—567).— Пёльман (568—570).— Изучение экономической и социальной истории Греции (571—573).— Труды по истории эллинизма (574—580).— Буркхардт (581—584).— Другие труды по культурной истории (585).— У. фон Виламовиц-Мёллендорф (586—589).— Э. Роде (590—591).— Узенер (592).— Эд. Целлер (593).— Другие немецкие филологи и историки (593—594).— Коллективные и справочные пособия (595).— Французская литература. Кавеньяк (596—597).— А. Круазе (598—601).— Английская литература. Эббот (602).— Бьюри (603—604).— Циммерн (605—607).— Итальянская литература (ДеСанктис) (608).— Русская литература. Э. Р. фон Штерн (609).— В. А. Шеффер (610).— Ф. Ф. Зелинский (611).— М. И. Ростовцев (612).— М. М. Хвостов (613).— С. А. Жебелев (613).— Н. И. Кареев (614).— «Лекции» Р. Ю. Виппера (615—616).— «История афинской демократии» (617).— Всемирные истории (618—621).— Журналы (622).— Хронология (622).— География и топография (623).— Истории литературы, философии, искусства и проч. (624—628)

Заключение. Общий характер современного научного движения в области греческой истории

Рост материала (629—630).— Отношение к материалу (631—632).— Умаление роли личности (633).— Идея эволюции (634).— Интерес к второстепенным общинам и к эллинизму (634).— Интерес к социально-экономической стороне (635).— Модернизация греческой истории (636—641).— Сравнительная, общеисторическая точка зрения (642).— Историк или филолог должен заниматься древней историей? (642—646)

Указатель имен	647
Список сокращений	666
Библиография	669

Э. Д. Фролов

**Научное творчество
профессора Владислава Петровича Бузескула
(1858—1931) как живое олицетворение
исторического синтеза**

Для всякого мало-мальски образованного человека бесспорным является фундаментальное значение культурного наследия античности для становления и развития европейской цивилизации нового времени. Это значение может быть определено одним понятием *культуры классицизма*, которая стала основой и нормой для европейского гуманизма начиная с эпохи Возрождения. Архитектура и изобразительные искусства, художественная литература и театр, важнейшие отрасли гуманитарной науки, и в первую очередь философия и история, наконец, общие образовательные и воспитательные принципы — всё наиболее существенное в гуманистической европейской культуре всегда (по крайней мере, до XX столетия) было пронизано духом античности, опиралось на достижения и образцы неисчерпаемого культурного богатства греко-римского мира.

Но не только в области культуры как таковой ощущалось определяющее воздействие античного наследия. Оно заметно также и в более общей сфере политического развития Европы. Сначала строители абсолютистской монархии нашли для себя естественную идеологическую опору и образцы для подражания в державных построениях Александра Великого и эллинистических царей, в военной диктатуре Цезаря и Августа. Затем творцы нового республиканского строя обрели для себя не менее прочную опору в демократических принципах античного гражданского общества. Современному миру, в особенности тяготеющему к гражданским свободам, должен сильно импонировать тот опыт демократического строительства, который был продемонстрирован в Греции классического времени (V—IV вв.), а более конкретно — в Афинах времени Перикла (461—429 гг. до н. э.).

Отсюда — актуальность обращения к истории античного гражданского общества и античной демократии, что подтверждается богатством и интенсивностью соответствующей научно-исследовательской работы.

Разумеется, плодотворное освоение греко-римского культурного наследия и развитие впервые выработанных античностью гуманистических ценностей возможны были лишь на основе правильной системы гуманитарного образования, опиравшегося на традиции классицизма. Элементами такого образования были глубокое изучение древних классических языков, греческого и латинского, широкое знакомство с литературой и искусством древних греков и римлян, с историей этих замечательных народов, заложивших фундамент европейской цивилизации. В Западной Европе очагами такого образования стали классические гимназии и университеты с их гуманитарными факультетами (философии, филологии, истории), сформировавшиеся еще в эпоху Просвещения (XVII—XVIII вв.) и достигшие высокой степени процветания в XIX в.

Отсюда — пышное развитие европейского антиковедения, отмеченное творчеством таких выдающихся ученых, как И.-И. Винкельман, Эд. Гиббон и Ф.-А. Вольф в XVIII в., Б.-Г. Нибур, А. Бёк, Дж. Грот, Т. Моммзен и Г. Буассье в XIX в., У. фон Виламовиц-Мёллендорф, Р. Пёльман, К.-Ю. Белох, Эд. Мейер и Дж. Фрезер на рубеже XIX—XX вв. При этом предметами изучения были и остаются для западного антиковедения не только явления языковой и литературной культуры, не только памятники искусства и события политической истории греков и римлян, но и такие аспекты их цивилизации, которые особенно созвучны современному социально-политическому развитию.

Взять хотя бы уже упоминавшуюся чрезвычайно актуальную проблему античной, в первую очередь, конечно, афинской, демократии. В западной историографии, практически в каждой крупной национальной школе, в два последних столетия прослеживается ряд фундаментальных исследований по этой теме. Если отвлечься от фигур основоположников, таких, как апологет афинской демократии Джордж Грот или ее критик Карл-Юлиус Белох, — если ограничиться только новейшим периодом (после Второй мировой войны), то на

память приходят имена таких исследователей, как Арнольд Джонс, Мартин Оствальд, Рафаель Сили, Могенс-Херман Хансен в англо-американской литературе, Поль Клоше и Клод Моссе — во французской, Иохен Блейкен — в немецкой.

В России ситуация оказалась иной в силу особенных условий как собственно научного развития, так и политической жизни. Здесь изучение античной истории, а в ее рамках и обращение к теме античного гражданского общества, было более прерывистым, то выливаясь в существенно значимые разработки, а то затухая на длительные промежутки времени. Напомним, что рождение российского антиковедения было одним из следствий форсированного преодоления обозначившегося к концу XVII столетия военно-политического и культурного отставания России от европейского Запада, форсированной модернизации и европеизации русской жизни, осуществленной волею великого царя-преобразователя Петра I и его окружения. В рамках приобщения русского общества к тогдашней европейской культуре классицизма стояли и закладка фундамента правильного светского образования, и насаждение необходимых гуманитарных начал в средней и высшей школе, и поддержка соответствующих научных занятий в основанной по инициативе Петра Санкт-Петербургской Академии наук с ее образовательными филиалами — Академическим университетом и Академической гимназией.

Однако процесс формирования в России правильной системы классического образования и подлинного научного антиковедения был непрост. Система классических гимназий и университетов сложилась в России лишь в начале XIX в., а наука об античности окончательно сформировалась в оригинальное преемственное направление еще позже, только к середине того же столетия. Основоположником этого направления стал выдающийся представитель науки всеобщей истории в Петербургском университете, которого временами называют родоначальником Петербургской исторической школы, Михаил Семенович Куторга (1809—1886). Замечательно, что у этого архетипа русского антиковедения рано обнаружился интерес к проблеме античной гражданской общины, полиса, к основам и формам самой блестящей из городских республик античной Греции — к афинской демократии. Мы имеем в виду его капитальное исследование

«Афинская гражданская община по известиям эллинских историков», опубликованное в рамках посмертно изданного «Собрания сочинений» М. С. Куторги (т. I—II, СПб., 1894-1896).

Наметившееся таким образом весьма перспективное исследование проблем социальной жизни и политических форм античного мира скоро, однако, пресеклось. Причиной тому была смена ценностных научных ориентиров. Следующее за Куторгой поколение ученых-антиковедов стало ощущать недостаточность проделанной к тому времени источниковедческой работы, незавершенность исследования и реконструкции исторических фактов, а стало быть, и преждевременность обращения к более общим проблемам. В последней трети XIX столетия взоры значительной части историков классической древности обратились от постижения общей формы или идеи античности в духе М. С. Куторги к частным историко-филологическим изысканиям, в особенности на основе эпиграфических документов, ради возможно более достоверной реконструкции исторических фактов. Зачинателем этого нового этапа стал тоже петербуржец Федор Федорович Соколов (1841—1909), воспитавший целую плеяду выдающихся исследователей-аналитиков, составивших самое влиятельное направление в дореволюционном русском антиковедении.

Однако расцвет аналитических историко-филологических штудий не исключал сохранения у части антиковедов более широкого интереса к культуре и цивилизации античного мира, что обусловило параллельное развитие культурно-исторического направления, представителями которого были в С.-Петербурге Н. М. Благовещенский и Ф. Ф. Зелинский, в Киеве и позднее в Казани — Ф. Г. Мищенко, в Одессе — Э. Р. фон Штерн. А затем, на рубеже XIX—XX вв., диапазон научных интересов и занятий и вовсе невероятно расширился за счет появления новых, можно сказать, современных направлений — социально-политического и социально-экономического. Их формирование несомненно стояло в связи с обозначившимися именно тогда радикальными переменами в жизни самого русского общества. Мы имеем в виду стремительное развитие современного капиталистического хозяйства и соответственное резкое обострение социальных отношений. Характерной чертой этих новых направлений было стремление к системному постижению и интерпретации ан-

тичности как своего рода предвосхищения или же, наоборот, антипода современной цивилизации с тем, чтобы таким путем, через социологическое сопоставление, найти подходы к более глубокому проникновению в суть общего исторического развития, а более всего — к пониманию существа так называемых переломных эпох.

Таким образом обозначился новый поворот в дореволюционном русском антиковедении. Если в последние десятилетия XIX столетия, по примеру Ф. Ф. Соколова, взоры многих обратились от общих проблем к исследованиям частного, аналитического характера, то теперь состоялось как бы возвращение на круги своя, с той, однако, существенной разницей, что новое обращение к социологической интерпретации античности свершилось на гораздо более прочной фактологической основе, а стало быть, могло претендовать и на большую глубину.

Эти новые явления отчетливо выступали в ученой деятельности различных университетских центров. Так, в Москве выдающийся историк Р. Ю. Виппер (1859—1954) в своих общих курсах убедительно показывал, насколько тесно связана политическая история древней Греции и Рима с их социально-экономическим развитием. В Харькове другой замечательный представитель науки всеобщей истории В. П. Бузескул, к которому мы скоро вернемся, возвел на совершенно новый уровень исследование политических форм античного мира, глубоко, в контексте социальной истории, проследив рождение и развитие наиболее совершенной из этих форм — афинской демократии. В Петербурге И. М. Гревс (1860—1941) и М. И. Ростовцев (1870—1952) своими исследованиями экономической жизни древнего Рима заложили прочный базис изучения экономики всего античного мира. Первый, проследив эволюцию аграрных отношений в Риме, показал, как постепенно формировались крупные землевладельческие хозяйства, ставшие предшественниками будущего феодализма. Второй подверг скрупулезному анализу наиболее значимое явление античной экономики — откупную систему, открыв тем самым перспективу изучения как экономической политики античного государства, так и частного предпринимательства. Со своей стороны, выпускник Московского университета, ставший профессором в Казани, М. М. Хвостов (1872—1920), опираясь на новый

массовый материал папирусов и надписей на черепках (острака), много сделал для изучения торговли и промышленности в столь своеобразном регионе древнего мира, каким был греко-римский Египет.

Увы, это разнообразие и полнокровие современного научного поиска было вновь остановлено, на этот раз внешнею силою — социально-политической катастрофой, постигшей Россию в начале XX в., Октябрьской революцией 1917 г., уничтожившей и социальную основу, и самую структуру классического образования, утвердившей новую систему советской власти и монопольное господство коммунистической партии с ее жестким идеологическим диктатом. Классические языки были изгнаны из учебного обихода, преподавание истории как в средней, так и в высшей школе было выхолощено внедрением социологических схем, диапазон научных занятий отечественных историков был решительно сужен и ограничен изучением социально-экономического развития с позиций догматизированного формационного учения. В частности, занятия античной историей были искусственно сведены к изучению социально-экономических структур древности, трактуемых как явления единого рабовладельческого строя.

В силу такого догматического подхода засохли, что называется, на корню все прочие направления, не укладывавшиеся в прокрустово ложе официальной советской науки, — и аналитическое, историко-филологическое (оно, разумеется, в первую очередь как лишенное всякой видимой актуальности), и культурно-историческое, и даже социально-политическое и социально-экономическое. Судьба двух последних особенно примечательна: будучи по природе своей близки ставшему господствующим социально-экономическому направлению (в официальном, конечно, марксистском выражении), они как раз в силу своей актуальности, в силу внутренней потенции к опасным политическим сопоставлениям, были поставлены под жесткий контроль и обречены на застой.

Так или иначе, начавшееся вторично плодотворное изучение проблем античной цивилизации вновь было прервано. Лишь с наступлением политической оттепели (после смерти И. В. Сталина в 1953 г.) началось постепенное возрождение полнокровного, свободного от

идеологических шор изучения античности — не только ее социально-экономического базиса, но и политических форм, и всех разнообразных явлений культурной жизни древних греков и римлян.

Убедительным примером этого научного возрождения может служить оживление интереса к истории античного гражданского общества, к истории демократических Афин. В Ленинграде профессором Ксенией Михайловной Колобовой была предпринята попытка проследить развитие самого города Афин и его культуры в контексте афинской политической истории (монография «Древний город Афины и его памятники», Л., 1961). В многочисленных частных этюдах стали исследоваться отдельные этапы и аспекты формирования афинского полиса: так называемая Килонова смута (С. И. Радциг), реформаторская деятельность Солона (К. М. Колобова, С. Я. Лурье), борьба политических группировок в VI в. до н.э. (К. К. Зельин), традиция о Писистрате (М. В. Скржинская), реформы Клисфена (С. Я. Лурье, В. М. Строгоцкий, С. Г. Карпюк). Взоры исследователей обратились и к классическому периоду афинской истории — к истории образования Афинской морской державы (многочисленные статьи А. Е. Паршикова), к проблеме отношений державного афинского полиса с его сателлитами (С. Я. Лурье, Л. А. Сахненко), к истории афинских поселений за пределами Аттики (тот же А. Е. Паршиков и Н. А. Касаткина), наконец, к чрезвычайно важной проблеме взаимосвязи державной политики и демократического строительства в Афинах (М. В. Кондратюк).

В русле этих частных исследований явились и попытки более общего рассмотрения феномена афинской демократии. Мы имеем в виду источниковедческие и собственно исторические работы В. М. Строгоцкого¹. Затем — предпринятое совместно Л. П. Маринович и Г. А. Кошеленко издание исторических материалов, сопровождаемое прекрасными статьями о становлении демократии в

¹ *Строгоцкий В. М.* 1) Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987; 2) Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.

Афинах и об уроках античной демократии вообще ¹. Наконец, курс лекций той же Л. П. Маринович об афинской демократии позднеклассического времени, особенно ценный вниманием к новым научным подходам, опробованным в западной историографии ².

Общим основанием, так сказать, подпиткой этого научного движения стало постепенное преодоление навязанного в первые десятилетия советской власти догматизма и схематизма, а вместе с тем и возобновление более полнокровного и более полноценного преподавания и изучения античной истории в наших университетах. На это ушел ряд лет, но, в конце концов, к началу 70-х годов прошлого века на исторических факультетах ведущих университетов (в первую очередь, в Москве и Ленинграде) была воссоздана более или менее целостная система изучения античной истории, базирующаяся на созданные еще в довоенное время специальные кафедры древней (античной) истории, с широкой подготовкой по антиковедческим дисциплинам для студентов, специализирующихся по этим кафедрам (с углубленным изучением греческой и римской истории, древних языков и различных вспомогательных дисциплин, античной литературы и искусства, прочих аспектов классической культуры, с обязательной археологической практикой в Северном Причерноморье и проч.).

В этом плане показательно возобновление занятиями такими прикладными дисциплинами, образующими базис исторического обучения и исторической науки, как источниковедение и историография. В области источниковедения движение было начато специальными исследованиями С. Я. Лурье и А. И. Доватура о Геродоте ³. За этим последовал ряд других частных работ и многочисленных переводов древних авторов, а некоторым общим выражением и подведением итогов явилась публикация более или менее обширных

¹ Античная демократия в свидетельствах современников / Издание подготовили Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996.

² Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы. Курс лекций. М., 2001.

³ Лурье С. Я. Геродот. М.; Л., 1947; Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.

хрестоматий ¹ и учебных пособий по источниковедению ². Что касается историографии (т. е. изучения научной литературы нового времени об античности), то здесь, помимо частных разработок, заметным явлением стала публикация коллективного пособия, подготовленного группой специалистов и изданного под редакцией В. И. Кузицина ³.

Тем не менее, ретроградное воздействие советского официоза продолжает сказываться до сих пор. Это проявляется как в отсутствии новых монографий по таким актуальным, но долгое время табуированным темам, как та же античная демократия, так и в общем безликом, засушенном стиле университетских пособий, в частности и по источниковедению и историографии, что обусловлено долгой практикой истребления любого субъективного, красочного, неординарного элемента в книгах по истории.

В этих условиях становится естественным обращение к наследию классической русской историографии, к книгам старых русских ученых, сочетавшим глубокую научность с высокой общей культурой, фактическую добротность — с изяществом и живостью изложения. К числу таких произведений относятся прекрасные книги харьковского профессора Владислава Петровича Бузескула «История афинской демократии» и «Введение в историю Греции», книги, созданные еще в начале прошлого века, но не утратившие своей ценности и в наше время. Первая совсем недавно была переиздана Издательским центром «Гуманитарная Академия», переиздание второй осуществляет теперь другое петербургское издательство — «Коло».

¹ Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве. Т. I—III. М., 1950—1953; Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. Г. Боруховича. Саратов, 1973; Хрестоматия по истории древней Греции / Под ред. Д. П. Каллистова. М., 1964; Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962; Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В. И. Кузицина. М., 1987.

² Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В. И. Кузицина. М., 1982; Источниковедение древнего Рима / Под ред. А. Г. Бокщанина. М., 1981.

³ Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузицина. М., 1980.

Но дело не только в самих этих книгах — обращение к ним может дать повод познакомиться с одной из самых внушительных и вместе с тем привлекательных фигур в русской науке об античности. Мы убеждены, что читатель не пожалеет, потратив толику времени на это знакомство. Тем самым он сможет соприкоснуться с той далекой, безвозвратно ушедшей эпохой, которая, может быть, являла собой апогей культурного подъема России. Вместе с тем очевидно, что этим он подготовит себя к должному восприятию и правильной оценке единственных в своем роде фундаментальных трудов по греческой истории, источниковедению и историографии. Ибо ключ к пониманию творчества как художника, так и ученого вне всяких сомнений заключен в его биографии.

* * *

Владислав Петрович Бузескул родился 24 февраля (старого стиля) 1858 г. в селе Поповка Изюмского уезда Харьковской губернии 1. Происходил он из старинной служилой семьи молдавского

¹ Для изучения жизненного пути и ученой деятельности В. П. Бузескула важны прежде всего его собственные автобиографические очерки и заметки: 1) Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908. С. 287—291; 2) Образы прошлого (из моих воспоминаний) // *Анналы*. Т. II. 1922. С. 228—246 (о годах учения в харьковской гимназии и университете); 3) Речь в ответ на приветствия и доклады в заседании научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры 1 апреля 1928 г. // *Наукові записки. Праці науково-дослідчої катедри історії європейської культури*. Вып. 3. Харків, 1929. С. 5-9; 4) Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. II. Л., 1931. С. 180, 191-192.— Далее см.: *Гольдин Н. С.* Профессор В. П. Бузескул как историк античного мира // *Сборник статей в честь В. П. Бузескула*. Харьков, 1914. С. X-XVII; *Успенский Ф., Марр Н., Бартольд В., Платонов С.* Записка об ученых трудах профессора В. П. Бузескула // *Изв. Росс. Академии наук*. Серия VI. Т. XVI. 1922. № 1-18. С. 111-114; *Жебелев С. Л.* Академик В. П. Бузескул (некролог) // *ИАН ООИ*. 1931. № 10. С. 1065-1085; *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999. С. 312-329.— Списки трудов В. П. Бузескула имеются: 1) в сборнике в его честь. С. XVIII—XXIII

происхождения: родоначальник этого семейства вышел из Молдавии и поступил на военную службу в России еще в начале XVIII в. Уже в детстве Бузескул пристрастился к чтению исторических книг. Особенным толчком в этом направлении стало для него знакомство с популярной биографией А. В. Суворова, которую подарил ему домашний учитель, студент-медик Э. В. Арльдт, готовивший его к поступлению в гимназию. «Книжка эта, — вспоминал позднее Бузескул, — быть может, случайность, сыграла большую роль в моей дальнейшей судьбе: я полюбил историю, первоначально преимущественно историю войн, подвигов» ¹.

В годы обучения в харьковской классической гимназии (1868—1876) этот интерес к истории еще более укрепился благодаря воздействию преподавателя этого предмета, мастера исторического рассказа Н. Ф. Одарченко. В классе, вспоминает Бузескул, «все с напряженным вниманием и увлечением слушали его, будь то рассказы о подвигах Геркулеса или о Петре Великом, о рыцарстве, крестовых походах» ².

Жизнерадостная атмосфера первых лет обучения в гимназии затем, после проведения в жизнь затеянной министром просвещения графом Д. А. Толстым реформы, сменилась ощущением гнета, чувством подавленности. «Воцарилась толстовская система, сухая, беспощадная, с ее крайней, бездушной регламентацией, с ее мнимым классицизмом, а в действительности — грамматизмом. Нас подавляла грамматика, которая нам опротивела; мы учили массу ненужных правил и исключений; нас мучили переводами с русского языка на древние, „экстемпоральными“, которые мы ненавидели. На содержание читаемых авторов, на античную жизнь обыкновенно не обращалось внимания. Если кто-либо из нас предлагал учителю вопрос, касавшийся этой области, то учитель большею частью отделялся

(№ 1-100 за 1881-1913 гг.); 2) в некрологе, составленном С. А. Жебелевым (№ 101-136 за 1915-1931 гг.); 3) *Кантарева С. Н.* Хронологический указатель трудов В. П. Бузескула // *ВДИ*. 1946. № 4. С. 172-180 (наиболее полный список, включающий 186 номеров за 1881—1931 гг.).

¹ *Бузескул В. П.* Образы прошлого. С. 229.

² Там же. С. 232.

кратким ответом и спешил перейти к „главному“, к „делу“ — к тексту, переводу или к грамматике» 1.

Несомненно это резко отрицательное отношение Бузескула к «грамматизму» классической гимназии объяснялось его изначальным духовным устремлением, рано обнаружившейся в нем склонностью к занятиям именно историей. Отсюда та негативная реакция, которую нельзя было бы ожидать от «соколовцев» В. В. Латышева или С. А. Жебелева, с их столь же рано проявившейся филологической ориентацией. Как бы то ни было, позднее Бузескул признавал, что несмотря на известные теневые стороны он многим был обязан старой классической гимназии: «Гимназия дала мне прочные элементы знания, приучила к неустанному труду, поддержала и развила интерес к любимому мною предмету — истории; самый классицизм, тогда проводившийся, впоследствии пригодился мне при моих занятиях греческой историей» 2.

По окончании гимназического курса в 1876 г. Бузескул поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. В ту пору там было три отделения: классическое, словесное (или славяно-русское) и историческое. Бузескул выбрал последнее, и это надо подчеркнуть: из крупных дореволюционных специалистов-антиковедов Бузескул был одним из немногих, кто по основному своему образованию был не филологом-классиком, а историком. Впрочем, филологическая его подготовка была основательной: прочные знания древних языков были заложены уже в гимназии, да и в университете специализация начиналась только с 3-го курса, а до того все студенты историко-филологического факультета равно продолжали совершенствоваться в классической словесности. Тем не менее, характерны признания Бузескула насчет того, какие из читаемых древних авторов нравились ему: Фукидиду он отдавал предпочтение перед Платоном, Тациту — перед Теренцием 3. Он был неколебим в своем историческом интересе, и его более всего увлекали лекционные курсы профессоров всеобщей истории М. Н. Петрова и В. К. Надлера,

1 Бузескул В. П. Образы прошлого. С. 234.

2 Там же. С. 235.

3 Там же. С. 241, 242.

которые импонировали ему своею способностью к яркому повествованию о прошлых событиях 1.

По окончании университета Бузескул в течение ряда лет преподавал историю в харьковских частных женских гимназиях. Заграничной стажировки он не проходил и остался, по его собственному определению, «доморожденным ученым» 2. Да и в дальнейшем он практически не бывал за границей, за исключением поездки в 1908 г. в Берлин для участия в III Международном конгрессе историков. Не печатался он и в западноевропейских журналах (также единственное исключение — небольшая рецензия на немецком языке на книгу С. А. Жебелева «ΑΧΑΪΚΑ» в «Deutsche Literaturzeitung», 1905, № 4). С. А. Жебелев в русле свойственных ему почвеннических настроений с симпатией упоминает об этой детали в ученой биографии Бузескула. Однако объяснялось ли это сознательным уклонением харьковского профессора от контактов с заграничной или виною здесь были какие-то стечения обстоятельств, сказать трудно.

Как бы то ни было, нельзя сомневаться в сильном влечении юного выпускника Харьковского университета к ученой карьере. В 1885 г. он сдает магистерский экзамен и начинает вести занятия в своем родном университете в качестве приват-доцента. В ту пору его научные интересы еще не определились. На старших курсах университета он серьезно занимался средневековой русской историей и, при окончании курса, представил сочинение о торопецком князе Мстиславе Мстиславиче (Удалом), удостоенное золотой медали. Теперь же его увлекает западноевропейская история конца средневековья и начала нового времени, в особенности темы борьбы с папством и гуситского движения, и он разрабатывает и начинает читать специальный курс по западной истории XIV—XV вв., а также по новейшей историографии.

Между тем в 1886 г. оставляет службу в университете М. Н. Петров, и к Бузескулу переходит чтение общих курсов по всеобщей истории, в том числе и по истории древней Греции. Это заставило его сначала, как он признавался, «нехотя, поневоле» заняться античной историей,

1 Жебелев С. А. Академик В. П. Бузескул. С. 1066—1067.

2 Там же. С. 1068.

но потом его заинтересовала современная полемика вокруг Перикла и вообще афинской демократии, и он с головой ушел в разработку этой темы¹. Ей были посвящены обе его диссертации, магистерская и докторская, и они же окончательно определили его научный профиль как специалиста в особенности по истории древней Греции. Впрочем, он никогда не порывал совершенно и с другими разделами всеобщей истории, тем более что развившийся очень рано интерес к историографии держал его *au courant* всех новейших разработок и время от времени доставлял естественный повод для обращения к историческим сюжетам и средневековья, и нового времени.

Между тем укреплялось и его служебное положение: после защиты магистерской диссертации он становится экстраординарным (1890 г.), а после защиты докторской — ординарным профессором Харьковского университета (1895 г.). Параллельно с университетом он преподавал на Харьковских Высших женских курсах и на Педагогических курсах при Харьковском учебном округе. Он проявил себя талантливым педагогом и заслужил любовь многих поколений слушателей. Его авторитет как ученого и преподавателя все время рос, и при желании он мог бы сделать блестящую административную карьеру. Однако к этого рода деятельности он не чувствовал влечения и далее деканства на историко-филологическом факультете Харьковского университета (в 1901—1905 гг.) не пошел.

При всем том он был горячим патриотом своего родного края и деятельным сотрудником как университета, так и существовавшего при нем Историко-филологического общества. Он был неутомимым историографом своего университета и автором прекрасных, содержательных и теплых по тону очерков о его профессорах — В. Ф. Цыхе, М. М. Лунине, А. П. Рославском-Петровском, М. Н. Петрове, В. К. Надлере, И. В. Нетушиле. Ученые заслуги Бузескула получили широкое признание: в Харькове в 1914 г. в его честь был издан великолепный сборник статей, в котором приняли участие многие видные ученые, специалисты не только в науке об античности, но и в других областях истории и словесности. В 1910 г. он был избран чле-

¹ См. его собственный рассказ об этих научных исканиях в передаче С. А. Жебелева (с. 1071-1072).

ном-корреспондентом, а в 1922 г. — действительным членом Российской Академии наук. В 1925 г. он был избран также членом Всеукраинской Академии наук.

Обращаясь к обзору научных трудов В. П. Бузескула, подчеркнем, что его деятельность как ученого была весьма многогранна и плодотворна. Он много потрудился в области политической истории древней Греции. Мы уже упоминали, что поводом к его занятиям греческой историей послужила современная полемика вокруг афинской демократии. Действительно, в 70-х и 80-х годах XIX в., в особенности по инициативе немецких ученых Г. Мюллер-Штрюбинга, Пфлугк-Гарттунга, М. Дункера, К.-Ю. Белоха, подверглась решительному пересмотру та картина демократических Афин — блестящего лидера Эллады, которая была создана либеральной историографией середины XIX века, в первую очередь английским историком Дж. Гротом. Атаке подверглось все — и древний аттический историк Фукидид, наш главный источник по времени так называемого Пятидесятилетия¹ и Пелопоннесской войны, и сама афинская демократия, и ее знаменитый лидер Перикл. Фукидиду были предъявлены обвинения в мелочности, тенденциозности и непонимании сути исторического процесса, в афинской демократии усиленно подчеркивались ее теневые стороны — произвол демократической массы, демагогия политиканов, всеобщая коррупция и разложение, а Перикл, оставшийся бессменным руководителем Афин на протяжении едва ли не трети века, изобличался в отсутствии политической мудрости и силы и выставлялся главным виновником постигшей афинян в результате Пелопоннесской войны политической катастрофы.

Побудительными импульсами к такой переоценке послужили, с одной стороны, развитие гиперкритицизма, крайнего скептического отношения как к античной исторической традиции, так и к опиравшейся на нее и следовавшей в ее русле историографии середины XIX в. (кроме Грота можно указать на еще один характерный пример — Э. Курциуса), а с другой, — увлечение немецкой

¹ «Пятидесятилетие» — принятое в традиции обозначение периода времени от решающих побед греков над персами в 480—479 гг. и до начала Пелопоннесской войны (431 г. до н.э.).

исторической науки, пропитанной националистическими и монархическими настроениями, культом силы и неприятием либерализма и демократии.

Бузескул решительно выступил против такого тенденциозного подхода к истории афинской демократии. Сначала в большой статье он подверг критическому разбору новый взгляд на Перикла, развитый Максом Дункером в последних томах его фундаментальной «Истории древности»¹, а затем самостоятельно рассмотрел политическую деятельность лидера афинской демократии и дал ей взвешенную, по существу положительную, но в то же время лишённую ложной апологетики оценку в обширной монографии, ставшей его магистерской диссертацией — «Перикл (историко-критический этюд)» (Харьков, 1889).

За этим спустя ряд лет последовала новая, столь же внушительная монография (докторская диссертация) «Афинская полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века» (Харьков, 1895). Поводом к ее написанию послужило опубликование в 1891 г. английским ученым Ф. Кенионом текста вновь найденного (среди папирусов греко-римского Египта) трактата о государственном устройстве Афин, в котором справедливо усмотрели известную ранее только по отдельным упоминаниям «Афинскую политию» Аристотеля². Бузескул оказался в числе тех, кто первыми откликнулись на замечательную находку. Еще в том же 1891 г. он опубликовал рецензию на издание Кениона³, затем последовали специальные статьи⁴ и еще одна рецензия на новое

¹ Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1888. Апрель. С. 449-495.

² Греческое слово «полития» (производное от «полис» — «город», «государство») означает «государственное устройство».

³ Историческое обозрение. Т. II. 1891. С. 221—239.

⁴ Бузескул В. П. 1) Вопрос о новооткрытой *Ἀθηναίων Πολιτεία* // ЖМНП. 1892. Июль. С. 142-189; 1893; май. С. 134-212; октябрь. С. 450—483; 2) *Ἀθηναίων Πολιτεία* Аристотеля как источник для истории афинской демократии до конца V в. до Р. X. // ЖМНП. 1894. Июнь. С. 329-373; июль. С. 19-61.

издание трактата, осуществленное другим английским филологом Дж. Сэндисом¹, и, наконец, как итог, — названная монография.

Здесь, в специальных главах, последовательно были разобраны, во-первых, полемика вокруг вновь открытого аристотелевского произведения, с обоснованием собственного умеренно-критического взгляда, свободного от крайних восторгов, но и далекого от безудержного высокомерного шельмования найденного трактата как недостойного пера великого философа; во-вторых, особенности самого новонайденного произведения, с обоснованием его несомненной принадлежности к корпусу аристотелевских сочинений, с определением времени его составления, его соотношения с главным теоретическим трудом Аристотеля «Политика» и т. д.; в-третьих, источники, которыми пользовался (или мог пользоваться) Аристотель при составлении этого трактата; и, наконец, в-четвертых, осуществлен систематический пересмотр истории государственного строя Афин с учетом данных аристотелевской «Афинской политии», а также с обратной проверкой этих данных посредством сличения их с совокупной исторической традицией. В частности, что касается последнего момента, то Бузескулом убедительно было обосновано наличие в трактате Аристотеля, наряду с ценными историческими указаниями, также и ряда неточностей и даже невероятных, неправдоподобных вставок, какими являются, например, пассаж о так называемой Драконовой конституции (в гл. 4) и рассказ об участии Фемистокла в акции Эфиальта против Ареопага (гл. 25).

Как бы то ни было, в целом Бузескулом высоко было оценено историковедческое значение вновь найденного трактата Аристотеля. Завершая свой труд, он справедливо подчеркнул самое главное: «До открытия *Ἀθηναίων Πολιτεία* мы не имели особого, так сказать, специального источника, который давал бы нам историю афинской демократии в связном виде. Приходилось довольствоваться имеющимися у разных авторов и в надписях данными, иногда, правда, очень важными и интересными, но разбросанными, и мимоходом лишь сделанными, случайными указаниями. Теперь мы располагаем произведением, представляющим более или менее связную историю и

¹ Зап. Харьковск. ун-та. 1893. № 2. С. 13-19.

связное описание афинского государственного строя». Причем «источник этот дает ряд новых фактов и проливает свет на многие вопросы» (например, на переход от древней монархии к аристократии, о смутах после Солона, о времени введения жеребьевки при выборе должностных лиц и др.)¹.

Но если велико было значение «Афинской политики» в плане новой, дополнительной информации, то, с другой стороны, не менее важным было и доставленное ею подтверждение наличной исторической традиции: «Благодаря новооткрытому произведению... мы убедились в сравнительной достоверности нашего предания и точности хронологии, в основании которой лежат ведшиеся издавна списки архонтов»². Нет нужды пояснять, как важно было это заключение для преодоления модного в ту пору гиперкритического отношения к античной традиции.

Наряду с большим источниковым и конкретно-историческим значением, указывает затем Бузескул, новонайденный трактат Аристотеля обладает также и более общей историко-теоретической ценностью: «Важно также и то, — замечает он, — как представляется в нем общий ход развития афинской политики». В самом деле, поясняет он далее свою мысль, «чем более изучается история и археология Греции, тем больше обнаруживается связь между отдельными ее эпохами и моментами; открываются посредствующие звенья там, где раньше их и не подозревали, между такими периодами и явлениями, которые, казалось, разделяла целая пропасть. В этом отношении важен и наш новый источник. Он изображает постепенное, чрезвычайно последовательное, чисто органическое развитие государственного строя Афин, без особенно резких скачков. Постепенно совершается переход от монархии к аристократии, затем так же постепенно демократия занимает место аристократии. Вспомним, как лишь мало-помалу открывался низшим классам доступ к должностям, как совершалась демократизация Афин после Клисфена, как своего рода „переживания“, вроде двойного жребия, сохранялись в последующем строе Афин. Не говоря о сомнительной конституции Дракона, вспомним, что, например, ти-

¹ Бузескул В. П. Афинская политика Аристотеля. С. 474.

² Там же. С. 475.

ран Писистрат во многом является продолжателем и даже завершителем дела „первого предстателя демоса“ Солона, что Клисфеновы филы, триттии и демы имеют уже своих предшественников, что Перикл оказывается вовсе не таким новатором, каким его иногда изображают новейшие историки... Словом, наш новый источник еще яснее показывает нам, что афинская демократия была чисто народным созданием, результатом работы целого ряда деятелей и поколений, а не результатом честолюбия и интриг отдельных личностей»¹.

Сочинение Бузескула об «Афинской политике» Аристотеля, ценное само по себе, явилось важной предпосылкой для дальнейшей его работы над темой афинской демократии. Оно послужило необходимым источниковедческим основанием для написания им уже в 1900-х годах обширного исторического очерка, где в контексте общегреческой истории, с учетом постепенно свершавшихся перемен в социальной жизни, последовательно рассматривалось развитие Афинского демократического государства от древнейших времен до эпохи эллинизма. Это была ставшая знаменитой книга «История афинской демократии» (СПб., 1909).

Изложение здесь открывалось общей панорамой греческой истории в архаический период (VIII—VI вв. до н. э.), когда, вслед за сдвигами в социально-экономической сфере, начались перемены в древнем политическом строе, когда место патриархальной царской власти заступила аристократия, а затем на борьбу с последней стал подыматься демос и на авансцену выступила тирания. Обрисовав таким образом во введении исходные исторические рубежи, автор затем переходил непосредственно к истории афинской демократии и в четырех больших разделах рассматривал главные стадии ее исторического существования: *начало*, включая переход от древней монархии к аристократическому архонтату, первые смуты (заговор Килона), законодательство и реформы Дракона и Солона, тиранию Писистрата и новые реформы Клисфена; *расцвет*, достигший кульминации в период правления Перикла, с обстоятельным описанием сложившегося к этому времени социально-политического строя, с характеристикой положения и жизни отдельных слоев населения —

¹ Бузескул В. П. Афинская политика Аристотеля. С. 475—476.

граждан, метеков, рабов, с особым этюдом о положении женщин в Афинах; далее, внутренний *кризис* и смуты, развязанные Пелопоннесской войной; и, наконец, окончательный *упадок* Афинского демократического государства в позднеклассический период, вплоть до утраты Афинами своей самостоятельности в эпоху эллинизма.

«История афинской демократии» Бузескула написана легким, изящным стилем и не отягощена научным аппаратом. Однако доступность изложения в данном случае не исключает научной основательности. До сих пор в отечественной литературе книга Бузескула остается самым солидным пособием по политической истории центрального эллинского государства — Афин. Опираясь на этот труд, естественно было попытаться создать и более общее пособие, посвященное древнегреческой истории в целом. Для Бузескула это было тем более естественно, что в качестве университетского профессора он из года в год должен был читать общий курс истории древней Греции, который раза два в виде конспекта лекций издавался литографированным способом¹, Бузескул и планировал со временем подготовить и издать фундаментальное пособие по греческой истории, первый том которого должен был включать обширное источниковедческое и историографическое введение, второй — раннюю историю Греции до Персидских войн, а третий — историю классического периода, в основу которой предполагалось положить книгу об афинской демократии. Этот замысел был реализован лишь частично: в 1903 г. появился первый том — «Введение в историю Греции», которое затем неоднократно переиздавалось (и о котором мы еще будем говорить), по теме второго тома Бузескулом была опубликована лишь большая статья о крито-микенской цивилизации², а третий том так и остался на уровне первоначального воплощения, в виде книги об афинской демократии.

Конкретно-исторические исследования, в особенности в области древнегреческой истории, не исчерпывали научного труда В. П. Бу-

¹ Например: *Бузескул В. П.* История Греции. Литографированные лекции. Харьков, 1907. 556 с.

² *Бузескул В. П.* Древнейшая цивилизация в Европе. Эгейская или критско-микенская культура // Вестник Европы. 1916. № 8. С. 67—103 (чуть позже была опубликована и отдельным изданием: Харьков, 1918).

зескула. В своих занятиях он счастливо соединял вкус и умение работать в сфере конкретно-исторической со столь же плодотворными изысканиями в области истории и теории исторической науки. Последнее объяснялось каким-то глубинным или, по крайней мере, рано усвоенным интересом к развитию исторического знания, которое воплощалось для него не в груде необходимых пособий, не в механическом нагромождении ссылок, а в филиации наблюдений и идей, в судьбах живых представителей науки всеобщей истории, в закономерном чередовании научных школ и направлений. Как никто другой Бузескул был начитан в исторической литературе, однако его пристальный и всеохватный интерес к старым трудам и новым публикациям не был библиоманией, замкнутой на самое себя, а служил инструментом постижения вечно продолжающегося в исторической науке и литературе поиска сокровенного знания о прошлом.

Стремление представить себе, как именно осуществлялся этот поиск конкретными людьми и школами, побуждал Бузескула внимательно знакомиться с трудами выдающихся историков и древней поры, где ему особенно импонировала фигура непревзойденного мастера политической истории Фукидида, и нового времени, где его привлекали ученые — не только античники, но и представители других разделов всеобщей истории — разных национальных школ: и немецкой (Леопольд Ранке, Генрих Зибель, Эрнст Курциус, Эдуард Мейер), и французской (Барант, Франсуа Гизо, Огюстен Тьерри, Франсуа Минье), и, конечно же, отечественной.

Этот стойкий интерес Бузескула к истории исторического знания нашел отражение не только в многочисленных частных этюдах, важнейшие из которых были собраны и переизданы в виде отдельной книжечки (Исторические этюды. СПб., 1911), но и в целом ряде фундаментальных трудов, составивших поистине золотой фонд отечественного источниковедения и историографии всеобщей истории. Это, прежде всего, уже упоминавшееся «Введение в историю Греции» (изд. 3-е, СПб., 1915), содержащее чрезвычайно подробный и живо написанный обзор источников (в особенности трудов выдающихся древних историков Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полибия) и не менее обстоятельный очерк разработки греческой истории в новое время (в XIX и начале XX в.) как в Западной Европе, так и

в России. Это, далее, великолепное обозрение сделанных в новое время археологических и иных (эпиграфических, папирологических, нумизматических) открытий, которое так и озаглавлено: «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира», ч. I—II. Пб., 1923—1924 (ч. I — «Восток», ч. II — «Древнегреческий мир»). Это, наконец, также выполненный уже в советское время замечательный труд о развитии отечественной науки всеобщей истории — «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (ч. I—II. Л., 1929-1931). В опубликованных двух частях этого труда прослеживалось формирование важнейших разделов науки всеобщей истории в России — антиковедения, медиэвистики, новистики. Бузескулом была подготовлена и третья часть этого труда, специально посвященная русскому византино- и славяноведению, но ввиду начавшейся в ту пору (на рубеже 20—30-х годов) травли ученых старой школы эта часть осталась тогда неопубликованной.

Подобно своему любимцу из числа древних историков — Фукидиду, Бузескул был в высокой степени рефлексирующим ученым: его собственные исторические занятия и изучение историографии естественно продолжались у него размышлениями над общими особенностями исторического исследования и историописания, над характерными чертами современной исторической науки, размышлениями, которые, выливаясь в литературную форму, вносили важный вклад в отечественную методологию истории. Наиболее важным из этих теоретических опытов Бузескула надо считать его этюд о современном научном движении в области греческой истории. Работа эта действительно содержит обстоятельный обзор существенных сдвигов в разработке древнегреческой истории (а зачастую и шире — вообще в

¹ *Бузескул В. П.* Характерные черты научного движения в области греческой истории за последние тридцать лет // Русская мысль. 1900. Февраль. С. 58—79. Переиздания (с некоторыми изменениями): 1) Современное научное движение в области греческой истории // Исторические этюды. СПб., 1911. С. 1—28; 2) Общий характер современного научного движения в области греческой истории // Введение в историю Греции. Изд. 3-е. Пг., 1915. С. 553-570 (заключение). Ниже мы цитируем эту статью по ее переизданию в «Исторических этюдах».

антиковедении), свершившихся в последней трети XIX — самом начале XX в., но это не простая констатация, а взвешенная оценка по существу, что и придает всему обзору ярко выраженный теоретический характер.

Автор начинает с указания на существенную перемену в состоянии источниковых данных: их объем благодаря последним археологическим открытиям неизмеримо возрос, причем это относится не только к материальным остаткам, но и к одновременно выявленным письменным памятникам, эпиграфическим и папирологическим, число которых стало исчисляться многими тысячами. Новые материалы открыли новые возможности для исследовательской работы, и соответственно наметилась перемена в отношении к источникам. Подобно тому как в новой истории под влиянием Л. Ранке явилось повальное увлечение архивными данными, в работах антиковедов также обозначился уклон в сторону документального — эпиграфического и папирологического — материала. Автор, однако, не сочувствует стремлению новейших историков-античников опереться преимущественно на «каменный архив». По его наблюдениям, «как в области разработки новой истории „архивное направление“ подчас вырождается в крайность и односторонность, так и в области разработки древней (истории) увлечение эпиграфическим материалом заходит иногда слишком далеко, и из-за этого материала слишком уж пренебрегаются источники литературные»¹. В этой связи нелишним будет напомнить о том чрезмерном панегирике «камням» (т. е. эпиграфическим текстам), который возглашал архегет классической эпиграфики в России Ф. Ф. Соколов².

Другая черта современной науки, которую отмечает Бузескул, широкое развитие исторической критики. И здесь также наблюдаются крайности — чрезмерный скептицизм в отношении античной традиции, включая и таких ее выдающихся представителей, как Фукидид (примером служит Г. Мюллер-Штрюбинг), и нередкое отвержение засвидетельствованных традицией фактов и явлений. Так,

¹ *Бузескул В. П.* Исторические этюды. С. 8.

² См.: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. С. 187—188, 190-191.

К.-Ю. Белох отвергает факт дорийского вторжения в Пелопоннес, Б. Низе — существование Солоновой конституции, М. Дункер и тот же Белох развенчивают Перикла, а Юлиус Шварц проделывает то же самое с афинской демократией в целом. Бузескул выступает против этой тенденции гиперкритицизма. Ей он противопоставляет другую развивающуюся тенденцию — «относиться доверчивее к исторической традиции греков», к чему, как он метко замечает, как раз и побуждают результаты археологических и эпиграфических изысканий. «Новейшие великие открытия, — пишет он, — как ни поразительны их результаты, в некоторых отношениях подтвердили, однако, свидетельство поэтов и историков и должны были подействовать умеряющим образом на наш скептицизм, внушить больше доверия к античной традиции. Открытия Шлимана и других показали, что в гомерическом эпосе не все ложь и вымысел: на месте древнего Илиона, как оказалось, действительно был город, во многом похожий на гомерическую Трою; Микены действительно были резиденцией владык и „златообильными“, как их называет поэт... Затем, оказалось, что документальные свидетельства, которые могли лечь в основу исторической традиции греков, восходят к сравнительно более древнему времени; уже в VI в. в Афинах имелись начертанные на камне надписи, и, следовательно, аттические хронисты могли пользоваться ими»¹. И в данном случае уместно будет напомнить, но теперь уже с безусловным одобрением, о позиции другого патриарха русской эллистики М. С. Куторги, который предрекал скорое положительное решение вопроса о достоверности ранней греческой истории².

От характеристики состояния источников и отношения к исторической традиции Бузескул обращается затем к анализу общих воззрений современных ученых на исторический процесс. И здесь он восстает против крайних увлечений, которые могут привести к искаженному представлению об историческом развитии. Так, он с осторожностью говорит о наметившейся тенденции к умалению значения

¹ Бузескул В. П. Исторические этюды. С. 10—11.

² Куторга М. С. О достоверности древнейшей греческой истории // Собр. соч. Т. II. С. 19—20. Ср.: Фролов Э. Д. Русская наука об античности. С. 167—168.

личности в истории, к подчеркиванию коллективистического начала, бытия и творчества масс, к выдвиганию на первый план идеи эволюции (как это делалось, в частности, видным немецким историком Карлом Лампрехтом). При этом в историческом процессе порою вовсе не остается места для выдающейся, творческой личности, как это стало, например, с древним спартанским законодателем Ликургом, предание о котором попросту объявили мифом. Впрочем, в случае с Афинами идея эволюции явно нравится Бузескулу: он указывает на значение в этом плане новонайденного аристотелевского трактата об афинской политике: «из него мы видим, с какой последовательностью, без скачков, чисто органически, развивался государственный строй Афин». И он повторяет те выводы, к которым пришел в своем специальном исследовании по этому вопросу, причем в конце вновь подчеркивает, что ни один из известных нам древних строителей не был решающим творцом афинской политики, что даже Перикл «оказывается вовсе не таким новатором, каким его еще не так давно изображали некоторые историки», и что «афинская демократия была народным созданием, плодом работы целого ряда деятелей и многих поколений»¹.

С большей решительностью высказывается Бузескул против других современных увлечений и крайностей — против односторонности, присущей подчас ставшему господствующим социально-экономическому направлению («стоит только вспомнить, — говорит он, — хотя бы о так называемом экономическом материализме»); против продиктованного углубленными социальными штудиями форсированного сближения античности с современностью, или, как он правильно именует это явление, модернизации древней истории; против связанной с этим теории цикличности, т. е. представления о двух самостоятельных, но в то же время и параллельных циклах развития, в древности и в новое время, как на том настаивал Эд. Мейер; наконец, против крайностей как примитивизирующей античность концепции И.-К. Родбертуса и К. Бюхера, относивших всю классическую древность к стадии замкнутого домашнего хозяйства (так называемая ойкосная теория), так и модернизирующих

¹ Бузескул В. П. Исторические этюды. С. 12—14.

древность взглядов Эд. Мейера, К.-Ю. Белоха и Р. Пёльмана, находивших в античном мире те же формы промышленного и торгового денежного хозяйства, социального и идеологического противостояния классов, что и в новое время¹.

Надо подчеркнуть, что Бузескул выступал именно против крайностей названных научных направлений, не отвергая, в принципе, современного научного прогресса. Так, мы видели уже, как сильно импонировала ему идея эволюции. Равным образом, предостерегая против модернизации, он не отвергал возможности сопоставления многих явлений древней истории с современностью, поскольку в сходных исторических условиях могли рождаться и сходные формы бытия, для лучшего прояснения которых не обойтись без сравнительно-исторического метода. При этом, надо думать, в выигрыше может оказаться не только древняя история, но и новая. А «если это так, — заключает он, — то изучение греческой истории представляет не один только чисто научный, теоретический интерес; оно получает и практическое значение, история эта делается глубоко поучительной для нас»².

Понимая это прагматическое назначение древней истории, сам Бузескул никогда не избегал естественных исторических сопоставлений. Более того, он с видимой охотой не раз обращался к таким сюжетам греческой древности, где возможен был выход на современную актуальную тему. Отсюда такие его статьи, как «Женский вопрос в древней Греции»³, «Прения о смертной казни назад тому 2300 слишком лет» (по поводу обсуждения в афинском народном собрании в 427 г. до н. э. того, как следует поступить с повинными в мятеже жителями Митилены)⁴, «Школьное дело у древних греков по новым данным»⁵, «Международный третейский суд в древнегреческом мире»⁶. Кэто-

¹ Бузескул В. П. Исторические этюды. С. 14–25.

² Там же. С. 25.

³ В кн.: К свету. Юбилейный сборник С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1904. С. 1–29.

⁴ Московский ежегодник, 1907. № 13. С. 36–39.

⁵ Вестник Европы. 1911. № 4. С. 88–111.

⁶ Вестник Европы. 1917. № 4–5. С. 133–160.

му надо добавить обзорную статью под характерным названием «Современные темы в античной Греции», где автор трактует о демократии, борьбе партий, науке, женском вопросе, антисемитизме, и все это — на греческом материале. Некоторые из этих статей позднее были включены Бузескулом в его сборники «Исторические этюды» и — опять характерное название! — «Античность и современность» (СПб., 1913; изд. 2-е, 1914; изд. 3-е, 1924).

Возвращаясь к теоретическому этюду Бузескула о современном состоянии занятий греческой историей, укажем на заключительную его тему — о предмете самой науки античной истории. Русский ученый с сочувствием относится к современному представлению, развитию особенно Эд. Мейером, о единстве исторической науки, в рамках которой должна занять свое место и наука античной истории. Он также отвергает притязания классической филологии на монопольное изучение античности и вслед за Эд. Мейером и Р. Пёльманом признает односторонность и ограниченность филолого-антикварного подхода к древности. Но встать окончательно на их позицию и признать, что разработка греческой истории, как и других разделов всеобщей истории, — дело историка, он все же не решает и переводит разговор в другую плоскость. «После всего сказанного выше, — замечает он, — едва ли есть надобность подробно останавливаться на этом вопросе; спор о том, кому заниматься греческой историей, нам кажется в сущности лишним. Дело ведь не в словах, не в ярлыке. Филологи и историки в области изучения древности могут и должны идти рука об руку; но филологу не должна быть чужда широкая историческая точка зрения, а историк должен обладать надлежащим знанием античной литературы, археологии и эпиграфики» С этим никто спорить не будет, но, трактуя тему таким образом, Бузескул уходит от обсуждения вопроса по существу. И это понятно: в условиях укоренившегося в старой России классического образования присоединиться к мнению, что занятие античной историей, при всей важности языковой стороны в антиковедении, есть дело историка, могло бы навлечь на автора со стороны влиятельных филологов-классиков настоящую бурю.

¹ Исторические этюды. С. 26–27.

Оценивая в целом взгляды, развитые Бузескулом в его теоретической работе, нельзя не признать их завидную здравость, их продуктивную взвешенность, выдающую в их авторе историка самого что ни на есть высокого прагматического плана. Вообще не станем скрывать наших пристрастий и со всею откровенностью скажем: были, конечно, в России среди ученых-антиковедов старой школы и более яркие и более продуктивные натуры (можно назвать Ф. Ф. Зелинского или, что еще лучше, его прославленного ученика М. И. Ростовцева), но более цельной, уравновешенной и безоговорочно привлекательной, чем Бузескул, едва ли можно сыскать. Даже те его черты, которые с первого взгляда могут быть истолкованы как некие слабости или изъяны, — его видимое пристрастие скорее к повествованию, чем к анализу, и к темам широким более, чем к узким \, — при ближайшем рассмотрении оказываются признаками все той же человеческой и научной цельности, если только под типом классика подразумевать именно историка.

Скажем без околичностей: в лице Бузескула мы имеем историка высочайшей пробы. Он исследовал центральное явление древнегреческой истории — афинскую демократию, счастливо соединив в своих трудах кропотливый источниковедческий анализ (монография об «Афинской политике» Аристотеля) с полнокровным историческим повествованием («История афинской демократии»). В своих научных занятиях он сочетал непосредственную работу историка с деятельностью историографа, что придавало этим занятиям особенную глубину. Наконец, он выражал результаты своих изысканий безупречным литературным образом, вполне владея тем искусством совершенного изложения, «живого и легкого», которое, по его собственному справедливому мнению, является неперменным качеством настоящего историка².

¹ На эти особенности научного творчества Бузескула указывал, в частности, С. А. Жебелев (см. составленный им некролог Бузескула, с. 1067).

² Ср. его суждения по поводу научного труда русского историка папства А. С. Вязигина в «Исторических этюдах». С. 110—111.

* * *

Но вернемся к тому предприятию, которое заявлено издательским домом «Коло». Выбор для переиздания книги В. П. Бузескула «Введение в историю Греции» надо признать чрезвычайно удачным и своевременным. В самом деле, эта книга может удовлетворить самые взыскательные требования читателя, стремящегося познать развитие исторической мысли и исторической науки в их наиболее ярком воплощении — в историографии древней Греции. Замечательным качеством труда В. П. Бузескула является единство предмета: в первой части этого произведения прослеживается развитие исторических занятий у самих древних греков — от первых опытов у эпических поэтов и логографов, где история еще не отделилась от мифа, до таких несравненных представителей научного историописания, как Фукидид и Полибий; во второй части мы видим как бы подхват и продолжение этих занятий учеными нового времени — от Вольфа, Нибура и Бёка до классической триады в лице Пёльмана, Белоха и Эд. Мейера. Вместе с тем, при все еще ошутимом недостатке исторических пособий, труд Бузескула будет весьма кстати и студентам и преподавателям гуманитарных факультетов, предлагая им надежное руководство как по источниковедению, так и по историографии древней Греции.

Другое важное достоинство книги Бузескула — удивительное сочетание богатства и надежности сообщаемых сведений с доступностью изложения. Основой этого изложения служит историческое повествование в лучшем смысле этого слова. Вехами неспешного рассказа служат полнокровные, подчас очень яркие характеристики творчества как исторических писателей древности, так и антиковедов нового времени. Конечно, как и положено для произведений такого рода, книга Бузескула пестрит ссылками на издания трудов этих писателей и ученых, но эти ссылки не мешают восприятию основного текста: они либо отнесены в примечания под страницу, либо, если создается их скопление в основном тексте, набраны мелким шрифтом. Таким образом, труд Бузескула может служить и для общего ознакомления с историей исторической мысли в одном из самых интересных ее вариантов, и для специальных разысканий в области древнегреческой историографии и истории.

Наконец, отметим еще одно ценное качество произведения В. П. Бузескула, обусловленное природою самого ученого. Он никогда не был только исследователем, принадлежащим к космополитическому клану антиковедов; он глубоко сознавал свою связь именно с российской исторической наукой и умел ценить все, что создавалось в частности и представителями этой науки. Поэтому мы не удивимся, обнаружив в его книге непрестанные ссылки также и на русские труды, а во второй части (историографической) и целые пассажи об археологических разысканиях в Северном Причерноморье и вообще о разработке древнегреческой истории российскими учеными. Это тем более важно отметить, что, к сожалению, укоренившейся традиции, выраженной кем-то в словах «*Rossica non leguntur*» («писанное по-русски не читается»), следуют не только западные ученые, но зачастую и наши, «доморощенные»...

«Введение в историю Греции» В. П. Бузескула воспроизводится по последнему полному изданию 1915 г. Текст не подвергся сокращениям или каким-либо иным изменениям. Исправлена только орфография и приведены — насколько это было возможно — в соответствии с современными правилами библиографические описания в ссылках. Кроме того, для лучшей ориентации читателя в современной научной литературе, в конце приложен список наиболее важных пособий по историографии древней Греции.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В основе издаваемой книги лежат лекции, читанные мною в Харьковском университете. Лекции эти появляются в значительно распространенном и дополненном виде *. По первоначальному плану они должны были составлять лишь часть общего курса по истории Греции; но по мере обработки они разрослись в особый, специальный курс. На рубеже истекшего XIX и нового XX столетия мне казалось особенно уместным и полезным обозреть тот разнообразный материал, которым как в виде источников, так и в виде пособий располагает современная наука по части греческой истории, так сказать, подвести итог — показать, что сделал минувший век по разработке этой истории, как менялись точки зрения и направления в ее изучении; мне хотелось дать очерки исторической мысли, насколько она проявилась в обработке греческой истории, изобразить то движение, которое происходило в этой области, обозреть великие открытия за последние десятилетия и проч. На подобного рода обзоры я смотрю не только как на справочную книгу, но и как на главы из истории нашей науки, как на страницы из истории умственной жизни древности и в XIX веке.

При обработке многих отделов I части, т. е. обзора источников, настольными пособиями для меня служили труды К. Ваксмута

* В книгу вошли в переработанном виде и некоторые статьи мои из «Журнала Министерства народного просвещения» и «Филологического обозрения», в особенности же речь (на XI Археологическом съезде в Киеве) о характерных чертах научного движения в области греческой истории за последнее тридцатилетие (Русская мысль. 1900. Февраль): последние главы издаваемых лекций составляют в сущности подробное развитие того, что вкратце намечено в этой речи.

(«Einleitung in das Studium der alten Geschichte»), Криста («Geschichte der griechischen Literatur») и Арн. Шефера («Abriss der Quellenkunde der griechischen Geschichte»). Для второй части, т. е. для очерка разработки греческой истории в XIX столетии, я подобных общих пособий не имел в своем распоряжении; да таких, насколько мне известно, и нет, если не считать более или менее кратких общих характеристик и отчетов, статей по отдельным вопросам или об отдельных периодах и сочинениях, историй эпиграфики, филологии (до последних лет не доведенных) и т. п.

К исчерпывающей полноте библиографических указаний я не стремился; но о русской научной литературе, по понятным причинам, считал необходимым говорить сравнительно подробнее и полнее. Некоторых книг и статей из приводимых мною я не мог иметь под рукою, и, чтобы дать необходимые справки и указания, иногда приходилось ссылаться из вторых рук.

При распределении на главы и на периоды встречались неизбежные затруднения: иногда приходилось ради удобства приурочивать к одному какому-либо периоду обзор трудов ученого, деятельность которого в действительности относилась не к одному, а к нескольким периодам.

Не без колебаний выпускаю я в свет свои лекции, посвященные изучению столь непопулярной в нашем обществе греческой древности. Но между тем классицизмом или, вернее, грамматизмом, который вызвал к себе такую антипатию, и научною историею Греции и Рима нет ничего общего, и нельзя антипатии к первому переносить на изучение античного мира вообще, тем более, что именно в настоящее время это изучение вступает как бы на новый путь — разработки с более широкой исторической точки зрения; в области древнегреческой истории, равно как и истории Древнего Востока, совершаются такие открытия и такое движение, как ни в одной другой сфере современного исторического знания, и если мне удалось дать хотя бледное изображение этого движения, дать хотя некоторое понятие о богатстве нового для нас материала, о той живой, энергичной работе, которую ведут теперь в этой области почти все культурные нации Европы и Америки, я буду считать себя удовлетворенным.

В. Бузескул
Харьков, 14 февраля 1903 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Мое «Введение» встречено было с таким сочувствием, какого я не ожидал, и в течение года первое издание его разошлось.

Ввиду продолжающегося спроса я решился приступить ко второму изданию. В него я внес некоторые изменения. Так, в отдел о вещественных памятниках, в начале книги, текст несколько изменен в видах большей легкости и связности изложения, а библиографические указания, касающиеся перечисляемых памятников, выпущены для избежания повторения, так как их приходится приводить и во второй части, там, где речь идет о раскопках; расширен отдел о надписях, преимущественно обзор важнейших из них, в первом издании слишком уж краткий, и значительно пополнено обозрение новейших открытий (во II части), сделанных в самое последнее время, не говоря уже о небольших вставках и дополнениях в разных местах книги. Зато глава об Аристотеле, точнее — об «Афинской политике», мною теперь сокращена, так как она была непропорционально велика и своим слишком подробным изложением, в особенности вопроса об источниках «Политии», нарушала общий характер и композицию «Введения». Чтобы читателю было легче разобраться в обширном материале, я в настоящем издании выделил места, имеющие более специальный характер и содержащие сухие или второстепенные подробности: они напечатаны более убористо, и их при чтении можно пропускать, не нарушая связи.

Насколько было возможно, указания критики приняты мною во внимание *. Но изменять классификацию источников, а тем более

* Мне известны следующие рецензии: 1) Русские ведомости. 1903. 31 марта (С. Ф. Фортунатова); 2) Вестник Европы. 1903. Апрель;

общую схему и план, ставить себе другие задачи и цели *, я не мог — *faciant meliora potentes...*** — да и не находил нужным, боясь не столько улучшить мое «Введение», сколько испортить то, что есть в нем хорошего, ибо, как известно, «*le meilleur est souvent l'ennemi du bien*»***. Притом нет такой схемы и такой классификации источников, которая не имела бы своих слабых сторон и против которой нельзя было бы найти возражений. Что касается связи между обработкой греческой истории с одной стороны, общими усилиями и настроениями, движением исторической науки — с другой, то мне казалось, что для внимательного читателя достаточно тех замечаний, которые имеются на этот счет в моей книге (например, с. 347, 350—353, 371—372, 376—377, 457, особенно же с. 527—531 и «Заключение»).

Я выпускаю в свет это издание в момент, когда внимание от мирной сферы науки отвлечено военными событиями мировой важности, когда на Дальнем Востоке льется кровь и Россия переживает тяжелое испытание. Но тем более здесь каждый из нас, на своем посту, должен работать, не покладая рук, не шадя сил, и теперь тем необходимее помнить, что «на поприще ума нам отставать нельзя».

В. Бузескул
Ялта.
Август 1904 г.

Русское богатство. 1903. Июль; 4) ЖМНП. 1903. Август. С. 479-494 (С. А. Жебелева); 5) Исторический вестник. 1903. Август; 6) РМ. 1903. Август; 7) Научное слово. 1903. Кн. VII (М. О. Гершензона); 8) Русская школа. 1903. Июль-август (Н. И. Кареева); 9) Мир Божий. 1903. Окт. (А. К. Дживелегова); 10) Новое время. Прил. к № 9940 (5 нояб. 1903); 11) Реферат А. И. Покровского, читанный в Историко-филологическом обществе при Институте кн. Безбородко в Нежине (брошюра; Нежин, 1903. 50 с.); 14) Правда. 1904. Март (Н. Никольского); 13) Deutsche Literaturzeitung. 1903. № 33 (С. А. Жебелева); 14) Wochenschrift für klassische Philologie. 1903. № 37 (Präsek); 15) Národní Listy. 1903. 12 cervna (его же); 16) Ceske Mus. Filol. 1903. С. 296-304 (его же); 17) Cesky Casop. Histor. IX. 1903. Ses. 3.

* Рецензия А. И. Покровского.

** Пусть сделает лучше, кто может (*лат.*). — *Ред.*

*** Лучшее часто враг хорошего (*фр.*). — *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ [К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ]

Первое издание этого «Введения», в основе которого лежат лекции, читанные мною в Харьковском университете, вышло в свет в 1903 г. На рубеже двух веков, XIX и XX, мне казалось особенно уместным и полезным обозреть тот разнообразный материал, которым как в виде источников, так и в виде пособий, располагает современная наука по части греческой истории, и, так сказать, подвести итог, — показать, что сделал минувший век по разработке этой истории, как менялись точки зрения и направления в ее изучении; мне хотелось дать очерки исторической мысли, насколько она проявилась в обработке греческой истории, изобразить то движение, которое происходило в этой области, обозреть великие открытия за последние десятилетия и проч. На подобного рода обзоры я смотрю не только как на справочную книгу, но и как на главы из истории нашей науки, как на страницы из истории умственной жизни древности и XIX—XX вв.

Если при обработке обзора источников настольными пособиями по многим отделам для меня могли служить труды К. Ваксмута («*Einleitung in das Studium der alten Geschichte*»), В. Криста («*Geschichte der griechischen Litteratur*») и Арнольда Шефера («*Abriss der Quellenkunde der griechischen Geschichte*»), то для второй части книги, т. е. для очерка разработки греческой истории в XIX и в начале XX в., в то время, когда писалось мое «Введение», я подобных общих пособий не имел в своем распоряжении: их не было *.

*Труды Дж. Э. Сэндиса, А. Гудемана (в новой обработке на нем. яз.), В. Кролля по истории науки о классической древности и книга Михаэлиса об археологических открытиях XIX в. вышли позже.

Мое «Введение» встречено было с таким сочувствием, какого я не ожидал. Через год потребовалось 2-е издание (1904), вышедшее с небольшими лишь изменениями и удостоенное Императорскою Академиею наук премии имени гр. Д. А. Толстого. В 1909 г. в Праге появился чешский его перевод (г-на Веверки), изданный при содействии Чешской Академии наук, — перевод, для которого мною сделаны были необходимые добавления. Желание облегчить пользование моим «Введением» и сделать его более доступным побудило меня переиздать его в сокращенном вдвое виде под заглавием: «Краткое введение в историю Греции» (1910), преимущественно как пособие для студентов университета и слушательниц Высших женских курсов. Но заменить вполне большое «Введение», которое тогда уже разошлось, названная книга не претендовала.

Теперь, приступая к изданию своих «Лекций по истории Греции», я, после некоторого колебания, решился, пользуясь возможностью, издать вновь свое «Введение» в полном виде, тем более, что не раз и с разных сторон мне высказывались пожелания иметь его именно в таком виде. Настоящее издание является значительно переработанным. Насколько мог, я принял во внимание успехи, сделанные наукой за последнее десятилетие. Дополнения особенно коснулись, конечно, новейших открытий и новейших трудов по греческой истории. Здесь многие страницы написаны мною вновь (последние две главы, вместе с заключением, во втором издании занимают 102 стр., а теперь — 182). Затем расширен отдел о классических древностях юга России, как ввиду того интереса, который эти древности представляют для нас, так и ввиду того, что я, не стремясь вообще к исчерпывающей библиографической полноте, о русской научной литературе, по понятным причинам, считал необходимым говорить сравнительно подробнее и полнее. В первой части «Введения», в «Обзоре источников», несколько дополнен отдел о надписях; дальнейшими дополнениями к нему служат подробности, находящиеся во второй части, где речь идет о новейших открытиях в области эпиграфики (например, на с. 510-519, 523-524).

Но, не желая слишком увеличивать объем книги, я, наряду с добавлениями, сделал в ней и некоторые сокращения. Сокращен главным образом, в видах большей соразмерности изложения, отдел о

греческих историках, который в прежних изданиях, по справедливому замечанию критики *, был непропорционально велик (на такой путь сокращений я отчасти вступил уже во 2-м издании, в главе об Аристотеле). Как тут, так и в некоторых других местах сокращения коснулись преимущественно многочисленных примеров, приводимых для иллюстрации той или другой черты характеризуемых авторов, вообще длиннот, затем — тех страниц, где преобладает номенклатура, сухой перечень имен, и некоторых библиографических указаний, теперь уже устарелых или же являющихся балластом. Ничем существенным, мне кажется, я не пожертвовал. Кроме того, места, имеющие более специальный характер и содержащие сухие или второстепенные подробности, в настоящем издании (как и во 2-м, и в «Кратком введении») выделены посредством особого шрифта: они напечатаны более убористо, и их при чтении можно пропускать, не нарушая связи.

Прежде, издавая свое «Введение», я говорил: «Не без колебаний выпускаю я в свет свои лекции, посвященные изучению столь непопулярной в нашем обществе греческой древности. Но между тем классицизмом или, вернее, грамматизмом, который вызвал к себе такую антипатию, и научною историею Греции и Рима нет ничего общего, и нельзя антипатии к первому переносить на изучение античного мира вообще, тем более, что именно в настоящее время это изучение вступает как бы на новый путь — разработки с более широкой исторической точки зрения; в области древнегреческой истории, равно как и истории Древнего Востока, совершаются такие открытия и такое движение, как ни в одной другой сфере современного исторического знания, и если мне удалось дать хотя бледное изображение этого движения, дать хотя некоторое понятие о богатстве нового для нас материала, о той живой, энергичной работе, которую ведут теперь в этой области почти все культурные нации Европы и Америки, я буду считать себя удовлетворенным». В настоящее время отношение к античному миру, кажется, изменилось. Этот мир стал

* См. «Отзыв», составленный проф. С. А. Жебелевым по поручению Императорской Академии наук // Сборник отчетов о премиях и наградах за 1907 г. СПб., 1908. С. 159 (3).

приобретать интерес в глазах нашего общества; во всяком случае нет прежней антипатии и вражды к нему.

При обозрении разработки греческой истории в течение последних десятилетий пред нами открывается картина тесного сотрудничества и мирного соревнования разных наций на поприще науки. Немецкой науке я, разумеется, отдал должное. Но те черты германцев, которые так явно обнаружились среди переживаемых нами событий и которые многим показались такими неожиданными,— культ силы, беспощадное отношение и презрение к слабому, попираание права,— эти черты, при более внимательном наблюдении, замечались и раньше; я их отмечаю на с. 428 * (см. также откровенное признание Белоха, приводимое мною на с. 554).

«Введение в историю Греции» составляет I том моих «Лекций по истории Греции». Если ничто не помешает и мне суждено довести до конца их печатание, то II том будет содержать «Историю Греции до Персидских войн», а III составит «История афинской демократии» в новом издании.

Настоящее издание выходит в разгар мировой войны. В оправдание своей решимости выпустить книгу в такой момент, когда переживается тяжкое испытание на полях битв, должен сослаться на то, что большая часть этой книги была уже напечатана до войны, и на необходимость сдержать данные мною обещания. Кроме того, не могу не повторить того, что говорил по поводу 2-го издания «Введения», выпущенного также во время войны (русско-японской): тем более здесь каждый из нас, на своем посту, должен работать, не покладая рук, не шадя сил, и теперь тем необходимее помнить слова поэта: «на поприще ума нельзя нам отступать»...

В. Бузескул
Харьков
Ноябрь 1914 г.

* Проявление этих черт в немецкой исторической науке подробнее освещено в моем докладе, который читан был в Харьковском историко-филологическом обществе 28 ноября и который должен вскоре появиться в печати («Современная Германия и немецкая историческая наука»).

I. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Schaefer A. Abriss der Quellenkunde der griechischen und römischen Geschichte. 1. Abteilung. 4. Aufl. Leipzig, 1889 (краткий, чрезвычайно сжатый обзор, содержащий главнейшие указания, биографические данные и свидетельства древних о каждом историке); Wachsmuth C. Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipzig, 1895 (обширный том, более 700 с; немало верных замечаний, богатый материал, но несколько странно и неудобно распределенный, без надлежащей системы, и, кроме того, непропорционально обработанный). Обзоры и оценку источников можно найти и в общих трудах по истории Греции Г. Бузольта, А. Гольма, Р. Пёльмана, Ю. Белоха, Эд. Мейера — особенно в его «Forschungen zur alten Geschichte» (Halle, 1892-1899. 2 Bde.), Г. Ф. Леман-Гаупта (Einleitung in die Altertumswissenschaft / Hrsg. von A. Gercke und Ed. Norden. Bd. III. 1912); см. также: Wilamowitz-Möllendorff U., von Aristoteles und Athen. Berlin, 1893. 2 Bde., в особенности в начале II тома, и труды по истории греческой литературы.

Об источниках вообще и о пользовании ими, об исторической критике и ее приемах см. главным образом: Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode. 5. u. 6. Aufl. Leipzig, 1908 (ср. его краткое «Введение в историческую науку», 1908, в русск. пер.); Langlois Ch. V, Seignobos Ch. Introduction aux études historiques. 2-me éd. Paris, 1899 (есть русск. пер.); Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1910-1913. Вып. 1-2; Кареев Н. И. Теория исторического знания. СПб., 1913. Кроме того: Tardif E. Notions élémentaires de critique historique (русск. пер.: Воронеж, 1893)

и статья Ф. Я. Фортинского «Опыты систематической обработки исторической критики» (КУИ. 1884).

Понятие об источниках. Всякий сколько-нибудь серьезно изучающий историю не должен довольствоваться руководствами и вообще новейшею литературою, так называемыми пособиями, по интересующему его вопросу: он должен обращаться к самым источникам, т.е. к тем уцелевшим остаткам и памятникам прошлого, в самом широком смысле слова (вещественным, письменным и проч.), из которых историческая наука черпает свой материал,— которые служат исходным пунктом, первоосновой наших сведений по данному вопросу,— откуда сведения эти проистекают, ведут свое начало.

Источники бывают обыкновенно чрезвычайно разнообразны. В известном смысле даже сама природа страны и местность может служить источником наших сведений или соображений: на основании знакомства с нею и ее изучения мы можем приходить к тем или другим выводам ¹.

Источниками греческой истории служат:

1. Язык

Изучение языка дает материал для своего рода «лингвистической палеонтологии», и науке «сравнительного языкознания», блестяще развившейся в XIX столетии, история обязана немало ². Язык проливает свет, например, на происхождение греческого народа, на его родство или отношение к другим народам. Благодаря главным образом ему мы знаем, что греки принадлежали к индоевропейцам, что они родственны индусам и иранцам, фракийцам и фригийцам, римлянам, кельтам, германцам, литов-

¹ В виде примера укажу хотя бы на исследование: *Kromayer Joh.* Antike Schlachtfelder in Griechenland. Berlin, 1903. 3 Bde., в котором автор путем изучения на месте «полей битв» старается пролить свет на военную историю греков и римлян (начиная с Эпаминонда).

² *Шрадер О.* Сравнительное языковедение и первобытная история. СПб., 1886 (пер. с нем.; в подлиннике имеется 3-е изд. 1906); ср.: *Schröder O.* Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901.

цам и славянам... История греческих диалектов до некоторой степени освещает и историю греческих племен. Язык, далее, служит показателем умственного развития народа, его культуры. Из существования слова для обозначения какого-либо предмета, понятия мы можем, например, вывести заключение, что и самый предмет, самое понятие были известны этому народу.

В языке отражается характер и духовная жизнь народа, его мировоззрение. По словам поэта,

Язык есть исповедь народа:
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной ¹.

Язык в свою очередь продукт исторического развития и имеет свою историю, которая неразрывно связана с историей самого народа: это — организм, который живет и развивается вместе с последним ².

2. Предания (мифы и сказания) ³

Значение мифов и сказаний. Предания — мифы и различного рода сказания (саги, легенды и т. п.) — в устной форме от

¹ П. А. Вяземский; см.: Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы (Из жизни идей. Т. II). СПб., 1905. С. 36.

² Какие важные для истории выводы можно делать на основании языка, показывает, между прочим, пример Кречмера (*Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896; *его же* краткий очерк «языка»: Einleitung in die Altertumswissenschaft / Hrsg. von Alf. Gercke und Ed. Norden. I², 1912); *Hoffmann K.* Die griechischen Dialekte in ihren historischen Zusammenhänge. Göttingen, 1891—1898. 3 Bde.; *Thumb Alb.* Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1909; *Buck C. D.* Introduction to the Study of the Greek Dialects. Grammar, Selected Inscriptions, Glossary. Boston, 1910; *Meillet A.* Aperçu d'une histoire de la langue grecque. Paris, 1913.

³ Mythographi graeci / Ed. A. Westermann. Braunschweig, 1844 и новейшее издание: *Wagner R. A., Sakolowski P., Martini E.* Bd. 1—5. Lipsiae, 1894—1902 (Bibl. Teubneriana); *Preller L.* Griechische Mythologie. 2 Bde. Berlin, 1904 (I т. в новом изд. в обработке Карла Роберта); *Roscher W. H.* Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig,

греков до нас не дошли, а сохранились в памятниках искусства и в письменной литературе, в передаче художников, поэтов, историков, философов и проч. В них сказывается мирозерцание народа, его религиозные и нравственные воззрения, взгляды на природу и на прошлое.

Мифы имеют отношение к религии и культуре; это попытки младенческой мысли объяснить происхождение окружающих предметов и причину явлений природы, представляемых в различных символах или образах и олицетворяемых в виде богов и героев. Сказания (саги, легенды) имеют более или менее историческую основу, приурочиваются к историческим событиям и лицам; это — как бы отголоски прошлого. Но миф часто соединяется со сказанием, и то, **что** на первый взгляд представляется сагой, нередко в своей основе имеет миф; затем первоначальный смысл часто затемняется или постепенно изменяется.

Толкование их. В сказаниях отражается прошлое; в основе их лежит нередко действительный факт, украшенный вымыслом и

(1884—); *Штоль Г. В.* Мифы классической древности. Пер. с нем. 2-е изд. М., 1877—1880. В 2 т.; *Петушкус А.* Олимп. Мифология греков и римлян. СПб.; М., 1913 (3-е рус. изд., перераб. по 21 нем.); *Müller Max.* Nouv. études de mythologie. Paris, 1898 (пер. с англ.); *его же.* Beiträge zu einer wissenschaftl. Mythologie. Leipzig, 1898 (пер. с англ.); *Gruppe O.* Griechische Mythologie und Religionsgeschichte (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft. Собр. Iw. v. Müller). 1897—1905. О. Группе принадлежит также: «Die griechischen Culte und Mythen» (1887); *Wundt Max.* Völkerpsychologie. 2. Aufl. Bd. IV. Mythos und Religion. Leipzig, 1910 (есть в русском переводе: *Вундт М.* Миф и религия. СПб., 1913); ср. *его же.* Elemente der Völkerpsychologie. Lpz., 1912; *Reinach S.* Cultes, mythes et religions. Paris, 1905-1906. 2 Vol.; *Farnell L. R.* The Cults of the Greek States. Oxford, 1896-1909. 5 Vol.; *Ланг Э.* Мифология. Пер. с нем. М., 1901; Узенер *Г.* Что такое мифология? Пер. с нем. // ИОАИЭКаЗУ. 1908. XXIV Из старых трудов: *Müller K. O.* Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie. 1825. Из журналов важен «Archiv für Religionswissenschaft». На русском языке о «мифотворчестве»: Вопросы теории и психологии творчества. Т. V. Харьков: Изд. Б.А. Лезина, 1914.

поэтической фантазией; это соединение поэзии и действительности. Но отделить вымысел от правды, извлечь из фантастической оболочки, из массы вымыслов зерно исторической действительности или дать надлежащее объяснение мифу, — дело не легкое, тем более что здесь нужно еще считаться с возможностью заимствования или с затемнением и изменением первоначального смысла. И требуется большая осторожность, тонкий критический анализ и обширные сведения, чтобы при объяснении сказаний или мифов не впасть в ошибку, в натяжки или произвольные, фантастические толкования. Немудрено поэтому, что здесь существуют самые разнообразные и противоречивые теории **1**. Еще в древности Евгемер, современник Александра Македонского и диадохов, считал мифы лишь искаженной историей, а в богах и мифических лицах видел некогда живших царей и вообще исторических деятелей. Есть толкование мифов аллегорическое, этиологическое (по которому мифы возникают с целью объяснить какой-либо обычай, обряд, праздник или памятник); есть направление так называемое историко-филологическое, выдвигающее историю мифов, объясняющее их из племенных верований и местных культов (К. О. Мюллер), теория заимствований и миграций (Т. Бенфей, О. Группе) и т. д. Одно время господствовало сравнительно-мифологическое направление, не совсем еще оставленное и теперь, причем одни из представителей этого направления все сводили к солнцу и другим небесным светилам, к их движению — восходу и закату (солярная теория Макса Мюллера)², а другие — к атмосферным явлениям, грозе и т. п. (метеорологическая, или нубилиарная теория А. Куна).

¹ О них на рус. яз.: *Нетушил И. В.* Мифологические теории // Мирный труд. 1902. II; *Кагаров Е. Е.* Мифологические очерки / Вопросы теории и психологии творчества. Т. 5. Харьков, 1913; *Сергиев Д. Ф.* Исторический обзор мифологических теорий / ИНИФИ. VIII. Нежин, 1912.

² У нас: *Воеводский Л. Ф.* Введение в мифологию Одиссеи. Одесса, 1882.

В настоящее же время преобладает теория анимизма, принимающая за основу веру в духов и почитание умерших, предков, и вообще направление антропологическое (иначе этнологическое или фольклорное), исходящее из признания общих законов развития человеческого религиозного сознания, пользующееся аналогией с воззрениями первобытных народов и привлекающее к объяснению мифов современные народные верования и поверья, т. наз. «культурные переживания». Родоначальниками и последователями такого направления вообще были преимущественно англичане — Т. Гейлор, автор «Первобытной культуры» (русск. пер.: СПб., 1896—1897, Т. 1—2), известный философ Герберт Спенсер, А. Лэнг, Дж. Фрезер¹, и др. В области греческой мифологии к этому направлению примыкают немецкие ученые Э. Роде и Г. Узенер².

Но ни одна из названных теорий не может быть признана безусловно верною.

Для иллюстрации тех противоречий и разногласий, какие возникали по поводу мифов, и тех крайностей, в которые впадала в особенности солярная теория, приведу несколько примеров.

Известный английский историк Дж. Грот полагал, что в преданиях греков невозможно отделить вымысел от действительности и определить, сколько в легендах содержится исторического материала; поэтому он в своей «Истории Греции» ограничился простым пересказом мифов и легенд, не пытаясь вовсе их объяснить и считая всякие подобные попытки бесплодными. А К. О. Мюллер говорил, что «отбросить миф, как нечто непригодное для науки, или заменить этот единственно подлинный источник произвольными догадками и химерами — это значит отрезать корни не только внешней, но и внутренней истории греческого народа». Или возьмем

¹ Автор обширного труда: *Frazer J.* The Golden Bough. London, 1890 sq. (уже VII ч.; 3-е изд. 1911 сл.); франц. пер.: Le rameau d'or. Paris, 1911.

² О них далее, во 2-й части «Введения».

толкования отдельных сказаний. По одним, Геракл, например, — национальный герой и представитель дорян (К. О. Мюллер), идеальный образ дорянина (У. фон Виламовиц-Мёллендорф); по мнению других, это — бог, причем его нередко отождествляли с финикийским или, точнее, тирским Мелькартом. Сказание о золотом руно и аргонавтах, по одному мнению, служит указанием на далекие торговые сношения древних греков, на те страны, откуда могло получаться золото; а по другому толкованию, золотое руно — дождевые облака; по третьему — в основе этого сказания лежит солнечный миф: золотое руно — солнечный свет: бегство Фрикса и смерть Геллы означает заход солнца, возвращение руна — его восход и т. п. То же можно сказать и относительно Эдипа: по одному толкованию, сказание об Эдипе — солнечный миф: убийство Лая Эдипом означает восхождение солнца, разгоняющего ночной мрак; по другому мнению — тут следы того отдаленного времени, когда отцеубийство считалось подвигом и влекло за собою завладение властью отца, его женами и т. д. Есть ученые, которые и в сказаниях о Троянской войне видят в сущности аллегорию, чисто мифологическую подкладку: Парис похищает у эллинов, т. е. у «светлых», у звезд, красавицу Елену (напоминающую уже одним своим именем луну), которую затем эллины отнимают обратно; а взятие Трои Агамемноном означает, по этому толкованию, восход солнца над землю. Одиссея состоит будто бы из множества параллельных версий солнечного мифа и представляет вариации на одну и ту же тему о суточном движении солнца: сам Одиссей — солнечный герой, а, например, Пенелопа — одна из характернейших представительниц луны¹. Подобные крайности подали повод даже к пародии, в которой в шутку доказывалось по всем правилам солярной теории, что и сам представитель этой теории, Макс Мюллер, есть не иное что, как солнечное божество.

Нужно иметь в виду, что предание в своем развитии, как было уже сказано, может видоизменяться, утрачивать свой

¹ См.: *Воеводский Л. Ф.* Введение в мифологию Одиссеи. Одесса, 1882.

первоначальный смысл, а его мифологическая основа с течением времени — отходить на задний план или даже совершенно забываться. В сущности главная задача исследователя сводится к объяснению самого генезиса саги.

Зато мифы и сказания являются драгоценным источником для знакомства с духовным миром греческого народа; они показывают нам, как этот народ — на известной стадии своего развития — смотрел на природу, как объяснял он окружающие его явления; как представлял он себе своих богов и героев, свое прошлое, исторические события и деятелей; как в отдельных образах и лицах воплощал иногда целые периоды своей истории. С этой точки зрения сказания греков могут иметь для нас во всяком случае если не реальную, то иную, так сказать, идеальную правду.

3. Памятники вещественные -

Значение вещественных памятников. Памятники вещественные, изучением которых занимается археология², — уцелевшие остатки городов и поселений, развалины стен различных зданий, начиная от дворцов и храмов и кончая простым жилищем, могилы, домашняя утварь, вазы, статуи и другие художественные произведения, оружие, украшения и проч., — занимают видное место в ряду источников греческой истории. И чем древнее эпоха, чем меньше имеем мы о ней достоверных письменных свидетельств, тем драгоценнее для историка подобные вещественные остатки прошлого: они наглядно знакомят нас с

¹ Библиографические указания — во 2-й части «Введения», в соответствующих местах.

² *Körte* С. Archäologie und Geschichtswissenschaft. Göttingen, 1911 (речь); *Koepf* F. Archäologie, Leipzig, 1911. 3 Bde.; Handbuch der Archäologie / Hrsg. von H. Bulle. München, 1913 ff.; *Deonna* W. L'Archéologie. Sa valeur, ses méthodes. Paris, 1912; *Dechelette* J. Manuel d'archéologie préhistorique. Paris, 1908-1910. 2 Vol; *Fowler H. N., Wheeler J. R., Stevens C. P.* Handbook of Greek Archaeology. New-York, 1909; *Гернес* З. Культура доисторического прошлого (рус. пер. 3 ч. 1914); *Городище* В. А. Первобытная археология. М., 1908.

культурой народа, с его бытом, обычаями и погребальными обрядами, с его культом и религией, с его искусством и техникой; они переносят нас в обстановку, среди которой жили древние; они оживляют наши сведения об общественной и частной жизни греков, которую, благодаря им, мы можем представить себе иногда до мельчайших подробностей. На основании вещественных памятников мы можем делать нередко заключения и о политическом строе, о внешней истории народа, о его сношениях с другими странами, о посторонних, иноземных влияниях, на него воздействовавших.

Самым ярким примером важности вещественных памятников, как исторического источника, служат т. наз. троянские и микенские древности, открытием которых мир обязан знаменитому Г. Шлиману и затем — его сотрудникам и продолжателям. С ними можно теперь сопоставить критские древности, открытые англичанином Эвансом и итальянцами¹. Можно смело сказать, что если мы теперь знаем что-либо положительное о древнейшем периоде греческой истории и о так называемой крито-микенской или эгейской культуре, то этим мы обязаны почти исключительно раскопкам и открытым вещественным памятникам. Раскопки эти решили давний спор, существовал ли действительно город, подобный гомеровской Трое, и где его искать — на холме ли Гиссарлык, т. е. там, где в греко-римскую эпоху был Новый Илион, как думали еще в древности, или же несколько далее от моря, у деревни Бунарбаши, как доказывал Лешевалье, французский путешественник конца XVIII в.? Они доказали воочию, что на Гиссарлыке находился ряд поселений, последовательно возникавших одно на месте другого; что в двух древнейших из них господствовала очень древняя культура (т. наз. троянская), более древняя, нежели гомеровская и даже микенская; что шестой город, принадлежащий к эпохе микенской, действительно представляет немало сходства с описываемой Гомером Троей; что Микены, игравшие такую видную роль в сказаниях греков, были резиденцией

¹ Подробнее об этом ниже, в очерке разработки греческой истории.

могущественных владык и действительно были «златообильными», как их называет поэт; что Крит в глубокой древности был одним из политических и культурных центров, цивилизация которого во многом сходна с культурой Микен и даже древнее ее. На основании памятников, открытых в Тиринфе и Микенах, в особенности же в Кроссе и Фесте (на Крите), мы можем заключить о сильной власти тогдашних владык и об обилии рабочих рук, находившихся в их распоряжении, о покорности подвластного населения, о развитии техники, о богатстве и пышности процветавшей здесь — во многих отношениях весьма развитой — культуры, в своем существовании насчитывавшей несколько периодов и много веков.

Вещественные памятники свидетельствуют также, что культура эта некогда была распространена преимущественно в восточной половине Эллады, начиная от самой Фессалии до южной оконечности Пелопоннеса, в районе Эгейского моря, на островах и в Троаде, а также и на западе Греции и далее. Сходные с нею черты встречаются на Востоке — в Малой Азии, Финикии, в памятниках Египта; отсюда можно заключить, что она связана с Востоком, причем ставится вопрос: влиял ли, например, Египет на Грецию или же в свою очередь и крито-микенская культура влияла на Египет; возникает вопрос и об отношении ее к культуре этрусской и к неолитической культуре на север от Греции, в Средней Европе, в юго-западной России. А с другой стороны, обнаруживается связь и посредствующие звенья между крито-микенской культурой и последующей, чисто эллинской. Благодаря этим памятникам, перед нами открылся совершенно новый горизонт, приподнялась завеса, скрывавшая от наших взоров древнейший, огромный период греческой и догреческой истории — период так называемой крито-микенской, или эгейской культуры, о существовании которой мы раньше и не подозревали, и пролит свет на связи и взаимодействие, существовавшие некогда между культурными странами древности, прилегавшими к восточной половине Средиземного моря.

Важнейшие памятники. Итак, важнейшие с точки зрения греческой истории вещественные памятники — это древности

Трои, Микен, а также Тиринфа, и Крита. К памятникам крито-микенской или эгейской эпохи относятся также могилы в Спате и Мениди (в Аттике) и древности Фессалии. Сюда отчасти примыкают и памятники Орхомена (в Беотии), вроде «сокровищницы царя Миния» — куполообразной могилы, подобной микенским; но среди фессалийских и орхоменских памятников есть и гораздо более древние, домикенского периода, которые проливают свет на культуру неолитической эпохи; далее — развалины и остатки замечательных сооружений, с целью осушения, у Копаидского озера. К числу более важных памятников принадлежат также развалины акрополя — среди них остатки дворца микенской эпохи — и другие древности Афин — мраморы Парфенона, статуи эпохи до греко-персидских войн и т. п.; древности Олимпии (например, фронтоны храма и статуя Гермеса, произведение знаменитого Праксителя), Пергама (в особенности рельефная группа, изображающая «гигантомахию», борьбу гигантов и богов, образец греческого искусства времен эллинизма) и Дельф, танагрские фигуры — терракотовые статуэтки, наглядно знакомящие нас с обыденною жизнью греков; развалины Эфеса и его храма, Милета и Приены, где открыты остатки города с его улицами, площадями и зданиями; древности острова Феры (Санторина) и священного для греков Делоса, городов — Ольвии, Херсонеса, Пантикапея и других черноморских колоний греков, греческого поселения в Египте — Навкратиса и т. д.

Большая часть из названных древностей (какие, конечно, можно было перенести или перевезти) находятся в различных музеях. Так, троянские находки Г. Шлимана, за немногими исключениями, хранятся в Берлине, в Этнографическом музее, микенские древности — в Афинском Национальном музее, критские — в местном музее в Кандии, древности, найденные на афинском акрополе, — в музее Акропольском, мраморы Парфенона — в Британском музее, пергамские древности — в Берлине; для древностей Олимпии и Дельф построены музеи на месте; лучшая коллекция танагрских фигур находится в Лувре, а греческие древности юга России

хранятся в Императорском Эрмитаже, в местных музеях Керчи, Херсонеса, Одесского Общества истории и древностей и др., не говоря о частных коллекциях.

Я здесь ограничиваюсь этим кратким и сухим перечнем и возвращусь к вещественным памятникам Греции во второй части «Введения», там, где речь будет идти о раскопках; тогда и яснее будет все значение этого рода источников для греческой истории.

Монеты 1

Среди вещественных памятников как особую категорию нужно отметить монеты, изучение которых составляет предмет специальной научной дисциплины — нумизматики.

Эти «металлические» источники важны, во-первых, для истории экономической — для истории денег и денежного обращения, торговых сношений и проч. Они имеют значение и для политической истории: на основании монет можно делать заключения о взаимных отношениях государств или городов, о их политической зависимости или независимости — так как чеканка монеты есть акт суверенитета, — о существовании союзов и т. п. Так, например, благодаря только нумизматическим данным, мы узнаем о том, что после битвы при Книде между различными греческими городами заключен был союз: остальные наши ис-

¹ *Dannenberg H.* Grundzüge der Münzkunde. Leipzig, 1891; *Halke H.* Einleitung in das Studium der Numismatik. Berlin, 1899; *Reinach Th.* L'histoire par les monnaies. Paris, 1902; *Head B. V.* Historie nummorum. A Manual of Greek Numismatic. Oxford, 1887 (нов. изд. 1911); *Ἐβροόνογος, Ἱστορία τῶν νομισμάτων.* 1898. 2 т.; *Hill C.* Handbook of Greek and Roman Coins. London, 1899; Historical Greek Coins. London, 1909; *Babelon E.* Les origines de la monnaie. Paris, 1897; Traité des monnaies grecques et romaines. Paris, 1902 след. 3 Vol.; *Марков А.* Древняя нумизматика. СПб., 1901. Т. I; *Трутовский В. К.* Нумизматика. М., 1909; *Придик Е. М.* Греческие и римские монеты. 1911. Берлинскую Академию наук предпринято издание *Sogrus nummorum* (1899 сл.) под редакцией известного специалиста Ф. Имхоф-Блумера (Imhoof-Blumer). См. также каталоги греческих монет, хранящихся в музеях; у нас труды П. О. Бурачкова, А. В. Орешникова и др.

точники об этом умалчивают. Монеты нередко дают нам портреты исторических деятелей. Так как они снабжены именами, а иногда и датами, то имеют большое значение и для хронологии. Иногда, благодаря лишь монетам, мы узнаем о существовании лиц и целых династий, о которых до нас не дошло никаких других сведений. Особенно это нужно сказать об эпохе так называемого эллинизма: по истории отдаленных эллинистических государств, например Бактрии, монеты — едва ли не единственный наш источник, из которого мы черпаем хотя некоторые отрывочные данные. Монеты, благодаря имеющимся на них изображениям, способствуют нашему знакомству с мифологией греков, а также с домашнею жизнью их, с одеждой, вооружением. Наконец, они знакомят и с состоянием искусства, так как они сами — отчасти произведение искусства.

4. Надписи ¹ и рукописные документы

Надписи стоят, так сказать, на рубеже между памятниками вещественными и собственно письменными; они составляют как бы переход от первых ко вторым.

Надписи начертывались на стенах зданий, на подножиях алтарей и статуй и вообще на различных предметах — треножниках, монетах, вазах, черепках (*ботраха*), на деревянных и металлических досках или табличках; но в громадном большинстве они вырезывались на камнях — на отесанных, преимущественно мраморных, стелах, причем если надписи были характера официального, то их выставляли обыкновенно в публичных местах, в акрополе, на площадях, в храмах и т. д.

¹ *Franz J.* Elemente epigraphices graecae. Berlin, 1840; *Reinach S.* Traité d'épigraphie grecque. Paris, 1885; *Chabert.* Histoire sommaire des études d'épigraphie grecque en Europe (RA. 1905—1906 и отдельно); *Larfeld W.* Griechische Epigraphik. Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft. München, 1914 / Hrsg. von Iw. v. Müller, 3. Aufl.; *его же.* Handbuch der griechischen Epigraphik. Leipzig, 1898 ff. 4 Bde.; *Wilhelm Ad.* Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien, 1909; *Новосадский Н. И.* Греческая эпиграфика. Ч. I. М., 1909; 1915 (2-е изд.).

В старину греки писали от правой руки к левой (как и финикийцы), и до нас дошло немало древних надписей, особенно однострочных, так написанных. Затем стали писать строчки поочередно — одну справа налево, другую, следующую, — в обратном порядке, слева направо. Это было как бы переходом к обычному писанию от левой руки к правой и называлось *βωοτροφῆδόν* (наподобие того, как пахут). Таким способом начертаны были, между прочим, законы Солона на аксонах. Система эта и вообще письмо от правой руки к левой не совсем вышли из употребления и впоследствии, после Клизфена, в V в. ¹ Одно время, особенно в V ст., да и в IV, очень употребительно было писание г. наз. *στοιχτηδόν*, когда буква следующей, нижней строчки чертилась как раз под соответствующей верхней буквой предыдущей строчки, так что буквы располагались рядами. Вообще система письма и форма букв ² служит одним из критериев, на основании которого можно определить время начертания надписи.

Размеры надписей — различные, от нескольких букв до нескольких десятков тысяч. Так, например, знаменитая Гортинская надпись состоит из 12 столбцов и содержит в себе до 17 000 букв, а одна дельфийская надпись II в. до Р. Х. имеет более 500 строк и 60 000 букв.

Значение и содержание надписей. Среди источников греческой истории надписи занимают чрезвычайно важное место и уже ввиду этого должны быть выделены в особую категорию. Для греческой истории они, говоря вообще, имеют то же значение, что для новой — архивные документы. Они составляют как бы каменный музей или архив Эллады, и в некоторых областях ее, например, в Аттике, каждый город, почти каждая деревушка имели свой подобного рода архив.

Содержание надписей — самое разнообразное. Они представляют собою государственные и частные договоры, законы,

¹ Как доказал это Ad. Wilhelm (Beiträge. S. 30).

² *Kirchhoff Ad.* Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets. Berlin, 1863 (4. Aufl. Gütersloh, 1887).

постановления народных собраний ¹, совета, отдельных общин, фратрий, гетерий, списки форося или дани, списки жрецов, архонтов и других должностных лиц, триэрахов, хорегов, павших в бою воинов, победителей на играх, эфебов; декреты в честь того или другого лица, о даровании права гражданства, о проксении, отпускные на волю грамоты; контракты, долговые обязательства, инвентари, описи и счета; посвящения и эпитафии, заклинания и проч., и проч. Таким образом, надписи обнимают государственную, религиозную и частную жизнь; дают сведения о внешних отношениях и политике греческих государств, о их внутреннем положении и организации, об их администрации, праве, суде, финансах, хозяйстве, численности населения и т. д., и притом — сведения документальные. Они дополняют или исправляют свидетельства древних авторов, сообщая нередко совершенно новые для нас факты. Надписи чужды той субъективности, которая отличает произведения историков, даже самых беспристрастных; по большей части они более или менее современны событию, которого касаются, и дошли до нас непосредственно, не подвергаясь искажению со стороны многочисленных переписчиков. Один специалист по изучению надписей говорит, что ему казалось, будто он снова приближается к грекам и римлянам всякий раз, когда он приближается к их мраморам. Нужно, однако, помнить, что, при всем своем значении, надписи не могут вполне заменить литературные источники, и без последних обойтись нельзя.

Недостатки надписей как источника. Как источник документальный и притом большею частью официальный, надписи о многом ничего не сообщают; да иногда и не могут сообщить по самому свойству эпиграфического материала. Одни надписи не знакомят нас с явлениями бытовыми, с духовным миром греков, с мировоззрением общества; они мало скажут нам о его стремлениях, взглядах, идеалах, о переменах в них, об умственном движении. Надписи, кроме того, лишены, так

¹ *Swoboda H.* Die griechische Volksbeschlüsse. Leipzig, 1890.

сказать, индивидуальности. В этом их и достоинство, и недостаток. В них не выступает пред нами личность, с ее особенностями, с ее темными и светлыми сторонами, с мотивами и страстями: в них говорит обыкновенно должностное лицо, безличный государственный орган. Самая форма и стиль надписей — шаблонны, стереотипны, не носят на себе индивидуальных черт. Наконец, не следует забывать, что даже и по отношению к источнику документальному, каковы надписи, необходима критика. Простой опыт повседневной жизни и примеры из истории других эпох и народов показывают нам, что не всегда документам можно верить безусловно: и к ним должна быть приложима критика в каждом отдельном случае. Надписи, например, о многом могут с намерением умалчивать, утаивать, сглаживать, стусевывать факты, представлять дело в несколько ином свете; они являются иногда официальной версией, мало соответствующей действительности. О насилиях и правонарушениях официальный акт ничего не скажет; он облетит все это, по возможности, в законные, приличные формы. Не говорю уже о постановлениях, например, в честь какого-либо лица: в таких случаях заслуги обыкновенно преувеличиваются.

Важнейшие надписи. К числу древнейших эпиграфических памятников² принадлежит надпись в Абу-Симбеле (в Нубии)³, начертанная греческими наемниками «царя Псамметиха»⁴ на колоссе, стоящем перед храмом; в ней перечисляются имена воинов, принимавших участие в экспедиции Псамметиха к

¹ См. верные замечания: *Meyer Ed.* Forschungen zur alten Geschichte. Halle, 1899. II. S. 422-423.

² Обзор важнейших надписей: *Newton Ch. Th.* Essay on Greek Inscriptions (франц. пер. в кн.: *Reinach S.* Traité d'épigraphie grecque. Paris, 1885, в начале; есть и немецкий перев.).

³ *Röhl H.* Inscriptiones Graecae antiquissimae. № 482; Corpus Inscriptionum Graecarum. III, № 5126; *Michel Ch.* Recueil d'inscriptions grecques. № 1315; о надписи в Абу-Симбеле: *Groh Fr.* // Listy filologické. 1900.

⁴ Псамметих I или II, — вопрос спорный: если I, то надпись относится приблизительно к половине VII в.; если II, то — к началу VI в. до Р. X.

Элефантине. Имеются также древние надписи греческих поселенцев в Навкратисе. Одна из интереснейших архаических надписей (приблизительно VI в.) — это союзный договор между двумя общинами — Элидой и Гереей I, найденный в Олимпии и начертанный на бронзовой табличке, — древнейший греческий документ этого рода; союз заключался на 100 лет, с обязательством быть заодно и в слове, и в деле, и помогать друг другу как в других случаях, так особенно в войне, а в случае нарушения этого — уплатить 1 талант «Зевсу Олимпийскому» в виде вознаграждения.

VI же веку принадлежит и знаменитая Гортинская надпись², впервые открытая в 1884 г. итальянским ученым Альбером, при содействии Фабрициуса, на стене развалившегося античного здания³, и представляющая целый кодекс гражданского права г. Гортины на острове Крите: она имеет громадное значение для знакомства с юридическими и социальными отношениями того времени, с правом семейным, порядком наследования, положением женщины, рабов и проч.

Из эпиграфических памятников малоазиатских греческих городов упомянем о Сигейской надписи⁴, на колонне с бюстом Фанодика, тирана Проконнеса, также одной из архаических

¹ CIG. I, 11; *Röhl H.* Inscriptiones Graecae antiquissimae. 110; *Michel Ch.* 1; ср.: *Scala R., v.* Die Staatsverträge des Altertums. Leipzig, 1898. I. № 27; франц. пер.: *Reinach S.* Traité... P. 14—15.

² Впервые опубликована: *Fabricius O.* // AM. 1884. IX.; *Compartent D.* // Museo italiano di antichità classica. 1885. I.; см. также: *Bücheler F., Zitelmann E.* Das Recht von Gortyn // RhM. 1885, 40 B. (Ergänzungsheft). Вообще имеется целый ряд изданий этой надписи; в особенности см.: Recueil des inscriptions juridiques grecques / Par R. Dareste, В. Haussoullier, Th. Reinach. 3-me fascic. 1893, где помещен текст, франц. перевод и комментарий; *Kohler U., Ziebarth E.* Das Stadtrecht von Gortyn... Göttingen, 1912; на русск. яз. Гортинская надпись переведена С. В. Мирошниковым. Гортинская правда // ЗРАО. Т. III. 1888.

³ Потом найдены были новые отрывки той же надписи.

⁴ CIG. 8; *Röhl H.* 492; *Michel Ch.* 1313.

(VI в.), вывезенной в Европу еще в XVIII ст. и содержащей посвящение (с угрозой Фанодика: «если я в чем потерплю обиду, то берегитесь меня, сигеяне!»), и об одной галикарнасской надписи I, которая, как некоторые полагают, имеет отношение к событиям, связанным с биографией Геродота²: это соглашение между жителями Галикарнасса и Лигдамидом, гарантирующее недвижимую собственность — дома и земли — за их владельцами, если в течение известного срока не будет возбуждена тяжба.

Но, конечно, особенно многочисленны и важны надписи аттические.

В надписях, содержащих постановления афинян, интересно самое вступление. Обычная его формула такова: «Совет и народ решил (ἔδοξε τῆ βουλῆ καὶ τῶ δήμῳ), в пританию такой-то филы, такой-то был секретарем (ἐγραμμάτευε), такой-то председательствовал (ἐπεστάτε), такой-то сказал (εἶπε)», т. е. внес предложение, и затем следует текст самого предложения. Иногда обозначается и имя архонта-эпонима (в самом начале или в середине вступления). Если к предложению сделана была поправка или добавление, то и они вносились в надпись, причем поименовывалось лицо, их внесшее. Таким образом, раз начало надписи не обломано и его можно разобрать, то мы в ней найдем данные и для ее хронологии.

К числу наиболее интересных аттических надписей, дошедших до нас, принадлежат постановления, заключающие в себе договоры Афин с городом Эрифрами (в Малой Азии) и с Халкидой (на Евбее). Оба они ярко освещают нам взаимные отношения Афин и их союзников, положение последних, политику первых. Притом можно сравнить эти два документа и на основании сравнения прийти к любопытным выводам о тех переменах, которые произошли в положении союзников в промежу-

¹ Ditt. Syll. I², № 10.

² См. однако примеч. 3 к надписи в изд. Диттенбергепа (Ditt. Syll. I², № 10) со ссылкой на ст.: *Rühl Fr.* Herodotisches // Philologie. 1882. XLI.

ток от 60-х до 40-х годов V в. Договор с Эрифрами¹ — памятник Кимоновой эпохи. Он касается установления совета в Эрифрах, докимасии его членов, требований, которым должны были удовлетворять кандидаты, выборов в совет; приводится текст клятвы, которую должны были давать его члены перед вступлением в должность, и обязательства по отношению к эрифрейскому народу, афинянам и союзникам и т. д. Договор с Халкидой² относится к Периклову времени, именно к тому моменту, когда восстание Евбеи было подавлено и с большею частью ее городов, по свидетельству Фукидида (I, 114), заключены были договоры. Одним из таких договоров и является рассматриваемая надпись, найденная в 1876 г. вделанную в южную стену акрополя. Афинский совет и дикасты дают клятву от имени афинского народа — не изгонять халкидян из Халкиды и не разрушать города; никого не подвергать ни атимии, ни изгнанию, ни заточению, ни казни, ни отобранию имущества без суда и без особого постановления афинского народа; не пускать решения на голоса без предварительного вызова, будет ли дело идти о целой общине или о частном лице; в случае прибытия халкидского посольства ввести его в совет и в народное собрание по возможности в течение 10 дней. Со своей стороны, халкидяне клянутся в верности афинскому народу (приводится самый текст клятвы). В надписи говорится также о том, как приводить к присяге, упоминается о заложниках, о чужеземцах, живущих в Халкиде, и их платежах, и, наконец, о процессах, причем по всем важнейшим делам допускалась апелляция в Афины «в гелиэю фесмофетов». Таким образом, надпись эта освещает нам не только взаимные отношения афинян и союзников, но и роль афинской гелиэи и совета.

Интересные подробности содержатся в постановлении касательно Мефоны 3. Из него мы, между прочим, узнаем,

¹ CIA. I, 9; Ditt. Syll. I², 8.

² CIA. IV, 27^a; Ditt. Syll. I², 17; *Michel Ch.* 70; франц. перев. этой надписи в ст. *Foucart P.* // RA. XXXVIII. 1877.

3 CIA. 1,40; Ditt. Syll. I², 33; *Michel Ch.* 74.

что меконцам дозволялось вывозить из Византия ежегодно известное количество хлеба; оказывается, что уже тогда, т. е. в начале Пелопоннесской войны, существовала должность «геллеспонтофилаков», на обязанности которых, как видно, лежало наблюдение за судами, проходившими с грузом через проливы, и что ниже Византия была таможня и там взималась пошлина, т. наз. «десятина», с торговых судов, пльвших из Понта и в Понт (подобно тому, как устроил это Алкивиад в 411 г.).

Чрезвычайно важный материал для характеристики Первого афинского союза и для знакомства с его организацией дают т. наз. списки дани афинских союзников¹ В них перечисляются города, платившие в Афины форос, с обозначением размера фороса, платимого каждым городом². Списки эти сохранились за целый ряд годов, начиная с 454 г. и до 420-го. Таким образом, на основании их мы можем составить себе точное понятие о числе и положении союзников, о том, как велика была сумма обложения и как она раскладывалась, каким колебаниям она подвергалась, как менялось положение того или другого союзного города и т. д. Словом, для истории Первого афинского союза надписи эти являются незаменимым, нашим главнейшим и притом документальным ИСТОЧНИКОМ. Что МОЖНО извлечь из него, это прекрасно показали У. Кёлер и Г. Бузольт³ своими исследованиями.

Сохранилась и надпись, содержащая постановление об организации Второго афинского союза⁴ «в архонтство Навсианника» (как отмечается в надписи), с именами (в конце) союзных

¹ CIA. I, 234 сл.

² Собственно говоря, это большею частью списки не самой дани (фороса), а лишь 1/60 доли ее, отчислявшейся в казну богини Афины; но, понятно, цифру фороса легко определить, помножив находящееся в списке число на 60.

³ *Köhler U.* Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes // ABAW. 1869; *Busolt C.* Der phoros der athenischen Bänder // Philologie. 1882. XLI. На русск. яз.: *Соколов Ф. Ф.* Замечания о списках дани союзников афинских / Труды II Археологического съезда. СПб., 1876; переизд. и в «Трудах» Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910.

⁴ CIA. II, 17; Ditt. Syll. I², 80; *Michel Ch.*, 86.

городов, вошедших в этот союз,— драгоценное документальное свидетельство, из которого МЫ узнаем, когда, на каких началах и условиях организовался Второй союз, чем он отличался от Первого, от чего члены нового союза хотели себя гарантировать, какие города составляли его и т. п.

Надпись об основании колонии Бреи I, относящаяся к Периклову времени, показывает нам, как устраивались тогда афинские поселения, какие обязательства возлагались на поселенцев и из каких имущественных классов эти поселенцы состояли.

Для знакомства с афинскими финансами, с основным характером финансового управления второй половины V в., очень характерна надпись, которая содержит постановление совета и народного собрания, состоявшееся по предложению Каллия²: здесь самым подробным образом определяется порядок уплаты долга «другим» (т. е. кроме Афины) «богам»,— долга, который должен быть вычислен «в точности»,— и полагается начало казне этих «других богов». Другое постановление, начертанное на оборотной стороне того же камня и состоявшееся, вероятно, вскоре после первого, касается казны богини Афины и, между прочим, устанавливает меры против поспешных или необдуманных заимствований и расходований из этой казны, которая для государства являлась как бы запасным фондом, откуда в случае нужды брались средства заимобразно, на известных условиях, с соблюдением сложных формальностей, как это видно из рассматриваемой надписи. Надписи эти свидетельствуют, в каком блестящем состоянии находились тогда афинские финансы (в предложении Каллия упоминается о том, что «Афине в акрополь внесено 3000 талантов аттической монетой, согласно постановлению»); мы видим далее, как излишек доходов не тратится легкомысленно, а идет на покрытие долга священной

¹ CIA. I, 31; Ditt. Syll. I², 19; *Michel Ch.*, 72.

² CIA. I, 32; Ditt. Syll. I², 21, *Michel Ch.*, 75. По вопросу о том, к какому времени относится это постановление (к 419/418 г. или к эпохе Перикла), мнения расходятся.

казне или на устройство верфей и укреплений; видим, какой порядок, строгая отчетность и гласность господствовали в финансовой администрации Афин в лучшую пору их демократии. До нас дошли и подробные инвентари предметов, принадлежавших Афине и «другим богам»¹; дошли и долговые записи, в которых в точности, «до последней драхмы и обола», вычислялась сумма долга государства священной казне, вместе с наросшими процентами².

Сохранились и отчеты об издержках — например, на военные надобности, на диобелию и феорикон и на постройки, с указанием источника, откуда брались средства, и стоимости материалов и работ. Имеется, между прочим, весьма точный и детальный отчет комиссии «эпистатов», «согласно постановлению народа», о состоянии работ по постройке Эрехтейона³, причем подробно перечисляется, что оказалось полуотделанным и что совершенно отделанным.

Обращают на себя внимание также и документы, касающиеся морского дела — так называемой триэрархии, снаряжения судов, многочисленные списки кораблей (преимущественно второй половины IV в.), нередко с обозначением их названий и с отметкой о том, в каком состоянии они находятся.

Иного рода интерес представляет надпись, касающаяся культа элевсинских богинь — Деметры и Персефоны⁴. Постановление это, выработанное комиссией *συγγραφεὶς* и принятое народным собранием, гласило, что афиняне и союзники должны приносить элевсинским богиням «начатки плодов земных» (при этом указывался минимум приношения); во время мистерий гieroфант и дадух должны были побуждать к этому присутствующих эллинов, а совет должен был объявить о состоявшемся ре-

¹ По поводу их — тонкие и весьма остроумные соображения: *Kirchhoff Ad.* Bemerkungen zu den Urkunden der Schatzmeister der anderen Götter // *ABAW.* 1864; *id.* Zur Geschichte des Athenescher Staatsschatzes im V. Jahrhundert // *Ibid.* 1876.

² CIA 1,273; Ditt. Syll. I2, 29; *Michel Ch.* 561.

³ CIA. 322; ср.: 324^a сл.; *Michel Ch.* 571-573.

⁴ CIA. IV, 27b; Ditt. Syll. I2. 20; *Michel Ch.* 71.

шении и «всем остальным греческим городам, каким сочтет возможным, но не приказывая, а только предлагая им посвящать богиням, если хотят, начатки жатвы, согласно обычаю и изречению из Дельф»...

Из аттических надписей я упомяну еще о двух — о договоре Афин с Аргосом, Мантиней и Элидой¹ 418 г., — документе, любопытном, между прочим, в том отношении, что есть возможность сравнить его текст с текстом, приводимым Фукидидом (V, 47), и о списке воинов Эрехфейской филы, павших в битвах «на Кипре, в Египте, в Финикии, у Галиэй, у Эгины, Мегары — в один и тот же год»² (459/458), во время той борьбы, которую вели афиняне в 50-х годах V в. одновременно с несколькими противниками. Последняя надпись блистательно подтверждает изложение Фукидида (I, 104 сл.), которого иначе, пожалуй, можно было бы тут заподозрить в преувеличении.

Возьмем теперь пример из другой области — из надписей греческих колоний в пределах нынешней России. Здесь мы имеем такой ценный документ, как, например, присяга херсонесских³ граждан (III в. до Р. Х.), пополняющая наши сведения о Херсонесе и имеющая значение и для греческих государственных древностей вообще. Но «перлом эпиграфических документов» Северного побережья Черного моря является знаменитый декрет города Ольвии в честь Протогена, относящийся, вероятно, к III в. до Р. Х.⁴. В этой обширной надписи⁵ подробно перечисляются заслуги Протогена, те его щедроты и благодеяния, которые он оказал городу, причем упоминаются обстоятельства,

¹ CIA. IV, 46b.

² CIA. 1,433; Ditt. Syll. I², 9; *Michel Ch.* 597.

³ *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889-1891 гг. // *МАР.* СПб., 1892 (тут и текст, и перевод, и комментарий); см.: *его же.* Pontica. СПб., 1909; ср.: Ditt. Syll. II², 461; *Michel Ch.* 1316.

⁴ *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии. СПб., 1887. С. 66 след.

⁵ *Он же.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. I, № 16 (ср.: *Addenda.* P. 220); Ditt. Syll. I², 226; *Michel Ch.* 337.

при которых они были оказаны. Декрет этот проливает яркий свет, с одной стороны, на богатство, благородную щедрость и патриотизм одного из ольвийских граждан, столько раз приходившего на помощь родному городу среди угрожавших ему внешних опасностей и в годину бедствий, а с другой — на то печальное положение, в каком находилась тогда уже Ольвия, на ее политическое бессилие, ее материальный упадок.

Замечателен «царский закон» об астиномах в Пергаме — эпохи эллинизма, — подробнейшим образом предписывающий, как содержать улицы в чистоте и порядке. Чрезвычайно интересны документы, касающиеся школьного дела. Таково, например, народное постановление в г. Теосе, в Малой Азии, по поводу пожертвования одного гражданина (III в. до Р. Х.)². Чтобы все свободные дети воспитывались согласно заявленной воле жертвователя, — гласит надпись, — постановлено: каждый год при выборе властей в народном собрании избирать трех учителей грамоты, которые будут обучать мальчиков и девочек совместно. Далее упоминается о жаловании учителям, о делении учащихся на классы или разряды, публичных экзаменах, о наблюдателях в лице педонома и гимназиарха, особых о них законах и т. п. Другая надпись (конца III в. до Р. Х.), недавно найденная в Милете, касается пожертвования, которое сделал некий Евдем от имени своего и своих братьев на образование «свободных мальчиков»³. В ней особенно интересны постановления, касающиеся учителей, и «надлежащего порядка» приема пожертвования, хранения его и расходования сумм: мы узнаем, что в Милете существовал народный, или общественный, банк, в который и должен был быть передан жертвуемый капитал и там записан в счет города под особой рубрикой.

¹ *Protz H. v.; Kolbe W.* Die 1900-1901 in Pergamon gefundenen Inschriften // AM. 1902. XXVII.

² Ditt. Syll. II², 523; *Michel Ch.* 498.

³ Изд.: *Ziebarth E.* Aus dem griechischen Schulwesen. Leipzig; Berlin, 1914 (2. Aufl.); на русск. яз.: *Варнеке Б.В.* Жизнь школы 2100 лет тому назад // РШК. 1911. Март; *Бузескул В. П.* Школьное дело у древних греков по новым данным // ВЕ. 1911. Апр.; ср. мою книгу: *Бузескул В. П.* Античность и современность. СПб., 1914 [2-е изд.]. С. 147 след.

Минюя остальные категории эпиграфических памятников — декреты фратрий (например, дельфийских Лабиадов), многочисленные надгробия, надписи посвятительные или касающиеся чудесных исцелений, проксенов, отпущения рабов на волю, торговые договоры, контракты и т. д., — я в заключение этого обзора упомяну еще о двух надписях, представляющих интерес в историческом отношении и по своему содержанию и характеру относящихся отчасти к литературным произведениям. Это, во-первых, «Паросский мрамор»¹ (III в. до Р. Х.), приобретенный еще в XVII в. агентом лорда Арунделя и хранящийся теперь в Оксфорде. Он содержит краткую хронику событий, начиная от Кекропа, и важен для хронологии. До нас «Паросская хроника» целиком не дошла; на мраморе Арунделя текст обрывался 355/354 г.; но в конце прошлого столетия найден новый обломок этой надписи², обнимающий 336—329 годы. Вторая надпись — недавно найденная замечательная храмовая хроника города Линдоса³ на о. Родосе: в силу народного постановления, относящегося к 99 г. до Р. Х., она обнаруживает сведения, почерпнутые из актов и иных источников, о священных приношениях и о явлениях богини Афины Линдии, — перечисляет и описывает священные дары и приводит разнообразные свидетельства. Надпись эта имеет большое значение для родосских историографии, источниковедения и истории литературы.

Само собою разумеется, что этим не исчерпывается число важных для историка эпиграфических памятников. Я привел лишь несколько примеров, чтобы дать хотя некоторое понятие о надписях и их значении, как исторического источника.

Эпиграфика. Много надписей погибло безвозвратно; немало их хранится под грудой мусора или в стенах зданий, так как камни, на

¹ *Müller K.* Fragmenta Historicorum Grascorum. 1,535 ff; CIG. II, 2374; *Jacoby F.* Das Marmor Parium. Berlin, 1904.

² Русский перевод этого нового отрывка см.: *Жебелев С. А.* Археологическая хроника // ФОб. 1897. XIII.

³ *Blinkenberg Ch.* La chronique du Temple Lindien (Exploration archéologique de Rhodes [Fondation Carlsberg] VI). Copenhagen, 1912; ср. С. А. Явления Афины Линдийской // ЗНеоФ. 1914. VIII.

которых они начертаны, в течение многих поколений употреблялись, а иногда и теперь еще употребляются в качестве строительного материала, и некоторые из дошедших до нас надписей найдены вделанными в стены церквей, домов и других построек. Большинство найдено на поверхности земли или благодаря раскопкам. Часто они представляют лишь обломки; многие буквы и даже целые строки нередко стерты или их трудно разобрать. Таким образом, найденную надпись прежде всего необходимо правильно прочесть и восстановить ее текст, что является делом нелегким; здесь необходима большая опытность, знание палеографии¹ и языка² надписей, их стиля, их обычных формул; нужен подчас даже особый дар дивинации. Затем надпись надо надлежащим образом объяснить — определить ее дату, поставить в связь с другими свидетельствами и известными нам фактами, истолковать ее содержание, извлечь из разбираемого эпиграфического материала все, какие только можно, данные. Все это составляет задачу эпиграфики, развившейся особенно за последние пятьдесят лет.

Сборники надписей. Надписями интересовались еще в эпоху гуманизма (например, Кириак из Анконы в XV в.). Настоящим же основателем эпиграфики в XIX в. явился Август Бёк (Böckh), автор известного труда о государственном хозяйстве афинян («Die Staatshaushaltung der Athener»), основанного преимущественно на эпиграфическом материале: им начато издание знаменитого собрания греческих надписей — «Corpus inscriptionum graecarum»³, — предпринятое по поручению и на счет Берлинской Академии наук. Все собрание состоит из 4 томов, из которых первые 2 редактированы самим Бёком (I т.

¹ *Gardthausen V.* Griechische Paläographie. 2. Aufl. Leipzig, 1911—1913. 2 Bd.; *Thompson J. L.* Introduction to the Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912; о новом изд. *Gardthausen'a* см. рец. Е. Е. Кагарова // ЗХУ. 1913. Кн. 4.

² По грамматике надписей: *Meisterhans C.* Grammatik der attischen Inschriften. 3. Aufl. Berlin, 1900.

³ Цитируется обыкновенно так: С. I. G. или CIG.

вышел в 1825—1828 гг., II т. — в 1843), III том — И. Францем (1853), и IV — Э. Курциусом и А. Кирхгофом (1856—1859), на основании собранного Бёком материала; индекс ко всему собранию составлен Г. Рёлем и появился лишь в 1877 г. В основу положен географический принцип: надписи расположены по областям, и их текст сопровождается подробным комментарием. Так положено было начало первому обширному и научному собранию греческих надписей.

Ввиду того что число известных нам аттических надписей все увеличивалось и достигло огромного количества, Берлинской Академией наук в 70-х годах истекшего века предпринято было издание другого, не менее капитального собрания — «Corpus inscriptionum atticarum», в 4 т. I: I т. (1873), под редакцией А. Кирхгофа, содержит надписи до архонтства Евклида, т. е. до 403 г. до Р. X.; II (1877—1888), под редакцией У. Кёлера, — до времен Августа; III (1877—1882), редактированный В. Диттенбергером, включает в себе аттические надписи времен римской империи, а в IV (1877—1895), обработанном Кирхгофом и Кёлером, находятся дополнения (Supplementa) к первым двум томам².

¹ Обыкновенно цитировалось: С. I. A. или CIA; IV том содержал Supplementa. Но в 1903 Берлинская Академия наук ввела новую нумерацию томов своих многочисленных Corpora — изданий надписей, начиная с аттических, — под общим заглавием Inscriptiones Graecae. По новой нумерации С. I. A. — в 3 томах: т. I—III — надписи аттические; IV — Арголиты; V — Аркадии, Лаконии и Мессении; VI — Элиды и Ахайи; VII — Мегариды и Беотии; VIII — Дельф (изд. Французской академией); IX — Северной Греции; X — Эпира, Македонии, Фракии и Скифии; XI — Делоса (изд. Французской академией); XII — островов Эгейского моря (кроме Делоса); XIII — Крита, XIV — Сицилии и Италии; XV — Кипра.

² Вышел еще, кроме того, Appendix (1897), под ред. *Wünsch R.*, содержащий «Defixionum tabellae Atticae», таблички с заговорами и заклинаниями; дополнения см.: *Audollent.* Defixionum tabellae... P., 1904, а поправки — *Wilhelm Ad.* Jahreshfte des Osterreichischen Instituts. 1904. VII. Inscript, atticae выходят теперь в ed. minor под ред. *Kirchner a.* (fasc. 1913).

Два эти сборника — «Corpus inscriptionum graecarum» и в особенности — «Corpus inscriptionum atticarum» — самые важные и необходимые для историка.

В настоящее время имеется, кроме того, целый ряд других собраний и изданий надписей, например, северной Греции, — в частности Фессалии, — Пелопоннеса и соседних островов, островов Эгейского моря, Сицилии и Италии, Македонии, Северного побережья Черного моря (изданы русским ученым — В. В. Латышевым) ¹, Кавказа (изд. И. В. Помяловским, СПб., 1881), Малой Азии, Египта, Сирии, греческого Востока, надписей, касающихся «римских дел» ², отдельных городов и островов, например Олимпии, Эпидавра, Пергама, Крита, Феры, Сард и т. д., и т. д. Существуют также особые сборники надписей древнейших ³, диалектических ⁴, юридических ⁵,

¹ Inscriptiones antiquae; orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Ed. V. Latyshev. СПб., 1885-1901. I-II, IV (изд. по поруч. ИРАО); *его же*. «Дополнения и поправки» к этому собранию // ЗИРАО; Известия Императорской Археологической комиссии и проч. В тех же «Известиях» публикации «Боспорских надписей» В. В. Шкорпила. См. еще: *Studia Pontica*. III. *Anderson J. C. C., Cumont F., Grégoire*. Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie. Bruxelles, 1910 ff.

² Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, изд. Франц. акад. надписей, под ред. René Cagnat (Paris, 1904).

³ *Röhl H.* Inscriptiones Graecae antiquissimae. Berlin, 1882 (изд. Берлин. Акад.; нов. изд. — 1901); *его же*. Imagines inscriptionum Graecarum antiquissimarum. Berlin, 1907 (3. Aufl.) — facsimile древнейших надписей.

⁴ Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften / Hrsg. v. H. Collitz, bearb. v. Baunack, Bechtel usw. Göttingen, 1888 ff. (неск. частей); здесь, между прочим, и дельфийские надписи, надписи Родоса и др.; *Solmsen F.* Inscriptiones graecae ad illustrandas dialectos selectae. Leipzig, 1910 (3. Aufl.).

⁵ Recueil des inscriptions juridiques grecques. Texte, traduction, commentaire, par O. Dareste, V. Haussoullier, Th. Reinach. Paris, 1891 — 1894. С 1898 г. издается новая серия их (Deuxième série).

сакральных, метрических; надписей на черепках ¹ и проч. ².

При обилии собраний, большую часть обширных и мало доступных по цене, естественно, явилась потребность в таком издании, в котором собраны были бы лишь наиболее важные и интересные в историческом отношении надписи. Этой потребности удовлетворяют сборники: Hicks E. L. Manual of Greek Historical Inscriptions (нов. изд. при участии Хилла — 1901), в особенности же — Dittenberger W. Sylloge inscriptionum graecarum (2. Aufl. Leipzig, 1898-1901, 3 Bde.) ³ и Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques (Bruxelles, 1897—1900. Suppl. Paris, 1912 сл.). Сборники Диттенбергера и Мишеля во многих случаях могут заменить такие слишком обширные и дорого стоящие собрания, как «Corpus inscriptionum graecarum» А. Бёка и «Corpus inscriptionum atticarum», и даже имеют то преимущество, что они новее, а потому в некоторых отношениях полнее и исправнее. Есть и небольшие, недорогие издания надписей, приспособленные к потребностям школы ⁴.

¹ *Wilcken Ulr.* Griechische Ostraka aus ^Egypten und Nubien. Leipzig; Berlin, 1899. 2 Bde.

² Вновь открываемые надписи публикуются обыкновенно в таких периодических изданиях, как: «Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts», «Bulletin de correspondance hellénique», «Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus (Esterreich-Ungarn)» и заменившие их (с 1898 г.) «Jahreshefte des (Esterreichischen Archäologischen Instituts in Wien», *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική* и др. С 1913 г. выходит «Revue épigraphique», редактируемый Ad. Reinach'ом (новая серия).

³ Продолжением этого сборника служат «Надписи греческого Востока» (Orientis graeci inscriptiones selectae) того же Диттенбергера.

⁴ Например: *Laudien B.* Griechische Inschriften als Illustrationen zu den Schulschriftstellern. Berlin, 1912; в коллекции «Tabulae in usum scholarum», издаваемой H. Lietzmann'ом; *Kern O.* Inscriptiones Graecae. Bonn, 1913, и в коллекции «Kleine Texte für Vorlesungen und Uebungen» (изд. тем же Lietzmann'ом); *Nachmannson Aug.* Historische Attische Inschriften. Bonn, 1913, *его же*. Historische griechische Inschriften bis auf Alexander den

Явилась надобность и в точной регистрации обширного эпиграфического материала, всех доселе известных надписей, как собранных в разных, названных выше, коллекциях, так и рассеянных в многочисленных периодических изданиях. Такую регистрацию мы найдем в труде Larfeld W. Handbuch der griechischen Epigraphik (Leipzig, 1898 ff. 4 Bde). Иного рода регистрацию дает труд Kirchner J. Prosopographia Attica (Berlin, 1901—1903. 2 Bde.): аттические надписи содержат массу имен граждан, как должностных, так и частных лиц, и вот у И. Кирхнера собраны в алфавитном порядке имена всех граждан Аттики и получивших право гражданства иностранцев, насколько они известны по надписям и монетам или из литературных произведений, с краткими сведениями — если только они имеются — о каждом лице ¹.

Рукописные документы. Кроме «каменного архива» надписей, существовали в Греции и рукописные документы. Различные государственные акты, первоначальные проекты, оригиналы законов и псефизм, с которых вырезывались надписи, протоколы заседаний совета и народных собраний и т. п., хранились, например, в Метрооне, этом государственном архиве Афин. Но подобного рода рукописные документы непосредственно до нас не дошли: отрывки из них сохранились в речах ораторов ², часто их цитирующих, и в передаче и цитатах историков, притом иногда из вторых и третьих рук.

Grossen; *Bleekmann F.* Griechische Inschriften zur griechischen Staatenkunde. Имеется также и небольшой сборник избранных надписей с переводом их на нем. яз.: *Janell W.* Ausgewählte Inschriften. Berlin, 1906; *Ehler J.* Epigraphische Beiträge zur Geschichte der Bildung im klassischen Altertum. Wien, 1909; *Cardihausen W.* Wiedergefundene Originale historischer Inschriften des Altertums // NJb. XXXIII. 1914.

¹ *Sundwall J.* Nachträge zur Prosopographia Attica. Helsingfors, 1910; *Poralla P.* Prosopographia der Lakedaimonier... Breslau, 1913.

² Вопрос о подлинности документов, цитируемых ораторами, решавшийся некогда в отрицательном смысле, теперь решается в более положительном.

Папирусы. Зато в Египте сохранилось много папирусов, в том числе и греческих ¹. Имеются целые коллекции; например, коллекция эрцгерцога Райнера в Вене; папирусы Флиндерса Петри, хранящиеся в Дублине; папирусы из Оксиринха, из Тебтуниса и многие другие, хранящиеся в Оксфорде, Лондоне, Берлине, Лейпциге, Страсбурге, Мюнхене, Париже, Женеве, Москве и т. д. Многие из этих папирусов содержат самый разнообразный документальный материал — преимущественно из времен Птолемея, например: счета, квитанции, завещания, контракты, письма, приказы, донесения, прошения, иски, жалобы, судебные приговоры и т. п., так что благодаря этому материалу мы во всех подробностях знакомимся с государственным правом и устройством, администрацией, податной системой (интересен, например, податный устав Птолемея Филадельфа, 259—258 г. до Р. Х.), хозяйством и вообще внутренним положением страны фараонов в Александрийскую эпоху.

5. Литературные произведения

Значение литературных произведений как исторического источника. Как ни важны для современного историка Греции вещественные памятники и надписи, все же главным источником для него являются памятники литературные ², — конечно, в самом

¹ О папирусах подробности во 2-й части «Введения»; там и библиография.

² Произведения греческих авторов собраны в коллекции А. F. Didot (Scriptorum Graecorum Bibliotheca. Paris), латин. пер. и В. G. Teubner: Bibliotheca Teubneriana. Leipzig; нем. перев. в коллекциях *Oslander Ch. N.*, *Schwab O.* Griechische Prosaiker и Griechische Dichter. Stuttgart; *Reclam* и др. Справочное пособие: *Engelmann W.* Bibliotheca Scriptorum classicorum. 8. Aufl. Leipzig, 1880. I (подробный указатель изданий и литературы предмета, начиная с 1700 г.); продолжение: *Klussmann R.* (до 1896 г.), I. Leipzig, 1909. Указание на русск. пер. см.: *Прозоров П. И.* Систематический указатель книг и статей по греческой филологии. СПб., 1898. Лучшее новейшее пособие по истории греческой литературы: *Christ W.* Geschichte der griechischen Literatur. 6. Aufl. / Bearbeitet v. W. Schmid. München, 1912 (собр. Iw. v. Müller. Handbuch der klassischen

широком смысле этого слова, т. е. разумея не только произведения поэтические, но и философские, исторические и проч. Они дают нам самый богатый и разнообразный материал. В литературе «народ, в течение веков, последовательно выражает свои понятия и убеждения, радости и печали, верования и надежды и вообще все душевные интересы своей нравственной жизни» (Ф. И. Буслаев), и ничто, никакая надпись не познакомит нас так с настроением, идеалами, запросами эпохи, как произведения литературные. По справедливому замечанию Тэна, литературное произведение — не простая игра воображения или изолированный каприз пылкой головы; это — снимок окружающих нравов и признак известного состояния умов. Помощью литературных памятников можно воскресить мировоззрение, каким руководились люди, жившие несколько столетий тому назад. Не говорю уже о фактических сведениях, содержащихся в литературных произведениях, в особенности исторических.

Гомеровский эпос. Знакомством с т. наз. гомеровской эпохой и ее бытом мы обязаны произведениям поэтическим — «Илиаде» и «Одиссее»¹. Но для правильной оценки эпоса

Altertumswissenschaft); краткий, но блестящий очерк: *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* в многотомной «Die Kultur der Gegenwart». Berlin; Leipzig: P. Pinnenberg. 1912.3. Aufl.; *Schwartz Ed.* Charakterköpfe aus der antiken Literatur. Bd. f—II. Leipzig, 1910; на франц. яз.: *Croiset A. et M.* Paris, 1887—1899.5 Vol.; их же более краткая «История греческой литературы», в одном томе, имеющаяся в русск. пер.: СПб., 1912; на англ.: *Mahaffy J. P.* (есть рус. пер.: «История классического периода греческой литературы». М., 1882—1883. *B2m.*); *Jebb R. C.* (русск. пер. М., 1891); Коган Я. Очерки по истории древней литературы. М., 1907, 1; Денисов Я. А. Значение истории греческой литературы. Харьков, 1913. Из монографий см.: *Bruns I.* Das literarische Porträt der Griechen. Berlin, 1896; *Misch C.* Geschichte der Autobiographie. Leipzig; Berlin, 1907; «Историю греческой литературы» на чешском языке написал *Sládek* (1898). Библиографию по греческой литературе см.: *Masqueray P.* Bibliographie pratique de la littérature grecque des origines à la fin de la période romain. Paris, 1914.

См.: *Джебб P.* Введение в Илиаду и Одиссею. Пер. с англ. СПб., 1892; *Buchholz E.* Die Homerischen Realien. Leipzig, 1871—1885.3 Bd.; *Heibig W.* Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. 2. Aufl. Leipzig, 1887;

как исторического источника и для надлежащего пользования им необходимо иметь в виду, как возник этот эпос¹.

Fanta A. Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882; *Reichel W.* Über Homerische Waffen. Wien, 1894; *Nägehbach K. F.* Homerische Theologie. 3. Aufl. Nürnberg, 1884; *Hedén E.* Homerische Götterstudien. Uppsala, 1912; *Drerup E.* Homer. Die Anfänge der Hellenistischen Kultur. München, 1903 (нов. изд. на ит. яз.: Bergamo, 1910); *Finsler C.* Homer. Berlin; Leipzig, 1908 (2. Aufl. 1914); *его же.* Homer in der Neuzeit. Leipzig; Berlin, 1912; *Beizner E.* Homerische Probleme. Leipzig; Berlin, 1911—1912.2 Teile; *Seymour T. D.* Life in the Homeric Age. London, 1907; *Lang A.* Homer and his Age. London, 1906; *его же.* The World of Homer. London, 1910; *Chadwick H. M.* The Heroic Age. Cambridge, 1912; *Петрушевский Д. М.* Общество и государство у Гомера. М., 1913 (2-е изд.); а из общих трудов по истории Греции следует отметить «Griechische Alterthümer» Шемана, где имеется превосходный очерк гомеровской эпохи. Напомним, что на русском языке, кроме Гнедича, есть новый перевод «Илиады» Н. М. Минского (М., 1896), а «Одиссея» переведена Жуковским. «Поэмы Гомера» впер. Н. И. Гнедича (несколько подновленном) и В. А. Жуковского, со вступительной статьей Вяч. Иванова, в коллекции «Европейские классики» (1912). Есть иллюстрированное издание «Одиссеи» в пер. В. А. Жуковского, с картинами Преллера. [Гомер. Одиссея. Поэма в 24 песнях. Пер. с древнегреческого В. А. Жуковского с 6 оригинальными композициями Фр. Преллера. СПб., 1913; Гомер. Одиссея. Поэма в 24 песнях. Пер. В. А. Жуковского. С рисунками в тексте и 16 отдельными картинами Ф. Преллера. Предисловие Ф. Ф. Зелинского. СПб. [Б. г.]; *Inama V.* Omero nell'eta micenea. Milano, 1913.

¹ Важнейшие труды по этому вопросу: *Wolf Fr. A.* Prolegomena ad Homerum [Prolegomena ad Homerum sive de operum homericorum prisca et geniuna forma variisque mutationibus et probabili ratione emendandi]. Halle, 1795; новое изд.: Halle, 1859; 1884; *Lachmann K.* Betrachtungen über Homers Ilias. Berlin, 1847; *Hermann G.* De interpolationibus Homeri. Leipzig, 1832; *Nitzsch G. W.* Meletemata de historia Homeri. 1830; Sagenpoesie der Griechen. Braunschweig, 1852; Beiträge zur epischen Poesie der Griechen. Leipzig, 1862; *Grote G.* History of Greece. Т. II [12 vol. London, 1846—1857]; *Kirchhoff Ad.* в издании «Одиссеи». 2. Aufl. Berlin, 1879; *Niese B.* Die Entwicklung der homerischen Poesie. Berlin, 1882; *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Homerische Untersuchungen // Philologische Untersuchungen. Berlin, 1881. Bd. VII; *Erhardt F.* Die Entstehung der

«Гомеровский вопрос» поднят в конце XVIII ст. немецким ученым Фр. Авг. Вольфом, который, указывая на противоречия, встречающиеся в поэмах, и отвергая существование письменности у греков во время Гомера, доказывал, что древние песни о Троянской войне передавались от поколения к поколению устно, хранились в памяти певцов, и что впервые они были записаны, собраны и приведены в порядок лишь позднейшими редакторами при Писистрате. Последователем Вольфа и крайним представителем «теории песен» («Liedertheorie») был К. Лахман; с особенной яркостью выставлял он противоречия и недостаток связи в «Илиаде» и полагал, что «Илиада» — конгломерат первоначально отдельных, совершенно самостоятельных песен. Против «вольфианцев» выступили «унитарии» (например, Г. В. Нитч), отстаивавшие единство плана и основной темы поэм, принадлежность их Гомеру и существование письменности у греков в те времена, а противоречия и недостаток связи, на которые указывали последователи Вольфа, нередко объяснялись интерполяциями, благодаря которым первичные «Илиада» и «Одиссея», поэмы небольшого объема, могли постепенно разрастись (Г. Герман). Английский историк Дж. Грот занял как бы среднее положение между обоими лагерями: ввиду явных признаков связи и единства в гомеровских поэмах, он не мог допустить, чтобы подобные про-

homerischen Gedichte. Leipzig, 1894; Terret *L.-V. abbé*. Homère. Etude historique et critique. Paris, 1899; *Bréal M.* Pour mieux connaître Homère. Paris, 1906; *Murray G.* The Rise of the Greek Epic. Oxford, 1911. 2 ed.; *Cauer P.* Grundfragen der Homerkritik. Leipzig, 1909 (2. Aufl.); упомянутая монография Finsler'a; *Müller D.* Die Ilias und ihre Quellen. Berlin, 1910; *Rothe K.* Die Ilias als Dichtung. Paderborn, 1910; *его же*. Der augenblickliche Stand der homerischen Frage. Berlin, 1912; *его же*. Die Odyssee als Dichtung und ihr Verhältnis zur Ilias. Paderborn, 1913; *Bethe*. Die Einheit unsener Ilias // NJb. XXXII. 1914. На русск. яз.: *Соколов Ф. Ф.* Гомеровский вопрос // ЖМНП. 1868 и в его «Трудах» (СПб., 1909); *Шестakov С. П.* О происхождении поэм Гомера. В 2 т. Казань, 1892—1900; *Зелинский Ф. Ф.* Старые и новые пути в гомеровском вопросе // ЖМНП. 1900. Май; *его же*. Закон хронологической несовместимости и композиция «Илиады» / *Χαριστήρια*. Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша. М., 1896.

изведения возникли из отдельных атомов, — из песен, первоначально ничего общего между собою не имевших; и он отстаивал в общем единство «Одиссеи», но в «Илиаде» различал две главные составные части — первоначальную поэму «Ахиллеиду» (песни I, VIII, XI—XXII) и присоединенную к ней собственно «Илиаду» (песни II—VII); песни же IX и XXIII—XXIV считал позднейшими вставками или добавлениями. Не буду касаться других теорий по «гомеровскому вопросу»¹. Отмечу только еще мнение, по которому поэмы эти — продукт не индивидуального, единоличного творчества, а творчества народного: это — эпос народный, подобно «Нибелунгам» или финской «Калевале»; он сложился постепенно и создателем его может считаться весь греческий народ (Ф. Эрхардт).

Вообще же крайности в воззрениях обоих лагерей, вольфианцев и их противников, унитариев, с течением времени значительно сгладились и с обеих сторон сделаны большие уступки. Оказалось, что в гомеровских поэмах есть известное единство плана и темы и в то же время — отступления и противоречия; есть общие рамки, но в пределах их более или менее самостоятельное развитие отдельных частей и эпизодов. Одна из главных опор Вольфовой теории — отсутствие будто бы письма в гомеровскую эпоху — пала: доказана сравнительная древность греческого письма; существование его в начале VIII в. засвидетельствовано надписями. Можно сказать, что в последние годы преобладает теория единства: если не «Одиссея», то «Илиада» считается произведением одного великого поэта, Гомера, и Гомер признается не фикцией, не каким-либо коллективным именем, а реальной, исторической личностью. Таким образом, мы как будто возвращаемся к положению, существовавшему до Вольфа.

¹ Между новейшими оригинальными гипотезами обращают на себя внимание мнения: *Bérard V.* Les Phéniciens et l'Odyssee. 2 Vol., по которому описание странствований Одиссея есть перевод, переложенный в стихи, с финикийского Перипла; *Butler S.* The authoress of the Odyssey. L., 1897, где доказывается, что «Одиссея» есть произведение женщины и что в ней описывается плавание вокруг Сицилии.

Но как бы ни решался вопрос собственно о Гомере, для нас в данном случае важно то, что с точки зрения современной теории, если и допускать здесь в конце концов участие и всю важность роли единоличного, индивидуального творчества певца или поэта вроде Гомера, все-таки оказывается несомненным, что гомеровский эпос имеет в своей основе, как материал, народные сказания и песни, петье певцами-аэдами, и в этом смысле является продуктом долгого, многовекового последовательного развития. Поэтому в нем отразились черты не одной какой-либо тесно ограниченной эпохи; перед нами тут воззрения не одного какого-нибудь поколения. «Илиада» несколько древнее «Одиссеи»: первую в главных ее частях можно отнести к IX—VIII вв. до Р. Х., вторую — к VIII—VII вв. К сравнительно новым частям принадлежат «Каталог кораблей» в «Илиаде» и первые песни («Телемахия») в «Одиссее». Вообще же в той и другой обнаруживается несколько наслоений, есть элементы более древние и более новые. Такие черты, например, и подробности, как упоминание о храме, о статуе, о талантах золота; указания на вред многовластия, на могущество знати, зарождающуюся оппозицию демоса; карикатурное изображение Ферсита, — все это характеризует уже сравнительно позднюю эпоху. Эпос воспеваает деяния давно минувшего времени, подвиги и приключения прежнего поколения — поколения героев, которых он отличает от людей, ему современных, более слабых и мелких; он различает прошедшее и настоящее; традиция и условный, «конвенционный» элемент в нем сильны; в нем отразились воспоминания о микенской эпохе и затем о колонизации эолян. Но с чертами более древнего времени невольно смешиваются и черты более нового: окружающая действительность не могла не оказать влияния, не могла не отразиться в эпосе, и он воспроизводит преимущественно ее черты, дает картину греческой жизни и быта за X—VIII вв. до Р. Х., т. е. в течение периода, который теперь некоторые историки склонны называть «греческим средневековьем».

Гесиод. Немалое значение для историка имеет и эпос Гесиода (приблизительно за VII в. до Р. Х.). Его «Феогония»¹,

¹ Некоторые отвергают принадлежность ее Гесиоду.

попытка привести в систему греческий пантеон, — важна для знакомства с мифологией и космогонией греков, а «Труды и дни» («*Εργα και ημέραι*»)¹ интересны не только, как нравоучительная поэма, как кодекс нравственных правил: здесь изображается реальная жизнь с ее трудами и заботами; по этой поэме мы знакомимся с положением сельского класса лет за 700 до Р. Х., с первыми зачатками последующей социальной и политической борьбы, с признаками зарождающейся оппозиции и недовольства.

Лирика. Такие лирики конца VII и VI в., как Солон, Феогнид², Алкей³, освещают нам дальнейшую борьбу общественных классов в Греции в эпоху тирании и возникновения демократии. Их произведения — элегии и песни, — из которых сохранились далеко не все и притом нередко лишь в отрывках⁴, имеют политический характер и касаются современных им событий. Стихотворения Солона — наш главный, наиболее достоверный источник для знакомства с личностью великого законодателя Афин, его программой, его воззрениями и стремлениями, с отношением к нему партий и т. п. Феогнид раскрывает истинный характер той ожесточенной борьбы партий, которая происходила в Мегаре. А лирик Тиртей — древнейший наш свидетель касательно Спарты. Знаменитые лирики V века — Симонид, воспевавший победителей при Марафоне, Саламине и Платеях, автор известной «эпиграммы» (в древнегреческом смысле слова) в честь

¹ Русск. пер. Г. К. Властова (СПб!, 1885).

² *Hudson-Williams T.* The elegies of Theognis and other elegies included in the Theognidean sylloge. London, 1910; *Wendorff F.* Die aristokratischen Sprecher der Theognis-Sammlung. Göttingen, 1909.

³ Алкей и Сафо — в русск. пер. Вяч. Иванова. М., 1914 (в серии «Памятники мировой литературы»).

⁴ *Bergk Th.* Poëtae lyrici graeci. Leipzig, 1878. 3 Teile; *Poëtarum Graecorum Fragmenta* / Ed. U. v. Wilamowitz-Möllendorff. Стихотворения Солона имеются в нем. пер.: *Peppmüller R.* Stralsund, 1904; *Wdamowitz-Möllendorff U. v.* Sappho und Simonides. Berlin, 1913; *Семенов А. Ф.* Греческий лирик Симонид Кеосский и сохранившиеся отрывки его поэзии // ИНИФИ-XXVII-XXIX. 1912-1914.

павших при Фермопилах, Пиндар и Бакхилид, оды и баллады которого недавно открыты 1,— лучшие свидетели и выразители того высокого, приподнятого настроения, того подъема духа, которые обнаружались в Греции после торжества над персами, не говоря уже об указаниях и намеках на исторические лица и события или на предания и мифы, встречающиеся в произведениях этих поэтов.

Трагики. Произведения трагиков 2 — целая сокровищница по части греческой мифологии и легендарной истории. Но, кроме воспроизведения мифов и сказаний, нередко в различных версиях, в них найдем мы богатый материал для характеристики общего миросозерцания греков, их идеалов, в особенности их этических воззрений 3. Но от воззрений народа, от народной этики нужно отличать, конечно, элемент индивидуальный, что принадлежит собственно поэту, составляет его личное воззрение,— и то, что он влагает в уста выводимым им действующим лицам как слова и мысли, свойственные их положению, характеру или роли в драме.

Нечего и говорить, что трагики являются яркими представителями своей эпохи 4: Эсхил (524—456) — поры только что пережитой победоносной борьбы с персами и времени Кимона, Софокл (496—406) — «Периклова века», Еврипид (ок. 480—406) — эпохи умственного перелома и своего рода разлада, сомнений, столкновения веры и разума, развития рационализма и скептицизма, эпохи господства крайней демократии. Их произведе-

¹ Впервые изд.: *Kenyon F.* 1897; *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Bakchylides. Berlin, 1898; ст. Ф. Ф. Зелинского в т. его «Идеи и жизнь».

² Прекрасные комментарии и переводы (на нем. яз.) предлагает *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* (например, Еврипидова «Геракла»); популярное изд.: «Griechische Tragödien» в его переводе. Berlin, 1899 ff.

³ *Деревицкий А. И.* Из истории греческой этики // ВиР. Харьков, 1886.

⁴ См., например: *Варнеке Б. В.* Политическая роль античного театра // ФЗ. 1905; *Мищенко Ф. Г.* Отношение трагедий Софокла к современному поэту действительной жизни в Афинах. Киев, 1874; *его же.* Опыт по истории рационализма в Древней Греции. Киев, 1881; ст. Ф. Ф. Зелинского в РМ и ВЕвр за последние годы и его перевод Софокла.

дения 1 отражают общий характер времени. Кроме того, они имеют и более прямую связь с окружающею действительной жизнью: в них есть указания на современные поэту события и явления, на его отношение к ним. Это нужно сказать даже о таком далеко стоящем от современности и от ее «злобы дня» трагике, как Эсхил. В своих «Персах» он описывает, между прочим, Саламинскую битву, и в данном случае это — лучший наш источник, как свидетельство очевидца и участника сражения. В его «Евменидах» есть стихи, в которых можно видеть намеки и указания на политические события того времени, союз Афин с Аргосом, борьбу из-за реформы ареопага.

Но несравненно ближе к современной ему жизни и к «злобам дня» стоял Еврипид. Его действующие лица, хотя и носят имена героев, но это — не титаны и герои, подобные Эсхиловым или даже Софокловым; это — простые смертные, с их страстями, их страданиями, их воззрениями и сомнениями. Еврипид — не представитель «чистого искусства», а проповедник новых идей, истый поэт греческого «Просвещения», писатель тенденциозный. Для историка он особенно интересен. От воззрений общенародных, от этики народной Еврипид, правда, далек — гораздо дальше Эсхила и Софокла; он — крайне субъективный автор, с

¹ Из трагедий Эсхила до нас дошло 7 («Прометей», «Персы», «Семь против Фив», «Просительницы» и трилогия «Орестия», в состав которой входят «Евмениды»), Софокла — тоже 7 («Эдип-царь», «Эдип в Колоне», «Антигона», «Электра», «Аякс», «Филоклет», «Трахинянки»; кроме того, недавно найденные остатки (ок. половины) сатирической драмы «Следопыты»), Еврипида — 19, из которых наиболее известны: «Медя», «Ипполит», «Ифигения в Тавриде», «Алкестида», «Электра», «Геракл», «Гераклиды», «Ион», «Просительницы», «Вакханки»; недавно найден большой отрывок из «Ипсилены» (*Зелинский Ф. Ф.* Царица-прислужница // ВЕвр. 1909. Июль — авг.). Многие трагедии имеются в рус. пер. Водовозова, Д. С. Мережковского, И. Ф. Анненского. Ф. Ф. Зелинского и друг. И. Ф. Анненский предпринял полный перевод Еврипида в 3 т., но не окончил (Театр Еврипида. Т. 1. СПб., 1906). «Драмы» Софокла в переводе и со вступительным очерком Ф. Ф. Зелинского. М., 1914. Т. 1. [В 3 т. М., 1914-1915].

резко выраженной индивидуальностью. Но зато он отзывался на самые животрепещущие для тогдашнего образованного общества темы и вопросы. Это был «сценический философ», и его произведения чрезвычайно важны для характеристики умственной жизни того времени: философские взгляды, софистическое направление, вообще движение в области религиозной и философской мысли, развитие гуманности, — все это нашло себе отражение в трагедиях Еврипида. Его произведения важны и для характеристики политических стремлений второй половины V в.; Еврипид касается положения различных классов населения, борьбы политических и социальных партий, даже внешней политики, например, отношения к Спарте, положения Афин в Греции

Но мы должны быть готовы к тому, что встретим у Еврипида противоречия. Объясняются они отчасти тем, что мирозерцание этого поэта-скептика не отличалось строгой последовательностью и цельностью, да и выражался он иногда с оговорками, быть может, чтобы не навлечь на себя беды, а отчасти — тем, что Еврипид разделял, конечно, не все те суждения (часто диаметрально противоположные), которые он влагает в уста действующих лиц: как было замечено выше, нельзя все то, что говорят герои трагедии, без дальних рассуждений приписывать автору как его собственное убеждение. Противоречия у Еврипида особенно бросаются в глаза в отзывах о богах. Наряду с явным скептицизмом и рационализмом, после прославления разума как «лучшего прорицателя» и подчас смелых критических отзывов о народных верованиях и богах, после горячих тирад против безнравственности, насилий и несправедливости этих богов в других трагедиях, — в «Вакханках» Еврипид показывает всю тщетность мудрствований, всю непоколебимость «унаследованных от отцов заповедей, которых никакой ум не в состоянии низвергнуть», всю

¹ *Беляев Д. Ф.* К вопросу о мировоззрении Еврипида. Казань, 1878; *его же.* Воззрения Еврипида на сословия и состояния, внутреннюю и внешнюю политику Афин // ЖМНП. 1882—1883; *Decharme P.* Euripide et l'esprit de son théâtre. Paris, 1893; *Nestle W.* Euripides, der Dichter der griechischen Aufklärung. Stuttgart, 1901; *Steiger H.* Euripides. Leipzig, 1912 (Ser.: Das Erbe der Alten).

пагубность сопротивления богам, пути которых «неисповедимы», и выводит такое нравоучение: «быть благоразумным и чтить все божественное — таково лучшее и самое мудрое решение для смертных»; «если есть человек, не воздающий уважение богам, пусть он взглянет на участь Пенфея и уверует в них!»¹ Но даже и эта трагедия представляет для историка глубокий интерес с точки зрения характеристики того умственного движения, которое совершалось в Греции во время Еврипида.

Комедия. Еще более близкое, непосредственное отношение к тогдашней действительности, к историческим деятелям и событиям имеют произведения комедиографов — Кратина, Евполида, Телеклида, Гермиппа (V в.), от комедий которых сохранились, к сожалению, лишь немногие жалкие отрывки², и в особенности Аристофана (ок. 450—385 г.)³, выступившего на литературное поприще в 427 г. Аттическая комедия V века была комедией по преимуществу политической. Война и мир («Ахарняне», «Мир», отчасти «Лисистрата»), демократия с ее вождями и демагогами, подобными Клеону («Всадники»), афинский суд присяжных и его темные стороны («Осы»), своего рода «женский

¹ См.: «Вакханки» в русск. перев. Ф. Ф. Зелинского // ФОб. 1894. Т. VII. Прил. Из попыток объяснить эту трагедию см.: *Verrall A. W.* The Bacchants of Euripide and Other Essays. Cambridge, 1910; *Michaud.* Le problème de Bacchantes d'Euripide. Paris, 1914.

² *Meineke Aug.* Fragmenta Comicoorum Graecorum. Berlin, 1839. 5 Bde.; *Kock K.* Comicoorum atticorum fragmenta. Leipzig, 1880—1888. 3 Bde. Новейшее изд.: Comicoorum Graecorum Fragmenta / Ed. G. Kaibel (1899). Отрывки из комедий можно найти и в собрании Didot; *Варнеке Б. В.* Новые домыслы о происхождении греческой комедии / Пролетариат. Сборник статей в честь Э. Р. фон Штерна. Одесса, 1912.

³ *Müller-Strübing H.* Aristophanes und d. historische Kritik. Leipzig, 1873; *Couat A.* Aristophane et l'ancienne comédie attique. Paris, 1906; *Süss W.* Aristophanes und d. Nachwelt. Leipzig, 1911. Прекрасный нем. пер. Аристофана: Aristophanes' Werke / Uebers. von J. G. Droysen. Lpz., 1880; *Gabe S.* Die geistigen und sozialen Bestrebungen Athens im V. vorchristlichen Jahrhundert im Spiegel der Aristophanischen Komödie. I. Czernowitz, 1913; *Kneisel A. B.* Aristophanes, ein Spiegel unserer Zeit. Köthen, 1913.

вопрос»¹ и стремления к коммунизму, не чуждые уже той эпохе («Лисистрата», «Женское народное собрание»), тогдашние социальные отношения, борьба бедных и богатых («Богатство»), столкновение старых и новых направлений в литературе («Лягушки», «Женщины на празднике фесмофорий»), софистика («Облака»), — всего этого касается Аристофан, у которого, кроме того, рассеяно множество намеков на исторические лица и события. Даже такая фантастическая, «утопическая» комедия, как «Птицы», не совсем чужда действительности и рисует некоторые черты тогдашней афинской демократии и афинской жизни².

Произведения комедиографов представляют для историка интерес еще и в другом отношении: они знакомят с внутренним состоянием и бытом Афин; они выводят не героев, а заурядных граждан; они изображают наглядно и ярко обыденную жизнь, с ее повседневными интересами и заботами. Словом, комедия — отражение, хотя бы и карикатурное, тогдашней действительности. Самые намеки комедиографов по поводу той или другой исторической личности, того или другого явления должны иметь хоть отдаленную связь с каким-нибудь действительным происшествием или, по крайней мере, с толками и сплетнями, ходившими тогда в Афинах; иначе бы такие намеки не имели смысла и не были понятны для зрителей.

Но все эти шутки, подчас грубые, все эти личные нападки, отзываются нередко сплетней, клеветой и карикатурой, — принимать за чистую монету, на них основываться при оценке исторического деятеля никоим образом нельзя. Какое, например, превратное представление было бы у нас о Сократе, полагайся мы на одного Аристофана и его «Облака» и не имей мы других источников! Вообще пользование комедией требует большой осмотрительности: это хотя и важный источник, но все же довольно мут-

¹ См. мою статью: *Бузескул В. П.* Женский вопрос в Древней Греции / К свету. СПб., 1904 (и в моих «Исторических этюдах». СПб., 1911); *Варнеке Б. В.* Женский вопрос на афинской сцене. Казань, 1905.

² *Droysen J. G.* Des Aristophanes «Vögel» und die Hermokopiden // RhM. III—IV. 1835—1836; *Шварц А. Н.* Триумф Пейфетера в «Птицах» Аристофана // ФОб. 1901. XX.

ный. Нельзя упускать из виду, что комедиограф не историк, что тут мы имеем дело с произведением поэтическим, что Аристофан, например, прежде всего — комический поэт, цель которого заставить зрителей смеяться. Но этого мало: древняя аттическая комедия не только произведение поэтическое, но и политическое, тенденциозное. Перед нами тут выражение духа партии, иногда в самой резкой, беспощадной форме. Это — голос оппозиции. Все комедиографы V в. — враги афинской демократии, хотя только благодаря терпимости и свободному духу этой демократии возможны были представления таких произведений, как Аристофановы комедии, с их насмешками и глумлением над самим державным демосом. У комедиографов ясно проглядывает аристократическая тенденция. В числе, например, тех недостатков, которые, по Аристофану, должны служить позорным клеймом для выводимых в его комедиях лиц, незнатность происхождения занимает далеко не последнее место. Понятно, что вожди демоса и лица, расположенные к нему, не встречают пошады со стороны комедиографов. От последних нечего ждать сколько-нибудь беспристрастной оценки деятелей демократии. Зато аристократов комедиографы шадят, а Кратин, например, даже восхвалял Кимона. Такое отношение комедиографов к демократии едва ли может быть объяснено одним лишь расчетом с их стороны (так как от аристократов и вообще людей богатых зависела удачная постановка их пьес). Скорее это объясняется самой природою и назначением комедии: она должна была стоять в оппозиции вообще по отношению к существующему; комедиографы должны были осмеивать господствующие нравы, порядки и т. п., а таким порядком тогда в Афинах была именно демократия. Но нельзя сказать, по крайней мере об Аристофане, чтобы его воззрения и идеалы отличались определенностью; напротив, у него замечаются непоследовательность и противоречия.

Иным характером отличается т. наз. «новая комедия» IV в. Это — комедия не политическая: она дает картину частной жизни и частных нравов¹. Ее представитель — Менандр,

¹ *Legrand E. L.* Daos. Tableau de la comédie grecque pendant la période dite nouvelle. Lyon; Paris, 1910.

несколько пьес которого в значительной их части недавно найдено¹.

Обратимся к прозаической литературе Греции. Оставляя историков пока в стороне, я коснусь здесь прежде всего произведений философских и ораторских.

Философы. Первые² являются нашим источником не потому лишь, что служат выразителями умственных течений и свидетельствуют о степени умственного прогресса в древности, показывая, до какой широты и глубины доходила философская мысль греков в лице их величайших умов, какие проблемы ставились ими и как они решались; и не потому только, что как бы ни был велик и своеобразен философский гений отдельного мыслителя, как бы ни была ме-

¹ См. во 2-й части «Введения».

² В собр. Didot и Teubner; *Diels H.* Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin, 1912. 2 Bde. (3. Aufl.). Главнейшие пособия по истории греческой философии: *Zeller E.* (неск. изд.; в рус. пер.: *Целлер Эд.* Очерк истории греческой философии / Пер. с 10-го нем. изд. Н. Стрелкова. М., 1913). *Windelband W.* (собр. Iw. v. Müller. 3-е изд.; рус. пер.: История древней философии. 4-е изд. СПб., 1908); *Gomperz Th.* Griechische Denker. Leipzig, 1896—1909. 3 Bde.; (со 2-го изд. рус. пер.: *Гомперц Т.* Греческие мыслители. Т. I—II. СПб., 1911—1913; *он же.* Жизнепонимание греческих мыслителей и идеал внутренней свободы. СПб., 1912; *Арним Г. ф.* История античной философии. СПб., 1910; Arnim G. v. Die politische Theorien des Altertums; *Schmidt L.* Die Ethik der alten Griechen. Berlin, 1882. 2 Bde.; *Wundt M.* Geschichte der griechischen Ethik. Leipzig, 1908—1911. 2 Bde.; *Benn A. W.* The Philosophy of Greece Considered in Relation to the Character and History of its People. London, 1898; *Livingstone R. W.* The Greek Genius and its Meaning to us. Oxford, 1912; *Bumet Th.* Die Anfänge der griechischen Philosophie. 2. Aufl. Leipzig; Berlin, 1913 (пер. с англ.); *Трубецкой С. Н.* История древней философии. М., 1906—1908. В 2 т. На русском языке см., кроме того: *Чичерин Б. Н.* История политических учений. М., 1869. Т. I; *его же.* Политические мыслители древнего и нового времени // БДС. М., 1897. Вып. 1; *Редкин П. Г.* Из лекций по истории философии права. СПб., 1889 след. 7 т.; *Коркунов Н. М.* История философии права. СПб., 1898 (несколько изданий); *Новгородцев П. И.* Политические идеалы древнего и нового мира. М., 1910—1913. Вып. 2; Общая история философии / Под ред. А. И. Введенского и Э. Л. Радлова. СПб., 1910.

тафизична и, казалось, лишена реальной основы его философия, все же его воззрения так или иначе имеют связь с характером и историей народа, с современной ему эпохой, так как никакой мыслитель не может совершенно отрешиться от мира реального, от окружающей действительности. Произведения философов являются нашим источником и в более прямом смысле: они нередко содержат фактические сообщения и наблюдения над исторической жизнью, над современным философу порядком; в них трактуются, например, вопросы о государстве, его цели и задачах, о его наилучшем устройстве; на основании опыта исторической жизни высказываются политические идеалы, приводятся примеры из прошлого, характеризуются афинская демократия и ее вожди и т. д.

В особенности это нужно сказать об Аристотеле и Платоне. Аристотель, как реалист, исходит в своей «Политике» постоянно от фактов и наблюдений над прошлым и над современной ему действительностью, и его «Политика» — драгоценнейший источник для историка; но так как она тесно связана с другим, чисто историческим, произведением великого философа — его «Политиями», то об Аристотеле я скажу далее, в отделе об историках. Что касается Платона¹, то, несмотря на весь «идеализм» его философии, не говоря уже об «Апологии» и вообще его отношении

¹ Кроме собр. Didot и Teubner, следует отметить капитальное издание: *Stallbaum C.* Leipzig, 1821 ff. 10 Bde., с коммент.; из более новых: *Schanz M., v.* Leipzig, 1875 ff.; из переводов Платона нем. пер.: *Schleiermacher.* С введениями. 1804 ff.; 3. Aufl. München, 1861; рус. пер.: *Капнов В. Н.* (М., 1867—1879. В 6 т.) и начатый Вл. Соловьевым (Творения Платона / Пер. М. С. Соловьева. Т. I. М., 1899; Пер. кн. С. Н. Трубецкого. Т. II. 1903); Законы / Пер. Г. А. Янчевецкого // Гимназия. 1898. Прил. О Платоне см.: *Грот Н. Я.* Очерк философии Платона. М., 1896; *Трубецкой Е. Н., кн.* Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении // ВФ и П. I. 1890; *его же.* Социальная утопия Платона // Там же. 1908. Кн. 1—2; *Zeller E.* Der Platon. Staat in seiner Bedeutung für die Folgezeit // Vorträge und Abhandlungen. Leipzig. I. 1875; *Windelband W.* Plato (русс. пер.: СПб., 1900); *Natorp P.* Platons Ideenlehre. Eine Einführung in den Idealismus. Leipzig, 1903; *Ritter C.* Platon. München, 1910 f. 2 Bde.

к Сократу и софистам I, такие диалоги, как, например, «Горгий», «Менексен»², и особенно «Государство» и «Законы», содержат богатый материал для характеристики демократии (преимущественно темных ее сторон), тех внутренних недугов, которыми страдал общественный строй Эллады в ту эпоху, ненормальных социально-экономических отношений и социального вопроса в Греции. VIII книга его «Государства» — жестокий обвинительный акт против господства материальных интересов как у тогдашних плутократов, так и у охлократов. Его собственная теория — это естественная реакция против крайностей тогдашнего индивидуализма: против индивидуализма Платон выдвинул социализм и коммунизм³. Конечно, к отзывам Платона следует относиться с некоторою осторожностью и не принимать их безусловно на веру. Он судит, например, об афинской демократии и ее вождях слишком уж строго и не вполне объективно. Уже как ученик Сократа, Платон должен был относиться к демократии с антипатией, большим или меньшим презрением. Под влиянием печальных явлений окружающей действительности, после рокового для афинян исхода Пелопоннесской войны, утратилась вера в благотворность и целесообразность демократического строя; в нем усматривали главную причину и источник всех бедствий и упадка. По демократии IV в. судили и о демократии V в., Периклова времени. Для примера возьмем отзыв Платона о Перикле, находящийся в «Горгии»; насколько можно на него полагаться? Платон здесь не считает Пе-

¹ Здесь возникает вопрос: 1) где граница между воззрениями выводимого Платоном Сократа и воззрениями самого Платона и 2) насколько Платонов Сократ соответствует действительному, историческому Сократу. — На русском языке см.: *Гиляров А. Н.* Платон как исторический свидетель. Киев, 1891.

² Принадлежность Платону этого диалога, равно как и некоторых других, подвергается сомнению. Вообще вопрос о подлинности и времени написания Платоновых диалогов — один из самых спорных.

³ *Пёльман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910 (в серии: Общая история европейской культуры); во 2-м изд. подлин.: *Pöhlmann R.* Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. München, 1912. Bd. II.

рикла хорошим государственным деятелем: он говорит, что Перикл испортил афинян, и соглашается, по-видимому, с обвинениями его в том, что именно он «сделал афинян празднолюбивыми, трусливыми, болтливыми и жадными до жалованья»; ставит ему в вину даже то, что афиняне под конец его жизни осмелились обвинять его в расхищении казны. Но такой отзыв совершенно логически, неизбежно вытекает из общего взгляда философа на истинные обязанности государственного деятеля и на демократию, по отношению к которой Платон был принципиальным противником. По Платону, дело хорошего гражданина — совершенствовать нравственно граждан, и с этой точки зрения он осуждает Перикла, при котором, по его мнению, афиняне испортились. Вину за разложение общества он слагает, однако, не на одного Перикла: наравне с последним виновниками бедствий у него являются и Кимон, и Фемистокл, и даже Мильтиад; он прямо говорит, что «в Афинах мы не знаем ни одного поистине хорошего государственного деятеля». Таким образом, Платон — против всего того направления, которое приняла история Афин, против всего ее хода и исторически сложившегося афинского строя, и на отзыв и оценку Платона мы не можем всецело полагаться; это — голос не совсем беспристрастного и — добавлю — далеко не точного свидетеля.

Ораторы. В речах ораторов I, кроме цитат из законов и вообще документов², находим данные относительно афинского

¹ Кроме не раз уже названных общих собраний Teubner и Didot, специальные издания: *Bekker I.* (Berlin, 1823—1824. 5 Bde.), *Dobson W. C.* Oratores Attici. London, 1828. 16 Vol. (J. G. Baiter et H. Sauppe). (1838—1850. 9 fasc.), с критическими примечаниями, фрагментами и схолиями и др. Монография об ораторах: *Blass F.* Die attische Beredsamkeit. 2. Aufl. Leipzig, 1887—1998. 3. Abt.; из старых: *Westermann A.* Geschichte der Beredsamkeit in Griechenland und Rom. Nach den Quellen bearbeitet. Leipzig, 1833. 2 Bde.; ср. еще: *Perrot G.* L'éloquence politique et judiciaire à Athènes. Paris, 1883; *Girard P.* Études sur l'éloquence attique. Paris, 1874; общие пособия по истории греческой литературы на русск. яз.: *Покровский А. И.* О красноречии у древних эллинов. Нежин, 1903.

² Подлинность отрицали Дройзен И. Г. (см.: *Kleine Schriften zur alten Geschichte.* Leipzig, 1893. 1) и Вестерман. За подлинность стоит, например,

права — уголовного и гражданского, — суда присяжных, судопроизводства и порядка законодательства и материал для характеристики нравов, имущественных и социальных отношений. В них же найдем богатый материал и для истории политической, так как многие речи имеют характер политический. Так, речь Андокида о мистериях, наряду с Фукидидом, — главный наш источник для знакомства с положением и происками партий в Афинах под конец Пелопоннесской войны и с эпизодом, известным под именем «процесса гермокопидов»; а речи Лисия (например, против Эратосфена и против Агората) — один из важнейших источников для истории времени «Тридцати» и восстановления в Афинах демократии, в частности — для характеристики Ферамена. Ораторы нередко были своего рода публицистами того времени. Исократ, по крайней мере, можно смело назвать афинским публицистом IV века I. Его речи — большей частью политические трактаты. Фактической достоверности мы в них не найдем; но по ним мы знакомимся с общественным настроением Греции в эпоху ее упадка, с политическими идеалами и программой той партии, которая мечтала о взаимном примирении греков, о соединении их хотя бы под эгидою Македонии и о национальной борьбе с Персией. В этом отношении интересен Исократов «Филипп». В своем «Ареопагитике» Исократ прославлял «доброе старое время», старинный строй, *pátrios politeía*. Речь полна фактических ошибок, анахронизмов и неточностей; но она показывает, как смотрели на старину в IV в. в Афинах лица, подобные Исократу, и какие политические

Э. Дрепуп: *Drerup E.* Über die bei den attischen Rednern eingelegten Urkunden//NJb. 1898. Supplem.-bd.XXIV.

¹ *Kessler J.* Isocrates und die panhellenistische Idee. Paderborn, 1910; *Wendland P.* Beiträge zur athenescher Politik und Publizistik des IV. Jrh. // Göttingische gelehrte Nachrichten. 1910; *Pöhlmann R.* Isocrates und das Problem der Demokratie //SB München, 1913 ; из прежних: *Oncken W.* Isocrates und Athen. Heidelberg, 1862; *Hubbel H. M.* The Influence of Isocrates on Cicero, Dionysius and Aristides. N.-Haven; London, 1913.

идеалы выставляли они. Другие речи Исократ («Панегирик», «Панафинейская», «О мире») тоже имеют отношение к событиям IV в. и содержат в себе некоторые исторические указания. А его «Евагор» с фактической стороны не имеет значения, но важен в культурно-историческом отношении как первый опыт подобного анализа исторической личности и схема характеристики, с подведением итогов жизни умершего деятеля ¹.

Но особенно важны речи Демосфена ². Они — главнейший источник для истории Филиппа Македонского, борьбы с ним греков и падения независимости Эллады. Если этот период греческой истории известен нам так, как ни один другой, если мы можем проследить весь ход борьбы афинян с Филиппом шаг за шагом, все ее перипетии, то это благодаря именно ораторам и более всего — Демосфену. Некоторые моменты представляются нам с редкою наглядностью и живостью: вспомним, например, то известное место в речи Демосфена «О венке», где описывается впечатление, произведенное на афинян вестью о занятии Филиппом Элатеи. Вообще Демосфен говорит, как очевидец и участник в борьбе против Македонии, да и самые его речи — один из актов этой борьбы.

Но полагаться безусловно на свидетельство ораторов и в частности Демосфена, разумеется, нельзя. При пользовании их речами как историческим источником нужно помнить, что ораторы большей частью говорят *cum ira et studio*. Здесь мы имеем перед собою крайне субъективную окраску, неверное освещение, иногда даже искажение фактов. В намерение оратора

¹ Исократу приписываются и письма, числом 10; но относительно подлинности их мнения спорны.

² Издания *Dindorf L. A. Oxon.*, 1846—1851. 9 Vol., с примечаниями и схолиями; *Weil H.* Les harangues et les plaidoyers politiques. Paris, 1881—1883 (тоже с примечаниями); Demosthène, Discours judiciaires / Traduction par C. Royard. Paris, 1905. Есть греческий текст с немецким переводом и примечаниями. 10 ч. (Leipzig, 1856—1876). Монография: *Schäfer Arn.* Demosthenes und seine Zeit. 2. Aufl. 1889. 3 Bde.

входит произвести на слушателей известное впечатление во что бы то ни стало, нередко очернить противника, и он пускает в ход все средства, лишь бы доставить торжество отстаиваемому им делу. Нельзя, например, верить на слово Демосфену, когда он говорит об Эсхине, о его бесчестности и продажности, или о Филиппе. Речи Демосфена надо сопоставлять с речами Эсхина, его противника, и Гиперида, большею частью его союзника.

Таким образом, при пользовании произведениями ораторов необходимы, более чем где-либо, осторожность, критическая проверка и анализ I.

Гиппократ. Говоря об источниках, нельзя не упомянуть и о знаменитом греческом враче Гиппократе (V в.), которому в древности приписывалось огромное собрание медицинских сочинений² и которому, между прочим, принадлежит трактат «О климате, воде и местности»³: здесь мы находим интересные наблюдения относительно влияния природных условий на физические и нравственные свойства жителей и сообщения об обитателях Припонтийских стран⁴, дополняющие известия Геродота.

Историки⁵

Если вообще памятники греческой литературы важны как исторический источник, то тем более труды историков, ибо они являются для нас источником, так сказать, вдвойне: они не только

¹ Из позднейших риториков отметим Либания (IV в. по Р. Х.), речи которого переведены на рус. яз. С. П. Шестаковым (Казань, 1914).

² Изд. *Littré E.* Paris, 1839—1861. 10 V. В настоящее время международную ассоциацию академий (Берлинской и др.) предпринято изд. «Corpus medicorum Graecorum».

³ *Περὶ αἰέρον, υδάτων, τόπων*; Hippocrates. De aëre, aquis, locis (с древним латин. перев.). Bonn, 1911 (Собр. *Lietzmann H.* Kleine Texte...).

⁴ Эти главы (текст и рус. пер.) имеются в изд.: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. I.

⁵ *Creuzer F.* Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung. Leipzig, 1803 (2. Aufl. 1845); *Ulrici H.* Charakteristik der antiken Historiographie. Berlin, 1833 (оба сочинения устарели); *Schafer Arn.* Abriss der Quellenkunde der griechischen Geschichte. 4. Aufl. Leipzig, 1889;

отражают в себе, до некоторой степени, современную им эпоху, но и содержат изложение самой истории (насколько удовлетворительное и достоверное, это, конечно, другой вопрос).

Элементы начальной историографии. Греческая историография в начальной стадии своего развития тесно связана с эпосом «Эпические поэмы и были в сущности древнейшею историей для греков. Греки долго верили в существование героев, подвиги которых воспевались, в действительность всего того, о чем рассказывалось в эпосе. Гомер был для них историческим свидетелем.

Начальная греческая историография имеет связь с произведениями т. наз. кикликов, бравших сюжеты из круга сказаний о Троянской и Фиванской войнах, и с поэмами о возвращении героев из-под Трои, т. наз. *Нότοи*, в которых воспевались основания (*κτίσεις*) знаменитых городов этими героями. В особенности же она связана с эпосом гесиодовским, генеалогическими поэмами, устанавливавшими родословную богов и героев, которою должна была дорожить господствовавшая тогда аристократия, и представлявшими иногда историю отдельных племен и поколений, а также с эпосом географического содержания, вроде, например, «Аримасповой поэмы» Аристея — рассказа о фантастическом путешествии в страны к северу от Понта (Герод. IV, 13 сл.). В подобных произведениях от поэзии оставалась лишь одна внешняя форма, и переход к прозе был естествен.

Wachsmuth K. Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipzig, 1895; *Seeck O.* Die Entwicklung der antiken Geschichtsschreibung. Berlin, 1898; *Bury J. B.* The Ancient Greek Historians. London, 1909; *Peter H.* Wahrheit und Kunst. Geschichtsschreibung und Plagiat im klassischen Altertum. Leipzig; Berlin, 1911; ср.: *Stemplinger Ed.* Das Plagiat in der griechischen Literatur. Leipzig; Berlin, 1912. Много наблюдений и замечаний у *Wilamowitz-Moellendorff Ulr.* v. Aristoteles und Athen. Berlin, 1894. 2 Bde.; *Gutschmid Alf.v.* Kleine Schriften. Leipzig, 1889. Bd. I; 1893. Bd. IV; *Gompertz Th., Busolt G., Meyer Ed.* Forschungen... На русском языке в особенности подробно о логографах: *Куморга М. С.* Собр. соч. СПб., 1896. Т. I (несколько устарело).

¹ *Gutschmid Alf.* 1,1 сл.; *Stahl J. M.* // Neue Jahrbücher für Philologie. 1896; *Мищенко Ф. Г.* Геродот (2-е изд. М., 1888). I. С. V след.

Проза как стиль могла появиться и одновременно с поэзией, но развилась она в Греции во всяком случае позже нее. Необходимым условием для ее развития была письменность, без которой она не могла существовать: поэтическая речь, с ее ритмом и складом, легко запоминалась и могла долго храниться в народной памяти; прозаическую же, вольную речь запоминать было трудно, и она забывалась и искажалась бы, не будь письма¹. Проза должна была удовлетворить вновь назревшим потребностям: деловая речь, особенно с цифрами и именами, плохо укладывалась в форму метрической речи. Древнейшими памятниками греческой прозы, кроме надписей, служат разного рода записи или списки, *αναγραφαί*, — победителей на играх², должностных лиц, жрецов или жриц и т. п., например эфоров в Спарте (с 755 г.), архонтов-эпонимов в Афинах (с 683/682 г.), жриц Геры в Аргосе или жрецов Посейдона в Галикарнассе, с указанием продолжительности службы каждого жреца. Последний список сохранился в виде надписи (SIG. II, № 2655; Dittenberger, II², 608; Michel, 877). Списком победителей на пифийских играх занимался и Аристотель, и в Дельфах недавно найден даже декрет в честь этого философа, выражающий ему благодарность за его труд.

В таких *αναγραφαί* мы имеем первые точно определенные хронологические даты. Нужно однако иметь в виду, что начальные имена в подобных списках нередко вымышленные и внесены впоследствии, дабы пополнить пробелы и возвести список от момента его

¹ Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики. СПб., 1899. С. 205-206.

² Наиболее известен список Олимпийских победителей, с 776 г. до Р. X. Он дошел до нас в обработке Юлия Африкана, писателя III в. до Р. X., и приводится в хронике Евсевия. Недостоверность начала этого списка доказывает Körte A. Die Hypothesis zu Kratinos' Dionys-Alexandros // Hermes. 1904. XXXIX. Недавно среди папирусов из Оксиринха (о которых ниже, во второй части «Введения») найден список победителей на олимпийских играх за 480-468 и 456-448 г. до Р. X. (изд. во II т. The Oxyrhynchus-Papyri. 1899). О нем см.: Robert C. Die Ordnung der Olympischen Spiele und die Sieger der 75-83. Olympiade // Hermes. 1900. XXXV; Diels H. Die Olympionikenliste aus Oxyrhynchus // Hermes. 1901. XXXVI.

составления, без перерыва, к отдаленному прошлому, иногда ко временам мифическим. Например, упомянутый выше список жрецов Посейдона начинается с Теламона, сына самого бога.

В различных городах имелись и местные записи или хроники, вроде, например, Лаконской (*Λακωνική αναγραφή*), которая велась еще во времена Агесилая (Plut., Ages., 19) и содержала в себе между прочим имена царей, победителей на карнейских празднествах и проч., или Сикионской таблицы, с именами царей, жриц аргосских, поэтов и музыкантов (Plut. De mus. 3).

Не говорю уже о древних договорах и о законах, записанных на камне и тому подобном материале и принадлежащих к категории надписей.

Итак, эпос, преимущественно гесиодовский, генеалогический, и списки и записи, *αναγραφαί*, — вот два главные элемента, из которых развилась греческая историография, в ее первоначальной форме. К ним затем надо присоединить устные, большей частью местные предания и сведения или наблюдения, являвшиеся результатом путешествий.

Логографы¹

Родина греческой историографии — там же, где и родина греческой науки вообще, философии, эпоса и лирики, — колонии по малоазиатскому побережью, преимущественно Иония², и близлежащие острова. До V в. это был центр политической, умственной и художественной жизни греков, и тут были благоприятные условия для возникновения и развития исторической литературы. Ряд политических перемен, падение монархии, утверждение аристократии, рост демократии и борьба с нею, —

¹ Сохранившиеся отрывки см.: «Fragmenta Historicorum Graecorum», издан. Карлом Мюллером (в собр. Didot); Шеффер В. А. Очерки греческой историографии // КУИ. 1883—1884, где можно найти перевод отрывков 5 логографов и подробный комментарий; Lippert J. Quaestiones logographicae. Leipzig, 1895—1896; Jacoby F. Über die Entwicklung der griechischen Historiographie... // Klio. IX. 1909.

² Относительно Ионии см.: Хогарт Д. Иония и Восток. Шесть лекций, прочитанных в Лондонском университете // ИИАК. 1914.

все это совершалось прежде всего в малоазиатских колониях. Здесь умственный кругозор был шире; греческий мир соприкасался с миром восточным; греки сталкивались или сближались не только друг с другом, но и с другими народами, знакомились с их строем, их культурой. Здесь развивалась торговля и завязывались сношения с различными странами, иногда весьма отдаленными, — с понтийскими берегами, Египтом, далеким Западом. И здесь именно должны были пробудиться индивидуализм и потребность в самосознании, в изучении прошлого, в ближайшем ознакомлении с различными странами и городами и в описании их...

Первых греческих историков, предшественников Геродота, принято называть логографами¹, и хотя против такого термина в применении к древнейшим эллинским историкам иногда возражали, но мы для удобства можем его удержать, помня однако, что в сущности между «логографами» и «отцом истории», Геродотом, нет непроходимой бездны и коренного различия, а напротив — существует связь, так что и в данном случае наблюдается известная постепенность развития и перехода одной формы в другую.

Характеристика логографов. Сочинения логографов целиком не сохранились; они дошли до нас лишь в фрагментах, в виде ссылок и цитат других, более поздних авторов, которые не всегда, конечно, воспроизводили буквально цитируемый текст, а большею частью передавали своими словами лишь общую мысль. Это — произведения историко-мифологического и географического содержания, представляющие местные хроники, сказания об основании городов, генеалогии героев и героических родов и описание земель². В них мы можем найти историю как греческую, так и варварскую,

¹ Так называет Фукидид своих предшественников (I, 21). Это слово означало вообще прозаиков; затем (например, в IV в.) оно служило техническим выражением для обозначения тех, кто за деньги писал для других судебные речи.

² См. характеристику логографов у Дионисия Галикарнасского (который называет их, впрочем, не логографами, а *архаίοι συγγραφεῖς*). De Thuc. 5 (p. 818), 6-7 (p. 822-823), 23 (p. 863); цитаты можно най-

но не в связи, а отдельно по странам и народам. Произведения логографов имеют много общего с эпосом, который служил для них образцом, причем ближе примыкают к эпосу гесиодовскому, нежели гомеровскому. Мифы и саги, генеалогии и т. п. занимают в них чрезвычайно видное место. Еще Страбон заметил, что историки, подобные Кадму, Ферекиду, Гекатею, писали свои произведения, подражая поэтическому изложению, разрешив только стих, но сохранив прочие поэтические свойства (I, 2, 6, p. 18). А об одном из логографов, Акусилае, говорили, что он просто переложил Гесиода в прозу. Центр тяжести изложения у логографов падает на времена мифические; они не умели еще отделять историю от мифа. Но замечается и шаг вперед по сравнению с эпосом. Важно уже было то, что это были произведения прозаические, первые образцы исторической прозы. Далее, воспроизводя мифы и с особенною подробностью останавливаясь на временах мифических, логографы затем переходили нередко и к событиям позднейшим, доводя изложение до своего времени, касались, следовательно, событий чисто исторических. Они интересовались историей не только греческою, но и иноземною, миром варварским, обращали внимание на этнографию, на черты бытовые, на местные сказания, памятники и т. п. Многие из логографов предпринимали путешествия, иногда далекие, так как это было лучшим способом почерпнуть необходимые сведения о странах и народах. В ту пору история находилась в неразрывной связи с географией; они шли и развивались рука об руку, и такие логографы, как Гекатей, были в то же время и географами. Некоторые логографы пытались установить точную хронологию и наряду с мифами, эпосом и сказаниями обращались к хроникам отдельных городов и материалу документальному, в то время, правда, еще очень скудному, — к спискам жрецов или жриц, сановников и т. д. Наконец, у наиболее выдающихся логографов замечаются и первые попытки критического отношения к материалу, первые проблески исторической критики и рационализации ходячих мифов и сказаний.

ти и в: Abriss der Quellenkunde. Bd. 1—2 / Hrsg. A. v. Schäfer, H. Nissen. Leipzig, 1881-1882. S. 9-11.

Кадм. Первым логографом, по свидетельству древних, был Кадм из Милета¹ (во второй половине VI в.), автор сочинения об основании Милета. Но еще в древности высказывались сомнения в принадлежности ему ходившего под его именем сочинения, а в наше время многие признают самую личность Кадма, первого логографа, мифической, первообразом которой послужил Кадм финикийнин, легендарный изобретатель греческой азбуки. Вопрос в данном случае не имеет, впрочем, значения, так как из произведений Кадма все равно ничего не сохранилось.

Наиболее выдающиеся логографы — Гекатей и Гелланик.

Гекатей. Гекатей² — самый замечательный из всех предшественников Геродота. Недаром Гераклит цитирует его вместе с Гесиодом, Пифагором и Ксенофаном в числе мудрейших эллинов, а Керкид из Мегалополя считал за счастье умереть и встретиться на том свете людей, подобных Пифагору, Гомеру и Гекатею. Гекатей происходил из Милета и был современником Ионийского восстания. В тогдашних событиях он играл довольно видную роль. Зная силы Персии, он был против восстания, а когда его увещания не подействовали, он советовал — и тоже тщетно — по крайней мере воспользоваться сокровищами Аполлонова святилища в Бранхидах, полагая, что лучше употребить их на усиление флота, нежели отдать на разграбление персов (Герод. V. 36). Уже это до некоторой степени характеризует нам знаменитого логографа и его воззрения. Хотя Гекатей и предвидел печальный исход восстания, но он не покинул своих соотечественников, и есть известие, что когда восстание было подавлено, он был отправлен в качестве ходатая к Артаферну и успел склонить его к возвращению автономии греческим городам.

Он был не только историком, но и географом: ему принадлежит исторический труд под заглавием «Генеалогии» или «Истории» (в

¹ Gomme A. W. The Legend of Cadmus and the Logographoi // JHS. XXXIII, 2.

² Tropea, Ecateo da Mileto. Messina, 1896—1897; большая статья Jacoby F. // RE. 1912. VII.

4-х кн.) и «Землеописание» (*Periódos ghs* или *Periégheis*)¹. В последнем Гекатей описывал Европу, Азию и Африку (Ливию) и присоединил географическую карту, усовершенствовав древнейшую карту, составленную впервые Анаксимандром. В Милете, одном из тогдашних центров мировой торговли и греческой культуры, Гекатей мог добыть немало сведений о чужих краях от купцов и моряков. Но он и сам много путешествовал («муж многостранствовавший», *'anhro polutplanhs*, как называл его один древний географ). Несомненно, например, что Гекатей лично побывал в Египте. Глубокая древность истории и культуры этой страны должна была оставить в нем сильное впечатление и повлиять на его отношение к греческой легендарной истории, к мифам и сказаниям, должна была побудить его раздвинуть границы человеческой истории и сузить пределы того периода, когда, по мнению греков, действовали не обыкновенные смертные, а боги и герои.

У Гекатея замечается уже некоторый рационализм, и у него мы встречаем первые опыты исторической критики. В этом отношении знаменательны слова, которыми он начинает свою «Историю»: «Я пишу, что считаю истинным, ибо у эллинов существует много рассказов и, как мне кажется, смешных» (fr. 332). И Гекатей старается, по возможности, устранить элемент сверхъестественный, сделать мифы и сказания правдоподобными. Так, по его объяснению, Цербер, доставленный Гераклом Еврисфеею, — страшная змея, обитавшая у Тенара и названная псом Аида потому, что укушенный ею немедленно умирал от ее яда (fr. 346). Геракл похитил стада у Гериона вовсе не на острове Эрифее по ту сторону великого моря: Герион был царем на материке близ Амбракии и Амфилохов, и отсюда-то Геракл увел коров, да и это, по мнению Гекатея, подвиг немалый (fr. 349). Египет сам вовсе не являлся в Аргос, а так называется мыс, где аргивяне производят суд (fr. 357). Все это не мешало,

¹ Неосновательность сомнений в подлинности «Землеописания» (или, по крайней мере, одной части его) доказана Гутшмидом: *Gutschmid Alf. v. Kleine Schriften*. Т. IV. Leipzig, 1893, и Дильсом: *Diels H. Herodotos und Hekataios* // *Hermes*. XXII. 1887.

однако, Гекатею выводить свой род в 15-м колене от божества (Герод., II, 143)!

Для характеристики приемов Гекатея не лишены интереса его объяснения происхождения собственных имен и названий. По его мнению, например, Хиос назван по Хиосу, сыну Океана, или от снега (*χιών*), который там бывает в большом количестве, или же по имени нимфы Хионы (fr. 99); Тенедос — *Τεννῶν εδος*, жилище Тенна (fr. 139); Синоп получил название от пьяницы амазонки, ибо Синоп есть испорченное Санап, а у фракийцев, наречием которых говорят амазонки, санапами называются пьяницы (fr. 352), и т. д. Нам теперь подобные этимологические объяснения, конечно, покажутся ребячески и смешными, а для того времени они — знаменательное явление.

Как видно из приведенных выше примеров, критика Гекатея — чисто субъективная: критерием для него служит правдоподобное, возможное, естественное, да и этот принцип не проводится последовательно: вспомнить его собственную родословную! Но все же, по сравнению с господствовавшей еще наивною верою в богов и героев, как изображали их мифы и сказания, в сверхъестественное и чудесное, это являлось крупным шагом в развитии греческой критической мысли. — Гекатей же пытался внести в свою историю некоторый хронологический порядок, считая по поколениям и полагая на каждое поколение по 40 лет. — Наконец, у него наблюдаем уже как бы переход от чисто местной истории к более общей.

Гелланик. Гелланик Митиленский¹ — последний по времени из логографов. Собственно говоря, он может быть к ним причислен лишь с оговоркою: он не предшественник, а скорее младший современник Геродота; жил он долго и был свидетелем

¹ *Niese B.* Die Chroniken des Hellanikos // *Hermes.* 1888. XXIII; *Meyer Ed.* Forschungen zur alten Geschichte. I; *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Aristoteles und Athen. II; ср.: *Memoriae obliteratae* // *Hermes.* 1876. XI; *Jacoby F.* // *RE.* VIII. 1912; *Lehmann-Haupt C. F.* Chronologisches zur griechischen Quellenkunde. 1. Hellanikos, Herodot, Thukydidēs // *Klio.* 1906. Bd. VI. Heft 1.

последних лет Пелопоннесской войны. В числе его произведений была и *Ατθίς*, «Аттида», т. е. история или хроника Аттики, первый опыт в этом роде. Таким образом, Гелланик, заканчивая собою как бы эпоху логографов, с другой стороны, открывает собою довольно длинный ряд т. наз. «аттидографов». Это один из самых плодovitых греческих историков. Ему принадлежат разнообразнейшие труды, например, по истории замечательных предприятий (*Τρωϊκά*, *Περσικά*), в особенности по истории отдельных стран не только греческих, но и чуждых по генеалогии, хронологии и проч. Представить точный перечень и определить их взаимное отношение довольно трудно: часто различные заглавия относятся в сущности к одному и тому же сочинению или же лишь к отдельным его частям. Историю различных стран Гелланик излагает обыкновенно в рамках генеалогии или истории поколений какого-либо героя; так, его «История Форонея» (*Φορωνίς*) есть история Аргоса, Девкалиона (*Δευκαλιώνεια*) — Фессалии, *Ασωπίς* — Беотии и т. п.

В изложении Гелланика главное место занимали мифы и мифический период; история же Греции от вторжения дорян до Греко-персидских войн излагалась кратко. Все это сближает Гелланика с прочими логографами и дает нам право причислять его к ним.

Гелланик оказал большое влияние на последующее отношение к мифической истории Греции. Он собрал, привел в связь и систему массу материала по этой истории. Мифы и саги в его изложении, сухом и прозаическом, утратили, разумеется, всякую поэзию; боги и герои превращались в обыкновенных царей; чудесный элемент устранялся, а для примирения и сглаживания противоречий пускались в ход иногда слишком насильственные средства: одним из обычных приемов было превращение одной личности в несколько одноименных.

Гелланик замечателен как автор первой Аттиды, в которой, по-видимому, находились и известия, касающиеся политических прав и строя афинян, и как хронолог, своим стремлением к точной, определенной системе: он пользовался списками жриц Геры в Аргосе и победителей на карнейских играх, обрабатывал их, а в своей «Аттиде» вел счет по архонтам.

Дионисий Милетский и Харон из Лампсака. Из остальных логографов обращают на себя внимание еще Дионисий Милетский и Харон из Лампсака. Первый принадлежал к старшему поколению логографов, второй — к младшему и был современником Геродота. Оба они писали «Персидскую историю» (Περσικά) и касались уже событий времен Греко-персидских войн 1, т. е. темы Геродота. Харону принадлежит, кроме того, «Хроника Лампсака» (Χροὶ Λαμψακηνίων), в которой он для хронологии пользовался списками должностных лиц своего родного города, первый оценив важность источников подобного рода.

Ферекид. Что касается логографа Ферекида (ок. середины V в.), уроженца о-ва Лера (близ Милета), то его нужно отличать от древнейшего прозаика, философа-теолога, Ферекида с острова Сира, автора мифологического и натурфилософского произведения Πεντέμυχος, из которого недавно найден новый для нас отрывок². Логограф Ферекид собрал богатый материал по мифологии и генеалогии богов и знатных родов; он излагал мифы и саги без всяких толкований или рационализации, довольствуясь простым пересказом.

Ксанф. Ксанф Лидиец (V в.), живший незадолго до Пелопоннесской войны, может служить примером того влияния, какое оказывала греческая культура на соседние народы. Ему принадлежит «История Лидии» (Λυδία, в 4 к.), в сохранившихся отрывках которой мы находим иные версии, нежели у Геродота: Ксанф, по-видимому, пользовался лидийскими источниками, местными народными преданиями. Кроме мифической и легендарной истории, мы встречаем у него сообщения, касающиеся географии и этнографии,

¹ Дионисию приписывается особое сочинение о событиях после Дария — Τα μετὰ Δαρείων.

² Grenfell B. P., Hunt A. S. New classical fragments... Oxford, 1897; Diels H. SB-Berlin. 1897; Weil H. Études sur l'antiquité grecque. Paris, 1900.

нравов и быта, и такие известия, которые обыкновенно свойственны хронике, например, о голоде и засухе, бывших при царе Артаксерксе (fr. 3) 1.

Геродот²

Уже у некоторых логографов замечается переход от местной мифической истории к более общей и современной им. Но ни за одним из них не утвердилось название «отца истории». Это имя остается за Геродотом, которого назвал так еще Цицерон (De

¹ Подлинность сочинения Ксанфа тоже заподозревалась: см. например: Welcher F. G. Kleine Schriften. 1830, I, который основывался на словах Athen. XII, p. 515 d-e. В настоящее время ее можно считать доказанною, см. главным образом: Gutschmid A. v. Kleine Schriften. IV, 307 ff; см. также: Шеффер В. А. Очерки греческой историографии. Киев, 1884.

² Лучшие комментированные издания: Bahr J. C. F. Lipsiae, 1875, 1878 (4 Bde.); Stein H. Berlin, 1901. 5 Bde.; Abicht K. Münster, 1903. 5 Bde.; все они переиздавались несколько раз; новейшее изд. Hude C. Oxford, 1909. 2 Vol. (Bibl. Oxoniensis). Macan R. W. издал IV-IX кн. (London, 1895-1908), с обширным введением, комментариями и критическими экскурсами в приложениях (на англ. яз.); новейший комментарий к Геродоту: How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendices. Oxford, 1912. 2 Vol. Известия Геродота, касающиеся Скифии и Кавказа, собраны и снабжены русским переводом в сборнике: Латышев В. В. Scythica et Caucasia. СПб., 1893. Т. I. В. 1 // ЗИРАО. Прил. Русский перевод Геродота: Мищенко Ф. Г. (2-е изд. М., 1888. В 2 т.), английский: Rawlinson G. The History of Herodotus. A New English Version, edited with Copious Notes and Appendices (1858—1860. 3-е изд. 1876), с многочисленными примечаниями и приложениями. О Геродоте, кроме общих трудов по истории греческой литературе, названных раньше, и введений к только что упомянутым изданиям (в особенности предисловий Ф. Г. Мищенко к его переводу), см.: Hauvette B. Hérodote, historien des guerres médiques. Paris, 1894; Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Halle, 1892-1899. 2 Bde.; обширная статья Jakoby F. (более 300 с.) // RE. Supplem. 2. Heft (1913), и ряд статей Ф. Г. Мищенко, преимущественно в ЖМНП и ФОб.

leg. 1,1,5). На чем же основываются права Геродота на такой почетный титул?

Геродот и логографы. Непроходимой грани между Геродотом и логографами в сущности нет, и разница между ним и его предшественниками едва ли больше, чем между Фукидидом и ним. У «отца истории» найдется немало точек соприкосновения с логографами. Его произведение до некоторой степени имеет характер эпический; оно стоит на рубеже между поэзией и историей; во многих отношениях это — как бы эпос в прозе. Можно найти в нем сходные черты и с греческой драмой. Геродот, по выражению К. О. Мюллера, столько же поэт и теолог, сколько и историк. Но есть между ним и логографами и различие: последние примыкают к Гесиоду, а Геродот ближе стоит к Гомеру¹. Но что в особенности отличает Геродота от логографов, это историчность, грандиозность и единство его главной темы². Логографы занимались преимущественно мифическим периодом; у Геродота же, хотя он и делает экскурсы в эту область, главная тема все же чисто историческая — борьба греков с персами, история времени, к нему близкого, и притом история не одного какого-либо города или народа, отдельно взятая, а эллинов и варваров, Европы и Востока, тесно связанная. Именно Греко-персидские войны, как событие, касавшееся более или менее всех греков, персов и подвластных им народов, взволновавшее почти весь тогдашний исторический мир, могли дать содержание и единство широкому историческому труду, впервые помогли возвыситься над местной историей и стать на более универсальную точку зрения, связать в одно целое историю Европы и Азии, мира греческого и мира персидского... И у Геродота, несмотря на все его отступления и эпизоды, есть единый, общий план, есть, наконец, общие руководящие идеи, проникающие весь его труд, своя, так

¹ Это заметили еще в древности: Дионисий Галикарнасский выражался о Геродоте, как о «подражателе Гомера» (Ad Gn. Romp. 3, p. 771), а по Лонгину, один только Геродот был *ὀμηρομίμητος* (De sublim. 12).

² *Fohl.* Tragische Kunst bei Herodot. Borna; Leipzig, 1913.

сказать, философия истории... В этом его основное отличие от его предшественников и право на наименование «отца истории», конечно, в известном смысле, с некоторыми оговорками.

Биография Геродота 1. Родиной Геродота был Галикарнасс², дорийский город на карийском побережье, на рубеже между миром греческим и варварским, с господствовавшим ионийским диалектом и ионийской культурой, с довольно обширными торговыми связями; все это — условия, которые должны были благоприятствовать расширению умственного кругозора «отца истории», способствовать отрешению от какой-либо узкой племенной точки зрения и усвоению более универсальной. По обстоятельствам своей жизни, по своим интересам Геродот — скорее представитель всего греческого мира, нежели одного какого-либо города или племени, и как бы посредник между Азией и Европой, Персией и Грецией. Родился Геродот незадолго до нашествия Ксеркса на Грецию (приблизительно в 484 году)³, дожил до

¹ Биографические сведения о Геродоте главным образом см.: Suidas-Lexicon, s. v. *Ἡρόδοτος* и *Πανύασις*; пособия: *Dahlmann E. F.* Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte. Bd. II: Herodot. Aus seinem Buche sein Leben. Altona, 1824; *Bauer Ad.* Herodots Biographie. Wien. 1878 // SB-Wien. Bd. 89; *Rühl F.* Herodotisches // Philologus. 1882. XLI; *Dietrich R.* Testimonia de Herodoti vita praeter itinera. Leipzig, 1899.

² У некоторых древних Геродот называется «фурийцем», например, Аристотель (Rhet. III, 9), цитируя начальные слова вступления Геродота вместо *Ἀλικαρνησέος* употребляет *Θουρίου*. Такое чтение теперь считают более древним. В пользу его говорит и цитата в недавно найденной храмовой хронике г. Линдоса (см. выше с. 71): *Ἡρόδοτος ο Θουρίος...* Но если он так и назывался, то не потому, чтобы он родился в Фуриях (которые основаны были лишь в 444/443 г.), а потому, что для него Фурии сделались как бы второю родиной.

³ По свидетельству Памфилы (писательницы времен Нерона), приводимому Авлом Геллием (Noct. Att. XV, 23), не вполне, правда, категорическому («videtur»), Геродоту при начале Пелопоннесской войны было 53 года — очевидно, цветущая пора (*αἰχμή*) его, т. е. 40 лет, приурочивалась Памфилой ко времени основания Фурий.

первых лет Пелопоннесской войны и умер, вероятно, около 425 г.¹ Следовательно, он был современником того периода греческой истории, который носит название «Пятидесятилетия» (от Платейской битвы до Пелопоннесской войны); его детские годы совпали с героической борьбой греков против персов, а зрелый возраст — с блестящим веком Перикла, с расцветом афинской демократии, умственной и художественной жизни Греции. Происходил Геродот из знатного рода и состоял в родстве с Паниасидом, известным эпическим поэтом, поклонником Гомера, любителем оракулов, всяких чудес и предзнаменований, оказавшим, по-видимому, влияние на литературное образование и мировоззрение «отца истории». Если верить свидетельству лексикографа Свида, Геродот в молодости принимал деятельное участие в политической жизни родного города, в борьбе против господствовавшего в нем тирана и вынужден был удалиться на остров Самос; потом, возвратившись в Галикарнасс, способствовал падению тирании, но тем не менее, вследствие недовольства граждан, покинул навсегда родину. Он жил некоторое время в Афинах, тогдашнем центре умственной и художественной жизни, «школе Эллады». Когда основывались Фурии в южной Италии, Геродот отправился туда.

Известно, что Геродот совершил ряд далеких путешествий; не говоря уже о малоазиатском побережье, островах Эгейского моря и Элладе, он путешествовал по Египту и доходил до острова Элефантины; был в Тире, Палестинской Сирии и северной Аравии, в Вавилоне и, по-видимому, в окрестностях Суз, а, быть может, и в Экбатане; посетил северные берега Понта и Колхиду, Фракию и Македонию, Кирену и, вероятно, Сицилию. Но к какому времени относится большая часть этих путешествий, сказать трудно².

¹ Геродот не знает ни о Сицилийской экспедиции, ни о занятии Декелии спартанцами (см. IX, 73), ни о Дарии II Нофе, вступившем на престол в 425/424 г., и не считает нужным отличать Дария Гистаспа как первого царя этого имени.

² В Египте Геродот был во всяком случае после битвы при Папремисе (что явствует из его слов: он видел черепа павших здесь в бою, III, 12), т. е. после 459 г.

Нам неизвестно также, в каком порядке, где и когда именно писал Геродот свое произведение I. Можно констатировать лишь, что это произведение (или, по крайней мере, вторая половина его) носит на себе очевидные следы того настроения, которое господствовало при возникновении Пелопоннесской войны; оно проникнуто горячею симпатиею к Афинам и в ярком свете выставляет их заслуги. Из отношения Геродота к персам видно, что тогда времена вражды и решительной борьбы уже давно миновали; уже Персия — не враг; врагами афинян являются Фивы, Коринф, Спарта. У Геродота есть и прямые указания на события Пелопоннесской войны (напр. VI, 91; VII, 137, 233; IX, 73). Но отдельные части или отрывки, предварительные наброски, записки или заметки могли, конечно, существовать и раньше. По-видимому,

¹ По одной гипотезе (*Kirchhoff A. Ueber die Entstehungszeit des Herodotes Geschichtswerkes. Berlin, 1878*), труд Геродота составлен по заранее определенному плану, постепенно, в различное время, в том порядке, как он есть; по другой гипотезе (*Bauer Ad. Die Entstehung des Herodotes Geschichtswerkes. Wien, 1878*), последние книги, посвященные истории Греко-персидских войн, написаны Геродотом раньше первых, и все произведение составилось из первоначально совершенно самостоятельных отделов или частей (*λόγοι*), соединенных потом в одно целое. Ф. Якоби в упоминавшейся статье (с. 107, примеч. 2), тоже держится мнения, что произведение Геродота составлено из первоначально самостоятельных *λόγοι*, под которыми он подразумевает «Чтения» (*Vorträge*): пред нами ряд самостоятельных описаний варварских стран — Персии, Лидии, Египта, Скифии и т. д., — описаний, которые вошли как экскурсы в историю Персии, представляемую первыми 6 книгами. К этому примыкает ряд исторических работ о Греко-персидских войнах, наполняющих вторую часть труда. Геродот начал свою деятельность как путешественник, с намерением дать описание населенных земель, подобно Гекатею. Но после пребывания в Греции, в Афинах, этнографический интерес у него отступил на задний план, а на первый план выдвинулся чисто исторический интерес. «Из путешественника Геродот стал историком персидской войны или, по крайней мере, рассказчиком об этой войне». Впрочем, попытки проникнуть в самый процесс составления Геродотова труда кажутся мне довольно бесплодными, да и для нашей цели — определить главным образом значение Геродота, как источника, и его степень достоверности — данный вопрос не имеет особенной важности.

Геродот не успел вполне закончить свой труд. Изложение доведено до взятия греками Сеста и как бы обрывается, хотя, может быть, до намеченного конца оставалось и немного I.

Содержание его труда. Во вступлении Геродот так определяет цель своего труда: он представляет свои «разыскания» (*ιστοριῆς ἀπόδειξις*), «дабы от времени не изгладились из памяти деяния людей и не преданы были забвению великие и достойные удивления подвиги, совершенные как эллинами, так и варварами, в особенности же — причина, по какой они вступили в войну между собою» (I, 1).

Геродот говорит сначала о столкновениях между Европою и Азиею, которые предшествовали борьбе греков с персами и как бы являлись ее прецедентами, излагает затем историю Лидии, Мидии и Кира, причем касается и Вавилона (I кн.)². По поводу египетского похода Камбиза он подробно останавливается на Египте (вся II кн.); потом возвращается к Камбизу, рассказывает о Лжесмердизе и Дарии Гистаспе, об организации Персидской монархии и тут же посвящает обширный экскурс истории Самоса (III кн.). По поводу похода Дария на скифов он сообщает подробности о Скифии и о народах, живших к северу от Понта, и о самом походе, а затем переходит к Кирене и Ливии (IV кн.), и только с

1 Э. Мейер (*Meyer Ed. Forschungen*. I, 189-190; II, 127 ff.) убедительно доказал, что Геродот не имел в виду продолжать свое изложение далее конца Греко-персидских войн, *τα Μηδικά*, что с последним словом греки связывали очень определенное понятие — именно о том периоде борьбы, который закончился отражением персов в 479/478 г.— и что Геродот ясно отличает от этого периода последующий (например, VIII, 3; события после 479/478 г. принадлежат не к *Μηδικά*, например, IX, 64). Поэтому Э. Мейер считает труд Геродота законченным. Но с этим трудно согласиться: изложение у Геродота как-то обрывается: едва ли концом мог служить тот эпизод об Артамбаресе и Кире, который мы находим теперь в заключительной главе (IX, 122). Во всяком случае такое неожиданное и странное заключение составляет полный контраст началу, которое Геродот счел нужным снабдить особым вступлением.

² Деление на книги и заглавие «Музы» принадлежит не самому Геродоту, а более позднему времени — александрийским грамматикам.

V книги Геродот приступает к главной своей теме — к истории Греко-персидских войн, начиная с Ионийского восстания и кончая битвою при Микале и осадю Сеста (кн. V—IX).

Таково содержание труда Геродота лишь в главных чертах. Попутно «отец истории» делает постоянно отступления, вставляя целый ряд эпизодов и экскурсов, останавливаясь на самых разнообразных предметах. Он сам заявляет, что его изложение охотно допускает подобные отступления (IV, 30). Его интересовало все «достопримечательное». История и география описываемых стран, лица и события, памятники и предания, чудеса и предзнаменования, природа и животные, жители, их верования, нравы и обычаи, жилища и одежда,— все это привлекало внимание любознательного и словоохотливого «отца истории» и обо всем этом он говорит с эпическими подробностями, с любовью останавливаясь на деталях, на чертах чисто анекдотических.

Над всем этим материалом и подробностями господствует, однако, несколько общих руководящих идей.

Мировоззрение. Одна из них, красною нитью проходящая чрез весь труд Геродота,— убеждение в «завистливости божества». «Божество завистливо» (I, 32; III, 40); «людские несчастья доставляют наслаждение богам»; человек не должен превозноситься, высоко мнить о себе, ибо всякое высокомерие постигает кара,— это Геродот повторяет много раз и от себя, и устами выводимых им лиц. Божество, говорит у него перс Артабан, мечет перуны в самые высокие здания и деревья, ибо оно любит сокрушать все выдающееся; оно не позволяет никому другому, кроме самого себя, высоко мнить о себе (VII, 10). В действиях Ксеркса Геродот усматривает преимущественно высокомерие и всю историю Ксерксова похода излагает главным образом с той точки зрения, что всякое непомерное возвышение влечет за собою наказание.

Миросозерцание греков мы привыкли представлять себе чрезвычайно жизнерадостным. Едва ли, однако, такое мнение безусловно верно; во всяком случае оно требует большого ограничения. Знаменательно, по крайней мере, то, что Геродот, этот представитель, быть может, лучшей поры в истории Греции,

проникнут если и не безысходным пессимизмом¹, то все же сознанием изменчивости всего человеческого, непостоянства земного счастья и величия, и грустная нота слышится по временам в его словах. «Полного счастья не существует для людей», — говорит он устами того же Артабана (VII, 49). Земное счастье скоропреходяще, и нет человека настолько счастливого, чтобы ему не приходило в голову не раз желание лучше умереть, чем жить; жизнь кратка, но вследствие несчастий и болезней и она может показаться даже долгою, а самая смерть — явиться желанным пристанищем (VII, 46). Никто не может назвать себя счастливым раньше смерти, говорит у Геродота Солон Крезу. Вообще человек подвержен превратностям, и не только отдельные лица, но и целые народы (I, 32). Круговращение человеческих дел не дозволяет, чтобы постоянно одни и те же лица были счастливы (I, 207). Великое в древности стало теперь малым, а великое теперь было раньше малым. Вот почему Геродот отводит в своем изложении место не только большим городам, но и малым. «Я знаю, — говорит он, — что человеческое счастье непостоянно, а потому я буду упоминать о тех и других» (I, 5). Даже такой период, как эпоха Греко-персидских войн и Пятидесятилетия, Геродоту представляется периодом величайших бедствий (VI, 98).

В мире действует Немезида. Она постигает Креза, как кажется Геродоту, за то, что тот считал себя счастливейшим из людей (I, 34). Эллины не верили троянцам, что те не могут выдать Елену, ибо ее нет в Трое (по мнению Геродота, Елена, действительно, находилась не в Трое, а в Египте), и так произошло по божескому соизволению, дабы поголовная гибель троянцев сделала ясную ту истину, что за тяжкими неправдами следуют и тяжкие наказания. Феретима погибает ужасною смертью за свою мстительность, ибо «чрезмерное мщение ненавистно богам» (IV, 205). Клятвопреступление преследуют боги; это выражено образно словами оракула: «у клятвы есть детище безымянное, и без рук, и без ног; но клятвопреступника оно преследует с ожесточением, пока не достигнет его и не погубит всего его

¹ См.: *Burckhardt J.* Griechische Kulturgeschichte. Berlin, II. 373 ff.

потомства и дома» (VI, 86). Гнев разгневанного божества обрушивается и на потомков (VII, 134 сл.).

Все подчинено року. В иных случаях у Геродота рок отождествляется с божеством: «что по определению божества должно случиться, того человек не в силах предотвратить», говорит у него один перс в предвидении гибели Мардония и его войска (IX, 16). В других случаях высказывается мысль, что и само божество не может избежать определения судьбы (I, 91): боги бессильны предотвратить ее веления; они могут лишь несколько замедлить исполнение того, что суждено.

Геродот — представитель теории провиденциализма, которую — конечно, *mutatis mutandis* — мы не раз встречаем потом в разных видах и в средние, и даже новые века, хотя бы, например, у Боссюэта. По Геродоту, в истории действует мудрый божественный промысл (*του θεου ή πρόνοια... εοῦσα σοφίη*, III, 108), направляющий судьбы людей, целых народов и государств. Божественное устройство человеческих дел, по его словам, явствует из многих примеров (IX, 100).

Геродот допускает непосредственное вмешательство божества в ход этих дел. Он верит в чудеса, в оракулы и предсказания, в видения и сны, вообще в предзнаменования событий. Так, например, Дельфы спасены были от персов благодаря чуду (VIII, 37 сл.); богиня Деметра, по предположению Геродота, сама не допустила врагов в свое святилище (IX, 65). «Отец истории» считает нужным подробно говорить о гадателях в войске греков и в войске Мардония (IX, 33 сл.). Изречениям оракулов он вообще отводит очень видное место в своем повествовании; у него они обыкновенно сбываются или толкуются в благоприятном для оракула смысле; в крайности всегда находится какой-нибудь выход или оправдание (например I, 159). Даже мнение о пределах Египта Геродот подкрепляет ссылкой на решение аммонского оракула (II, 18). Сновидения у него открывают истину относительно предстоящих бед (I, 34). Явное, по мнению Геродота, чудо, вроде рождения зайца от лошади, служило предзнаменованием позорного для Ксеркса исхода его предприятия, но Ксеркс не обратил внимания на это чудо, хотя и легко было понять его

значение (VII, 57; ср. I, 175; VIII, 65). Сообразно такому воззрению Геродот часто отдает предпочтение версиям с чудесным, сверхъестественным элементом. Под влиянием своих излюбленных идей он иногда делает даже фактические ошибки, искажает или передвигает хронологические даты. Например, затмение, бывшее на самом деле в 478 г., он приурочивает ко времени Ксерксова похода и из частного превращает в полное (VII, 37) ¹, ибо видит в нем предзнаменование. Из набожности и благоговения пред всем божественным Геродот иногда боится касаться священных предметов, умалчивает имена или воздерживается от сообщения подробностей (II, 65, 170, 171; III, 132 и проч.). К лицам мифическим, богам и героям, он относится большею частью как к историческим и современным ему деятелям.

Таково мировоззрение «отца истории». Многие из отмеченных взглядов составляют в сущности общую принадлежность греков и в частности тогдашней эпохи. Аналогичные идеи о роке, о том, что никто раньше смерти не может назвать себя счастливым, — мы встречаем и у трагиков, например, у Софокла (Эдип) и даже Еврипида (Андромаха). А в отношении к оракулам и сновидениям, предзнаменованиям и чудесам Геродот является представителем скорее народных верований: тут он шел не впереди своего века, не во главе движения критической мысли, а скорее — позади. Но мировоззрение Геродота не отличалось цельностью и строгою определенностью. Дело в том, что «отец истории» стоял на рубеже двух эпох — эпохи веры, благоговейного отношения к унаследованному от предков, и эпохи начинающегося рационализма, смелой критики, софистического движения, века «просвещения» (Ф. Г. Мищенко. I, 1 сл.). Набожность и легковерие у него борется или сочетается с зачатками рационализма и стремлением объяснить факты естественным путем. В результате — подчас колебания, некоторая непоследовательность и про-

¹ Э. Мейер (*Meyer Ed.* Geschichte des Alterthums. III, 354), ссылаясь на *Judeich J. W.* (HZ. XLII), полагает, что затмение, о котором говорит Геродот, есть, вероятно, не затмение 478 г., а 481 г., которое видно было в Сузах.

тиворечия: рядом с верой в оракула, предзнаменования и непосредственное вмешательство божества у Геродота обнаруживается рационализм и даже скептицизм.

Примеры рационализма. В этом отношении характерны его замечания о происхождении Темпейской долины: фессалийцы говорили, что ее сделал Посейдон, и, по мнению Геродота, говорили справедливо: ибо кто вообще полагает, что Посейдон потрясает землю и что подобные ущелья — дело этого бога, тот и в данном случае скажет, что ее сделал Посейдон, так как для Геродота ясно, что эта долина — результат землетрясения (VII, 129). Или, наоборот, после здравых и основательных критических замечаний по поводу рассказа о том, как египтяне хотели было принести Геракла в жертву, рассказа, называемого им «нелепою баснею», он вдруг прибавляет в конце: «Впрочем, да будут к нам милостивы боги и герои, что мы столько наговорили о них» (II, 45). Геродот до некоторой степени сознает противоречия в изречениях предсказателей и поэтому одним он верит, другим не верит (VIII, 77). Или, например, «бурю у Сепиادا усмирили маги при помощи жертв и заклинаний», «а может быть, — прибавляет Геродот, — она сама по себе унялась» (VII, 191). Происхождение сновидений, которым он придавал такое значение, в одном месте он объясняет естественным путем: во сне, говорит у него упомянутый уже Артабан, в виде призраков перед нами является то, о чем мы думаем днем (VII, 16). Геродот не берется решать, явилась ли психическая болезнь Камбиза, как наказание за его поступок с Аписом, или по какой-либо другой причине, но полагает, что так как Камбиз с самого рождения страдал серьезною болезнью, называемую священной (т. е. эпилепсией), то естественно, что и ум его не был здоров (III, 33). Интересны попытки «отца истории» рационализировать мифы или невероятные рассказы. Додонские жрицы рассказывали, будто голубка, прилетев в Додону, человеческим языком возвестила, что здесь должно быть основано прорицалище. По объяснению Геродота, эта голубка — на самом деле женщина-чужеземка, которая говорила сначала на непонятном языке, т. е. как будто по-птичьи, а потом заговорила по-человечески,

т. е. понятно для туземцев (после того, как выучилась их языку); «ибо иначе каким же образом, — недоумевает Геродот, — голубка могла бы говорить на человеческом языке?» (II, 57). Под пухом, наполняющим воздух, о котором рассказывали скифы, по Геродоту следует подразумевать снег, который назван пухом по сходству (IV, 31). Рассказ о бездонности Нила он объяснял тем, что там существует водоворот, и вследствие этого опущенный лот не может достать дна (II, 28). Скиллий, о котором говорили, что он нырнул у Афей, а вынырнул у Артемисия и таким образом проплыл под водой около 80 стадий, по мнению Геродота, прибыл просто на лодке (VIII, 8), и проч.

Политические симпатии Геродота. Не без влияния на изложение Геродота были его политические воззрения и симпатии.

У него есть своего рода трактат о формах правления, в котором выставляются как преимущества, так и недостатки демократии, олигархии и монархии; это — речи персидских вельмож, свергнувших Лжесмердиза (III, 80 сл.), речи, подлинность коих «отец истории» категорически отстаивал. Из других мест мы видим, что он не сочувствовал тирании: он рисует ее в мрачных красках (см., например, V, 92 сл.), хотя к отдельным личностям тиранов он относится благодушно и отмечает их чисто гуманные черты и культурные заслуги. В сущности же симпатии Геродота — почти всецело на стороне афинян и их демократии, с ее «исономией» и «исегорией». Сказав о Клисфене и о той борьбе, какую пришлось выдержать вновь установленной афинской демократии против целой коалиции, он замечает (V, 78), что «не только из этого примера, но вообще ясно, какая хорошая вещь равноправие», «что пока афиняне управлялись тиранами, они в военном деле не превосходили никого из своих соседей, а свергнув тиранов, они стали далеко первые», и как бы забывает, что именно при Писистрате афиняне достигли большого внешнего могущества — что уже тогда чрезвычайно расширилась сфера их политического влияния и намечено было то, что совершено Афинами V в., в пору расцвета демократии.

¹ Раньше (V, 66) Геродот сам на это указывает.

В истории Греко-персидских войн Геродот выдвигает афинян на первый план, почти везде отводит им главную роль и ярко выдвигает их заслуги. Он открыто высказывает свое мнение, «ненавистное», правда, большинству греков, но ему кажущееся истинным, именно, что от афинян зависел исход борьбы, и «кто сказал бы, что они явились спасителями Эллады, тот не погрешил бы против истины» (VII, 139). Что касается отдельных лиц, то Геродот, например, изображает в неблагоприятном свете личность Фемистокла и, очевидно, преклонялся пред Периклом (VI, 131). Нельзя, однако, сказать, чтобы Геродот был проникнут враждою к Спарте; напротив, у него не раз встречаются отзывы о спартанцах, более или менее благоприятные (например VII, 102, 104; IX, 71). Гораздо хуже относится Геродот к коринфянам, а тем более к фиванцам, измена коих делу греков и союз с персами выставляются особенно на вид, без всяких смягчений, что составляет контраст с снисходительным отношением его к поведению Аргоса. Строгость в первом случае и снисходительность во втором объясняются главным образом отношениями Фив и Аргоса к Афинам в ту пору, когда Геродот писал свою историю. Наконец, следует иметь в виду очевидное пристрастие его к дельфийскому оракулу.

Отношение к варварам. «Отцу истории», несмотря на весь его эллинский патриотизм, чужды национальная исключительность и презрение к варварам, от которого не совсем свободен был даже такой ум, как Аристотель. У Геродота там, где он говорит о варварах, сказывается гуманное отношение к ним. Плутарх, с оттенком упрека, называл его *φιλοβάρβαρος*. История, нравы и обычаи как культурных народов древнего Востока, так и нецивилизованных племен, подобных, например, скифам, живо интересовали Геродота. Человечное отношение к варварам обнаруживается у него и в других случаях, в характеристике отдельных лиц. Вспомним, например, его Креза, которым овладевает чувство жалости и сострадания даже к убийце — правда, невольному — его сына (I, 45). Вообще рассказ о Крезе — один из трогательных эпизодов в «Истории» Геродота. Геродот не скрывает великодушных поступков или мягких мер Дария (VI, 41—42, 119). Даже в

отношении к такому врагу Греции, как Ксеркс, мы не заметим у него чувства злобы: и этому персидскому царю в изображении Геродота не чужды великодушные и гуманные черты (VII, 136). Конечно, выводимых им персов, лидийцев и вообще варваров «отец истории» слишком эллинизирует: они у него обыкновенно лишены национальных черт и очень уж похожи на греков.

Источники. Степень достоверности Геродота в значительной мере зависит, разумеется, от его источников ¹.

Источником для Геродота служили, во-первых, его личные наблюдения, заключения и разыскания (*οφίς τε εμψ και υνώμψ και ίστορίψ*, II, 99). А поле его наблюдений, как мы видели уже (с. 110), было обширное — от Элефантины в Египте и Кирены до северных берегов Понта и Колхиды, от Вавилона и, вероятно, окрестностей Суз до южной Италии и Сицилии. Для оценки Геродота как исторического свидетеля важно было бы определить в точности, какие именно страны посетил он лично ². К сожалению, это приходится решать лишь на основании собственных его слов и указаний, заключающихся в его труде. А при этом нередко могут возникнуть сомнения: говорит ли Геродот на основании личных, непосредственных наблюдений или же со слов других, черпая, так сказать, из вторых рук, даже тог-

¹ *Gutschmid Alf. v.* Index fontium Herodoti / Kleine Schriften. IV. 145 ff.; *Bauer Ad.* Themistokles. Studien und Beiträge zur griechischen Historiographie und Quellenkunde. Merseburg, 1881; подробный анализ источников Геродота в статье: *Jacoby F.* // RE. Supplement. II. 1913; ср.: *Obst E.* Der Feldzug des Xerxes. Leipzig, 1913.

² О путешествиях Геродота имеется целая литература: *Breddin G.* Bedenken gegen Herodots asiatische Reise. Magdeburg, 1857; *Matzat H.* Über Glaubwürdigkeit der geographischen Angaben Herodots über Asien // Hermes. 1872. VI; *Hachez C.* De Herodoti itineribus et scriptis. Göttingen, 1878; *Hildebrandt F. L.* De itineribus Herodoti europaeis et africanis. Leipzig, 1883 (Diss.); *Sourdille C.* La durée et l'étendue du voyage d'Hérodote en Egypte. Paris, 1910, и т. д. Подробно о путешествиях Геродота говорится также у Stein *W.*, затем также у *Hauvette B. Am.* Hérodote, historien des guerres médiques. Paris, 1894; *Macan R. W.* Herodotus, the Fourth, Fifth and Sixth Books. 1895; *Ф. Г. Мищенко* и *F. Jacoby*.

да, когда речь о местностях, которые он посещал? Так, в I, 178, он говорит о стенах и воротах Вавилона, как будто он их видел, а из дальнейшего (III, 159) оказывается, что вавилонские укрепления и ворота были в то время уже разрушены; или, например, Геродот говорит, что статуи в храме Бела в его время уже не было (I, 183), причем его изложение дает повод думать, что самый храм еще существовал; между тем есть свидетельство, что храм был разрушен одновременно с унесением статуи ¹. Колоссальные размеры Вавилона, о которых говорит Геродот, не подтверждаются новейшими раскопками.

Слова Геродота, что такой-то памятник или обычай уцелел «до меня», «до моего времени», не всегда следует понимать так, что он видел или наблюдал его лично. Также, когда Геродот ссылается на свидетельство туземцев как на свой источник, это еще не значит, что сообщаемые сведения он получил на месте: он мог получить их иным путем, через вторые и третьи руки, или хотя и от туземцев, но встреченных им не на их родине, а в другом каком-нибудь пункте ².

Но главный источник Геродота — устная традиция ³: рассказы различных лиц — жрецов, переводчиков и проводников, очевидцев и участников событий, их потомков или родственников, — народные предания и легенды, ходячие анекдоты, речи ⁴, в которых вспоминались подвиги былого времени, и т. п. Так,

¹ Б. А. Овett (Hauvette), впрочем, примиряет эти противоречия.

² См. об этом в особенности: *Macan R. W.*, I. P. LXXVII sq., который высказывает сомнения, был ли Геродот в Ардерикке, близ Суз, где Дарием поселены были пленные греки, сохранившие свой язык, по свидетельству Геродота, «до его времени» (VI, 119); ср. также: *Мищенко Ф. Г.*, I. С. CXX.

³ *Nitzsch K. W.* Über Herodots Quellen für die Geschichte der Perserkriege // RhM. Bd. 27.1872; *Wecklein N.* Ueber die Tradition der Perserkriege // SB-München, 1876; *Delbrück H.* Die Perserkriege und die Burgunderkriege. Leipzig, 1887.

⁴ По *Nitzsch K. W.* это были *λόγοι*, застольные речи во время, например, сисситий (с. 247, 248); *E. Meyer* указывает в особенности на надгробные речи (*E. Meyer.* Forschungen. II, 219 ff.), *Macan R. W.* на речи судебные (*Macan R. W.* Herodotus... I. P. LXXXVI).

один из самых важных для нас отделов Геродота — история Греко-персидских войн — изложен преимущественно на основании традиции устной, и это необходимо принимать в соображение при пользовании Геродотом. В описании, например, Платейского сражения и предшествовавших ему эпизодов можно отметить, во-первых, традицию афинскую, затем спартанскую, тегейскую и, может быть, беотийскую и даже македонскую. В некоторых случаях Геродот прямо называет своих свидетелей по имени, например, орхоменца Ферсандра (IX, 16); афинского изгнанника Дикея (VIII, 65); лакедемонянина Архия, внука того Архия, который принимал участие в походе против Поликрата Самосского (III, 55); Тимна, доверенное лицо скифского царя Ариапейфа (IV, 76), и др. (VI, 105, 177; II, 55).

В основе многих рассказов Геродота лежат в сущности т. наз. новеллы, род произведений, не чуждый тому периоду греческой истории, который некоторые новейшие исследователи не без основания сравнивают с западноевропейским средневековым. Таковы рассказы в особенности о тиранах — Кипселе и Периандре, о свадьбе Агаристы (дочери Клисфена Сикионского), о Поликратовом перстне и проч.

Геродот пользовался и письменными источниками². Он вполне усвоил тогдашнее литературное образование и был прекрасно знаком прежде всего с поэтическими произведениями. В его труде мы встречаем частые ссылки на Гомера, слова ко-

¹ *Erdmannsdorffer B.* Das Zeitalter der Novelle in Hellas // *RJb.* 1869. XXV; *Klunzger B. П.* О сказочных мотивах в истории Геродота // *КУИ.* 1903. Март; *Rasch J.* Sophocles quid debeat Herodoto in rebus ad fabulas exoptandas adhibitis (Commentationes philol. Ienenses). Lipsias, 1912.

² Что Геродот пользовался преимущественно этого рода источниками, главным образом, трудами своих предшественников, а не столько личными наблюдениями или устной традицией, на этом настаивают в особенности *Sayce A. H.* The Ancient Empires of the East. Herodotos. I—III. Oxford, 1883; *Macan R. W.*; *Panofsky E.* De historiae Heroloteas fontibus. Berlin, 1884; последний допускает устную традицию, как источник Геродота, лишь в редких (точнее, единственном) случаях. Рец. на кн. *E. Panofsky: Мищенко Ф.Г.* // *ЖМНП.* 1888. Июль.

торого для него, как и вообще для большинства греков, — историческое свидетельство, и на других поэтов. Немало он обязан своим предшественникам — логографам, в особенности Гекатею I. Последнего в одном месте (V, 137) он прямо цитирует; в других случаях полемизирует с ним, не называя по имени, но резко, с насмешкой и пренебрежением (IV, 36; II, 21). И тем не менее Геродот многое почерпнул у Гекатея, преимущественно в отделе об Египте; несомненно, например, что о фениксе, гиппопотаме и ловле крокодилов он говорит со слов своего предшественника. Даже там, где, по его заявлению, он излагает «собственные наблюдения, заключения и разыскания», оказывается, что он черпает многое у Гекатея. Пользовался ли Геродот Ксанфом, как прежде обыкновенно полагали², сомнительно³, ввиду различия в их версиях там, где речь идет об одних и тех же лицах или эпизодах⁴.

Один из самых любимых источников Геродота — изречения оракулов, преимущественно дельфийского, и разных предсказателей, хреспологов, подобных Бакиду и Мусею. Такие изречения распространялись не только в устной форме, но и в виде сборников⁵. Некоторые сведения Геродот, очевидно, почерпнул и из

¹ *Diels H.* Herodot und Hecataeus // *Hermes.* 1887. XXII.; *Prasek J. V.* Herod, a Hekataios // *Ceske Mus. Filologieque.* 1899; *его же.* Hekataios als Herodots Quelle zur Geschichte Vorderasiens // *Beiträge zur alten Geschichte.* 1904. IV; *Herrmann M.* Hecataios als mutmassliche Quelle Herodots in seiner Beschreibung des Xerxeszuges // *Klio.* 1911. XI.

² На основании свидетельства Афинейя, ссылающегося на Эфора, будто Ксанф был старше Геродота и даже побудил его взяться за составление своего труда (Xanthi. Fr. 10).

³ *Gutschmid Alf. v.* Kleine Schriften. IV, 307 ff; *Meyer E.* Forschungen. I, S. 167-168.

⁴ Гипотеза (*Trautwein P.* Die Memoiren Dikaios. Eine Quelle des Herodoteischen Geschichtswerkes // *Hermes.* 1890. XXV), будто главным источником для истории Греко-персидских войн Геродоту служили мемуары Дикея (упомянутого выше, с. 122), лишена всякого основания.

⁵ По *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Arisroteles und Athen. I, 284, существовали дельфийские *υπομήματα*, которые служили суррогатом хроники и содержали изречения оракула с относящимися к ним

письменных памятников, более или менее документального характера, официальных¹ или, по крайней мере, довольно точных записей современников. Сюда могут быть отнесены, например, перечисление персидских сатрапий и их податей (III, 89 сл.), описание царской дороги из Сард в Сузы (V, 52—53), перечисление народностей, входивших в состав Ксерксова войска (VII, 51 сл.) с именами начальников отдельных контингентов и эскадр (за исключением эпизодических подробностей и цифровых данных, заимствованных, конечно, не из этого источника). Не раз цитирует Геродот и надписи, например, на стелах, статуях, изображениях или иных предметах² (между ними иногда не подлинные). Вообще он пользовался и вещественными памятниками, остатками зданий и сооружений, дарами, хранившимися в различных храмах и т. д., как источником.

Что касается приводимых Геродотом речей, то они, разумеется, не подлинны и в большинстве случаев проникнуты морализующей тенденцией, изукрашены вымыслом, частью заимствованы из предания, частью — являются плодом творчества самого историка; но определить, что в них принадлежит выводимому лицу, что самому Геродоту и что — его источнику, очень трудно.

Как же относится Геродот к самому материалу?

Историческая критика у Геродота. Говоря вообще, он различал то, что видел сам, от того, что слышал, подлинно известное ему от не вполне, по его мнению, достоверного, результаты собственных наблюдений и заключений от сведений, полученных путем расспросов³ (II, 99; I, 183, 140; II, 53, 148); но в частности нелегко решить, где оканчивается его автопсия и где начинаются показания свидетелей, со слов коих он говорит; да и сам он сознавался рассказами о поводах, вызвавших изречения, и об исполнении этих последних. Относительно этого ср. однако: *Æri J. De Herodoti fonte delphico.* Basel, 1899.

¹ Геродот упоминает о царских писцах или секретарях при войске Ксеркса (VII, 100; VIII, 90).

² II, 125, 141; IV, 87, 88, 91; V 77; VI, 14; VII, 228.

³ *μέχρι μὲν τούτου ἕψις τε ἐμῆ καὶ γνώμη καὶ ἱστορίῃ ταῦτα λέγουσα ἔστι, το οὐ ἀπὸ τοῦδε Αἰγυπτίους ἐρχομαι λόγους ἐρέων κατὰ τα ἡγούον.*

ется, что к слышанному от других присоединял и свои собственные наблюдения (например, II, 99)¹, Геродот передает слышанное, но это не значит, что он ручается за его достоверность: «Я сообщаю только то, что рассказывают сами аргивяне», заявляет он; «я обязан передавать то, что говорят, но верить всему не обязан, и это мое заявление относится ко всему моему изложению», предупреждает он (VII, 152). «Правда ли это, — замечает Геродот по другому поводу (IV, 195), — я не знаю; но что говорят, то я и пишу» (ср. II, 123). Поэтому Геродот нередко передает сообщения, которым сам не верит или против которых возражает (например, IV, 105; ср. III, 3). Очень часто Геродот приводит несколько версий, иногда прямо говоря, какой из них он отдает предпочтение и почему именно (III, 9, 56; II, 12; VIII, 119 сл.), а иногда предоставляет самому читателю сделать выбор (например, III, 122; ср. II, 146). В других случаях, приводя один какой-либо рассказ, как более правдоподобный по его мнению, он отмечает, что существовали и иные версии (например, I, 214).

У Геродота мы видим немало примеров критического отношения к материалу; он не верит многому из того, что слышал и что считает своим долгом передать, например, рассказам о фениксе, об одноглазых людях, превращении неводов в волков или о превращении кумиров, павших будто бы на колени и в таком положении оставшихся, и т. п. Некоторые рассказы Геродот прямо называет выдумками праздными или нелепыми и по поводу их делает замечания и возражения, иногда очень основательные, — любопытные опыты тогдашней исторической критики. На основании противоречий между «Илиадой» и «Кипрской поэмой» он, например, отвергает принадлежность последней Гомеру (II, 117). Рассказ о дочери Микерина и статуях служанок, изображенных с отрубленными будто бы руками, Геродот считает «пустою болтовнёю»: «Мы сами видели, — говорит он, — что руки колоссов отвалились от времени и еще в мое время лежали тут же, у ног их» (II, 131).

При доказательствах нелепости какого-либо рассказа или ошибочности мнения Геродот ссылается, между прочим, на

¹ *προσέσται δε τι καὶ αὐτοῖσι τῆς ἐμῆς ὀψιος.*

обычаи или законы страны (II, 45; III, 2). Основываясь на наблюдениях над многочисленными отдельными случаями, он делает заключения об общем правиле, например, о почтительном отношении персов к царским детям (III, 15). Геродот подмечает связь между состоянием тела и духа человека (III, 33), между природными условиями и характером населения (IX, 122). Его приемы подчас правильны, хотя выводы и неверны, вследствие недостаточности материала или наблюдений. Доказывая происхождение колхидян от египтян, Геродот основывается на сходстве в наружности (не придавая, однако, этому признаку решающего значения), на сходстве в обычаях (обрезание) и в способах приготовления полотна (II, 104—105). Наконец, примеры попыток рационального объяснения мифов и преданий у Геродота мы видели выше (с. 117—120).

Иногда критицизм Геродота заходит даже слишком далеко, оказывается неуместным, а его собственные соображения — неудачны. Например, он не верит, чтобы существовали люди, пребывающие во тьме целых 6 месяцев, или чтобы финикияне, плывя вокруг Африки из Красного моря, имели солнце с правой стороны; смеется над мнением Гекатея, что земля окружена океаном; отвергает предложенные объяснения причин разлития Нила и предлагает свое, совершенно несостоятельное и т. д.

Недостатки Геродота и их объяснение. Еще в древности мы встречаем часто неблагоприятные отзывы о Геродоте. Фукидид, по-видимому, причислял его к логографам, о которых отзывался пренебрежительно. Ктесий старался уличить Геродота во лжи и искажении истины (насколько успешно — это другой вопрос). Аристотель называл его «мифологом», хотя и пользовался им. Страбон тоже указывает на любовь Геродота к мифам и считает Гомера и Гесиода более заслуживающими доверия, чем подобных ему историков. Цицерон, назвавший Геродота «отцом истории», находил, однако, у него «бесчисленные басни». Авл Геллий прямо называл его «homo fabulator». Плутарх, в качестве беотийца особенно обиженный отношением Геродота к фиванцам, написал целый трактат «О злости Геродота» (Περὶ τῆς Ἠρόδοτου χακοῦθείας), в котором он старается уличить его в при-

страстии и считает верхом злости то, что он будто бы свои нападки и клеветы скрывает под личиной мягкости и простодушия. А сатирик Лукиан помещает Геродота в ад вместе с Ктесием и некоторыми другими за их лживость. В новейшее время «отец истории» тоже не раз подвергался нападкам или слишком строгому суду. Его сравнивали с Марко Поло и Дефо, упрекали в «плагиате», в «вопиющей недобросовестности» (Сэйс), видели в нем подкупленного афинянами свидетеля или апологета дельфийского оракула. И нельзя отрицать: у Геродота немало недостатков. Он очень часто обнаруживает легкое верие и склонность к анекдотам; в его труде мы встречаем много баснословных, нелепых рассказов; истина у него смешана с вымыслом и неправдой. Мы найдем у Геродота немало ошибок. Показания, например, о численности Ксерксовых полчищ и вообще персидских войск, очевидно, неверны и преувеличены¹. Описания военных действий вызывают ряд сомнений и недоумений и иногда оказываются неправдоподобными. Он не оценил должным образом Фемистокла и своими сообщениями набрасывает на него тень. Геродот — почитатель дельфийского оракула; он — явно на стороне афинян; мотивы и поведение спартанцев у него представлены, быть может, не всегда согласно с действительностью; фиванцев и коринфян он судит слишком строго и во всяком случае прилагает к ним иной масштаб, нежели, например, к аргивянам и фессалийцам. Геродот несправедлив по отношению к своему предшественнику Гекатею, глумится над его сообщениями и соображениями, а сам пользуется им, не всегда называя свой источник; он — подчас преувеличенного мнения о точности своих наблюдений и сведений и т. д.

Но не будем слишком строги к «отцу истории»²: мы должны судить о нем не с точки зрения современной науки, а с точки зрения условий его времени. Следует различать желание, стремление Геродота узнать истину и возможность достичь этого, — средства,

¹ Об этом см. главным образом *Delbrück H.* Die Perserkriege und die Burgunderkriege, и более новый его труд: *Geschichte der Kriegskunst.* Berlin, 1900 (I; 2. Aufl. 1908).

² Оправдание Геродота см. преимущественно у Ф. Г. Мищенко, предисловия к I и II т.: *Croiset A.* и *Hauvette B. A.*

находившиеся в его распоряжении. Его желание разыскать истину не подлежит сомнению; круг интересовавших его явлений — очень широк, и нельзя не удивляться любознательности Геродота. Он предпринимает далекие путешествия, несмотря на всю затруднительность тогдашних путей сообщения. Он обращается с расспросами к местным жителям, осматривает памятники, сам производит измерения, на поле битвы при Пелусии сличает черепа павших в бою... Он плывет в Финикию, в Тир, желая добыть точные сведения относительно культа Геракла (II, 44); совершает путешествие в северную Аравию для разведок о крылатых змеях (II, 75) и т. д. Добросовестность Геродота видна и из того, что он считает долгом сообщить слышанное и даже такие версии, которым не верит и которые противоречат высказанному им взгляду. Многие ошибки и неточности «отца истории» невольны или вполне понятны и неизбежны. Виною других был не столько он сам, сколько условия его деятельности как историка, — тогдашнее младенческое состояние исторической мысли, делавшей лишь первые свои шаги; самые средства к отысканию истины были еще крайне несовершенны, приемы не были выработаны, а источники, находившиеся в распоряжении Геродота, — большею частью ненадежны. Геродот мог быть прекрасным наблюдателем внешних фактов, но в чужих странах, подобных Египту, ему приходилось полагаться, например, на проводников или переводчиков, делаясь жертвою их невежества или обмана, тем более, что языка этих стран он не знал. В истории Греко-персидских войн та устная традиция, которая давала Геродоту главный материал, являлась тоже источником далеко не совершенным. На эту традицию влияло желание представить прошлое в возможно более величественном и славном виде, преувеличить размеры борьбы, затушевать все, что могло казаться пятном для греков. Влияли на нее и местные симпатии и антипатии, счеты и раздоры греческих государств между собою, наконец — любовь ко всему анекдотическому. Не говорю уже о том видоизменении, которому должна была подвергнуться

¹ Любопытно, что Сэйс, уличая Геродота в неверном сообщении и желая исправить его, сам впадает в явную ошибку; см.: *Croiset A.* II. 588.

традиция в течение приблизительно полувека, протекшего от отражения персов до момента, когда Геродот обработал свой труд.

Пристрастия Геродота не следует преувеличивать. Отзвев Геродота о заслугах афинян в деле отражения персидского нашествия еще в древности ставили иногда в связь с известием о том, что историк получил от афинян в дар 10 талантов¹, Известие носит документальный характер (приводится имя лица², внесшего псефизму), но награжден был Геродот, разумеется, не за похвалы и лесть афинянам, ибо в таком случае и повод, и самая сумма были бы необычайны³, а за какие-либо иные заслуги или услуги⁴. Подкупленного свидетеля нельзя видеть в нем уже и потому, что, как справедливо замечает даже автор трактата «О злостности Геродота», не все его сообщения могли понравиться афинянам.

Далее, признавая в Геродоте открытого сторонника Афин, мы не можем, однако, согласиться с мнением, высказанным таким выдающимся ученым, как Эд. Мейер, будто Геродот писал свой труд в оправдание афинян и Перикловой политики, приведшей к Пелопоннесской войне, и будто желание рассеять предрассудки насчет Афин и

¹ Plut. De malign. Herod., 26. p. 862b, со слов афинского историка III в. до Р. Хр., Диила.

² Анит. Эд. Мейер отождествляет его с известным деятелем по восстановлению демократии в Афинах в 403 г., обвинителем Сократа (*Meyer Ed.* Forschungen... 1,200 ff.). Относительно времени псефизмы: *ibid.*; *Rühl F.* Herodotisches // *Philologie.* 1882. XLI. S. 71.

³ Некоторые предлагают вместо 10 читать меньшую цифру, например, 4 или даже 1 (*Hauvette B. A.* Hérodote...).

⁴ Высказывались предположения, что добытые Геродотом сведения и его труд имели для афинян весьма важное практическое значение в виду их отношений к Персии и обширных торговых и политических сношений, в особенности с Египтом и Припонтийскими странами, и что Геродот получил упомянутый дар в возмещение крупных затрат по далеким путешествиям и добытию сведений о чужих странах и народах (*Holm A.* Griechische Geschichte von ihrem Ursprünge bis zum Untergange der Selbständigkeit. Berlin, 1885. II. 332) или за дипломатические услуги вроде, например, участия в переговорах с Персией (*Meyer Ed.* Forschungen... I. S. 200-201; *Busolt C.* II, 607-608).

выставить в ярком свете их заслуги в прошлом именно и побудило его, ввиду наступления решительной борьбы, собрать результаты своих многолетних разысканий в одно произведение 1. Думать так значит в сущности низводить труд «отца истории» на степень тенденциозного произведения 2 и искажать его характер. Спрашивается, для чего тогда бы Геродот останавливался с такою подробностью на Лидии, Персии, Египте, Скифии и проч. и посвящал подобным темам почти половину своего труда? Произведение Геродота есть дело многих лет, можно сказать — целой жизни, и задумано было, очевидно, давно, задолго до Пелопоннесской войны, хотя пережитые во время составления и обработки его события и впечатления и нашли себе в нем отражение. И еще вопрос, писал ли Геродот свой труд в Афинах, как полагает Эд. Мейер, а не в Фуриях, как категорически свидетельствует Плиний (XII, 18).

Несмотря на свое сочувствие к афинянам, Геродот в иных случаях воздавал спартанцам должное (см. выше, с. 119). В сущности мнение Геродота о заслугах афинян в деле борьбы с персами есть лишь справедливая оценка, констатирование факта.

К коринфянам вообще и в частности к Адиманту, отцу того Аристея, который сражался против афинян у Потидеи, перед началом Пелопоннесской войны, Геродот вряд ли мог питать сочувствие, и он представляет их образ действий у Артемисия и у Саламина в невыгодном свете; но, сообщая позорную для них версию по поводу Саламинского сражения, исходящую от афинян, он все же не скрывает, что версия коринфян была совсем иная — именно, что в сражении они были в числе первых — и что согласно с ними свидетельствует вся остальная Эллада (VIII, 94); и едва ли можно усматривать 3 здесь со стороны Геродота желание набросить тень на коринфян по правилу: если обвине-

¹ Meyer Ed. Forschungen... II. 196 ff.

² Эд. Мейер, правда, оговаривается, что он этого не думает и что это было бы абсурдом (Forschungen... II, 228); тем не менее в действительности взгляд его все же сводится к признанию труда Геродота произведением тенденциозным, написанным ad hoc.

³ Как делает это Эд. Мейер (Forschungen... II. 203).

ние и неверно, то все-таки «Semper aliquid haeret»; он сообщает обе версии потому, почему и в других случаях поступает подобным же образом, — согласно своему принципу: «передавать то, что говорят» (VII, 152) 1.

Значение труда Геродота. В общем значение труда Геродота для нас чрезвычайно велико. Геродот сохранил от забвения массу всевозможного материала по политической и культурной истории, по фольклору, географии 2 и этнографии 3 почти всех народов древнего мира 4. Его произведение — своего рода историко-географическая и этнографическая энциклопедия; это — «неисчерпаемая сокровищница сведений относительно прошлых времен». Не будь Геродота, наши сведения о древних народах и в частности о греках и борьбе их с персами во многих отношениях были бы скудны и ограничены, несмотря на все блестящие результаты новейших археологических открытий. И мы должны быть признательны ему за то, что он не строго соблюдал единство темы и стройность плана, за его многочисленные отступления, благодаря чему сохранилось столько драгоценных известий, и за то, что он передавал виденное и слышанное, большею частью «не мудрствуя лукаво», не отвергая, как негодный материал, доходившие до него рассказы, как бы невероятны они ни были даже в его глазах, и не подвергая их предварительно слишком строгому критическому разбору или рационалистической переделке. Многие из сообщений Геродота новейшими исследованиями опровергнуты, но многое

¹ Что касается сообщения о подкупе Еврибиада и Адиманта, то ведь по Геродоту прежде всего был подкуплен Фемистокл, который извлек главную выгоду для себя (VIII, 5).

² О географических сведениях Геродота см.: Berger Alf. Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipzig, 1903 (2. Aufl.); Windberg F. De Herodoti Scythiae et Libya? descriptione. Göttingen, 1913.

³ Grassl A. Herodot als Ethnologe. Ein Beitrag zur Geschichte der Völkerkunde. München, 1904.

⁴ Сравнение данных Геродота с данными египетскими: Sourdille C. Hérodote et la religion de l'Égypte. Paris, 1910; ср.: id. La durée et l'étendue du voyage d'Hérodote en Égypte. Paris, 1910.

и подтвердилось. Можно даже сказать, что чем дальше идет изучение истории древней Эллады и Востока, тем больше обнаруживается добросовестность гуманного и словоохотливого, подчас наивного «отца истории».

Но каково бы ни было в общем наше мнение о достоверности Геродота и об его источниках, необходимо исследовать степень достоверности и происхождение его известий в каждом отдельном случае, так как достоинство его сообщений неодинаково в различных частях и даже главах его труда.

Фукидид¹

Главным источником для истории следующего за отражением персов «Пятидесятилетия» и в особенности Пелопоннесской

¹ Лучшие издания: *Poppo E. F.* Thucydides de bello Peloponnesiaco. Lpz., 1821-1838; далее: *Krüger K. W.* (1846), *Stahlj. M.* Thucydides historia. Lpz., 1880; *Croiset A.* Histoire de la guerre du Péloponèse. Texte grec publié... avec un commentaire critique et explicatif et précédé d'une introduction. Paris, 1886, и в особенности *Classen J.* (1862—1878), а также: *Hude C.* Thucydides histories, ad optimos codices denuo ab ipso collatos recensuit Carolus Hude. Lipsiae, 1898—1901; русск. пер.: *Мищенко Ф. Г.* В 2 т. М., 1887—1888; готовится новое изд. под ред. С. А. Жебелева. Общие монографии о Фукидиде: *Roscher W. H.* Leben, Werk und Zeitalter des Thucydides. Göttingen, 1842 (другое заглавие: Klio. Beiträge zur Geschichte der historischen Kunst. I. Bd.); *Welzhofer H.* Thukydides und sein Geschichtswerk. München, 1878; *Girard J.-N.* Essai sur Thucydide. Paris, 1884; *Cornford Fr. M.* Thukidides Mythistoricus. London, 1907; *Grundy G. R.* Thucydides and the History of his Age. London, 1911; рец. С. П. Шестмаков // ЖМНП. 1912. Январь; исследования: *Krüger K. W.* Historisch-philologische Studien. Berlin, 1.1837; Kritische Analekten. Berlin, 1863. 1; *Müller-Strübing H.* Aristophanes und die historische Kritik. Leipzig, 1873; *id.* Thukydidesische Forschungen. Wien, 1881 и статьи (NJ. 1883, 1885, 1886); *Мищенко Ф. Г.* «Предисловие» и «Послесловие к переводу» (вышедшее отдельной книгой под заглавием: «Фукидид и его сочинение». Вып. У. М., 1888; ср.: *его же.* Опыт по истории рационализма в Древней Греции. Казань, 1881); *Meyer E.* Forschungen zur alten Geschichte. Halle, 1899. II; *Busolt G.* Griechische Geschichte. III, 2; введения в изд.: *Classen J.* и

войны, до зимы 411 г., служит знаменитый историк древности — Фукидид.

Фукидид и Геродот. Геродот старше Фукидида всего на 25—30 лет, а между тем как будто целое столетие отделяет их! Они кажутся представителями совершенно различных, далеких одна от другой эпох умственной жизни Греции, и с трудом представляешь себе, что в сущности они почти современники: Геродот — представитель старшего, а Фукидид — младшего поколения Периклова века. Такая разница между ними в воззрениях и в приемах; такой громадный шаг сделала в короткий промежуток греческая историческая мысль в лице Фукидида. Дело в том, что в умственной жизни Греции во вторую половину V века совершился вообще крупный перелом. Наступила эпоха, подобно XVIII в. во Франции, называется эпохой «Просвещения», — пора нового философского движения, критической мысли и рационализма, отрешения от старых верований и преданий, пора начинающегося индивидуализма. Афины стали центром этой новой умственной жизни, «школой Эллады», и афинянин Фукидид — одна из характерных личностей эпохи «Просвещения»: он представитель века разума и философии, современник Еврипида, софистов и Сократа... Правда, некоторые (например, У. фон Вилламовиц-Мёллендорф) отдают предпочтение Геродоту и ставят его выше Фукидида. Конечно, до известной степени это дело субъективной оценки, личного вкуса. В сущности обоих великих историков трудно сравнивать. Насколько Геродот словоохотлив, настолько Фукидид сжат и скуп на слова. Геродот — ближе к поэзии, Фукидид — ближе к науке. В Геродоте привлекает нас его универсальность, широта и грандиозность темы, наивность, простодушие и искренность почти эпического рассказчика, поэтический отпечаток, лежащий на всем его произведении.

Croiset A.; Wilamowitz-Möllendorff U. v. Die Thukydideslegende // Hermes. 1877. XII; *Herbst L.* Thukydides. Jahresbericht. Erster Artikel // Philologie. 38.1876; 41,1881; *Cauer Fr.* Thukydides und seine Vorgänger// HZ. N. F. 47.1899; *Шапу А. Н.* Аристотель и Фукидид // ЖМНП. 1913. Январь.

Произведение это, по выражению одного древнего автора, отличается красотой «веселую», тогда как на труде Фукидида лежит отпечаток красоты суровой, «страшной», как выражается тот же автор I. Здесь нас привлекает богатство и сила мысли, и с точки зрения метода, научности, глубины и цельности, Геродот не выдерживает никакого сравнения с Фукидидом. Геродота мы можем называть лишь с некоторыми оговорками «отцом истории». В сущности же, если под последнюю разуметь науку и нечто большее, нежели повествование о достопамятных событиях, то ее отцом с полным правом следовало бы признать только Фукидида. Он, можно сказать, положил начало истории как науке и создал истинную историческую критику. В этом отношении он стоит уже близко к историографии XIX в. Говорят иногда (А. Гольм, Дж. П. Магаффи и др.), что у Фукидида горизонт более ограниченный, нежели у Геродота. Действительно, тема Фукидида несравненно уже и не так сложна. Но зато в ее пределах он выполнил свою задачу удивительно, проявил замечательное беспристрастие, величайшую силу ума и критики: мысль и внимание его направлены, так сказать, не вширь, а вглубь.

*Биография Фукидида*². Фукидид родился около 460—455 гг. до Р. Х. Он сам говорит, что в начале Пелопоннесской войны он был уже в вполне зрелом возрасте и мог понимать и наблюдать совершающиеся события (V, 26; ср. 1,1)³. Таким образом, он был современником и очевидцем Периклова правления и самой войны. Принадлежал он к богатой и знатной фамилии фракийского происхождения. Сын Олора, он был потомком фракийского царя того

¹ Dionys. Halic. Ad Gn. Pomp. 3. P 776 sq.

² О ней мы узнаем частью от него самого. См. также биографии Фукидида, составленные Аммианом Маркеллином и анонимом.

³ По свидетельству Памфилы, приводимому Авлом Геллием (Noct. Att. XV, 23), Фукидиду было, «кажется, 40 лет» в начале Пелопоннесской войны; по словам же Маркеллина (34), историк умер, «как говорят, имея более 50 лет от роду» (другие авторы древности выражаются еще более неопределенно — что Фукидид был в «цветущем возрасте» при начале войны). Новые ученые принимают то то, то другое показание. Ф. Г. Мищенко пытается примирить оба.

же имени и состоял в родстве с фамилией Кимона I. Фукидид обладал материальными средствами, независимым положением и близок был к выдающимся и влиятельным лицам, например, к Периклу, которому он посвятил известную характеристику (II, 65). Фукидид, как это видно из его труда, получил прекрасное образование, стоял на высоте тогдашнего умственного развития и был одним из самых крупных и характерных представителей греческой мысли того времени. Большинство древних историков не были кабинетными учеными; они сами принимали более или менее деятельное участие в государственной жизни, таким образом на практике знакомились с нею, с военным делом и т. п. Фукидид был сам стратегом, и в его описаниях битв виден опытный полководец. Как афинянин и афинский стратег, он близко знал положение дел в Афинах. Кроме того, он имел обширные связи и влияние во Фракии, где ему принадлежали золотые прииски в окрестностях Амфиполя (IV, 105).

Первые годы войны Фукидид жил в Афинах и сам перенес ту страшную болезнь, которая тогда свирепствовала там и которую он описал с такою поразительной силою и ясностью. Но после перехода Амфиполя в руки Брасида (424 г.) Фукидид, командовавший эскадрой у берегов Фракии и не успевший воспрепятствовать этому переходу, принужден был отправиться в изгнание и поселился в своем фракийском поместье. Это изгнание, однако, явилось в свою очередь благоприятным моментом для Фукидида как историка: оно дало ему досуг, необходимый для составления и обработки его труда, и возможность спокойно, в качестве зрителя, наблюдать за обеими воюющими сторонами, в особенности — ближе стать к пелопоннесцам (V, 26). Живя в изгнании, Фукидид посетил, по-видимому, большую часть местностей,

¹ Plut. Cim. 4. Степень родства между Фукидидом и Кимоном в точности определить трудно; не подлежит сомнению однако, что на дочери его предка Олора был женат Мильтиад, отец Кимона, и что, вопреки словам Плутарха (*κατά γένος*), Фукидид был родственником Кимона по женской линии: они принадлежали к разным демам и разным филам. Есть известие о родстве Фукидида и с Писистратидами; но в настоящее время родство это отвергается большинством историков.

служивших театром войны, македонский двор времен Архелая (II, 100), быть может, Спарту и, по всей вероятности, Италию и Сицилию, в особенности Сиракузы, описание окрестностей и осады коих по точности и живости свидетельствует о том, что оно принадлежит лицу, побывавшему на месте. По окончании войны Фукидид вследствие амнистии¹ получил возможность возвратиться на родину, но вскоре умер (ок. 399—396 г.)²; есть известие, что он погиб насильственной смертью.

Как заявляет сам Фукидид, он начал свой труд тотчас по возникновении войны, будучи заранее уверен в ее важном значении (I, 1). Но Пелопоннесская война не велась непрерывно: первый ее период (т. наз. Архидамова война) закончился Никиевым миром. Спрашивается, Фукидид имел ли тут в виду одну лишь Архидамову войну, продолжавшуюся только 10 лет, или же всю 27-летнюю? и к какому времени относится составление и обработка его труда? На вопрос этот³ дают разные ответы. Во всяком случае несом-

¹ По некоторым известиям, не в силу общей амнистии, а в силу псефизмы Энобия (Paus. I, 23); *Busolt C.* Zur Aufhebung der Verbannung des Thukydides // *Hermes*. XXXIII; *id.* Griechische Geschichte. III, 2, 628.

² По одним — в Афинах, по другим — во Фракии. Погребен он был рядом с Кимоновой сестрой, Эльпиникой, там, где находились гробницы Кимоновой фамилии, у Мелитских ворот (Marcel. 17; Анопум. 10; Herod. VI, 103; Paus. I, 23). Умер Фукидид раньше 396 г.: он не дождал восстановления Длинных стен Кононом и не знает извержения Этны 396 г., как это видно из его изложения (III, 116).

³ О нем см., например, у Ф. Г. Мищенко в его «Предисловии» к переводу. Вопрос поднят был в середине 40-х гг. XIX в. Ульрихом (*Beiträge zur Erklärung des Thukydes*. Hamburg, 1845—1846. I—II), который доказывал, что сочинение Фукидида состоит из двух частей, написанных в разное время: сначала Фукидид под войною пелопоннесцев с афинянами разумел лишь, по мнению Ульриха, десятилетнюю, Архидамову, которую считал вполне законченной, и первые книги (до середины IV) написал после Никиева мира, не зная еще, что война возобновится; после же возобновления войны он стал собирать материал для продолжения своего труда: таким образом, последние книги он начал обрабатывать после 404 г. Ульрих нашел себе многочисленных последователей, принимающих его гипотезу с некоторыми видоизменениями (например, У. фон Вилламовиц-

ненно, ввиду категорического заявления самого Фукидида, что подготавливать свой труд и собирать сведения он начал тотчас по возникновении войны (I, 1); что события 27-летнего периода, с 431 г. по 404, он считал за нечто цельное, за одну войну, и даже возражал против иного мнения (V, 26); что, выясняя причины столкновения между Спартою и Афинами, он имел в виду всю Пелопоннесскую войну, а не одну только Архидамову, и что Фукидид оставил свой труд неоконченным: он останавливается на 411 г. Некоторые части этого труда, по-видимому, не вполне отделаны. Такова, по общепринятому мнению, VIII книга I.

*Источники Фукидида*². Фукидид писал, как историк-очевидец, и его главный источник — виденное им самим или слышанное от других лиц, близко стоявших к событиям и заслуживавших, по его мнению, доверия (I, 22). Материалом служили ему и документы, например, текст договоров³ (IV, 118; V, 18, 47; VIII, 18, 37, 58), надписи и вещественные памятники

Мёллендорф, Ад. Кирхгоф, у нас Ф. Г. Мищенко, новейшие английские ученые G. R. Grundy, J. В. Вургу и др.); но встретил и возражения, преимущественно со стороны Классена (*Classen J.*) и затем Эд. Мейера (из новейших статей см.: *Bodin J.*// R.ÉA. 1912. Janvier-mars). Разногласие, впрочем, в сущности не так велико, как это кажется: последователи Ульриха соглашаются, что потом Фукидидом сделаны были позднейшие вставки, а Классен и его последователи признают, что отдельные части могли быть набросаны историком, как материал для последующей обработки, раньше окончания войны, еще в течение ее.

¹ «История» Фукидида опубликована не самим автором. Есть основание думать, что ее издал Ксенофонт (Diog. Laërt. II, 59; *Жебелев С. А.* Когда и кем издана «История» Фукидида // Сб. статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914; некоторые считают издателями Фукидидова труда другого продолжателя его Кратиппа или дочь историка.

² Об источниках Фукидида, между прочим: *Swoboda H.* Thukydides Quellenstudien. Innsbruck, 1881; *Stein.* Zur Quellenkritik des Thukydides // RHM. 1900. 55 B.

³ *Kirchhoff Ad.* Thukydides und sein Urkundenmaterial // SB-Berlin. 1880, 1882—1884, 1890; кроме того: *Büdingер Max.* Poesie und Urkunde bei Thukydides // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften. Wien. Bd. 39; *Steup J.* Thukydideische Studien. Freiburg; Tübingen, 1881.

(I, 132, 134; VI, 55, 59), культурные переживания, обычаи и одежда, устные предания, свидетельства поэтов и т. п. Фукидид пользовался и трудами своих предшественников, когда касался прошлого. Он упоминает о логографах (I, 21), о Гелланике, которому ставит в упрек неточность его хронологии (I, 97). Геродота он прямо не называет, но нет сомнения, что он был знаком с его произведением: он вступает с ним в скрытую полемику, — опровергает некоторые сообщения, которые принадлежат именно Геродоту, и вносит свои поправки (I, 20, 126). Для древней истории Сицилии (до 424 г.) главным источником Фукидиду служит сочинение Антиоха Сиракузского

Характеристики его труда. Тема Фукидида — история Пелопоннесской войны. В начале, в виде введения, он дает краткий очерк древнейшей греческой истории и «Пятидесятилетия». Цель Фукидида — отыскание истины (*ἡ ξητησις τῆς ἀληθείας* I, 20). Он враг анекдотов, вымыслов и поэтических прикрас; он не стремится ко внешнему эффекту и занимательности. Он сам категорически противопоставляет свое отношение к древнейшим событиям и вообще свой труд произведениям как поэтов, с их преувеличениями и прикрасами, так и «логографов» (I, 21). Фукидид знал, что вследствие отсутствия баснословного элемента его изложение покажется менее занимательным и приятным; но он считал достаточным, если его труд «найдут полезным те, кто пожелает иметь ясное и верное представление о прошлом, ввиду того, что, по свойствам человеческой природы, и в будущем когда-нибудь может произойти нечто подобное». Он смотрел на свое произведение не как на временную забаву для слушателей, а как на достояние навеки (*κτῆμα τε ἐς ἀεί*, I, 22).

Критика и приемы. Фукидид сам говорит, что он стремился к точному знанию (V, 26)² и излагает не так, как ему казалось

¹ Еще Б. Г. Нибуром было высказано предположение, что для позднейшей истории Сицилии Фукидид воспользовался биографией Гермocrates; подробные доказательства: *Woell/In Ed.* Antiochos von Syrakus und Scellius Antipater. 1872; против этого: *Steup J.* Thukydides, Antiochos und die angebliche Biographie des Hermokrates // RhM. N. F. LVI.

² *καὶ προσεχῶν τὴν γνώμην, ὅπως ἀκριβές τι εἴσομαι.*

или как сообщал первый встречный, а в качестве очевидца или на основании сведений, хотя и добытых от других, но подвергнутых возможно тщательной и точной проверке (I, 22). Трудности, сопряженные с подобного рода разысканиями, не укрывались от Фукидида: он сам сознается, что узнавать правду было трудно, так как свидетели-очевидцы говорили об одном и том же не одинаково, а под влиянием пристрастия или памяти. Таким образом, основные приемы исторической критики впервые, можно сказать, открыты и применены Фукидидом.

Фукидид первым надлежащим образом оценил важность документов и некоторые из них целиком внес в свою историю, например, текст перемирия 423 г., Никиева мира, договора афинян с Аргосом, Мантинеей и Элидой и проч. До нас, как мы видели (с. 119), дошел подлинный текст последнего в виде надписи, и, следовательно, нам представляется возможность сличить оба текста и на этом примере проверить точность Фукидида I. Из сличения оказывается, что договор им передан точно; встречаются лишь незначительные изменения; они ограничиваются пропуском малозначащих слов, небольшою иногда перестановкою и заменой одной формы или выражения другими, близкими; да и эти изменения отчасти могут быть отнесены насчет неисправности нашего рукописного текста.

Не пренебрег Фукидид, как было упомянуто, и сведениями, даваемыми надписями. Он умел воспользоваться и мифом, и народным преданием, объяснить более или менее правдоподобно самое происхождение того или иного рассказа, даже неверной версии. Так, в его время большинство было уверено, что не Гиппий, а Гиппарх получил власть по смерти Писистрата (VI, 54 сл.).

¹ Кроме упомянутых (на с. 137, примеч. 3) работ, см.: *Kirchhoff Ad.* Zur Geschichte der Ueberlieferung des ThukydidenTextes // Hermes. 1877. XII; *Schöne A.* Zur Ueberlieferung des ThukydidenTextes // Ibid.; *Herbst L.* Zur Urkunde in Thukydides V. 47 // Hermes. 1890. XXV; *Hude K.* Zur Urkunde bei Thukydides V. 47 // Hermes. 1892. XXVII; а на рус. яз.: *Шестаков Д. П.* Афинско-аргосский союзный договор 420 года до Р. Хр. и передача его Фукидидом // ЗКУ. 1891. Кн. 2; замечания Ф. Г. Мищенко. Послесловие. С. СІСVII.

Фукидид самым решительным образом опровергает это ходячее мнение, а то, что предание выдвигает на первый план Гиппарха, он объясняет тем, что именно Гиппарх пал от руки Гармония и Аристоклитона и вследствие этого его имя приобрело большую известность (VI, 55).

Метод реконструкции. Но особенно интересны с точки зрения приемов те начальные главы, в которых Фукидид пытается дать реконструкцию важнейших моментов древнейшей греческой истории. Правда, здесь он впадает в некоторые ошибки, например, говорит о мифических или легендарных личностях, подобных Агамемнону, как о чисто исторических деятелях, и представляет себе прошлое слишком бедным и ничтожным, что опровергается новейшими археологическими открытиями; но виною тому не метод, а свойственное всей древности неумение отличать миф и легенду от исторического факта и — главное — недостаточность фактических данных, при помощи которых приходилось оперировать тогдашней исторической науке. Со стороны же метода эти главы — одно из самых ярких доказательств глубины и силы ума Фукидида и вообще одно из самых замечательных проявлений греческой мысли. Здесь Фукидид широко применяет метод обратного заключения — от настоящего к прошлому, от известного к неизвестному, причем основанием (*σημείον, μαρτύριον, τεκμήριον*, I, 1, 6, 8, 10, 20—21; II, 15) для его заключений и комбинаций служат свидетельства эпоса, топографические данные, вещественные памятники, быт более отсталых в культурном отношении греческих племен и варваров, сохранившиеся названия, обычаи, празднества и обряды, — словом то, **что** мы теперь называем культурными переживаниями I. Гомеру Фукидид верит не безусловно; он ссылается на него с оговорками: «если свидетельство его кому-либо кажется достаточным» (I, 9), «если только ему можно верить» (I, 10). «Гомер, — говорит он, — как поэт, разумеется, преувеличивал и прикрашивал» (I, 10). Он знает, что поэты вообще склонны к прикрасам и преувеличениям (I, 21). И грече-

1 О Фукидидовой «археологии» см.: *Peroutka Em.* Thukydidova Archaologie // Listy filologické. 1912.

скую старину Фукидид представлял себе далеко не в том грандиозном виде, в каком изображал ее эпос и — добавим — какова она была, судя по новейшим раскопкам. Он исходил из убеждения в скудости ее средств и с этой точки зрения судил о Троянской войне. Он полагал, что у Агамемнона не могло быть многочисленного войска, за неимением денежных средств (I, 11), и самая Троянская война не была такою значительною, какою представляют ее поэты.

Вообще в очерке древнейшей истории Фукидид придает большое значение экономическим отношениям и материальным средствам. Накопление богатств у него является важным фактором исторического развития (например, I, 8). Такие явления, как переселения, завоевания, рост внешнего могущества народов, он ставит в тесную связь с бытовыми и хозяйственными условиями (I, 2). Фукидид заметил, что сравнительно новые города построены вообще ближе к морю и, большею частью, на перешейках, а более древние строились дальше от морского берега, и объяснил это господством некогда пиратства (I, 7). Обычай ношения оружия у некоторых греческих народов — локрян, этолян, акарнанов — в его глазах служит свидетельством существования в древности такого обычая у всех эллинов (I, 5): Фукидид видел в нем «культурное переживание» — остаток еще того времени, когда господствовали разбои и на суше, и объяснял его происхождение условиями тогдашней жизни — отсутствием безопасности. Вообще тот быт, которым жили этоляне и акарнаны, эта жизнь в неукрепленных городах и деревнях, по мнению Фукидида, некогда были общими для всех эллинов (I, 6). То, что Гомер не называет греков одним общим именем, служит Фукидиду свидетельством, что такового имени первоначально и не существовало, а были лишь названия отдельных племен, а из того, что у Гомера не встречается слова «варвары», выводится заключение, что эллины тогда еще не противопоставляли себя варварам (I, 3).

Природным условиям и географическому положению Фукидид придает тоже большое значение: по его словам, подвергались перемене населения вследствие нападений всегда лучшие и плодороднейшие области Эллады (I, 2); скудость почвы

являлась условием безопасности Аттики от иноземных вторжений и способствовала усилению Афин, увеличивая их население, так как сюда стекались мирные переселенцы из всей Эллады (ibid.). Развитие морских сил и богатства Коринфа — результат его положения на перешейке и его роли, как эмпориона Греции (I, 13).

Что акрополь и прилегающая к нему часть составляли древний город в Афинах, Фукидид выводит из того, что в акрополе и у его подножия расположены древнейшие храмы и святилища, источник Каллироя, которым афиняне пользуются в торжественных случаях, и что «поныне еще» акрополь у афинян называется просто «город», *πόλις* (II, 15). Вид и кладка стены вокруг Афин служат у него подтверждением того, с какою поспешностью возводились постройки после нашествия персов (I, 93). Широкое распространение карийцев по островам доказывается ссылкой на гробницы, открытые при очищении острова Делоса и оказавшиеся наполовину принадлежащими именно карийцам (I, 8), и т. д.

Мы видим у Фукидида приемы, напоминающие приемы современных исследователей. Его «метод обратного заключения» есть в то же время метод сравнительный. Фукидид подмечает аналогию между бытом и явлениями мира греческого, на известной ступени его развития, и мира варварского (I, 3, 6). В образе жизни древние эллины, по его словам, походили на современных ему варваров. Следовательно, Фукидиду не чужда уже идея постепенного развития. Древнейшая баснословная старина у него лишь один из фазисов в развитии греческого общества. Наиболее культурные народы Эллады прошли, по Фукидиду, через ту же стадию, на которой в его время еще находились менее цивилизованные греческие племена и варвары.

Речи. Одним из излюбленных приемов Фукидида, как и вообще античной историографии, являются речи, влагаемые в уста действующим лицам. Но спрашивается, насколько эти речи воспроизводят действительно сказанное? 1. Сам Фукидид заяв-

¹ О речах у Фукидида: *Vischer W.* Kleine Schriften. I; *Jebb R. C.* (на англ. яз., нем. пер.: Berlin, 1883); *Junghahn E. A.* Die Reden bei

ляет, что ему трудно было запомнить в точности все сказанное, что, воспроизводя речи, он держался как можно ближе лишь общего смысла и передавал так, как, по его мнению, сообразно обстоятельствам, должен был говорить оратор (I, 22). Но, без сомнения, речи эти — в значительной мере композиция самого историка: он в них привносил немало своего и таким образом в этом случае отступал в сущности от той точности, к которой вообще так стремился 1. В употреблении речей сказались то направление и та склонность к ораторскому искусству, которые начинали господствовать в тогдашней жизни и литературе Афин. Посредством этого приема историк изображал мотивы действующих лиц, представлял доводы pro и contra, знакомил с общими условиями и обстоятельствами, при которых происходило действие, и проч.

Так, речь коринфских послов на первом собрании в Спарте (I, 68 сл.) представляет мастерскую сравнительную характеристику спартанцев и афинян; ответная речь афинских послов (I, 72 сл.) есть не что иное, как доказательство права Афин на господство, на то положение, которое занимали они в ряду греческих государств, и оправдание их поведения по отношению к их союзникам. Речь Архидамы (I, 80 сл.) — это доводы партии, мирно настроенной; устами Сфенелаида говорит партия войны (I, 86). Знаменитая речь Перикла над павшими воинами (II, 35 сл.) — надгробное слово над навеки сошедшими в могилу, вместе с падением Афин, идеалами; тут перед нами апофеоз Афин как раз накануне тяжких роковых бедствий, постигших их, идеализация

Thukydides // NJb. Bd. 111. 1875; *Wurzer R.* Über historische Treue und Bedeutung der Reden in Geschichtswerke des Thukydides. Czernowitz, 1889—1890; *Шестаков С. П.* Красноречие у древних греков в его влиянии на их историческую литературу. Казань, 1901.

¹ Продолжатель Фукидида, Кратипп, не одобрял употребления речей и утверждал, что впоследствии сам Фукидид пришел к убеждению в их несоответствии историческим произведениям и с намерением воздерживался от их употребления в VIII кн.

всех светлых сторон афинской демократии. В речах Клеона и Диодота (III, 37 сл.) по поводу наказания восставших митилениан трактуется главным образом вопрос о том, может ли страх служить сдерживающим началом, причем в речи, влагаемой историком в уста Диодота, проводится замечательная для того времени мысль о нецелесообразности смертной казни, ибо страх наказания не удерживает от преступления, и т. д. Кроме речей, есть у Фукидида еще обширный диалог — между жителями острова Мелоса и афинянами (V, 85 сл.). Это — столкновение слабого и сильного, правды и насилия. Жители Мелоса опираются на свою правоту; в ответ афиняне ссылаются на право сильнейшего как на закон природы, который не они первые установили и который будет существовать вечно (V, 105).

Идея причинности и законосообразности. Фукидиду присуща идея причинности, причем он умеет отличать общие, основные причины от поводов и случайных обстоятельств. Он прекрасно понимает, например, что события в Эпидамне и Потидее, жалобы Мегары и Эгины — все это лишь поводы и предлоги к войне; истинная же причина ее скрывалась в возвышении афинского могущества, возбуждавшего в лакедемонянах страх и зависть (I, 23; II, 8).

У Фукидида мы уже встречаем сознание законосообразности исторических явлений и ряд своего рода обобщений, основанных на убеждении в том, что одинаковые причины и условия вызывают одинаковые следствия: по его мнению, пока не изменится человеческая природа, до тех пор будут происходить явления, подобные тем, которые он описывает. В особенности эта мысль выражена там, где он, по поводу борьбы партий на острове Керкире, дает поразительное по глубине анализа изображение, так сказать, патологических явлений — извращения понятий, одичания и деморализации греческого общества, как пагубного и необходимого последствия ожесточенной междоусобной войны (III, 82—83). «Вследствие междоусобиц,— говорит здесь Фукидид,— множество тяжких бед обрушилось на государства,— бед, какие обыкновенно бывают и всегда будут, пока человеческая природа остается тою же», но только в большей или меньшей степени и

различные по формам, сообразно обстоятельствам в каждом отдельном случае.

Рационализм. Понятно после этого, что Фукидид объясняет исторические события, не вводя сверхъестественного элемента и непосредственного вмешательства божества. Хотя он и влагает в уста различным лицам, например, жителям Мелоса, воззрения относительно возможности такого вмешательства, но сам, очевидно, не разделяет их, и надежды мелосцев на предсказания, на высшую помощь и справедливость у него беспощадно разбиваются о суровую действительность, о право более сильного. У Геродота гибель спартанских посланцев в Афинах (VII, 137) объясняется сверхъестественными причинами — карой разгневанного божества; Фукидид же этот мотив совершенно устраняет и на его место выдвигает иной — месть афинян лакедемонянам за умерщвление афинских и союзных купцов (II, 67). У Фукидида упоминается о случае или судьбе, и сам он, по-видимому, допускает известную долю их влияния; но это совсем не то, что рок у Геродота: по Фукидиду, это — скорее лишь «совпадение», стечение обстоятельств. С другой стороны, насколько можно судить по некоторым указаниям,— вообще Фукидид избегал открыто выражать свои личные мнения,— он не отвергал существования богов или божественного начала: по крайней мере, упадок религии, неуважение к святыне, исчезновение всякого страха перед богами он считал чрезвычайно неблагоприятным симптомом, свидетельствующим о крайнем разложении и деморализации общества¹; но прямого вмешательства божества в ход человеческих дел Фукидид не допускал и объяснял этот ход естественным образом².

Фукидид должен был отрицательно относиться и к различным оракулам и предзнаменованиям. Он признает факт их влияния на массу; он отмечает, например (II, 8), что ввиду войны общество,

¹ См. его замечания по поводу чумы (II, 52—53) и событий на Керкире (III, 82 сл.).

² Ср.: *Classen J. C.* LVIII сл.; *Hermenjat.* Les dieux et l'homme chez Thucydides. Lausanne, 1888; *Meuss H.* Thukydides und die religiöse Aufklärung//NJb. Bd. 145.

тревожно настроенное, особенно восприимчиво было в этом отношении, особенно искало и верило изречениям и предзнаменованиям; но сам историк такой веры, очевидно, не разделял. По его словам, из всех предсказаний верно сбылось только одно — относительно срока, в течение которого должна была продолжаться война (V, 26). Он говорит иногда об оракулах и предзнаменованиях, но не потому, чтобы он верил в них, а потому, что они являлись известным фактором, с которым историку приходилось считаться.

Некоторые изречения вызвали со стороны Фукидида очень меткие критические замечания. Так, в начале войны, ввиду вторжения пелопоннесцев, афиняне заняли г. наз. «Пеласгик», вопреки грозившему за то проклятию и запрещению оракула, по которому «Пеласгику лучше было быть незанятым». По мнению Фукидида, оракул исполнился, но в обратном смысле: несчастье постигло Афины не потому, что Пеласгик был заселен, но самая нужда в заселении возникла вследствие войны; оракул войны не называл, но предвидел, что при счастливых обстоятельствах местность эта никогда не будет занята (II, 17). Или, например, когда чума свирепствовала внутри Афин, а вне их неприятель опустошал поля, афиняне вспоминали о предсказании, гласившем, что «придет дорянская война и чума (λοϊμός) вместе с нею». Был спор: говорили, что древние употребляли слово не *λοϊμός* (чума), а *λιμός* (голод), но теперь восторжествовало первое мнение; ибо люди, замечает Фукидид, свои воспоминания приспособляли к тому, что претерпели, и «я думаю, что если когда-нибудь настанет другая дорянская война и с нею совпадет голод (*λιμός*), то, по всей вероятности, так и будут произносить» (II, 54).

Фукидид сообщает и о землетрясениях и затмениях, но не придает им значения чуда или предзнаменования. Он отмечает, что Никий был слишком склонен верить подобным предзнаменованиям (VII, 50). Сам Фукидид знает, что солнечные затмения могут происходить только в новолуние (II, 28), а лунные — в полнолуние (VII, 50). По Фукидиду, не гадатели, не предзнаменования и оракулы, а ум и знание могут предусматривать будущее. Так Перикл обнаружил прозорливость относительно войны афинян с пелопоннесцами (II, 65).

Но придавал ли значение Фукидид отдельной личности в историческом процессе?

Роль личности у Фукидида. Было высказано мнение (Брунсом)¹, что Фукидид считал значение личности в истории ничтожным, что в своем изложении он лишь немногих лиц наделял индивидуальными чертами, да и в их характеристиках был крайне скуп на краски, ограничиваясь только самым необходимым, и что так он поступал преднамеренно, сознательно, так как по его воззрению историческое развитие обуславливается не деятельностью отдельных лиц, а эволюцией масс, и самая деятельность эта — лишь продукт более глубоко лежащих общих условий и отношений. В ответ на это не без основания указывают на отношение Фукидида к Фемистоклу (I, 135 сл.) и к Периклу (II, 65) и возражают, что историк, который так сумел оценить Фемистокла и дать такую характеристику Перикла, — который открыто высказывает мысль, что деятельность Перикла фактически сделала демократию на время лишь простою формою, — этот историк не мог считать роль личности в истории ничтожною. В историческом деятеле Фукидид выше всего ставил ум (*νοῦς, διάνοια*, особенно *γνώμη, ξύνεσις*), способность составлять ясное и правильное суждение о положении дел и таким образом предусматривать будущее. Но судит он о государственном деятеле не с точки зрения конечного успеха, и хотя начатая при Перикле война в конце концов привела к катастрофе, тем не менее он восхваляет великого вождя афинской демократии и преклоняется пред ним. Напротив, Клеон взял Сфакторию и сдержал данное обещание, но это не мешает Фукидиду все же считать его легкомысленным и сумасбродным (IV, 28, 36).

Зато несомненно, что Фукидид отрицательно относился к анекдотическому элементу. У него анекдоты совершенно

¹ *Bruns I.* Das literarische Porträt der Griechen in fünften und vierten Jahrhundert vor Christi Geburt. Berlin, 1896. S. 4, 64—65; ср.: *Roempler E.* Studie über die Darstellung der Persönlichkeiten im Geschichtswerke des Thukidides und Xenophon. Erlangen, 1898.

отсутствуют. В этом опять выразились его критицизм и серьезность; подобного рода черты и подробности он, очевидно, считал малодостоверными, а главное — слишком неважными, мелкими, недостойными труда, который должен был служить «достоянием навеки».

Политические воззрения. Обратимся к политическим воззрениям Фукидида.

Некоторые (например, Г. Вельцхофер, П. Жирар) говорят, что Фукидиду нельзя приписывать склонности к какой-нибудь определенной форме правления; что все существующие государственные формы историк признавал и имеющими право на существование, ни одной из них не отдавая преимущества; что всякий строй, в его глазах, был хорош, лишь бы он удовлетворял нуждам страны, соответствовал условиям народной жизни. До некоторой степени это верно, по крайней мере в том смысле, что Фукидид в каждом сложившемся строе видел, конечно, продукт исторического развития, обусловленный известными причинами, и что он не был узким доктринером, а смотрел больше на сущность, чем на форму, и был враг крайней партийности. Изображая ожесточенную борьбу противоположных партий на о-ве Керкире, он указывает, как тяжело было среди этих фанатиков и карьеристов положение тех, кто не примыкал ни к той, ни к другой стороне (III, 82). Тем не менее у Фукидида были свои политические воззрения, на которые есть ясные указания в его труде, несмотря на всю его объективность.

Уже по самому происхождению и социальному положению Фукидид принадлежал не к демосу, а к аристократам. О демосе он нелестного мнения. Мы не раз встречаем у него презрительные отзывы об изменчивости и непостоянстве толпы (II, 65; IV, 28; VI, 63; VIII, 1). Правда, самые резкие и наименее лестные суждения об афинском демосе вложены Фукидидом в уста Клеона, но в сущности они сходятся с собственными замечаниями историка. А устами Алкивиада Фукидид отзывывается о демократии, как о такой форме правления, которой люди мыслящие знали цену, и называет ее «общепризнанным безумием», о котором нельзя и сказать ничего нового (VI, 89). Демагоги ему антипатичны. Стоит

только вспомнить его отношение к Клеону или отзыв о Гиперболе (VIII, 73). По поводу свержения олигархии Четырехсот и восстановления очень умеренной демократии, с передачей власти 5000 граждан, к которым принадлежали все имевшие тяжелое вооружение, т. е. более состоятельные, с отменой платы за службу государству и т. д., он открыто и вполне категорически заявляет, что это была лучшая форма правления из существовавших в его время, ибо являлась умеренным соединением олигархии и демократии (VIII, 97). Итак, крайне умеренная демократия Пяти тысяч — вот что наиболее соответствовало политическому идеалу знаменитейшего историка древности. С этим можно сопоставить и его замечания о том, что Спарта управлялась хорошими законами (I, 18) и что из известных ему государств хиосцы, после лакедемонян, были наиболее счастливы, так как соблюдали чувство меры и законный порядок (VIII, 24). Таким воззрениям не противоречит и знаменитая характеристика Перикла. Характеризуя Перикла, Фукидид отмечает преимущественно то, что Перикл правил умеренно, сдерживал демос, не льстил и не подчинялся толпе; то, что при нем только по имени была демократия, на деле же господство лучшего мужа; последующим же вождям Фукидид ставит в упрек, что они в угоду демосу стали предоставлять ему все дела. Историк сочувствует Периклу именно потому, что при нем демократия существовала лишь номинально, что в действительности она превратилась в нечто другое — в своего рода монархию, в «правление лучшего»¹. Демократический строй того времени сам по себе

¹ Ф. Г. Мищенко, вопреки обычному мнению, старался доказать «демократизм Фукидида в политике»; кроме «Послесловия», см.: *Мищенко Ф. Г.* Фукидид — сторонник афинской демократии // ЖМНП. 1890. Август. Возражения — в моей статье: *Бузескул В. П.* К вопросу о политическом демократизме Фукидида // ЖМНП. 1890. Декабрь. Некоторые, наоборот, готовы приписывать Фукидиду даже решительно олигархические симпатии. Основанием тут служат отзывы историка об Антифонте и других деятелях олигархического переворота 411 г. (VIII, 68, 27). Но так далеко заходить нельзя: Фукидид мог воздавать лишь должное личным качествам, уму и талантам олигархов (*αρετή* Антифонта у Фукидида — это итальянская *virtù*, например, у

не был по душе Фукидиду, и недостатки его с точки зрения историка не были заметны или вредны благодаря только тому, что на самом деле властвовал Перикл. Не говорю уже о том, что Фукидид мог питать к последнему личную симпатию, как к натуре, до некоторой степени ему родственной по духу.

Объективность. Фукидид редко высказывает свои личные мнения; обыкновенно он избегает говорить от себя: он заставляет говорить самые факты. Но, конечно, Фукидид не мог быть совершенно свободен от мотивов субъективных, тем более, что он был современником большей части описываемых им событий; он стоял среди борьбы партий, писал о людях, с которыми вступал в те или другие отношения, и у него, разумеется, были свои симпатии и антипатии. Он, очевидно, враждебно относится к Клеону, говорит о нем с презрением или негодованием и слишком благосклонно отзывается о Никии (VII, 86); с большим сочувствием — можно сказать — с любовью, рисует он личность Брасида; не говорю уже об его уважении и симпатии к Периклу. И мы имеем основание несколько недоверчиво относиться к его отзывам о Никии и Клеоне: о первом, как главе партии аристократической, Фукидид мог отзываться лучше, чем тот заслуживал, а демократическая натура и, так сказать, «плебейство» второго были ему глубоко антипатичны, и потому к нему он мог быть слишком строг, не говоря уже о высказываемом некоторыми историками предположении, что именно Клеон был главным виновником его изгнания и что Фукидид в отношении к нему руководился личной злобой.

И все-таки по объективности, беспристрастию Фукидид стоит вообще чрезвычайно высоко. Его характеризует любовь к истине¹. Его добросовестность в изложении фактов такова, что с помощью им же сообщаемых данных можно иногда проверить и даже опровергнуть его взгляд или отзыв. Так, на основании сведений, кото-Макиавелли); из всего же рассказа о перевороте 411 г. видно, что он не сочувствует делу и способу действий олигархической партии (см., например, VIII, 89).

¹ Еще Цицерон называл Фукидиду *regum gestarum pronunciator sincerus et grandis* (Brut., 83), а Маркеллин называет его «жрецом истины» (28).

рыми мы обязаны Фукидиду же, мы можем составить себе несколько иное представление о Клеоне I. Аристократ по происхождению и по положению, далеко не сторонник крайней демократии, Фукидид не скрывает дурных поступков олигархов и устами Перикла рисует величественный идеал афинской демократии. Он сумел оценить не только Перикла, который по его мнению сдерживал демос, но и Фемистокла, который, по его же словам (I, 93), первый отважился сказать, что следует держаться моря, а ведь с господством на море неразрывно связан был дальнейший рост демоса. Сам афинянин, он высоко ценит и ярко выставляет заслуги их врага, защитника Сиракуз, Гермocrates, и относится с полным беспристрастием к спартанцам. Ему одинаково чужды и то отвращение, которое питали к Спарте его демократические современники, и то пристрастие, та «лакономания», которыми отличались последующие афинские философы и историки. Фукидид открыто признает неотъемлемые достоинства лакедемонян и их законов; к некоторым из спартанцев, например, как мы видели, к Брасиду и даже к Архидаму, он относится с явной симпатией, но он не скрывает и недостатков Спарты, говорит о ее жестоких поступках, подобно тому, как он говорит о таких поступках и со стороны афинян. «Его врожденная способность, — замечает Л. фон Ранке, — быть справедливым по отношению к обеим сторонам»². То же беспристрастие у Фукидида и по отношению к другим городам Греции. Вспомним, с каким драматизмом описывает он осаду и несчастную судьбу Платей; можно, пожалуй, подметить вообще его сочувствие к последним, и однако это не мешает ему прямо говорить о фиванцах, заклятых врагах Афин и Платей,

¹ В оценке Клеона с Фукидидом расходятся, например: Дж. Грот, В. фон Онкен: *Oncken W. v. Pericles, Kleon und Thukydides*. Leipzig, 1866; у нас: Т. Н. Грановский и др.; ср.: *Büdinge M. Kleon bei Thukydides. Eine kritische Untersuchung* // SB Wien. 1880.

² *Ranke L. v. Weltgeschichte*. I. 2. 48. Анонимный биограф Фукидида считает его другом Спарты и врагом Афин (4), а схолиаст (к 1,10 и 22; см. в изд. Didot, p. 16,18) — наоборот. Уже это противоречие, как справедливо говорит Г. Вельцгофер, отчасти показывает, что в действительности Фукидид не был ни тем, ни другим.

что они, вторгнувшись было в Платейскую область, отступили, не причинив вреда, а о платейцах сообщать, что они умертвили попавших к ним в руки фиванцев.

Вынужденный удалиться в изгнание, Фукидид не относится, однако, с ненавистью и злобой к своему родному городу. Вообще, там, где историк говорит о своей неудаче под Амфиполем, ярче и рельефнее всего обнаруживается его объективность: то спокойствие, та простота и краткость, с которыми говорит Фукидид о себе и о своей неудаче, бросает яркий свет и на его личность: человек заурядный на его месте старался бы всячески оправдать и выгородить себя, старался бы очернить своего товарища по команде, Евкла, свалить на него всю вину и затем в последующем изложении излил бы свой гнев и злобу на своих «неблагодарных» соотечественников. Ничего подобного мы не видим у Фукидида!

Фукидид и современная критика. После всего этого неудивительно, если мы встречаем самые хвалебные отзывы о Фукидиде. По мнению Иммануила Канта, Фукидид — основатель истинной истории. По Нибуру, «Пелопоннесская война — бессмертная из всех войн, потому что она нашла себе величайшего историка из всех когда-либо живших». К. О. Мюллер говорит, что, быть может, ни один отдел всеобщей истории не освещен так ясно, как те 20 лет Пелопоннесской войны, описание которых оставил нам Фукидид. Л. фон Ранке, сам великий авторитет в области исторической критики, в своих автобиографических заметках говорит о Фукидиде как «о могучем, великом уме, перед которым он преклонялся». Из новейших ученых укажу на К. Ваксмута и Эд. Мейера: Ваксмут¹ называет Фукидида «несомненно первым историком эллинов», *Meyer Ed.* «на чисто греческой почве единственным, который в полном смысле может предъявлять притязание на имя великого историка»; а по словам Эд. Мейера², Фукидид — несравненный и

¹ *Wachsmuth C.* Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipzig, 1895. S. 529.

² *Meyer Ed.* Geschichte des Alterthums. II, 14; Forschungen. II, 369.

недостижимый учитель историографии; его произведение будет жить, пока человеческая культура поддерживает связь с своим прошлым; как историк, излагающий современные ему события, Фукидид имеет преемников; но как критик, он стоит совершенно изолированным; на тот путь, который он показал, в древности никто не отважился снова вступить. В своем трактате по теории и методике истории¹ Эд. Мейер приходит к заключению, что «есть и всегда будет только один тип истории и один метод исследования исторических проблем — тот, совершенный и до сих пор не превзойденный, образец которого представил афинянин Фукидид». Вообще долгое время господствовало преклонение пред авторитетом величайшего историка древности, и читатель, принимаясь за Фукидида, по выражению одного немецкого ученого (В. Гербста), «чувствовал себя, можно сказать, столь же покойным, как на лоне Авраамлем».

Тем не менее уже в 30-х годах истекшего столетия встречаются и нападки на Фукидида. Так, И. Огинский² утверждал, что Фукидид не истинный историк, а пристрастный сочинитель мемуаров, вроде тех, каких так много было во Франции. Другой автор³ доказывал, что Фукидид полон пристрастия, но пристрастия чрезвычайно тонко и искусно скрытого; а так как подобное искажение истины гораздо труднее открыть, чем грубую и неискреннюю ложь, сразу бросающуюся в глаза, то выходит, что, например, Феопомп как историк должен быть поставлен выше Фукидида. Настоящий же час строгой, беспощадной критики для Фукидида настал с 70-х годов XIX в., со времени появления трудов Г. Мюллера-Штрюбинга⁴.

1

Methodik

der

Geschichte.

Halle,

1902

(рус.

пер.: *Meÿer Э.* Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1904); ср.: *ego же.* Thukydides und die Entstehung der wissenschaftlichen Geschichtsschreibung. Wien, 1913 (Vortrag).

² *Ogienski I.* Pericles et Plato. Vratislave, 1837 (Diss.).

³ А. Шмидт в статье, появившейся в 1837 г.; см.: *Vischer Wilh.* Kleine Schriften (Leipzig, 1877-1878. 2 Bde.). Bd. I. S. 417.

⁴ Указаны в примеч. на с. 132.

Мюллер-Штрюбинг начал с обвинений Фукидида в субъективности, в сокрытии истины (*suppressio veritatis*), в своего рода иезуитской казуистике (*reservatio mentalis*), в умышленной неясности, в некоторых случаях с целью своими сообщениями не дать читателю понять истинную связь событий и скорее сбить его с толку, нежели разъяснить ему явления внутренней жизни тогдашних Афин, и т. п. Обвинения эти впервые высказал он в своей книге «*Aristophanes und die historische Kritik*», вышедшей в 1873 г. При всем том, однако, он здесь признавал в Фукидиде натуру глубокую, видел у него невольное стремление к истине, именно и заставлявшее его не вполне утаивать правду, а лишь затемнять ее, прибегать к *reservatio mentalis* и другим замысловатым уловкам, чтобы, так сказать, оправдать себя перед своею же «историческою совестью». Ничто не было так чуждо Фукидиду, замечает между прочим Мюллер-Штрюбинг, как мелочное тщеславие. Вообще тогда еще Фукидидов труд в его глазах оставался все-таки важнейшим источником для знакомства с политическим состоянием Греции во время Пелопоннесской войны. Мюллер-Штрюбинг, по собственным словам, восставал тут только против нелепого убеждения, будто возможно, чтобы человек, участвовавший в политической борьбе своего времени, дал изображение этой борьбы и действовавших в ней лиц вполне беспристрастное, чуждое всякой предвзятой мысли, чуждое симпатий и антипатий. Но на этом Мюллер-Штрюбинг не остановился. В «*Thukydideische Forschungen*» (Wien, 1881) он открывает следы деятельности «кровожадного интерполятора», испещрившего текст Фукидида вставками, и заходит уж так далеко, что называет Фукидидово произведение «военно-дидактической эпопеей», «военной новеллой». Эту мысль он особенно развивает в двух дальнейших своих статьях I. И наконец в статье «*Die Korkyräischen Händel*

1 *Müller-Strübing H.* Das erste Jahr des Peloponnesischen Krieges // NJb. 1883; *id.* Die Glaubwürdigkeit des Thukydides geprüft an seiner Darstellung der Belagerung von Plateia // NJb. 1885. Сомнения относительно точности и достоверности описания осады Платей у Фукидида высказаны были еще Коксом и Paley; некоторые сомнения проглядывают и у J. C. F. Manso Опровержения см.: *Wagner H.* Die Belagerung von Plateia. Doberan, 1892—1893 (Progr.); *Grundy G. R.* The Topography of the Battle of Plateia. 1894.

bei Thukydides» (NJb. 1886) Мюллер-Штрюбинг уже называет Фукидида «чисто теоретическим доктринером» и «педантом» I.

Но неосновательность большей части этих нападений в настоящее время достаточно уже обнаружена². Мюллер-Штрюбинг так далеко увлеклся смелою фантазиею, что даже историки, относившиеся к Фукидиду с большим или меньшим недоверием, и те не находили возможным следовать за ним.

С резкими нападениями на Фукидида выступал и венгерский ученый Ю. Шварц, автор сочинения «*Die Demokratie*» (Leipzig, 1884). И по его мнению, Фукидид далеко не беспристрастный рассказчик. Кроме этого, мы тут встречаем, например, такие отзывы: «Труд Фукидида не содержит в себе того, чего обыкновенно ищут в нем некоторые критики. Это — не более, как история походов афинян и пелопоннессцев»... И Фукидид получает от Шварца название «*ein beschränktes Geisteskind*» (с. 426). Если в своем труде Фукидид не достиг уровня, подобающего историку, одаренному умом истинно государственного человека, то это по той простой причине, что он и не обладал подобным умом и «культурно-политическим смыслом» (с. 425). «И как жалки и общи, как бесцветно-пусты,— продолжает Шварц,— те черты, которыми Фукидид характеризует большую часть деятелей! Это ли государственный человек? Это ли пролагатель пути к наилучшему просвещению? Образец для историков всех времен?» «*Welch' eine Befangenheit!*» — восклицает Шварц и указывает, как пагубно было для последующих исследователей и мыслителей подражание Фукидиду: историки, воспитавшиеся на нем, до самого последнего времени подавляли в зародыше культурно-историографические стремления; они унижали историю народов, историю человечества — до уровня Фукидида, т. е. до пустого дикого реестра интриг, смут, битв и т. п. (с. 427—428). «А язык его каков? —

¹ По поводу этого см.: *Schmidt B.* Kerkyrische Studien. Leipzig, 1890.

² *Мищенко Ф. Г.* Послесловие. С. ССХIV след.; *Бузескул В. П.* Перикл. Харьков, 1889. С. 404 след.; *Bauer Ad.* Thukydides und Müller-Strübing H. Ein Beitrag zur Geschichte der philologischen Methode. Nördlingen, 1887; *Lange Ed.* Zur Frage über die Glaubwürdigkeit des Thukydides // NJb. 1887, и др.

продолжает Шварц, — темный, уродливый, недовольный, мрачный, „wie das Tagebuch eines ertappten Verwaltungsraths" (с. 430). Шварц доходит до того, что ставит афинскому историку в преступление его недовольство, суровость, мрачность, которые, по его мнению, проглядывают в Фукидидовом труде и которые он приводит в связь с «изменой» Фукидида Афинам. «И откуда это недовольство? — спрашивает Шварц, — откуда этот мрачный характер? Истинно сильный дух возвышается над неприятностями и раздорами своего века. Конечно, он делает так, если он чист. А у Фукидида совесть не чиста: из корыстолюбия он обманул свое отечество, изменил ему; его рудники и поместья в Скапте-Гиле были для него дорожке Афин». А раньше (с. 227—228) Шварц готов был поставить в упрек Фукидиду даже то, что он прежде смерти Перикла, хотя уже имел более 30 лет от роду, не обогатил афинской литературы ни единой строчкой; свой труд он стал обрабатывать лишь после того, как афиняне изгнали его «als einen Staatsdieb zahmerer Abart — *περί πρобоσίας*...» (с. 228). В заключение своей характеристики знаменитого историка Шварц патетически восклицает, что наступит день, когда преклонение перед Фукидидом исчезнет и он останется тем, что он есть в действительности: даровитым (sic!) и образованным писателем; от имени же великого историка ему придется навсегда отказаться (S. 435).

А несколько лет тому назад М. Корнфорд в своей оригинальной книге «Thucydides Mythistoricus» (London, 1907), пытался доказать, что Фукидид неверно изобразил происхождение Пелопоннесской войны и многие ее моменты потому, что его мысль была проникнута поэтическими и мистическими образами, в атмосфере которых он вырос, которые овладели им еще до того, как он задумал свой труд, и от власти которых он не мог освободиться, несмотря на все свое стремление к точному знанию; «История» Фукидида имеет будто бы характер Эсхиловой драмы, оказавшей на него сильное влияние: на заднем плане пред нами такие фигуры, как Тюхе (Tyche), Гюбрис (Hybris), Эрос (Eros), Пейто (Peithô), которые и руководят действующими лицами. Конечно, у Фукидида

есть известный драматический элемент, например, хотя бы речи, назначение которых можно сравнить с хором в драме; он мог усвоить некоторые выражения и стиль Эсхила. Но в сущности, если у Фукидида и чувствуется драма, то это результат изобразительного таланта автора, тем более, что сами события той эпохи нередко полны были драматизма. Доводить же до такой крайности драматический элемент у Фукидида, как делает это Корнфорд, значит преувеличивать до чрезмерности известную долю истины и совершенно извращать основной характер Фукидидова труда и проникающее его мировоззрение. Судьба у Фукидида, это, как мы видели (с. 145), не мрачный и всеильный рок трагиков или Геродота, а «совпадение», стечение обстоятельств, которых нельзя заранее предвидеть, и не судьба, не рок, а чисто реальные причины приводят, например, афинян к катастрофе по изложению Фукидида¹.

Однако, восставая против крайностей гиперкритического направления в оценке Фукидида, мы должны быть далеки и от веры в его непогрешимость, от того культа, от которого предостерегал еще Г. Мюллер-Штрюбинг. Упреки со стороны последнего, направленные против прежних ученых, слепо доверявших Фукидиду и не решавшихся применять к нему масштаб, который они применили бы ко всякому другому историку, не совсем лишены основания, да и вообще только что рассмотренные нападки принесли свою долю пользы, как реакция против слепой веры, против излишнего преклонения и благоговения пред авторитетом великого историка древности. Нельзя, например, не согласиться с тем, что решительно невозможно, чтобы человек, так или иначе участвовавший в политической борьбе своего времени, мог дать изображение этих событий совершенно объективное, не подчиняясь влиянию ни страсти, ни предвзятой мысли, ни ненависти и любви. Словом, признание достоинств Фукидида не исключает возможности и даже необходимости критики. В каждом

¹ Ср. верные замечания: *Bury J. B.* The Ancient Greek Historians. New-York, 1909. P. 123 sq.

отдельном случае эта критика должна быть применена и к нему, как и к Геродоту, и ко всякому другому источнику.

У Фукидида, конечно, есть отдельные, частные промахи, ошибки и неточности. Так, например, мы найдем у него иногда анахронизмы. Он переносит современные ему мотивы и понятия в далекое прошлое. Он ошибается относительно положения мыса Малей (на Лесбосе, III, 4) и относительно ширины пролива у о. Сфактерии (IV, 8). Некоторые подробности, касающиеся осады Платей (II, 71 сл.; III, 20 сл.), возбуждают недоумения и сомнения. Найдутся неясности и противоречия в хронологических указаниях Фукидида. Что же касается принятой им хронологической системы — он считает по летам и зимам, — которую часто ставят ему в особую вину, ввиду его строгого приговора над Гелланником (I, 97), то эта система имеет свое основание и оправдание: сам Фукидид объясняет, почему он предпочитает считать годы не по имени архонтов или других должностных лиц, а по летам и зимам (V, 20); притом у греков не было одного общеупотребительного календаря и, ввиду разнообразия в этом отношении, нужно было принять за основание нечто постоянное и общее для всех: таковым является смена времен года. В особенно же важных поворотных пунктах, определяя, например, время начала войны или заключения Никиева мира, Фукидид называет и имена архонтов, эфоров, в первом случае — даже и жрицы Геры Аргосской.

Но несмотря на отдельные ошибки и неточности у Фукидида, — если беспристрастно и всесторонне оценивать его, принимая в соображение время его жизни и тогдашнее состояние науки, — в общем он останется тем, чем был в глазах даже таких великих авторитетов в области исторической критики, как Б. Г. Нибур и Л. фон Ранке, т. е. одним из величайших историков и источником достоверным настолько, насколько вообще может быть достоверно произведение человека I. Большинство из тех промахов, неверных показаний и неточностей, в которых может быть уличен Фукидид, относится к категории ошибок неволь-

1 Верную оценку Фукидида представил Ф. Г. Мищенко в своем «Послесловии».

ных, более или менее свойственных каждому, а тем более историку, жившему за четыре века до Р. Х., когда не было ни собранных материалов, ни стенографов, которые записывали бы речи, ни подробных донесений посллов, ни обширной переписки руководящих деятелей, словом, — того, чем располагает современная наука по отношению к эпохам, к нам близким по времени. Многие известия Фукидида подтверждаются надписями¹. Знатоки географии и истории Сицилии, А. Гольм говорит, что он проследил на месте большую часть сообщений VI и VII кн. Фукидида — следовательно, почти четверть всего сочинения — и пришел к заключению, что чем точнее взвешиваешь слова Фукидида и чем точнее изучаешь местность, тем яснее становится и текст, и самый ход событий². Сличая рассказ Фукидида об олигархическом перевороте 411 г. с изложением Аристотеля в «Афинской политике», мы в некоторых отношениях отдадим предпочтение первому. Описание чумы, по словам Э. Литре, дает полную возможность определить свойство этой болезни. Фукидид обнаруживает прекрасное знание государственных и военных дел. Его описание битвы у Пилоса, по отзыву Ранке, — перл историографии. Рассказ о Сицилийской экспедиции известный английский историк Т. Б. Маклей находил *chef-d'œuvre*, — совершеннейшим, что когда-либо создавала историческая проза. Глубина и меткость его замечаний по поводу аналогии между греками — на известной ступени развития — и варварами признается не только присяжными классиками, которых Мюллер-Штрюбинг упрекал в излишнем, слепом преклонении пред великим историком, а исследователями в другой области, более беспристрастными, например, О. Шрадером, автором «Сравнительного языковедения и первобытной истории». В общем, «Введение» Фукидида, по выражению Эд. Мейера, — «одна из удивительнейших манифестаций

¹ Ср., например, договор Афин с Аргосом, Мантинеей и Элидой 418 г. у Фукидида, V 47, и в надписи; список павших воинов Эреффейской филы и изложение Фукидида (I, 104 сл.); см. выше, с. 69.

² *Holm Ad.* Griechische Geschichte von ihrem Ursprünge bis zum Untergange der Selbständigkeit des griechischen Volkes. 4 Bde. Berlin, 1885-1894. II, 501.

человеческого духа». Не говорю уже о замечательном анализе следствий междоусобной борьбы в III кн., 82—83 гл., о котором выше упоминалось уже.

Фукидид и историческая наука XIX века. У Фукидида можно найти немало черт, которые сближают его с современной историографией¹.

В начале XIX ст. историко-критическая школа, в лице своих главных представителей, Нибура и затем Ранке, в противоположность антиисторическим построениям XVIII в., провозгласила, что главная цель истории отыскать и представить истину. В первом своем труде, положившем начало его известности², Ранке, например, по его собственным словам, желал «просто показать, как оно собственно было, wie es eigentlich gewesen»; «ибо,— замечает он в другом месте³,— идеал всегда в том, чтобы представить миру историческую правду». В сущности к тому же стремился и Фукидид: вспомним, как упрекает он своих предшественников за то, что они мало заботились «об отыскании истины», и как говорит о своем стремлении к точному знанию; вспомним его отзыв о поэтах и логографах, его отношение к анекдотам, прикрасам и вымыслам, к внешней занимательности и баснословному элементу.

Все это чрезвычайно сближает Фукидида преимущественно с историко-критическим направлением. История по самой своей натуре, говорил Ранке в 1836 г.⁴, должна питать отвращение к

¹ Подробнее в моей статье: *Бузескул В. П.* Фукидид и историческая наука XIX в. // ЖМНП. 1901. Авг. (опубл. также: *Commentationes Nikitiniānae*. Сборник статей по классической филологии в честь П. В. Никитина. СПб., 1901; *Бузескул В. П.* Исторические этюды. СПб., 1911).

² *Ranke L. v.* Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 494-535. Berlin, 1824.

³ В трактате: *Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber*. 2. Aufl. (Sämtliche Werke. Lpz., 1874, 33—34 B. S. 150), составлявшем приложение к названному раньше сочинению.

⁴ В речи: *De historiae et politicae cognatione atque discrimine* / Sämtliche Werke. Leipzig, 1877. XXIV. 273, 272.

вымыслам и фантазиям и допускать только то, что верно. Он указывал, как трудно отличить истинное от ложного и среди различных известий выбрать достоверное, и это замечание Ранке чрезвычайно напоминает нам заявление Фукидида о тех трудностях, с которыми сопряжены были его разыскания (I, 22). На изучение источников, на критику и приемы исследования историко-критическая школа обратила особенное внимание. Но нельзя сказать — как это иногда говорят, — будто она впервые создала критический метод и его приемы: мы видели, что основные начала исторической критики в сущности открыты и применены были Фукидидом; его приемы тут мало чем отличаются от приемов современных исследователей. Отношение Фукидида к документам опять-таки сближает его с современной историографией, главным образом с Ранке и его школой: именно Ранке дал иное направление изучению новой истории, обратившись преимущественно к подлинным документам, нетронутому архивному материалу, и с тех пор это, так сказать, документальное, «архивное» направление надолго заняло преобладающее положение. Что касается «культурных переживаний», которыми пользуется Фукидид, то едва ли нужно напоминать, какую роль играют они в настоящее время в качестве материала в руках как историков и социологов, так и изучающих «фольклор». Этот метод воссоздания прошлого по его обломкам и при помощи аналогий, применение которого мы видели у Фукидида, преимущественно в знаменитом его «введении», — вполне современен; к нему не раз прибегал и Б. Г. Нибур в своей «Римской истории». Известно, какое значение приобрел в XIX в. сравнительный метод, нашедший широкое применение в разных областях научного знания, начиная с языковедения и кончая науками общественными. Зародыши его, первые опыты оперирования при помощи его, мы встречаем уже у Фукидида. Здесь же, хотя и смутно, проглядывает у него идея, которая характеризует новейшую науку, — идея постепенного развития, эволюции. Другая идея, присущая современной науке вообще и в частности истории настолько, что без нее и самая наука немыслима, — идея причинности и законосообразности явлений. Ее высказывает и Фукидид, и притом совершенно ясно и определенно. Из нее, как

мы видели (с. 144), вытекает и ряд его обобщений и свойственный ему рационализм, объяснение исторических событий без введения сверхъестественного элемента и непосредственного вмешательства божества, — опять черта, сближающая древнего историка с новыми.

Мы можем найти некоторые — правда, немногие — отдельные точки соприкосновения между Фукидидом и теми направлениями в новейшей историографии, которые явились частью на смену, частью наряду с «исторической школой». Между прочим, одно время выдвинуты были в качестве важнейшего фактора в развитии цивилизации природные условия; их влиянию придавалось чрезмерное значение, а указание на это влияние выставлялось как великое открытие, посредством которого историю пытались «возвести в ранг естественных наук» (Г. Т. Бокль). Но связь между историей народа и окружающей его природой подмечена давно; она известна была уже древним, например, Гиппократу, Аристотелю; и Фукидид, как было уже упомянуто, тоже признает значение природных условий и географического положения.

В современном направлении исторической науки сказывается стремление, во-первых, умалить значение отдельной личности в истории, роль «великих людей», и сосредоточить внимание на массе, обществе, и, во-вторых, выдвинуть экономические причины и отношения как важнейший, основной фактор развития. Фукидид ближе стоит к прежнему направлению. В своем изложении, если исключить начальные главы и отдельные замечания в дальнейшем, он сосредоточивает внимание не на состоянии, а на событиях, и притом военных. Нельзя сказать, чтобы он считал роль личности в историческом процессе ничтожною, но он не сводил историю к рассказу о деяниях великих людей. Он признавал значение экономических факторов, хотя, конечно, не впадал в ту крайность и односторонность, которые характеризуют приверженцев современного «экономического материализма».

Я не имею в виду исчерпать вопрос об отношении между Фукидидом и новейшею историографиею, и не буду останавливаться на тех особенностях, которые существенным образом отли-

чают древнего историка от современных, — достаточно вспомнить хотя бы о речах у Фукидида. Мне хотелось только на нескольких примерах показать, насколько близко подошел величайший историк древности к тем задачам, приемам и воззрениям, которые выдвинуты наукою XIX в. Отмеченные черты, я думаю, служат достаточною иллюстрацией) культурного родства и преемства между античным миром и современностью, в частности — между античною историографиею, особенно в лице ее величайшего представителя, и новейшею историческою наукою.

Ксенофонт¹

Непосредственный продолжатель Фукидида — Ксенофонт. Если вообще для правильного понимания и надлежащей оценки произведения необходимо иметь в виду биографию его автора, то тем более это следует сказать относительно Ксенофонта: его произведения самым тесным образом связаны с его личною судьбою, со всем пережитым им; в них много автобиографического; лучшие из них — в сущности личные воспоминания, мемуары, и многие особенности, достоинства и недостатки их более или менее объясняются с точки зрения биографии их автора.

*Биография Ксенофонта*². Ксенофонт принадлежал, по всей вероятности, к классу всадников и родился около

¹ Издания: Xenophon. Historie graeca. Ex recognitione et cum annotationibus L. Dindorfii. Oxford, 1824; *Sauppe H.* Xenophontis opera. Leipzig, 1867—1870. 5 Vol., *Marchant E.* C. Xenophontis opera omnia. Oxford, 1900—1910. 4 Vol. 1900—1910; русс. пер.: *Яичевецкий Г. А.* В 5 вып. (неск. изд.); кроме того, «Анабасис» и «Воспоминания о Сократе» имеются вперев. И. Е. Тимошенко. Киев, 1874; 1883.0 Ксенофонте вообще см.: *Schwartz E.* Quellenuntersuchungen zur griechische Geschichte // RhM. NF. 1889. Bd. 44; *Lange E.* Xenophon, sein Leben, seine Geistesarbeit und seine Werke. Gütersloh, 1900 (Ser.: Gymnasial-Bibliothek); *Croiset A.* Xenophon, son caractère et son talent. Paris, 1873.

² Diog. Laërt. II, 49; Suidas. Lexicon.; *Krüger K. W.* De vita Xenophontis (Histor.-philol. Stud., II; Krit. Anal.), II; *Ranke C. F.* De Xenophontis vita et scriptis. Berlin, 1851; *Rocquette A.* De Xenophontis vita. Königsberg, 1884; *Hartmann J. H.* AnalectaXenophontea. Leyden, 1877.

430 г. 1. Молодые годы его совпали с деятельностью Сократа и с политическим упадком афинской демократии. То было время, когда под влиянием катастрофы в Сицилии и неудачного исхода Пелопоннесской войны, при виде агитации демагогов и сикофантов, многие изверились в спасительности и целесообразности демократии, видели в ней главную причину бедствий и обращали свои взоры на олигархическую Спарту как на образец, достойный подражания, как на идеал государственного порядка. В афинском обществе заметно начала распространяться лакономания. И Ксенофонт был учеником Сократа, противником афинской демократии и поклонником Спарты... Это — представитель реакции, которая с такой силой обнаружилась в Афинах, начиная с конца Пелопоннесской войны. Есть основание думать (Эд. Шварц), что при Тридцати Ксенофонт сражался в рядах конницы на стороне тиранов. Затем Ксенофонт принимал участие в экспедиции Кира Младшего, которую он описал впоследствии в «Анабасисе»; в отряде Кира, в качестве добровольца, проник он в глубь Персидского царства, до окрестностей Вавилона, а во время знаменитого отступления 10 000 греков, после битвы при Кунаксе и гибели греческих вождей, Ксенофону выпала на долю выдающаяся роль, хотя, вероятно, и не столь решающая и влиятельная, как выходит по его словам. По возвращении к берегам Фракии и Геллеспонта он с частью «кировцев» примкнул к спартамцам, в то время открывшим уже военные действия против персов, а когда в Малую Азию явился Агесилай, то Ксенофонт сблизился с ним, и Агесилай навсегда остался для него излюбленным героем. Вместе с ним возвратился он в Грецию и находился в его лагере во время битвы при Коронее, где спартамцы сражались не только против фиванцев, но и против его соотечественников. Если уже участие Ксенофонта в экспедиции Кира, врага афинян, вызвало против него неудовольствие и

¹ Судя по изложению в «Анабасисе», III, 1, 14, 25; 2, 37, Ксенофонт во время отступления 10 000 был еще молодым для полководца человеком; по Афинее (Athen., р. 216 d), в 421 г. он был мальчиком. Существует, правда, рассказ (Strab. P. 403; Diog. Laert. II, 22), будто в сражении при

негодование последних 1, то теперь разрыв с родиной был полный, и тем теснее Ксенофонт примкнул к Агесилаю и Спарте. Во время так называемой Коринфской войны он, по-видимому, сопровождал Агесилая в его походах, а около 387 г. он поселился в подаренном ему спартамцами поместье близ Олимпии, Скиллунте, где и провел целый ряд лет, занимаясь сельским хозяйством, охотой и литературными трудами. После злосчастной для Спарты битвы при Левктрах (371 г.) он был вынужден покинуть это поместье и переселиться в Коринф. Постановление об его изгнании было впоследствии отменено, но Ксенофонт если и бывал в Афинах, то неподолгу, и умер на чужбине, в Коринфе, в глубокой старости, после 355 г. до Р. X. 2

«*Hellenica*». Продолжателем Фукидида Ксенофонт является в своих *Ελληνικά*³, — истории Греции с 411 г. до битвы при Мантине (включительно), т. е. до 362 г., в 7 книгах⁴. «*Hellenica*» распадаются на две различные по характеру, тону и времени составления части.

Делии (424 г.) он обязан был своим спасением Сократу, но достоверность этого рассказа сомнительна.

¹ Мнения расходятся относительно того, чем вызвано было постановление об изгнании Ксенофонта, участием ли его в предприятии Кира или в предприятиях Агесилая?

² Сочинение «О доходах», принадлежность коего Ксенофону некоторые, впрочем, отвергают, относится к 355 г.; в «*Hellenica*» упоминается о событии, происшедшем в 357 г. (умерщвление Александра Ферского).

Schriften, I; *Krüger K. W.* Historische-philologische Studien, I; *Sievers C. R.*, Commentationes historical de Xenophontis Hellenicis. Berlin, 1833. I; *Stern E. v.* Xenophons Hellenica und die böotische Geschichtsüberlieferung. Dorpat, 1887 (ср.: *ego же.* Geschichte der spartanischen und thebanischen Hegemonie. Dorp., 1884); см. также.: *H olm A.* Griechische Geschichte. II—III passim; *Friedrich C.* Zu Xenophons Hellenica und Agesilaos // NJb. 1896. Bd. 153; а в особенности *Breitenbach L.* «Введение» к его изданию «*Hellenica*». Berlin, 1873 f.; *Schwartz E.* // RhM. Bd. 44.1889.

⁴ Деление принадлежит не самому Ксенофону.

Первая часть обнимает историю Греции до конца Пелопоннесской войны, до Фераменова мира включительно, I, 1, 1—II, 3, 10. Это и есть, собственно говоря, продолжение Фукидида; начинается оно без всякого вступления, прямо с того момента, на котором остановился Фукидид, словами: «После этого, спустя немного дней...» (μετά δ' ταύτα οἱ πολλοίς ἡμέραις ὑστερον...). Изложение — краткое, сухое, порядок хронологический, по схеме Фукидида I; в общем эта часть напоминает летопись или хронику. Исключение составляет описание процесса полководцев после битвы при Аргинусах, отличающееся живостью и подробностями. Вторая часть, начиная с правления Тридцати (II, 3, 11), напротив, вообще отличается живым, пространным, хотя и с большими пробелами, ярким изложением, с приведением многочисленных, нередко длинных речей, и местами скорее напоминает мемуары. Ее в свою очередь можно подразделить на два отдела: первый — до Анталкидова мира (V, 1, 35)² и второй — от этого мира до конца. Заканчивается она небольшим эпилогом. — Написаны «Hellenica», очевидно, не в один, а в несколько приемов, в разное время. Так, например, первые две книги составлены, по всей вероятности, вскоре после 403 г.³, а последние под конец жизни Ксенофонта, уже после 357 г., так как в них (VI, 4, 36) упоминается о событиях в Фессалии, относящихся к этому году. Существует мнение, что сам Ксенофонт не успел вполне отделать, окончательно проредактировать и издать свой труд⁴.

¹ Существовало даже мнение, что в этой части Ксенофонт воспользовался материалом, оставленным Фукидидом.

² По Брейтенбаху, второй отдел начинается с V, 4, 1, т. е. с рассказа об освобождении Фив.

³ Указанием на это могут служить слова в конце II кн., которыми заканчивается рассказ о восстановлении демократии в Афинах в 403 г., — о том, что «еще и теперь афиняне живут в политическом согласии и демос остается верен клятвам». II, 4, 43.

⁴ К. Ваксмут, основываясь на том, что в конце есть эпилог, отвергает это мнение: эпилог, по его словам, доказывает, что Ксенофонт смотрел на свой труд, как на оконченный. Брейтенбах считает первую часть не отделанною, не законченною, а вторую, принимаемую им за совершенно самостоятельный труд, — вполне законченною и отделанною.

В первой части изложение сравнительно объективное; но во второй обнаруживается большое пристрастие автора к Спарте, в особенности к столь чтимому им Агесилаю, и враждебные отношения к Фивам. История Греции превращается, в сущности, в историю Спарты. Здесь мы видим отсутствие исторической перспективы, неравномерность, удивительные умолчания или пробелы. Например, Ксенофонт молчит о таком факте, как возникновение Второго афинского союза. О победе Конона при Книде, имевшей столь важный результат, он не считает нужным подробно рассказывать: о ней он упоминает лишь мимоходом по поводу того, что Агесилай получил весть о ней как раз накануне Коронейского сражения, которое Ксенофонт, наоборот, признает нужным подробно описывать, несмотря на ничтожность его результатов. Не рассказывает он ни об основании Мегалополя и Мессены, ни о восстановлении свободы Мессении; только из дальнейшего его изложения мы узнаем о независимости Мессении, как совершившемся факте. О роли Пелопида в деле освобождения Фив умалчивается: в «Hellenica» о нем упоминается только там, где речь идет о посольстве его в Сузы, к персидскому царю (VII, 1, 33 сл.); а говоря о битве при Левктрах, Ксенофонт не упоминает не только о Пелопиде, но и об Эпаминонде. Имя Эпаминонда в «Hellenica» в первый раз мы встречаем лишь в последней книге (VII, 1, 41), по поводу его третьего похода в Пелопоннес и действий в Ахайе, и если бы мы не имели других источников, мы бы и понятия не имели о блестящей деятельности обоих великих фиванцев, о их роли в тогдашних событиях; да и вообще наше знание греческой истории того времени было бы крайне недостаточное, одностороннее, и представление даже о самых крупных фактах — неверное. Замечательно, что даже деятельность Ификрата, которая, по-видимому, должна была бы особенно интересовать Ксенофонта, вследствие его склонности к военному делу, не получила у него надлежащей оценки и освещения.

Спрашивается, чем объяснить такие особенности «Hellenica», эти странные умолчания?

Вопрос о пристрастии Ксенофонта. Многое объясняется, конечно, личною точкою зрения, симпатиями и пристрастием

Ксенофонта: о некоторых лицах и событиях он вовсе не имел желания распространяться. Но пристрастием нельзя всего объяснить. Дело в том, что оно не так велико, как это кажется с первого взгляда. Нибур называл Ксенофонта «клеветником и поносителем своего отечества»; по словам А. фон Гутшмида, немногие историки так тяжко погрели против великой обязанности истории «*ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri dicere non audeat*», в особенности против второй из этих заповедей, как Ксенофонт; Т. Гомперц называет его великим мастером в искусстве умалчивать, вызывать фальшивое впечатление, не сообщая ложных фактов, и т. д. Но защитники Ксенофонта¹ не без основания доказывают, что хотя у него и есть умолчания, но до сознательного извращения фактов он не доходит и раз что-нибудь сообщает, его сообщение более или менее верно; сравнение его известий с известиями других источников, в особенности Аисия, оказывается в его пользу; его версии нередко заслуживают предпочтения (например, относительно заключения Фераменова мира); его свидетельство, как современника и очевидца, во всяком случае имеет большую цену и его «Hellenica» являются важным источником. Если мы посмотрим ближе в отношении Ксенофонта к Спарте, Афинам и Фивам, в частности к Эпаминонду, то увидим, что не всегда подробно говорит он и о фактах, приятных для Спарты, особенно в первой части «Hellenica»; например, о победах спартанцев при Нотии и Эгос Потамас рассказывается несколько не подробнее, чем о победах афинян при Абидосе, Кизике и Аргинусах. В «Hellenica» есть сообщения и неблагоприятные для Спарты. Ксенофонт не всегда скрывает темные стороны спартанской политики; у него, например, приводится речь Автокла (VI, 3, 7 сл.), представляющая резкое порицание поведения Спарты, толкующей об автономии греческих государств и в то же время препятствующей этой автономии (ср. и III, 5, 12; VI, 3, 7 сл.; ср. III, 5, 12). Он не раз вы-

¹ См. главным образом «Введение» Брейтенбаха к его изданию «Hellenica»; Stern E. v. Geschichte der spartanischen und thebanischen Hegemonie vom Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea. Dorpat, 1884 (Inaugural-Diss.); Holm A. Griechische Geschichte (например, III, 15—16).

ставляет на вид насилия спартанских полководцев и гармостов и порицает их (III кн., а также VI, 2, 6, 15, 19). В захвате Фив он видит преступление, нарушение со стороны лакедемонян клятвы предоставить городам автономию и полагает, что они понесли справедливое наказание от тех, кому причинили несправедливость (V 4, 1). Даже действия Агесилая, пред которым он так преклонялся, Ксенофонт не все одобряет: он находит, что один из употребленных им маневров в битве при Коронее, хотя и свидетельствует о мужестве, но рискован (IV, 3, 19). Спартанский полководец Анаксибий некогда, когда Ксенофонт возвратился из экспедиции Кира, поступил с ним вероломно, но это не мешает Ксенофону рассказать в «Hellenica» подробно об его мужественной смерти (IV, 8, 38 сл.).

Несмотря на антипатию к демократии, Ксенофонт указывает, что афинский демос, по низложению Тридцати в 403 г., остался верен клятве. К Афинам под конец он относится вообще скорее сочувственно, нежели враждебно, что, впрочем, понятно: отношения Афин к Спарте в то время изменились и из враждебных сделались дружественными; заветная мысль Ксенофонта о необходимости союза между Афинами и Спартой, казалось, осуществлялась; сам Ксенофонт уже тогда примирился с родиной, его сын Грилл пал в схватке у Мантинеи, сражаясь в рядах афинской конницы. Ксенофонт не рассказывает обстоятельно о битве при Книде и об освобождении Мессении, тем не менее самых фактов он не скрывает. Очевидно, он относится к Фивам враждебно; но тут есть «смягчающие обстоятельства», и его вражда не лишена основания: возвышение Фив, блестящая деятельность Эпаминонда в конце концов принесли скорее отрицательный результат — ниспровержение установившегося в Элладе порядка, уничтожение гегемонии Спарты, но взамен ничего прочного, положительного не дали. Ксенофонт мог не сочувствовать им не только в качестве друга Спарты, но и с панэллинской точки зрения. Самому Эпаминонду Ксенофонт отдает должную, хотя нужно сознаться, очень запоздалую, дань удивления (VII, 5, 8).

Таким образом, объяснения недостатков «Hellenica» следует искать не в одном только пристрастии Ксенофонта, но и в других

причинах. Указывают, например, на то, что труд его не вполне закончен и отделан, что Ксенофонт многое предполагал известным и писал по личным воспоминаниям, больше как автор мемуаров, останавливаясь на событиях по мере личного участия или личного интереса к ним, подробнее говоря о том, что лучше знал. Объяснения ищут также в той тенденции, которая проглядывает у Ксенофонта, считавшего необходимым для блага и спасения Эллады союз между Спартой и Афинами, с разделом между ними гегемонии так, чтобы первой принадлежала гегемония на суше, а вторым — на море, и желавшего предостеречь против Фив. Не без влияния была и известная склонность Ксенофонта к практической морали, к назиданию¹.

Ксенофонт как историк. Чем бы ни объяснять особенности «Hellenica», они во всяком случае не говорят в пользу Ксенофонта как историка. Он — прекрасный автор мемуаров, и, как таковой, он внес новый элемент в греческую историографию. Ксенофонт был очень плодовит и писал на самые разнообразные темы, начиная с истории и философии и кончая хозяйством, лошадьми и охотой. Но его воззрения не отличались глубиной. Его называли в древности «аттической пчелой» за приятность слога, и он считался типичным представителем греческой *χαλογαυδία*; но как историк, он несравненно ниже двух своих великих предшественников, Геродота и Фукидида. Он не проникает в глубь явлений, в их внутреннюю связь и смысл; он не всегда умеет отличить существенное от несущественного. Оттого и нет у него надлежащей исторической перспективы; оттого находит он возможным в «Греческой истории» игнорировать или обходить молчанием факты, имевшие крупное, решающее значение.

Ксенофонт признает непосредственное вмешательство божества в ход событий. По его словам (IV, 4, 12), бог предал в руки лакедемонян их врагов; в несчастиях, обрушившихся на Спарту пос-

¹ Подробный свой рассказ о подвигах флиунтцев (VII, 2, 1) Ксенофонт сам мотивирует так: «о больших городах, если они совершат что-либо доблестное, все историки упоминают; мне же кажется, если небольшой город совершит много доблестных деяний, то тем более это достойно сообщения».

ле захвата Кадмеи, он видит божескую кару, доказательство того, что боги не оставляют безнаказанными содеянные преступления (V, 4, 1); по поводу приказа Клеомброту не распустить войска, а из Фокиды прямо двинуться против фиванцев, он замечает, что уже само божество вело спартанцев к катастрофе (VI, 4, 3). Вмешательству божества приписывает Ксенофонт то, что Эпаминонд, во время своего последнего похода, отбит был от Спарты; но и спартанцы при дальнейшем преследовании потерпели неудачу: «казалось, — говорит он, — божеством начертан был предел, до какого могла быть дарована им победа» (VII, 5, 12—13). А в конце «Hellenica» по поводу сражения при Мантинее Ксенофонт замечает, что исход этого сражения был противоположен тому, какого все ожидали: каждый надеялся, что победители будут властвовать, а побежденные будут в подчинении; но бог сделал так, что обе стороны очутились в положении и победителей и побежденных (VII, 5, 26—27). Землетрясение производит бог (IV, 7, 4) и т. д.

Ксенофонт очень благочестив, но это не та простодушная вера, которую мы видим у Геродота; это — скорее благочестие практического человека, рассчитывающего получить пользу и выгоды, по правилу: *do ut des*, благоразумно старающегося заранее, на всякий случай, расположить в свою пользу богов и заручиться их поддержкой. В иных случаях Ксенофонт не прочь прибегнуть даже к уловке. Например, Сократ советовал ему спросить дельфийского оракула: принимать ли участие в экспедиции Кира? Ксенофонт действительно обратился в Дельфы, но, чтобы избежать возможного отрицательного ответа, для него нежелательного, он спрашивает оракула не о том, принимать ли ему участие в экспедиции, а о том, каким богам принести жертву, чтобы благополучно возвратиться. Ксенофонт не только благочестив, но и суеверен. Различными гаданиями и предзнаменованиями, благоприятным или неблагоприятным жертвам, снам, — всему этому он придает громадное значение. Вспомним, сколько раз говорится в «Анабасисе» о благоприятных или неблагоприятных жертвах. Ни одного дела Ксенофонт не предпринимает, не узнав, каковы показания жертв. Он решает стать во главе отступающих греков по внушению сна. То

же мы видим и в «Hellenica», например IV, 7,2, или III, 3,4: в последнем случае Ксенофонт считает нужным сообщить о том, как предсказатель, на основании принесенных Агесилаем жертв, пришел к заключению, что боги указывают на страшный заговор, и как вслед за тем действительно открыт был заговор Кинадона. Чрезвычайно характерные замечания мы встречаем также в трактатах Ксенофонта: «О доходах» и «О начальнике конницы». В первом он предлагает между прочим предварительно обратиться в Додону и Дельфы и спросить богов, будут ли полезны государству рекомендуемые им меры. Во втором трактате он советует прежде всего начинать с жертвоприношений, а в конце оправдывает столь частое упоминание о них: кто испытывал опасности, тот, полагает он, не удивится таким упоминаниям; боги все знают и наперед показывают, кому хотят, посредством жертв, полета птиц и снов, и охотнее помогают тем, кто не только спрашивает их совета в момент необходимости, но кто и в счастье почитает их.

«Анабасис». Один из эпизодов, относящийся к описываемому в «Hellenica» периоду и упоминаемый там лишь кратко, именно экспедиция Кира Младшего и отступление 10 000 греков, составляет, как известно, предмет особого сочинения Ксенофонта — знаменитого «Анабасиса»¹. Он издал его не под своим именем, а под псевдонимом: в Hellen., III, 1, 2, он сам ссылается на него, как на сочинение, написанное Фемистогеном Сиракузцем. Очевидно, Ксенофонт избрал псевдоним, как более удобную форму, — для того, чтобы свободнее говорить о себе и о своих заслугах и больше внушить к своим словам доверия. Дело в том, что «Анабасис» не только своего рода мемуары, но и апология². Это — один из интереснейших рассказов участника-очевидца о смелом предприятии, опасном отступлении, во время которого так наглядно обнаружилось все превосходство греков

¹ Раньше на эту тему писал другой участник похода — Софалиец Стимфалиец (из Аркадии) (его сочинение не сохранилось), и, по видимому, это и побудило Ксенофонта выступить со своим «Анабасисом».

² *Dürbach F.* L'apologie de Xénophon dans l'Anabase // RÉG. 1893. VI.

над варварами, о природе и жителях далеких, неведомых грекам стран, с их нравами и обычаями¹; в общем — рассказ правдивый, с довольно яркими характеристиками отдельных лиц. Но там, где Ксенофонт говорит о себе, к его словам нужно относиться осторожно: не впадая в сознательное, грубое извращение фактов и в вымысел, Ксенофонт, однако, несколько преувеличивает свое участие в событиях и свою роль. О некоторых фактах он благоразумно умалчивает или смягчает их, а иногда в щекотливых для него случаях отвлекает внимание читателя сообщением о каком-нибудь сновидении или предзнаменовании. Целями апологии можно объяснить и некоторую непропорциональность, — то непомерно большое место, которое отводится в «Анабасисе» кампании во Фракии. — Написан «Анабасис» много лет спустя после экспедиции, когда Ксенофонт жил в Скиллунте, имея уже взрослых сыновей, — в «Анабасисе» (V, 3) он сам упоминает о своем пребывании в Скиллунте, — в 70-х годах IV в., а может быть, даже и позже, после оставления Скиллунта. В основании лежат, однако, по всей вероятности, более ранние заметки или записки; иначе трудно объяснить точность некоторых сообщений.

Другие произведения Ксенофонта. В «Анабасисе» мы имеем идеализацию Кира Младшего; другого Кира — Старшего, основателя Персидской монархии, Ксенофонт идеализирует в «Киропедии», т. е. «Воспитании Кира» (*Κυρουπαιδεία*). Это не история, а тенденциозный, историко-политический роман: в «Киропедии» Ксенофонт желает дать образ «доброго и счастливого царя»². Факты здесь искажены до крайности. Например, Египет оказывается покоренным при Кире; Кир умирает естественную смертью, в кругу своих, и т. п. «Киропедия» важна, конечно,

¹ Своего рода комментарием для соответствующей части «Анабасиса» служит: *Lehmann-Haupt C. F.* Armenien einst und jetzt. I. Berlin, 1910; *Hoffmeister E. v.* Durch Armenien, eine Wanderung, und der Zug Xenophons bis zum Schwarzen Meere. Leipzig, 1911.

² *Dionys. Halic.* Ep. ad Pomp., 4, p. 777 sq. Еще Цицерон говорил о «Киропедии», что она написана «non ad historiae fidem, sed ad effigiem iusti imperii» (Ep. ad Quint., 1,18).

в историко-литературном отношении, как образец греческого романа (с этой точки зрения важен в частности эпизод любви Панфеи к своему мужу Абрадату, смерть которого она не может пережить) и прототип последующих нравоучительных произведений, вроде Фенелонова «Телемака». Для нас в данном случае «Киропедия» интересна лишь в том отношении, что характеризует политические, нравственные и педагогические идеалы Ксенофонта, служит свидетельством его монархических симпатий¹ и некоторого увлечения Востоком, восточными обычаями и нравами.

Агесилаю, которому отведено такое видное место в «Hellenica», Ксенофонт посвятил особую еще характеристику или биографию², представляющую панегирик или некролог этого спартанского царя, казавшегося Ксенофону олицетворением идеала человека и полководца. В историко-литературном отношении произведение это можно сопоставить с «Евагором» Исократом. О государственном строе столь любимой Ксенофонтом Спарты есть особый его трактат — «Лакедемонская политика», по этому вопросу весьма важный источник³: им широко пользовались последующие авторы — Плутарх (в биографии Ликурга) и Аристотель (в «Политике» и в «Политиях»), так

¹ Lincke K. Xenophons persische Politie // Philologue. NE Bd. XIV. H. 1. Симпатии Ксенофонта к монархии обнаруживаются и в его диалоге «Гиерон».

² Принадлежность ее Ксенофону нередко отвергалась, но в настоящее время принимается большинством.

³ Naumann E. De Xenophontis libra qui Λακεδαιμονίων Πολιτεία inscribitur. 1876; Bazin H. La république des Lacédémoniens de Xénoph. Étude sur la situation intérieure de Sparte au commencement du IVE siècle avant Jésus-Christ. Paris, 1885; Köhler Ulr. Ueber die Πολιτεία Λακεδαιμονίων. Xenophons // S B Berlin. 1896. XV 361 ff.; Schenkl H. Zu Xenophons Schrift über den Staat d. Lakedemoniern (Festschrift für O. Benndorf). Об этом трактате Ксенофонта на русском языке есть сочинение проф. Харьковского университета: Рославский-Петровский А. П. Очерк быта и правления Древней Спарты. Сочинение Ксенофонта Λακεδαιμονίων Πολιτεία, разобранное и представленное в связи с другими источниками. Харьков, 1838.

что наши сведения о внутреннем строе Спарты большею частью восходят, посредственно или непосредственно, к Ксенофону К

Ксенофону, кроме того, принадлежит целая группа сочинений, в которых выведен Сократ², и таким образом произведения этого трезвого, прозаического ума, в сущности мало способного к отвлеченному философскому мышлению, больше склонного к практической деятельности, этого знатока и любителя военного дела и сельского хозяйства, лошадей и охоты, являются для нас едва ли не важнейшим источником при знакомстве с учением и личностью одного из величайших и оригинальнейших философов.

Здесь на первом месте следует поставить, разумеется, известные «Μεμορήβια» (Αλομνημονεύματα) — «Воспоминания о Сократе». При этом естественно возникает вопрос: насколько Ксенофонов Сократ соответствует действительному? В желании автора верно изобразить личность своего учителя и воспроизвести его воззрения можно не сомневаться; но, во-первых, Ксенофонт сравнительно мало пользовался уроками Сократа и недолго был его учеником; в течение последних лет жизни великого философа, его процесса и смерти он находился далеко от Афин; он не мог сам слышать большую часть тех бесед, которые он приводит в своих «Воспоминаниях»³; во-вторых, «Μεμορήβια» писались сравнительно поздно, много лет спустя после смерти Сократа, и в них встречаются некоторые анахронизмы, указываются, например, такие поводы к беседам, которые относятся уже ко времени после смерти философа; в-третьих, нужно иметь в виду свойства самого Ксенофонта: он не был в состоянии проникнуть в глубину, в самую суть учения Сократа и не всегда

¹ Были сомнения и относительно принадлежности этого сочинения Ксенофону.

² Joël K. Der echte und der Xenophontische Sokrates. Berlin, 1893—1902. 2 Bde.; ср.: ego же. Xenophons Verhältnis zur echten Sokratik. 1889; Krohn A. Sokrates und Xenophon. Halle, 1875; Richter Alb. Xenophon-Studien // NJb. XIX Suppl.-bd. 1892; ср.: ego же статью // ibid. VI. Suppl.-bd.; Lincke K. Sokrates und Xenophon // NJb. 1896.

³ Chavanon A. Étude sur les sources principales des «Mémorables» de Xénophone. Paris, 1903.

верно понимал его воззрения; он больше улавливал внешность, скользил, так сказать, по поверхности. Он нередко приписывал Сократу свою собственную философию, полагая, что воспроизводит действительное учение великого философа: в его уста он влагает свои собственные мысли по наиболее интересовавшим его излюбленным темам о благочестии, справедливости, дружбе, стратегии и т. п. В общем гениальная и оригинальная личность Сократа у Ксенофонта является подчас слишком обыденною... То же следует сказать и о других двух сочинениях Ксенофонта — о «Симпосии» и об «Апологии Сократа»¹.

К «Memorabilia» примыкает интересный во многих отношениях диалог Ксенофонта: «О хозяйстве» (*Oikonomikós*)². Это — греческий «Домострой»: Сократ беседует о том, как лучше устроить и вести домашнее и сельское хозяйство, причем передает мнения на этот счет некоего Исхомаха, устами которого, очевидно, говорит сам Ксенофонт. Сочинение это знакомит с характером и положением тогдашнего хозяйства и содержит указания на некоторые социально-экономические недуги той эпохи. Земледелие выставляется в нем как наилучшее, наиболее полезное и благородное занятие. *Oikonomikós* замечателен по тому гуманному духу, которым проникнуты проводимые в нем взгляды; в особенности этим отличаются те страницы, где речь идет о том, как обращаться с молодой женою, приучая ее к хозяйству, о положении ее как хозяйки в доме³ и об отношении к слугам. — Заметим, что диалог этот переведен был Цицероном на латинский язык.

В небольшом трактате «О доходах» Ксенофонт⁴ касается афинских финансов; он говорит о том, как помочь им и как увели-

¹ О ней см.: *Wetzel M., Immisch O.* Die Apologie des Xenophons // NJb. V. 1900. Ее некоторые считают неподлинною.

² *Vogel G.* Die Ökonomik des Xenophontes. Erlangen, 1895; *Hodermann M.* Xenophons Wirtschaftslehre unter dem Gesichtspunkte sozialer Tagesfragen betrachtet. Wernigerode, 1899. (Progr.).

³ См. мою статью: *Бузескул В. П.* Женский вопрос в Древней Греции // К свету. Юбилейный сборник Петербургск. высших курсов. СПб., 1904.

⁴ Если только трактат этот действительно принадлежит ему: относительно этого есть сомнения.

чить государственные доходы, не отягощая союзников; в конце автор проповедует мирную политику в духе Евбула. Трактат содержит, между прочим, интересные сведения о положении метеков, о торговле, о способе эксплуатации и доходах с Лаврийских рудников. На остальных небольших сочинениях Ксенофонта — на диалоге «Гиерон» и на трактатах об обязанностях начальника конницы, о том, как обращаться с лошадьми, и об охоте здесь не место останавливаться.

Псевдо-Ксенофонтова «Афинская полития». В числе Ксенофонтовых сочинений издавна обыкновенно помещают и политический трактат об афинской демократии, *Ἀθηναίων Πολιτεία*¹ (которую, разумеется, не следует смешивать с недавно открытою Аристотелевою «Афинскою политиею»). Но в настоящее время почти никто не сомневается в том, что это произведение не Ксенофонта²: ни по времени написания, ни по языку и изложению, ни по воззрениям оно не подходит к сочинениям

¹ Новейшее издание и вместе с тем наиболее крупный труд об этом произведении: *Kaïinka E.* Die Pseudoxenophontische *Ἀθηναίων Πολιτεία* (с обширным введением, переводом и комментарием). Leipzig; Berlin, 1913; по поводу его: *Кагаров Е. Г.* Спорные вопросы, связанные с Псевдо-Ксенофонтовой «Афинской политией» // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. 1914; *Шварц А. Н.* [*Ξενοφώντος*] *Ἀθηναίων Πολιτεία*. О государстве Афинском, сочинение неизвестного автора V в. до Р. Х. М., 1891 (критическое исследование, с обзором предшествующей литературы, текст и объяснительные примечания); *Schöll R.* Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen. Festrede. München, 1890; *Kirchhoff Ad.* // ABAW. 1874, 1878; *Wachsmuth C.* Commentatio de Xenophontis qui fertur *Ἀθηναίων Πολιτεία*. Göttingen, 1874; *Müller-Strübing H.* Die attische Schrift vom Staat der Athener // Philologie. IV. Suppl.-Band. 1880; *Кулаковский Ю. А.* Полития афинян // КУИ. 1881. № 7; *Nistler.* Die Gedankenfolge in der Pseudo-Xenophons *Ἀθηναίων Πολιτεία*. Wien, 1891.

² Последний, веривший в его авторство, был *Belot E.*: La république d'Athènes, lettre sur le gouvernement des Athéniens, adressée par Xénophon au roi de Sparte Agésilas. Paris, 1880.

«аттической пчелы» и обнаруживает в авторе такое политическое понимание и пронизательность, такую глубину мысли, на какие вряд ли был способен Ксенофонт. Трактат написан, по-видимому, в первые годы Пелопоннесской войны, до 424 г., во всяком случае еще тогда, когда демократия и морское могущество Афин были в полной силе, и принадлежит, несомненно, перу олигарха, но кому именно, — неизвестно: его автором считают то Крития, то Фриниха, одного из олигархических деятелей 411 г., то, наконец, Алкивиада или Фукидида Алопекского, сына Мелесия, политического противника Перикла.

Вообще это небольшое, но во многих отношениях любопытное произведение, являющееся древнейшим памятником аттической литературной прозы и первым дошедшим до нас политическим трактатом, послужило предметом довольно многочисленных исследований и подало повод к самым разнообразным мнениям.

В нем видели то диалог между защитником и противником афинской демократии (К. Г. Кобет, К. Ваксмут), то собрание перепутанных фрагментов, произвольно соединенных каким-то редактором (А. Кирхгоф), то смешение трактата, написанного умеренным олигархом, и заметок и возражений крайнего олигарха, сделанных сначала на полях, а потом переписчиком внесенных в самый текст (А. Н. Шварц), и т. п. На трактат этот смотрели то как на простое письмо к другу-лакедемонянину, то как на своего рода консульское донесение или на мемуар, предназначенный для единомышленников, то как на публицистическое произведение, набросок речи (т. наз. *λόγος*), подобной тем, какие впоследствии писал Исократ (А. Н. Шварц). По одному мнению, автор желал побудить своих единомышленников к полному ниспровержению афинской демократии, возможному не иначе, как при помощи Спарты: это — программа партии, не останавливающейся ни перед какими последствиями; по другому мнению, наоборот — автор старается отсоветовать всякую попытку против этой демократии как безнадежную; по третьему, рассматриваемый памятник — чуждый практической тенденции научный трактат, и т. д. Автор новейшего большого труда о Псевдо-Ксенофонтовой политике З. Калинка предполагает, что

это — речь, *επιδειξις*, в духе тогдашней софистики («ein sophistisches Kunststück»), а не политический призыв для каких-либо практических целей и не чисто научный трактат, для чего ей недостает полноты изложения и спокойствия тона: это была импровизация, без предварительной, долгой подготовки, и она могла быть произнесена в олигархическом обществе, гетерии, во время «симпозиона».

Но главная основная мысль автора памфлета ясна: по его собственным словам, он не может, конечно, одобрить выбранную афинянами форму правления, но признает, что раз уже они ее выбрали, они прекрасно поддерживают ее и вообще поступают целесообразно, и если остальные греки думают, будто афиняне заблуждаются и делают грубые ошибки, то это неосновательно, что и намерен он показать в своем трактате (I, 1). Автор в дальнейшем изложении останавливается преимущественно на причинах предпочтения, оказываемого бедным, на сравнительно привилегированном положении метеков и рабов в Афинах, на последовательности афинской политики по отношению к союзным городам и преимуществам морского могущества Афин. Он объясняет, как недостатки и темные стороны, которые ставятся в вину афинской администрации и суду, неразрывно связаны с самым строем и положением Афин. Рядом идут побочные замечания, исторические справки и примеры.

В общем, автор показывает, как сама сила вещей заставляет афинян поступать так, как они поступают, и выясняет внутреннюю, неразрывную связь между состоянием общества, демократическими учреждениями и демократическою политикою, между развитием демократии и ростом морского могущества. Он старается понять эту, в сущности ненавистную ему, демократию, понять причины и условия ее прочности и выставляет на вид глубокую целесообразность ее учреждений и принимаемых афинянами мер. Он выводит из более общих причин те черты и явления, которые его современникам и единомышленникам казались случайными или результатом произвола. В некоторых местах можно заметить большую аналогию с Фукидидом, в особенности там, где говорится о преимуществах полуостровного положения

Аттики (I, 19-20; II, 4-5, 14-16 и речь Перикла: Thus., I, 133 сл.), да и в других случаях, даже в содержании и самой манере¹. Вообще трактат этот, подобно Фукидидову труду, может служить ярким свидетельством того, какой быстрый шаг сделала историческая и политическая мысль в Греции в короткий промежуток после Геродота.

По-видимому, автор вполне объективно рассматривает афинскую демократию; но местами, наряду с этим внешним спокойствием и опровержением как бы неосновательных обвинений против афинского демоса, проявляется большая страстность, вырываются замечания, полные иронии и злобы, в которых скрывается вся ненависть олигарха к этой демократии, что, как мы видели, и дает повод к разным толкованиям. Но мне кажется, что видимые противоречия тем именно и объясняются, что автор — принципиальный враг демократии: какие-либо отдельные, частичные исправления и изменения в строе, по его мнению, ни к чему не ведут; они бесцельны и невозможны; нужно принимать эту демократию, как она есть, или же вырвать ее с корнем. Т. Гомперц сравнивал автора этого произведения с военным, который принимается за исследование верхов неприятельского укрепления, чтобы высмотреть слабые места и придумать подходящий способ нападения, но которого так поражает искусное расположение укрепления и целесообразное соединение частей, что он не только настоятельно предостерегает своих от слишком поспешного нападения, но, не обинуясь, выражает удивление пред планомерной постройкой и таким образом становится почти восхвалителем ненавистного врага. Именно ненависть сообщила особую остроту его глазу и помогла ему открыть некоторые, дотоле неизвестные, основные политические истины...²

¹ См.: Шварц А. Н. [Ἐνοφώντος] Ἀθηναίων Πολιτεία. О государстве Афинском... С. 56—57; Roscher W. H. едва ли не готов был отождествить автора Псевдо-Ксенофоновой Политии с историком Фукидидом (Klio. Leben, Werk und Zeitalter des Thukydides. S. 252).

² Гомперц, Т. Греческие мыслители. I. С. 417—418.

Историки V—IV в., произведения которых сохранились лишь в отрывках

Кратипп. Продолжателем Фукидида был и Кратипп, младший его современник¹ (впрочем, некоторые относят его к III и даже I ст. до Р. Х.). Известно, что он восставал против приведения речей в исторических трудах и порицал Фукидида за его речи. Произведение Кратиппа до нас не дошло. Но недавно среди папирусов из Оксириха найден большой исторический отрывок, касающийся 396/395 года, времени Коринфской войны, и приписываемый некоторыми исследователями Кратиппу.

«Оксирихский историк». Написан текст на оборотной стороне документа (земельной описи); в некоторых частях столбцы сохранились хорошо, в других — почти совершенно разорваны. Дошедший до нас текст этих Оксирихских «Hellenica»² касается отношений афинских партий к Спарте и к тогдашнему политическому положению, антиспартанского настроения в Греции и причин его, но главным образом — войны, похода Агесилая, действий Конона и т. д. Наиболее интересны его сообщения о перевороте на о-ве Родосе и в особенности об организации беотийского союза, на которую он проливает новый свет. Изложение вообще очень подробное, подробнее, чем, например, у Ксенофонта, с которым автор очень часто расходится; зато сообщения Диодора нередко согласуются с свидетельством новооткрытого источника. Из самого его изложения и слов можно заключить, что автор жил в IV в., писал после Анталкидова мира, но до завоевания Персии Александром Македонским и даже до окончания Священной войны, начал свой труд с 411/410 г., т. е. с того момента,

¹ Dionys. Halic. DeThucyd.; 16; Plut. De gloria Athen. 1.

² Изданы впервые: Grenfell B. P., Hunt A. S. The Oxyrhynchus-Papyri. Vol. V. Oxford, 1908 (с исследованием, переводом и комментарием); отдельно: Hellenica Oxyrhynchia cum Theopompi et Cratippi fragmentis. Oxon., 1909 (Script. Classicorum Bibl. Oxoniensis); затем Meyer Ed. Theopomps «Hellenica». Halle, 1909. Франц. пер.: Cavaignac Eug. L'Histoire grecque de Théopompe // RÉG. 1912. XXV.

на котором остановился Фукидид. Изложение его плавное, тон в общем спокойный, объективный; автор только явно симпатизирует Конону и резко высказывается против афинских демократов; однако это не мешает ему отметить, что союз против Спарты был вызван не подкупом, а подготовлен раньше. Автор касается и причин излагаемых им событий. Но кто был автором этих «Hellenica», мнения расходятся: одни, например Эд. Мейер, У. фон Виламовиц-Мёллендорф, называют Феопомпа¹. Другие — Кратиппа², третьи — Эфора³ и проч.⁴ Помимо некоторых частных, — стиль, язык, манера изложения вновь открытого историка отличается от того, что мы знали до сих пор

¹ К такому выводу пришли, выставив доводы pro и contra, и издатели папируса В. Р. Grenfell и А. S. Hunt; см. также: *Busolt C.* Der neue Historiker und Xenophon // Hermes. 1908. XLIII; *id.* Zur Glaubwürdigkeit Theopomps // Hermes. 1910. XLV; *Schwartz Ed.* Die Zeit des Ephoros // Hermes. 1909. XLIV; *Cavaignac E.* (см. примеч. 2, с. 181); *Benedetto.* Lo storico Cratippo // Atti della Accademia delle scienze di Torino. 1909. XLIV.

² *Blass Fr.* (посвидетельству В. Р. Grenfell, А. S. Hunt), *Dittenberger W.*; *Bury J. B.* The Ancient Greek Historians...; *Walker E. M.* Cratippus or Theopompus? // Klio. 1908. VIII; *Coligher W. A.* The New Greek Historical Fragment. Attributed to Theopompus or Cratippus // EHR. 1908. Apr.; *Mess Ad. v.* «Die Hellenika» von Oxyrhynchus und die Berichte Xenophons und Diodors // RhM. 1908. LXIII. (ср.: *Mess Ad. v.* «Die Hellenika» von Oxyrhynchus // RhM. 1909. LXIV); *Jacoby F.* // Klio. 1908. VIII; *Maas P.* // BPW. 1912. № 51; *Lehmann-Haupt C. F.* // Einleitung in die Altertumswiss / Hrsg. von Alf. Gercke, Ed. Norden. III, 1913; *Pareù H. W. G.* Cratippo e «Elleniche» di Oxyrhynchus // Studi Italiani di filologia classica. 1912. XIX; *Шестаков С. П.* // ЖМНП. 1909. Ноябрь-декабрь; 1910. Октябрь.

³ *Judeich W.* Theopomps Hellenica // RhM. 1911. LXVI; Уолкер (Walcker), раньше стоявший за авторство Кратиппа, теперь в своей книге «The Hellenica Oxyrhynchea, its authorship and authority» (Oxford, 1913) тоже предполагает Эфора.

⁴ Г. де Санктис (Atti della Accademia delle scienze di Torino. XLIII, 1908) приписывает Андротиону (совершенно неосновательно), а иные — какому-либо неизвестному нам историку; *Underhill C. E.* Theopompus (or Cratippus), «Hellenica» // JHS. XXVIII; *Peter H. W. G.* Wahrheit und Kunst, Geschichtsschrift und Plagiat. Lpz.; B., 1911.

о Феопомпе. В пользу авторства Кратиппа твердых данных нет (мы слишком мало знаем его «Историю Греции»: до нас дошло только четыре ссылки на нее), но нет и убедительных доводов против. Вообще, вопрос о новом источнике еще нельзя считать решенным¹.

Нужно иметь в виду, что далеко не вся литература греков дошла до нас: масса произведений или утрачена совершенно, так что нам известны лишь имена авторов, да и то не все, или же сохранилась только в отрывках² благодаря ссылкам и цитатам других, обыкновенно более поздних писателей.

Ион Стесимброт. В V в. в Греции уже пробуждается интерес к личности и на этой почве возникает литература мемуаров. Так, поэт Ион Хиосский, лирик и трагик, современник и друг Кимона, написал, кроме истории основания Хиоса, еще «Воспоминания» (*Ἐπιθῆσις*, или *ὑπομνήματα*). Насколько можно судить по немногим отрывкам, в этих «Воспоминаниях» заключались небезыңтересные подробности касательно греческих деятелей на различных поприщах и значительный культурно-исторический материал. О Фемистокле, Фукидиде (Алопекском) и Перикле существовал памфлет Стесимброта Фасосского (V в.). В качестве уроженца Фасоса и аристократа по симпатиям Стесимброт относился со страстною ненавистью к Афинам и Периклу.

Ктесий. Многих из тех лиц и событий, что и Геродот, касается Ктесий, грек, попавший в плен к персам и занявший почетную должность придворного врача, автор «Истории Персии» (*Περσικά*) в 22 кн. Ктесий во многом отстывает от Геродота и вообще относится к последнему с презрением, старается уличить его в ошибках и во лжи. Можно было бы думать, что у него имеется туземная, персидская версия, тем более, что он прожил в Персии

¹ Об этом вопросе см. ст. С. П. Шестакова, упомянутой в примеч. 2 (с. 182). К литературе его: *Franz J.* Ein Historikenfragment aus Oxyrhynchus. Prag, 1910 (Progr.); *Rühl F.* Randglossen zu den «Hellenica» von Oxyrhynchus // RhM. 1913. LXVIII.

² См.: Fragmenta Historicum Graecorum, изд. К. Мюллером (собр. Didot).

около 17 лет (415—398 гг.), близок был ко двору персидского царя и сам ссылается на персидские официальные источники (*Βασιλικὰ διφθέρα*). Но Ктесий — историк в высшей степени недостоверный; достаточно сказать, что Марафонскую битву он связывает со Скифским походом, а Платейскую помещает раньше Саламинской. «Историю Персии» Ктесия еще имел в руках патриарх Фотий, который и сделал из нее извлечения 1.

Эней. В IV веке, в период развития наемничества и военного искусства, обнаруживается интерес к теории этого искусства. Это заметно у Ксенофонта. В греческой литературе того времени имелось и особое, специальное сочинение, посвященное военному делу, с приведением многочисленных примеров из истории, и написанное современником Ксенофонта, Энеем. До нас дошел отдел о тактике и осадном искусстве 2.

Риторическое направление. Известно, какую роль играло в Греции, в частности в Афинах, красноречие. Риторическое направление в IV в. преобладает в литературе; оно проникло и в историографию. Историки начинают гнаться за чисто внешним эффектом, за красивой, гладкою фразою; в целях риторики сочиняют и вставляют речи, искажают факты; стремление к точному, достоверному знанию, к отысканию истины отходит на второй план. В особенности могущественно было влияние известного публициста того времени — Исократ, создавшего целую школу 3. Его учениками считаются самые выдающиеся историки

¹ Phot. Bibl. P. 446; *Bahr J. C. F.* Ctesiae reliquiae. Frankfurt am Mein, 1824. Отрывки Ктесия имеются также в приложении к изд. Геродота в собрании Didot (1858). Более новое издание: *Gilmore J.* The Fragments Of the Persica of Ctesias. London, 1888 — неудовлетворительно. О Ктесии: *Gutschmid Alf. v.* Kleine Schriften. II; *Lanzani Carolina.* I Persica di Ctesia fonte di storia greca. Messina, 1902; *Hiller Ed.* // Ceské Mus. filologické. 1903. Ктесию принадлежало еще сочинение об Индии и *Περὶ Πλουγ.*

² Griechische Poliorketiker / Hrsg. und übers. von *Schneider* // AGG. 1908. XI; 1912. XII.

³ *Skala R. von.* Isokrates und die Geschichtschreibung. Leipzig, 1892.

второй половины IV в., Эфор (род. в Куме, в Малой Азии) и Феопомп.

Эфор. Тема Эфора¹ — «Всеобщая история Греции». Труд его состоит из 30 книг и, начинаясь «Возвращением Гераклидов», доходит до осады Перинфа Филиппом Македонским, т. е. до 340 г. Сам Эфор, доживший до похода Александра в Азию, не окончил его, и последняя книга, излагающая историю Священной войны, написана его сыном Демофилом. Каждая книга имела особое вступление и представляла нечто цельное. Есть основание думать, что Эфор свой труд выпускал по частям, по мере обработки.

Произведение Эфора имело громадный успех; для его современников и последующих поколений оно служило главным источником по истории Греции: Эфор создал как бы вульгату этой истории. На него часто ссылается Полибий, ставящий его вообще очень высоко, называющий его «первым и единственным историком, представившим опыт всеобщей истории» (V, 33); у него немало черпал Страбон; а Диодор в некоторых книгах своей «Библиотеки» дает извлечение из Эфора. Некоторые новые исследователи ставят Эфора тоже чрезвычайно высоко². Б. Г. Нибур, например, называл его основателем общей истории Греции, а потерю его произведения признавал величайшей утратой. Известный английский историк Дж. Грот находился под сильным влиянием Эфора и во многих случаях следовал за ним.

¹ FHG. I и IV; *Wachsmuth C.* Einleitung. S. 498-507; *Blass Fr.* Die attische Beredsamkeit. II²; *Meyer E.* Forschungen, I; *Schwartz Ed.* Ephoros // RE. VI. 1907; *Schwartz Ed.* Die Zeit des Ephoros // Hermes. 1909. XLIV; ср.: *Niese B.* Wann hat Ephoros sein Geschichtswerk geschrieben? // Hermes. 1909. XLIV; *Laqueur R.* Ephoros // Hermes. 1911. XLVI; *Mess Ad. v.* Untersuchungen über die Arbeitsweise Diodors // RhM. LXI; *Kalischek A. E.* De Ephoro et Theopompo Isocratis discipulis. Münster, 1913.

² Иначе Эд. Шварц в указанной выше статье.

Эфор писал, когда разрозненный греческий мир объединялся под властью Македонии, и его «История», как показывает самое заглавие — *Ἱστορία κοινὴν πράξεων*, — отличалась характером универсальным. Это была история не того или другого события или государства, а всего греческого мира, — не только Эллады, но и колоний на востоке и на западе. Но, строго говоря, едва ли можно проводить в этом отношении резкую, принципиальную разницу между Эфором и Геродотом и противопоставлять первого его предшественникам: ведь и «История» Геродота до известной степени носит характер универсальный. Эфор собрал громадный материал, пользовался не только трудами предшественников, в особенности Геродота, но и надписями, и дал обработанный свод предшествовавшей исторической литературы; он представил связанное изложение всей греческой истории, и в этом его заслуга.

Эфор держался рационалистической точки зрения. Он порицал тех, кто в истории любит рассказывать мифы (fr. 70). Сам он исключил из своей истории мифический период и начинает свое изложение с возвращения Гераклидов, т. е. с вторжения дорян в Пелопоннес. А когда в отдельных случаях приходилось касаться мифов, он старался рационализировать их, подобно логографу Гекатею (см. с. 103); например, змея Пифон у него превращается в жившего в окрестностях Парнаса разбойника, прозванного змеей за свой лютый нрав. Теоретические воззрения Эфора в области исторической критики и отдельные замечания его иногда вполне правильны и заслуживают внимания. Когда речь идет о современных событиях, тогда, по его мнению, самый обстоятельный рассказ — самый достоверный; относительно же древнейших времен — наоборот: подобные подробные рассказы он считает самыми ненадежными, ибо ни вседействий, ни речей нет возможности помнить в течение столь долгого времени (fr. 2). Полную доказательную силу Эфор признает только за свидетельством очевидца: если бы историки, говорит он, могли лично присутствовать при всех событиях, это был бы наилучший способ приобрести сведения (fr. 3). Но на практике Эфор не всегда умеет как следует применить свои воззрения. Объяснение исторических явлений, их связи и причин у него неудовлетворительно. Слишком большая

роль отводится мелочным, личным причинам, например, происхождение Пелопоннесской войны объясняется тем, что Перикл не желал давать отчет в употреблении денег и хотел спасти своих друзей от преследования (fr. 119). Эфор не был практическим государственным или военным деятелем. Это был скорее ученый в нашем смысле, и его кабинетная ученость, неопытность в государственных и военных делах сказывается хотя бы, например, в описании битв.

Феопомп. Эфор расположен в пользу афинян. Наоборот, другой знаменитый историк второй половины IV в., тоже ученик Исократы и современник Эфора, Феопомп I, уроженец Хиоса, относился к афинянам крайне неблагоприятно и в особенности был страстным врагом демагогов; его симпатии — на стороне аристократии и Спарты. Эти спартанско-аристократические симпатии Феопомп получил как бы в наследство от своего отца, который вследствие своего «лаконизма», т. е. приверженности к Спарте, должен был покинуть родной остров Хиос, когда последний примкнул ко Второму афинскому союзу, и которого еще ребенком (Феопомп родился в 377/376 г. до Р. Х.) он сопровождал в изгнании. Вообще его жизнь полна скитаний. 45 лет от роду Феопомп, благодаря содействию Александра Македонского, вернулся на родину, но вскоре вступил здесь в борьбу с вождем демократической партии, Феокритом; плодом борьбы были его «Хиосские письма» к Александру, изобличавшие противника в разных злоупотреблениях и беззакониях. По смерти Александра Феопомп должен был опять покинуть Хиос. Снова начались его странствования. Между прочим был он и в Египте, где, по всей вероятности, и умер (в конце IV в.). Но эта беспокойная, странствующая жизнь послужила хорошей подго-

¹ FHG. I и IV; *Hachtmann K.* De Theopompi vita et scriptis. Detmold, 1872; *Bünger C.* Theopompea. Strassburg, 1874; *Dellios J.* Zur Kritik des Geschichtschreibers Theopompos. Jena, 1880; *Blass Fr.* Die attische Beredsamkeit. II²; *Meyer Ed.* Theopomps «Hellenica». Halle, 1909; *Riese A.* Der Historiker Theopompos // NJb. 1870; *Hirzel R.* Zur Charakteristik Theopomps // RhM. 1892. XLVII; *Rohde E.* Zum griechischen Roman // RhM. 1893. XLVIII.

товительной школой для Феопомпа, дала ему возможность посетить все значительные города и страны Греции, встретиться и лично познакомиться с выдающимися деятелями, собрать громадный материал для своих исторических трудов, тем более что он располагал большими денежными средствами. В Афинах Феопомп имел возможность пользоваться уроками Исократы и вскоре приобрел славу замечательного оратора. На ораторском состязании, устроенном вдовой Мавсола, он одержал победу над соперниками и получил премию за панегирик умершему владельцу Галикарнасса. Феопомп сам говорит, что не было публичного места и значительного города в Греции, которых он не посетил бы, где бы не произнес речи и не оставил после себя великой славы как оратор. Вообще Феопомп отличался большим самолюбием. Он хвастался тем, что написал не менее 20 000 строк речей и более 150 000 строк, в которых можно прочесть о деяниях греков и варваров вплоть до его времени (fr. 26).

Феопомпу принадлежат, во-первых, *Ελληνικά* (в 12 кн.), в которых он, подобно Ксенофону и Кратиппу, является продолжателем Фукидида и излагает историю Греции с конца 411 г. до битвы при Книде (394 г.); во-вторых — *Φιλιππικά*, т. е. «История Филиппа Македонского» в 58 кн., главное произведение Феопомпа. Центральной фигурой здесь является Филипп, историческое значение которого Феопомп своевременно оценил, но при этом делаются большие отступления, экскурсы в область прошлого, так что история Филиппа расширяется в более или менее общую историю Греции того времени. Особый отдел был посвящен афинским демагогам.

Феопомп — историк с горячим темпераментом. Это была натура страстная, особенно склонная к инвективам и к злословию, что отмечено еще древними: по словам Корнелия Непота (Alcib., 11), Феопомп и Тимей — duo maledicentissimi scriptores. Феопомп не щадит даже своих героев и выставляет их пороки и недостатки. Так поступает он и в отношении к Филиппу, не говоря уже об афинских демагогах. Феопомпа интересовала больше всего человеческая личность, и исторических деятелей он рассматривал преимущественно с точки зрения их нравственных

свойств. Он старается проникнуть в тайники их души, раскрыть глубоко скрытые мотивы действий. Он внес таким образом в историю — гораздо в большей степени, нежели Ксенофонт — элемент психологический. У Феопомпа — значительный элемент и культурный: он давал картину нравов и обычаев как целых народов, так и отдельных лиц. Подобно Эфору, уделял он видное место и географическим факторам, вполне сознавая связь с ними истории. Феопомпу не чуждо критическое отношение к материалу. Он, например, на основании, так сказать, палеографических соображений отвергал подлинность текста Кимонова мира. Но вместе с этим его интересовал и элемент чудесный: в его сочинении целый отдел был посвящен «удивительным вещам» (*περί θαυμάσιων*). По словам Цицерона (De leg., I, 1, 5), Феопомп, как и Геродот, рассказывал бесчисленные басни. Сам он, впрочем, гордился тем, что рассказывал их лучше своих предшественников. Немало было у Феопомпа и анекдотов.

В древности Феопомпом много пользовались. Особенное внимание обращал на себя отдел об афинских демагогах; им часто пользовался, например, Плутарх. Вообще сочинения Эфора и Феопомпа служили в древности главным источником и принадлежали к наиболее читаемым книгам. Геродот и Фукидид почти были забыты: их заслонили собой Эфор и Феопомп².

Сицилийские историки. Тимей. Несколько выдающихся историков имела Сицилия. Древнейшим из них был Антиох Сиракузский (V в.). Другой более поздний историк Сицилии, Филист, по-видимому, был одним из самых замечательных представителей греческой историографии. В юности он был свидетелем осады Сиракуз афинянами; впоследствии играл важную роль в истории родного острова как приверженец и полководец обоих Дионисиев, Старшего и Младшего, и погиб во время борьбы Диона с Дионисием Младшим (357/356 г.). Его «История Сицилии» (*Σικελικά*) состояла из нескольких частей.

¹ Из обширных «Филиппик» македонский царь Филипп III сделал извлечение из 16 книг, подобрав места, касающиеся Филиппа.

² Недавно открытый большой исторический отрывок некоторыми признается, как мы видели, за фрагмент из «Hellenica» Феопомпа.

Замечательно, что для древнейшего периода Филлист пользовался карфагенскими известиями. По сжатости изложения, глубокому пониманию государственных и военных дел и по некоторым другим чертам его еще в древности сравнивали с Фукидидом. К сожалению, от его труда до нас дошли лишь некоторые отрывки. Наиболее же известным сицилийским историком является Тимей¹.

Родом из Тавромения, сын основателя последнего, он родился около 345—340 гг. до Р. Х. и в молодости принимал деятельное участие в той политической борьбе, которая происходила на острове Сицилии, как сторонник Тимолеона и противник Агафокла. Перед Тимолеоном Тимей преклонялся, а тиранию, в особенности Агафокла, ненавидел и дал выражение этой ненависти впоследствии в своей «Истории». Изгнанный Агафоклом (ок. 317 г.), Тимей поселился в Афинах, где прожил более 50 лет и умер в глубокой старости (ок. 250 г. до Р. Х.). Тимей предпринимал, по собственным словам, далекие путешествия и вообще с большим трудолюбием и старанием собрал богатый материал для своей «Истории»; пользовался между прочим надписями — списками проксенов, — изучал даже документы карфагенян и финикиян. Его труд (*Ἱστορίαι*) — главный источник сведений по истории не только Сицилии, но и вообще западных эллинов, отчасти и Карфагена². В особенности замечателен он в отношении хронологической системы: Тимей положил за основу список победителей на Олимпийских играх и ввел таким образом тот счет по Олимпиадам, который потом надолго сделался общепринятым; к этой общеэллинской системе Тимей свел отдельные, местные систе-

¹ FHG. I и IV; *Beloch J.* Die (Economie d. Geschichte des Timaios // NJb. 1881. Bd. 123; *Schwartz Ed.* Tyrtaios // Hermes. 1899. XXXIV; *Susemihl Fr.* Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit. Leipzig, 1891. I; *Geffken J.* Timaios, Geographie des Westens // Philologische Untersuchungen. Hrsg. von E. Kiessling und U. v. Wilamowitz-Möllendorff. XIII. 1892; см. также *Christ W., Wachsmuth C.* и др.

² Состоял он из 38 кн., из которых последние 5 содержали историю Агафокла. Кроме того, в виде как бы приложения, Тимей написал историю Пирра и его войн в Италии и Сицилии.

мы — счет по эфорам, по архонтам и т. п. Тимей принадлежал в значительной степени тоже к риторическому направлению, получившему господство в Греции со времен Исократа. Пространные речи занимали в его труде видное место. Тимей далеко не чужд был суеверия, придавал значение снам, предзнаменованиям, различным совпадениям. В ходе событий он усматривал действие судьбы или *δαμονιον'α*. Труд Тимея оказал большое влияние на последующих историков: из него черпали Диодор, Плутарх, Трог Помпей и др. Можно сказать, что ему мы обязаны большею частью тех сведений по истории, географии и этнографии древней Сицилии и Италии, которыми мы располагаем.

Аттиды и аттидографы. Вообще, наряду с трудами общего, более или менее универсального характера, в Греции существовала и развивалась история местная: многие города и области имели свою историческую традицию и своих историков, свои хроники или летописи. Здесь особенно следует отметить т. наз. Аттиды (*Ἀτθίδες*), летописи или хроники Аттики¹. В основе их, очевидно, лежат списки архонтов, к которым присоединялись записи или заметки о важнейших происшествиях и природных явлениях². Аттиды касались хронологии и топографии, политической и литературной истории, в особенности же истории государственных учреждений. Они отличаются более или менее документальным характером; в них обнаруживается стремление к точной хронологии; датой служит обыкновенно

¹ FHG. I и IV. Об Аттидах см. преимущественно: *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Aristoteles und Athen. I, 277 ff; *Schwartz Ed.* Atthis // RE. II; о Филохоре: *Böckh A.* Kleine Schriften. Bd. V. 1832; *Strengé Jul.* Quaestiones Philochoreae. Göttingen, 1868.

² Виламовиц полагает, что прототипом или схемой для Аттид служила хроника «экзегета», хранителя старины, старинных священных обычаев и права (древнейший аттидограф Клидем или Клитодем был экзегетом, а знаменитейший из аттидографов, Филохор, был предсказателем, *μαντις* и *ἱεροσκόπος*). Но Аттиды проникнуты не консервативным духом, а демократическим, и содержали много чисто светских вещей, в сущности мало интересных для экзегета; см. также: *Новосадский Н. И.* Древнегреческие экзегеты // ЖМНП. 1905. Февраль.

имя архонта-эпонима. Встречаются нередко цитаты из псефизм и законов. Многие заметки и известия, очевидно, восходят к древним записям, современным упоминаемым в них событиям. В Аттидах преобладает историко-антикварный элемент; изложение обыкновенно сухое, фактическое, без риторических прикрас, но анекдотические подробности не исключаются.

Этот вид исторических произведений достиг своего развития во второй половине IV в. Древнейшим аттидографом, если не считать Гелланика, которого причисляют еще к логографам (см. с. 104), но у которого уже имеется Аттида, называют Клидема, или Клитодема (Paus., X, 15,5). Наиболее известны из аттидографов Андриотий и Филохор. Первый, по всей вероятности, то самое лицо, против которого имеется речь Демосфена, следовательно, — современник последнего. Филохор, самый выдающийся аттидограф, принадлежит уже концу IV и первой половине III в.: из фл. 145 мы знаем, что в 306 г. он был *ἑρσοκόπος*; во время т. наз. Хремонидовой войны он боролся против Антигона Гоната и после занятия последним Афин был казнен (261 г.). Его Аттида состояла из 17 книг и обнимала всю историю Аттики с древнейших времен и до 261 г. От нее сохранилось значительное число фрагментов, более 200 (недавно найдены новые отрывки 1. Ни одна из Аттид, к сожалению, не дошла до нас целиком ²).

Аристотель

Начало политической литературы. Уже в греческой лирике был силен политический элемент: эта лирика отличалась, так сказать, боевым характером, и в ту эпоху лирические произведения отчасти играли роль последующих политических памфлетов и прессы нашего времени. Они затрагивали вопросы и о государ-

¹ В виде цитат у Дидима, в его комментарии к Демосфену (папирус издан: *Diels H., Schubart W.* Berliner Klassikertexte. 1904,1).

² В конце III в. до Р. Х., Истр, ученик александрийского ученого и поэта Каллимаха, интересовавшийся всякими археологическими вопросами, особенно касавшимися Аттики, составил свод или собрание Аттид, *συναγωγή των Ατθίδων*.

ственном устройстве. Политический элемент в этом смысле мы найдем и в произведениях историков, у Геродота (например, речи персидских вельмож о преимуществах и недостатках демократии, олигархии и монархии, III, 80 сл.) и Фукидида (речь Перикла над павшими воинами и проч.). Но самостоятельное значение греческая политическая литература ¹ получила лишь в V в., в эпоху «просвещения» и деятельности софистов. Со времени Пелопоннесской войны вопросы о формах правления и о наилучшем государственном устройстве, внутренней и внешней политике особенно привлекают к себе внимание. В беседах софистов, в различных политических трактатах, памфлетах и речах вопросы эти с жаром дебатировались; описывалась или критиковалась существующая форма, вспоминался прежний строй, *πάτριος πολιτεία*, выставлялись идеалы совершеннейшего государства, обсуждалась проблема об отношении человека к государству и обществу и т. д.

Политическими памфлетами в духе олигархической партии особенно богаты были последние годы V в., когда подверглись сомнению достоинства и целесообразность демократического строя, когда олигархи подняли голову, выступили против ненавистной им демократии и дважды торжествовали победу (в 411 и 404 г.). Псевдо-Ксенофонта «Афинская полития», о которой мы уже говорили (с. 177 сл.), — один из образцов подобного рода литературы. Остальные политические произведения того времени погибли или дошли лишь в отрывках. Известно, например, что Критий, один из Тридцати тиранов, поэт, оратор и философ, написал «Политию Лакедемонскую», «Фессалийскую»

¹ *Henkel H.* Studien zur Geschichte d. griechischen Lehre vom Staat. Leipzig, 1872; *Schöll R.* Die Anfänge einer politischen Literatur; *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Aristoteles und Athen. I, 169 ff.; *Dümmler E. L.* Prolegomena zu Platons «Staat». 1891 / Kleine Schriften. Leipzig, 1901. Bd. I.; *Arnim G. v.* Die politischen Theorien des Altertums. Wien, 1910; *Жебелев С. А.* Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля. Приложение к рус. пер. «Политики». СПб.; М., 1911; *Рожицын В. С.* Развитие в греческой политической литературе учения о формах государственного устройства // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914.

и, есть основание думать, — «Афинскую»¹ (некоторые отрывки из них сохранились). Его «Политии» были, по-видимому, произведения тенденциозные. Крайний олигарх, он отличался, однако, беспощадным радикализмом. Его отрывки показывают, что он обращал внимание на утварь, на нравы и обычаи и отмечал внутреннюю связь между ними и государственным строем². К политическим произведениям публицистического характера должны быть отнесены и речи Исократов.

Политические сочинения IV в. вообще можно разделить на две категории: одни — более или менее характера спекулятивного и даже утопического, которые строили идеал наилучшего государства, исходя из идеи; таковы произведения Платона; другие трактовали о политических отношениях и строе, каковы они в действительности, о их возникновении и развитии, т. е. касались истории. Эти последние для нас в данном случае важнее, а среди них первое место, разумеется, занимают «Политика» и «Политии» Аристотеля.

Аристотель. Аристотель³ близко стоял и к Македонии, и к Афинам. Он родился (384/83 г.) в Стагире, на полуострове Халкидике, был сыном придворного врача при македонском

¹ *Gutschmid Alf.* v. Kleine Schriften... IV; *Dümmler E. L.* Die *Αθηναίων Πολιτεία* des Kritias // *Hermes.* 1892. XXVII; *Покровский М. М.* Этюды по «Афинской политии» Аристотеля. М., 1893.

² К политическим произведениям конца V и начала IV в. относится также памфлет, приписываемый некоторыми новейшими учеными спартанскому царю Павсанию и направленный против происков Лисандра; полагают, что им пользовался Эфор. См. преимущественно у Эд. Мейера: *Meyer E.* Forschungen... 1, 213 ff; против этого Эд. Шварц (*Schwartz Ed.* Quaestiones ex historia graeca saec. IV desumptae. Rostock, 1893).

³ Об Аристотеле см. общие сочинения по истории философии: *Zeller Ed.* Grundriss der Geschichte der griechischen Philosophie. Leipzig, 1907.; *Windelband W.* Geschichte der alten Philosophie. 2. Aufl., München, 1894; *Eucken R. C.* Die Lebensanschauungen d. großen Denker. Leipzig, 1890; *Comperz Th.* Griechische Denker...; *Чичерин Б. И.* История политических учений. Ч. 1—5. М., 1869—1902 и др.; *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Aristoteles und Athen. I (в конце).

царе Аминте II; он был другом Антипатра и одно время наставником Александра Македонского. Но большую часть своей жизни Аристотель провел в Афинах: в молодости целых 20 лет, с 367-го по 347-й, он был в школе Платона; в 335 г. он снова поселился в Афинах, где и основал свою школу перипатетиков в Ликее, роще Аполлона Ликейского. В 323 г., когда, по смерти Александра, вспыхнуло в Афинах восстание против македонян, Аристотель, в виду грозившего ему гонения, бежал в Халкиду (на о. Евбее) и там вскоре умер (322 г.). Аристотель жил в то время, когда заканчивался цикл независимой политической жизни Эллады и наступала новая эпоха — эпоха эллинизма, когда Греция и Персия, Запад и Восток объединялись под властью Македонии и под воздействием греческой культуры.

Аристотель охватывал все отрасли, всю сумму тогдашнего знания (за исключением, может быть, математики и медицины, хотя сам он был Асклепиад и сын врача). Он завершил предшествующее развитие, подвел итог всему, что сделала тогдашняя наука и философия, что знали греки. По своим политическим воззрениям он принадлежал всецело прошлому; он, казалось, не замечал или не понимал тех новых форм, которые возникали в его время: Аристотель стоит на прежней, чисто эллинской точке зрения, и видит тип государства по-прежнему в городе, в *πόλις*. Он даже одобряет рабство; следовательно, делает шаг назад по сравнению с софистами и Платоном. Его «Политика» — как бы «предсмертное завещание умирающего эллинского мира»¹ и служит весьма важным источником для историка: на существовавшие в эллинском мире государственные формы, на их развитие и на перемены в них она бросает более яркий свет, чем какое бы то ни было другое произведение греческой литературы из дошедших до нас, и вообще содержит массу исторического материала².

¹ *Трубецкой Е. Н.* Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении // ВФП. 1890. Кн. 4.

² Издания «Политики»: *Bekker* (I—II Vol. [1831] «Aristotelis Opera», изд. Берлинскою Академиею наук); *Aristotelis Politica.* Post Fr. Susemihl,

«*Политика*». Первые книги (I—III) «*Политики*» содержат основные положения учения о государстве и его формах. Сначала говорится о цели, основах и элементах государства (I кн.); затем Аристотель останавливается на идеальных построениях наилучшего государства, принадлежащих мыслителям-теоретикам, и подвергает их теории критическому разбору; таким образом, благодаря Аристотелевой «*Политике*», мы знакомимся со взглядами и таких авторов, сочинения коих до нас не дошли (например, Гипподама Милетского); далее Аристотель рассматривает строй Спарты и Крита, с его темными и светлыми сторонами, как государств, которые пользовались славою наилучше устроенных; характеризует законодательство Солона и проч. (II кн.). В III кн. определяется понятие гражданина и говорится о «правильных» и «неправильных» формах правления; к первым Аристотель относит монархию, аристократию и политию, представляющую середину между олигархией и демократией, смешение той и другой, а ко вторым — тиранию, олигархию и демократию, представляющие извращения соответствующих правильных форм. Подробное рассмотрение этих форм и отдельных их видов составляет содержание IV кн., где речь идет о государстве, возможно лучшем в действительности, при данных обстоятельствах. V кн. говорит о переменах в государственных устройствах, политических переворотах и причинах, их вызывающих; VI содержит дополнительные замечания, главным образом о том, как поступать при введении и для сохранения упомянутых в IV кн. государственных устройств, а

recogn. O. Immisch. Leipzig, 1909; *Newman C. F.* Oxford, 1887-1902. 4 Vol., с обширным предисловием, этюдами и примечаниями на англ. языке. Переводы: франц. *Barthélemy Saint-Hilaire J.* (1837); нем.: *Susemihl Fr.* с греческим текстом, введением и примечаниями. Leipzig, 1878. 2 Bde., *Rolfes E.* Leipzig, 1913; русск.: С. А. Жебелева. СПб.; М., 1911; прежний перевод Н. Е. Скворцова неудовлетворителен. Важнейшая монография: *Oncken W.* Die Staatslehre des Aristoteles. Leipzig, 1870-1875. 2 Bde.; *Dareste R.* La science de droit en Grèce. Paris, 1893; *Barker E.* The Political Thought of Plato and Aristotle. London, 1906; популярн.: *Wessenfels O.* Aristoteles Lehre vom Staat. Gütersloh, 1906.

VII и VIII трактуют о наилучшем, идеальном государстве и о воспитании.

В таком порядке дошли до нас книги «*Политики*»; но уже давно высказывалось предположение¹ и в настоящее время почти всеми принято, что VII и VIII кн. находятся не на своем месте: они должны следовать непосредственно за III; а некоторые полагают, что и V—VI кн. нужно переставить одну на место другой². Вообще текст «*Политики*» далек от исправности; он не был окончательно обработан Аристотелем: в нем немало вставок, повторений или вариантов одной и той же мысли, противоречий и пропусков; VIII кн., очевидно, не окончена.

В данном случае для нас важны, конечно, не столько теоретические воззрения Аристотеля, хотя и здесь для историка немало интересного, сколько его наблюдения над развитием форм и учреждений греческих государств и те многочисленные исторические примеры и аналогии, которые он приводит в виде иллюстраций своих положений или из которых он исходит в своих теоретических воззрениях. Особенно богата ими V книга, трактующая о переворотах³. По вычислению А. Н. Шварца, «она дает более 130 примеров из исторической жизни около 54 государств — и притом из всех областей эллинского и варварского мира, начиная от Кирены до Амфиполя, от Массалии до Хиоса и от Сиракуз и Сибариса до Аполлонии и Гераклеи на Понте». Наряду с такими государствами, как Афины, Сиракузы, Коринф, в этой книге упоминаются «небольшие городишки вроде Ореоса,

¹ Еще в XIV и в XVI в.; доказал же это *M. Barthélemy Saint-Hilaire* и в особенности *Spengel L.* Ueber die Reihenfolge der naturwissenschaftlichen Schriften des Aristoteles // ABAW-München. 1849. V.

² Есть даже мнение, что большая часть книг «*Политики*» представляет отдельные, совершенно самостоятельные трактаты, которые лишь впоследствии включены в общую схему: *Шварц, А. Н.* Из наблюдений над Политикой Аристотеля // *Χαριστήρια*. М., 1896; *Willamowitz-Møllendorff U. von.* Aristoteles und Athen. I. S. 355.

³ *Lutoslavski W.* Erhaltung und Untergang der Staatsverfassung nach Plato, Aristoteles und Macchiavelli. Breslau, 1887.

Герэи и Амбракии»; доказательства заимствуются из истории и быта таких областей тогдашнего мира, которыми, по всей вероятности, до Аристотеля никто не занимался.

«Политии». Когда Аристотель работал над «Политикою», он, очевидно, должен был уже располагать тем громадным фактическим материалом, который он впоследствии обработал в другом своем труде — «Политиях», представлявших историю и описание строя 158 государств (но составлена «Политика», по-видимому, раньше «Политий») ¹. До 1891 г. они были известны нам лишь по ссылкам и отрывкам. В древности и в первые века нашей эры их не раз цитировали, например, Плутарх (быть может, из вторых рук) и в особенности лексикографы — Гарпократион, Поллукс и др.; но затем — как есть основание думать, между VI и IX в. — «Политии» были утрачены. Аристотелевы фрагменты издавались не раз ²; из них на долю одной только «Афинской политии» приходилось 91.

«Афинская полития». Только в самом начале 90-х годов истекшего столетия найдена была среди папирусов, приобретенных в Египте Британским музеем, важная из Аристотелевых «Политий» — «Афинская» — и издана впервые в Лондоне Ф. Кенионом (1891), с предисловием и комментариями ³.

¹ В «Политике» имеются указания, что она написана во второй половине 30-х гг.: в ней (1311 б. 1—3) упоминается об умерщвлении Филиппа Павсанием (336 г.); Персидское царство предполагается еще существующим. Впрочем, вопрос о времени составления «Политики» довольно сложный и запутанный; тут возможны сомнения; см.: **Шварц А. Н.** К вопросу о времени написания «Политики» Аристотеля // Ф Об. 1895. VIII.

² **Rose V.** Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta. Leipzig: Teubneriana, 1886; Aristotelis Opera. Bd. 5. Berlin, 1870; ср.: **Rose V.** Aristotelis Pseudepigraphus. Leipzig, 1863.

³ **Ἀθηναίων πολιτεία** — Aristotle on the Constitution of Athens, edited by F. G. Kenyon. 1891; 3-е изд. 1892. Facsimile папируса издано им же. Кроме этого лучшие изд. Г. Кайбеля и У. ф. Виламовиц-Мёллендорфа (совместно), 1891; **Blass Fr.** Leipzig, 1892; **Thalham Th.**, 1909, оба без комментария; Sandys J. Ed. с подробнейшим комментарием и введением

Текст изданного Кенионом трактата написан на оборотной стороне папируса. Сохранился папирус удовлетворительно (за исключением 4-го свитка, очень попорченного). На лицевой стороне его находится счет прихода и расхода какого-то управляющего, помеченный «одиннадцатым годом царствования императора Веспасиана», что соответствует 78/79 г. нашей эры. Это служит основанием предполагать, что рукопись самого трактата относится к концу I или к началу II в. после Р. Х. Все показывает, что она едва ли была приготовлена профессиональными переписчиками, предназначалась не для продажи, а для частного употребления; что список был сделан для лица, по-видимому, не обладавшего средствами или очень экономного. Подробности эти могут объяснить некоторые особенности дошедшего до нас трактата, и при критической оценке последнего их следует иметь в виду. В нынешнем своем виде трактат начинается фразой, касающейся подавления Килонова восстания: он содержит в себе историю афинской политики до конца V века, кончая низложением Тридцати и восстановлением демократии в 403 году (гл. 1—41) и затем — описание самого строя, каким он был во времена автора, в IV в. Таким образом, по содержанию трактат распадается на две части — историческую и систематическую, подобно тому, как это принято и в нынешних руководствах по греческим древностям. Что это есть «Афинская полития», **Ἀθηναίων Πολιτεία**, приписываемая в древности Аристотелю, явствует из совпадения большей части уже известных фрагментов этой «Политии» с опубликованным Ф. Кенионом текстом.

Вопрос об «Афинской политии» в современной литературе. Изданный Ф. Кенионом трактат Аристотеля вызвал чрезвычайно

(2-е изд. 1912); Ф. Кенйон в собрании соч. Аристотеля, изд. Берлинскую Акад. наук (см.: Supplementum Aristotelicum. V. III. P. 2. Berlin, 1903). Переводы: нем. **Poland Fr.** (Berlin, 1891, — лучший); **Erdmann B.** Leipzig, 1892; франц. **Reinach Th.** Paris, 1891; **Haussoullier B.** Paris, 1891; русск.: **Шубин П. Я.** // ЖМНП. 1891. Май — август (и отдельный оттиск); и в особенности **Ловягин А. М.** с греческим текстом en regard. СПб., 1895. Есть болгарский пер. Г. И. Кацарова (София, 1904).

¹ Деления на главы нет в рукописи: оно принадлежит Ф. Кениону.

обширную, можно сказать необозримую, литературу и оживленную борьбу мнений I.

Еще задолго до открытия этого трактата высказаны были сомнения относительно принадлежности «Политий» Аристотелю, и высказаны тем ученым, который так много сделал по части собрания и изучения фрагментов из утраченных сочинений Аристотеля, — Валентином Розе; именно он явился инициатором скептического отношения к «Политиям», доказывая, что они — произведение не великого стагирита, а какого-нибудь перипатетика, больше историка и филолога, нежели философа. Первый издатель «Афинской политики», Ф. Кенион, без колебаний признал ее за произведение Аристотеля и придал ей, как источнику, громадное значение, ставя очень высоко ее беспристрастие и достоверность. Под первым впечатлением находки лучшие знатоки Аристотеля — Г. Дильс, Т. Гомперц, Ж. Бартелеми Сент-Илер² — приветствовали опубликованный Кенионом трактат как несомненно Аристотелево произведение и восторженно отзывались о нем. Дильс, например, сравнивал открытый источник с восходящим солнцем, при свете которого исчезают тысячи исторических гипотез, словно стая летучих мышей. Бартелеми Сент-Илер восклицал: «Афины, Аристотель! Великое произве-

¹ Подробный обзор (до начала 1895 г.) в моей книге: *Бузескул В. П.* «Афинская политика» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин. Харьков, 1895. Гл. I; ср. обзоры: *Schaffer V. v.* Bericht über die im Jahre 1891 und der ersten Hälfte des Jahres 1892 erschienene Literatur zu Aristoteles' *Αθηναίων Πολιτεία* // Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft. LXXV, 1893.1; LXXXIII. 1896.1; *Виноградов П. Г.* Трактат Аристотеля о государстве Афинском // РМ. 1892. Ноябрь.

² *Diels H.* // Deutsche Literaturzeitung. 1891. № 7; *id.* Zwei Funde // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1891. IV; *Gomperz Th.* Aristoteles und seine neuentdeckte Schrift von der Staatsverfassung der Athener // Deutsche Rundschau. 1891. Mai; *id.* Die Schrift von Staatswesen der Athener und ihr neuester Beurtheiler. Wien, 1891; *Barthélemy Saint-Hilaire M.* Aristote et l'histoire de la constitution athénienne // Revue Bleue. 1891. XLVII. № 12—13; *Kenyon J. E.* // Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1891. Août.

дение, найденное вновь через 15 веков после того, как считалось утраченным! Конституционная история города Минервы, написанная философом! Какое открытие, какая неожиданность, какое сокровище! Афины, Аристотель! В летописях человеческого духа нет ничего выше этих двух имен, окруженных таким удивлением, уважением и благодарностью!» и т. д. Более трезвое и критическое отношение к найденному памятнику находим в статьях А. Вейля, Дареста, Б. Кейля и Р. Шёлля¹, но и в них критические замечания терялись среди похвал. Слепым еще доверием к трактату и преклонением пред авторитетом Аристотеля проникнуты и «Исследования» Адольфа Бауэра², самый обширный труд из появившихся в первый год после открытия.

Но в наш век критики и даже гиперкритики странно было бы, если бы неожиданно найденный памятник не подвергся беспощадному критическому разбору и не вызвал скептического отношения к себе. И замечательно, что такое отношение к нему прежде всего обнаружилось в Англии, среди соотечественников Кениона, а затем уже на континенте. Здесь главными, крайними представителями скептического направления явились Ф. Кауэр и в особенности Ф. Рюль. Кауэр в небольшой, но живо и остроумно написанной книжке ставил вопрос: «Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben?» (Stuttgart, 1891) и приходил к заключению, что сам Аристотель не мог написать подобного произведения, а поручил это какому-нибудь малоспособному ученику, дав ему некоторые указания. Но никто в своей критике не заходил так далеко, никто не впадал в такие крайности, не говорил таким страстным, раздраженным тоном о трактате, как Ф. Рюль³. Почти в каждом известии нового

¹ *Weil H.* // Journal des Savants. 1891. Avril; *Darreste R.* // *ibid.* Mai; *id.* // Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1891. Septembre—octobre; *Keil B.* // Berliner Philologische Wochenschrift. 1891, № 17-20; *Schöll R.* // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1891. № 107-108.

² *Bauer Ad.* Literarische und historische Forschungen zu Aristoteles' *Αθηναίων Πολιτεία*. München, 1891. veröffentlichte Schrift vom Staate der Athener // RhM. 1891. Bd. LXVI; *id.* // NJb. Suppl.-Bd. XVIII. 1892.

источника он открывал то бессвязность, сбивчивость, путаницу, то нелепость и бессмыслицу; не раз мы встречаем у Рюля такие восклицания: «Разве мог написать Аристотель подобную вещь?» или «Нет! Аристотель не мог этого сказать!» И он выставил гипотезу, что изданный Кенионом трактат — переделка Аристотелевой Политии, принадлежащая Гераклиду, извлечения из коей были уже давно известны. К скептикам, по крайней мере в оценке трактата как исторического источника примкнул в сущности и Б. Нисе 1, который, впрочем, считал эту «Политию» произведением Аристотеля, бывшего, в глазах Нисе, не историком, а антикварием. Более умерен был Ниссен², рассматривавший Аристотелев трактат с точки зрения его тенденции и назначения: по Г. Ниссену, литературная деятельность Аристотеля шла рука об руку с политической деятельностью Филиппа и Александра, и «Политии» — это энциклопедия государственного управления, написанная по поручению Александра; это «eine politische Gelegenheitschrift», «ein politisches Rezeptbuch».

Я остановился на этих отзывах и мнениях, в настоящее время большей частью уже не имеющих значения и признанных неосновательными, потому, что они представляют довольно любопытную страницу из истории нашей науки, и для того, чтобы показать, каково было отношение к Аристотелевой «Афинской политии» в первые годы после ее опубликования, как велико было тогда разнообразие и противоречие взглядов на нее.

Одни считали опубликованный Кенионом трактат произведением несомненно самого Аристотеля, другие — какого-либо бездарного его ученика или перипатетика; третьи видели в нем эксерпт, работу позднейшего редактора, в основе которой лежит Аристотелев трактат. Одни допускали, что Аристотель мог пользоваться материалом, собранным его учениками; другой доказывал, что Аристотель предоставил свой материал бездарному ученику. В глазах одних — это был чрезвычайно важный источник, с открытием которого наступила но-

¹ Niese B. Über Aristoteles Geschichte der athenischen Verfassung // HZ. 1892. NF. XXXIII.

² Nissen H. Die Staatsschriften des Aristoteles// RhM. 1892. LXVII.

вая эра в изучении внутренней истории Афин и свидетельство которого непреложно; по мнению других, — это было негодное произведение, полное нелепостей, источник мутный, в котором **что** ново, то неверно, а **что** верно, то неново. Одни видели в «Афинской политии» истинно художественное, цельное произведение, отличающееся изящной простотой и чарующей прелестью рассказа; по другим — изложение тут неумелое, сбивчивое и бессвязное; автор неспособен связать в двух фраз. Одни отвергали всякую тенденцию в трактате, другие именно тенденцией объясняли некоторые его особенности. **Что** в глазах одних составляло достоинство этого произведения, то в глазах других являлось непростительным недостатком. Одни ставили выше первую часть «Афинской политии», другие — вторую. По одному мнению, описание Драконовой конституции — нелепость, по другому — драгоценное известие, основанное на документальных данных и представляющее развитие афинской демократии без скачков, в более постепенном, так сказать, органическом виде. «Немало и усердно работают ученые, особенно немецкие, над интересною находкою, — замечал проф. П. Г. Виноградов в своей статье, появившейся в 1892 г. (РМ. Ноябрь). — Приступают к ней со всеми предписанными наукой предосторожностями, сплошь и рядом начинают с правильных и ценных наблюдений. Но затем всеми овладевает какое-то загадочное безумие, которое прямо уносит исследователей в область нелепого. Одни поражены фанатическим увлечением и непрерывно славословят, другие проникаются берсеркерскою яростью; третьи думают разгадать все тайны автора с помощью простой подстановки политических понятий современной Германии; четвертые во имя критики пытаются стяжать славу Герострата и Колумба, разрушить и создать новую историю Афин V века. Кто знает, может быть, старый папирус, пролежавший восемнадцать веков в египетской гробнице и непочтительно вынесенный на свет Божий англичанами, заколдован и приносит несчастье всем, кто им занимается?» Слова эти верно и метко характеризуют положение литературы по вопросу об «Афинской политии» до половины 1892 г.

Но среди этой полемики и борьбы противоположных воззрений крайности стали сглаживаться; с обеих сторон сделаны были значительные уступки, и в результате возобладавало более умеренное

направление и вместе — более верная оценка открытого трактата. Большинство, признавая этот трактат произведением Аристотеля и высоко ставя его, уже не считало его непогрешимым источником и, в основном расходясь со скептиками, по некоторым отдельным пунктам более или менее сходилось с ними. В свою очередь, и ярые противники, подобные Рюлю, не останавливавшимся даже перед намеками на фальсификацию, несколько изменили и смягчили свой отзыв, признав, что известия открытого источника все же не сплошная нелепость, что здесь есть и ценные вещи, которые следует выделить и собрать, и что в основе трактата все-таки лежит произведение Аристотеля. Умеренным направлением отличается целый ряд исследований, вышедших во второй половине 1892 г. и в 1893 г. К этому направлению принадлежат и работы на русском языке (А. Н. Деревицкого¹, Э. Р. фон Штерна², В. А. Шеффера³, П. Г. Виноградова⁴), занимающие, нужно заметить, вообще видное место в литературе об «Афинской политике».

Умеренностью и трезвым отношением к Аристотелеву трактату отличаются и наиболее крупные труды, ему посвященные: «Die solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte» Бруно Кейля (Berlin, 1892), «Aristoteles und Athen» У. фон Вилламовица-Мёллендорфа (Berlin, 1893. 2 Bde.), «Stil und Text der *Πολιτεία Ἀθηναίων* des Aristoteles» Г. Кайбеля (Berlin, 1893) и издание трактата, принадлежащее Дж. Э. Сэндису (London, 1893, в 1912 г. — 2-е изд.). Во всех отношениях и по объему, и по своему научному значению труды эти являются самыми важными из работ об открытом трактате, не считая, разумеется, изданий Кениона. Самое крупное

¹Деревицкий А. Н. О новом трактате Аристотеля и его значении для истории афинской демократии. Харьков, 1891.

²Штерн Э. Р. ф. Новооткрытая «Афинская политика» Аристотеля // ЛИФОНУ. 1892.

³Кроме обзоров литературы вопроса на нем. яз. (JhV.; Berliner philologische Wochenschrift), см. «Введение» В. А. Шеффера к кн.: Афинское гражданство и народное собрание. М., 1891; *его же*. Афоризмы и заметки // ФОб. 1894. VII.

⁴Виноградов П. Г. Трактат Аристотеля о государстве Афинском // РМ. 1892. Ноябрь.

исследование о новооткрытой «Политии» — двухтомный труд Вилламовица: «Aristoteles und Athen». Настольного же книгою для всех занимающихся Аристотелевым трактатом должно служить издание его, принадлежащее английскому ученому Сэндису. По ученому аппарату, по обширности, обстоятельности и всесторонности комментария, по внимательному отношению к огромной литературе это издание превосходит все предшествующие.

Подвести итог тому, что сделано по вопросу об открытом трактате, пытался я в своей диссертации: «„Афинская политика“ Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в.» (Харьков, 1895), где я даю обзор относящейся сюда обширной современной литературы¹ (гл. I); затем рассматриваю «Афинскую политику» как произведение Аристотеля (гл. II), исследую ее источники (гл. III), а в последней (IV) главе останавливаюсь на «Истории государственного строя Афин в новооткрытом трактате».

С 1895 г. число работ, посвященных открытой «Политии», сразу и значительно уменьшается: интерес к ней заметно ослабевает². Вопрос об авторе трактата, казалось, был исчерпан; скептицизм В. Розе и новейших не в меру строгих критиков трактата оказался неосновательным, и едва ли можно было сомневаться в принадлежности опубликованной Кенионом «Политии» Аристотелю. Но в последние годы вопрос об этой «Политии», по-видимому, заглохший, снова поднимается. По крайней мере, в Германии, с одной стороны, появляется ряд работ, преимущественно в виде диссертаций, программ и статей, посвящаемых истории олигархического переворота в Афинах в 411 г., анализу и сравнительной оценке известий Аристотеля и Фукидида об этом событии; с другой — идет речь об источниках или, вернее, источнике трактата, причем высказывается в сущности очень нелестное мнение об авторе как историке. О. Зеек³, а по его стопам и

¹ На русск. языке следует отметить еще работы М. О. Гершензона, Р. Х. Лепера, В. А. Маклакова, Ф. Г. Мищенко, М. М. Покровского, Г. Ф. Шульцаидра (онихвмоейкниге),изновейших — А. Н. Шварца.

² Из работ на чешском языке отметим: *Groh Fr.* Studie k Arist. spisui *Ἀθηναίων Πολιτεία* // Listy filologické. Praha. 1898.

³ *Seeck O.* Quellenstudien zu der Aristoteles Verfassungsgeschichte // Klio. 1904. VI.

фон Мес 1 стараются доказать, что известия «Афинской политики» большею частью недостоверны и что в основе ее лежит в сущности единый источник — политический трактат начала IV в., из кружка Феррамена; Аристотель систематик, а не историк, и было бы ошибкой в «Политии» искать самостоятельности: Аристотель просто списывает свой источник². А в русской литературе А. Н. Шварц — правда, мимоходом³ — высказал убеждение, что «на чисто аристотелевское происхождение, если вообще о нем говорить, может претендовать главным образом... вторая, систематическая часть этого трактата. Первая часть, историческая, скорее всего вышла из выписок (хотя и по указанию, быть может, философа, все же не особенно удачных) какого-нибудь ученика Аристотеля из разных подходящих исторических сочинений или, как предполагают некоторые ученые, даже из каких-либо политических памфлетов». Таким образом, замечается как бы поворот к скептицизму в отношении к «Афинской политике».

«Полития» — произведение Аристотеля. Общая традиция древности, ряд свидетелей, начиная с поколения, непосредственно следовавшего за Аристотелем, и до времен византийских, единогласно называет «Политии» произведением Аристотеля. Но нельзя, конечно, ручаться, что «Политии» вышли непременно из-под пера самого Аристотеля, а не записаны только под его непосредственным наблюдением, руководством и ответственностью; принимая авторство Аристотеля, необходимо во всяком случае допустить и известную долю участия его учеников в составлении труда, подобного «Политиям». Иначе трудно себе и представить самую возможность составления такого огромного собрания, каким, по-видимому, были Аристотелевы *полιτεΐαι*.

¹ Mess Ad. v. Aristoteles *Αθηναίων Πολιτεία* und die politische Schriftsteller Athens // RhM. 1911. LXVI.

² Разбор этих гипотез в моей статье: Бузескул В. П. // *Προλεγμένα*. Сборник статей в честь Э. Р. фон Штерна. Одесса, 1912; Бицилли П. М. К вопросу об источниках *Αθηναίων Πολιτεία* // ЛИФОНУ. 1912.

³ Шварц А. Н. В рецензии на «Политику» в пер. С. А. Жебелева // ЖМНП. 1911. Сентябрь.

Да и вообще обширная и многосторонняя авторская деятельность Аристотеля, колоссальность материала, собранного и более или менее обработанного им в своих сочинениях, были бы непостижимы, если не предположить, что у великого философа были многочисленные и опытные сотрудники. Аристотель не был только мыслитель и ученый, стоящий одиноко: он находился в то же время во главе целой фаланги руководимых им учеников и был для своего времени великим организатором научных работ 1.

«Афинская политика» написана между 329/328 и 325/324 или 324/323 гг., на что имеется ряд косвенных указаний в самом трактате².

Характеристика «Афинской политики». Аристотель проникнут был идеей мирового развития. Отсюда — его обыкновение начинать с истории того предмета, о котором он трактует. Исследуя явление, он старается уловить ступени его развития, изучить его историю, хотя бы в главных ее моментах. Это мы видим и в «Афинской политике»: прежде чем представить описание существующего строя, Аристотель дает нам очерк истории этого строя и в особом резюме отмечает главные периоды в его развитии (гл. 41). Уже самая тема и план обращают на себя внимание: мы видим у автора интерес к явлениям внутренней истории, стремление изобразить общий ход развития государственного строя Афин и дать описание его, как он наконец сложился после ряда перемен. При этом внешнюю историю Аристотель оставляет в стороне, если не считать нескольких мимоходом сделанных замечаний. Он, как было уже упомянуто, стоит всецело на старинной точке зрения: его взор обращен к прошлому; для него идеалом служит не обширная монархия, вроде монархии Александра Македонского, а государство-город. Гипотезы о

¹ Usener H. Organisation der wissenschaftlichen Arbeit // Preussische Jahrbücher. 1884. LIII.

² См. мою книгу, с. 122 след. По мнению некоторых, например, В. А. Шеффера, основа трактата написана около середины IV в., а впоследствии самим Аристотелем сделаны добавления и вставки. О несостоятельности этого мнения см. в моей книге, с. 127 след.

тенденциозном характере и назначении «Политии» лишены основания. Смотреть на «Афинскую политику» как на произведение тенденциозное — значит, вырывать ее из ряда других «Политий», забывать, что она составляет лишь часть, отрывок громадного собрания. Какую, спрашивается, тенденцию мог преследовать автор в остальных «Политиях»? Если «Афинская политика» — произведение тенденциозное, то какой смысл имеет чисто фактическое изображение современного Аристотелю строя, с подробнейшим перечислением должностных лиц, с описанием судебных порядков и проч.? Аристотелем руководили прежде всего интересы знания. Его «Политии», хотя написаны и после «Политики», по самой своей сущности, по своей теме примыкают к последней и стоят в связи с нею. В своих «Политиях» Аристотель, по выражению одного из его старинных комментаторов, просто хотел показать, «как управлялись древние», или, по выражению другого, «в... „Политиях" он учит не тому, как следует управляться, а тому, как до него управлялись люди» (Rose V. Arist. Fragm., p. 259). То было время, когда закончился цикл развития большинства греческих государств и когда уже можно было подвести итог. Такой итог и подводит Аристотель.

Аристотель не задается заранее целью одних во что бы то ни стало восхвалить, других — осудить. У него есть свои политические симпатии; но при всем том Аристотель в оценке исторических фактов и деятелей доходит иногда до высокого беспристрастия, проникается духом справедливости и гуманности. Он не скрывает тяжелого положения народной массы перед Солоновой реформой и, видимо, сочувствует ее бедствиям. Его несколько консервативные или, лучше сказать, антидемократические симпатии не мешали ему отметить снисходительное отношение афинян к друзьям тиранов (гл. 22), мягкость законов касательно последних (гл. 16), и упомянуть даже об «обычной кротости демоса» (гл. 22); он выставляет на вид, как честно выполнили афинские демократы обязательства по отношению к Спарте после низложения Тридцати (гл. 40). Не сочувствуя реформе ареопага, Аристотель, однако, не скрывает, что главный деятель этой реформы и вождь демоса, Эфиальт, слыл за человека неподкупного

и честного в политическом отношении (гл. 25). К Периклу он не питает симпатии и все-таки отмечает, что, пока он был жив, дела шли хорошо (гл. 28). При всем несочувствии к господствующему и к крайней демократии, к системе денежного вознаграждения, Аристотель, однако, признает, что сама необходимость, сама, так сказать, сила вещей вела к установлению платы за посещение экклесии (гл. 41). С другой стороны, симпатии к знатым и «приличным» (*γνώριμοι* и *επίειχες*) не помешали ему высказать неодобрение тому, что начальство над войском (около середины V века) поручалось людям неопытным, благодаря только их происхождению — «славе предков» (гл. 26), хотя самый отзыв о неопытности и неспособности полководцев и несправедлив: вспомнить, что то было время Кимона, Миронида, Толмида. Наконец, антидемократические симпатии не помешали Аристотелю описать произвол и жестокость Тридцати.

Аристотель не индифферентен; но он судит спокойно; он чужд партийной страстности. Такого отношения мы и можем ожидать от этого философа, уроженца далекой Стагиры, сына македонского придворного врача, наставника Александра Великого, мыслителя и ученого, для которого история Афин являлась не более как интересным объектом для наблюдения и исследования.

Трактат отличается чисто фактическим содержанием. Местами изложение переходит даже в голый, сухой перечень фактов, без внутренней связи, и тогда напоминает какую-нибудь хронику и летопись. Такова, например, 22-я глава, не говоря уже о второй части трактата. Отсутствуют не только теоретические рассуждения, которые и не входили в программу этого трактата — их место было в «Политике», — но иногда и надлежащее, так сказать, историко-философское объяснение фактов. Причины и связь явлений не всегда выясняются как следует: подчас все сводится к мелким, случайным поводам, личным мотивам и т. п.; вообще личности придается громадное значение, ее влиянием объясняется иногда то, что было результатом целого ряда причин, целого исторического процесса. Например, у Аристотеля жители покидают поля и переселяются в город по совету Аристида, соблазнившего их тем,

что всем будет содержание от государства (гл. 24); об основных причинах реформы Эфиальта и падения ареопага не говорится, зато рассказывается анекдот о том, как Фемистокл по личным мотивам, путем двуличия и хитрости, сумел устроить это дело (гл. 25); сообщаются мелкие и даже анекдотические подробности, о самой же сущности Эфиальтовой реформы ареопага сказано буквально несколько слов.

Но, говоря вообще, все-таки мы получаем представление о последовательном, так сказать, органическом развитии афинского государственного строя. Наряду с лишними подробностями мы видим уменье автора подметить и резюмировать самое существенное, смысл и значение явлений, схватить основные черты отдельных периодов, указать главные действующие силы и общее направление событий. Таковы замечания о демократических элементах в Солоновой конституции, причем совершенно основательно отмечено великое значение гелиэи в деле развития демократии (гл. 9); таково в особенности резюме в 41-й гл., где вкратце отмечены главнейшие ступени или периоды в последовательном развитии афинской демократии. Аристотель подмечает взаимодействие между такими явлениями, тесная связь между которыми может сразу и не броситься в глаза, например, связь между ростом демоса и развитием морского могущества Афин. От современных ему порядков, законов и обычаев, от «переживаний» он делает заключение к прошлому: он пользуется аналогией и тут подчас обнаруживает тонкую наблюдательность и проницательность. Такими приемами особенно богата 3-я гл., — по вполне понятной причине: здесь Аристотелю приходилось описывать «древнюю политию», период, для которого не имелось надежных источников и где метод реконструкции, заключения от настоящего к прошедшему, по необходимости являлся одним из главных средств. И вот, касаясь вопроса о том, когда возникло архонтство, при Медонте или Акасте, Аристотель — правда, со слов других — приводит клятву, даваемую еще в его время 9 архонтами. «Признаком» сравнительно позднего происхождения должности архонта (эпонима) для него служит то обстоятельство, что этот архонт не заведовал старинными культами

и учреждениями, подобно базилиевсу и полемарху; а то, что «еще и теперь» (т. е. в IV веке) обряд бракосочетания супруги базилиевса («царя») с Дионисом совершается в буколионе, в его глазах указывает, что буколион был некогда местопребыванием архонта-царя. Далее (гл. 7), то, что феты по Солонову закону не могли занимать должности, сопоставляется с тем, что «и теперь», когда кандидату, намеревающемуся подвергнуться жеребьеванию, предлагается вопрос, к какому классу он принадлежит, никто не скажет, что — к классу фетов (гл. 7). В обычае, что каждая из 10 фил избирала по жребию кандидатов, из которых затем посредством жребия же избираются 9 архонтов, Аристотель видит следы порядка, введенного Солоном (гл. 8), а доказательством того, что должности распределены были Солоном соответственно имущественным классам, по его мнению, служит «еще доселе существующий закон», повелевающий «казначеев избирать по жребию из пентакосиомедимнов» (гл. 8).

Подобными приемами Аристотель чрезвычайно напоминает Фукидида (см. выше, с. 90 сл.), с которым он обнаруживает сходство и в некоторых других отношениях. У обоих мы видим изложение прагматическое и, так сказать, рационалистическое объяснение исторических фактов: о вмешательстве божества в «Афинской политике» нет речи; элемент мифический, чудесный совершенно устраняется. Мы видим в трактате, несмотря на все его промахи и недостатки, нередко чрезвычайно верные суждения, критическое отношение к фактам и взглядам. Подчас Аристотель возвышается до широкого взгляда и тогда умеет раскрывать существенные причины, лежащие в основании излагаемых им явлений; например, он ясно понимает, в чем коренились причины народных смут и бедствий, предшествовавших законодательству Солона; он указывает, что одни политические реформы не могли положить конец кризису (гл. 2, 4, 5). Этими критическими суждениями и иногда уменьем отделить глубокие, основные причины от более или менее случайных поводов Аристотель в «Афинской политике» опять-таки напоминает Фукидида. Наконец, и тот, и другой обращаются иногда к документальным данным и вносят их в текст своих произведений,

Фукидид — например, Никиев договор, Аристотель — хотя, вероятно, не непосредственно, а из вторых рук — псефизму Пифодора (гл. 29 сл.), договор между демократами и сторонниками Тридцати (гл. 39), цитаты и выражения из законов (гл. 8, 16, 26, 35, 45, 49, 53) и проч.

Трактат отличается обилием хронологических дат: Аристотель большую часть отмечает, в чье архонтство совершилось описываемое им событие или перемена в строе Афинского государства, издан упоминаемый им закон, или указывает, через какой промежуток произошел один факт после другого, и хотя тут в его хронологии, по крайней мере в дошедшем до нас тексте, бывает иногда и путаница, но характерно одно уже это стремление к хронологической определенности. Правда, изложение местами переходит, как уже сказано, в сухой перечень или летопись событий; но именно эти краткие и сжатые, сухие заметки летописного характера, без внутренней связи, являются для нас особенно драгоценными, как дающие наиболее достоверный и надежный материал.

Но историческая перспектива в трактате не соблюдена: наоборот, замечается непропорциональность частей и неравномерность в изложении. Столь важный в истории Афин период «Пятидесятилетия» очерчен лишь несколькими краткими штрихами. Особенно же поразительный контраст с тою краткостью, которою в некоторых частях отличается изложение трактата, представляет рассказ об олигархии 411 г. (гл. 29—32), где самым подробным образом говорится об эфемерном создании олигархов, о том даже, что было ими лишь проектировано, что осталось, так сказать, только на бумаге, но не было осуществлено; дословно приводится псефизма и т. д. Некоторые известия стоят не на своем месте — Отсюда — повторения (ср., например, 2-ю гл., конец 4-й и начало 5-й). Иногда одно с другим плохо вяжется, одно к другому пришито белыми нитками. Отсюда — сбивчи-

¹ В этом отношении характерны первые главы. О них: *Шульц, Г. Ф. Аристотέλου Αθηναίων πολιτεία*. Глава четвертая // ФОб. 1892. II; *Виноградов П. Г.* Первые главы «Афинской политики» Аристотеля // ФОб. 1893. III.

вость и неясность в некоторых местах, увеличивающаяся еще от того, что в трактате есть и видимые противоречия, пропуски и недомолвки, например, в изложении Драконовой конституции и реформ Солона, в сообщении относительно введения жребия, в хронологических датах касательно Писистрата.

Так, в дошедшем до нас тексте, при описании Драконовой конституции, в 4-й гл. уже упоминаются пентакосиомедимны, всадники и зевгиты; а 7-я гл. гласит, что Солон «разделил граждан на 4 класса, как они делились и раньше, на пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов». В 8-й гл. с введенным Солоном порядком избрания архонтов Аристотель сопоставляет прежний, замечая, что «таковы были постановления Солона относительно 9 архонтов, в древности же ареопаг вызывал и по собственному усмотрению назначал» их; между тем, если верить 4-й гл. нашего трактата, оказывается, что до Солона, по Драконовой конституции, архонтов избирали «имеющие вооружение граждане». В 22-й гл. сказано, что в архонтство Телесина (487/486) впервые после тирании стали выбирать архонтов по жребию, а что «все прежние были избираемы посредством голосования»; между тем из 8-й гл. мы знаем, что уже при Солоне применялся жребий при избрании архонтов.

Наконец, есть в «Афинской политике» сообщения неверные или невероятные, крупные неточности, преувеличения и ошибки. Таков, например, рассказ об участии Фемистокла в деле реформы ареопага (гл. 25), противоречащий хронологии и свидетельству целого ряда источников, в том числе Фукидида, и являющийся вымышленным анекдотом, все равно, будем ли мы считать его за вставку или нет. Таково сообщение, будто бы все 10 стратегов, победителей при Аргинусах, были осуждены на смерть одним общим голосованием (гл. 34), и т. д.

Что касается изложения трактата, то оно отличается в общем легкостью и простотою, но далеко от того изящества и совершенства, о котором так много говорили его панегиристы, особенно в первые моменты увлечения находкой.

Причины недостатков. Вот в общих чертах особенности Аристотелевой «Афинской политики», ее достоинства и недостатки.

При ее оценке и при пользовании ею необходимо, между прочим, иметь в виду следующее. Во-первых, историческая часть трактата есть только введение к систематической: это лишь очерк, краткий абрис общего хода развития афинской политики, да и весь трактат в сущности только отрывок громадного труда *Πολιτεία*. Во-вторых, есть основание думать, что Аристотель не успел тщательно просмотреть свою «Политию», переработать и отделать ее: трактат производит впечатление произведения, написанного спешно, на основании заранее собранного материала. В-третьих, одна из причин указанных выше недостатков кроется в неисправности и неудовлетворительном состоянии дошедшей до нас рукописи и редакции. Вспомним то, что нам известно о манускрипте имеющейся у нас «Политии»; в подобном списке мы, естественно, должны встретить немало описок, разного рода ошибок и искажений, а местами даже, быть может, перестановки, пропуски или посторонние вставки, интерполяции. К числу подозрительных с точки зрения подлинности мест я отношу анекдот об Эфиальте и Фемистокле (гл. 25) и конституцию Дракона (гл. 4) ¹, вопрос о которой был одним из самых спорных.

Воззрения Аристотеля в «Политии» и в «Политике». «Политии» близко примыкают к «Политике»; оба произведения внутренне связаны между собой, и интересно взглянуть, насколько воззрения Аристотеля в «Афинской политике» совпадают с воззрениями его в «Политике» ².

Политические воззрения Аристотеля, его симпатии и антипатии в «Афинской политике» обнаруживаются довольно ясно. Так, он, видимо, относится с большим сочувствием к Солону и его делу. Обратимся к «Политике», и мы найдем здесь такой же взгляд на Солона и его реформы. О Писистрате «Афинская политика» отзывается очень хорошо. По ее словам, он правил умеренно и больше

¹ См. мою «„Афинскую политику" Аристотеля». Это доказывает и *Wilcken U.* Zur Drakoner Verfassung // *Apropheton*. Berlin, 1903.

² *Виноградов П. Г.* Развитие демократии в трактате Аристотеля о государстве афинском // *ИО*. V. 1892; моя книга, с. 132 сл.; примечания *Haussoullier B.* к его переводу *Ἀθηναίων Πολιτεία*, где приводятся соответствующие места из «Политики».

как гражданин, чем как тиран (гл. 16; ср. гл. 14). Он действует именно так, как, по словам «Политики», должен действовать благоразумный тиран для упрочения своей власти. Взглядом Аристотеля на сельский класс и на «корабельную чернь» в «Политике» (1327b 7—8) легко объяснить и враждебное отношение его в «Афинской политике» к Аристиду, как в его глазах виновнику гегемонии афинян над союзниками, переселения граждан в город и содержания их на счет государства (гл. 24).

Периклов век Аристотель в «Афинской политике» не выделяет в особый период. Кратко, сдержанно и холодно говорит он о Перикле, к которому, очевидно, не благоволит (гл. 27). С точки зрения как трактата, так и «Политики», подобное отношение к Периклу вполне понятно, так как при Перикле, по «Афинской политике», государственный строй сделался еще более демократическим; Перикл побудил государство к развитию морских сил и ввел систему денежного вознаграждения; а по «Политике», при существовании платы, неимущая масса делается властелином в государстве (1293a 5—10); с развитием же морских сил, по Аристотелю, связан вообще рост демократии.

К демагогам, ряд которых открывается Клеоном, Аристотель обнаруживает явную антипатию: демагоги деморализуют демос, льстят и потворствуют ему; в крайней демократии демос является верховным господином; он всем управляет посредством псефизма и дикастериев, в которых он господствует; судебные права совета ограничиваются и переходят к демосу и т. д. (гл. 41). Все это чрезвычайно напоминает нам характеристику демагогов и крайней демократии в «Политике»: полная аналогия здесь доходит иногда до буквального сходства выражений.

Зато к вождям партии аристократической Аристотель в «Афинской политике» относится сочувственно. Весьма характерно отношение Аристотеля к Никию, Фукидиду Алопекскому и в особенности к Ферамену. Этим трем лицам он удостоивает чести, какой не удостоивает Перикла: он признает их лучшими государственными людьми Афин «после древних». Ферамена он берет под свою защиту: по его словам, Ферамен, «если судить не поверхностно, не ниспровергал всех форм правления, как его

упрекают, а старался довести их до такого состояния, чтобы не совершалось противозаконий, как человек, могущий заниматься политической деятельностью при всяких формах государственного устройства (как это и подобает хорошему гражданину), не подчиняясь, а борясь с противозакониями» (гл. 28). И такой отзыв совершенно согласуется с «Политикой»: Аристотель сам не придавал особенного значения форме правления, лишь бы достигалась главная цель — общее благо; по его мнению, все государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, правильны, а имеющие в виду только пользу самих правящих — неправильны (Pol. 1279a 17—21 и 28 сл.).

Но Аристотель в «Афинской политике» — не сторонник и крайней олигархии. Вообще его симпатии на стороне середины, партии умеренной. Он враг крайностей. Это видно и из его отношения к Солону, как бы олицетворяющему середину, и из его одобрительного отзыва о той ограниченной демократии, которая установлена была в Афинах после низвержения олигархии Четырехсот, когда власть была предоставлена 5000 вооруженных и когда было постановлено, что все должности должны быть бесплатными (гл. 33), отзыва, который так напоминает нам похвалу Фукидида этой же демократии (VIII, 97). Аристотель одобряет образ действий вождей демократов в 403 г., стремившихся к примирению партий, к тому, чтобы «не поминать прошлого», и ему кажется вполне справедливым, если демос, став тогда господином, установил «ныне существующий строй» (т. е. современный Аристотелю) и захватил в свои руки власть, так как своим возвращением демократы обязаны были только самим себе (гл. 41). Любовь к середине, несочувствие крайностям, умеренность обнаруживает Аристотель и в «Политике». Так, он отдает здесь предпочтение среднему классу, как лучшей опоре государственного порядка (*ἢ κοινωνία ἢ πολιτικὴ ἀρίστη ἢ δια τῶν μέσων*)¹; он находит, что строй хорош и прочен, если средний класс много-

¹ 1295a 35-1296a, 1308 b 30, 1309 b 19 сл.; ср.: *Bernaus J.* Aristoteles über den Mittelstand // *Hermes.* 1871. VI; *Gesammte Abhandlungen.* I; *Keil B.* 204ff.

числен; он говорит, что все лучшие законодатели были из «средних» по положению граждан; на олигархию он смотрит (1289a 26 сл.), как на «извращенную» форму правления и притом худшую, нежели даже крайняя демократия (1289 b 2 сл.); допускает, что если правит и большинство, но согласно общей пользе, то это будет полития «правильная» (1279a 28—30), и иногда даже высказывает благоприятные мнения о демосе.

Такие известия «Афинской политике», как находящийся, по крайней мере в дошедшем до нас тексте анекдот о Фемистокле и Эфиальте или сообщение о смертном приговоре, постигшем будто бы всех 10 стратегов, победителей при Аргинусах, способны возбуждать недоверие к этому нашему источнику и не позволяют безусловно полагаться на него: необходимо критическое отношение и к нему.

Понятно, что достоверность Аристотелева трактата находится в зависимости от его источников.

Источники «Афинской политики». Вопрос об источниках Аристотеля возникает главным образом по отношению к первой части «Афинской политики», так как во второй части Аристотель описывает строй, современный ему, следовательно, преимущественно как очевидец. Его ссылки на источники большей частью довольно неопределенны: «большинство», «некоторые», «почти все» или «прочие все», «одни — другие», «приверженцы демоса», «говорят», — вот его обычные выражения в первой части «Афинской политики». Аристотель пользовался трудами предшествовавших ему историков, хотя, может быть, и не непосредственно, и тут, в числе тех его источников, которые дошли и до нас, первое место занимает Геродот: его имя цитируется в 14-й гл. С трудом Фукидида Аристотель тоже был знаком: не называя Фукидида¹, Аристотель, говоря о заговоре Гармония и Аристогитона (гл. 18), однако с ним полемизирует и исправляет его. Во многом он с ним расходится. Особенно это заметно в рассказе о перевороте 411 года. Здесь самые точки зрения их иные:

¹ Интересные наблюдения над отношением Аристотеля к Фукидиду — *Шварц А. Н.* Аристотель и Фукидид // *ЖМНП.* 1913. Январь.

Фукидид рассказывает об этом перевороте в связи с другими событиями того времени и подробно и живо излагает, как олигархи путем интриг и террора подготовили *coup d'état* (VIII, 47 сл., 53 сл.); Аристотель же интересуется только тем, как и какие конституционные проекты были тогда выработаны¹. Далеко не так ясно отношение Аристотеля к третьему историку, к Ксенофону². Здесь возможны сомнения и разногласия. Дело в том, что между изложением Аристотеля и изложением Ксенофонта вообще обнаруживается большая разница, а если местами и замечается сходство, то оно или слишком отрывочно, или может объясняться тем, что у того и у другого был общий источник. По всей вероятности, Аристотель читал Ксенофонта, кое-что мог удержать в памяти, но не его он полагал в основу той части своего

¹ Литература по этому вопросу: *Micheli H.* La révolution oligarchique des Quatre-Cents à Athènes et ses causes. Genève, 1893; *Wilamowitz-Möllendorff U.* v. Aristoteles und Athen...; *Meyer E.* Forschungen. 11.401 ff.; ср.: *id.* Geschichte des Altertums... IV. 585 ff.; *Köhler Ulr.* // S B Berlin. 1895. I. 451 ff.; 1900, II, 803 ff.; *Judeich W.* Untersuchungen zur athenischen Verfassungsgeschichte // RhM. 1907. LXII: *Groh Fr.* // Listy filologické. 1901. XXVIII; *May S.* Die Oligarchie der 400 in Athen im Jahre 411. Halle a. Saale, 1907; *Kuberka F.* Beiträge zum Problem des oligarchischen Staatsreiches in Athen vom Jahre 411 // Klio. 1907. VII; 1908. VIII; *Кацаров Г. И.* К истории олигархического переворота в Афинах 411 г. до Р. Хр. // ЖМНП. 1908. Июль; *Ledl A.* Die Einsetzung des Rates des Vierhundert in Athen im Jahre 411 v. Chr. // Wiener Studien. XXXII; *Siegmond A.* Thukydidés und Aristoteles über die Oligarchie des Jahres 411 in Athen // Jahresberichte des Staatsgymnasiums in Böhm. Leipa, 1908—1909; *Mess Ad.* v. Aristoteles *Ἀθηναίων* Πολιτεία und die politische Schriftstellerei Athens // RhM. 1911. LXVI; *Lenschau Th.* Der Staatsreich der Vierhundert // RhM. 1913. LXVIII; *Kührstedt U.* Forschungen zur Geschichte des ausgehenden V. und des IV. Jahrh. Berlin, 1910; *id.* Staatsgericht zum Putsch von 411 // Hermes. 1914. XLIX; *Caspan M. O. B.* On the Revolution of the Four Hundred at Athens // JHS. 1913. XXXIII; *Whibley L.* Greek Oligarchies, their Character and Organization. L., 1913.

² *Busolt C.* Aristoteles und Xenophon // Hermes. XXXIII; *Кацаров Г. И.* Об отношении афинской политики Аристотеля к Ксенофону // ЖМНП. 1904. Июнь.

трактата, которая посвящена 411—403 гг. Не бесспорным является и вопрос об отношении Аристотеля к Эфору¹. Между Аристотелем и Эфором есть сходство, которое можно объяснить или тем, что Аристотель пользовался Эфором, или тем, что оба они черпали из общего источника. Весьма вероятно, что обширный труд Эфора выходил в свет по частям, и первые книги его могли появиться значительно раньше Аристотелевых «**Политии**»; а если так, то вполне естественно, что Аристотель должен был пользоваться им, как произведением известным, составлявшим тогда литературную новость и дававшим в обработанном виде обширный исторический материал².

В «Афинской политии» видное место занимают данные документального характера. В особенности это нужно сказать о главах, посвященных перевороту 411 г. и восстановлению демократии в 403 г. Например, 39-я гл. представляет, по-видимому, дословный текст договора между демократами и сторонниками олигархии; в 29-й гл. Аристотель не только отмечает, кто держал речь и кто внес предложение, но и передает дословно самую псефизму Пифодора с прибавкой Клитонфонта, причем выражения и стиль тут совершенно напоминают обычный официальный язык протоколов, известный нам из надписей. Затем Аристотель приводит (гл. 30—31) обширный проект олигархической конституции или, говоря точнее, целых три проекта. Кроме того, в «Афинской политии» упоминается, хотя и не приводится дословно, еще несколько псефизм и предложений, с обозначением лица, их внесшего (гл. 14, 34, 40). В разных местах трактата Аристотель цитирует формулы, постановления и законы или, по крайней мере, ссылается на них. Наконец, он часто вставляет имя архонта, при котором совершилось упоминаемое им событие (особенно в 22-й гл.). В основе всех подобных сообщений, как первоисточник, в конце концов должны, разумеется, лежать документальные дан-

¹ Отношению Аристотеля к Эфору посвящена составляющая вторую часть «Исследований по греческой истории» работа М. О. Гершензона, (Москва, 1894).

² *Meyer Ed.* Forschungen... I, 214—215.

ные. Вопрос состоит только в том, откуда их брал Аристотель, обращался ли он непосредственно к архивному материалу, надписям, спискам архонтов и т. п., или же заимствовал эти данные из вторых и третьих рук. Относительно документальных данных есть полное основание думать, что значительная часть их взята из Аттиды. Можно считать доказанным, что вообще Аттиды (например, Андротион) служили главнейшим источником для «Афинской политики» Аристотеля¹. Именно из них он черпал большую часть дополнений к известиям Геродота и Фукидида.

Но в числе источников «Афинской политики» находим и сочинения публицистические, явно тенденциозного и полемического характера. Сам Аристотель не раз упоминает о версии, принадлежащей, очевидно, врагам демократии — олигархам, и противопоставляет ей другую версию — демократическую (гл. 6, 18). Следы пользования тенденциозным источником обнаруживаются и в 23—28-й гл. «Афинской политики», касающихся Пятидесятилетия и времени Пелопоннесской войны до 411 г. Почти все сообщаемые здесь факты, за немногими исключениями, кладут тень на блестящую пору афинской демократии и на ее представителей. Существует даже гипотеза (О. Зеек, Ад. фон Месс), будто Аристотель пользовался в сущности одним источником, будто в его «Политии» перед нами выступает не что иное, как произведение политика из кружка Ферамена (см. выше, с. 153). В сущности, это есть возвращение к той «теории единого источника», «Einquellentheorie», которая одно время господствовала, но несостоятельность которой в применении к древним авторам была обнаружена такими учеными, как А. фон Гутшмид, Эд. Мейер и др. То, что может быть верно по отношению к истории 411—403 г. у Аристотеля, нельзя распространять на предыдущее его изложение, на всю историческую часть «Афинской политики»; исторический очерк до 411 г. во многих местах вовсе не подходит под тип политического трактата. Тут есть, например, ряд сухих летописных заметок, присутствие

¹ См. главным образом: *Wilamowitz-Möllendorff U. v. Aristoteles und Athen*. I. Kap. 8.

которых совершенно необъяснимо с точки зрения рассматриваемой гипотезы.

Некоторые исследователи пытались приурочить олигархическую версию к определенному имени — открыть автора памфлета, которым пользовался Аристотель... Одни (Т. Рейнак¹, Э. Л. Дюммлер², М. М. Покровский³) называли Критию; У. фон Виламовиц-Мёллендорф говорил о Ферамене. Но для надлежащего решения вопроса недостает данных; здесь у исследователя нет почвы. Можно указать лишь ту среду, тот круг, из которых исходит версия. Надо полагать, что под рукою у Аристотеля был не один, а несколько более или менее тенденциозных источников. К одной категории принадлежит, например, политический памфлет, с резко выраженной тенденцией, с нападками на Солона, исполненный ненависти к демократии и принадлежавший крайнему олигарху конца V в. из лагеря Тридцати, может быть Критию; к этому источнику Аристотель относится с полным недоверием; в его глазах это — слова «желающих клеветать». Ко второй категории принадлежат произведения с более умеренной тенденцией, с воззрениями, близко подходившими ко взглядам и симпатиям самого Аристотеля, в духе скорее Ферамена и олигархов 411 года, нежели Крития, с сочувствием к *πάτριος πολιτεία*. Сочинения эти могли тоже принадлежать концу V века или же первой половине IV столетия.

Говоря о памфлетах, следует не забывать и о комедии, которая являлась также произведением тенденциозным и выражением духа партии: все комедиографы были врагами демократии и демагогов. Их свидетельства и нападки могли найти отголосок и в Аристотелевом трактате⁴. Можно сопоставить, например, некоторые сообщения 24-й гл., касающиеся содержания граждан

¹ Reinach Th. Aristote ou Critias? // RÉG. 1891. IV.

² Dümmeler E. L. Die *Αθηναίων Πολιτεία* des Critias // Hermes. 1892. XXVII.

³ Покровский М. М. Этюды по «Афинской политике» Аристотеля. М., 1893.

⁴ Ср.: Шварц А. Н. Aristoteles «Politeia». III. 8. 7 (1284b 25) // *Προλεγμένα*. Одесса, 1912.

на счет государства, с стихами Аристофана в «Осах» (656 сл., особенно 661—662, 706 сл.)¹. Замечается аналогия и в характеристике отдельных лиц — Кимона, Перикла и в особенности Клеона².

Еще труднее сказать что-либо определенное относительно демократической версии, на которую ссылается Аристотель, и приурочить ее к какому-либо имени. Возможно даже, что версия эта принадлежит не какому-нибудь особому тенденциозно-политическому произведению, а Аттидам, носившим, как известно, национальную, а следовательно и демократическую окраску, писанным в духе демократии.

К числу тенденциозных публицистических произведений принадлежат в сущности и речи Исократов, с которыми у Аристотеля как в «Политике», так и в «Афинской политике» оказывается немало точек соприкосновения³. Сходство обнаруживается нередко и в содержании, и в выражениях. Отдельные точки соприкосновения найдутся у Аристотеля и с другими ораторами: Андокидом, Лисием, Эсхином, Демосфеном. Но они так отрывочны и незначительны или обнаруживаются в таких случаях, что едва ли можно сделать какой-либо вывод.

Вообще источники Аристотеля, хотя не всегда непосредственные, — очень разнообразны. Так, он пользовался и стихотворениями, в особенности произведениями Солона. Из них он приводит более или менее обширные выдержки. Археологические памятники — например, статуи с надписями — тоже служат источником для Аристотеля. Он пользовался и личными наблюдениями над современными ему порядками, обычаями и т. наз. «переживаниями», как источником для истории прошлого. Наконец, источником для Аристотеля, даже для некоторых из

¹ Köhler U. Die Zeiten der Herrschaft des Peisistratos in der *Ἀθηναίων Πολιτεία* // SB Berlin. 1892. S. 33 ff.

² См. мою книгу, с. 258—260.

³ См. сопоставления в моей книге об «Афинской политике» (с. 261 след.); ср.: Keil B. Die Solonische Verfassung. Berlin, 1892. S. 78 ff., 220-221; Newman C. F. // Classical Revue. 1891. P. 160 sq.

тех сообщений, которых нам приходилось касаться уже выше, могла служить просто устная традиция — ходячие рассказы, анекдоты и т. п., распространенные в тогдашнем афинском обществе и представлявшие собою нечто общеизвестное, происхождение которого даже не поддается точному определению.

Своему источнику Аристотель, по-видимому, не следует рабски, не придерживается его всюду дословно, не копирует его и не относится к нему механически. Он обращается с ним свободно, относится к нему самостоятельно. Вообще Аристотель пользуется не одним источником, а несколькими, комбинируя их или сопоставляя.

Значение «Политии». До открытия «Политии» мы не имели особого, так сказать, специального источника, который давал бы нам историю афинской демократии в связном виде. Приходилось довольствоваться имеющимися у разных авторов и в надписях данными, иногда, правда, очень важными и интересными, но разбросанными, и мимоходом лишь сделанными, случайными указаниями. Теперь мы располагаем произведением, представляющим более или менее связную историю и связное описание афинского государственного строя. «Полития» дала ряд новых фактов и пролила новый свет на многие вопросы. Таковы ее сообщения относительно перехода от монархии к аристократии, о смутах после Солона, о жребии, роли совета, ее обильные хронологические даты и проч.; она решает спор о Солоновой сисахфии, выясняет сущность Клисфенова деления на филы, триттии и демы, и т. д. Многие моменты и подробности в истории афинской демократии представляются нам теперь в ином виде, нежели прежде. Одни гипотезы, иногда казавшиеся наиболее правдоподобными и достаточно твердо установленными, рушились, и то, что считалось общепризнанным и несомненным, опровергается или подвергается сомнению. Наоборот, некоторые из прежних свидетельств наших источников, по-видимому сомнительные и непонятные, приобрели теперь иное значение и иной смысл в наших глазах. Таким образом, с полным основанием можно сказать, что с открытием Аристотелева трактата изучение внутренней истории Афин вступило в новый

фазис (Ад. Бауэр, В. А. Шеффер и др.). Историю афинской демократии пришлось во многом переделывать.

Но важно не только то, что наш новый источник сообщает ряд новых отдельных фактов из внутренней истории Афин; важно также и то, как представляется в нем общий ход развития афинской демократии: «Полития» изображает постепенное, чрезвычайно последовательное, чисто органическое развитие государственного строя Афин, без особенно резких скачков.

В изложении «Афинской политики» постепенность, например, перехода от монархии к аристократии представляется нам еще рельефнее, нежели в прежней традиции, которою мы располагали до открытия трактата. Какого-либо переворота, формальной отмены царской власти наш новый источник не знает. Мы видим тут не революцию, а эволюцию (Ю. Белох). Падение монархии и переход к аристократии совершается медленно, с замечательной последовательностью: архонт, первоначально лицо менее важное, занимавшее третье место, возвышается мало-помалу до положения первенствующего, становится выше не только полемарха, но и самого басилевса, советником и помощником которого он, быть может, сначала был, а басилевс из монарха превращается во второстепенное лицо, во второго архонта, заведующего преимущественно делами, касающимися культа. Следовательно, второй архонт есть прямой, непосредственный преемник прежних царей; но фактически главная власть перешла в руки сановника, сначала стоявшего на третьем месте, а затем возвысившегося над басилевсом и заслонившего его собою.

Затем так же постепенно демократия занимает место аристократии. Вспомним, как лишь мало-помалу открывался низшим классам доступ к должностям, как совершалась демократизация Афин после Клифена, как своего рода «переживания», вроде двойного жребия, сохранились в последующем строе Афин. Не говоря о сомнительной конституции Дракона, вспомним, что, например, дает нам «Полития» относительно тирании Писистрата, реформы Клифена и деятельности Перикла. Тирани Писистрат во многом является продолжателем и даже завершителем дела

«первого предстателя демоса», Солона, а в истории внешнего могущества Афин — предшественником Фемистокла и Аристида, Кимона и Перикла, ибо уже при нем было как бы намечено то, что совершено Афинами V в., в пору расцвета их демократии и гегемонии. Клифенова реформа, при всем своем видимо радикальном характере и искусственности, имела уже известную аналогию в предшествовавшем строе и являлась дальнейшим развитием, в широких размерах, начал, которые в зачатках уже существовали, ибо Клифеновы демы имели своего рода предшественников в навкрариях, а его 30 триттий — в прежних 12 триттиях, являвшихся тоже подразделением фил, и эти 12 триттий, равно как отчасти и самые родовые филы, были территориальными единицами. Перикл оказывается вовсе не таким новатором, каким его иногда изображают новейшие историки. Словом, наш недавно открытый источник еще яснее показывает нам, что афинская демократия была чисто народным созданием, а не результатом честолюбия и интриг отдельных личностей...¹

Другие труды Аристотеля. Аристотелю принадлежал сродный с «Политиями» труд — *Νόμιμα βαρβαρικᾶ*, новые отрывки из которого найдены были Флиндерсом Петри тоже среди египетских папирусов.²

«Политика» Аристотеля имеет довольно тесную связь с его «Никомаховой этикой» (в 10 кн.), в которой он тоже касается государственных форм: дело в том, что, по Аристотелю, добродетель гражданина составляет часть добродетели человеческой; качество гражданина обуславливается качеством его города или государства (*πόλις*), и кто хочет создать совершенных людей, должен создать совершенных граждан, а для совершенных граждан необходимо совершенное государство.

¹ Из Аристотелевых «Политий» впоследствии некий Гераклид сделал эксцерпты. См.: *Rose V. Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta...* и приложения к изданиям *Αθηναίων Πολιτεία*.

² См. в изд. *Mahaffy J. P. On the Finders Petrie Papyri. Dublin, 1891. Tab. IX.*

Аристотель занимался и списками победителей на Олимпийских и Пифийских играх (см. выше, с. 98).

Что касается «Экономики» (*Οἰκονομική*, в 3 кн.), приписываемой Аристотелю, то это, вероятно, произведение позднейшего перипатетика (второй половины III в. до Р. Х.)¹.

Перипатетики и их современники. Ученики Аристотеля (перипатетики) и их современники обнаруживали большой интерес, с одной стороны, к антикварным исследованиям и данным документальным, к изучению государственного строя и законов, с другой — к биографиям и исследованиям историко-литературным². Например, не говоря уже об аттидографах, о которых было упомянуто раньше (с. 193), Кратер составил обширный сборник народных постановлений (*ψηφισμάτων συναγωγή*)³, преимущественно — если не исключительно — V века, расположенных в хронологическом порядке. Знаменитому ученику Аристотеля, Теофрасту, принадлежал труд о законах (*νόμοι*), имевший такое же значение для истории права вообще, как «Политии» Аристотеля для истории политической и государственного права. Теофраст занимался и политическими вопросами: он написал «Политику сообразно времени» или «обстоятельствам» (*Πολιτικά τα πρὸς καιρούς*, в 4 кн.), по-видимому, отличавшуюся богатым историческим материалом и служив-

¹ *Wilcken U.* Zu den Pseudo-Aristotelischen (Economie // *Hermes*. 1901. XXXVI.

² От всей этой позднейшей исторической литературы сохранились, за немногими исключениями, лишь отрывки, изданные большей частью в упомянутых FHG; *Dimmler E. L.* Zu den historischen Arbeiten der ältesten Peripatetiker // *RhM*. 1887. XLII; *ego же.* Kleine Schriften...; *Scheller P.* De hellenistica historiae conscribendae arte. Leipzig, 1911; *Susemihl Fr.* Geschichte der griechischen Litteratur in der Alexandrinerzeit...

³ *Krech P.* De Crateri *ψηφισμ. συναγ.* et de locis aliquot Plutarchi ex ea repetitis. Greifswald, 1888. По распространенному мнению, этот Кратер — сын полководца Кратера и сводный брат Антигона Гоната. Но есть и возражения; см. например: *Keil B. Der* Perieget Heliodoros von Athen // *Hermes*. 1895. XXX.

шую как бы дополнением к «Политике» Аристотеля¹. Другому ученику Аристотеля, Дикэарху, если держаться текста Цицерона (Ер. ad. Attic, II, 2), принадлежал труд тоже о политиках, подобный Аристотелеву; а в «Жизни Эллады» (*Βίος Ελλάδος*, в 3 кн.) он представил очерк культурной истории Греции, начиная с «золотого века» и до Александра Македонского. Деметрий Фалерский (или Фалерейский), одна из интереснейших личностей той эпохи, близкий ученик Теофраста, ставленник Кассандра, правивший Афинами в течение 10 лет (317—307), а затем переселившийся в Александрию, ко двору Птолемея, и принявший там деятельное участие в основании знаменитой библиотеки², явившийся, таким образом, как бы соединительным звеном между прежним культурным центром, Афинами, и новым, Александрией, — этот Деметрий Фалерский был автором многочисленных сочинений, имевших отношение к истории: Хронологического списка афинских архонтов, об афинском законодательстве, об афинских политиях, отчета о его десятилетнем управлении в Афинах, биографии Сократа.

Перипатетики и их современники брались и за более широкие темы: им принадлежали и общие труды по истории Греции, которые, как и большинство исторических произведений того времени, до нас не дошли в целом виде. Так, племянник Аристотеля, Каллисфен из Олинфа, в своих *Ελληνικά* (10 кн.)³ излагал греческую историю от Анталкидова мира (387/386) до конца Священной войны

¹ *Usener H.* Analecta Theophrastea. Leipzig, 1858; *ego же.* Kleine Schriften. I. Цицерон (De fin. V, 11) так определяет ее содержание: «Theophrastus (docuisset), qua; essent in re publica inclinationes rerum et momenta temporum, quibus esset moderandum, uscunque res postulare». [Теофраст пошел дальше и показал, как государство приходит в упадок и каковы бывают обстоятельства, в которых следует принимать меры, требуемые положением вещей (пер. Н. А. Федорова)].

² *Деревуцкий А. Н.* О начале историко-литературных занятий в древней Греции. Харьков, 1891.

³ *Schwartz E.* Kallisthenes «Hellenika» // *Hermes*. 1900. XXXV

(356/355 г.). Он сопутствовал Александру во время похода его в Азию и описал его подвиги в крайне панегирическом тоне. Впоследствии Каллисфену была приписана романическая, сказочная история Александра, которая в первоначальной основе возникла, по-видимому, еще в Александрийскую эпоху, но была развита и дополнена в III в. по Р. Х., когда господствовал своего рода культ Александра Великого (вспомним, например, Каракалла и Александра Севера) и увлечение Востоком. Она получила особенно широкое распространение в средние века и была переведена на многие языки (латинский, греческий, армянский, славянский).

«История» перипатетика Дуриса (родом из Самоса, род. ок. 340 г.), ученика Феофраста и впоследствии самосского владетеля, начиналась битвою при Левктрах и доведена была до 281 г. Дурис, кроме того, был автором «Истории Агафокла» и «Летописей Самоса» (*ἱστορίαι Σαμίου*). Он стремился главным образом к изобразительности и занимательности, причем образцом для него служила трагедия. Видное место в его произведении занимали эффектные, театральные сцены и сенсационные анекдоты; одним из главных мотивов, влияющих на ход исторических событий, являлась любовь.

Диилл из Афин (в конце IV и нач. III века) в своей «Истории Греции и Сицилии» являлся продолжателем Эфора и вел изложение от Священной войны до смерти Кассандра (297 г.).

Современнику Аристотеля и первых перипатетиков, Анаксимену из Лампсака, также принадлежала «История Греции» (12 кн.), но более обширная: если верить древним (Diod., XV, 89), она обнимала почти все деяния как эллинов, так и варваров, начиная с феогонии, происхождения богов, и до битвы при Мантинее. Анаксимену же принадлежали «История Филиппа» (8 кн.) и эпос в честь Александра Македонского².

О Тимее, по времени жизни относящемся к этой же эпохе, я говорил уже раньше (с. 188 след.).

¹ Müller C. *Scriptores rerum Alexandri Magni*. Paris, 1846 (в собр. Didot, в прибавлении к изд. Арриана).

² Körle A. *Anaximenes von Lampsakos als Alexander-Historiker* // RhM. LXI.

Фаний, перипатетик и современник Александра Македонского, писал о пританах Эреса, своего родного города (на о. Лесбосе), о сицилийских тиранах, о последователях Сократа и т. п. — Ученик Аристотеля Клеарх (из г. Сол на о. Кипре) в сочинении под заглавием *Βιοί* описал образ жизни различных народов и классов населения, а другой позднейший перипатетик Сатир (ок. 200 г. до Р. Х.) составил «Биографии знаменитых людей», большей частью философов и поэтов. — На поприще этого рода литературы подвизались, впрочем, не одни перипатетики: так, в конце IV и в начале III ст. до Р. Х. Идомений из Лампсака, ученик и друг Эпикура, писал о последователях Сократа и одемагогах, приводя пикантные анекдоты и всякие сплетни.

Упомяну здесь также о недавно найденном в числе папирусов из Оксирикса трактате хронологического содержания, излагающем события персидской, греческой и римской истории за 355—315 годы до Р. Х. по Олимпиадам и архонтам I.

Источники по истории Александра Великого и его преемников.

Но я не имею в виду перечислять здесь всех греческих историков и не буду подробно останавливаться на источниках по истории Александра Македонского, его преемников, диадохов и эпигонов, и вообще эпохи т. наз. эллинизма. Отмечу только некоторые. Тут в числе источников следует прежде всего упомянуть о корреспонденции Александра, хотя не все эти письма², конечно, подлинные, и о так называемых царских эфемеридах (*βασιλικοὶ ἐφημερίδες*)³, — придворном дневнике или журнале, который вел Евмен и который, между прочим, лег в основу некоторых исторических сочинений. Ими

¹ Grenfell B. P., Hunt A. S. *The Oxyrhynchus-Papyri*... 1898. Vol. I.

² Adler M. *De Alexandri Magni epistularum commercio*. Leipzig, 1891; Pridik E., под таким же заглавием: Berlin, 1893; Kaerst J. *Forschungen zur Geschichte Alexander des Großen*. Stuttgart, 1887; id. *Der Briefwechsel Alexanders des Großen* // Philologus. 1892. LI; 1897. LVI; Zusetikos A. M. *De Alexandri Olympiadisque epistularum fontibus et reliquiis*. Berlin, 1894. (Inaugur.-Diss.).

³ Wilcken U. *Ἐπισημαστικαὶ* // Philologus. 1894. LUI; Kaerst J. *Zum Briefwechsel Alexander des Großen* // Philologus. 1897. LVI; Wachsmuth C. *Bemerkungen zu griechischen Historikern* // RhM. 1901. LVI; Lehmann C. F. *Zud. Ephemeriden Alexander des Grossen* // Hermes. 1901. XXXVI.

пользовался Птолемеем Лаг, писавший свои мемуары. Вообще Птолемей и Аристул I, по отзыву позднейшего историка Александра Великого, Арриана, — самые достоверные писатели о знаменитом македонском царе. К ним надо присоединить Нearcha, известного адмирала, которого Александр послал во главе флота исследовать водный путь от Инда до Евфрата и который в знаменитом рапорте, или отчете о своем плавании сообщает сведения, касающиеся и похода сухопутного войска. К числу историков Александра Великого принадлежат также Клитарх, писавший в конце IV в., Каллисфен, о котором уже упомянуто, и известный географ Страбон. Об Александре Македонском во времена императора Клавдия писал — на латинском языке — Квинт Курций Руф (*Historiarum Alexandria Magni libri X*), стремившийся к внешнему, риторическому эффекту, но сохранивший известия из источника, оппозиционно настроенного к Александру. Большая часть сочинения Квинта Курция сохранилась.

Нашим главным источником по истории Александра Македонского — кроме Диодора и Плутарха — служит Арриан, писатель уже II века по Р. Х., который пользовался преимущественно Птолемеем и Аристулом. Его «История Александра», написанная на греческом языке (в 7 кн.), дошла до нас² (другой большой труд Арриана — «История времени после Александра» — утрачен)³. Арриан — подражатель Ксенофонта. Это видно даже из заглавия его «Истории Александра», которую

¹ Müller. Op. cit.; Frankel M. Die Quellen der Alexanderhistoriker. Breslau, 1883; Reuss F. Zur Überlieferung der Geschichte Alexanders des Großen // RhM. 1902. LVII; Susemihl Fr. Geschichte der griechischen Literatur... I; Endres A. Die offiziellen Grundlagen der Alexanderüberlieferungen und das Werk des Ptolomäus. Würzburg, 1913 (Diss.).

² Новейшее изд.: Roos A. С. Leipzig: Teubner, 1907. Рус. пер.: Арриан. Анабасис Александра, или История походов и завоеваний Александра Великого / Пер. Н. Коренькова. Ташкент, 1912.

³ Он известен был в извлечении Фотия. Рейтценштейну (Reitzenstein) удалось открыть в одной Ватиканской рукописи, под позднейшим текстом, отрывки из 7-й книги этого сочинения: Reitzenstein R. Arriani τῶν μετ' Ἀλέξανδρον libri septimi fragmenta // ВРА. 1888. III, 3.

он назвал *Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου*, в подражание Ксенофонту «Анабасису». Подобно Ксенофону, он очень интересовался военным делом; подобно ему, он писал и об охоте...¹

Историю диадохов и эпигонов² написал Иероним из Кардии, соотечественник и верный сторонник Евмена, занимавший влиятельные должности, прекрасно знавший политические и военные события того времени, в которых он принимал деятельное участие; в его распоряжении были официальные источники, мемуары и т. п.: в ту пору не было редкостью, что видные деятели писали свои воспоминания. Кроме мемуаров царя эпирского Пирра и раньше уже упомянутых — Птолемея Лага, следует в особенности отметить обширные (более нежели в 30 кн.) «Воспоминания» Арата Сикионского, известного полководца Ахейского союза.

Современник и противник Арата, Филарх, написал «Историю Греции» (в 28 кн.), служившую как бы продолжением труда Иеронима из Кардии: она обнимала приблизительно 270—220 гг. Полибий, не сочувствовавший Филарху и державшийся иных воззрений, отмечает его страсть к необычному, чудовищному, любовь к

¹ В настоящее время мы располагаем еще отрывком неизвестного автора (найденным в одном иерусалимском кодексе), в котором рассказывается о деяниях Александра от битвы при Гранике до битвы при Арбеле, а также эпитомой на латинском языке, тоже неизвестного автора, по-видимому, принадлежащей IV—V в. по Р. Х. и излагающей события от смерти Дария Кодомана до смерти Александра. Первый отрывок издан: Пападопуло-Керамевс А. И. Отрывок неизвестного греческого историка об Александре Великом // ЖМНП. 1892. Июнь; эпитома издана О. Вагнером по мецкой рукописи: Wagner O. Incerti auctoris epitome rerum gestarum Alexandria Magni // Jhb. f. Phil. 26. Suppl.-Bd. Lpz., 1900; см. еще: Bauer C. Die Heidelberger Epitome. Eine Quelle zur Diadochengeschichte. Lpz., 1914.

² Хилинский К. В. Хронография и хронология македонских царей после Александра Великого // ЖМНП. 1905. Январь; Nietold W. Die Überlieferungen der Diadochengeschichte bis zur Schlacht bei Ipsos. Dresden, 1905 (Diss.). Только что вышел большой труд: Schubart R. Die Quellen zur Geschichte der Diadochenzeit. Leipzig, 1914.

чувствительным или трагическим, ужасным сценам. Полибий называет это «женской чертою» (II, 56).

Представители александрийской образованности. Александрийская эпоха, как известно, характеризуется упадком творчества. В области историографии — это период по преимуществу собирания материала, кропотливого труда, узкой специальной учености, гонящейся за мелочами, за подробностями. Зато богатые книгохранилища, подобные библиотекам Александрии и Пергама, в которых было собрано все, что произвела греческая мысль в области литературы и науки¹, давали полную возможность удовлетворить этот интерес к кропотливому изучению прошлого, и история переходит большей частью в руки грамматиков.

Так, главного представителя спартанской историографии, Сосибия из Лакедемона, автора сочинения *Περὶ τῶν ἐν Λακεδαιμονίᾳ θυσίων καὶ χρόνων ἀναγραφῆς*, где в основу хронологии положены списки спартанских царей и победителей на Карнейских празднествах, обыкновенно принимают за одно лицо с грамматиком Сосибием², жившим в Александрии при Птолемеи II (285—246). Известный ученый, александрийский библиотекарь Каллимах составил т. наз. «Таблицы» (*πίνακες*), в 120 книгах, представлявшие реестр представителей науки и различных родов литературы, с указанием заглавий их сочинений, объема и проч. Он «поставил своею задачею пересмотреть, привести в стройную, отвечающую научным требованиям систему и регистрировать все произведения греческой литературы и греческой науки, — другими словами, выразить осязательно, при помощи наглядной формулы, всю силу научной и литературной производительности греческой нации» (А. Н. Деревицкий). На поприще историографии немало подвизались его ученики (т. наз. «Каллимаховцы»), например, Истр, Гермипп из Смирны (ок. 200 г. до Р. Х.), составивший списки Аристотелевых и Феофрастовых трудов и биографии знаменитых людей; биография-

¹ *Susemihl Fr.* Geschichte der griechischen Literatur in der Alexanderzeit. Leipzig, 1891—1892. 2 Vde.; *Деревицкий А. Н.* О начале историко-литературных занятий в древней Греции...

² Возражения против этого — у К. Ваксмута.

ми этими много пользовались позднейшие авторы. А один из главных представителей Пергамской школы в историографии того времени был Антигон из Кариста¹ (III в.). Ему принадлежали «Исторические воспоминания» (*ἱστορικὰ ἀπομνημόνατα*) и биографии философов (*βιοὶ φιλοσόφων*); в этих биографиях Антигон давал живые и более или менее верные характеристики представителей разных философских направлений, своих современников, которых он большею частью лично знал, в том числе скептика Пиррона, академика Аркесилая и стоика Зенона. Кроме того, Антигону приписывается «Собрание странных историй» (*Ἱστοριῶν παραδόξων συναγωγή*).

Типичными представителями сухой, но громадной эрудиции являются такие — правда, позднейшие — авторы (уже римской эпохи), как Александр Полигистор (современник Суллы), о котором Свидя говорит, что он написал больше книг, чем можно пересчитать, и грамматик Дидим, современник Цицерона², также отличавшийся необыкновенным трудолюбием и плодовитостью.

Но в числе представителей Александрийской образованности был и такой ученый, как знаменитый Эратосфен³ (275—195 г. до Р. Х.). Его имя должно быть отмечено также и среди историков: его можно назвать творцом исторической хронологии как научной дисциплины. В своей «Хронографии»⁴ Эратосфен дал хронологическую таблицу⁵ и обзор эпох истории. Здесь он применил методические приемы и, установив Троянскую эру, от нее ведет свою

¹ *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Antigonos von Karystos // Philologische Untersuchungen. 1881. IV.

² Недавно среди папирусов найден его исторический комментарий к «Филиппикам» Демосфена, касающийся событий 340 г.; издан: *Diels H., Schubart R.* Berliner Klassikertexte. I; *Foucart P.-F.* Étude sur Didymos. Paris, 1907; *Stähelin F.* Die griechischen Historikerfragmente bei Didymos // Klio. 1905. V.

³ *Wachsmuth C.* De Erasthothene, Apollodoro, Sosibio chronographis. 1892; *Schwartz E.* // AGG. 1894-1895. XL; *Niese B.* Die Chronographie des Erastosthenes // Hermes. XXIII.

⁴ См. прилож. к изд. Геродота в собр. Didot.

⁵ Она сохранилась у Климента Александрийского (Strom., I, 21, 138).

хронологию I. В связи с этим стоят его занятия над списком победителей на Олимпийских играх, которому он посвятил специальный труд (*Олимпионика*).

Полибий

Во II столетии мы встречаем одного из самых замечательных историков древности, который решительно выдвигается из ряда своих ближайших предшественников и современников,— Полибия². Его имя достойно занять место рядом с именами Геродота и Фукидида.

¹ Систему Эратосфена продолжил и популяризировал Аполлодор (II в. до Р. Х.), ученик известного грамматика Аристарха. Его «Хроника» (в 4 кн., см. FHG; *Jacoby F.* Apollodors Chronik. Berlin, 1902 [Philologische Untersuchungen / Hrsg. von E. Kiessling und Ulr. von Wilamowitz-Möllendorff]), написана стихами. Аполлодору — совершенно ошибочно — приписывалась еще так наз. «Библиотека», компендиум, составленный гораздо позже и представляющий обзор мифов и сказаний о происхождении богов, генеалогию родов и т. п.: *Wagner J.* Mythographi graeci. I. Leipzig, 1894; *Robert C.* De Apollodori bibliotheca. Berlin, 1873. А. И. Попадопуло-Керамевс обнаружил новые отрывки из этого компендиума // RhM. XLVI; ЖМНП. 1892. Апрель—май. Другой более поздний хронист, Кастор (I в. до Р. Х.), впервые сопоставил историю восточную, греческую и римскую, дав образец для последующих синхронистических обзоров, и, начав с Бела, довел свою хронику (в 6 кн.) до 61/60 г. до Р. Хр.

² Издания: I. Bekker. Berlin, 1844. 2 Vol.; Dindorf L. A. Leipzig: Teubner. (в новой обработке: Th. Büttner-Wobst. 1882 ff.) и в особенности Fr. Hultsch. Berlin, 1867-1871. 4 Vol. (ed. 2. 1888). Русск. перевод: Ф. Г. Мищенко, с предисл. и примеч. М., 1890-1899. В 3 т. О Полибий см.: Ф. Г. Мищенко; *Fustel de Coulanges N.-D.* Polybe ou la Grèce conquise par les Romains. Paris, 1858; *Nissen H.* Kritische Untersuchungen über die Quellen der 4. und 5. Dekade des Livius. Berlin, 1863; RhM. 1871. XXVI; *Scala R. v.* Die Studien des Polybios. I. Stuttgart, 1890 (рецензии: А. И. Покровского // ЖМНП. 1891. Июль; *Niese B.* // GGA. 1890); *Büdingen M.* Die Universalhistorie im Aterthume. Wien, 1895; *Cuntz O.* Polybios und sein Werk. Leipzig, 1902 (ср.: *Büttner-Wobst Th.* Studien zu Polybios // Klio. 1905. V); *Hercod R.* La conception de l'histoire

Среди представителей греческой историографии мы знаем трех, произведения которых отличаются более или менее универсальным характером,— Геродота, Эфора и Полибия. Все трое соответствуют таким историческим моментам, когда самые события приобретали более или менее универсальный характер и выходили из рамок истории отдельных народов. Геродот — современник периода, наступившего с столкновения мира персидского и мира греческого; он воспитался на воспоминаниях о столкновении этих двух миров. Эфор — современник Филиппа Македонского и начала деятельности Александра Великого, когда раздробленный греческий мир объединялся под главенством Македонии и готовилось его слияние с восточным в мир эллинистический. Наконец, Полибий — современник начала римского мирового владычества, когда Запад и эллинистический Восток должны были соединиться в одно целое и когда течение исторических судеб разных стран должно было слиться в одно русло. Но если относительно Геродота и даже Эфора еще можно спорить, были ли они действительно всеобщими историками, то о Полибии такого спора быть не может: его труд есть, несомненно, всеобщая история.

Биография Полибия. Полибий¹ по своей личной судьбе явился как бы посредником и звеном между Грецией и Римом. Он родился в аркадском городе Мегалополе в конце III в. до

dans Polybe. Lausanne, 1902; *Wunderer C.* Polybios-Forschungen. Leipzig, 1901—1909. 3 Teile; *id.* Die psychologischen Anschauungen des Historikers Polybios. Erlangen, 1905. (Progr.); *Laqueur R.* Polybios. Leipzig; Berlin, 1913; превосходная характеристика Полибия у Т. Моммзена: *Mommsen Th.* Römische Geschichte. II¹, 449 ff. См. еще: *Colin C.* Rome et la Grèce de 200 à 146 avant Jésus-Christ. Paris, 1905; *Hahn L.* Rom und Romanismus im griechisch-römischen Osten. Leipzig, 1906. Из более ранних монографий о Полибии: *Nitzsch K. W.* Polybios. Kiel, 1842; *La Roche P.* Charakteristik des Polybios. Leipzig, 1857; *Markhauser W.* D. Geschichtschreiber Polybios, seine Weltanschauung und Staatslehre mit einer Einleitung über die damaligen Zeitverhältnisse. München, 1858.

¹ Кроме раньше упомянутых сочинений о Полибии: *Werner H. M.* De Polybii vita et itineribus quaestiones chronologicae. Leipzig, 1877.

Р. Х.¹ и происходил из влиятельной фамилии: был сыном Ликорта, стратега Ахейского союза. В своей юности Полибий лично знал известного вождя этого союза Филопемена². Последний был его наставником в государственном и военном деле, и когда он погиб в Мессении, то Полибий, вместе с другими знатными ахейцами, участвовал в торжественной процессии перенесения его праха на родину и нес погребальную урну. Во время Третьей Македонской войны Полибий играл видную роль; он служил национальному делу греков; в 169 г. занял должность начальника конницы (гиппарха) Ахейского союза, и вообще он близко стоял к тогдашним делам Греции. После поражения Персея при Пидне Полибий навлек на себя подозрение и недовольство римлян и должен был отправиться в Италию в качестве заложника. В Риме, в центре тогдашней мировой политики, Полибий провел 16 лет (166—150 гг.). Он ближе узнал Рим и преклонился перед ним. Он вступил в римское патрицианское общество, в среду влиятельных лиц и руководителей Римского государства. Он жил в доме Павла Эмилия; он сделался как бы наставником и другом его сыновей, в особенности Сципиона Эмилиана, будущего завоевателя Карфагена, в то время еще 18-летнего юноши. Так образовался тот знаменитый кружок Сципиона Младшего, к которому, кроме Полибия, принадлежали Лелий и известный философ Панэтий. В 150 г. Полибий вместе с остальными заложниками получил возможность вернуться на родину. Но вскоре потом мы видим его снова в обществе Сципиона: он присутствует при взятии Карфагена; затем спешит в

¹ По словам самого Полибия, когда он был назначен послом в Египет, т. е. в 181 г., он не имел «законного возраста» (XXV, 7, 5 по старым изданиям, XXIV, 6, 3 — по новым; деление на книги и главы в разных изданиях в некоторых случаях не одно и то же), а таким возрастом был 30-летний, судя по тому, что членом народного собрания можно было быть, начиная с 30 лет (XXIX, 9 [24], 6). Некоторые, основываясь на упоминании у Полибия *via Domitia*, относят время его жизни к 198—117/116 (G. F. Unger, O. Cuntz).

² Это явствует, между прочим, и из XXIII, 10 а (XXII, 14).

Грецию, куда он прибыл немного спустя после разрушения Коринфа (146 г.). Он старается предотвратить дальнейшую катастрофу и разорение родины. Он выступает посредником между победителем — Римом и побежденною Элладой, ходатаем за своих соотечественников. На него римлянами возложено было поручение — дать устройство греческим городам, упорядочить их отношения, умиротворить страну. По делам своих соотечественников ему пришлось побывать в Риме еще раз. Полибий с большим успехом выполнил свою нелегкую задачу и снискал себе общую благодарность; ему воздавались почести во многих городах Пелопоннеса, воздвигались в честь его статуи, колонны с надписями и т. п., и еще недавно в Олимпии найдена подобного рода надпись. Впоследствии, при осаде Нуманции, Полибий опять сопутствовал Сципиону. Ко всему этому надо еще прибавить многочисленные путешествия Полибия. Он старался лично ознакомиться с театром описываемых действий. Он совершил путешествие через Альпы, был в южной Галлии, Испании, Ливии. В Африке он видится с Масиниссой. Во время осады Карфагена Сципионом Полибий получает от него флот и исследует берега Африки. Понт ему известен, очевидно, по личным наблюдениям. Полибий побывал и в Египте, в Александрии, и в Сардах, и т. д. Он дожил до глубокой старости и умер 82 лет (ок. 120 г.).

«История» Полибия. Ее содержание. Главный труд Полибия — «История» (в 40 кн.)¹, которую он сам называет «всеобщей» или «всемирною» (например, I, 4, 2; VIII, 4, 11). Закончил он ее и придал ей настоящую редакцию после 146 г.² Но подготавливал он ее и некоторые части, может быть, издавал уже раньше, и было немало попыток установить, когда именно и в каком порядке написаны различные части Полибиева труда, и

¹ Кроме нее, Полибию принадлежали еще и другие сочинения (до нас не дошедшие) — о Филопемене, в 3 кн., по характеру хвалебное, о тактике (о них он сам упоминает в «Истории») и о Нумантийской войне.

² Уже в III кн. он сам упоминает, что его «История» представляет обширный труд в 40 книгах (III, 32, 2).

определить его наслоения. Главная тема Полибия — как, когда и почему все известные части обитаемой земли, в течение 53 лет, подпали под власть римлян (III, I, 4; ср. I, 1). Изложение этой главной темы он, по собственным словам (I, 3), начинает с 140-й Олимпиады (220 г. до Р. Х.), причем за исходные события принимает для Греции т. наз. «Союзническую войну», для Азии — войну между Антиохом и Птолемеем Филадельфом за Койле-Сирию, а для Италии и Ливии — Ганнибалову войну; ибо, по его мнению, предшествовавшие события совершались отдельно, не имели между собою тесной связи и каждое из них имело свою особую цель и конец; начиная же с указанного времени, история составляет как бы одно целое, италийские и ливийские события переплетаются с азиатскими и эллинскими и все ведутся к одному концу. Этой главной теме посвящены книги III—XXX, охватывающие события с 220-го по 168-й гг. Но чтобы подготовить читателя к надлежащему уразумению главного предмета и познакомиться с общим положением дел, Полибий счел нужным пред-

¹ Например, *Thommen R.* Über die Abfassungszeit der Geschichten des Polybios // Hermes. 1885. XX; *Hartstein R.* Ueber die Abfassungszeit. // Philologus, XLV; ср.: *Nissen H.* // Die Ökonomie der Geschichte des Polybios // RhM. 1871. XXVI. Одно время думали, что первые 15 книг написаны до 146 г. О. Кунц полагает, что Полибиев труд в главных чертах составлен между 167—150 гг. (кн. 1—29) и между 144—134 гг. (кн. 30—40), а позже, в эпоху Гракхов, автором сделаны вставки отчасти в форме экскурсов. Автор новейшей монографии о Полибии, Р. Лакёр (Laqueur), пытается установить 5 «изданий» или редакций, соответственно стольким же ступеням развития воззрений Полибия. По Лакёру, план труда менялся: первоначально имелась в виду собственно римская история, потом — всеобщая; в старый концепт внесена новая мысль. Первый набросок сделан в Риме, после того, как Полибий взят был туда заложником; последнюю редакцию, когда история должна была превратиться во всемирную и когда Полибий находился уже под влиянием Панэтия, стоика, Laqueur относит ко времени после Испанской войны, к последним годам жизни Полибия; ср. еще: *Swoboda K.* O dobi slozeni dijin Polybiovyh // Listy filologické. 1913; *id.* Die Abfassungszeit des Geschichtswerkes des Polybios // Philologus. 1913. LXXXII.

послать «Введение» (*προπαρασκευή*, или, по другому чтению, *προκατασκευή*), составляющее первые две книги, в котором он — сравнительно кратко — обозревает предшествующие события, начиная с того момента, на котором остановился Тимей, т. е. со времен Пирра и с первой Пунической войны. Введение это заканчивается битвою при Селласии. Изложив в III—XXX кн. историю времени с 220 г. по 168 г., Полибий в последних 10 книгах (XXXI—XL) говорит о том, как римляне воспользовались своею властью, как они удержали и упрочили за собою свои завоевания и каково было положение отдельных народов. Свою «Историю» Полибий заканчивает разрушением Карфагена и Коринфа, или, точнее говоря, умиротворением Греции и своим посольством в Рим по делам родины. При изложении всех этих событий Полибий, подобно Тимею, как хронологическую основу кладет Олимпиады 1, но прибегает иногда и к другим, более точным датам — по римским консулам, по стратегам Ахейского или Этолийского союзов, по пританам Родоса или даже по временам года. События до 216 г. рассказываются последовательно одно за другим; с VII же книги начинается более строго выдержанный синхронистический обзор по годам.

Уже из предыдущего видно, что Полибий служит главным источником от времени Пирра и до окончательного подчинения Эллады Риму, т. е. для эпохи господства Ахейского союза. От обширного труда Полибия до нас дошли целиком лишь первые 5 книг; от некоторых книг ничего не осталось, от большинства сохранились более или менее обширные отрывки или эскизы².

¹ В подробности хронологической системы и порядка изложения у Полибия я не вхожу. См. преимущественно *Nissen H.* // RhM. XXIV а также *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staate... II, 353-354; *Wachsmuth C.* Einleitung. 645-646; *Susemihl Fr.* II, 123 ff; ср.: *Strehl C.* Die chronologischen Daten bei Polybios. Leipzig, 1879.

² Главным образом — эскизы, сделанные при Константине Багрянородном. Относительно распределения их по отдельным книгам и порядка их расположения мы встречаем разногласия: разные издания в этом отношении не вполне согласуются между собою.

Ее универсальность. История Греции у Полибия излагается не особняком, не отдельно, а в связи с общей историей того времени. Его труд обнимает историю Греции и Македонии, Малой Азии с Сирией и Египта, Рима и Карфагена, причем преобладающее место занимает история римская. Произведение Полибия отличалось, таким образом, характером универсальным. По его собственным словам, он вознамерился писать историю не отдельного какого-нибудь народа, но обнять события всего известного тогда исторического мира (II, 37). Он прямо противопоставляет свою «Историю», как всеобщую, другим, частным, принадлежавшим его предшественникам. Никто раньше, по его словам, не брался за составление такой всеобщей истории, за исключением разве лишь Эфора (V, 33, 2). Между тем, по убеждению Полибия, из отдельных историй невозможно «обнять и узреть духовным взором прекраснейшее зрелище прошлых событий» (IX, 45, 7 [21, 14]), невозможно понять общий ход всемирной истории, устройство и распорядок целого (*την των όλων οίκονομίαν*), уразуметь тот «поразительный» и «небывалый дотоле факт», объяснению которого посвящен преимущественно труд Полибия, — каким образом римляне достигли мирового господства и все известные части вселенной подчинились единой власти. «Особенность нашего труда и удивительная черта нашего времени, — говорит он, — та, что почти все события мира судьба склонила в одну сторону, направила к одной и той же цели» (I, 4, 1) — к господству римлян, и главное внимание Полибия обращено на то, чтобы выяснить постепенный рост могущества Рима, объяснить и разумно оправдать факт мирового владычества римлян, все значение которого он вполне сознавал. Факт этот представлялся Полибию не делом случая, а результатом предшествовавших событий (I, 63, 9). Он видел здесь совершенно естественный, закономерный и целесообразный процесс, столь же необходимое, как и разумное следствие исторического развития.

Планомерность исторического процесса. Вообще в ходе всемирной истории Полибий усматривал известную планомерность: события направляются в одну сторону, к одной цели, и исторический процесс совершается по твердым и целесообразным

законам. В VI кн., излагая свое учение о формах правления, Полибий выставляет закон круговорота (*ἀνακύκλωσις*) человеческих судеб: формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются по известному круговороту, по известному «порядку природы» (*φύσεως οίκονομία*, VI, 9, 10). Перемены эти совершаются необходимо и естественно (VI, 10, 2), согласно природе (VI, 9, 13). Так, например, всякий простой и основанный на одном начале вид государственного устройства — непрочен: он быстро вырождается в родственную и по природе сопутствующую ему извращенную форму. Ибо как для железа ржавчина, а для дерева черви составляют с ними язву, от которой они погибают, хотя бы извне и не подвергались никакому повреждению, так и каждому государственному устройству от природы присуще и сопутствует ему известное извращение (VI, 10). Все существующее подлежит порче и переменам; это — естественная необходимость (*φύσεως ἀνάγκη*, VI, 57, 1), и всякая форма правления портится двояким образом — или от внешней, или от врожденной язвы (VI, 57, 2) ¹.

Убежденный в планомерности и законосообразности исторического развития, в силе действия известных законов, Полибий считает нетрудным на основании прошлого предсказывать будущее (VI, 3, 1—2). На этом сознании закономерности событий основываются обобщения или, по крайней мере, общие замечания и наблюдения, которые мы довольно часто встречаем у Полибия (подобно тому, как и у Фукидида). Например, если в битве между Маханидом и Филопеменом сначала победили бы наемники первого, то «так именно и должно было быть»: наемники тиранов обыкновенно превосходят наемников свободного государства, ибо свободные государства после победы не нуждаются в них, а тирания наоборот: чем дальше идут ее стремления, тем больше нуждается она в наемниках (XI, 13). В Мегалополе обнаружилось недовольство, распри, взаимное

¹ Вообще природе вещей Полибий придавал большое значение. Например, XVI, lb (10) 1—2, он спрашивает: «Что помешало движению Филиппа к Александрии после битвы при Ладе?» и отвечает: «Не что иное, как природа вещей» (*η φύσις των πραγμάτων*).

озлобление. «Так всегда бывает,— замечает Полибий,— когда не хватает средств на предприятия» (V, 93, 4), и т. п.

Судьба. Выставляя плановость хода событий, Полибий не раз упоминает о судьбе (*τύχη*): по его словам, судьба, например, склонила почти все события его времени в одну сторону и направила их к одной цели; он избирает началом своего главного изложения 140-ю Олимпиаду потому, что «тогда как бы сама судьба придала совершенно новый вид обитаемой земле: повсеместно в тот момент произошла перемена правителей, а вместе с тем и в положении дел» (IV, 2). Но взгляды Полибия на судьбу и на ее роль в истории довольно противоречивы. То судьба представляется у него направляющей события целесообразно и разумно, по твердым законам; то она действует как будто по капризу, вопреки всяким ожиданиям и разумным расчетам. Часто она является у Полибия могущественной силой, постоянно действующей в жизни человеческой (I, 4, 5): ее удары неотвратимы, ее пути неисповедимы (VIII, 22, 10); она как бы намеренно дает людям почувствовать свое могущество (II, 4), например, как бы нарочно выводит на сцену одновременно ряд несчастий. В иных же местах у Полибия судьба совершенно отвергается. Так, повторив не раз, что создание римского владычества — дело судьбы, он в I, 63, 9 резко устраняет ее и говорит, что Рим достиг господства не благодаря судьбе и не случайно, а весьма естественно, благодаря изощрению в великих предприятиях. В другом месте (II, 38, 4—5) Полибий ставит вопрос, каким образом различные народы согласились вступить в Ахейский союз, и отвечает, что говорить о судьбе совсем не подобает — ибо это было бы нелепо, и лучше поискать причины.

Как объяснить эти противоречия у Полибия во взглядах на судьбу? По наиболее распространенному мнению, его воззрения с течением времени менялись, особенно под несомненным влиянием знакомства со стоиками. Сначала Полибий смотрел на судьбу с точки зрения Деметрия Фалерского; потом он познакомился с учением стоиков и усвоил себе понятие о судьбе, не противоречащее прагматизму и идее законосообразности. Можно думать также, что Полибий употребляет слово «судьба» в разных

значениях, часто как обычное, ходячее слово, как своего рода метафору, подобно тому, как и мы говорим: «судьба», не будучи фаталистами. Иногда Полибий употребляет это слово просто для обозначения причин, неизвестных или не поддающихся точному определению, или когда действие закономерности неясно; задача историка в таких случаях — стремиться к ограничению сферы действия судьбы путем исследования действительных причин явлений.

Божество. В связи с этим находятся воззрения Полибия и на богов. В некоторых случаях Полибий как будто разделяет обычные, народные верования в богов. Он сообщает, например, что Геракл не принял принесенных ему жертв и не услышал молений (XXIX, 6, 17 [17, 5]). Вообще Полибий признает веру в богов полезною как средство для обуздания толпы. Если бы государство, думает он, состояло из одних только мудрых, то, может быть, в ней не было бы нужды; но толпу можно обуздать только таинственным ужасом и трагическими зрелищами, и древние, по мнению Полибия, не без намерения ввели понятие о богах и представление о преисподней; нынешнее же поколение отвергло их, необдуманно и неблагоприятно. Ввиду всего этого Полибий готов, пожалуй, отнестись снисходительно к некоторым историкам, рассказывающим о чудесах и подобных предметах, насколько это способствует поддержанию в толпе благочестия, но, по его мнению, тут нужно соблюдать меру. По поводу некоторых неправдоподобных рассказов он заявляет, что во всем своем сочинении самым решительным образом восстает против таких сообщений, относя их к разряду детских сказок (XVI, 12): «те люди,— замечает он,— которые по природной ли ограниченности, или невежеству, или же, наконец, по нерадению, не в состоянии постигнуть в точности всех обстоятельств, причин и положений в каждом деле, видят в богах и в судьбе виновников того, что совершено благодаря расчету и предусмотрительности» (X, 5). По мнению Полибия, где человеку невозможно или трудно распознать причины, там в своем затруднении он может сваливать на бога или на судьбу, например, при физических бедствиях или эпидемиях. Но где, напротив, можно открыть причину, там

не следует привлекать богов. В пояснение этого Полибий приводит любопытный пример. В наше время, говорит он, во всей Греции господствует бездетность и малолюдство, города опустели, настали неурожаи, хотя и нет постоянных войн и эпидемий. Но обращаться в этом случае к богам за советом было бы глупо: здесь нет надобности ни в предсказателях, ни в чудесных знаменьях, так как причина зла ясна и средство к устранению его в нашей власти: люди впали в тщеславие, любостяжание и изнеженность, не желают вступать в брак, а если и вступают, то не хотят воспитывать детей, с трудом разве одного или двух, ради того, чтобы оставить их богатыми и воспитать в роскоши, и вот зло незаметно быстро выросло... (XXXVII, 4 [9]).

Факторы исторического процесса. Признавая планомерность исторического процесса, отводя очень часто «судьбе» чрезвычайно видную роль, Полибий в то же время считает личность важным фактором. По его мнению, исход, например, военных действий зависит от умения или неумения полководца (XI, 14, 2). Но особенно важное значение придает Полибий государственному устройству. Успех римлян, их всемирное господство в значительной мере объясняется самими учреждениями Римского государства. Во всяком деле, говорит Полибий, важнейшую причину исхода как в счастливую сторону, так и в противную, следует считать государственный строй (VI, 59, 4a [VI, 1]). Полибий рассматривает историю скорее как механический процесс; невесомые, идеальные силы он как бы игнорирует. Зато большое внимание обращал он на природные условия. В географии Полибий видел вспомогательную науку, без которой остаются неясными причины и ход исторических событий, в особенности военных предприятий. Поэтому мы находим у него множество географических сведений (не всегда, правда, верных), наблюдений и замечаний. Целая книга (34-я) посвящена им главным образом географии. Полибий отмечает связь между природой данной местности и населением. Суровость нравов, говорит он, бывает следствием холодного и угрюмого климата: «ибо мы, люди, все уподобляемся ему». Ничем иным, как именно этим, объясняются национальные особенности, различие в нравах, наружности,

цвете кожи и в занятиях (IV, 21, 1⁻2). Давая географическое описание Италии (II, 14 сл.), Полибий, между прочим, сообщает интересные сведения о ее плодородии, о ценах на хлеб и вообще на жизненные продукты. Выгодами географического положения Тарента он объясняет его благосостояние, так как всякий направляющийся из Сицилии или Эллады должен бросать якорь в Тарентской гавани, совершать здесь обмен товаров и торговые сделки со всеми народами этой полосы Италии (X, 1). Для ясности и пользы рассказа Полибий признает необходимым присоединять описание природы и расположения местности и т. д.

«Прагматическая история». Сам Полибий называет свою «Историю» прагматической (*πραγματικός, праγματεία*), — термином, который потом стал таким употребительным; но у него прагматическая история — это в сущности история политическая и притом назидательная, поучительная. По Полибию, есть три рода прагматической истории: один состоит в изучении исторических сочинений и накоплении извлекаемого из них материала, другой состоит в обозрении городов и местностей, рек и гаваней и вообще достопримечательностей, третий же имеет дело с политическими деяниями, с событиями. У Полибия преобладающее место занимают войны и внешняя политика. Ибо, поясняет он, так как многие уже писали о генеалогиях и мифах, об основании колоний и городов и о сродстве народов, то пришлось бы или выдавать чужое за свое, или предпринимать бесполезный труд, повторяя сказанное предшественниками. Прагматическая же история избрана им, во-первых, потому, что непрерывно совершаются новые события, о которых древние не могли сообщать, так как они совершились уже после них, и, во-вторых, потому, что этот род истории наиболее полезен, в особенности в наше (т. е. Полибиево) время, когда науки и искусства настолько подвинулись вперед, что люди любознательные могут как бы методически (*μεθωδικός*) обращаться со всем случающимся. Вот почему он, имея в виду не столько забаву, сколько пользу, оставил без внимания прочее и обратился к политической стороне истории (IX, 1—2).

Польза истории. Итак, Полибий в истории ищет прежде всего пользы (III, 4; I, 1). Цель истории, по его мнению, — правдивым изложением дел и слов научить и убедить любознательных людей (II, 56, 10—12). Знание прошлого не только прекрасно, но и более того — необходимо (III, 31, 4), и Полибий подробно объясняет, какую пользу может приносить это знание. Нет лучшего средства к исправлению людей. История — самая действительная и единственная наставница в жизни (I, 1, 2); из предлагаемого труда, говорит Полибий, будет видно, как велика и разнообразна польза от этого рода прагматической истории (I, 2, 8). На основании прошлого весьма легко делать заключения относительно будущего (IX, 30, 8; ср. XII, 25f, 2 [25e, 6]). Из прошлого можно почерпнуть полезные уроки; история обогащает нас опытом (V, 75). Есть два способа изменения к лучшему — путем собственных испытаний и путем чужих; первое — действительнее, второе — безвреднее. И вот, самую лучшую школу следует считать опыт, извлекаемый из прагматической истории (I, 35, 7—10).

Этою точкою зрения и руководится Полибий в своем изложении. Не раз он рассказывает о событиях и их подробностях, чтобы «преподать урок любознательным читателям» (I, 35). Вообще у Полибия мы нередко встречаем наставления и сентенции.

Правда. Но приносить пользу может, конечно, только история достоверная, правдивая. Восставая против Филарха за его страсть к трагическому и чудовищному. Полибий указывает на разницу между трагедией и историей и говорит: историк должен не потрясать читателей, сочиняя чудесные случаи, не подыскивать слов, которые могли бы быть произнесены, и не перечислять всех побочных обстоятельств, как это делают сочинители трагедий; он должен сообщать о действительных деяниях и словах, хотя бы они были и обыкновенны. Ибо цель истории и трагедии противоположна. Там, в трагедии, требуется потрясти и увлечь слушателей; здесь же, в истории, требуется научить и убедить любознательного читателя (II, 56, 10—12). Полибий верит в могущество истины. «Природа,— говорит он,— явила людям, как величайшую богиню, истину и сообщила ей величай-

шую силу. Ибо, когда даже против нее борются все и на стороне лжи вся вероятность, истина сама собою, неведомо как, проникает в душу людей и то сейчас же проявляет свою силу, то, оставаясь долгое время затемненной, в конце концов сама собою берет верх и одолевает ложь» (XIII, 5, 4—6). В наше время, замечает Полибий, в истории, как и в прочих искусствах и занятиях, правдивое и полезное находится в пренебрежении; показное же и наружный блеск служат предметом похвалы и подражания, как нечто великое и удивительное (XVI, 20, 3—4). Заботиться о хорошем изложении и слоге необходимо, но это не первая и не главная задача историка (XVI, 17, 9—11). Историк больше всего должен стремиться к истине (XVI, 20). По Полибию, если история уклоняется от истины, то она не заслуживает и названия истории. Как живое существо, если отнять у него зрение, становится все ни на что не годным, так и от истории, если отнять от нее истину, останется только бесполезный рассказ (I, 14, 6; ср. XII, 12, 3). Но неправда бывает двоякая — невольная, по неведению, или преднамеренная; к первой следует относиться снисходительно и исправлять ошибки благосклонно, ко второй — с беспощадною строгостью. Такого отношения Полибий требует и к себе (XVI, 20, 8—9). Со стороны историка, по Полибию, необходимо беспристрастие по отношению как к врагам, так и к друзьям. «В частной жизни,— говорит он (I, 14, 4), — честный человек может любить своих друзей, свое отечество, ненавидеть заодно с друзьями их врагов. Но, если кто берется быть историком, тот должен забыть обо всем этом. Ему придется отдавать справедливость, даже воздавать величайшую хвалу врагам, когда этого требуют факты, часто порицать и резко обличать самых близких людей, если их ошибки заслуживают этого».

Речи. Понятно также, что Полибий был против риторики и риторического направления, господствовавшего перед тем в греческой историографии, против частых, совершенно вымышленных речей. Правда, он сам прошел риторическую школу, но с течением времени он освобождается от ее влияния. У него мы видим умеренное употребление речей; нередко он ограничивается краткой передачей общего смысла и содержания их. Вообще, у

Полибия преобладают речи косвенные; а прямые большую часть приводятся на основании слышанного им и даже на основании документов и письменного изложения, хотя есть речи далеко и не подлинные¹.

Важность причин. Из убеждения в поучительности истории должно было вытекать и признание важности причин событий. Развивая мысль о пользе истории, Полибий указывает на то, что надо заботиться об изложении не столько самых деяний, сколько того, что им предшествовало, что было одновременно и что следовало за ними; ибо если у истории отнять объяснение, почему, как и ради чего что-либо было совершено и имело ли совершенное соответствующий намерению результат, то от истории останется одна забава, а не наука (III, 31, 11–13). Голый рассказ о случившемся скорее забавляет читателя, чем приносит пользу. Важнее всего понять причины, по которым каждое событие происходит и развивается (XXII, 22b, 1 [XXII, 8, 6]). Чтение истории становится полезным только тогда, когда в ней выяснены и причины событий (XII, 25b). Все мы желаем знать не столько что произошло, сколько — как оно происходило (V, 21, 6). Поэтому высшим достоинством своей «Истории» Полибий признает то, что из нее можно узнать и понять, каким образом и благодаря какому государственному устройству римляне в течение неполных 53 лет покорили почти весь мир (VI, 1a, 3). Как врач не применит надлежащего лечения, если он не знает причины болезни, так и государственный человек будет бессилён, если он не умеет определить причины событий. Поэтому ничем не надо так дорожить, как знанием причины каждого факта (III, 7, 7). Полибий жалуется, что большинство историков имеют очень сбивчивое понятие о причинах: они не понимают, чем повод (*πρόφασις*) и начало (*ἀρχή*) разнится от причины (*αἰτία*) (XXII, 8, 6). Напротив, Полибий различает эти понятия, останавливается на выяснении их и подробно возражает тем, кто не

¹ Таковы длинные речи акарнанца Ликиска и этолийца Хленея (IX кн.): они содержат оценку, с противоположных точек зрения, политики македонских царей по отношению к грекам.

понимает, что причина занимает первое место, а начало — лишь третье (III, 6 сл.). Полибий поясняет это примером. Так, причиной войны Александра Македонского с персами, по его мнению, было возвращение эллинов с Ксенофонтом во главе и поход Агесилая, обнаружившие слабость варваров; предлогом служило желание Филиппа будто бы отомстить персам за нанесенные некогда эллинам обиды, а началом — переход Александра Македонского в Азию.

Требования от историков. Из воззрения на историю, как на наставницу жизни, вытекает необходимость и той подготовки, какую требует Полибий от историков. По мнению Полибия, одной книжной, кабинетной учености для этого недостаточно и перечитать предшествующих историков еще не значит самому сделаться историком (XII, 25d сл.). Конечно, очень полезно заглядывать в прежние сочинения; но было бы, по словам Полибия, совершенно наивно, опираясь на такое знание, воображать, что способен прекрасно описать и последующие события. Это похоже на то, как если бы кто-нибудь, осмотрев произведения старинных живописцев, счел бы себя способным художником и мастером в искусстве. Не может прекрасно писать о военных событиях, кто не имеет никакой опытности в военных делах, или о государственных делах, кто не искушен опытом в этих делах, и так как буквоедами ничто не может быть написано со знанием дела или живо, то такая история бесполезна читателям. Это все равно что писать свои картины с набитых чучел: внешние очертания сохраняются, но недостает жизни и силы. Черпать сведения из книг можно без опасности и без всяких неудобств; для этого нужно избрать город, богатый книгами, или библиотеку где-нибудь по соседству, затем — прилечь и отыскивать искомое, сличать ошибки предшествующих историков, без всяких хлопот. Исследование же на основании собственных наблюдений требует многих трудов и издержек; зато оно и дает многое и составляет самую важную часть истории. Разница между известиями, основанными на собственном опыте, и известиями, основанными на слухах и чужом изложении, больше, чем какая существует между настоящим зданием и театральными декорациями.

Подготовка, личный опыт и источники Полибия. Таким образом, Полибий требовал от историка собственного, личного опыта, опытного знания военных и государственных дел. Свои взгляды и замечания Полибий высказывает преимущественно по поводу Тимея, которого он подвергает подробной и суровой, чтобы не сказать придирчивой, критике (этому посвящена почти вся XII кн.). Вообще к своим предшественникам и современным ему историкам он относился очень строго¹. Впрочем, и к себе он требовал беспощадной строгости, если у него окажутся сознательные ошибки.

Но, говоря словами Полибия же, легко осуждать ближних, — трудно самому оказаться непогрешимым (XII, 25с, 4—5). Посмотрим же, насколько он сам удовлетворял тем требованиям, которые он предъявлял историкам.

Сам Полибий, несомненно, обладал тем личным опытом, который, по его мнению, был так необходим историку: он знал на практике государственное и военное дело. Он, движимый любознательностью и желанием приобрести точные сведения, предпринимал далекие путешествия и на месте знакомился с театром военных действий, тем более, что, как он сам заявляет, его время благоприятствовало таким точным изысканиям, ибо, благодаря объединению мира под властью Рима, все моря и земли сделались доступны. Далее, большинство описываемых Полибием событий совершилось или в его время, или во времена отцов, так что или он сам был свидетелем их, или узнавал от очевидцев (IV, 2, 1—2); он был нередко участником и даже руководителем их (III, 4, 13). Полибий жил долгое время в Риме, где сходились нити тогдашней мировой политики, и был близок с наиболее влиятельными и выдающимися деятелями той эпохи. Таким образом, Полибий, без сомнения, мог хорошо знать многое.

¹ Критикуя современных ему родосских историков Зенона и Антисфена, Полибий между прочим рассказывает, как он обратился к Зенону с письмом, в котором указывал на сделанную им ошибку касательно топографии Пелопоннеса; тот глубоко сожалел, что не может исправить ее, так как уже издал свой труд, и сердечно благодарил Полибия за участие и указание (XVI, 20, 5 сл.).

Но он не ограничивался личными наблюдениями и устными сообщениями современников. Он обращался и к иным источникам, например, к документальному или архивному материалу, пользуясь договорами, протоколами, донесениями или отчетами, официальными постановлениями, письмами и т. п. документами из различных архивов — римского, ахейского, родосского, македонского¹. Как известно, он приводит договор римлян с карфагенянами. Он нашел перечень Ганнибаловых войск в надписи на медной доске в Лацинии и воспользовался им (III, 33, 18); он ссылается на письма Сципиона (X, 9, 3). Опровергая показание родосских историков Зенона и Антисфена, приписывающих родосцам победу при Ладе, Полибий ссылается на то, что в пританее хранится еще письмо об этом событии, отправленное навархом совету и пританам и подтверждающее слова не Зенона и Антисфена, а его, Полибия (XVI, 15, 8). Полибий пользовался и историческими сочинениями, например, в первых книгах, трактующих о событиях, предшествовавших его времени, — Филархом, с которым резко полемизирует, и в особенности Аратом (см. выше, с. 231), которого он, по собственному сознанию (II, 56 сл.), главным образом и придерживается в истории Ахейского союза и Клеомена. Пользовался он и более ранними историками — Феопомпом, Эфором, Тимеем; ссылается также на Каллисфена. Отношение Полибия к Геродоту, Фукидиду, Ксенофону, а также к Платону и Аристотелю, в смысле пользования ими, — не совсем ясно. Имени Геродота он не упоминает; а Фукидида и Ксенофонта хотя и называет, но их трудов сам не читал или читал давно, поверхностно и невнимательно. Более основательно осведомлен он был вообще в современной истории, составлявшей его главную тему; предшествующую он глубоко не изучал².

¹ *Schulte Aug.* De ratione quae intercedit inter Polybium et tabulas publicas. Halle, 1910.

² Знакомство Полибия с Платоном и с Аристотелем, на которых у него имеются ссылки, возможно и даже вероятно. Он защищает свидетельство Аристотеля в «Политиях» относительно Локров против нападок Тимея; следы влияния Аристотелева учения о государстве заметны,

Влияние стои. Сильное влияние на Полибия оказала стоическая школа, особенно в лице Панэтия¹, друга Лелия и Сципиона, известного философа-стоика из Родоса, поклонника Платона, в своем государственном учении немало черпавшего из «Политики» Аристотеля. Больше всего влияние это обнаруживается в VI кн. Полибия, где излагается учение о государстве и о формах правления. Главным источником для Полибия служило здесь учение стоиков. Да и все мировоззрение Полибия, некоторый его космополитизм, взгляды на международное право,— все это близко подходит к воззрениям стоиков. Самый взгляд на роль судьбы в историческом процессе тоже сближает Полибия со стоической школой, с тою разницею, что стоики говорят о *πρόνοια*, а Полибий, подобно Деметрию Фалерскому, о *τύχη*. С учением стоиков Полибий познакомился не столько, вероятно, по их сочинениям², сколько благодаря беседам с Панэтием, в Риме, в кружке Сципиона. Вообще Полибий едва ли был особенно начитанным; это не кабинетный ученый, а больше практик, военный и дипломат. Тем не менее, повторяем, о тех событиях, о которых пишет, он мог знать правду. Но спрашивается, насколько он был правдив и беспристрастен?

Беспристрастие Полибия. Восхваляя римлян, Полибий воздаст должное их врагу, Ганнибалу, а по поводу его поражения при Заме замечает: Ганнибал сделал все, **что** только должен был сделать доблестный вождь (XV, 15, 4), и если, дотоле непобедимый, он, несмотря на это, был теперь поражен, то его нельзя

особенное VI кн. (*Chodnick Jos. Die politischen Ansichten des Polybios im Zusammenhange mit Plato und Aristoteles. Wien, 1877*). Но существует предположение, что Полибий непосредственно не пользовался Платоном и Аристотелем и что между ним и этими последними был какой-либо посредствующий источник. Можно отметить влияние перипатетика Деметрия Фалерского на Полибия, преимущественно во взглядах на судьбу, хотя и относительно этого не все согласны.

¹ *Hirzel R. Untersuchungen zu Cicero's philosophische Schriften. Leipzig, 1883; Scala R. v. Die Studien des Polybios...*

² *Покровский А. И. // ЖМНП. 1891. Июль (по поводу книги Р. фон Скала).*

осуждать (XV, 16, 5). Вообще, по Полибию, нужно высоко ценить благоразумную решимость, редкую проницательность и благородный образ мыслей, безразлично, удалось ли предприятие или нет, лишь бы оно ведено было разумно (IX, 9, 10). Несмотря на преклонение перед Римом, на признание исторической необходимости и благотворности такого факта, как подчинение ему мира, Полибий с печалью и состраданием говорит о несчастиях эллинов, о покорении их римлянами. Это — как бы «Плач» над Элладой-рабой¹ (XXXVIII кн., начало [3 сл.]). Симпатии Полибия явно на стороне Ахейского союза и его стратега, Арата. Тем не менее он не умалчивает об их недостатках и слабых сторонах. Он признает, что во всех начинаниях Арат обнаруживал недостаток решимости и смелости (IV, 60, 7), что ответственность за раздоры в Ахейском союзе падает на него. Говоря словами русского исследователя², «все, что можно заметить» у Полибия,— «это те легкие оттенки, тот более теплый или менее холодный тон речи, то бессознательное стремление более выставить светлую сторону, короче,— все то, **что** обличает человека и писателя неравнодушного и нестороннего предмету». Полибий — не на стороне Спарты того времени. Законы Ликурга, правда, он восхваляет, но он отмечает позднейшее поведение спартанцев по отношению к остальным эллинам, их честолюбие, жажда власти, алчность, их поступки с фиванцами и мантинейцами. Полибий далеко не сочувствует Клеомену и не одобряет его действий и его стремлений; но он не повторяет неосновательных обвинений, которые взводила на спартанского царя народная молва и о которых мы узнаем от других писателей; он воздаст ему должное (например, II, 65—66), а по поводу смерти Клеомена так отзывывается о нем: «Так кончил жизнь Клеомен,—человек ловкий в обращении, способный к ведению государственных дел, словом,— вождь и царь по природе» (V, 39, 6). К этолянам Полибий особенно строг. Он изображает их

¹ С. П. Шестаков. С. 80.

² *Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 44.*

в самом дурном свете, постоянно выставляя их «врожденную» нечестность, алчность, жестокость (например, II, 45). Но в этом отношении Полибий стоит не одиноко: еще раньше его в Афинах пели, что грабеж и хищничество — постоянное занятие этолян. По словам В. Г. Васильевского, «за Полибием всегда должен остаться эпитет самого совестливого писателя древности» (с. 46). Недаром этот историк — добавим от себя — так высоко ставил правду и говорил, что «нет свидетеля более страшного, нет обвинителя более ужасного, как совесть, живущая в душе каждого» (XVIII, 26, 13 [43, 13]).

Политические воззрения. Но Полибий не был так объективен и так сдержан в своих личных суждениях, как Фукидид, и открыто выражал свои мнения и чувства. Одну войну он называл справедливою, другую — несправедливою. По поводу избрания Скопаса в стратеги Этолийского союза Полибий «не знает, что и сказать»: такой поступок кажется ему верхом коварства, «ибо как иначе назвать такие гадости» (*κακίας*)? Вспоминая о поведении спартанцев по отношению к Фивам и к Мантинее, он замечает: «Глупо и вместе подло думать, что если сам закроешь глаза, то и окружающие ничего не видят» (IV, 27) и т. п. Открыто высказывает Полибий и свои политические воззрения и идеалы государственного строя. У Свое учение о государстве он кратко, «в главных чертах», изложил в VI кн.² Здесь он трактует о формах правления, о их возникновении, зарождении и превращении одной в другую, причем любопытно, что, говоря о первоначальном быте, он прибегает к аналогиям из животного царства (VI, 5, 8 сл.). Полибий насчитывает шесть форм правления: три, «о которых все говорят», именно царская власть (*βασιλεία*), аристократия и демократия, и три, происходящие из общего с ними источника, но являющиеся как бы извращением их, — монархия (*μοναρχία*), олигархия и охлократия

¹ Chodniecek Jos. Op. cit; Ritter M. Studien über die Entwicklung der Geschichtswissenschaft // HZ. NF. XVIII, 1885.

² Мищенко Ф. Г. К Полибию // ЖМНП. 1891. Апрель; август; 1892. Март.

(VI, 4). Самым лучшим государственным устройством он признает такое, которое представляет смешение первых трех форм, т. е. царской власти, аристократии и демократии (VI, 3, 7). По его мнению, это подтверждает и опыт: Ликург первый устроил Лакедемонское государство именно по такому способу. Эти воззрения Полибия на смешанное государственное устройство и на Спарту, как на осуществление его, напоминают взгляды упомянутого раньше ученика Аристотеля, Дикэарха (с. 227). Законы и меры Ликурга в глазах Полибия превосходны: это дело скорее божеского, нежели человеческого разума (VI, 48, 2), и если цель государственного общежития полагать в охране собственных владений и в удержании свободы, то нет и не было лучшего государственного строя, как лаконский (VI, 50). Но он не был пригоден для главенства над Грецией; Ликург не приспособил его к завоеванию, к господству над другими. Полибий стоит за эфорат. Он — правда, устами другого (Филиппа V) — говорит, что цари спартанские сохранили за родным городом главенство до тех пор, пока, повинувшись эфорам, как родителям, сносили совместное правление. Но когда они, возмечтав, обратили правление в Спарте в «монархию», тогда начались для государства всевозможные тяжелые испытания (XXIV, 8b, 1-2; [XXIII, 11, 4-5]). Критское государственное устройство Полибий не считал заслуживающим похвалы и опровергал мнение о сходстве его со спартанским (VI, 45 след.).

Об афинском и фиванском государственном строе не стоит, по его мнению, подробно и говорить. Ибо возрастание обоих государств не имело правильного хода, цветущее состояние их не было продолжительно, перемены не совершались постепенно. Как бы по капризу судьбы, они блеснули на мгновение и вдруг, когда еще казалось, что они пользуются и будут пользоваться благополучием, подверглись противоположной перемене. Причиной блеска Фив должно считать не государственное устройство, а Эпаминонда и Пелопида. Афинское государство высшего блеска достигло благодаря доблести Фемистокла, но быстро испытало противоположную перемену вследствие «аномалии своей природы». Полибий сравнивает афинский народ с судном без

кормчего. Когда из страха перед врагом или среди опасностей бури экипаж действует согласно и повинуетя кормчему, он отлично исполняет свою обязанность, а по миновании опасности начинает презирать начальников, между собою вступать в несогласия и распри: одни желают дальше плыть, другие понуждают кормчего пристать и т. д. Такие корабли, говорит Полибий, часто терпят крушение у пристани, у самого берега, после того как спаслись от сильнейших бурь. То же случилось и с Афинским государством: вследствие доблести народа и правителей оно не раз спасалось от величайшей опасности и потом неожиданно как-то безрассудно, снова приходило в бедственное состояние среди мира. Поэтому и не стоит распространяться о государственном устройстве афинян и фиванцев, где всем по собственному побуждению заправляет толпа, в одном месте отличающаяся подвижностью и жестокостью, в другом — свыкшаяся с насилием и раздражением (VI, 43—44). Вообще он не поклонник демократии. Когда народ, говорит он (VI, 57, 8—9), отказывает властям в повиновении и все дела берется сам решать, тогда государственный строй присваивает самое лучшее название — свободы и демократии, а на деле становится самым худшим из всех — олократией¹.

¹ В одном из своих экскурсов в сторону — на тему о том, кого можно называть предателем — Полибий касается Демосфена и высказывает взгляд, близкий к воззрениям новейших обвинителей великого афинского оратора и патриота: он обвиняет его в узком афинском патриотизме и близорукости. «Когда Демосфен,— говорит Полибий,— все меряет пользой родного города, полагая, что взоры всех эллинов должны быть обращены на афинян, и называя предателем всякого, кто этого не делает, то он, мне кажется, уклоняется от истины, тем более, что и тогдашние события в Элладе свидетельствуют не в пользу Демосфена», именно, что не он верно предусматривал будущее, а те, кого он называл предателями (XVII [XVIII], 14). Зато Полибий превозносил великодушие Филиппа. Устами Ликиска и Фламинина он называет Македонию оградой Эллады от северных варваров. Он проводит мысль, что эллинам необходимо было слиться с Македонией под власть македонских царей.

Полибий против того, чтобы, когда речь идет о лучшем государственном строе, приводить Платоново государство, «восхваляемое иными философами»: этого, по его мнению, не следует допускать до тех пор, пока пригодность Платонова государства не будет испытана на деле (VI, 47, 7 сл.). Он сравнивает его с безжизненной статуей, которую можно хвалить лишь с точки зрения искусства.

Полибий был горячим эллинским патриотом; он проникнут сознанием того, что греки высоко стоят над другими народами (V, 90, 8). Но впоследствии Полибий пришел к убеждению, что завоевание Эллады римлянами окажется благотворным: до такой степени состояние родины представлялось ему печальным и безнадежным. Объединение мира римлянами он называет «прекраснейшим и благотворнейшим деянием судьбы» (I, 4). Однако Полибий, несмотря на весь свой эллинский патриотизм и преклонение перед Римом, не чужд космополитических воззрений, свойственных, как известно, стое: он представляет себе моральное единство человечества заключающимся в греко-римском мире. Полибий говорит об общечеловеческих законах. Знаток и любитель военного искусства, он, однако, видел в войне скорее зло, бедствие, нарушение права. Он признавал необходимость свято соблюдать договоры и принадлежит к тем писателям, сочинения которых дают довольно богатый материал для знакомства с воззрениями древних в области международного права.

По мнению Полибия, воспользоваться надлежащим образом успехом труднее, нежели его достигнуть; завоеватели лучше удерживают за собою власть, если остаются верны тем правилам поведения, какими они приобрели власть; люди достигают господства добрым обращением с другими и умением вселить в них надежду на лучшую долю (X, 36). Он — против жестокостей на войне; поступающие жестоко впадают, по его мнению, в ошибку: они ожесточают людей и делают непримиримым врагом того, кто раз поднял на них оружие (XXIII, 15).

Полибий как писатель. У Полибия немало чисто теоретических рассуждений, много отступлений и повторений, иногда чрезвычайно пространных, что отчасти объясняется и процессом

составления его труда, несколько раз переделываемого, расширяемого и исправляемого. В особенности часто распространяется Полибий о теме и о плане своего труда, о их достоинствах и преимуществах. Вообще он — не художник, не мастер слова; это трезвый, прозаический ум, и он стремится к ясному, точному, так сказать, наглядному распределению своего обширного материала; эта ясность и точность входили в его задачу (V, 31), были естественным следствием требования пользы и поучительности от истории.

Несомненно, Полибий был против риторики, но все же риторическую школу он прошел и не пренебрегал совершенно стилем: об этом свидетельствует его старание избегать hiatus'a. Полибий умеет в нескольких словах определить смысл событий; например, он отлично понимает, о чем дело шло в битве при Заме: карфагенянам, говорит он, предстояло бороться за свое существование и за господство над Ливией, римлянам — за мировое владычество (XV, 9, 2). У него попадаются сильные выражения, меткие сравнения, своего рода «крылатые слова»¹, нередко, конечно, ходячие или заимствованные. Местами изложение Полибия живо и производит сильное впечатление; но в общем оно сухо, лишено воодушевления, а многократные длинные повторения — особенно о плане и теме его «Истории» и ее преимуществах — способны навести скуку. И Полибий сам сознавал, что его «История» покажется сухою, лишенною занимательности. Подобно Фукидиду, он говорит, что она большинству не доставит удовольствия, так как имеет в виду «изложение без прикрас» и преследует не столько забаву, сколько пользу (IX, 1—2). Однако его труд принадлежал впоследствии к наиболее известным и распространенным: его читали, им пользовались и ему подражали... Философ-стоик Посидоний был его продолжателем; Цицерон изучал Полибия и отзывался о нем, что в изыскании прошлого никто не был тщательнее «нашего Полибия» (De ger. II, 14, 27). Страбон немало был ему обязан. О Тите Ливии

¹ Wunderer C. Polybios-Forschungen. 2. Th. (Citate und geflügelte Worte bei Polybios). Leipzig, 1901.

и говорить нечего: так, где у него речь идет об эпохе, составляющей предмет Полибиевой «Истории», мы имеем в сущности версию Полибия. Дион Хрисостом называет Полибия «вторым Фукидидом» (Orat. XVIII, p. 256 с).

Значение Полибия. Полибий расширил задачи истории; он стремился к точному достоверному знанию и воспроизведению фактов еще в большей степени, нежели Фукидид. Он стремился проникнуть в их смысл и причинную связь; он старался охватить умственным взором события, совершавшиеся в разных концах исторического мира, и узреть в их течении и направлении известную плановость и законосообразность. Его «История» — труд вполне универсальный, «одно из величайших исторических произведений всех времен»¹. А в области тогдашней историографии она, по выражению Моммзена (II, 453), подобна солнцу: где она начинается, там подымается завеса тумана, который еще покрывает самнитские и Пиррову войны, и где она оканчивается, там начинается новый, если только возможно — еще более тяжелый сумрак...²

Посидоний. Продолжателем Полибия был известный философ-стоик, ученик Панэтия, — Посидоний³. Посидоний (ок. 135—45 г. до Р. X.) родился в Апамее, в Сирии, но жил впоследствии на о-ве Родосе. Здесь он основал школу, славившуюся в свое время. Его слушателем был Цицерон; его посещал Помпей. Вообще Посидоний имел большие связи с Римом и его деятелями. В делах своей второй родины, Родоса, он принимал деятельное участие, занимая высшие должности, отправляясь послом в Рим и т. п. Посидоний предпринимал далекие путешествия не только в Италию, но и в Галлию и Испанию. О его

¹ Susemihl Fr. Geschichte den griechischen Literatur... II, 90.

² Наоборот, У. ф. Виламовиц-Мёллендорф ставит Полибия не высоко в своем очерке греческой литературы (Die Kultur der Gegenwart. Leipzig; Berlin, 1912).

³ FHG. III; Unger C. F. Umfang und Anordnung der Geschichte des Poseidonios // Philologus. NF. IX. 1896; Gronau K. Poseidonios und die judisch-christliche Genesisexegese. Leipzig; Berlin, 1914.

любопытности достаточно свидетельствует тот факт, что он, например, прожил в Гадесе около месяца, собирая сведения об океане и прилегающих к нему странах. Его воззрения и сведения в области географии обращают на себя внимание. Подобно Эратостфену, он держался учения о шаровидности Земли и полагал, что «из Иберии можно было бы отправиться в Индию, если бы этому не препятствовала величина Атлантического океана»; он предполагал существование на земной поверхности многих населенных островов или континентов.

Обширный исторический труд Посидония, писателя многостороннего, «История после Полибия» в 52 книгах, обнимал период с 145/4 г. до диктатуры Суллы; замечателен он между прочим тем, что в нем заключались богатые географические и этнографические сведения и обращено было немалое внимание на учреждения, положение населения, хозяйственные отношения и нравы. Посидоний служил одним из главных источников для Диодора и некоторых других последующих историков, в соответствующих отделах, но в целом виде не сохранился.

Страбон. Другим продолжателем Полибия является знаменитый географ древности, Страбон, которому принадлежало и историческое сочинение (*επιτομή των ιστοριών*, в 43 кн.), к сожалению, до нас не дошедшее (за исключением нескольких отрывков); изложение доведено было до 27 г. до Р. X.

Тимаген. Тимаген I, из Александрии, современник Помпея, написал «Историю царств» или «царей», которую расположил по народам. В ней он сообщал много этнографических и культурно-исторических подробностей. Им, может быть, пользовался Трог Помпей.

Трог Помпей. Трог Помпей², современник Августа,— автор всемирной хроники (на латинском яз.). Его изложение нахо-

¹ *Gutschmid Alf. v.*, Tragus und Timagenes // Kleine Schriften. V; *Wachsmuth C.* Timagenes und Tragus // RhM. NF. XLVI; *Kaerst J.* Untersuchungen über Timagenes von Alexandria // Philologus. NF. X.

² *Энман А. Ф.* Untersuchungen über die Quellen des Pompeios Tragus. Dorpat, 1880; *Назюевский Д. И.* К вопросу об источниках и образцах «Истории» Помпея Трга // Гермес. 1914. № 10.

дилось в большой зависимости от Эфора и Феопомпа. Последнему Трог Помпей, очевидно, подражает в самом даже заглавии своего труда: свою всемирную историю он называет «Historiae Philippicae» I. Здесь, в 44 книгах, Трог Помпей по греческим источникам излагает историю всего неримского мира, причем средоточием служит история Македонского царства в самом широком смысле, т. е. Трог Помпей говорит о всех тех монархиях, которые выделились из державы Александра, и излагает их историю до того момента, когда они вошли в состав римской державы. Он касался и предшествующей греческой истории.

В подлинном виде труд Трга Помпея до нас не дошел. Но сохранилось извлечение из него (эпитома), довольно жалкое, сделанное Юстином (во II или III в. до Р. X.).

Николай Дамасский. В числе «всемирных историй» следует отметить труд Николая Дамасского². Николай Дамасский жил при дворе иудейского царя Ирода Великого и по побуждению последнего составил обзор всемирной истории (*Ιστορία*), в 144 кн., начиная с древнейших времен и до его времени, причем изложение к концу было подробнее. Николай Дамасский много пользовался, между прочим, логографом Ксанфом Лидийским.

Корнелий Непот. «Всемирная хроника» составлена была и Корнелием Непотом (I в. до Р. X.), который так известен биографиями замечательных деятелей³ (на латинском языке) — «De illustribus viris»,— древнейшее сохранившееся биографическое сочинение с именем автора. В биографиях этих немало неточностей и ошибок; автор старался собрать побольше

¹ M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Tragi ex recensione F. Rühl. Leipzig, 1886.

² Кроме FHG. см.: *Historici graeci minores* / Ed. L. A. Dindorfius. Lipsiae: Teubner, 1870. V. M I; *Jacob O.* De Nicolai Damasceni sermone et arte historica quaestiones selectae. Göttingen, 1911 (Diss.).

³ Об этих биографиях см. между прочим: *Leo F.* Die griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischen Form. Leipzig, 1901; *Casson.* The vita Miltiades of Cornelius Nepot // Klio. XIV.

пикантных и эффектных известий и представить своих героев в наибольшем блеске.

Из писателей того времени следует упомянуть и о Дионисии Галикарнасском¹ (современнике Августа), у которого — в письмах к Гн. Помпею и Аммею² и в трактате «О характере Фукидида» — найдем образцы историко-литературной критики и характеристику древних историков, в особенности Фукидида.

Но наиболее важными для нас греческими историками времен Римской империи являются Диодор Сицилийский и Плутарх уже потому, что сочинения их дошли до нас не в обрывках.

Диодор Сицилийский

«Историческая библиотека» Диодора. Диодор Сицилийский³ — современник Юлия Цезаря и Августа. Он сам

¹ *Egger Max.* Denys d'Halicarn. Paris, 1902; ср.: *Egger Em.* Essai sur l'histoire de la critique chez les Grecs. Paris, 1886 (2th éd.).

² Греч. текст, с англ. перев., примеч. и введением в изд.: W. Rhys Roberts. Cambridge, 1901.

³ Издания: L. A. Dindorf. Lipsiae, 1828-1831. 5 Vde.; F. Vogel, C. T. Fischer (новейшее издание: собр. Тейбнера). О Диодоре см. главным образом две академические программы К. Ваксмута: *Wachsmuth C.* Ueber das Geschichtswerk des Sikelioten Diodoros. I—II. Leipzig, 1892; *id.* Einleitung... S. 81—103; *Volquardsen C.R.* Untersuchungen über die Quellen der griechischen und sicilischen Geschichten bei Diodor. Buch XI—XVI. Kiel, 1868; *Bröcker L. O.* Untersuchungen über Diodor, 1879; *id.* Moderne Quellenforscher und antike Geschichtschreiber. Innsbruck, 1882; Sc/iön/e *F. L.* Diodorstudien. Berlin, 1891 (Diss.); *Büdingen Max.* Die Universalhistorie im Alterthume. Wien, 1895; *Holm Ad.* Griechische Geschichte. III (экскурс о Диодоре); *Busolt C.* III. 2, 706 ff; *Schwartz E.* // RE.V. 1905; На русск. яз.: *Мандес М. И.* Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора. Одесса, 1901; ср.: *Штерн Э. Р. фон.* Отзыв о труде М. Мандеса «Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора», представленном автором в историко-филологическом факультете Императорского Новороссийского университета для соискания степени доктора греческой словесности // ЗИ - ФФНУ. 1902. Т. 87; он

сообщает некоторые биографические данные о себе (I, 4). Родом он был из Сицилии; долгое время жил в Риме; объездил, если верить ему, большую часть Азии и Европы; в 180-ю Олимпиаду, т. е. между 60 и 57 г. до Р. Х., был в Египте. Свой обширный труд, носящий характерное заглавие «Историческая библиотека», в 40 кн., Диодор составил во второй половине I в. до Р. Х.: в I кн. упоминается о Юлии Цезаре, как о причисленном к сонму богов; следовательно, она написана не раньше 44—43 гг.; а в XIV кн. упоминается событие, относящееся к 21 г. до Р. Х. (основание колонии в Тавромении). Но, разумеется, такая «Историческая библиотека» требовала большой подготовительной работы, и Диодор в самом начале с гордостью отмечает, что он употребил на свой труд 30 лет. «Библиотека» эта обнимала историю Востока, Греции и Рима, большею частью в параллельном, синхронистическом обозрении, от мифических времен и до завоевания Галлии Цезарем. Из нее до нас дошли в подлинном, целом виде (если не считать некоторых небольших дефектов) книги I—V и XI—XX, т. е., другими словами, — половина первой декады и вся вторая декада. От остальных книг сохранились лишь извлечения¹ и фрагменты². Таким образом, в изложении Диодора мы имеем, во-первых, историю Греции от похода Ксеркса до конца фиванской гегемонии (кн. XI—XV) и, во-вторых, историю Филиппа Македонского (вся XVI кн.), Александра (вся XVII) и диадохов, равно как и сицилийских тиранов.

Взгляд Диодора на историю. Диодор имел в виду составить всемирную историю. Повторяя космополитические воззрения стоиков, он в своем вступлении (I, 1 сл.) говорил, что все люди суть члены одной и той же общины или государства, между

же. М. Мандес. Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора // ЖМНП. 1902. Ноябрь.

¹ Например, у Фотия, из XXXI—XL книг, и в excerptах Константина Багрянородного.

² У разных позднейших авторов, преимущественно у Евсевия, Синкелла и проч.

собой близкие по родству, хотя и отделенные пространством и временем, и что всемирные историки, которые стремятся всех людей соединить в один и тот же строй и собрать прошлые события в одном общем обозрении, служат как бы сотрудниками божественного Провидения, которое управляет миром — видимыми звездами и людьми — как одним организованным целым, держа его постоянно в круговращении и уделяя каждому, что определено судьбою. Но, хотя Диодор имел в виду всемирную историю, все же в дошедших до нас книгах, начиная с XI, на первом месте стоит сначала история греческая, затем — история Македонии и эллинистических государств и лишь с XXIII кн. на первый план выступал Рим. Диодор чрезвычайно высокого мнения о призвании историков, о той пользе, которую они приносят. Люди, говорит он, должны быть им благодарны, так как они своими частными трудами служат общему благу. Вслед за Полибием он повторяет, что из рассказов о чужих опытах можно безопасным путем научиться тому, что хорошо. Он утверждает, что нет ничего полезнее истории. История побуждает к подвигам надеждою на славу и бессмертное имя (1, 1); она поощряет к добродетели, дурных порицая, хороших восхваляя. Диодор называет историю «блюстительницею доблести достославных», «свидетельницею негодности ничтожных», «благотельницею всего рода человеческого», «провозвестницею истины», «метрополией всей философии» (1, 2). И вот Диодор «почувствовал призвание» взяться за подобную работу, т. е. за всемирную историю. Он решился собрать известия о событиях всего мира и изложить их, как историю одного государства, в возможной полноте, начиная с древнейших пор и до его времени. По словам Диодора, к задуманному предприятию побуждала его любовь к подобной работе, а всемирное владычество Рима, простиравшееся до крайних пределов земли, облегчило его осуществление (1, 4).

Характеристика «Исторической библиотеки». Итак, взгляд Диодора на историю и историков возвышенный; но он не проникает органически всего его труда. Его программа и задача — обширны, можно сказать — грандиозны; но им не соответствовали его способности; как следует выполнить их он был не в

силах: ему не доставало ни опытности государственного деятеля или полководца, ни широкого исторического взгляда, ни критического таланта, и его Всемирная история вышла в сущности лишь огромной компиляцией, «агрегатом эксцерптов»; это была действительно «Библиотека», в которой собраны были эксцерпты из исторических сочинений и помещены в хронологические рамки.

Диодор с видимою гордостью говорит о себе, что он объездил большую часть Европы и Азии, побывал в Египте, но источником для египетской истории ему служили не столько собственные исследования и наблюдения, сколько Манефон и в особенности Гекатей из Абдеры или Теоса 1, последователь скептика Пиррона, автор «Египетской истории», живший при дворе Птолемея I. Диодор заявляет, что он, благодаря частым сношениям с римлянами, приобрел хорошее знание латинского языка, но на деле это знание оказывается далеко не удовлетворительным.

Хронология Диодора. Хронологии Диодор придавал большое значение: он распределяет события по Олимпиадам, архонствам и консульствам, что очень важно, так как это — точные хронологические даты, но в его хронологии много путаницы. Объясняется это, во-первых, тем, что Диодор, придерживаясь своего, так сказать, анналистического изложения, события, длившиеся многие годы, приурочивает к одному какому-нибудь году, а во-вторых, — тем, что начала годов Олимпиад, архонств и консульств не совпадали между собою. Таким образом, Диодор иногда соединяет события многих лет под одним годом; или же, наоборот, — мы встречаем у него нередко «дублиеты»: об одном и том же событии говорится два раза под разными годами или в разных местах. Для примера можно указать на рассказ об анархии или правлении Тридцати: об этом говорится частью под 404/403 г., частью под 401/400. Иногда путаница в хронологии Диодора объясняется еще тем, что он различные версии об

¹ Его не следует смешивать с известным логографом, Гекатеем Милетским.

одном и том же факте принимал за различные отдельные события. Были попытки разобраться в этой хронологической путанице, старались уяснить себе тот, так сказать, общий принцип, который будто бы полагал Диодор в основу своей хронологической системы, в особенности в отделе, посвященном истории «Пятидесятилетия»¹; но эти попытки оказались в большинстве тщетными и ни к чему не приводили.

Но свойства Диодора как историка особенно обнаруживаются в его отношении к своим источникам².

Источники Диодора и его отношение к ним. Долго господствовало убеждение, что едва ли не единственным источником греческой истории у Диодора в XI—XV кн. был Эфор. По этому воззрению, у Диодора мы имеем здесь пред собою изложение в сущности Эфора, хотя бы и несколько сокращенное: Диодор является простым переписчиком. Такой взгляд высказан был главным образом К. Р. Фольквардсеном в конце 60-х годов прошлого века, и это мнение было принято как своего рода аксиома. В ту пору вообще господствовала т. наз. «Einquellentheorie», теория единого источника, по которой древние авторы, подобные Плутарху и Диодору, клали в основу своего изложения известного отдела лишь один какой-нибудь источник, слепо следуя ему, дословно, механически списывая его, а не сличая и не комбинируя других данных. На распространение такого взгляда оказало огромное влияние исследование Г. Ниссена об источниках Тита Ливия (1863).

¹ *Krüger K. W.* Historisch-philologosche Studien. Berlin. 1836, I; *Schäfer A.* De rerum post bellum persicum... gestarum temporibus. Lipsiae, 1865; *Unger G. F.* Die Jahresepoche des Diodors // Philologus. Bd. XXXIX-XLI; *Reuss F.* // NJb. 1896, и проч.

² Кроме названных в примечании на с. 262 работ, см. еще: *Heyne C. C.* De fontibus et auctoribus historiarum Diodoros. 1872 (в т. V издания Диндорфа); *Unger C. F.* Die Quellen Diodors für die Diadochenzeit // SB Berlin. 1878. I; *Holzappel L.* Untersuchungen über die Darstellung der griechischen Geschichte von 489. bis 413. vor Christentum bei Ephoros, Theopompos u. a. Autoren. Leipzig, 1879; *Mess Ad. v.* Untersuchungen über die Arbeitsweise Diodors // RhM. LXI; *Neubert R.* Spuren der selbständigen Tätigkeit bei Diodor. Bautzen, 1890.

Ошибочность этой теории вообще в настоящее время ясна, о чем еще придется говорить по поводу Плутарха. Что же касается в частности Диодора, то новые исследования показывают, что состав Диодорова труда несколько сложнее, чем думал, например, Фольквардсен. Но защитники Диодора (И. Брёкер, А. Гольм, М. И. Мандес) в свою очередь заходят слишком далеко, стараясь выставить обширное образование, начитанность и самостоятельность автора «Исторической библиотеки». Если Эфор не был единственным, то, несомненно, он был главным источником Диодора при изложении греческой истории до 361 г. Для хронологии Диодора как бы рамкой послужила хроника Аполлодора (с. 234). Диодор пользовался Геродотом и Фукидидом, по мнению одних — посредственно¹, по мнению других — непосредственно². Есть следы пользования или влияния Феопомпа³. В истории Сицилии Диодор много пользовался Тимеем, для позднейшего периода — Полибием и Посидонием. Его зависимость от них велика. Особенно сказывается подражание Полибию — в заимствовании известий и выражений, в делении сочинения на 40 книг, в словах о трудностях исследования, о личном ознакомлении с театром действий, о пользе истории... Подобно Полибию, Диодор находится под некоторым влиянием стоиков; в этом направлении на него влиял, по-видимому, Посидоний.

Выбор источников в общем был удачен. Но относился к ним Диодор почти без всякой критики и чрезвычайно небрежно, что признают даже его защитники. Когда он пользуется стоиками, он верит предзнаменованиям и предсказаниям; когда перед ним автор-рационалист, тогда он относится к ним скептически и смотрит на них, как на хитрые выдумки. Нередко Диодор дважды и

¹ Например: *Bauer Ad.* Die Benutzung Herodotos durch Ephoros bei Diodor // NJb. Suppl.-Bd. X.

² См.: *Mandec M. И.* Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора...

³ *Reuss F.* Diodoros und Theopompos // NJb. 153. Bd.; В. Шмидт считает Феопомпа даже главным источником Диодора: *Schmidt W.* Theopompos eine Hauptquelle des Diodors. Strassburg, 1889.

различным образом рассказывает об одном и том же: из различных версий об одном событии он делает два отдельных события. Иногда Диодор дословно воспроизводит свой источник, не пропуская даже ссылок и выражений, которые в устах его источника понятны и уместны, а в его устах оказываются бессмысленными. Например, воспроизводя одно из свидетельств своего источника, он повторяет и его ссылку на предыдущее (*προεἰρηγασεν*, III, 41); там такая ссылка вполне уместна, так как раньше действительно было соответствующее упоминание; у Диодора же подобного упоминания нигде не было, и тем не менее он удерживает фразу. Он повторяет слова Посидония о продолжающихся «до наших времен» дружественных отношениях между эдуями и Римом, что для времени Диодора является нелепым. О Люцерии он говорит, что она «до сих пор» служит римлянам операционным базисом в войне с соседними народами, — замечание, вполне уместное в устах древнего анналиста, Фабия Пиктора или его современника; но в устах Диодора, писателя I в. до Р. Х., — явный анахронизм.

И все-таки, при всех ее недостатках, «Историческая библиотека» Диодора очень важна. Это — обширный источник, богатый содержанием. Без Диодора при изучении древней истории почти нигде нельзя обойтись. Его источники большей частью хороши, и Диодор, хотя до некоторой степени, является заменой утраченных больших исторических сочинений, подобных труду Эфора. О некоторых источниках мы знаем только благодаря Диодору. Особенно он важен для истории Сицилии и для истории Эллады с конца V в.: тут он служит необходимым дополнением к «Hellenica» Ксенофонта и во многом исправляет известия последнего: Диодор достовернее и точнее Ксенофонта во многих случаях. Далее, мы находим у него связный рассказ об эпохе Филиппа, об Александре и о войнах преемников последнего. Благодаря Диодору, мы имеем перед собою список афинских архонтов за большой промежуток времени, и его хронология, несмотря на всю ее путаницу, представляет для нас немалый интерес.

Плутарх

Плутарх¹ — один из популярнейших и любимейших писателей во всемирной литературе. Его называли «биографическим Шекспиром всемирной истории». В новое время Плутарх оказывал сильнейшее влияние². Его «Жизнеописания» служили образцом для этого рода произведений; из них брали сюжеты для драм (например, Шекспир — для своего «Кориолана» и «Юлия Цезаря»). Они действовали могущественным образом на воображение: его героями увлекались, им стремились подражать; на Плутархе воспитывались целые поколения.

Биография и личность Плутарха. Плутарх родился около 46—48 г. по Р. Х. в Херонее; следовательно, он был беотиец, соотечественник Гесиода и Пиндара, пред которым он особенно преклонялся. Происходил он из состоятельной уважаемой семьи и получил прекрасное, широкое образование. В молодости Плутарх побывал в Афинах, где слушал философа Аммония; был и в другом центре тогдашней образованности — в Александрии, но недолго; впоследствии посещал и Рим, а также и Италию, частью с образовательными целями, частью исполняя поручения, возлагаемые на него соотечественниками. Здесь он сблизился с лицами, близко стоявшими к императору Траяну. Подобно Полибию, Плутарх преклонялся пред величием Рима и не скорбел, несмотря на весь свой местный патриотизм, об утрате Грецией самостоятельности: в римском владычестве он видел нечто провиденциальное; это владычество, казалось ему, создано было

¹ Кроме собраний Дидо и Тейбнера, см. издания: Vitae parallelae C. Sintenis. Bd. I—IV. Leipzig, 1839—1846; важны издания отдельных биографий, например: Plutarch, Pericles / Ed. C. Sintenis. Lipsiae, 1835; Plutarchs Themistokles für quellen-kritische Uebungen, kommentiert und hrsg. von Ad. Bauer. Leipzig, 1874. О Плутархе см.: *Volkmann R.* Leben, Schriften und Philosophie des Plutarch von Chaeronea. Berlin, 1869; *Leo Fr.* Die griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischen Form. Leipzig, 1901; *Busolt C.* Griechische Geschichte... III, 2, 727 ff, и в особенности *Hirzel R.* Plutarch. Leipzig, 1912 (Sen: Das Erbe der Alten).

² См.: *Hirzel R.* Plutarch...

Провидением, дабы вывести человечество из хаотического состояния, непрерывной борьбы и установить прочный мир и безопасность... Плутарх выучился латинскому языку, но поздно, и владел им, по собственному сознанию, не в совершенстве. Если исключить сравнительно непродолжительные пребывания в тогдашних центрах умственной и политической жизни и временные отлучки, то можно сказать, что всю свою жизнь Плутарх провел в своем родном городе, Херонее. Он был большим беотийским и в частности херонейским патриотом и с любовью служил своей родине, занимая разнообразные муниципальные должности; между прочим, он был архонтом и, может быть, беотархом. Кроме того, Плутарх очень близко стоял к Дельфам и был там жрецом Аполлона, на что есть указания и в надписях¹. Все эти обязанности, в сущности несложные, оставляли Плутарху немало досуга, который он посвящал главным образом философским и литературным занятиям и преподаванию. Время Плутарха — время начинающегося возрождения платонизма, и Плутарх — предшественник неоплатоников². Среди любимых занятий, в своем родном городе, в кругу семьи и близких, окруженный почетом и уважением³, Плутарх чувствовал себя вполне удовлетворенным, счастливым, и мирно дожил до глубокой старости. Он умер 80 лет с лишком, вероятно, в конце 20-х годов II в. по Р. X.

¹ Pomtow H. Beiträge zur Topographie von Delphi. Berlin, 1889; id. Fasti Delphici // NJb. 139. Bd. [1889]. S. 551-554; ср.: Никитский А. В. Дельфийские эпиграфические этюды. Одесса, 1894—1895. С. 140, 154.

² Volkman R. 1, 10 ff., 15. О философии Плутарха см. еще: Zeller Ed. III, 2. Abth.; на русск. яз.: Елпидинский Я. Религиозно-нравственные воззрения Плутарха Херонейского. СПб., 1893.

³ Афиняне внесли его в список своих граждан; ему даровано было и римское гражданство; есть известие, что Траян даровал ему звание консуляра и предписал наместнику Ахайи держаться его указаний, а Адриан был будто бы его учеником. Если эти рассказы и неверны или преувеличены, то все же несомненно, что Плутарх занимал почетное положение и пользовался расположением как Траяна, так в особенности Адриана, известного поклонника греческой образованности.

Личность Плутарха, его благодушие и гуманность, тот душевный мир и довольство, которым он пользовался, наложили ясный отпечаток на его многочисленные сочинения.

Его сочинения. Плутарх — один из самых плодovitых греческих писателей. Уже в древности «беспредельное число составленных им книжек» (то των συνταττομένων βιβλίων άπειρον) вызывало удивление и соревнование (Suid.)¹. Большая часть его сочинений дошла до нас. Они разделяются на два крупных разряда — на сочинения «Моральные» (Ηθικά, Moralia) и «Биографии».

Moralia. Объем и сюжет т. наз. «Moralia»² — самый разнообразный, начиная с философских проблем и кончая наставлениями касательно здоровья. Среди них есть политические сочинения, например, наставления об управлении государством (Πολιτικά παραγγέλματα; Praecepta rei publica gerendae)³, почерпнутые из истории — из жизни государственных деятелей прошлого; затем — трактат (в отрывках) о монархии, демократии и олигархии, в котором Плутарх отдает предпочтение первой, исходя из современного ему положения.

Есть сочинение, касающееся экономии — Περί τοῦ μη δεῖν δαειζέσθαι («О том, что не следует занимать»), — в котором рекомендуется простая, скромная жизнь. Довольно видное место среди «Moralia» занимают посвященные разнообразным темам «Застольные речи» (Συμπλοσιακά). Что касается «Пира семи мудрецов», то принадлежность его Плутарху некоторыми оспаривается; другие полагают, что если это и его произведение, то оно принадлежит поре его молодости (В. Крист). Известный

¹ По так наз. каталогу Ламприя всех сочинений Плутарха насчитывается более 200. Каталог этот сделан известен с XVI в., со времени открытия его Höschelem, и принадлежит, будто бы, Плутархову сыну, Ламприю; на самом деле он составлен позднейшим византийским грамматиком.

² Новейшее издание: Bernardakis C. Moralia. Vol. I—VII. Leipzig, 1888-1896.

³ При ссылках употребляется большею частью латинская форма.

современный ученый У. фон Виламовиц-Мёллендорф считает его подлинным произведением Плутарха 1.

Для историка важна «Жизнь десяти ораторов», в которой находятся цитаты из документов. Но она едва ли принадлежит Плутарху.

В «Moralia» мы найдем и «Изречения царей и полководцев» (*Αποφθέγματα βασιλέων και στρατηγών*), по содержанию примыкающие к «Жизнеописаниям», но, по-видимому, не принадлежащие перу самого Плутарха, составляющие, быть может, компиляцию из его сочинений (В. Крист); тут же — о доблестях женщин (*Γυναικῶν ἀρεταί*), — произведение, принадлежность которого тоже спорна, и полуйсторическое, полуриторическое рассуждение о славе афинян (*Πότερον Αθηναίοι κατά πόλεμον η κατά σοφίαν ενδοξότεροι*; De gloria Atheniensium).

Особенно интересен критический трактат против Геродота (*Περί της "Ηροδότου κακοηθείας*), трактат, о котором приходилось уже упоминать (с. 126) (принадлежность его Плутарху можно теперь считать доказанной). Здесь сказался беотийский патриотизм Плутарха: он возмущен тем, что Фивы являются в изложении Геродота в таком невыгодном свете, и нападает на «отца истории», обвиняя его в пристрастии, искажении истины и т. п. Трактат написан живо и, несмотря на горячность тона, промахи и несправедливость большинства нападок, содержит немало отдельных метких замечаний.

В сочинениях даже на религиозные и философские темы мы находим у Плутарха иногда некоторые любопытные исторические подробности. Например, в диалоге о даймонионе Сократа очень живо изображаются события времени освобождения Фив от спартанцев, собрание заговорщиков и т. п.

«Жизнеописания». Но из всех сочинений Плутарха самые важные — знаменитые его «Биографии», к составлению ко-

¹ Willamowitz-Møllendorff U. v. Zu Plutarchs Gastmahl der sieben Weisen // Hermes. XXV. 1890.

торых побудили его другие, как он сам говорит в одном месте (Timol., I). До нас дошло более 20 «Параллельных жизнеописаний» (*Βίοι παράλληλοι*), называемых так потому, что за каждую биографией греческого героя идет биография соответствующего героя римского. С Тезеем сопоставлен Ромул, с Ликургом — Нума, с Солоном — Валерий Публикола, с Фемистоклом — Камилл, а, например, с Периклом — Фабий Максим. В конце большей части таких парных или параллельных биографий имеется еще особое «сравнение» (*σύγκρισις*) I, в котором отмечается, в чем сходны или несходны сопоставляемые герои. Но, кроме «параллельных», у Плутарха есть несколько и отдельных биографий, в том числе Арата. Полагают, что это были более ранние произведения, нежели «Параллельные жизнеописания». Вообще же большая часть биографий написана Плутархом в Херонее, по-видимому, в сравнительно позднюю пору его жизни, но в каком порядке, — сказать трудно, во всяком случае — не в том, в каком они расположены в дошедшем до нас собрании²: тут, например, на первом месте стоит биография Тезея, между тем как она написана была под конец, после других³.

Плутарх как биограф. Плутарх как мыслитель не возвышался над духовным уровнем своего века; но он и не ученый исследователь, не историк⁴, не критический талант: он — чрезвычайно начитанный, широко образованный дилетант и прежде всего — популярный философ-моралист. С этой точки зрения должны быть рассматриваемы и его биографии. Этический элемент стоит в них на первом плане. Плутарх имеет в виду прежде

¹ «Сравнения» эти Р. Гирцель (см.: *Hirzel R. Plutarch...*) считает постороннею прибавкой.

² Собрание это принадлежит не самому Плутарху.

³ У Плутарха есть указание, что его биографий делилось на книги; например, у него упоминается, что жизнеописания Демосфена и Цицерона составляли кн. V, Перикла и Фабия — кн. X, Диона и Брута — кн. XII.

⁴ См.: *Штумфтар В. Ф.* Плутарх как историк // Гермес. 1910. № 11-12.

всего истину моральную, а не истину историческую; последняя для него только средство 1: он преследует моральные цели. Отсюда морализирующая тенденция в биографиях Плутарха, отсюда обилие в них этических размышлений. Герои его биографий большею частью — образцы известных качеств, и путем изображения таких образцов Плутарх старается воздействовать на своих читателей и в особенности на юношество². Плутарх интересуется своими героями не как историческими деятелями, а как людьми, как личностями, обладающими известными достоинствами или слабостями; он останавливается преимущественно на их человеческих индивидуальных чертах; свойство, характер, *ήθος*, — вот что привлекает его внимание. Приступая к жизнеописанию Александра Македонского, Плутарх наперед просит читателей не осуждать его, если они не найдут у него подробного изложения всех событий. «Мы пишем не историю, — заявляет он, — а биографию». Часто какой-нибудь незначительный поступок, слово или шутка лучше обнаруживает характер, чем самые кровавые сражения, величайший боевой строй и осады городов. «Как живописцы, не заботясь об остальных частях, стараются схватить сходство в лице и в глазах, в чертах, в которых выражается характер, — так да будет позволено и нам, — говорит Плутарх, — глубже проникнуть в проявления души и таким образом изобразить жизнь каждого» из выводимых героев, «а описание великих деяний и битв предоставим другим». И Плутарх в своем изложении, действительно, опускает многие — даже важ-

¹ Gréard O. De la morale de Plutarque. Paris, 1866.

² Во вступлении к биографиям Тимолеона и Павла Эмилия Плутарх замечает, что сначала он был побуждаем другими к составлению жизнеописаний, но потом и сам пристрастился к этой работе. Ибо в историю он смотрит как в зеркало и стремится уподобить свою жизнь добродетелям своих героев. Это — своего рода совместная жизнь: путем истории мы каждого из них как бы принимаем у себя и созерцаем, какой он великий муж. Большого удовольствия и более действительного средства к улучшению нравов и быть не может.

ные — факты или лишь бегло касается их. Во введении к биографии Никия Плутарх замечает, что он событий касается только кратко, да и то преимущественно тех, в которых открывается нрав и настроение лица, — что он составляет не бесполезную историю, а передает такую, которая служит к пониманию характера и нрава (Nic. 1).

Желание дать в биографиях воплощенные образцы тех или других качеств, естественно, вело Плутарха часто к излишней идеализации его героев, к смягчению их темных сторон и вообще к отступлению от исторической правды. Он сравнивает свое положение с положением художника, рисующего портрет с прекрасного лица: если встретится какой-либо мелкий недостаток в наружности, мы требуем, чтобы художник его не пропускал совершенно, но и не передавал тщательно; так и здесь: так как невозможно выставить жизнь человека безупречною и чистою, то нужно с особенною полнотою и в верном изображении представить главные черты; слабости же и ошибки, происходящие от страсти или политической необходимости, следует считать скорее отсутствием какой-либо добродетели, нежели пороком; их следует выставлять в истории не слишком усердно и сильно, а скорее стыдясь за человеческую природу, которая не может представить ничего в чистом виде, ни одного безусловно доблестного характера (Sim. 2). Но иногда Плутарх отмечает и темные стороны своих героев; в некоторых биографиях (например, Красса) такие стороны даже преобладают; иные герои должны служить наглядным примером «дурной и достойной порицания жизни». Плутарх приводит в иных случаях противоречивые свидетельства и отзывы, сопоставляя их, но не всегда примиряя противоречия. Вследствие этого получается какая-то двойственность в изображении лица. Например, Перикл у него является то демагогом, очень не разборчивым на средства для своего возвышения, то образцом бескорыстного государственного деятеля, благородного патриота. При описании борьбы Перикла с Фукидидом, Мелесиевым сыном, у Плутарха проглядывает тенденция, именно та, что первый, т. е. Перикл, — демагог, всячески старающийся приобрести народное расположение, тогда

как Фукидид получает тут эпитет «мужа разумного», *ἀνὴρ σόφρων* I.

Стремление представить исторического деятеля преимущественно как личность, изобразить его характер, схватить его человеческие, индивидуальные черты, которые, по замечанию Плутарха, иногда лучше всего проявляются в незначительном поступке, в каком-нибудь слове или шутке,— это стремление должно было вести к анекдотичности, к погоне за мелочными подробностями, тем более что Плутарх заботится не только о назидательности, но и о занимательности, пикантности рассказа. И действительно, анекдоты, нередко отзывающиеся сплетней, мелочные подробности, чисто личные мотивы, внешние, случайные моменты,— все это занимает весьма видное место в биографиях Плутарха. При отсутствии надлежащей критики (что так часто замечается у Плутарха) слухи и сплетни принимались нередко за факт достоверный или, по крайней мере, приводились наряду с другими данными. Достаточно прочитать несколько глав «Перикла», например, 13-ю, чтобы видеть, какие подробности приводит иногда Плутарх. Своих героев Плутарх не связывает надлежащим образом с их временем, с условиями или обстоятельствами, среди которых они действуют. Он не проникает в глубь причин; обыкновенно он объясняет события самыми мелочными, случайными обстоятельствами. Причинами, например, Самосской или Пелопоннесской войны у него выставляются чисто личные мотивы Перикла, влияние Аспазии и т. п. Вообще, критики, точности и большой степени достоверности нельзя ждать от Плутарха. Он не прочь даже иногда изукрасить события и лица.

«Теория единого источника». Что касается источников Плутарха, то это вопрос весьма спорный. По поводу Аристотеля и Диодора нам приходилось уже упоминать о т. наз. «Ein-quellentheorie», «теории единого источника». Приверженцы ее

¹ *Sauppe H.* Die Quellen Plutarchs für das Leben des Perikles. Göttingen, 1867 // AGG. 1867. XIII: *Бузескул В. П.* Перикл. Харьков, 1889. С. 59. Примеч.

исходили из взгляда на древних авторов как на дословных переписчиков и думали, что любой текст можно чисто механически разложить на его составные части или источники. В сущности это было распространение на античную историографию того положения, которое с большим успехом применялось по отношению к средневековой, и в Германии, преимущественно в 60-х и 70-х годах прошлого столетия, появился целый легион диссертаций, программ и статей, посвященных определению источников той или другой Плутарховой биографии¹, причем авторы старались, по насмешливому выражению одного немецкого ученого, «для каждой строчки приискать отца» («für jede Zeile den Vater ausfindig zu machen») т. е. отыскать, у кого именно взял Плутарх то или другое известие, ту или другую фразу, и назвать по имени этот источник. Один, например, доказывал, что такая-то глава или фраза взята у Феопомпа, другой с не меньшей уверенностью утверждал, что — у Эфора или Стесимброта; третий называл Фания, Истра или Идомея и проч. И на подобные разыскания потрачено было немало кропотливого труда, остроумия и находчивости. Но по большей части это была бесплодная работа, «погоня за теньями», лишь своего рода умственная гимнастика. Дело в том, что все подобные гипотезы лишены почвы: большинство авторов, служивших источником Плутарху, до нас не дошло, известно нам лишь по одним именам или по небольшим отрывкам, и при таких условиях пускаться в точные определения, у кого взята та или другая фраза или глава, все равно что решать уравнение со многими неизвестными. Ад. Шмидт дошел, например, до того, что большую часть своей двухтомной монографии о Перикловом веке, т. е. несколько сот страниц, посвятил

¹ Из этой массы заслуживают быть выделенными Г. Зауппе (*Sauppe H.* Op. cit.); *Ruhl F.* Die Quellen Plutarchs im Leben des Kimon. Marburg, 1867; *id.* Ueber die Quellen des Plutarchischen Perikles // JclPh. 1868. XC VII; *Bauer Ad.* Themistokles. Studien und Beiträge zur griechischen Historiographie. Merseburg, 1881; *Busolt C.* Plutarchs Nikias und Philistos // Hermes. 1899. XXXIV, и его обзоры источников в «Griechische Geschichte»; см. также: *Holzappel L.* Untersuchungen über die Darstellung der griechischen Geschichte von 489 bis 413 v. Chr. Lpz., 1879.

доказательству, будто главным первоисточником известий об этом веке служит Стесимброт Фасоссий; между тем мы располагаем лишь несколькими жалкими отрывками Стесимброта.

В самой Германии обнаружилась реакция против таких приемов в изучении источников. Одним из первых выступил А. фон Гутшмид¹; затем А. Гольм, Ад. Бауэр, в последнее время Эд. Мейер, высказали немало здравых замечаний², и теперь там все менее и менее появляется диссертаций и программ вроде тех, о которых мы говорили выше. Эд. Мейер справедливо говорит, что «мнение, будто древние ученые работали иначе, чем современные, есть басня, принесящая очень много вреда», и представление, будто каждый последующий историк просто списывал своих предшественников, совершенно неверно. Древние историки, по крайней мере лучшие, пользовались обыкновенно многими источниками, комбинировали их, более или менее свободно обращались со своим материалом; качественно их работа отличалась от современной, но это не было механическое списывание.

Если «теория единого источника» («Einquellentheorie») не вполне применима даже к Диодору, то тем менее к Плутарху. Начитанность Плутарха была очень велика. Мы встречаем у него ссылки на большую часть историков, упомянутых в нашем предшествующем обзоре. Говоря вообще, Плутарх пользовался Геродотом, Фукидидом³, Эфором, Феопомпом (в особенности), Филостом, Тимеем, Дурисом, Полибием, аттидографами Филохором, Андриотином и др., мемуарами Иона, Арата, биографами Гермиппом, Фанием, Аристоксеном, философами Аристотелем и проч., собранием псефизм вроде Кратерова, и т. д. Особенно он был на-

¹ В речи, относящейся еще к 1878 г. (см. его: *Kleine Schriften*).

² В русской литературе: *Mandac M. И.* О филологическом методе изучения источников // *ФОб.* 1898. XIV.

³ Есть несколько работ об отношении Плутарха к Фукидиду: *Siemon A. O.* *Quo modo Plutarchus Thucydidem legerit.* Berlin, 1881; *Heidingsfeld.* *Quo modo Plutarchus Thucydidem usus sit in componenda Niciae vita.* Liegnitz, 1890.

читан в поэтах и любил ссылаться на них. Правда, многими из этих источников Плутарх пользуется из вторых рук; в настоящее время, например, считают несомненным, что он непосредственно не пользовался Аристотелевою «Политией», на которую он ссылается. Но это вполне понятно: не говоря уже об обыкновении древних (которым чуждо было понятие плагиата), Плутарх не имел в виду, да и едва ли бы мог каждый раз обращаться к источникам, так сказать, отдаленным, своего рода первоисточникам и с ними справляться, хотя раньше он мог их знать и прочитывать. Эд. Мейер принимает за главный источник Плутарха биографическую традицию, биографическую литературу, до нас не дошедшую, в которой были уже обработаны более ранние историки². Кроме того, нужно иметь в виду, что по количеству положенных в основу источников Плутарховы биографии могли отличаться одна от другой; так, например, биография Кимона в этом отношении, как и в некоторых других, значительно уступала биографии Перикла. Самая, так сказать, техника составления биографий могла быть неодинакова³. Наконец, следует заметить, что со своим материалом Плутарх обращался как художник.

Итак, не будем искать у Плутарха точных известий или верных наблюдений, исторической критики, строгого беспристрастия или замечательного по глубине мысли выяснения причин

¹ По поводу этого Э. Мейер (*Forschungen...* II, 22 ff.) приводит сравнения из новейшей историографии: Плутарх, по его мнению, поступал так, как поступил бы какой-либо современный писатель, пишущий биографию, например, Карла V или Фридриха Великого для большой публики; ради этого такой писатель не станет справляться, за немногими исключениями, с оригинальными источниками, хотя бы они были у него под рукою. Э. Мейер ссылается на пример К. Лампрехта (известного автора «Истории немецкого народа»), который откровенно сознается, что для повествовательной части своего труда он пользуется общими сочинениями, например, для времени Карла V А. Г. Баумгартеном и К. Бецольдом.

² *Forschungen...* II, 66 ff. Мнение это разделяет и развивает Фр. Лео.

³ *Leo F.* *Die griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischen Form.* Leipzig, 1901. S. 155-156, 176.

событий. Нужно помнить, что он не столько историк, сколько философ-моралист. Для нас Плутарх — неоценимый источник, потому что он нам заменяет утраченную литературу; он пользовался этой обширной литературой, до нас не дошедшей, и передал нам богатый, характерный биографический материал, и притом в увлекательном изложении. О многих именах и деятелях мы узнаем подробности только благодаря Плутарху.

Диоген Лаэртий. У Плутарха мы находим жизнеописания государственных деятелей и полководцев. Жизнеописания знаменитых философов мы найдем в другом, дошедшем до нас большом биографическом труде, принадлежащем Диогену Лаэртию (или Лаэртскому), время жизни которого в точности неизвестно; полагают, что он писал в III в., при Александре Севере. Это — обширная компиляция, носящая заглавие *Βίοι φιλοσόφων*, в 10 кн.; философы расположены здесь по школам. Материал обилен, но главное место занимают анекдоты и подробности, касающиеся частной жизни философов. Источником Диогену Лаэртию служили преимущественно компендиумы ¹. Труд Диогена — лишь остаток громадной литературы этого рода ².

Дион Христом. Из современников Плутарха, при обзоре источников греческой истории, мы не можем не назвать Диона Христомата, ритора и философа второй половины I и начала II в. по Р. Х., славившегося своим красноречием, как это явствует и из его прозвания (Христомат — Златоуст). Он особенно интересен тем,

¹ Об источниках Диогена Лаэртия — статья известного Фр. Ницше: *Nietzsche F.* De Laertii Diogenisfontibus // RhM. 1869. XXIV; *id.* Analecta Laertiana // RhM. 1870. XXV; ср. также: *Gercke A.* // Hermes. 1902. XXXVII; *Maas P.* Debiographicis graecisquaestionesselectae // Philologische Untersuchungen. Hrsg. von E. Kiessling und U. v. Wilamowitz-Möllendorff. 3. Heft. 1880; *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Antigonos von Karystos // Ibid, 4. Heft. 1881; Leo *Fr.* Die griechisch-römischen Biographie...

² Мы уже упоминали, например, об Антигоне из Кариста (с. 233). Можно указать еще на предшественника Диогена Лаэртия — Филодема, жившего в I в. до Р. Х. и составившего очерк философских школ и учений, и на его современника Филострата (в конце II и нач. III в. по Р. Хр.), автора *βίοι σοφιστών*.

что у него мы встречаем идеи, напоминающие нам Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстого, — проповедь против лжи и утонченности изысканной культуры, призыв к опрощению. Но для нас в данном случае важна его речь «Boristhenitica», в которой он описывает положение греческих колонистов на северном побережье Черного моря; эту местность Дион лично посетил во время своего изгнания. Его сочинение, посвященное гетам (Γετικῶν), основанное тоже на личных наблюдениях, к сожалению, не сохранилось; но им пользовался известный историк готы Иордан (Иорланд).

Фаворин. Афиней, Элиан и др. Ученику этого Диона, тоже современнику Плутарха, Фаворину, принадлежали сочинения различного содержания — философского, исторического и проч.; в числе их — «Всяческая история» (*παντοδαπή ιστορία*) и «Воспоминания» (*απομνημονεύματα*) ². Из них черпал Диоген Лаэртий (посредственно или непосредственно), а «Всяческая история» послужила одним из источников для смешанной или «пестрой» литературы, которою так была богата эпоха Римской империи и в которой обнаружился интерес к разного рода достопримечательностям, удивительным рассказам, всевозможным эксцерптам и проч. Главными представителями этого рода источников для нас являются Афиней и Элиан. Первый — автор сочинения «Обед софистов» (*Δειπνοσοφισταί*), в 15 кн. (нач. III в. по Р. Х.): описывается обед, который давал один богатый римлянин своим друзьям, и передаются веденные при этом разговоры (по-видимому, сочиненные) на самые разнообразные темы; материал собран громадный, преимущественно из той литературы, которая утрачена. Второй — софист конца II и начала III в., написал «Пеструю историю» (Ποικίλη *Ιστορία*, Historia varia), в 14 кн., преимущественно собрание разных анекдотов. К подобного же рода источникам

¹ В последнее время на Диона Христомата обращено внимание. Проф. А. И. Сонни посвятил ему диссертацию и статью: *Сонни А. И.* К характеристике Диона Христомата // ФОб. 1896. XIV; на нем. яз.: *Arnim H. v.* Leben und Werke des Dio von Prusa. Berlin, 1898; *id.* Entstehung und Anordnung der Schriftensammlung Dios von Prusa // Hermes. 1891. XXVI. Новейшее издание — того же Г. ф. Арнима (Berlin, 1893-1896.1-II).

² FHG. III.

относятся «Аттические ночи» (Noctes Atticae) — на латинском языке — Авла Геллия, жившего при Антонинах, — плод пребывания автора в Аттике, его бесед с философами и извлечений из прочитанных книг. Он имеет значение преимущественно для истории литературы. Более позднему времени принадлежит «Антология» (в 4 кн.) Иоанна Стобея. В ней для доказательства или иллюстрации того или иного положения приводятся — и притом дословные — выдержки из поэтов и философов, историков, ораторов, медиков; всех писателей, для нас большею частью уже утраченных, цитируется более 500. «Антология» эта дошла до нас не совсем в целом виде. А один из писателей II в., Полиэн, собрал около 900 примеров военных хитростей или стратегем (*στρατηγήματα*, в 8 кн.), главным образом из греческой истории. Сборник его представляет некоторый интерес, следовательно, для военной истории, но нужно иметь в виду, что Полиэн был плохой критик: он смешивает одноименных лиц и наоборот, — рассказывает иногда два раза об одном и том же эпизоде, пользуясь разными источниками.

Среди авторов II столетия, некоторые произведения которых имеют отношение к истории, следует назвать ритора Элия Аристида и известного сатирика Лукиана Самосатского.

Элий Аристид. В своей «Панафинейской» речи (*Παναθηναϊκός*), составленной, очевидно, в подражание знаменитой Исократовой речи, Аристид¹ рисует картину славного прошлого Афин; это — как бы род учебника греческой истории для школы. В другой речи — *ὑπὲρ τῶν τετραίων* — он выступает против Платона в защиту четырех великих деятелей — Мильтиада, Фемистокла, Кимона и Перикла, о которых Платон так неодобрительно отзывался в «Горгии».

Лукиан. Лукиану² принадлежит, между прочим, трактат «Как надо писать историю» (*Πὼς δεῖ Ἱστορίαν συγγράφειν*; Quo modo historia sit conscribenda)³. По его словам, писать историю не такое

¹ Baumgarten A. /Elios Aristides als Repräsentant der sophistischen Retorik des II. Jahrhunderts der Kaiserzeit. Leipzig, 1874.

² Русский перевод его «Избранных сочинений» Н. Д. Чечулина. СПб., 1909. О Лукиане: Helm R. Lucian und Menipp. Leipzig.

³ Рус. пер. А. Мартова // ИНИФИ. XXIII. 1907.

простое дело, как ходить, смотреть или есть, и, пожалуй, ни один род произведений не требует столько глубокого размышления, как историография. Историк должен быть бесстрашен, неподкупен, свободен, друг истины. Он должен, говоря словами комедиографа, смокву называть смоквой, чашку — чашкой и т. д.

Хронографы. Некоторые христианские церковные писатели и хронографы служат тоже источником при изучении греческой истории. Они стремились сопоставить и согласовать священную историю и историю светскую, языческую, дать синхронистический обзор той или другой. Поэтому они важны для хронологии. Таковы Секст Юлий Африкан и Евсевий.

Юлий Африкан. Юлий Африкан I, александрийский пресвитер начала III в. по Р. Х., составил всемирную хронику в 5 кн., *χρονογραφία*, или, как впоследствии принято было ее называть, «Хронологическое Пятикнижие» (*πεντάβιβλον χρονολογικόν*). Это — как бы руководство всемирной истории с христианской точки зрения: в хронологическом порядке сопоставляются события из истории евреев, греков и римлян, начиная от сотворения мира (или 5500 г. до Р. Х.) до 221 г. по Р. Х. Самую важную для нас часть ее составляет список Олимпиад (*Ολυμπιάδων αναγραφή*), как основа греческой хронологии, — список, сохранившийся у Евсевия, который вообще пользовался трудом Юлия Африкана.

Евсевий. Евсевий, епископ кесарийский в первой половине IV в., церковный историк и биограф Константина Великого, — в то же время и автор хроники². Разделяется она на две части, различные по содержанию и характеру. Первая — краткий очерк истории, из разнообразных извлечений. Вторая представляет хронологическую таблицу или «канон» (*χρονικός κανόν*). Эта часть для нас очень важна в отношении хронологии. Это — как бы

¹ Gelzer H. Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie. 2 Bde. Leipzig, 1880-1885.

² Изд. A. Schöne (Berlin, 1875); Die Chronik des Eusebius / Aus dem Armenischen übersetzt von Jos. Kaerst / Die Griechischen Christlichen Schriftsteller. XX Bde. Eusebius Werke. Bd. V. Leipzig, 1911.

хронологический остов древней истории. Сюда вошел и «список Олимпиад» Юлия Африкана. Евсевий сопоставляет и согласует различные эры, хронологию библейскую и языческую. Посредине этой таблицы идут столбцы разных эр, прежде всего Авраамовой, причем рождение Авраама приурочено к 2017 г. до Р. Х. Потом к этой эре присоединяется столбец с годами царствований разных царей (fila regnorum), ассирийских, сиционских, египетских, аргивских, спартанских, постепенно, а далее, уже на первом месте, т. е. перед цифрами Авраамовой эры, начинают идти годы Олимпиад и основания Рима. По бокам этих эр, направо и налево, помещаются исторические заметки и даты (spatium historicum), по одну сторону — касающиеся светской истории, а по другую — касающиеся священной истории. Таким образом, тут перед нами наглядная сравнительная хронологическая таблица событий всемирной истории. Само собою понятно, что текст такой таблицы при переписке мог легко подвергаться порче и искажениям. В довершение мы не имеем подлинного греческого текста Евсевиевой хроники (если не считать фрагментов ее у позднейших хронографов, например, у Георгия Синкелла). Она дошла до нас не в подлинном греческом тексте, а в армянском переводе, найденном в конце XVII столетия и изданном в 1818 г. 1, и затем в сирийской версии, сделавшейся известной еще позже 2. К этому нужно присоединить еще латинскую переработку (с некоторыми добавлениями) Иеронима.

¹ Eusebii Pamphili Caesariensis episcopi Chronicon bipartitum, nunc primum ex Armenia com textu in Latinum conversum, adnotationibus auctum, Graecis fragmentis exornatum, opera P. Jo. Baptistae Aucher Ancyrani. Venetis, 1818 (армянский текст с латинским переводом). В том же году, немного раньше, появилось издание A. Mai et J. Zohrab, дающее лишь латинский перевод: Eusebii Pamphili Chroniconum canonum libri duo; opus ex Haicano codice a Iohanne Zohrabo diligenter expressum et castigatum Angelis Maius et Iohannes Zohrabus nunc primum coniunctis curis latinitate donatum notisque illustratum additis graecis reliquiis ediderunt. Mediolani, 1818.

² Издана впервые в 1850 г. Латинский перевод ее — в изд. Siegfried et H. Geizer. 1884.

Фотий. Византийцы сохранили нам много отрывков и извлечений из древних писателей. В особенности мы обязаны патриарху Фотию и его знаменитой «Библиотеке» 1, иначе называемой *Μυριόβιβλος*, ввиду многочисленности тех авторов, из которых сделаны извлечения. Фотий имел под рукою многих из тех историков, которые потом были утрачены и до нас не дошли, например, Ктесия, почти всего Феопомпа, всего Диодора и проч.

Сборник эксцерптов. По поручению Константина Багрянородного составлен был сборник эксцерптов из разных историков, причем эксцерпты распределялись по группам или рубрикам, например, о посольствах, о добродетелях и пороках, сентенциях и т. п. Этому сборнику мы обязаны, между прочим, многими отрывками из ныне утраченных книг Полибия 2.

Лексикографы. Немало ценных известий находится в схолиях, например, к Аристофану, и у лексикографов. Начало лексикографии 3 относится еще к Александрийской эпохе, расцвет же — к римской и византийской. Наиболее выдающиеся лексикографы — Юлий Поллукс (или Полидевк) из Накратиса (в конце II и начале III в. по Р. Х.), современником императора Коммода, которому он и посвятил свой словарь (*Ὀνομαστικόν*) 4; Гарпократион из Александрии (II или IV в.), составивший объяснительный словарь к 10 афинским ораторам; Гесий тоже из Александрии (в конце IV или в V в.); Свида, относящийся уже к византийской эпохе (X в.), и Стефан Византийский, автор географического словаря. К числу лексикографов должен быть отнесен и патриарх Фотий, составивший

¹ *Martini E.* Textgeschichte der Bibliothek des Patriarchen Photios. I (ASGW. XXVIII). Leipzig, 1911; *Klinkenberg J.* De Photii Bibliothecae codicibus historicis. Bonn, 1913.

² Византийской эпохе принадлежит и компиляция некоего Аристодема, отрывки из которой впервые опубликованы во второй половине XIX в. (FHG.V).

³ *Cohn L.* Griechische Lexikographie. München, 1900. 3. Aufl.

⁴ *Stojetin F. de.* De Julii Pollucis in publicis Atheniensium antiquitatibus enarrandis auctoritate. Breslau, 1875.

также словарь (*Λέξεων συναγωγή*)¹. В большей части таких словарей мы найдем объяснения различных выражений, терминов, с историческими справками, с цитатами из многих сочинений, до нас не дошедших. Некоторые из них поэтому весьма важны для знакомства с греческими государственными и правовыми древностями, и без них никоим образом здесь обойтись нельзя. В особенности это нужно сказать о Поллуксе и Гарпократионе. Достаточно указать, что, например, многие ценные сообщения второй (систематической) части «Афинской политики» Аристотеля были давно нам известны, еще до открытия трактата, благодаря названным лексикографам. А у Свиды мы найдем богатый материал, напр., историко-литературный, многочисленные имена, цитаты и указания. Его словарь, подобно некоторым другим сборникам, о которых раньше шла речь, служит заменой, хотя в слабой степени, тех произведений греческой литературы, которые до нас не дошли.

Географы и путешественники-перизэгеты

При обзоре источников греческой истории нельзя обойти молчанием географов и путешественников-перизэгетов. Географы близко примыкают к историкам; иногда между ними трудно даже провести черту. Первоначально история и география не были даже разделены, и первые историки-логографы нередко были в то же время и географами, как это мы уже видели. При изучении греческой истории особенно приходится иметь в виду из географов Страбона, а из перизэгетов — Павсания.

Из их предшественников назовем лишь некоторых². Имеется, например, описание (*Περίπλους*) берегов Черного моря, приписываемое

¹ Недавно найдена новая рукопись, содержащая, между прочим, начало его и дающая некоторый новый материал: *Der Anfang des Lexikons des Photios* / Hrsg. von R. Reitzenstein. Leipzig; Berlin, 1907. Имеется несколько и безымянных лексиконов, например: «*Lexica Segueriana*» // *Anecdota graeca*. Berlin, 1814; «*Etymologicum Magnum*», опубликованный в 1892 г. А. И. Пападопуло-Керамевсом — «*Lexicon Sabbaiticum*».

² *Müller C.* *Geographi Graeci minores*. Paris: A. F. Didot, 1855; о географических сведениях греков см.: *Berger E. G.* *Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen*. Leipzig, 1904.

Скилаксу, который, по поручению Дария Гистаспа, оплыл эти берега, но на самом деле принадлежащее какому-то неизвестному составителю, жившему в IV в. Для нас был бы очень интересен отчет Нearchа (с. 175) о его плавании от берегов Индии к Персидскому заливу; но он до нас не дошел; им пользовались Страбон и Арриан. Пифей, родом из Массилии, предпринял путешествие на север к Британским островам и далее (ок. 300 г. до Р. Х.)¹. Агафархид написал сочинение о Красном море, в 5 кн., до нас не дошедшее. Знаменитый Эратосфен замечателен как географ. В своем великом труде *Γεωγραφικά* (3 кн.), где он высказал свой взгляд на шарообразность Земли, он между прочим давал и критический обзор истории географии, начиная с Гомера до времен Александра (1 кн.). К сожалению, и этот труд известен нам лишь по фрагментам².

Страбон. «География» (*Γεωγραφικά*) Страбона дошла до нас³. Страбон — современник Августа (род. в 60-х годах до Р. Х. и умер в 20-х после Р. Х.), родом из Азии (из г. Амасии); получил хорошее образование, слушал в молодости философов и грамматиков, вообще обнаруживал некоторую склонность к философии и даже на географию смотрел, как на ее лишь отдел: география, говорит он в начале своего труда, не менее всякой другой науки входит в круг занятий философа. В Рим Страбон прибыл в 29 г. до Р. Х., но часто отлучался из него; между прочим, он в свите Элия Галла посетил Египет и от Александрии проехал в Филы. Вообще, по его словам, он посетил земли от Армении до Сардинии и от Понта Евксинского до Эфиопии. О странах, которых он не посещал, Страбон собирал сведения у тех, кто их видел и описал.

¹ Труд Пифея не дошел до нас. Об его открытиях мы узнаем главным образом из латинского стихотворения Авиена (IV в. по Р. Хр.) «*Ora maritima*». О Пифее — книга *Sphyris* (1912), на греч. яз.

² *Berger A.* *Die geographischen Fragmenta des Eratosthenes*. Lpz., 1880.

³ Есть и в русском пер. Ф. Г. Мищенко (М., 1879). О Страбоне, кроме А. К. Бергера, см.: *Dubois M.* *Examen de la géographie de Strabon, étude critique de la méthode et de sources*. Paris, 1891. *Niese B.* *Beiträge z. Geographie Strabos* // *Hermes*. XIII; *RhM*. XXXVIII, XLII; *Ростовцев М. И.* *Страбон как источник для истории Боспора* // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914.

Главными источниками Страбона были Эратосфен, географ Артемидор и грамматик Аполлодор, затем Полибий, Посидоний и др. Страбон вообще цитирует многих авторов, но с некоторыми из них он, по-видимому, знаком был лишь из вторых рук; быть может, он не пользовался даже Геродотом непосредственно. Но во всяком случае обширный труд Страбона — плод работы многих лет и содержит массу драгоценных сведений. По справедливому замечанию У. фон Виламовица-Мёллендорфа, его «не позволительно низко ценить»¹, в особенности историк: вся география Страбона носит, так сказать, исторический характер, и без нее нельзя обойтись при занятиях греческою историей. Состоит она из 17 книг: I—II кн. содержат физико-математическую географию, VII—X — географию Европы, XI—XVI — Азии, XVII — Африки.

Сохранился и труд великого астронома и географа древности Птолемея (II в. по Р. Х.) *Γεωγραφικὴ ὑφήγησις*, в 8 кн., своего рода руководство древней географии, весьма важное для картографии².

Периэгеты. Из периэгетов-путешественников, сочинения которых служили как бы путеводителями, отметим анонима (за 200 лет до Р. Х.), отрывки из которого сохранились на папирусе из Hawara³, Гелиодора из Афин (II в. до Р. Х.)⁴, Дионисия (II в. по Р. Х.), написавшего гекзаметрами *Περιήγησις τῆς οἰκουμένης*, — стихотворение, переведенное потом на латинский язык Авиеном и Присцианом. От этого Дионисия следует отличать другого Дионисия (тоже II в. по Р. Х.), автора описания берегов Босфора⁵. Важнее Полемон и в особенности Павсаний.

Полемон — периэгет II в. до Р. Х., изъездивший Грецию, Переднюю Азию, Сицилию и Италию, — родом из окрестностей Илиона, автор многочисленных сочинений, описывал различного рода древно-

¹ Wilamowitz-Möllendorff U. v. Die Herkunft der Magnetiten am Meander // Hermes. 1895. XXX. S. 180.

² См., напр.: Кулаковский Ю. А. Карта европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899.

³ Wicken U. // Genethliakon für Carl Robert. Berlin, 1910.

⁴ Keil B. Der Perieget Heliodoros von Athen // Hermes. 1895. XXX.

⁵ Wescher C. Dionysii Byzantini de Bospori navigatione. Paris, 1874.

сти и памятники искусства, священные приношения, надписи посвященные, надгробные и т. п., словом, различные достопримечательности¹. Полемон был одним из главных источников и Павсания.

Павсаний. О личности Павсания мы очень мало знаем; биография его почти неизвестна. Известно лишь его путешествие по Греции, которое он описывает в своем труде *Περιήγησις τῆς Ἑλλάδος*²; кроме того, мы узнаем из его же слов, что он был родом из Передней Азии, из окрестностей Сипила, и что жил он во II в. по Р. Х.: в его «Описании Эллады» есть указания на памятники времен Адриана и на 173 г.; очевидно, самый труд написан был при Антонинах. Известно также, что Павсаний посетил Италию, Сардинию, Корсику, Аравию, оракул Аммона и хорошо знал Сирию. Но возникает, например, вопрос: можно ли периэгета Павсания отождествлять с его современником, софистом Павсанием, или с историком Павсанием, автором «Истории Антиохии»? Едва ли (В. Крист).

Павсания иногда называют «Бедкером древности». Его «Описание Эллады» состоит из 10 книг; описана большая часть Греции, именно страны, более важные в культурном и политическом отношении, наиболее богатые памятниками

¹ FHG. III; Egger É. Polémon le voyageur archéologue / Mémoires d'histoire ancien et philologie. Paris, 1863.

² Изд.: F. Spiro. Leipzig: Teubner, 1903. 3 Vol.; новейшее с комментариями: Hitzig H., Blümner H. Berlin, 1896—1910. 3 Vol.; англ. пер., с обширными комментариями, иллюстрациями и планами: Frazer J. London, 1898. 6 Vol.; рус. пер. Г. А. Янчевецкого. О Павсании: Brunn H. v. Pausanias und seine Ankläger // NJP. Perieget. Untersuchungen über seine Schriftstellerei und seine Quellen. Berlin, 1886; Gurlitt W. Ueber Pausanias. Graz, 1890; Heberdey R. Die Reisen des Pausanias in Griechenland // Abhandlungen d. archeologisch-epigraphischen Seminars. X. Wien, 1894; Robert C. Pausanias als Schriftsteller. Berlin, 1909; ср.: Жебелев С. А. К вопросу о композиции «Описания Эллады» Павсания // ЖМНП. 1909. Октябрь; Petersen E. Pausanias der Perieget // RhM. 1909. LXIV; Pasquali Q. Die schriftstellerische Form des Pausanias // Hermes. 1913. XLVIII; Trendelenburg A. Pausanias in Olympia. Berlin, 1914; Ebeling. Pausanias as an Historian // Classical Weekly. VII. 18—19.

древности и искусства. Дело в том, что Павсаний интересовался преимущественно стариной — вещественными памятниками всякого рода, развалинами, надписями, изображениями, предметами, хранящимися в святилищах, преданиями и рассказами, связанными со всем этим обычаями и т. д. Это не столько путешественник-периэгет, сколько антикварий. Его труд чрезвычайно важен для греческой мифологии, археологии, истории искусства, быта, а отчасти и политической. В наше время, когда так энергично идут исследования на месте, раскопки, Павсаниево «Описание Эллады» приобретает особое значение: исследователю, работающему в этих областях, можно сказать, не приходится выпускать Павсания из рук.

Но одно обстоятельство может смутить читателя Павсания: последний путешествовал по Греции, лично осматривал памятники; между тем у него встречаются подчас странные пропуски, умолчания о памятниках и предметах, которых он не мог не видеть, раз он путешествовал по тем местам, которые он описывает, и замечательно, что он упоминает даже о мелочах, когда дело идет о памятниках древнее 150 г. до Р. Х., а систематически умалчивает о тех, которые позже этого года I. Спрашивается, чем же это объяснить? Отчасти пристрастием Павсания к старине, а главное тем, что хотя он и путешествовал по Элладе, но писал он по возвращении, больше на основании книжного материала. Данные своих источников он сливал с личными воспоминаниями и впечатлениями. Такими источниками Павсания были его предшественник Полемон, географ Артемидор, историк Истр и другие; для истории, например, Мессенских войн Павсаний пользовался поэтом Рианом и историком Мироном, а для истории Лаконии — может быть, Сосибием. Он желал изложить не только то, что видел и слышал, но и то, что вычитал. И все-таки труд Павсания — целая сокровищница сведений относительно греческой старины и древностей.

Этим я заканчиваю обзор источников и перехожу к обозрению пособий или, точнее, к очерку разработки греческой истории в новое время, преимущественно в XIX и начале XX в.

¹ *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Die Thukydides legende // *Hermes*. 1877. XII.

II. ОЧЕРК РАЗРАБОТКИ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ в XIX и в начале XX в.

Литература: Wachsmuth C. Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipzig, 1985; Bursian K. Geschichte der classischen Philologie in Deutschland. München; Leipzig, 1883; Wegele F. X. Geschichte der deutschen Historiographie. München; Leipzig, 1885 (той же в коллекции «Geschichte der Wissenschaften in Deutschland»); Fueter Ed. Geschichte der neueren Historiographie. München; Berlin, 1911 (Handbuch der Mittelalteren und Neueren Geschichte / Hrsg. von G. V. Below und F. Meinecke); Ulrichs L. Grundlegung und Geschichte der klassischen Altertumswissenschaft¹. München, 1892 (собр. И. фон Мюллера); Gudeman A. Grundriss der Geschichte der klassischen Philologie². Leipzig; Berlin, 1909; Kroll W. Altertumswissenschaft im letzten Vierteljahrhundert // Jahresberichte über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft. Leipzig, 1905 (есть 2-е изд.); его же. Geschichte der klassischen Philologie. Leipzig; Göschen, 1898; Maurenbrecher B., Wagner R. Grundzüge der klassischen Philologie. Stuttgart, 1908. Bd. I (3. verarb. Aufl.: I. Abth. Freund W. Triennium philologicum); Sandys J. E. A History of Classical Scholarship. Cambridge, 1906-1908. 3 Vol.; Peck H. Th. A History of Classical Philology. London, 1911; Gooch G. P. History and Historians in the XIX Century. London, 1913; Billeter G. Die Anschauungen vom Wesen des Griechentums. Leipzig; Berlin, 1911; Pöhlmann R. Griechische Geschichte im XIX. Jahrhundert // AZ. Beilag. 1902. № 69-71; id. Aus Altertum und Gegenwart // AZ. NF. München, 1911; Kaerst J. Die Geschichte des Altertums im Zusammenhange der allgemeinen Entwicklung der modernen historischen Forschung // NJb. 1902. IX; id.: Studien zur Entwicklung und Bedeutung der universalgeschichtlichen

Anschauung // H Z. 3. Folge. 1911. X; Neumann K. F. Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte. Strassburg, 1910; Bauer A. Die Forschungen zur griechischen Geschichte. 1883—1898. München, 1899.— Обзоры в общих трудах по истории Греции, например, А. Гольма, Эд. Мейера, Р. Пёльмана; Ю. Белоха.— Ф. Г. Мищенко. Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения. Казань, 1893; статьи: Покровский А. И. // Историческое обозрение. СПб., 1890.1; Бурзи Б. Ф. // КУИ. 1897. Декабрь; Базинер О. Ф. // ЖМНП. 1901. Январь; Шестаков Д. П. Греческая филология в славянской науке // ЖМНП. 1909. Декабрь; он же: О некоторых основных течениях в современной науке классической филологии // ЖМНП. 1912. Май; Черняев П. Н. Пути проникновения в Россию сведений об античном мире // ФЗ. Воронеж, 1911; Бороздин И. Н. К вопросу о современных направлениях в изучении древней истории // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1913. Отчеты о текущей литературе преимущественно см.: Jahresberichte der Geschichtswissenschaft; Jahresberichte über die Fortschritte der klassischen Wissenschaft; Revue historique; Historische Zeitschrift; Berliner philologische Wochenschrift; Wochenschrift für klassische Philologie; Revue des Études grecques, и проч. Из справочных пособий см.: Hübner E. Bibliographie der klassischen Altertumswissenschaft² (Grundriss). Berlin, 1889; на русск. яз. есть прекрасный «Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России» П. И. Прозорова (СПб., 1898); добавления и поправки к нему в рецензии А. И. Малеина // ФОб. 1898. XU; см. еще: Рубакин Н. А. Среди книг. М., 1913. II².

«Факты прошлого,— говорит французский историк Франсуа Гизо,— заключают в себе бесчисленные тайны, которые раскрываются человеку лишь тогда, когда он способен познать их. <...> Так как все в человеке и вокруг него непрерывно меняется — и точка зрения, с которой он изучает факты, и настроение, которое он вносит в это изучение,— то можно бы сказать, что прошлое меняется вместе с настоящим... Факты открываются наблюдателю неизвестною дотоле стороною и гово-

рят с ним на другом языке. Он сам применяет в исследовании их другие принципы, наблюдения и суждения... Зрелище осталось то же, но зритель — другой, и он занимает другое место; в его глазах все изменилось»¹. По словам А. И. Герцена, «последовательно оглядываясь, мы смотрим на прошедшее всякий раз иначе; всякий раз разглядываем в нем новую сторону, всякий раз прибавляем к уразумению его весь опыт вновь пройденного пути; полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное, глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего, глядя назад — шагаем вперед».

В своем развитии, в своем движении к заветной конечной цели — истине — наука далеко не всегда идет непрерывно и неуклонно в одном направлении, прямою дорогою, и если бы мы попытались изобразить графически это движение, то у нас получилась бы не прямая линия, а нечто вроде зигзагов. Большею частью наука, с ее теориями и взглядами, уклоняется то в ту, то в другую сторону: одна крайность обыкновенно вызывает другую, за одною реакцией следует другая, противоположная. В особенности это нужно сказать об истории: дух и запросы времени, различные течения в сфере философской и политической мысли, настроение и идеалы общества, личные взгляды и симпатии автора нигде не отражаются так ярко и не влияют так могущественно, как в области изучения явлений прошлого, даже такого отдаленного от нас, как история Греции.

Это обстоятельство, эту тесную связь с современным историком настроением и положением дел необходимо иметь в виду при обзоре новейшей исторической литературы. Кроме того, следует заметить, что говоря о том, как разрабатывалась в XIX в. греческая история, придется часто касаться успехов классической филологии; дело в том, что до последнего времени разработка истории Греции, особенно в Германии, находилась большею частью в руках филологов-классиков.

¹ Ср.: *Bunper P. Ю.* Очерки исторической мысли XIX в. // Мир Божий. 1901. Март.

Новое «возрождение классической древности» в XVIII и начале XIX в.

Ученые XVI—XVII вв. Я не буду останавливаться на гуманистах и на трудах ученых XVI и XVII вв. — Сигония, И. Меурзия, У. Эммия, Перициония¹ — трудах, обильных ученостью, но сухих, устарелых и давно забытых, к которым даже специалистам почти никогда не приходится обращаться. Но среди этих ученых следует все же отметить Ж.-Ж. Скалигера как основателя научной хронологии², и Р. Бентли как провозвестника нового критического метода, доказавшего подложность так называемых писем Фалариса (1699).

Вико. В XVIII в. в Италии Дж. Б. Вико, автор знаменитой «Новой науки», высказал замечательные и оригинальные для своего времени взгляды. По гомеровскому вопросу он явился предшественником Вольфа: путем дивинации он пришел к выводу, что Гомера на самом деле не было, что это — собирательная личность, символ, олицетворение народного эпоса, что «Илиада» и «Одиссея» возникли из различных отдельных песен, распространяемых устами народа, и что между обеими поэмами должен быть промежуток, по крайней мере в 100 лет. Но Вико остался незамеченным своими современниками, и его взгляды не оказали влияния на последующую разработку греческой истории.

¹ Кроме трудов по истории гуманизма и Возрождения, см. между прочим: *Купога М. С.* Сочинения. Т. I. СПб., 1894; *Sandys J. E.* Harvard Lectures on the Revival of Learning. 1905; *Kroll W.* Geschichte der klassischen Philologie. Leipzig, 1908; *Cudeman A.* Grundriss der Geschichte der klassischen Philologie. Leipzig; Berlin, 1907; *id.* Imagines philologorum. 160 Bildnisse klassischer Philologen von der Renaissance bis zur Gegenwart. Leipzig, 1911. Об изучении греческой литературы и издании ее памятников в средние века см.: *Васильевский В. Г.* Обзорение трудов по византийской истории // ЖМНП. 1887 сл.; *Sandys J. E.* A History of Classical Scholarship from the VI Century B. C. to the End of the Middle Age. Cambridge, 1903.

² *Skaliger J. J.* De emendatione temporum. 1583; Thesaurus temporum. 1606 (2 ed.— 1658).

Начало нового «Возрождения». Как бы новое, вторичное «Возрождение классической древности» обнаружилось во второй половине XVIII и начале XIX в. в Германии I. Оно совпало с расцветом немецкой литературы, с эпохой Гёте и Шиллера и романтизмом, и в значительной мере обуславливало этот расцвет.

Подобно тому, как в XIV—XVI ст., это новое «Возрождение древности» удовлетворяло новым зародившимся потребностям. Оно стоит в связи с развитием индивидуализма, «человеческой личности»; классическая литература и искусство содействовали и национальному возрождению Германии, развитию самосознания в обществе; они помогли немцам освободиться от подражания французским образцам. Пробудился интерес к народному творчеству. Вспомним, что то было время И. Г. Гердера, собиравшего памятники народной поэзии («Голоса народов»), открытия Нибелунгов, а за пределами Германии — поэзии Р. Бернса и т. наз. Оссиана.

На первых порах особенно увлекались эстетикой: искали законов художественного творчества, а в Греции видели источник истинной художественности и культуры.

Винкельман. Громадное влияние на новое «Возрождение древности» оказал И. И. Винкельман² своею знаменитою «Geschichte der Kunst des Altertums»³ (1764), в основу которой положена мысль о связи искусства с общею судьбою народа, с окружающею его природой, с его нравами, государственным устройством и вообще культурой. Винкельман явился,

¹ *Breysig K.* Die letzte Wiedergeburt der Antike // NDR. 1902. Juni; *Fischer H.* Der Neuhumanismus in der deutschen Litteratur. Rektoratsrede. Tübingen, 1902.

² *Iusti F.* Winkelmann und seine Zeitgenossen. 2. Aufl. Leipzig, 1898. 3 Bde.; на рус. яз.: *Георгиевский А. И.* Винкельман // Пропилеи. Сб. статей по классической древности. Т. 1. М., 1851; *Благовещенский Н. М.* Винкельман и поздние эпохи греческой скульптуры. СПб., 1891.

³ Русск. пер.: *Винкельман И. И.* История искусства древности // Гимназия (1888—1890). Приложение. Отд. изд.: Ревель, 1890.

можно сказать, основателем истории искусства: он открыл Европе греческое искусство. Его труд внес новую, сильную, свежую струю в изучение древности и могущественным образом повлиял на пробуждение интереса к ней.

Лессинг и другие. В том же направлении действовали: Г. Э. Лессинг такими своими трудами, как «Лаокоон, или О границах между живописью и поэзией» (1766) и «Гамбургская драматургия» (1767—1769), в которой он проводил свои взгляды на драматическую поэзию, причем касался греческой трагедии и взглядов Аристотеля; И. Г. Гердер своими историко-философскими идеями¹, своими статьями о греческой литературе (например, «Homer als Günstling der Zeit») и взглядами на народную поэзию, и Фосс, своим переводом (1781—1793) сделавший Гомера доступным массе образованной немецкой публики².

Гёте и Шиллер. Произведение Винкельмана и «Лаокоон» Лессинга, как известно, произвели сильное впечатление на молодого Гёте: всю жизнь потом он находился под некоторым обаянием античного мира. Великий «Олимпиец», как называли иногда И. В. Гете, проникнут был эллинским духом; его гений был как бы родственным гению греков. Классическую древность Гете знал и понимал прекрасно³. Вспомним его «Ифигению», вторую часть «Фауста» с «классическою Вальпургиевою но-

¹ Gerder J. G. Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit (1774), и в особенности знаменитыми «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (1784-1791. 4 Th.).

² О Гомере в новое время: Finster C. Homer in der Neuzeit von Dante bis Goethe. Italien, Frankreich, England, Deutschland. Leipzig; Berlin, 1912.

³ Об отношении Гете к античному миру есть много статей, например, речь Иоахима Классена (Classen) на собрании немецких филологов и учителей во Франкфурте-на-Майне в 1861 г. (изд.: Leipzig, 1863); Ulrich L. Goethe und die Antike // Göthe-Jahrbuch. Hrsg. von Geiger, III [1882]; Schmidt F. Göthe und Altertum // Preuss. Jahrb. CV, 1901; см. также: Thalmayr L. Göthe und das klassische Altertum. Die Einwirkung der Antike auf Goethes Dichtung im Zusammenhange mit dem Lebensgange des Dichters dargestellt. Leipzig, 1898; но в особенности Maass E. Goethe und die Antike. Stuttgart, 1912.

чью», его «Ueber Kunst und Altertum» и проч. Его отношение к грекам лучше всего видно из известных слов: «Пусть всякий будет греком, хотя бы по-своему, но пусть будет». Для Гёте грек — тип человека, образец высоко и всесторонне развитой человеческой личности.

То же, хотя и в меньшей мере, можно сказать и о другом великом поэте Германии — Ф. Шиллере¹, переведившем (не зная даже языка) «Ифигению в Авлиде» и «Финикиянок» Еврипида и в своих статьях по эстетике касавшемся древности.

Романтизм. Влияние Винкельмана сказывается еще на таких представителях романтизма, как братья А. В. и Ф. Шлегели. Оба они известны трудами по истории греческой литературы².

Во всем этом немало было, конечно, одностороннего увлечения, идеализации древности. В Германии XVIII в., при слабом развитии общественно-политической жизни, при отсутствии живого интереса к ней, на первом плане стояли вопросы эстетики: внимание привлекали искусство и литература греков, но не их политическая история, не общественный и государственный строй³. «В истории человеческого сознания есть эпохи, — говорит акад. А. Н. Веселовский⁴, — когда, при упадке

¹ Hirzel R. Über Schillers Beziehungen zum Altertume. Aarau, 1905.

² Августу Вильгельму Шлегелю принадлежат лекции «О драматическом искусстве и литературе» (Schlegel A. W. v. Vorlesungen über dramatische Kunst und Literatur. Heidelberg, 1809-1811) и история греческого эпоса и лирики, а Фридриху Шлегелю — Die Griechen und Römer. Historische und kritische Versuche über das classische Altertum (1797); Geschichte der Poesie der Griechen und Römer (1798); и лекции, читанные в 1812 г., — Geschichte der alten und neuer Litteratur (Wien, 1815. 2 Bde.).

³ Исключение составляет выдающееся для своего времени сочинение: Heeren A. H. L. Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Göttingen, 1793-1796; id. Handbuch der Geschichte der Staaten des Altertums mit besonderer Rücksicht auf ihre Verfassungen, ihre Handel und ihre Kolonien (1. Bd. — 1797. Позднейшие издания: Wien, 1817; Göttingen, 1830). Здесь обращено большое внимание на политическое и торговое развитие древнего мира. О Вольфе скажу далее.

⁴ Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

общественности, личная жизнь получает особую ценность и требования рассудка уступают вождениям сердца. Сентиментальные эпохи — эпохи общественного затишья, ожидания или реакции; широкие цели деятельности заказаны или еще не раскрылись, прогресс ограничен пределами личности. Идеалом каждого становится развитие в себе „человека“, присущих ему нравственных начал». Эта прекрасная характеристика вполне применима к тогдашней Германии. Но все же интерес к древности, хотя и с односторонней, эстетико-романтической точки зрения, был пробужден.

Франция. В то время как в немецкой литературе XVIII в. мы видим такое увлечение греческим искусством и поэзией, во Франции увлекались преимущественно Плутархом и его героями, античными республиками, Афинами и в особенности Спартой, доблестями и республиканскими добродетелями их граждан, причем представляли себе их в более или менее идеальном свете¹. Достаточно вспомнить о деятелях и ораторах времен французской революции. Греции касалась иногда политическая литература Франции XVIII в. Напомним, например, что Г.-Б. Мабли написал «Размышления о греческой истории», которые на русский язык перевел (1773) известный А. Н. Радищев. Из сочинений же, воспроизводивших греческую древность, во французской литературе мы отметим лишь одно, пользовавшееся большим успехом; это — «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce» аббата Ж.-Ж. Бартеlemi (Barthélemy), полуистория, полуроман, где в форме путешествия молодого скифа описывается быт и строй Греции.

1 Bertrand R. La fin du classicisme et le retour à l'antiquité dans la seconde moitié du XVIII siècle et les premières années du XIX en France. Paris, 1902; **Joret É.** D'Anse de Villoison et l'hellénisme en France pendant le dernier tiers du XVIII s. P., 1910. Об эллинизме во Франции в дальнейшем периоде, в XIX в., см.: **Egger Ch.** L'Hellénisme en France, leçons sur l'influence des études grecques dans le développement de la langue et de la littérature françaises. Paris, 1869; **Canat.** La Renaissance de la Crèce antique (1820—1850). L'Hellénisme en France pendant la période romantique. Paris, 1911.

Из работ специального характера мы должны в особенности указать на открытие и издание Ж.-Б. Вилуазоном (1788) венецианского кодекса «Илиады» со схолиями, значительно отличавшегося от Вульгаты, что послужило толчком к поднятию гомеровского вопроса и опорой для выводов Ф. А. Вольфа в его «Prolegomena».

Англия. Зато в Англии уже в XVIII ст. появилось несколько общих «Историй Греции» — О. Голдсмита, Джилиса, У. Митфорда (Mitford); но на них мы можем не останавливаться, так как в настоящее время труды эти не имеют никакого значения; отметим разве «Историю Греции» Митфорда, замечательную своею торийскою точкою зрения и в особенности тем, что она дала повод Дж. Гроту взяться за свой знаменитый труд по истории Греции.— Затем, нужно заметить, что в Англии раньше еще, нежели в Германии, в XVIII в. оценили Гомера: известный перевод А. Поупа появился еще в 1715 г. Немцы в этом отношении пошли лишь по следам англичан.

От Вольфа, Нибура и Бёка до Грота

Начало новой эпохи. Французская революция, владычество Наполеона, разгром и последовавшее затем возрождение Германии, пробуждение национальных и политических стремлений, все это должно было отразиться и на развитии исторической науки, возбудить интерес не к одной только эстетической, но и к другим сторонам древности — к ее политической жизни, к внутреннему, государственному и экономическому строю. То была пора, когда, среди наступившего после долгих наполеоновских войн мира, различные нации Европы вступили как бы в соревнование между собою на научном поприще; но в сфере историко-филологических наук первое место принадлежало тогда, бесспорно, Германии. Здесь мы видим кипучую деятельность, обилие талантов. Корифеями в области изучения древности в начале XIX в. являются Вольф, Нибур и потом Бёк. С ними начинается новая эпоха в разработке древней истории.

Вольф. Фридрих Август Вольф (1759—1824) 1, лучшей порою своей деятельности принадлежит еще XVIII в.: свои знаменитые «Prolegomena ad Homerum»² он издал в 1795 г., будучи профессором в Галле (впоследствии он перешел в Берлин). Эти «Prolegomena» составили эпоху в классической филологии; они положили начало гомеровскому вопросу (см. выше, с. 80) и более того — методическому изучению памятников древности: исследование Вольфа важно не столько по своим выводам, сколько по методу, как образец тщательного и критического разбора ряда свидетельств касательно гомеровских поэм, начиная с глубокой древности.

Нибура. Бертольд. Георг Нибура (Niebuhr) (1776—1831) 3 своею «Римскою историею» (1811) открывает новую эру в развитии исторической науки (подобно тому, как Вольф своими «Prolegomena» — в филологии). Его критический метод, его стремление очистить историческую действительность от легенды и предания, представить древность в живом виде, его приемы, его универсально-историческая точка зрения, уяснение аграрных и экономических отношений древности путем сближений и сопоставлений — все это не могло не отразиться на разработке и других отделов истории, в том числе и греческой. Это общее значение Нибурова метода и приемов прекрасно определил Гёте, писавший после смерти Нибура, что все эти аграрные законы его нисколько не касаются, но что для него важны способ, каким Нибура их объясняет, и то, как он запутанные, сложные отношения делает ясными.

2 Reiter//NJb. 1904. XIII.

² Полное заглавие: *Wolf F. A. Prolegomena ad Homerum sive de operum homericorum prisca et genuina forma variisque mutationibus et probabili ratione emendandi scripsit Frid. Aug. Wolfius. Halis Saxonum, Libraria Orphanotrophi, 1795; новое 2-е изд.: Berlin: Calvary's philologische und archäologische Bibliothek, 1876; 3. Aufl.: R. Peppmüller. Halle, 1884.*

³ Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr, 1838—1839; на основании их на рус. яз.: *Грановский Т. Н.* Сочинения. Т. II; о Нибуре на нем. яз. — J. Classen (1876), Eyssenhardt (1886), A. Schöne (Greifswald, 1914 [речь]).

Но Нибура имеет и более прямое отношение к разработке греческой истории. Он содействовал осуществлению такого издания, как «Corpus inscriptionum graecarum», и даже принимал некоторое участие в его подготовке; а будучи профессором в Бонне, он в 1825/26 и 1829/30 гг. читал лекции по истории Востока и Греции, включая и Македонский период. Лекции эти — «Vorträge über alte Geschichte» — впоследствии, спустя уже много лет после смерти Нибура, были изданы его сыном (1847—1851) в 3 томах на основании записок слушателей¹. В них сохранился характер живой, устной речи. Они богаты сопоставлениями с деятелями и событиями Нового времени (Нибура стоит, как упомянуто, на универсально-исторической точке зрения). В них сказываются политические воззрения знаменитого историка, его симпатия к Афинам, антипатия к Спарте, Фивам, а в особенности к Македонии и Александру Великому, в чем он иногда открыто сознается. По поводу, например, упреков, делаемых Плутархом Геродоту, Нибура говорит, что Плутарха к этим упрекам побуждал его беотийский патриотизм, и это правда — Геродот питал ненависть к Беотии. «Но, — продолжает Нибура, — если это преступление, то я его разделяю: я не люблю Спарты; тем не менее думаю, что величайшим несчастьем для Греции было то, что фиванцы в своем правом деле получили верх над Спартой и достигли гегемонии» (I, 388). В симпатии к Афинам и антипатии к Македонии, как и в некоторых других отношениях, Нибура являлся предшественником английского историка Грота, с которым у него было немало общего. В письме к Гроту он сам говорит, что между их принципами и их историческими воззрениями существует духовное сродство².

¹ О чтении Нибура на русск. яз.: *Грановский Т. Н.* Сочинения. Т. II.

² *Grote Harriete.* George Grote. Sein Leben und Wirken (пер. с англ.). S. 60. Письмо Нибура писано в 1827 г. задолго до появления «History of Greece» Грота; но Нибура основывался на его статье по поводу «Истории Греции» Митфорда.

На лекциях Нибура лежит печать оригинальности. Но все же они, не говоря уже об их устарелости, некоторой неравномерности изложения и ошибках в деталях — вполне понятных, так как Нибур читал на память и без особенной подготовки, — конечно, не могут быть и сравниваемы с его «Римской историей»¹.

Бек. Но ближайшее участие в разработке греческой истории принимал Август Бёк (Böckh)², ученик Вольфа.

Он родился в 1785 г. в Карлсруэ; слушал лекции в университете в Галле; сначала занимался теологией, но потом, под влиянием Ф. Э. Д. Шлейермахера и в особенности Вольфа, предан был изучению филологии. В 1807—1811 гг. Бёк занимал кафедру в Гейдельбергском университете и стоял близко к кружку романтиков. В ту пору будущий автор «Государственного хозяйства афинян» и основатель современной эпиграфики с особенным увлечением изучал Платона, трагиков и Пиндара; ими, впрочем, и впоследствии он не переставал интересоваться (особенно Платоном). Кроме того, уже тогда его занимала мысль написать сочинение под заглавием «Hellen», в котором была бы изображена греческая жизнь и культура со всех ее сторон.

В 1811 г. Бёк был приглашен в Берлинский университет. Университет этот, как известно, был основан после разгрома Пруссии Наполеоном и должен был служить средством к поднятию и возрождению ее, дабы, выражаясь словами Фридриха Вильгель-

¹ Нибуру принадлежит еще детская книжка: «Рассказы о греческих героях», составленные им для сына; есть русский перевод (М., 1897).

² *Hoffmann M.* August Böckh. Lebensbeschreibung und Auswahl aus seinem wissenschaftlichen Briefwechsel. Leipzig, 1901. Большую часть книги занимает переписка Бёка с различными учеными (Велькером, Нибуром, Шёманом, Александром Гумбольдтом и проч.); переписка его с любимым учеником, К. О. Мюллером, издана еще в 1883 г. отдельной книгой (по поводу ее см.: *Помяловский И. В.* // ЖМНП. 1884). О Бёке см. также: *Stark K. B.* / Allgemeine Deutsche Biographie; *Reiter.* // NJb. 1902. IX; *Harnack A.* Geschichte der Königlichen Preußischen Akademie der Wissenschaft zu Berlin. Berlin, 1900 (есть и другое, дешевое издание, без приложений); на рус. яз.: *Леонтьев П. М.* Август Бёк // Пропилеи. М., 1853. Т. III.

ма III, «духовными силами возместить потерю в силах физических», материальных. На первых же порах в нем преподавали такие светила тогдашней науки и философии, как Б. Г. Нибур, Ф. К. Савиньи, И. Г. Фихте, учителя Бёка — Вольф и Шлейермахер, перешедшие из Галле, и др. В их среду вступил и Бёк. Кроме того, в 1814 г. он делается членом Берлинской Академии наук и сблизается с знаменитыми братьями Гумбольдтами.

«*Corpus inscriptionum graecarum*». Бёк был того мнения, что Академия должна взять на себя такие задачи и предприятия, которые не по силам отдельным лицам, и как только кончилась война за освобождение Германии, в начале 1815 г. он внес в Академию предложение издать собрание всех античных надписей — «*The-saurus inscriptionum*» — и начать издание с греческих I. Предложение было принято с воодушевлением. Самое предприятие казалось сравнительно нетрудным: с изданием греческих надписей надеялись справиться в течение каких-нибудь 4 лет и обойтись всего 6000 талеров; предполагалось, что все издание займет один толстый фолиант или два небольших. С тех пор, говорит историк Берлинской академии, А. Гарнак, прошло более 80 лет; издание превратилось в целую библиотеку, и осуществление его стоит десятикратно дороже предполагаемой суммы; оно не окончено еще и теперь, да, собственно говоря, никогда и не может быть окончено, так как постоянно находится все новый и новый материал.

Для осуществления предприятия избрана была комиссия (Нибур, Шлейермахер, Ф. Буттман, В. А. Беккер и Бёк), и решено было вступить в сношения с иностранными учеными и учреждениями, в особенности с греческими обществами на о. Корфу, в Фессалии и в Афинах. Предполагалось переиздать по одному общему плану надписи, уже опубликованные раньше, но рассеянные в разных изданиях, критически очистив их текст, устранив фальсификации и т. д. О списывании надписей, о точных снимках с них, проверке и сличении их на

¹ Кроме упомянутых на предыдущей странице, в примеч. 2, биографий Бёка и труда Гарнака, см.: *Larfeld W.* Griechische Epigraphik³. Leipzig, 1814.

месте, о командировании ученых в Грецию в то время и не думали: до 20-х годов прошлого века Греция находилась под турецким игом, в 20-х годах происходила ожесточенная борьба за ее освобождение и страна была малодоступна для европейцев. Душой всего дела по изданию греческих надписей был Бёк: на него возложена была редакция; на него легла и главная тяжесть работы. В 1817 г. он на время ее прервал, отчасти вследствие различных затруднений и неприятностей, отчасти отвлеченный другими занятиями; но с 1820 г. он снова принимается за нее энергично, и в 1823—1824 гг. можно было уже приступить к печатанию. Первый выпуск появился в 1825 г., а в 1828 г. вышел весь I том знаменитого «Corpus inscriptionum graecarum».

Трудность предприятия при тогдашних условиях, многочисленные обязанности и работы самого Бёка, все это задерживало издание продолжения; II том вышел лишь в 1843 г. Впоследствии Бёк привлек к этому делу сотрудника в лице И. Франца, автора руководства по греческой эпиграфике («Elementa epigraphicae Graecae». 1840), который под его наблюдением обработал собранный им материал, именно большую часть III тома (3 выпуска его вышли в 1845—1851), а после смерти И. Франца продолжение его работы возложено было на Эрнста Курциуса (издавшего 4-й выпуск III т. в 1853 г. и 1-й выпуск IV т.). Преемником Курциуса, перешедшего в Геттинген, явился Ад. Кирхгоф, выпустивший в 1859 г. второй фасцикул IV т. Регистр к «Corpus inscriptionum graecarum», как было упомянуто (с. 72), издан лишь в 1877 г., т. е. уже 10 лет спустя после смерти Бёка.

Так окончен был монументальный «Corpus inscriptionum graecarum», после почти полувековой работы, хотя и с большими промежутками. Этим положено было начало целому ряду подобных же сборников эпиграфического материала. Бёк явился, таким образом, основателем современной эпиграфики. Сам он никогда не был в Греции или на островах Архипелага, в отличие от большинства последующих эпиграфистов, не изучал и не сличал надписей на месте, не открывал новых; в «Corpus inscriptionum graecarum» есть немало ошибок и недостатков, что

и подало повод к резкой критике и нападкам со стороны одного из тогдашних корифеев классической филологии в Германии, Готфрида Германа, и других противников Бёка. И тем не менее работа Бёка была колоссальная и результаты в общем блестящи. Бёк положил начало надлежащему собиранию, изданию и изучению надписей; он сознал все значение последних и во всеуслышание заявил (в предисловии к 1-му изданию своего «Государственного хозяйства афинян»), что только после того, как будут собраны надписи, можно будет приняться за изображение внутренней истории эллинского народа. Он собрал громадный эпиграфический материал; он добыл лучшие, более точные списки многих надписей и доказал подложность некоторых (собранных Фурмоном); во многих случаях установил более правильный текст, причем обнаружил замечательное и всестороннее знание древности, обширную ученость, критический талант и дар дивинации; он дал образцовые объяснения надписей, определяя время каждой и ее исторический смысл. В «Corpus inscriptionum graecarum» мы встречаем иногда целые исследования Бёка. Можно указать, например, во II т. на историю греческих колоний у Боспора и комментарий к Паросской хронике.

«Государственное хозяйство афинян». В связи с работами Бёка над «Corpus inscriptionum graecarum» стоит замечательная монография его о государственном хозяйстве афинян («Die Staatshaushaltung der Athener»), для которой главный материал дали ему надписи. Монография эта вышла в свет впервые в 1817 г.¹ Бёк посвятил ее Нибуру, как великому знатоку древности, «dem scharfsinnigen und grossherzigen Kenner des Altertums».

Как было упомянуто, Бёк давно уже имел в виду в одном труде, под заглавием «Hellen», охватить всю греческую жизнь; но оказалось, что предварительно необходимо исследовать отдель-

¹ Первые два тома (III том, содержащий «Urkunden über das Seewesen des Attischen Staates» — Berlin, 1840); 2-е изд. в 1851 г., а 3-е, в обработке Макса Френкеля, почти 20 лет спустя после смерти автора, в 1886 г.: 3. Aufl., hrsg. und mit Anmerkungen begleitet von Max Fraenkel. Berlin, 1886.

ные части. Изучение греческих древностей, говорит Бёк в предисловии к 1-му изд. «Die Staatshaushaltung der Athener», находится еще в зародыше; имеется большой материал, но большинство не умеет им пользоваться. Изложение целого, обработанного в научном духе и с широкой точки зрения, а не так, как до сих пор, составляет, по мнению Бёка, потребность времени; это не должно быть грубой и бессвязной грудой,— это должно быть произведение не какого-нибудь собирателя, а исследователя и знатока. Но прежде чем такая потребность может быть удовлетворена, должны быть обработаны отдельные части не по мелкому масштабу.

И вот Бёк исследует предмет, на который до него менее всего обращали внимание,— хозяйство аттического государства, «величайшего и благороднейшего из всех эллинских». Но он понимает задачу широко. «Ни жизнь древности без знания ее финансов,— замечает он,— ни ее финансовая система без более точного изучения внутреннего строя государства и публичной жизни не могут быть поняты». Сообразно с этим, в I томе мы имеем исследование о цене, заработной плате и проценте в Аттике (1-я кн.); о финансовом управлении и расходах (2-я кн.); об обыкновенных доходах (3-я кн.) и доходах чрезвычайных Афинского государства, а также об особых финансовых мерах греков (4-я кн.). II том содержит приложения — надписи (списки дани афинских союзников) и их разбор. В III томе, который вышел лишь в 1840 г., подвергнуты исследованию надписи (преимущественно списки кораблей в IV в. и т. п.), собранные Людвигом Россом во время пребывания его в Греции и доставленные им Бёку; они, так сказать, документально знакомят нас с состоянием морских сил и морского дела в Афинах.

«Die Staatshaushaltung der Athener» Бёка принадлежит к тем трудам, которые немцы называют «*epochemachend*» — «делающими эпоху». Прежде всего замечательна здесь самая тема. Лишь в недавнее время вполне признана важность экономических факторов в истории, в том числе и древней, и лишь в трудах новейших исследователей этим факторам уделяется надлежащее место; прежде же, особенно в конце XVIII и начале XIX в.,

обыкновенно восхищались стремлением греков к прекрасному, их литературой и искусством, но мало были знакомы с самым механизмом их государственного строя, с условиями его существования; греков склонны были представлять себе в идеальном виде, какими-то неземными существами. Бёк остановил свое внимание на самой прозаической стороне и назад тому почти столет заговорил о таких вещах, как цена, заработная плата, проценты, финансовое управление, расходы, доходы... По теме и содержанию труд Бёка опередил его эпоху и стоит в уровень с современными требованиями и задачами исторической науки. Бёк чрезвычайно расширил рамки классической филологии как науки и, сам филолог, дал труд, чрезвычайно важный и для историка, и для экономиста. В своей монографии он затрагивает множество вопросов из экономической и финансовой жизни Аттики; он поинтересовался узнать, что ели афиняне; что стоили у них предметы первой необходимости, хлеб, жилища; как велико население Аттики, в частности — число рабов; каковы были источники благосостояния и как велико богатство отдельных лиц; как функционировал государственный механизм у афинян в самых его мелочах и т. д. Он касается всего хозяйственного организма Афинского государства, самых основ его существования, его внутренней жизни, административного и политического строя, его механизма. Таким образом, труд Бёка важен для знакомства не только с хозяйством и финансами, но и вообще с жизнью и строем Афинского государства.

Не следует, однако, думать, чтобы Бёк стоял на той односторонней точке зрения, на какой стоит современный «экономический материализм». Напротив, он признавал все значение духовных факторов, всю важность того «духа, который оживляет государство». «Духу все подчинено,— говорит Бёк,— он обеспечил афинянам высокое место среди народов всемирной истории... Но дух нуждается, кроме доблести души, для внешней деятельности еще и в материальных силах, которые все продаются за деньги: эта могущественная пружина приводит в движение весь механизм человеческой деятельности». Бёк называет Афинское государство «величайшим и благороднейшим из всех

эллинических»; но он далек от столь распространенной в его время идеализации древних. «Целью,— говорит он,— я поставил себе истину и не сожалею, если безусловное почитание древних должно быть умерено, ибо оказывается, что где они касались золота, там и к их рукам приставала грязь. Или история прошлого должна писаться только для воодушевления юношества? Должен ли исследователь древности скрывать, что и тогда, как теперь, все под солнцем было несовершенно?» «Признаемся лучше,— продолжает Бёк,— что многие из превосходнейших людей древности страдали недостатками, общими человеческому роду». «Мы признаем,— говорит он далее, в конце I тома,— великое и возвышенное в истории греков; мы согласны, что иное у них было лучше, чем в наших государствах, лучше, чем в испорченной до отвращения Римской империи, в рабски согбенном Востоке; но многое было также и хуже, чем у нас. Только односторонность или поверхностность видит в древности всюду идеалы... Всмотритесь вовнутрь эллинской жизни, государственной и семейной; вы найдете даже у самых благородных племен глубокую нравственную порчу проникнутою до мозга костей народа... Эллина в блеске искусства и в расцвете свободы были несчастнее, чем большинство думает: они носили гибель в самих себе, и дерево должно было быть срубленным, когда оно стало гнилым». Такой взгляд на греков был тоже новостью для того времени. И при всем этом еще необыкновенная «солидность» работы I, новизна — опять-таки для того времени — и

¹ Известный современный немецкий ученый Вилламовиц-Мёллендорф говорит: «Вообще научная глубина Бека оценивается безответственно низко. Любопытно, продолжавший вслед за ним разбор того или иного фрагмента, теряясь, пораженный основательностью труда предшественника, мне никогда не доводилось встречать что-либо подобное» («Es wird überhaupt Böckhs wissenschaftliche Größe unverantwortlich wenig gewürdigt. Wer ihm einmal ein Stück nachgearbeitet hat, kann sich gar nicht genug thun in der Bewunderung von solcher Solidität der Arbeit: mir ist nicht vergleichbares begegnet». *Wilamowitz-Moellendorf U. v. Reden und Vorträge*. Berlin, 1901. S. 71. Anm.).

документальность положенного в основу материала: все поставленные вопросы Бёк рассматривает тщательно, с великим знанием дела; он привлёк новый, дотоле неиспользованный и малоизвестный источник — надписи, с их документальными данными. Прошло уже около 100 лет со времени появления монографии Бёка, но она до сих пор остается «основною» («grundlegend») по вопросам, касающимся афинских финансов и финансового управления (особенно во 2-м изд., не говоря уже о 3-м).

Другие труды Бёка. Бёк явился основателем и сравнительной метрологии. Подготавливая 2-е изд. «Государственного хозяйства афинян», Бёк естественно натолкнулся на вопрос о системе мер, весов и монет в древности у греков и на Востоке, и в результате получилось исследование по метрологии древности (*Metrologische Untersuchungen über Gewichte, Münzfüsse und Masse des Alterthums in ihrem Zusammenhange*. Berlin, 1838); здесь особенно пригодились Бёку его математические познания и способности, которыми он отличался. Ему принадлежат также исследования касательно древнего календаря: «Zur Geschichte der Mondcyklen der Hellenen» (1855) и «Ueber die vierjährigen Sonnenkreise der Alten, vorzüglich den Eudoxischen» (исследование окончено в 1859 г., но издано лишь в 1863 г.). Из других многочисленных и разнообразных трудов Бёка назовем еще его работы по метрике, издание Пиндара, перевод «Антигоны», книгу о Манефоне, где Бёк, подобно тому, как и в «*Metrologische Untersuchungen*», касается истории Востока (*Manetho und die Hundsternperiode. Ein Beitrag zur Geschichte der Pharaonen*. 1845), в особенности же исследование об Аттиде Филохора I.

Посмертный труд Бёка — «Энциклопедия и методология филологических наук»² — издан несколько лет спустя после его

¹ Перепечатано: *Böckh A. Gesammelte kleine Schriften*. Leipzig, 1857 ff. Bd.V.

² *Böckh A. Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften* / Hrsg. von E. Bratuschek. Lpz., 1877; 2. Aufl. besorgt v. Rud. Klusmann; ebd., 1886. Имеется в русском изложении: *Аландский П. И. Энциклопедия и методология филологических наук* // КУИ. 1878, № 8—9, 11—12; отдельный оттиск: Киев, 1879.

кончины, на основании лекций, которые Бёк читал много раз в промежутках с 1809 по 1865 г. и в которых он высказывал свой взгляд на свою науку.

Взгляд Бёка на филологию и борьба с Германом. Бёк чрезвычайно широко понимал задачи классической филологии; в этом отношении он был истый ученик и последователь Вольфа. По Вольфу, классическая филология — наука об общей культуре классической древности¹. Бёк пошел далее и еще более развил эту мысль: по его мнению, цель и задача классической филологии должна состоять в изучении, уразумении и умственном воссоздании жизни классических народов во всей ее полноте и во всех ее проявлениях. Бёк был против узкого, чисто грамматического направления, против буквоедства, против отчуждения филологии от жизни. В предисловии к «Государственному хозяйству афинян» он жалуется, что масса ученых, занимающихся древностью, особенно из молодых, самодовольно погружена в мелочные исследования и критику слогов и букв, поглощена формой и превращается в «грамматистов». Известна затем его распря с Готфридом Германом, знаменитым лейпцигским профессором², пользовавшимся громким авторитетом, главою грамматико-критической школы, полагавшим задачу филологии в изучении и объяснении памятника со стороны языка и видевшим в противниках дилетантов. По поводу «Corpus inscriptionum graecarum» Герман написал суровую критику³. Завязалась горячая полемика, которая продолжалась многие годы. Это была не только личная ссора, это было столкновение двух направлений в филологии — историко-антикварного и грамматико-критического. В борьбе приняли участие ученики и последователи того и другого, Бёка и

¹ См. его: Очерки науки древности / Пер. И. В. Помяловского. СПб., 1877.

² О нем: Ян О. Готфрид Герман / Прописи. Т. II. М., 1852.

³ *Hermann* C. Prof. Böckh's Behandlung der griechischen Inschriften. Leipzig, 1826; vgl.: *Hermann* C. De officio interpretis dissertatio. Leipzig, 1835—1836; ответ А. Бёка см.: *Böckh* A. Antikritik.

Германа; но с течением времени борьба утратила свой острый характер, крайности сгладились; с обеих сторон сделаны уступки, ошибки или непомерность требований более или менее признаны, заслуги взаимно признаны, и, наконец, в 1846 г. на собрании филологов в Галле оба противника, Герман и Бёк, примирились между собою и протянули друг другу руку.

Деятельность Бёка была чрезвычайно разнообразна. В университетских и академических делах он принимал самое деятельное участие. На нем лежала обязанность в торжественных случаях произносить речи от имени университета и академии I. По смерти Шлейермахера (1834) он был избран в секретари историко-филологического отделения Академии наук. При его участии издавались сочинения Фридриха Великого. Наконец, Бёк с живым интересом относился к современным ему политическим событиям. Он отстаивал свободу и независимость научного исследования от всяких посягательств. Вообще по своим убеждениям он принадлежал к тогдашнему либеральному направлению. «Древность поучает нас истинной свободе и настоящим принципам ее, — говорит он в своей „Энциклопедии и методологии филологических наук“, — она показывает негодность абсолютизма и оклократии; кто изучил политические учреждения древности, тот не будет повторствовать ни одной из этих крайностей, ни деспотизму, ни утопиям социализма, которые древность уже пережила и победила».

Влияние Бёка. Бёк дожил до глубокой старости и умер почти 82 лет, в 1867 г. С каким уважением относились к его знаниям, как велик был его авторитет, показывает следующий пример: Александр Гумбольдт, автор «Космоса», будучи уже 65-летним стариком и известным ученым, был в числе слушателей Бёка и посещал его лекции по греческим древностям и литературе (в 1833 и 1834/35 г.), о чем впоследствии, по поводу 50-летнего докторского юбилея Бёка, он с благодарностью вспоминал и говорил, что еще и теперь (т. е. в 1857 г.) он охотно, не без некоторой гордости, показывает те записки, которые он по

¹ См.: *Böckh* A. Gesammelte kleine Schriften.

старинному обыкновению тогда составлял, соблазненный примером остальных слушателей Бёка¹.

В некоторых отношениях значение и влияние Бёка можно сравнить с значением и влиянием историка Л. фон Ранке. Оба они почти одновременно обратились к документальным данным: Ранке, в области новой истории, — к тому материалу, который хранился в архивах; Бёк, в области древней истории, — к надписям, этому «каменному архиву» Греции. В 1825 г., как мы видели, вышел под редакцией Бёка 1-й выпуск «Corpus inscriptionum graecarum», а за год до того, в 1824 г., Ранке издал свой известный трактат «Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber», в котором он указывал на архивный материал, как на непочатый, самый достоверный источник, к коему следует обратиться. Но разница та, что архивное направление в новой истории тогда же, можно сказать, сразу привилось и стало развиваться, а пример Бёка сначала находил мало подражателей в этом отношении, и подобающее значение надписи приобретают лишь с конца 60-х и в начале 70-х годов прошлого века. — Затем известно, что Ранке создал целую школу; его ученики заняли большую часть кафедр истории в немецких университетах; нечто подобное можно сказать и о Бёке: и он создал своего рода школу; он был учителем целых поколений; его влияние распространялось не только на его непосредственных слушателей².

К. О. Мюллер, о котором далее мы еще будем говорить, археолог Эд. Герхард, главный инициатор Немецкого археологического института в Риме (1829), М. Г. Е. Мейер, И. Г. Дройзен, Макс Дункер, братья Э. и Г. Курциусы, экономист В. Рошер — все это были ученики Бёка, в большей или меньшей степени. Известный совместный труд Мейера и Шёмана, «Die attische Prozess» (1824), был ответом на тему, объявленную Берлинскою Академией наук по предложению

¹ См. письмо А. Гумбольдта к Бёку: *Hoffmann M. August Böckh. Lebensbeschreibung und Auswahl aus seinem wissenschaftlichen Briefwechsel.* Leipzig, 1901. S. 452.

² См.: *Hoffmann M. August Böckh. Lebensbeschreibung und Auswahl...*

Бёка. Г. Ф. Шёман, хотя и не был учеником Бёка, но находился в дружественных сношениях с ним, и его работы, о которых нам придется еще говорить, все более или менее примыкают к исследованиям Бёка. С Велькером (см. ниже) Бёк был в дружбе и оказывал ему нравственную поддержку. Целый ряд трудов по греческим древностям (например, В. Ваксмута, К. Фр. Германа, которого не следует смешивать с Готфридом Германом, представителем грамматико-критического направления в классической филологии) и по истории греческой литературы (например, Готфрида Бернгарди) более или менее связаны с трудами автора «Die Staatshaushaltung der Athener». Монография А. Шефера («Demosthenes und seine Zeit»), не бывшего слушателем Бёка, носит, однако, следы влияния последнего и примыкает к его исследованиям в области суда, финансов и морского дела афинян; Шефер сам сознавал, что основание, на коем покоится его изложение, положил Бёк I. Наконец, среди лиц, на которых влиял Бёк, можем назвать и известного Фердинанда Лассалья как автора работы о греческом философе Гераклите.

Можно сказать вообще, что в первой половине XIX в. наука классической филологии и в частности изучение греческой древности находились под влиянием Бёка; во многих отношениях его влияние сказывается и донныне.

Шлейермахер. Беккер. Рядом с Бёком действовал его старший современник и учитель Ф. А. Д. Шлейермахер, переведший Платона, и Иммануил Беккер, славный издатель греческих авторов, *der bahnbrechende Meister der Editionen*, как называет его историк Берлинской Академии наук богослов А. Гарнак. Между прочим, с его именем связано издание сочинений Аристотеля со схолиями и древними комментариями, предпринятое Берлинскою Академиею. Беккер подготовил это издание, и под его редакциею издано 4 тома; его продолжатели — Ф. А. Тренделенбург, Г. Бониц (известен его «Index Aristotelicus»), а теперь — Г. Дильс.

¹ См. его письмо к Бёку: *Hoffmann M. August Böckh. Lebensbeschreibung und Auswahl...* S. 391: vgl.: S. 41.

К. О. Мюллер. Среди учеников Бёка особенно выдавался высокоталантливый и разносторонний Карл Отфрид Мюллер 1. Быстро прошел он свое земное поприще: родился он в 1797 г. в Бриге, в Силезии; 22 лет был уже профессором в Геттингене, а 43 лет сошел в могилу. Но несмотря на свою недолгую жизнь, К. О. Мюллер оставил ряд выдающихся трудов и глубокий след в науке. Бёк говорил о своем молодом ученике: «Отфрид Мюллер, одаренный прекраснейшими и благороднейшими силами ума и души, еще молодой и обладающий обширной ученостью, далеко оставит позади себя меня, которого он признает своим учителем». В К. О. Мюллере соединялись юношеский пыл, художественные наклонности, историческое чутье, замечательные природные дарования и удивительное трудолюбие. Один из современных историков (Goosch) называет его «юным Аполлоном в историческом Пантеоне». Современники говорили о счастье Мюллера, и он сам называл себя «любимым сыном счастья»; но успех достался ему недаром: будучи студентом, он занимался от 15 до 17 часов в день и жалел, что сутки не имеют 48 часов вместо 24-х. В Бреславльском университете он слушал лекции не только по филологии, но и по теологии, ориенталистике, истории, ботанике, математике и в особенности по философии. В Берлине, куда он перешел из Бреслава, он был любимым учеником Бёка ².

Как видно уже из этого, научные интересы К. О. Мюллера были очень широки; но главным образом его внимание привлекало «священное и прекрасное» древности. Его труды касались мифологии, можно сказать — любимой его области (Prole-

¹ Müller K. O. Lebensbild in Briefen an seine Eltern mit dem Tagebuch... / Hrsg. von Otto und Else Kern. Berlin, 1908; Förster R. Otfried Müller. Rede zum Antritt des Rectorats der Universität Breslau. Breslau, 1897; Dilthey K. Otfried Müller. Rede zur Saecularfeier Otfried Müllers am 1. Dezember 1897 gehalten von Karl Dilthey. Göttingen, 1898. Из предшествовавших: Hillebrand K. Étude sur O. Mülleret sur l'école historique de la philologie allemande // Müller O. Histoire de la littérature grecque jusqu'à Alexandre le Grand. Paris: A. Durand, 1865. 2 vol.; 2e éd. Paris, 1866. 3 vol.

² Böckh und Müller im Briefwechsel. Leipzig, 1883.

gomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie. Göttingen, 1825), археологии и искусства (Handbuch der Archäologie der Kunst. Breslau, 1830; Denkmäler der alten Kunst. Breslau, 1832) 1, литературы (Geschichte der griechischen Litteratur. Breslau, 1841. 2 Bde.) ² и истории Греции.

«История греческой литературы» у К. О. Мюллера не закончена: из историков он коснулся лишь Геродота и Фукидида, история философии доведена до Анаксагора и Эмпедокла, красноречия — до Исократы, и только история греческой поэзии кончается временем Александра Великого. Тем не менее это один из лучших трудов К. О. Мюллера. В нем автор хотел «показать, как те замечательные произведения, которые мы по праву называем классическими сочинениями греков, естественным образом вышли из умственного склада греческих народностей и из состояния их общественной и гражданской жизни и как в них выразился дух, вкус и вся внутренняя жизнь этой от природы богато одаренной пред всеми другими нациями».

К работам К. О. Мюллера по истории Греции относится прежде всего его диссертация об о. Эгине (Aeginetica. Berlin, 1817), замечательная между прочим тем, что это одна из первых специальных работ по местной истории Греции, как бы прототип тех монографий, которые в таком обилии стали появляться в исходе XIX в. Затем — обширный по замыслу труд «Geschichten hellenischer Stämme und Städte». Чтобы дать полное изображение какого-либо племени и города, К. О. Мюллер касался и местности, и климата, и языка, и культа, и искусства, и литературы, и истории. Первая часть названного выше труда посвящена Орхомену и миниям (Orchomenos und die Minyer. Breslau, 1820),

¹ Издание не было окончено при жизни Мюллера; продолжение выходило под редакцией Ф. Визелера; см.: Müller K. O., Wieseler F. Antike Denkmäler zur griechischen Götterlehre. 4. Ausg. von K. Wernicke. Denkmäler der alten Kunst.

² Для историка важно также издание Эсхиловых «Евменид»: «Eumeniden», griechisch und deutsch, mit erläuternden Abhandlungen über die äußere Darstellung und über den Inhalt und die Composition dieser Tragödie von K. O. Müller. Göttingen, 1833.

а вторая — дорьянам (Die Dorier. Breslau, 1824. 2 Bde.), их внешней истории, религии и мифам, государственному строю, нравам и искусству. Нужно заметить, что к дорьянам К. О. Мюллер питал особую симпатию: в них он видел наиболее типичных выразителей греческого гения. Отметим также, что К. О. Мюллер не допускал, чтобы в греческой культуре были какие-либо чуждые, восточные элементы: он стоял за полную самостоятельность, чистоту этой культуры и отрицал влияние Востока. Наконец, упомянем еще об одном труде К. О. Мюллера — «Die Etrusker» (Breslau, 1828. 2 Bde.).

Но все эти работы, как ни были они важны сами по себе для своей эпохи, должны были служить лишь подготовкой к другому, более обширному труду, о котором мечтал К. О. Мюллер еще с самой юности, — к общей «Истории Греции». Но прежде чем приняться за этот труд, К. О. Мюллер желал воочию видеть Грецию.

Путешествия в Грецию. Со времени героической борьбы Греции за освобождение в Европе пробуждается особенное внимание и интерес к этой стране, тем более что последняя делается гораздо доступнее для путешественников и для исследований на месте. Ряд ученых отправляется туда, чтобы изучить страну и ее памятники.

В начале XIX ст., еще до войны греков за освобождение, лорд Т. Б. Эльджин (Elgin), бывший английским послом в Константинополе, вывез из Афин мраморы Парфенона — фронтонные статуи, метопы и плиты фриза — которые были им частью сняты или подобраны, частью взломаны. За это Байрон, сам посетивший Грецию, как известно, заклеил Эльджина в «Проклятии Минервы» и в «Чайльд-Гарольде» как злого грабителя, — этого «пикта» (Эльджин был шотландец), «не пощадившего того, что годы сберегли, что варвары и турки пощадили». Но есть и другая точка зрения: некоторые ученые (например, Михаэлис) говорят, что наука должна быть благодарна Эльджину за то, что он спас эти произведения от дальнейшего разрушения и сделал их доступными тогдашней Европе для изучения. Ряд злоключений постиг, однако, их и самого Эльджина: одно из су-

дов, на которых перевозились ящики с этими художественными сокровищами, затонуло у мыса Малей и только через три года водолазам удалось вытащить потонувшие ящики; сам Эльджин попал было в плен к французам, и прошло несколько лет, прежде чем он получил свободу и собрал свои сокровища. По прибытии в Англию мраморы Парфенона со стороны художественной критики вызвали строгую, низкую оценку одних и восторг других, сначала, впрочем, немногих; живописец Гайдон говорит, что он увидел здесь «осязательно перед своими глазами соединение природы и идеала», что когда он обратился к фигуре Тезея и заметил, как каждая мышца изменялась соответственно покою или движению, когда его взор пал на Иллисса (Кефиса) и он увидел, как живот выдвинулся вперед, потому что фигура лежала на этом боку, и далее в сражающейся фигуре одной метопы он заметил, как при мгновенном движении руки обозначился мускул под одной подмышкой, между тем как под другой его не было, — одним словом, когда он увидел героический стиль соединенным со всеми существенными деталями действительной жизни, то было кончено раз навсегда! «Никогда я не забуду голов лошадей, ног в метопах! Я чувствовал, будто божественное откровение проникло в мое сердце, и я знал, что эти произведения, наконец, пробудят искусство Европы из его сна во мраке ночи»¹. Один из известных тогда французских археологов замечал, что тела в скульптурах Парфенона точно двигаются. «Я не видел ничего столь живого в своем роде, как конскую голову. Это уже не изваяние; морда ржет, мрамор живет, думаешь, он движется...»². А один учитель верховой езды советовал своим ученикам вместо урока верховой езды посвятить час изучению всадников фриза; так мастерски сидели они на своих неоседланных конях. В 1816 г. «Эльджиновы мраморы» (Elgin Marbles) были приобретены для Британского музея.

Около того же времени (1811) группа путешественников, два немца (Галлер и Линк) и два англичанина (Ч. Р. Кокерелль и Фостер), исследовали на о. Эгине развалины храма, приписываемого тогда Зевсу, и нашли знаменитые «Эгинские мраморы», которые тоже

¹ *Михаэлис Е. П.* Художественно-археологические открытия за сто лет. Пер. с нем. М., 1913. С. 41-42.

² Там же. С. 45.

были вывезены из Греции: приобретенные баварским принцем Людвигом, они составили зерно Мюнхенской Глиптотеки (открытой в 1830 г.). Те же путешественники, при участии и других лиц (например, О. М. Штакельберга), исследовали храм Аполлона в Бассах, близ Фигалии, в Аркадии. А в 1820 г. случайно найдена была знаменитая статуя Афродиты Милосской, разбитая на куски.

Греция привлекает внимание и французов. То была пора пробуждения национальных стремлений, симпатии к грекам, находившимся под турецким игом, и т. наз. филэллинства, центром которого на Западе был Париж. Ф. - Ш. Пуквиль (Pouqueville) издает много-томное описание своего путешествия по Греции («Voyage dans la Grèce», в 5-ти, потом в 6-ти т., 1820-1821 и 1826-1827); известный К. Форьель (Fauriel) публикует свои «Chants populaires de la Grèce moderne» (1824—25), а Эдгар Кине (Quinet) сопоставляет современную Грецию с античной («De la Grèce moderne et de ses rapports avec l'antiquité», 1830).

Еще во время войны за освобождение греков французы снаряжают в Морю полувоенную, полуученую экспедицию, результаты которой обнародованы в издании под заглавием: «Expédition scientifique de Morée» (1831-1839) и которой мы обязаны первыми раскопками в Олимпии. Ф. Лёба (Le Bas), обработавший эпитафический материал, собранный этою экспедициею², предпринял впоследствии «археологическое путешествие» по Греции³. А раньше его в Малую Азию был командирован (1833—1837) Ш. Тексье (Texier)⁴. В 1846 г. французы основывают свою «школу» в Афинах

¹ *Lovinescu E.* Les voyageurs français en Grèce au XIX siècle (1800—1900). Paris, 1909; *Halphen L.* La renaissance de l'histoire en France au debut du XIX siècle // Revue de Paris. 1914. I avr.; *id.* La renaissance de l'histoire ancienne en France au milieu du XIX siècle // Revue historique. 1914. Mai—juin.

² *Le Bas Ph.* Inscriptions grecques et latines recueillies en Grèce par la commission de Morée (1835—1837).

³ Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure pendant les années 1843 et 1844 et publié par Philippe Le Bas et W.-H. Waddington avec la coopération d'Eugène Landron. Paris, 1856.

⁴ *Texier Ch.* Description de l'Asie Mineure. Beaux-arts, monument historiques, plans et topographie des cités antiques. Paris, 1839—1849. 3 vol.

(École française d'Athènes). В 30-х годах в Англии изданы описания путешествий англичанина У. М. Лика (Leake), совершенных им гораздо раньше, еще до войны за освобождение, по Морее и северной Греции¹. Кроме этих капитальных сочинений, Лику принадлежали исследования по топографии Афин² и о демах Аттики³. Из английских путешественников того времени назовем еще У. Мьюра (Mure)⁴.

Но в особенности велик был наплыв в Грецию, после ее освобождения, немецких ученых и путешественников, что, кроме научного интереса, объясняется отчасти и теми связями, которые существовали между Греческим королевством времени Отгона (бывшего баварского принца) и Германией, в частности Баварией. Из филологов одним из первых посетил освобожденную Грецию Ф. Тирш (Thiersch), «праеceptor Bavariae», как его называли, филэллин, поборник греческой свободы. При короле Отгоне состоял профессор Х. А. Брандис, а в семье последнего, в качестве домашнего учителя, мы видим молодого Эрнста Курциуса, ученика К. О. Мюллера. Побывал в Греции и И. Франц, которого мы знаем, как сотрудника Бёка по продолжению «Corpus inscriptionum graecarum» (см. с. 304). Появляются многочисленные описания путешествий и исследования по топографии — австрийского посла при греческом дворе графа А. Прокеш фон Остена, путешествовавшего по Востоку и Греции и на о. Фере открывшего архаические надписи⁵,

¹ *William M.* Travels in the Morea. London, 1830. 3 vol.; *id.* Travels in Northern Greece. London, 1835. 4 Vol.

² Английский подлинник: *Leake W. M.* The topography of Athen. London, 1821; 2 ed. 1841; нем. пер.: Zürich, 1844.

³ *Leake W. M.* On the Demi of Attica / Transaction of the Royal Society of Uterat. Vol. I. Part 2. London, 1829; нем. пер.: *Leake W. M.* Die Demen von Attika / übers, von Prof. Ant. Westermann. Braunschweig, 1840.

⁴ *Mure W.* Journal of a tour in Greece and the Ionian Islands. Edinburgh, 1842.

⁵ *Prockesch-Osten A., v.* Erinnerungen aus /Egypten und Kleinasien. Wien, 1829-1831. 3 Bde.; *id.* Denkwürdigkeiten und Erinnerungen aus dem Orient. Stuttgart, 1836-1837. 3 Bde.; *Böckh A.* Ueber die von Herrn von Prokesch in Thera entdeckten Inschriften // ABAW. 1836.

собирателя греческих монет; П. В. Форхгаммера¹, Г. Ульрихса², Ф. Фидлера³, известного историка Ж. Ф. Фалльмерайера⁴ и многих др. Г. Киперт издаёт свой атлас⁵ и свои знаменитые карты. Но долее всех из немецких ученых-филологов оставался в Греции Людвиг Росс. Он провел здесь 13 лет (1832—45); он состоял хранителем древностей, а затем — некоторое время — профессором в только что основанном тогда (1837) Афинском университете. Росс частью сам, частью сопровождая короля Отгона, много раз изъездил Грецию и описал свои путешествия в нескольких сочинениях⁶; он деятельно изучал страну, ее население и древние памятники, собирал надписи⁷ и многие из них пересылал Бёку, в том числе, как мы видели, и те, которые касались морского дела афинян (см. с. 306). Часть собранного им эпиграфического материала Росс обработал в труде под заглавием: «Die Demeu von Attika und ihre Vertheilung unter den Phulen» (1846), который издал М. Г. Е. Мейер, со своими примечаниями. Россу принадлежат и другие, менее крупные работы по топографии и географии Греции. Он же руководил раскопками в Афинах, в акрополе, результаты которых были обнару-

¹ Forchhammer P. W. Hellenica. Griechenland im neuen das alte. Kiel, 1837; Topographie von Athen. 1841; Beschreibung der Ebene von Troja. 1850.

² Ulrichs H. Reisen und Forschungen in Griechenland. 1840. Bd. I; Bd. II: 1863.

³ Fiedler F. Reise durch alle Teile des Königreichs Griechenland. 1840—1841.

⁴ Fallmerayer J. P. Fragmente aus dem Orient. Stuttgart, 1845. 2 Bde.

⁵ Kiepert C. Topographisch-historisches Atlas von Hellas und die hellenischischen Colonien. Berlin, 1846.

⁶ Ross L. Reisen und Reiserouten durch Griechenland. Berlin, 1841; Reisen d. Königs Otto und d. Königin Amalie in Griechenland. 1848. 2 Bde. (в издании 1851 г.: Wanderungen in Griechenland im Gefolge d. Königs Otto und d. Königin Amalie. Mit besonderer Rücksicht auf Topographie und Geschichte. Halle); Reisen auf den griechischen Inseln des ägäischen Meeres. Stuttgart; Tübingen, 1840—1852. 4 Bde. (новое изд.: Klassiker der Archäologie im Neudrucke / Hrsg. vom F. Hiller v. Gaertringen, G. Caro, O. Kern, C. Robert. Halle am Saale, 1912 ff.).

⁷ Inscriptiones graecae ineditae. Leipzig: Brockhaus, 1834—1854.

дваны им, совместно с архитекторами Шубертом и К. Ганзенном, в 1839 г.¹ На этом поприще работали и греческие ученые, например, преемник Росса в должности хранителя древностей Питтаки, страстный археолог, но не совсем добросовестный и ненадежный, не останавливавшийся пред интерполяциями и фальсификациями², и А. Р. Рангави, выдающийся патриот, государственный деятель, дипломат, поэт и ученый³. Вообще в греческом обществе пробуждается любовь к изучению родной старины и ее памятников, стремление к научным исследованиям. В 1837 г., по инициативе Питтаки и Рангави, возникает греческое «Археологическое общество»; в Афинах основывается университет и т. д.

И вот К. О. Мюллер, в свою очередь, ступает на священную для него почву Эллады, исполненный радостных надежд и широких планов. Но ему не суждено было осуществить задуманный труд — написать общую «Историю Греции»: в Дельфах, в тот момент, когда он списывал одну из надписей, он был поражен солнечным ударом и умер в Афинах (1840), на руках своих учеников, Э. Курциуса и А. Шёлля⁴. Последние его слова были: «Какие колонны!..»

Труды по греческим древностям. В рассматриваемый период, т. е. в первую половину XIX ст., появилось несколько трудов по греческим древностям.

Таковы первые исследования Шёмана, о котором мы еще будем говорить, «Darstellung der griechischen Staatsverfassungen» (1822)

¹ Ross L. Die Akropolis von Athen nach den neuesten Ausgrabungen. Berlin, 1839; см. еще: *id.* Archäologische Aufsätze. Leipzig, 1855—1861. 2 Bde.

² Pittakys [K. S.]. L'ancienne Athènes ou la description des antiquités d'Athènes et de ses environs. Athènes, 1835.

³ Рангави // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1896. Т. XIX.

⁴ Собранные им дельфийские надписи изданы после его смерти Э. Курциусом (Anecdota Delphica. 1843), а А. Шёлль (A. Schöll) издал «Archäologische Mitteilungen aus Griechenland», на основании оставшихся после Мюллера бумаг (1843).

Титтмана, «Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staats» (Halle, 1826-1830. 2 Bde.; 2-е изд.: 1843-1846) В. Ваксмута, в свое время очень ценное пособие.

К. Ф. Герман. Особенно следует отметить «Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer aus dem Standpunkte der Geschichte» Карла Фридриха Германа (с. 313) — учебник, впервые появившийся в 1831 г. и потом разросшийся в многотомный компендиум, «Lehrbuch der griechischen Antiquitäten», в коем государственные древности составляют лишь первую часть, остальные же части посвящены были религиозным, частным и правовым древностям. Первоначально автор имел в виду дать сжатый обзор того, что на основании остатков древности и новейших исследований можно признавать достоверным относительно государственных учреждений и внутренней истории главнейших народов эллинской древности, и вместе с тем восполнить недостаток в удовлетворительном учебнике по этому отделу. Учебник Германа отличается кратким, сжатым текстом, обширными примечаниями с многочисленными ссылками и цитатами из источников и указаниями на литературу; в этих примечаниях собран громадный материал. Труд Германа до сих пор служит одним из основных настольных пособий при занятиях греческою историею и древностями. Неудивительно поэтому, что, несмотря на свою обширность, сжатость и сухость изложения и, следовательно, малую доступность широкому кругу читателей, он переиздавался не раз, подвергаясь дополнениям и исправлениям. Не так давно учебник Германа вышел новым, 6-м изданием (под общою редакцией) Г. Блюмнера и В. Диттенбергера); отдел государственных древностей обработан В. Тумзером¹, который принял во внимание новейшую литературу и данные, сообщаемые открытыми тем временем надписями и Аристотелевым трактатом («Афинскою политиею»); для нового издания Ганс Дройзен написал «Военные древности» (их не было у Германа), составившие целый том, а Г. Свобода — отдел государственных древностей,

¹ *Thumser V.* Staatsaltertümer. 6. Aufl. Freiburg in Bresgau, 1889. 1. Abth.; 1892. 2. Abth.

стей, содержащий очерк общего развития греческих государств, положения колоний и обзор важнейших союзных государств 1.

Говоря о разработке греческой истории в Германии в первой половине XIX в., мы должны еще упомянуть о Лобеке, Велькере и в особенности — о И. Г. Дройзене.

Лобек. Христиану Августу Лобеку принадлежит между прочим отличающееся большою ученостью исследование о мистериях: «Aglaophamus, seu de theologiae mysticae Graecorum causis libri III» (Königsberg, 1829. 2 Bde.), в котором доказывалась несостоятельность теории Крейцера с ее «символикой».

Велькер. Фридрих Готлиб Велькер (1784—1868) — известный в свое время знаток поэзии, искусства и религии греков, первый профессор в Германии, начавший преподавать историю древнего искусства с кафедры². Самый выдающийся его труд — трехтомная монография, в которой сведены результаты большей части его работ: «Die griechische Götterlehre», появившаяся в 1857-1862 гг., но подготовленная раньше, в течение предшествовавших десятилетий³.

Дройзен. Иоганн Густав Дройзен (1808—1884)⁴, в конце 30-х годов профессор в Берлине, затем в Киле, в Иене и, наконец, опять в Берлине, — не филолог-классик, а историк, и притом занимавшийся не только древностью, но и новыми веками: известны его лекции о войне за освобождение («Vorlesungen über

¹ *Swoboda H.* Staatsaltertümer. 6. Aufl. 3. Abt. Tübingen, 1913.

² *Цветаев И. В.* Поминка по Фридриху Готлибу Велькере // Труды VI Археологического съезда. Т. II. Одесса, 1888; *Kekulév. Stradonitz R.* Das Leben Friedrich Gottlieb Welcker's, nach seinen eignen Aufzeichnungen und Briefen. Leipzig, 1880.

³ Из работ Ф. Г. Велькера по истории литературы известны: *Welcker F. G.* Der epische Cyclus oder die Homerischen Dichter // RhM. 1835. 1. Suppl.-Band; Die griechischen Tragödien mit Rücksicht auf den epischen Cyclus (1839); по археологии: Ate Denkmäler. Göttingen, 1849.

⁴ Его биография писалась сыном, но не окончена: *Droysen C.* Johann Gustav Droysen. Leipzig, 1910.1; *Duncker M.* // Preussische Jahrbücher. LIV; *Hintze* // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 47; *Diether O.* Leopold von Ranke und Johann Gustav Droysen // Preussische Jahrbücher. CXXI.

die Freiheitskriege»), в свое время (1846) производившие сильное впечатление, его биография генерала Йорка и многотомная «Geschichte der preussischen Politik». Он принадлежал к тому поколению, которое мечтало об объединении Германии, боролось за эту идею и возлагало свои надежды на Пруссию. Он — один из главных, характерных представителей немецкой исторической науки прошлого века.

В молодости Дройзен занимался преимущественно греческою литературою и историею. Он прекрасно перевел Аристофана, написал обширную статью об Аристофановых «Птицах» и гермокопидах¹ и проч.; но более всего известна его «История эллинизма» или история Александра Великого и его преемников, принадлежащая к числу выдающихся произведений немецкой историографии XIX в. Впервые появилась она еще в 1833–1843 г.² и с тех пор в течение более полувека оставалась незаменимым и почти единственным общим трудом в этом роде до конца прошлого столетия, т. е. до выхода новых выдающихся трудов по истории эллинистической эпохи. Хотя у Дройзена и были предшественники, например, Маннерт и Г. Т. Флаге, но все же, как тогда, когда Дройзен работал над своей «Историей эл-

¹ Des Aristophanes «Vögel» und die Hermokopiden // RhM. III; отдельно — 1835.

² Первый том вышел в 1833 г. под заглавием: «Geschichte Alexanders des Grossen». Berlin, 1833; второй (Hamburg, 1836) и третий (там же, 1843), кроме частного заглавия, имели и общее: «Geschichte des Hellenismus»; в 1877—1878 г. (Hamburg) все сочинение было переиздано, и заглавие «Geschichte des Hellenismus» перенесено на все три тома. Кроме того, в 1880 г. появилось отдельное, общедоступное по цене, издание «Geschichte Alexander des Grossen» В 1883—1885 г. под редакцией А. Буше-Леклерка появился французский перевод, для которого автор сделал некоторые добавления и исправления. С него сделан и русский пер. (М., 3 т.). К сожалению, перевод этот крайне тяжел и шероховат, совершенно не соответствует живому и яркому изложению подлинника. Можно также пожалеть, что опущено то введение, которое имеется во французском издании: оно дает прекрасную характеристику Дройзена и его взглядов как историка (написано Буше-Леклерком).

линизма», так и долго впоследствии историей Македонского периода занимались сравнительно мало: она оставалась как бы в стороне и в пренебрежении. Отчасти это зависело от самых свойств предмета и от того, что, увлекаясь Элладой, многие не чувствовали вовсе влечения к изучению истории ее македонских завоевателей, видя в периоде, наступившем после Херонейской битвы, лишь извращение, падение и разложение чистых эллинских начал, а в войнах преемников Александра — лишь бессмысленную борьбу и путаницу. Так незадолго до появления труда Дройзена Нибур, обладавший, как известно, изумительною памятью, признавался однако (в своих «Vorträge über alte Geschichte»), что для него в целой истории нет ничего запутаннее войн диадохов, что он не может осилить всех подробностей и привести в порядок пеструю массу событий: по его словам, путаница происходит оттого, что перед нами проходит целая толпа людей, не отличающихся друг от друга никакими достойными внимания признаками. Все эти македонцы оставляли Нибура равнодушным; он называет их даже «разбойниками» и желал бы, употребляя его собственное выражение, «чтобы земля разверзлась и поглотила всех македонцев». «С такими чувствами, — по сознанию самого Нибура, — конечно, не легко заниматься этою частью истории».

Совершенно иначе отнесся к Македонской эпохе Дройзен. В ее оценке он стал на противоположную точку зрения. По его собственным словам I, Македонский период, на который обыкновенно смотрят с пренебрежением, ему кажется не «большим пробелом», не «мертвым полем в истории человечества», не «отвратительным отложением всякого извращения, гнили и мертвечины», а напротив — «живым членом в цепи человеческого развития, наследником и исполнителем великого завещания, носителем величайшего назначения». «Эллинизм, — по мнению

¹ См. предисловие к II т. «Geschichte des Hellenismus» (изд. 1843 г.), перепечатанное теперь: *Droysen* С. Kleine Schriften zur alten Geschichte. Leipzig, 1893. I, 298 ff. Предисловие это интересно для характеристики взгляда Дройзена на историю вообще и на «эллинизм» в частности.

Дройзена,— есть современная эпоха язычества», или «древности» («Der Hellenismus ist die moderne Zeit des Heidentums»). Сквозь бесконечные войны и распри Александровых преемников, сквозь эту путаницу Дройзен усмотрел важное, всемирно-историческое значение эпохи — развитие нового «принципа», который он назвал «эллинистическим», и с тех пор слово «эллинизм» стало общеупотребительным в смысле термина для обозначения того периода, который наступил со времени Александра Македонского и «распространения греческого господства и образованности среди отживших культурных народов Востока», и той культуры, которая возникла из слияния начал греческих и восточных, хотя против уместности и правильности такого названия и возражали иногда ¹.

Благодаря той любви и интересу, с которыми Дройзен изучал историю не только Александра Великого, но и его преемников, он достиг того, чего не мог достичь даже Нибур,— осилил подробности, вполне справился с неблагодарным и трудным материалом, с путаницей лиц и событий и дал наглядное изображение не только великой деятельности Александра, но и борьбы его преемников; несмотря подчас на скудость и сухость источников, представил ряд ярких портретов-характеристик этих «диадохов» и «эпигонов», из которых каждый — Пердикка, Евмен, Полисперхонт, Лисимах, не говоря уже о Деметрии Полиоркете и многих других — предстает перед нами со своими индивидуальными чертами, так что трудно смешать одного с другим. Борьбу, казавшуюся бессмысленною, и путаницу, представлявшуюся непреодолимою, Дройзен сумел осмыслить и осветить, указал на господствующие идеи, проявляющиеся в этой борьбе, отметил ее главные стадии и выставил в ярком свете на первом плане главных деятелей и главные мотивы. Он чрезвычайно подробно описывает войны диадохов и эпигонов; но излагает так мастерски, с таким воодушевлением, что сочинение его, несмотря на тему, столь мало, по-видимому, способную заинтересовать читателя, и

¹ См. рецензию: *Schmidt A.* // NJb. 1837. XIX; перепечатана в его «Abhandlungen zur alten Geschichte». Leipzig, 1888.

материал, столь трудно поддающийся обработке, представляется интересным и доступным не для одних специалистов, но и вообще для лиц, любящих историю. С другой стороны, при недостаточности разработки истории той эпохи и самих источников, Дройзену вместе с тем приходилось нередко самому, так сказать, пролагать дорогу, исследовать детали, собирать и подвергать критическому разбору источники.

Конечно, труд Дройзена имеет и свои недостатки. В нем есть промахи, неточности и пробелы, тем более понятные, что, как было упомянуто, период этот сравнительно мало исследовался, а показания источников часто слишком скудны и сбивчивы. Желание дать, несмотря на эту скудость, отрывочность и сухость материала, наглядное и яркое изображение событий, представить мотивы действующих лиц иногда увлекало Дройзена слишком далеко, и он слишком предавался своей творческой фантазии, и его стиль не чужд иногда риторике. С самым взглядом Дройзена, с тою «философией истории», которая проглядывает в его труде, с его некоторого рода фатализмом не всегда можно согласиться. На Дройзене, очевидно, сильно отразилось влияние господствовавшей тогда в Германии философии Гегеля. Как фатализм, так и гегелианство Дройзена особенно заметны в первом издании; в последующих они значительно сглажены. Суждения и оценка исторических деятелей у Дройзена не совсем беспристрастны. Так, он не только восторгается деятельностью Александра Великого и его политикой по отношению к покоренным народам и к македонянам, но он обнаруживает неизменное преклонение и пред самую личность Александра; он во всем оправдывает его I. Достаточно указать, с каким невозмутимым спокойствием, видимо вполне одобряя образ действий Александра, описывает Дройзен умерщвление Пармениона, совершенное по приказанию царя «украдкой», «in der Stille». Зато он слишком строг и несправедлив по отношению к Греции, к афинской демократии и Демосфену. Последний, по его мнению, должен был оставить

¹ Отражение подобного же взгляда на Александра в русской литературе мы видим в лекции Т. Н. Грановского: Сочинения. Т. I.

свои патриотические стремления, преклониться пред могуществом Македонии, знать, что ей принадлежит будущее, и не бороться с нею; образ действий Демосфена обнаруживает близорукость: он делает, «может быть», честь его сердцу, но, конечно, не уму! Вообще, как только речь заходит о Демосфене и Александре, ученые обыкновенно оставляют историческую, более или менее объективную точку зрения и впадают в крайность, то не в меру унижая и клеймя, то не в меру превознося того или другого. Дройзен, когда говорит об отношении Македонии к Греции, представлял себе, очевидно, отношение Пруссии к тогдашней Германии, и это влияло на его оценку фактов и деятелей далекого прошлого.

Наконец, так прекрасно сознавая всю важность рассматриваемого периода в культурном отношении, давая даже такое общее заглавие своему сочинению, как «История эллинизма», Дройзен, однако, не касается самой интересной стороны эпохи — ее культуры (если не считать нескольких общих, рассеянных в сочинении замечаний) и ограничивается только военно-политической историей. Нужно, впрочем, заметить, что это произошло не оттого, чтобы Дройзен не считал нужным в «Истории эллинизма» касаться культуры, а оттого, что первоначальный план не был выполнен автором. Дройзен задумал было свой труд в гораздо более широких размерах. История Александра должна была служить только введением, а в «Истории эллинизма», в следующих за 2-м томом частях, предполагалось «изобразить религиозное состояние эллинизма, его смешение религий и культов, его теокразию (Theokrasie) и теософию, его неверие и суеверие, до последнего исчезновения эллинистического язычества, — перемену в общем образовании и специальных науках, в нравственных отношениях и международных сношениях до победы восточной реакции в лице царства Сассанидов и магометанства, и наконец, — длинный ход увядающей литературы и искусства до последних византийских отголосков из великого прошлого и окончательного триумфа Востока над родиной эллинизма». Но от этого грандиозного плана Дройзен впоследствии отказался и ограничился только тремя томами, представляющими, по выра-

жению Буше-Леклерка, своего рода «трилогию» — 1) историю Александра, 2) диadoхов и 3) их эпигонов.

От Грота до конца 60-х годов

Англия и Греция. Мы видели, что уже в XVIII в. в Англии появилось несколько общих «Историй Греции». В XIX ст. первая замечательная общая «История Греции» выходит тоже в Англии. И это не простая случайность. Дело в том, что многие черты и явления в исторической жизни древних греков — политическая свобода и самоуправление, такие учреждения, как народное собрание и суд присяжных, развитие политического и судебного красноречия, мореходства и торговли, многочисленные колонии, — все это делало их историю особенно близкою, интересною и понятною именно для англичан.

Тёрдуолл. В 1835—1838 гг. вышла «History of Greece» Тёрдуолла (Thirlwall), в 8 томах, отличавшаяся немалыми достоинствами; Грот говорит о ней, что если бы она появилась несколькими годами раньше, ему бы и в голову не пришла мысль писать свою «Историю Греции». Но эта последняя, вышедшая вскоре после труда Тёрдуолла, совершенно затмила его.

Грот. Грот не был профессиональным ученым — он долгое время был банкиром и парламентским деятелем, — и его ученая карьера шла не обычным путем¹, что в Англии не составляет редкости.

Джордж Грот, дед которого, немец из Бремена, в середине XVIII ст. переселился в Англию и основал там в Лондоне банкирский дом, родился в 1794 г. Шестнадцати лет он уже закончил свое школьное образование и, по воле отца, должен был посвятить себя занятиям в банкирской конторе. Банкиром он оставался в течение целых 32 лет. Свой досуг Грот употреблял на изучение столь любимых им классиков, политической экономии,

¹ Биография Грота написана его вдовою: *Grote H.* The Personal Life of G. Grote. London, 1873; есть нем. перев.: *George Grote, sein Leben und Wirken.* Autorisierte deutsche Übersetzung von L. Seligmann. Leipzig, 1874.

которую тогда в Англии очень интересовались, философии, не только древней — Платона и Аристотеля, — но и новой, в том числе и немецкой (например, Канта), и т. д.

Таким образом, разносторонними познаниями и широким образованием, которыми отличался знаменитый историк Греции, он был обязан самому себе и затем общению с выдающимися умами. Три лица оказали могущественное влияние на развитие идей молодого Грота: экономист П. Рикардо, философ И. Бентам, представитель утилитаризма, и в особенности Джеймс Милль, отец Джона Стюарта Милля, автор «Истории Индии» и «Анализа человеческого духа». Грот усвоил многие воззрения Милля-старшего, между прочим его политические антипатии — к аристократии и к официальной церкви.

Первое печатное произведение Грота — опыт о парламентской реформе, изданный в виде летучего листка в 1821 г. Но вскоре Грот обращается к изучению греческой истории. В 1826 г. в «Westminster Review» появляется его статья, представляющая критический разбор «Истории Греции» Митфорда, которая была проникнута крайними торийскими воззрениями, враждою к Афинам, и по которой тогдашняя английская публика преимущественно знакомилась с древней Грецией. Статья произвела большое впечатление; в ней намечены уже были взгляды, развитые потом Гротом в его большом труде — «History of Greece»; отчасти именно желание исправить ошибки Митфорда и представить явления греческой истории с более правильной и широкой точки зрения и побудило его взяться за такой труд¹.

Но в ту пору Грота отвлекали банкирские занятия, а затем, в 30-х годах, сверх того, и напряженная парламентская деятель-

¹ См. предисловие Грота в I т. его «Истории Греции». Если же верить вдове Грота, составившей его биографию, то мысль написать этот труд внушила ему она, еще в 1823 г., видя, с какою любовью и успехом он занимается историей Греции. Нужно заметить, что г-жа Грот вообще не прочь выставить свое участие в создании великого труда: она говорит например: «весь январь и февраль (1845) мы заняты были работой над *opus magnum*» (т. е. над «Историей Греции») (с. 193 нем. пер.), «наш 9-й и 10-й том» (с. 255), «нас занимало печатание 11 т.» (с. 262); «наш 11 т.» (с. 263).

ность: он заседает в парламенте в качестве депутата от Лондонского Сити, становится в ряды радикалов, приобретает известность как выдающийся политический деятель и оратор, работает в различных комиссиях и т. д. Все это нам объяснит и некоторые особенности его «Истории Греции». Лишь в 1841 г. Грот навсегда отказывается от парламентской деятельности, а в 1843 г. — и от банкирской, и всецело предается работе над *opus magnum*, как заранее называл Дж. Ст. Милль будущую «Историю Греции» Грота.

«История Греции». В 1846 г. выходят первые два тома ее, а ровно через 10 лет, в 1856 г., с выходом XII тома, капитальный труд был закончен.

Грот начинает с мифов, которые пересказывает подробно, так что весь I и половина II тома у него приходится на легендарную историю. Подлинная история, по мнению Грота, начинается лишь с 776 г. и распадается на шесть периодов, из коих первый может быть рассматриваем как подготовительный: 1-й — с 776 г. до 560 г. или до начала правления Писистрата в Афинах и Креза в Лидии (деление, кстати заметим, едва ли удачное); 2-й — до изгнания Ксеркса из Греции; 3-й — до конца Пелопоннесской войны и до падения Афин; 4-й — до битвы при Левктрах; 5-й — до битвы при Херонее, и 6-й — до конца века Александра. Пять периодов — от Писистрата до смерти Александра и его поколения — составляют, по словам Грота, акты исторической драмы, которые могут быть переданы в ясной последовательности и стоят в явной связи между собою. В соответствующих местах Грот включает историю сицилийских и италийских греков; он очень подробно останавливается на туземных народах Азии, Африки и Европы, с которыми греки вступали в те или иные отношения; при случае вводит замечания и даже целые обзоры, касающиеся греческих политических конституций, философии, поэзии и красноречия, насколько это, по его мнению, необходимо, чтобы изобразить многостороннюю деятельность греческого народа. Свою «Историю» Грот заканчивает веком Александра и его преемников, потому что после этого, по его словам, политическая деятельность Греции стеснена и унижена, для читателя не интересна и не

влияет на последующую судьбу мира: с этого времени греки имеют значение лишь как отдельные личности, как философы, учителя, астрономы, математики и т. д.

Успех ее. «История Греции» Грота была встречена как в Англии, так и за ее пределами с восторгом. Известный историк Галлам говорил еще по поводу первых томов ее: «Я давно знаком с ученым миром и могу смело утверждать, что не знаю другой книги, которая бы столь быстрым полетом достигла высочайшей вершины славы... Она вызвала поразительнейшую сенсацию между учеными». Тёрлуолл сознавался, что произведение Грота затмило его собственный труд, что это — «достойный славы памятник учености, гения и мысли, подобного которому не представляет ни одна другая литература». «Ваш труд,— писал Дж. К. Льюис Гроту,— превзошел все прочие „Истории Греции“, и те, кто тоже будут заниматься этим предметом, должны будут брать вашу работу за исходный пункт». Хр. Авг. Лобек, тогдашний «филологический патриарх» в Кенигсберге, по выражению одного современника, «снимает перед Гротом шляпу, а его коллега К. Лерс преклоняет свои колени». По мнению Деллингера, «History of Greece» Грота как политическая история «останется, вероятно, навсегда единственной и недостижимой»...

Вообще, появление «Истории Греции» Грота было целым событием. Несмотря на большой объем (12 томов), ее читали и ею интересовались не одни специалисты; она возбудила внимание образованного общества Англии, континента и Америки. В Англии на ней воспитались целые поколения. Не прошло и трех лет со времени выхода первых двух томов, как понадобилось уже новое издание их. Появились переводы на французский и немецкий языки и разного рода извлечения¹. Имя Грота приобрело

¹ Немецкий перевод — в шести объемистых томах, убористой печати (1-е изд. в 50-х годах прошлого века, 2-е — в 1880 г.). Извлечение на нем. яз.: *Fischer H., Jacoby F.* Geist der griechischen Geschichte. Berlin, 1884. На рус. яз. полного перевода нет, но есть несколько статей, написанных по поводу или на основании труда Грота. Из них отметим: *Леонтьев П. М.* Мифическая Греция и Италия // Пропилеи. М., 1851. Т II;

широкую, можно сказать — всемирную, известность. Он был избран в число иностранных членов Французского Института, в почетные члены нескольких университетов (между прочим — Петербургского и Харьковского), академий, исторических обществ и т. д. Ему предложено было пэрство, от которого, однако, он отказался.

Привожу эти подробности, чтобы дать некоторое понятие о том успехе, какой имела «История Греции» Грота, и о том впечатлении, какое произвела она на современников. Успех ее один из новейших суровых критиков¹ объясняет тем, что Грот явился в ней выразителем господствовавшего духа века. Конечно, в значительной мере это верно; верно и то, что распространению славы Грота много содействовали его друзья, выдающиеся представители науки и философии. Но успех Грота объясняется также и несомненно крупными достоинствами и особенностями его труда.

Ее достоинства. Грот, как мы видели, не прошел, собственно говоря, строгой, правильной школы, какую проходили и проходят, например, немецкие ученые; но зато он обладал многими такими данными, каких не имели другие историки и филологи и которые дали ему возможность написать замечательную политическую историю Греции.

Глава банкирского дома, одно время — деятельный член парламента, выдающийся оратор, историк, философ и критик, Грот на практике был знаком с политической жизнью и с финансовыми вопросами. При этом он прекрасно знал классиков и новейшую специальную ученую литературу, особенно немецкую, посвященную греческой древности. Он был один из самых широко

Историческая Греция. Время до персидских войн // Там же. Т. III. 1853; *Васильевский В. Г.* Взгляд Грота на историю афинской демократии // ЖМНП. 1867. Январь; *Ненарокомов Ф. Н.* Из «Истории Греции» Грота // Русское слово. 1861.

¹ *Pöhlmann R.* Zur Beurteilung Georg Grottes und seiner «Griechischen Geschichte» // Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1890; напечатан в сборнике его статей: *Pöhlmann R.* Aus Altertum und Gegenwart. München, 1895.

и разносторонне образованных людей своего времени. Он не замыкался в какой-либо узкой специальности. Грот вращался в кругу выдающихся представителей тогдашней философии, науки и литературы; со многими из них он был в дружбе; к раньше названным именам — Рикардо, Бенгата и Джеймса Милля — можно присоединить имена младшего Милля, Галлама, Льюиса, Токвиля, отчасти Гизо, с которыми он был в более или менее близких отношениях. Грот очень часто посещал Францию, бывал в Бельгии, Германии, Швейцарии, Италии, хотя — нужно заметить — ни разу не был в Греции! Наконец, он обладал литературным талантом. Свою «Историю Греции» Грот подготовлял в течение 20 лет с лишком, в течение 10 с лишком он ее писал и печатал; таким образом, можно сказать, что в общем, если не считать некоторых перерывов, Грот посвятил своему труду более 30 лет: это был труд как бы целой жизни. Немудрено, что он вышел капитальным.

Прежде всего «История Греции» Грота отличается своими размерами: в английском подлиннике она состоит, как сказано, из 12 т.; из всех «Историй Греции», которые доведены до конца, это самая обширная и подробная. Вообще она вполне оправдывает то название, которое заранее дал ей Дж. С. Милль: это — в полном смысле *opus magnum*. Труд Грота основан на обширном знакомстве с литературными памятниками древности и с современной автору разработкой греческой истории. В нем в полном блеске обнаруживается громадная эрудиция и широкое образование Грота. Его «*History of Greece*» представляет замечательное явление также и в отношении критики и самостоятельности. Многие сообщения и свидетельства, которым верили безусловно, многие общепринятые рассказы и мнения Грот подверг сомнению или критическому разбору и частью устранил, частью поколебал доверие к ним. На многие явления и стороны греческой истории он высказал новые взгляды. Вообще в его труде было много смелого и оригинального. Приведу несколько примеров, не входя в подробное рассмотрение того, насколько прав был Грот в каждом отдельном случае.

Грот сознательно отказывается от всякого объяснения мифов; время, предшествующее 776 г., он выделяет из области истории; по его словам, это время отличается иною атмосферю — атмосферю эпической поэзии и легенды. Соединять то и другое, миф и историю, по мнению Грота, «нефилософски». Он воспроизводит древнейшие времена, как их представляли себе греки, и не берется мерить, сколько в них исторического элемента. «Если читатель,— замечает Грот,— за это будет меня порицать, если он меня спросит, почему я не подымаю занавеса и не открываю картины, то я отвечу словами живописца Зевксиса, когда к нему был обращен подобный же вопрос при выставке его художественного произведения: „занавес и есть самая картина“. То, что мы теперь читаем как поэзию и легенду, некогда было историей, которой верили... которую древнейшие греки понимали и в которой они могли находить наслаждение: занавес ничего не скрывает и он не может быть отдернут при помощи какого бы то ни было остроумия...» Основания и объяснения легенд Грот ищет в человеческом духе и делает широкие сопоставления греческих мифов с легендами и сказаниями современной Европы. Гомеровскому эпосу он посвящает целую главу. Спору, поднятому Вольфом, он уделяет большое внимание и выставляет свою гипотезу относительно состава «Илиады»,— гипотезу, о которой было упомянуто в своем месте (с. 82).

Переходя ко временам историческим, Грот пытается, среди темных и отрывочных указаний, определить, каково было состояние Греции в древнейшую пору, и пользуется здесь своего рода реконструкцией — на основании достоверно известных фактов делает предположения относительно предшествовавших стадий развития. Грот отверг достоверность предания о разделе земли Ликургом на равные участки и видел в этом предании продукт III в. до Р. Х., отражение идеалов Агиса IV, когда Ликургу приписано было то, что составляло мечту царя-реформатора.

Мы видели, что Грот имел в виду исправить ошибки Митфорда и представить историю Греции в ином, по его мнению, более верном, свете. Вопреки господствовавшим до него воззрениям,

он, как и Нибуэр, не преклонился перед Спартой и, по выражению Шёмана, «первый заговорил об Афинах достойным их образом». Он решительно взял афинскую демократию под свою защиту. Он всячески старался снять с афинян обвинение в неблагодарности к их великим деятелям. Грот объясняет и оправдывает их образ действий по отношению к Мильтиаду после неудачной экспедиции его к Паросу; он защищает даже их поведение относительно стратегов, одержавших победу при Аргинусах и затем преданных суду и казни. Он доказывает, что Клеон не был дерзким, пустым крикуном и хвастуном, каким изображает его комедия и Фукидид, и проч. Грот с новой точки зрения посмотрел на софистов и на их деятельность; в суждении об Александре Македонском он совершенно разошелся с Дройзеном и примкнул скорее с Нибуэру. А главное — в истории политического строя Афин Грот, парламентский деятель, многое первый понял и осветил; в особенности это нужно сказать относительно реформ Перикла. «История Греции» Грота вообще отличается большим реализмом и в этом отношении составляет противоположность господствовавшему прежде несколько романтическому взгляду на греков. Один из современников Грота, бывший прусский министр и друг Штейна, говорил: «Об Алкивиаде много писали древние и новые писатели; но его образ был мне неясен. Но вот выступает теперь Грот со своей „History of Greece“ и немногими штрихами рисует личность Алкивиада, которая стоит предо мною... Какие обманчивые образы рисовали нам филологи, по незнакомству с треволениями жизни. Как высоко ценили они жизнь Леонида! Наоборот, Перикла филологи далеко не достаточно высоко ставили. Теперь для меня он — первый грек».

Прибавим ко всему этому литературные достоинства произведения Грота, и мы поймем, почему оно имело такой успех, почему оно обратило на себя общее внимание и заняло одно из первых мест в ряду исторических трудов того времени.

Ее недостатки. Но капитальный труд Грота, конечно, имеет и слабые стороны. Последующие великие открытия Г. Шлимана и других показали, сколько неверного и одностороннего

было в отношении Грота к мифической древности и к древнему периоду греческой истории. В его «Истории Греции» есть главы, посвященные гомеровскому эпосу, лирике, ионийским философам и Пифагору, драме, софистам и Сократу; но он не считал нужным систематически и, так сказать, органически связать историю политическую с историей умственной жизни, и делал это отчасти сознательно, так как предполагал посвятить впоследствии особое сочинение наиболее выдающимся греческим философам, Платону и Аристотелю, что действительно и исполнил. Но все же в данном случае это пробел, и, таким образом, его «История Греции» есть по преимуществу история лишь политическая и, согласно тогдашнему направлению в науке, история лишь государства, а не общества. Существенным недостатком является и то, что Грот пренебрегал эпиграфическими данными и пользуется ими слишком мало даже для того времени. Его скептицизм и критицизм заходит иногда слишком далеко, как это можно видеть и из некоторых приведенных выше примеров; а в своем пристрастии к Афинам, в стремлении защитить и обелить их он не знает меры, впадает в крайности и натяжки, например, хотя бы там, где он говорит о процессе полководцев-победителей при Аргинусах. Местами труд Грота не столько история, сколько апология Афин, и Грот является в нем не историком, а скорее «адвокатом афинского демоса».

Такое отношение к Афинской республике нам будет ясно, если мы примем во внимание его политические убеждения и симпатии. Грот принадлежал не только к «философским радикалам» (как называли приверженцев Бентама), но и к политическим¹, Грот питал особенную любовь к республике. Когда в 1848 г. он поехал в Париж, то его необыкновенно возбуждала одна уже та мысль, что он находится в республике. Правда, к концу жизни в его воззрениях произошла значительная перемена; в своих прежних идеалах он несколько

¹ В разгар его парламентской деятельности враждебная ему газета «Таймс» называла его «ультрарадикальным банкиром», олицетворявшим в себе «систему движения» и «деструктивный принцип».

разочаровался. Республиканцем по своему образу мыслей Грот оставался до конца, но стал сознаваться, что против злоупотребления силой республиканские учреждения дают не больше гарантий, нежели монархические. В 1867 г., по поводу событий в Соединенных Штатах, он говорит: «Я пережил свою веру в силу республики, как преграды против низких страстей большинства, и допускаю возможность, что верховная власть, когда она покоится в республиканских руках, *может* быть употреблена так же пагубно, как и деспотом, подобным Наполеону I. Поведение Северных Штатов в последнем конфликте с Южными привело меня к этому убеждению, хотя *мне стоит большого усилия* признаться в этом даже самому себе». Но в то время, когда он писал свою «Историю Греции», Грот подчас слепо преклонялся перед демократической республикой, видел в ней самое чистое олицетворение свободы и равенства и полагал, что воля народного собрания в Афинах всегда служила верным выражением воли и интересов всей совокупности граждан, и таким образом в «Истории Греции», по замечанию одного новейшего критика I, обнаруживается политическое доктринерство Грота, его увлечение республиканскими формами. Он не замечал той противоположности между политической свободой и действительным положением массы, того фактического неравенства в обществе, той борьбы общественных классов и существования пролетариата, которые характеризуют Грецию с конца V в. Отсюда у Грота неверное и одностороннее освещение и оценка некоторых явлений, в особенности борьбы партий. В этих случаях, равно как и в отношении Грота к земледельческому классу, которому он

¹ См. названную раньше статью Р. Пёльмана. Интересно сравнить эти, довольно суровые, замечания критика конца XIX в. с теми отзывами, которыми встречен был труд Грота в середине того же столетия. В этой разнице отчасти сказывается различие в направлении и воззрениях исторической науки тогда и теперь. У Пёльмана — критика основных воззрений и направления Грота; детальный разбор самой истории афинского государственного строя мы найдем у Г. Шёмана: *Schömann C. F. Die Verfassungsgeschichte Athens nach G. Grote «History of Greece» kritisch geprüft.* Leipzig, 1854.

не симпатизирует, сказывается капиталист, ученик Рикардо, последователь Манчестерской школы с ее принципом свободной конкуренции и правительственного невмешательства в экономическую борьбу, с ее формулой: «laissez faire, laissez passer...» *

Едва ли нужно, наконец, говорить подробно о том, что «История Греции» Грота во многих своих частях устарела, что вполне естественно, так как в течение более полувека, прошедшего со времени ее появления, наука быстро двинулась вперед. Однако без нее и теперь нельзя обойтись при подробном изучении греческой истории и к ней не раз приходится обращаться при этом изучении.

Годы, следовавшие за выходом в свет его главного труда — «Истории Греции»¹, Грот посвятил двум своим монографиям — о Платоне (в 3 т.) и Аристотеле (в 2 т.); «Историю Греции», «Платона» и «Аристотеля» Грот называл своею трилогию.

Грот умер в 1871 г. и погребен в усыпальнице великих людей Англии — в Вестминстерском аббатстве, неподалеку от Гиббона и Маколея. Среди ученых и поэтов стоит и его бюст с надписью: «Historian of Greece», «Историк Греции»...

Гладстон. Итак, бывший банкир и парламентский деятель написал первую замечательную «Историю Греции». Вообще в Англии нередки подобные примеры непрофессиональных ученых: там часто случается, что деятели на государственном и иных поприщах с интересом и серьезно изучают древность. Известно, например, что «великий старец» У. Э. Гладстон увлекался Гомером, за чтением его отдыхал от государственных забот и дел и написал о нем несколько сочинений, из которых главное — «Studies on Homer and the Homeric Age» (Oxford, 1858. 3 Vol.)².

* Позволять делать (кто что хочет) (фр.).

¹ Издав первые 2 тома «Истории Греции», Грот отправился в Швейцарию, в которой в то время (1847) происходили распри между кантонами, напомиавшие ему борьбу между соседними греческими общинами, и он написал трактат о Швейцарии.

² Немецкая обработка А. Шустера: W. E. Gladstone's homerische Studien frei bearbeitet von Dr. A. Schuster. Leipzig, 1863; другие труды Гладстона: Iuventus Mundi. God and men of the heroic age. London, 1869; Homeric Synchronism. 1876; Homer. London, 1878.

Фриман. Из английских профессоров-историков, выступивших на ученом поприще позже Грота, в конце рассматриваемого периода, отметим Эд. А. Фримана, который еще в 60-х годах издал труд о федерализме¹: том содержит введение и историю греческих федераций². Впрочем, к Фриману мы еще вернемся.

Грот дал новый, сильный толчок к изучению греческой истории³. Его «History of Greece» открывает серию общих трудов, касающихся Греции и принадлежащих большей частью Германии. Здесь почти одновременно вышли труды Шёмана, Э. Курциуса и Макса Дункера⁴.

Шёман. Георг Фридрих Шёман (1793—1879), профессор Грейфсвальде, в свое время известный такими работами по греческим древностям, как «De comitiis Atheniensium» (Greifswald, 1819), «De sortitione iudicum apud Athenienses» (1820), «Der attische Prozess» (Halle, 1824)⁵ (труд, написанный совместно с

¹ **Freeman E. A.** History of Federal Government, from the Foundation of the Achaian League to the Disruption of the United States. Vol I. London, 1863. Новое издание: History of Federal Government in Greece and Italy. Ed. by J. B. Bury. London, 1893.

² О нем большая статья Вильгельма Фишера, базельского профессора, который раньше Фримана занимался тем же вопросом; см.: **Vischer W.** Ueber die Bildung von Staaten und Bündnen oder Centralisation und Föderation im alten Grichenland. Basel, 1849; то и другое перепечатано: **Vischer W.** Kleine Schriften. Leipzig, 1877. 2 Bde.

³ Ревностным последователем Грота, развившим еще далее его взгляды на афинскую демократию, является В. Онкен в своих этюдах по истории Греции V в.: **Oncken W.** Athen und Hellas. Forschungen zur nationalen und politischen Geschichte der alten Griechen. 2 Th. Leipzig, 1865—1866. 2 Bde.; ему же принадлежит прекрасная монография о «Политике» Аристотеля: **id.** Aristoteles und seine Lehre vom Staat. Berlin, 1870—1875. 2 Bde.; Онкен известен также изданною под его редакцию коллекцию: «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen». Berlin, 1881—1892.

⁴ Можно назвать еще «Geschichte Griechenlands» Фр. Кортюма: **Kortüm Fr.** Geschichte Griechenlands von der Urzeit bis zum Untergang des Achäischen Bundes. Heidelberg, 1854. 3 Bde.

⁵ Есть новое издание, в обработке Ю. Липсиуса: Der attische Process. Vier Bücher. Eine gekrönte Preisschrift von M. H. Meier und G. Fr. Schömann. Neu bearbeitet v. J. H. Lipsius. Berlin, 1883—1885. 2 Bde.

Мейером), «Antiquitates juris publici Graecorum» (Greifswald, 1838), по многим коренным вопросам расходился с Гротом. Взгляд последнего на историю афинской демократии он подверг подробному критическому разбору в исследовании под заглавием «Die Verfassungsgeschichte Athens nach G. Grote „History of Greece“ kritisch geprüft» (1854). Шёман — консервативнее Грота: он относится с большим доверием к традиции, и по некоторым пунктам он оказался правым: последующие открытия и исследования не раз подтверждали его мнение, например, относительно времени возникновения гелиэи.

Но главный труд Шёмана — «Griechische Alterthümer» (Berlin, 1855—1859. 2 Bde.). Первый том их появился в то время, когда «История» Грота заканчивалась и когда еще не было «Греческой истории» Э. Курциуса. Он содержит «Государственные древности», а второй том касается международных отношений и культа. План изложения «Государственных древностей» таков: вслед за «Введением» и картиной гомеровской Греции идет характеристика греческого государства вообще и обзор различных форм правления, а затем большая часть книги посвящена обзору трех государств — Спарты, Крита и Афин, причем в последнем случае дается сначала исторический очерк афинского государственного строя, а потом следует специальный обзор его. Такой план и по настоящую пору обычный в руководствах по греческим древностям.

«Древности» Шёмана входят в состав той серии руководств, которая предпринята была издательской фирмой Вейдмана и к которой принадлежат такие замечательные труды, как «Римская история» Теодора Моммзена и «Греческая история» Эрнста Курциуса. Руководства эти (называвшиеся «Handbücher zum Verständniss des klassischen Altertums») имели в виду дать живое изображение древности и предназначались не столько для специалистов, сколько для более широкого круга образованных читателей. И Шёман блистательно выполнил свою задачу: его «Древности» отличаются прекрасным изложением, написаны живым языком и читаются легко, с большим интересом. Особенно удалась ему характеристика гомеровской Греции. Но этого мало: труд

такого знатока, как Шёман, не мог быть простою компиляцией; он важен и для специалистов и вообще занял место в ряду лучших пособий по греческой истории и древностям. Главный же недостаток его — невнимание к эпиграфическому материалу.

«Griechische Alterthümer» Шёмана встречены были с большим сочувствием и еще при жизни автора выдержали несколько изданий. Не так давно известный ученый Ю. Липсиус обработал их для нового (4-го) издания (I т. — 1897, II т. — 1902), приняв во внимание результаты новейших открытий и исследований I.

Э. Курциус. Имя Эрнста Курциуса останется неразрывно связанным с теми великими успехами в деле изучения греческой истории, географии и археологии, которыми ознаменовался XIX в.

Если Грот был финансистом и парламентским деятелем, прежде чем стать историком Греции; если он никогда не переставал интересоваться политическими вопросами и в своей «Истории» выдвигал на первый план политическую сторону; если многие видные представители немецкой исторической науки XIX ст. были в значительной мере политиками, борцами за объединение Германии, готовыми проповедовать даже национальную вражду и ненависть к другим народам; — то Э. Курциус, наоборот, является типом идеалиста-ученого, стоящего далеко от злобы дня и политической борьбы, чуждого национальной ненависти, всецело преданного изучению столь любимой и несколько идеализируемой им классической древности: это — как бы представитель прежней культурной эпохи — эпохи Винкельмана и романтизма; это — натура художественная, с эстетическими наклонностями, больше археолог, нежели историк.

Эрнст Курциус² родился в 1814 г. в Любеке, в образованной бюргерской семье. Он слушал лекции в Бонне, затем в Гёт-

¹ Подробный разбор: *Шеффер В. А.* // ФОб. 1899. XVI.

² Ernst Curtius. Ein Lebensbild in Briefen. Hrsg. von Fr. Curtius. Berlin, 1903. (2. Aufl. — 1913. 2 Bde.). О Курциусе: *Michaelis A.* // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1896. № 182-184; *Schöne A.* // Jahrbücher der Königlichen Preussischen Kunstsammlungen. 1896. Bd. XVII. 4. Heft; *Broicher Ch.* Erinnerungen an Ernst Curtius // Preußische Jahrbücher.

тингене и, наконец, в Берлине (1833—1836). Три лица были его главными учителями: в Бонне — Ф. Г. Велькер, в Гёттингене — К. О. Мюллер, а в Берлине — А. Бёк. Их влияние сказывается на всей последующей деятельности Курциуса. В особенности сильно было влияние К. О. Мюллера: во многом Курциус явился исполнителем планов и заветов своего любимого учителя, так рано сошедшего в могилу.

В 1837 году Курциус отправился в Афины в качестве домашнего учителя в семье профессора Брандиса, который приглашен был читать лекции греческому королю Отгону. Таким образом, он воочию знакомится с природою страны, с ее топографией, с ее памятниками. Он сопутствует знаменитому географу К. Риттеру в его путешествии по Пелопоннесу, что дает ему впоследствии возможность написать такой прекрасный труд, как его «Peloponnesos» (Gotta, 1851—52, 2 Bde.). Вскоре в Афины прибыл друг его детства, поэт И. Гейбель. Вместе они гуляли «то по тихим берегам Илисса, где Сократ искал уединения, то по оливковой роще и окраине Колона, или по высотам древнего акрополя, откуда открывался вид на Эгину; вместе они вдумывались в слова аттических поэтов, стараясь уловить их внутренний смысл и подыскать немецкое выражение; а по вечерам они записывали стихи и находили в этой работе неисчерпаемое наслаждение» I. Так возникли «Classische Studien», изданные в 1840 году, — плод совместной работы Курциуса и Гейбеля.

Bd. 86. Dezember. Berlin, 1897; речь Reinhard Kekule von Stradonitz (Ernst Curtius. Gedächtnisrede gehalten bei der von der Berliner Stundenschaft am 26. Juni 1896 veranstalteten Trauerfeier von Reinhard Kekule von Stradonitz. Berlin, 1896); «Воспоминания» *Gurlitt E.* (в Jahresbericht für Altertumswissenschaften. CXI. 1901); *Geizer H.* Wanderungen und Gespräche mit Ernst Curtius // Ausgewählte kleine Schriften. Leipzig, 1907; *Bossert* // Revue des Deux Mondes. 1904. 1 mai; id. // Edinbourg Revue. 1904. Janvier—april; *Hodgkin Th.* Ernst Curtius. London, 1905; моя заметка // ФОб. 1896. XI.

¹ Из «Воспоминаний» Курциуса о Гейбеле. См.: *Michaelis A.* // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1896. № 182-184; речь R. Kekule von Stradonitz.

Вместе с Гейбелем Курциус совершает поездку на Циклады, на Парос и Наксос, и эта поездка оставляет в нем неизгладимое впечатление, о чем красноречиво свидетельствует его лекция о Наксосе, читанная им несколько лет спустя. В 1840 году в Грецию прибыл К. О. Мюллер. Вместе с ним Курциус еще раз посетил Пелопоннес. Он сопровождал своего учителя и в его поездке в Дельфы, закончившейся так трагически, и Мюллер умер, как мы видели, на руках Курциуса и Шёлля.

Пребывание Курциуса в Греции было решающим моментом в его жизни и в направлении всей последующей его деятельности. По возвращении в Германию он избирает темой для своей докторской диссертации вопрос по топографии Аттики: «*Der portubus Athenarum*» (1841); в 1843 году он издает дельфийские надписи, открытые и разобранные его учителем, К. О. Мюллером («*Analecta Delphica*»), и несколько аттических («*Inscriptiones Atticae nuper repertae duodecim*»). Он является деятельным членом Археологического общества и сотрудником «*Archäologische Zeitung*»; он начинает чтение лекций в Берлинском университете в качестве приват-доцента, а затем — экстраординарного профессора.

В феврале 1844 г. в «Научном фереине» Курциус читал лекцию об афинском акрополе. Со свойственным ему художественным талантом, наглядно и живо, как очевидец, описал он акрополь, его памятники, их печальную судьбу. Лекция произвела чрезвычайно сильное впечатление. Присутствовавшая на ней принцесса Августа (будущая императрица), внучка Карла Августа Веймарского, знаменитого покровителя Гёте и Шиллера, по инициативе которой и возник упомянутый «Научный фереин», тут же решила пригласить Курциуса в наставники своему сыну. Так начались близкие отношения между Курциусом и будущим кронпринцем и императором Фридрихом, отношения, имевшие немаловажное значение не только в личной судьбе Курциуса, но и для науки, для успеха и осуществления тех планов, которые он лелеял.

Но, исполняя обязанности наставника молодого принца, став человеком, близким к семье Вильгельма I, Курциус не оставляет

ученой деятельности; а вскоре после того, как воспитание принца было закончено, Курциус издает свой первый крупный труд, который он уже давно подготовлял и который был плодом его путешествий по южной Греции, — «*Peloponnesos*», сочинение, обратившее на себя общее внимание: прекрасная форма, живость, художественность и точность описаний, серьезные научные достоинства, все это в нем гармонически соединяется. Здесь мы видим отражение влияния К. Риттера: применены его идеи о взаимодействии природы и человека, географии и истории.

В 1846 году Курциус в «Научном фереине» читает лекцию о Наксосе, носящую на себе следы живых, личных впечатлений и воспоминаний об этом острове, а в январе 1852 г. — достопамятную лекцию об Олимпии, полную воодушевления и благоговения к этому священному для греков месту, в которой он говорил о гимнастических состязаниях и их значении в Греции, об истории Олимпии, о произведениях искусства, таящихся в священной почве, под илом Алфея, и которую он закончил восторженным призывом извлечь эти сокровища на свет — произвести раскопки, ибо «то, что лежит там, в темной глубине, есть жизнь от нашей жизни» («*ist Leben von unserem Leben*»). Но как ни было сильно впечатление, произведенное этой лекцией, прошло после того почти четверть века, прежде чем призыв Курциуса нашел себе надлежащий отклик и прежде чем его давние мечты могли наконец осуществиться.

В 1855 году Курциус выступил с своею «ионийскою» гипотезою в исследовании: «*Die Ionier vor der ionischen Wanderung*», где выдвигал важное значение ионийского племени и доказывал, что его первоначальная родина — Малая Азия и что последующая ионийская колонизация малоазиатского побережья является, таким образом, возвращением потомков на родину предков. Гипотеза эта вызвала много споров, и Курциусу

1 В 1853 г. Людвиг Росс в «*Ausgrabung von Olympia. Ein Vorschlag*» в свою очередь призывал немецких исследователей античной древности собрать посредством подписки сумму, необходимую для раскопок в Олимпии. В результате было собрано 262 талера.

пришлось отстаивать свой взгляд в ряде статей. Почти одновременно с исследованием об ионянах вышло (1856) начало IV т. «Corpus inscriptionum graecarum», значительная часть которого обработана была Курциусом. Кроме того, к 1853—1856 годам относится несколько небольших работ и речей Курциуса, преимущественно по истории греческого искусства и по топографии.

В 1856 г. Курциус переходит в Гёттинген. Гёттингенский период в его деятельности ознаменован появлением его главного труда, создавшего ему европейскую известность, — «Греческой истории» (Berlin, 1857-1867. 3 Bde.).

«Греческая история». «Griechische Geschichte» Курциуса появилась тотчас после труда Грота и заняла место как бы наряду с ним. От этого труда она, однако, отличается во многом. Прежде всего, она не так обширна; «История Греции» Грота в подлиннике состоит, как мы видели, из 12 томов, «Греческая история» Курциуса — всего из 3-х. Грот, политический деятель и член парламента, радикал по убеждениям, обратил особенное внимание на историю политическую, на внешние события и развитие учреждений и многое тут осветил. Напротив, Курциус, археолог и эстетик, а не политик, обращает большое внимание на культурную сторону, на умственную и художественную жизнь; страницы, посвященные литературе и искусству, в «Греческой истории» Курциуса занимают немало места и принадлежат к лучшим ее частям. Примером может служить глава «Die Friedensjahre», представляющая мастерскую характеристику Периклова времени. Притом у Курциуса история и характеристика культурных явлений не составляет простого, чисто внешнего придатка к общей политической истории Греции; напротив, в его изложении та и другая соединены органически; их связь и взаимодействие изображаются чрезвычайно ярко. В отношении критики Курциус уступает Гроту. Он менее скептичен, зато и не впадает в такие крайности, как Грот, например, в вопросе о разделе Лаконии на участки. Грот в своем труде выступил «адвокатом» афинской демократии. Курциус более умерен и более беспристрастен. При некоторой идеализации греков, при явной симпатии к Афинам он расходится с Гротом, например, в отзывах

о Клеоне и о процессе стратегов-победителей при Аргинусских островах, а к Спарте относится без антипатии. Свой труд он доводит до Херонейской битвы, и это понятно: для него история Греции оканчивается вместе с независимостью последней; в установлении македонского владычества он видит «не переход к новой эпохе, которая устранила бы вымершее и вызвала бы свежие силы развития, а только регресс, упадок» и деморализацию греков. Тем не менее, говоря о Филиппе и Демосфене, он не впадает в такой страстный тон и в такую крайность, как многие другие выдающиеся историки: ему удалось стать на более объективную и более широкую, общеисторическую точку зрения, взглянуть беспристрастно на деятельность того и другого, воздать каждому должное.

По размерам, цели и художественным достоинствам «Греческая история» Курциуса может быть сопоставлена с «Римской историей» Т. Моммзена. Подобно ей, она имела в виду не одних специалистов, а более обширный круг читателей; подобно ей, она входит в состав изданий, предпринятых фирмой Вейдмана и долженствовавших соединить к себе научные достоинства с доступностью изложения¹. Изложению Курциуса недостает, правда, той силы и того блеска, которыми так отличается произведение Моммзена, но все же оно художественно, легко и изящно; превосходно, например, описание природы Греции в начале I тома — здесь ярко сказалось непосредственное знакомство Курциуса с этою природою; — очень хороши также страницы, посвященные Периклову веку во II т., или ряд мастерских характеристик отдельных лиц. Произведение Курциуса не блещет

¹ Сам Курциус говорил по этому поводу: «Профессиональные ученые делают гримасу при виде моей „Истории“; но успех утешает меня в их презрении. Наши добрые немецкие ученые пожимают плечами, когда книга удобочитаема и когда пот не выступает на лбу автора. Я по совести могу сказать, что не щадил труда, но я поставил себе в обязанность не выставлять его напоказ. Я хотел написать книгу, которую всякий истинно образованный человек мог бы прочитать от начала до конца. Пропать, которая еще разделяет ученых от непосвященных, есть досадный остаток варварства».

такую оригинальностью, как «Римская история» Моммзена; но зато оно и не так субъективно, в нем нет такой резкости в суждениях и отзывах: Курциус мягче и как бы объективнее Моммзена. У Курциуса мало реализма; он несколько идеализирует греков, склонен смотреть на них, как на героев, нередко впадает в панегиризм и высокопарность. Его «История» носит еще сентиментально-романтический отпечаток. Социально-экономическая сторона, которая так выдвинута у Моммзена, на которую обращается такое внимание в современной исторической науке и в новейших трудах по греческой истории (Ю. Белоха и Эд. Мейера), у Курциуса освещена слабо. Не особенно силен он и в изложении событий чисто политических — и в этом своем труде Курциус является больше эстетиком; обнаруживается подчас недостаток критики; сравнительно мало пользуется он надписями и т. д. Но зато в произведении Курциуса дается мастерская общая картина развития греческой культуры в разнообразных ее проявлениях, в связи с политической историей; Курциус обнаруживает тонкое понимание античного искусства и художественное чутье, прекрасное знакомство с природою Греции и ее влиянием; его труд согрет любовью к тому народу, историю которого он излагает. Он проникнут «каким-то нежным, элегическим тоном, тихую грустью по потерянной красоте» (Виламовиц). Несмотря на некоторые недостатки, «Греческая история» Курциуса все-таки принадлежит к замечательным явлениям в историографии XIX столетия. Со времени выхода ее прошло уже около 50 лет; с тех пор она выдержала немало изданий и была переведена на многие иностранные языки — английский, французский, итальянский, русский¹. Теперь она, конечно, устарела.

Последующие работы Курциуса. Но, работая над своею «Греческою историей», Курциус не оставлял и частных, детальных исследований в излюбленной им области — в области археологии и топографии. В 1862 г. Курциус вторично отправляется в Грецию и на этот раз тщательно изучает топографию Афин, производит раскопки. Результатом этих его исследований были:

¹ Курциус Э. История Греции: В 3 т. Пер. с нем. М., 1880—1883.

«Attische Studien» (2 вып., 1862—1865) и «Sieben Karten zur Topographie von Athen» (Gotha, 1868). В Гёттингене во дни университетских торжеств он не раз произносит обычные речи. Для речей этих он избирал общеинтересные темы, более или менее из области классической древности¹.

Хотя Курциус, как уже упомянуто, не был политиком и стоял в стороне от злобы дня, но он близок был к семье прусского короля, симпатии его были на стороне Пруссии, а потому его положение в Ганноверском университете во время событий 1866 г. было не из легких. В 1868 г. он совсем покидает Гёттинген и переходит в Берлинский университет; вместе с тем он занимает должность «археолога» при королевских музеях, а с 1872 г. — директора отдела «Antiquarium». Тогда же он избран был в непрременные секретари Берлинской Академии наук, членом которой он состоял с 1853 г.

Наступает новый период в жизни и деятельности Курциуса; перед ним открывается более широкое научное поприще и наконец осуществляется его давняя мечта, исполняется задача, к осуществлению которой он призывал своих соотечественников еще в 1852 г. и на которую ему указывал еще К. О. Мюллер во время совместного их путешествия по Пелопоннесу: по настоянию Курциуса в 1874 г. германское правительство решило произвести на свой счет раскопки в Олимпии. Но об этой стороне деятельности Курциуса, равно как об учреждении в Афинах отделения Немецкого Археологического института и о связанных со всем этим печатных трудах Курциуса я буду говорить далее. Здесь же, опуская другие многочисленные его статьи, касающиеся истории, религии и искусства, и его речи берлинского периода, отмечу лишь третий (после «Пелопоннеса» и «Истории Греции») крупный общий труд, который Курциус издал уже в глубокой старости, 77 лет, — «Die Stadtgeschichte von Athen» (Berlin, 1891); это — «топография Афин с исторической точки

¹ Речи эти вошли в состав сборников: *Curtius E. Göttinger Festreden*. 1864; *id. Alterthum und Gegenwart. Gesammelte Reden und Vorträge*. Berlin, 1875.

зрения», завершение всех прежних его работ в этой области, результат более чем полувековых исследований и личных наблюдений...

Умер Курциус на 82-м году (1896).

Иным характером, нежели труды Шёмана и Курциуса, отличается «Geschichte des Alterthums» Макса Дункера.

Макс Дункер. Максимилиан Дункер I (1811—1886), профессор в Галле, затем — недолгое время — в Тюбингене, под конец — директор Прусского государственного архива и член Берлинской Академии наук, подобно Дройзену, занимался не только древнею, но и новою историею. Вообще он имел много общего со своим другом И. Г. Дройзеном: это была, по выражению Г. фон Трейчке, «политическая натура», не только ученый, но и публицист, страстный патриот, принимавший деятельное участие в борьбе за единство Германии, либерал, как большая часть тогдашних патриотов, мечтавших о единой Германии, и в то же время монархист, преданный прусскому королевскому дому, враг демократии и радикализма, в молодости приговоренный к заключению в крепость как демагог и агитатор, и его «История древности», доставившая ему славу, подготовлена не в тиши кабинета, а среди политической и парламентской борьбы и агитации.

«История древности» М. Дункера в первом издании появилась еще в 50-х годах прошлого века (Leipzig, 1852—1857), причем она состояла тогда из четырех томов, из коих первые два содержали историю Востока, а III и IV (1856—1857) — историю Греции до отражения персов включительно. С тех пор она переиздавалась несколько раз; над нею Макс Дункер не переставал работать в течение 30 с лишком лет, до самой своей смерти. В конце 70-х и в начале 80-х годов он переработал свою «Историю древности» коренным образом: в этом последнем (7-м, 1877 ff.) издании истории Востока посвящено уже не два, как было сначала, а четыре тома, истории Греции до Платейской битвы — три тома, вместо

¹ См. о нем: *Treitschke H. v.* // Preussische Jahrbücher. 1886. Bd. LVIII, и книгу: *Haym R.* Das Leben Max Dunckers. Berlin, 1891.

прежних двух¹. Но на этом Дункер не остановился: несмотря на преклонные годы — ему было тогда уже более 70 лет, — он решил продолжить труд, начатый за 30 лет до того, и в 1884 г. вышел 8-й том («Die Gründung der Macht Athens und der erste Krieg mit den Peloponnesiern»), а в 1886-м — 9-й («Die Staatsleitung des Perikles»), составляющие начало «Новой серии» (Neue Folge). Через несколько месяцев Дункер умер, и таким образом история Греции осталась у него неоконченною: она доведена до смерти Перикла.

В произведении Дункера мы видим соединение синтеза с анализом. По своему замыслу и назначению его «История древности» имеет преимущественно объединяющий характер. Дункер принялся за нее в то время, когда совершены были поразительные открытия в области ассириологии и египтологии, но результаты этих открытий не были еще сведены, и историки и ориенталисты работали отдельно в своих областях. Дункер первый предпринял попытку соединить эти две научные области, воспользоваться данными ассириологии и египтологии для чисто исторического изложения, представить в ясной и доступной форме результаты открытий и исследований ориенталистов и осветить части с точки зрения целого. Что касается Греции, то Дункер ставит в связь ее культуру с восточными культурами и дает ее общую историю в связи с историей Востока (напомним, что тогда еще не было «Истории Греции» Курциуса, начавшей выходить с 1857 г.). В предисловии (к V тому, 7-го изд.) в ответ на могущие возникнуть сомнения, не лучше ли было бы вместо возобновления такой реконструкции предоставить слово критическому разбору источников, обождать дальнейших разъяснений и твердого установления традиции, дальнейших результатов открытия новых памятников и надписей, Дункер замечает, что исследование и критика идут постоянно вперед, от одной стадии к другой; их работе нет конца; наука основывается на критическом разборе

¹ Хотя само собой разумеется, что в некоторых отделах «Geschichte des Alterthums» М. Дункера и в новом издании оказывается устарелюю, так как после его выхода сделаны важные открытия; Дункер не мог, например, пользоваться «Афинской политией» Аристотеля.

данных, на установлении фактов не менее, чем на понимании их, на связанном представлении о них. Необходимо взаимодействие этих двух моментов, «ибо не только в частях и посредством частей является целое, но и части получают жизнь и свет от целого». Дункер полагал, что именно в настоящее время (предисловие писано в 1881 г.) «близка опасность заблудиться по пути микрологии и, обратив весь взор на клочок поля, который со тщательностью возделывается, потерять из виду формацию той почвы, которой он принадлежит». — Повествовательный рассказ у Дункера чередуется с исследованием. Дункер вводит в свое изложение целые критические экскурсы: он передает различные сказания, свидетельства источников, сопоставляет их, разбирает, старается объяснить их генезис, отыскать в них историческую основу, зерно былой действительности.

По самому плану сочинения изложение истории Греции у Дункера должно было отличаться полнотою и всесторонностью. И действительно, оно обнимает внешнюю и внутреннюю историю, политику и культуру, мифы и религию, поэзию и науку, философию и искусство, хотя все-таки главную часть составляют отделы, касающиеся государственного устройства и борьбы партий, внешних отношений и войн. Эти отделы обработаны с особенною полнотою и любовью. Труд Дункера очень обширен и подробен, подробнее не только «Griechische Geschichte» Курциуса, но даже и многотомной «History of Greece» Грота, по крайней мере в некоторых частях. Сказания и свидетельства источников, наиболее важные и интересные надписи, все это приводится обыкновенно в переводе *in extenso* в самом тексте, не говоря уже о подробностях критического анализа. Изложение Дункера страдает иногда растянутостью; но в общем этот обширный труд читается легко и с интересом благодаря воодушевлению, с каким он написан, литературному таланту и полному господству автора над материалом. Дункер вообще старается оживить перед нами древность, перенести нас в ту отдаленную эпоху, поставить лицом к лицу с борющимися партиями и их противоположными точками зрения, с теми вопросами и задачами, которые приходилось разрешать, и с этою целью он влагает в уста вождям или сторонникам той или другой

партии те соображения и доводы, которые они, по его предположению, могли бы выставить в пользу своего мнения. У него очень живо, например, изображено все значение для внутренней истории Афин такой меры, как создание Фемистоклом флота, и вся противоположность взглядов Фемистокла и его противников по этому вопросу. Но подобный прием, конечно, довольно опасен и едва ли согласуется с требованиями строго научного изложения: автор легко может навязать свои личные взгляды, комбинации и предположения историческим деятелям древности, далекому прошлому сообщить слишком современный колорит. Тут перед нами, так сказать, «*Dichtung und Wahrheit*», соединение исторической правды с вымыслом, и прием Дункера напоминает до некоторой степени обыкновение классических авторов приводить речи действующих лиц.

На «Новой серии», т. е. 8-м и 9-м томах «Истории древности» М. Дункера, во многих отношениях любопытной и характерной, я тут пока не буду останавливаться: серия эта появилась позже, в 80-х годах, и в ней отразились черты, которые характеризуют немецкую историческую науку после 70-го года; я коснусь ее далее, в своем месте. Здесь же скажу лишь, что, при всех своих недостатках, труд Дункера, принадлежавший к числу выдающихся явлений немецкой исторической литературы того времени, в особенности по широте темы, оказал большое влияние на изучение древности, на развитие в обществе интереса к этой древности и знакомства как с древним Востоком, так и с древнею Грециею.

Фюстель де Куланж. Во французской литературе за рассматриваемый период особенно выдается произведение Н. Д. Фюстель де Куланжа «*La cité antique*», вышедшее в 1864 г. ¹

Нума Дени Фюстель де Куланж ² (1830—1889), питомец Нормальной школы, профессор сначала в Амьенском лицее,

¹ На русском языке имеется 3 перевода; новейший: «Древняя гражданская община». М., 1895; 2-е изд. — 1903 г.

² О нем книжка *Guiraud P.* Fustel de Coulanges. Paris, 1896, имеющаяся и в русском переводе; ср.: *Guiraud P.* // *Revue des deux Mondes*. 1896. 1 mars; *Seignobos Ch.* // *Histoire de la langue et de la littérature*

затем в лицее св. Людовика, потом в Страсбургском университете (1860—1870), а с занятием Страсбурга немцами, с 1870 г., — в Нормальной школе и, наконец, в Сорбонне (с 1875 г.)¹, — один из замечательнейших и оригинальнейших французских историков XIX в., которого некоторые называют «обновителем гипотез и методов, великим новатором, несомненным главою новейшей французской исторической школы строгого текстуального изучения прошлого человечества и генетического построения эволюции его культуры...»²; его иногда сравнивают даже с Монтескье по широте и мощности его исторического кругозора³, по влиянию на прогресс науки в области истории и общей методологии⁴. Но в то время, как одни преклоняются перед Фюстель де Куланжем и увлекаются его воззрениями и его методом, со стороны других эти воззрения и метод вызывают горячий, даже ожесточенный протест...

В виду этого и вообще того места, которое занимает Фюстель де Куланж среди историков XIX столетия, я должен остановиться подробнее на его воззрениях.

Его взгляд на историю. Предмет изучения в истории для Фюстель де Куланжа — душа человека, но не человека отдельно взятого, а человека в обществе. История⁵, говорит он, не есть

français, ed. par Petit de Julleville. VIII, 1899; *Champion Éd.* Les idées politiques et religieuses de Fustel de Coulanges, d'après des documents inédits. Paris, 1903; *Pelissier C.* Études de littérature contemporaine. 2 vol. Paris, 1898—1901; *Kehr // HZ.* LXXI. 1893; на русском языке *Виноградов П. Г.* // РМ. 1890. Январь; *Гревс И. М.* // Брокгауз-Ефрон. Полнотом 72.1902.

1 С небольшим перерывом (1880—1883), когда Фюстель де Куланж был директором Нормальной школы.

² И. М. Гревс, в предисловии к русскому переводу «Истории общественного строя древней Франции» Фюстель де Куланжа. С. XII.

³ Отзыв Французского института о трудах Фюстель де Куланжа (по поводу присуждения большой премии).

⁴ См. некролог Фюстель де Куланжа // РН. 1889. Novembre — décembre.

⁵ Чтобы составить верное понятие об исторических и методологических воззрениях Фюстель де Куланжа, нужно, разумеется, иметь в виду

нагромождение происшествий всякого рода: она наука о человеческих обществах; она должна определить, как социальные группы верили, думали, чувствовали; она — сама социология. И как бы ни была, по-видимому, узка и специальна тема исследования Фюстель де Куланжа, не говоря уже о такой широко захватывающей книге, как «La cité antique», оно всегда имеет глубокий, общий интерес. Фюстель де Куланж устраняет все внешнее, случайное, личное. Он интересуется не отдельными личностями, а массой. Мы не найдем у него изложения войн или исторических характеристик, встретим очень мало имен. Массою же у него руководят понятия и интерес, и развитие совершается не случайно, не по чьей-либо воле или капризу, а в силу известной, внутренней необходимости. Фюстель де Куланж отчасти детерминист (Гиро). «Государственный и общественный строй, — говорит он в одном месте¹, — никогда не является продуктом воли человека; даже воли целого народа недостаточно для их создания. Факторы человеческого существования, которые производят их, не принадлежат к числу тех, которые могут быть изменены прихотью одного поколения. Народы управляются не так, как они того желают, а так, как того требует совокупность их интересов и основа их понятий...».

«*La cité antique*». «La cité antique» написана Фюстель де Куланжем еще в Страсбурге. Это — «исследование о культе, праве и учреждениях Греции и Рима», история не столько государства, сколько общества, согласно взгляду автора на историю как на «науку о человеческих обществах». Здесь перед нами «воскресает античный мир в его целом, от таинственных зародышей семьи и общественного строя до того момента, когда законы Рима и религия Христа создали единое отечество из стольких враждебных государств и разрозненных верований...»². Фюстель де

не только «La cité antique, étude sur la culte, le droit, les institutions de la Greece et de la Rome» (Paris, 1864) но и другой капитальный труд его: «Histoire des institutions politiques de l'ancienne France» (Paris, 1888 1892) и статьи теоретического содержания.

¹ См.: Истории общественного строя древней Франции. Предисловие.

² Отзыв Французского института.

Куланж ставит целью показать, на основании каких принципов и норм управлялось общество греческое и римское, какова, так сказать, «душа античной жизни». При этом исследование Фюстель де Куланжа одинаково касается и Греции, и Рима: автор рассматривает их учреждения вместе, одновременно, не отделяя их и не делая между ними различия, а проводя параллель: ход развития греческого и римского общества, по Фюстель де Куланжу, тождествен; в основе лежали одни и те же принципы; верования, законы, управления были аналогичны и оба общества испытали те же революции.

Фюстель де Куланж настаивает на коренном различии между древностью и современными народами. «В новые времена, — утверждает он, — нет ничего похожего на Грецию и Рим; ничего похожего не может быть и в будущем». Античный мир — это мир *suī generis*. Наша система образования, говорит Фюстель де Куланж, приучила нас беспрестанно сравнивать греков и римлян с нами, судить об их истории по нашей, объяснять их революции нашими. Отсюда проистекают многие и опасные заблуждения. Воображали, что учреждения древней общины можно оживить среди нас; создавали иллюзию о свободе древних и этим одним уже подвергали опасности свободу среди современных народов. По мнению Фюстель де Куланжа, последние 80 лет — вспомним, что книга появилась в 1864 году — ясно показывают, что одна из величайших преград прогрессу современного общества есть привычка всегда иметь перед глазами греческую и римскую древность. Фюстель де Куланж, следовательно, восстает против той республиканской легенды, которая некогда была в таком ходу и которою увлекались деятели французской революции 1789 г. и представители либерализма: по Фюстель де Куланжу, античное общество не знало ни гражданской, ни личной свободы: в семье, роде, государстве, всюду оно было поработено одним началом — религией...

Причину различия между древностью и современностью Фюстель де Куланж видит в самом человеке, в его понятиях. История греков и римлян для него служит примером и свидетельством той тесной связи, которая всегда существует между

понятиями, идеями и общественным строем. Если, говорит Фюстель де Куланж, рассматривать учреждения древних, не обращая внимания на верования, то мы найдем их странными и необъяснимыми; но если с учреждениями и законами мы сопоставим верования, тогда факты станут для нас ясными и их объяснение представится само собою.

И всю историю античной общины, все явления и метаморфозы в ней Фюстель де Куланж выводит из одного начала — религии. Древнее общество установлено было старою религиею, предметом коей были предки, а символом очаг, основным догматом коей было то, что каждый бог покровительствовал исключительно одной какой-либо семье или общине и существовал только для нее: эта религия породила право; отношения людей друг к другу, собственность, наследство, суд — все это освящалось и регулировалось догматами религии и требованиями ее культа. На религии же основывалось и правительство между людьми: власть отца в семье, царя или магистрата в гражданской общине. Все вышло из религии: религия, право, управление, — все было слито и составляло одно под тремя различными видами. Религия была абсолютною повелительницею как в жизни частной, так и общественной, где государство было религиозною общиною, царь — верховным жрецом, закон — священной формулою; где патриотизм был благочестием, изгнание — отлучением от религии, где личная свобода была неизвестна, где человек поработен был государству и своею душою, и своим телом, и своим достоинством. Религиею объяснял Фюстель де Куланж замкнутость родовых союзов, борьбу между различными классами, например патрициями и плебеями, международные отношения и войны и т. д. Ею объяснял он также и внутренние перевороты: с течением времени старые верования изменились или сгладились; с ними изменились и частное право, и политические учреждения. Рядом с более древнею религиею — культом предков — развивается другая, состоящая в обожествлении сил природы. Тогда открылся ряд революций... «Верование устанавливается, и человеческое общество возникает; верование изменяется, и общество проходит чрез ряд переворотов; верование исчезает, и

общество меняет свою физиономию; таков был закон времен античных», по словам Фюстель де Куланжа.

Итак, если в наши дни представители «экономического материализма» склонны возводить все к одной основе — экономической, то Фюстель де Куланж в «La cité antique» выводит все явления из иного единого начала — религии: религия — единственный фактор политической и социальной эволюции древних народов, — вот тезис, с неумолимою логикой и силою развиваемый Фюстель де Куланжем. Это выведение, с такою последовательностью, многообразных явлений из одного основного начала, установление связи и как бы строгой внутренней необходимости явлений, стройность и цельность системы, словом, этот удивительный синтез в соединении с тонким и глубоким анализом, строгая логичность, сила мысли и аргументации, ясный, необыкновенно сжатый и выразительный язык, — все это производит сильное впечатление на читателя. «La cité antique» можно назвать в своем роде классическим произведением, одним из шедевров исторической литературы, и чтение ее — особенно в подлиннике, так как едва ли какой-либо перевод может передать всю прелесть ее сжатого, выразительного языка, — доставляет высокое умственное наслаждение. Книга, для которой автор едва мог найти издателя, имела блестящий успех, несмотря на некоторую специальность и отдаленность ее темы от современной жизни. Известный французский историк Г. Моно (редактор «Revue historique») выразился, что «La cité antique» будет существовать, пока существует французский язык, а по словам ученика и биографа Фюстель де Куланжа, П. Гиро, мы в ней имеем своего рода «Дух законов», ограниченный древними обществами и задуманный по методу более научному.

Но Гиро заходит уже слишком далеко. У Фюстель де Куланжа получается цельная картина, стройная система; он показал, какое место занимала религия в жизни древних; он осветил многие явления с поразительною рельефностью. Но его картина не полна и не совсем верна; его система односторонняя и искусственная: Фюстель де Куланж слишком уж упрощает исторический процесс, и убежденный, что нашел ключ к объяснению всех яв-

лений в жизни античного общества, он не замечает тех явлений и факторов, которые не подходят к его системе; он оставляет в стороне многие тексты и свидетельства, берет доказательства без разбора, смешивая разные эпохи и разные общины, греков и римлян, историческую действительность и философские теории, и только такою ценою, благодаря натяжкам, достигает той цельности и стройности, которую так отличается его система.

Противоречия у Фюстель де Куланжа и их примирение. Здесь необходимо коснуться еще тех противоречий, в которые, по-видимому, впадает Фюстель де Куланж как автор «La cité antique» и как автор другого капитального труда — «Histoire des institutions de l'ancienne France»: некоторые черты «La cité antique» стоят как бы в противоречии с теми мыслями, которые высказывал впоследствии сам Фюстель де Куланж об истории, ее задачах и своем методе.

«Блаженны думающие, что они все знают, — говорит в одном месте Фюстель де Куланж, — им неведомы муки ищущего; полустинной они довольствуются, общие фразы их удовлетворяют. Они уверены в себе. Они идут с высоко поднятою головою; они — учителя и они — судьи». Себя Фюстель де Куланж не причислял к таким счастливым. В истории, как и философии, он считал необходимым методическое сомнение. «Жюль Симон, — говорил он незадолго до своей смерти, — назад тому 38 лет объяснял мне „Discours de la méthode“ Декарта; отсюда вышли все мои работы, ибо это картезианское сомнение, которое он мне внушил, я приложил к истории».

Свой метод Фюстель де Куланж резюмирует¹ тремя правилами: 1) изучать непосредственно и только тексты; 2) верить только тому, что они говорят, и 3) решительно устранять из истории прошлого современные идеи. Единственное искусство историка состоит в том, чтобы извлечь из документов все, что они содержат, и к ним не прибавлять ничего такого, чего они не содержат. Самый лучший историк, по мнению Фюстель де Куланжа, тот, кто как

¹ См., например, предисловие к III тому «Histoire des institutions de l'ancienne France».

можно ближе держится текстов. Себя Фюстель де Куланж называл «простым копателем текстов», «un simple piocheur des textes»¹. Он недоверчиво относится к философии истории, к обобщениям, к так называемым «руководящим идеям»²; он готов был свести историю к «правильной интерпретации» текстов.

Казалось бы, что в «La cité antique» Фюстель де Куланж поступает как раз наоборот: «простой копатель текстов» и противник систем и обобщений дает своего рода образец синтеза, стройной, хотя и односторонней, системы; он настаивал, что следует основываться только на текстах и исходить из их прямого смысла, а в «La cité antique» мы видим немало пробелов, натяжек, произвола; он говорил, что историк должен не смешивать, а различать, и сам смешал в одно — греков и римлян, разные общины и разные эпохи...

Чем же объяснить это? Помимо «est cuiusvis hominis errare» — естественных ошибок, промахов и несовершенств, — необходимо вспомнить, что между выходом в свет «La cité antique» и тем временем, к которому относятся приведенные выше замечания Фюстель де Куланжа, прошло довольно много лет; с течением времени взгляды его изменились или приобрели большую определенность и резкость, в разгаре полемики; а во-вторых, Фюстель де Куланж — против обобщений скороспелых и предвзятых, но при некоторых условиях он допускает обобщения и известную философию, лишь бы они не навязывались, а естественно, сами собою, вытекали из фактов: «Известная философия, — говорит он, — может выходить из истории; но надо, чтобы она исходила естественно, сама собою, почти помимо воли историка. Все честолюбие последнего в том, чтобы хорошо видеть факты»³ и точно по-

¹ В письме к Буассье.

² «Никакого обобщения, никакой ложной философии, никаких — или немного — целостных взглядов, никаких — или немного — общих рамок» («Nulle généralisation, nulle fausse philosophie, pas un ou peu de vues d'ensemble, pas ou peu de cadres» (письмо к Geffroy, 1875 г.): см. *Guiraud P. Fustel de Coulanges...* P. 96).

³ Под фактами Фюстель де Куланж понимает не только материальные факты, но и идеи: «Идея, которая царил в умах эпохи, есть факт

нимать их. Он ищет их не в своем воображении или логике; он ищет и находит путем детального наблюдения над текстами, как химик находит свои факты в опытах, тщательно произведенных». В истории, как и во всякой другой науке, анализ должен предшествовать синтезу. «История — не легкая наука; предмет, который она изучает, бесконечно сложен; человеческое общество — такое тело, гармонию и единство которого можно уловить только под тем условием, если последовательно и чрезвычайно внимательно будут рассмотрены все органы, его составляющие и дающие ему жизнь. Долгое и тщательное наблюдение подробностей является, стало быть, единственным путем, который может привести к некоторым общим выводам». «Целые годы анализа нужны для одного дня синтеза».

Сам Фюстель де Куланж работал над «La cité antique», сравнительно небольшою книгою, целых 6 лет и был, конечно, убежден в безусловной правильности своей системы и своего синтеза.

Другие работы Фюстель де Куланжа по греческой истории.

Из других, менее важных, работ Фюстель де Куланжа, относящихся к греческой истории, назовем мемуар об острове Хиосе (1856), — его первая работа, явившаяся результатом пребывания его в Греции (в 1853 г.), во Французской школе в Афинах, и его раскопок на Хиосе; его диссертации: «Quid Vesta; cultus in institutis veterum privatis publicisque valuerit?» (1858), где он вкратце излагает мысли, подробно развитые впоследствии в «La cité antique», и о Полибий («Polybe, ou la Grèce conquise par les Romains», 1858); исследование о жребии («Recherches sur le tirage au sort appliqué à la nomination des archontes athéniens», 1879), где он отрицает, чтобы жребий был специфическою принадлежностью той или другой формы правления, и, придавая ему религиозное значение, как выражению воли божества в глазах древних, доказывает исконность употребления жребия при выборе архонтов, т. е. ближе других подходит к настоящему решению вопроса о времени введения жребия; этюд о поземельной

исторический, — говорит он, — способ, как организована власть, есть факт, и способ, как современники понимают и принимают эту власть, есть также факт. Историк должен изучать тот и другой».

собственности в Спарте (1880) I; как известно, вопрос о земельной собственности и отношения социальные вообще привлекали Фюстель де Куланжа не менее, чем вопросы о религии и культе, что стоит в согласии с его воззрением, по которому народы организуются соответственно их понятиям и интересам².

Тэн. Другому замечательному представителю науки и философии во Франции во второй половине XIX в., Ипполиту Тэну, принадлежит работа, касающаяся древней Греции и появившаяся в рассматриваемый период, которую мы должны здесь отметить; — это «Philosophie de l'art en Grèce» (1869)¹.

Дюрюи. В 1851 г. на французском языке вышла «История греков» Виктора Дюрюи (Duguy V. Histoire des Grecs), книга популярного характера, в которой история Эллады доведена до начала римского господства. Впоследствии она была значительно переделана и распространена, так что последние издания ее (1887—1889; изд. 1892 г., уже по смерти автора, под редакцией Б. Оссюлье (Haussoullier) состоят из трех больших томов; они прекрасно иллюстрированы (в общей сложности около 2000 гравюр и 50 карт и планов). Все это, в связи с хорошим

¹ Все эти работы, кроме латинской диссертации: *Quid Vesta; cultus in institutis veterum privatis publicisque valuerit?* (Thesim proponebat Facultati litterarum Parisiensi Fustel de Coulanges. Paris, 1858), перепечатаны в «Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire» (Paris, 1891) и в «Questions historiques...» (1893), собрании статей Фюстель де Куланжа, изданном после его смерти его учеником К. Жюллианом: *Fustel de Coulanges. Questions historiques, revue et complétées, d'après les notes de l'auteur, par Camille Jullian.* Paris, 1893.

² Фюстель де Куланжу принадлежат еще статьи: «Attica respublica» и «Lacedemon respublica» (Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments // Ed. par Ch. Daremberg, Edm. Saglio, Paris, 1877-1904. Vol. I, III).

³ Позже, вместе с другими аналогичными работами Тэна, она вошла в его «Philosophie de l'art». 3 ed. Paris, 1881. 2 Vol.; есть русский перевод: *Тэн И.* Чтения об искусстве. Пять курсов лекций, читанных в Школе изящных искусств (École des beaux-arts) в Париже. Пер. А. И. Чудинова. СПб., 1912.

изложением, делало «Histoire des Grecs» Дюрюи одним из лучших популярных пособий для общего знакомства с историей Греции; но большого значения она не имела¹.

Разработка греческой истории в России. М. С. Куторга. В разработке греческой истории немалое участие начинают принимать в рассматриваемый период и русские ученые.

Здесь первое место в ту пору принадлежало Михаилу Семеновичу Куторге² (1809—1886). Это — первый выдающийся и совершенно самостоятельный русский исследователь в области изучения греческой истории, «первоначальник у нас науки об эллинизме»³. Имя М. С. Куторги было хорошо известно и западноевропейскому ученому миру; многие его исследования появились в переводах на французском и немецком языках, печатались в «Мемуарах Французской академии» и проч. М. С. Куторга отличался самостоятельностью и оригинальностью воззрений, глубоким знанием языка и литературы древних, а также трудов ученых XVI—XVII вв. По справедливому выражению Ф. Г. Мищенко, он «соединял в себе увлечение гуманиста, начитанность эллинистов XVII в. и критический такт ученого нашего времени»⁴. Будучи полным хозяином в своей области и работая в ней совершенно самостоятельно, М. С. Куторга к новой, современной ему ученой литературе относился скорее отрицательно, хотя и был с нею знаком: он не разделял многих из

¹ Из тогдашних французских трудов по истории Греции можно еще назвать: *Lerminier Eug.* Histoire des législateurs et des constitutions de la Grèce antique. Paris, 1852. 2 vol.

² См., между прочим, некролог М. С. Куторги (*Дестунис Г. С.* Михаил Семенович Куторга. Воспоминания и очерки // ЖМНП. 1886. Июль; СПб., 1886) и записку В. В. Бауэра о трудах Куторги, в книге: *Григорьев В. В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870.

³ По верному выражению его племянника и редактора посмертных трудов, Михаила Степановича Куторги. См. его предисловие к «Собрание сочинений Михаила Семеновича Куторги». СПб., 1894. Т. I.

⁴ См. его рецензию: *Мищенко Ф. Г.* Собрание сочинений М. С. Куторги // УЗКазУ. 1895. Январь.

господствовавших в науке того времени воззрений, был вообще против ходячих мнений и приходил к своим, большею частью своеобразным, выводам. М. С. Куторга не разделял, между прочим, и скептического отношения к исторической традиции греков. Он не сочувствовал направлению Ф. А. Вольфа и полагал, например, что последний «встретил в датском ученом Нугорне такого противника, который ниспроверг и разрушил все здание, построенное Ф. А. Вольфом и казавшееся незыблемым». Он резко отзывался о скептиках. Новейшие писатели, по его мнению, «не только достигли, но и перешли крайние пределы мудрствования в своих так называемых критических разысканиях»¹. «Мы думаем,— писал М. С. Куторга в 1872 г. в одной из своих монографий²,— что история древнейшего периода Греции не в такой степени недостоверна, как смотрят на нее теперь писатели, посвящающие себя ее изучению; что в повествованиях историков содержится истина, основанная не на изустном предании, а на подлинных исторических памятниках; что с древнейших времен существовала в Греции письменность, доставившая историкам возможность приобрести положительные данные; и что рассмотрение древнейших событий подтверждает эти положения, нисколько их не опровергая. Мы дошли до этого мнения не путем отвлеченных соображений и не развивая какую-либо затененную мысль, а внимательным разбором эллинских историков, стараясь отыскать в их известиях тот именно смысл, который они сами разумели, и разъясняя их показания подобными же явлениями у других народов». И своей точке зрения М. С. Куторга находил опору в новейших открытиях... В обобщениях своих М. С. Куторга старался держаться «на точке зрения древнего Эллина» и не переносить современных идей в древность. По словам Г. С. Дестуниса³, было «что-то сильно античное и в хоро-

¹ О достоверности древнейшей греческой истории / Собрание сочинений Михаила Семеновича Куторги: В 2 т. СПб., 1894-1896. Т. 2. С. 20.

² Там же. С. 19-20.

³ В письме к племяннику М. С. Куторги; см.: Собрание сочинений Михаила Семеновича Куторги. Т. 2. Предисловие. С. VI. СПб., 1896.

ших и дурных сторонах его личности, вполне своеобразной и неделимой». Заметим еще, что М. С. Куторга в 1860—1861 гг. путешествовал по Греции, а это среди русских ученых того времени было редкостью.

Первая работа М. С. Куторги, сделавшая его имя известным и за границу, относится еще к 30-м годам прошлого века: это — «*De antiquissimis tribubus Atticis earumque cum regni partibus nexu*» (Dorpat, 1832), для того времени замечательное исследование, одно из основных по данному вопросу; оно потом появилось в переводе на французском¹ и немецком² языках, и ссылки на него можно встретить и теперь еще в специальных исследованиях на ту же тему и в общих трудах по греческой истории и древностям; с мнением М. С. Куторги до сих пор приходилось считаться. На русском языке в 1838 г. М. С. Куторга издал диссертацию о «Коленах и сословиях аттических» (СПб.), где он проводит мысль, что первоначальные жители Аттики, пеласги, были покорены ионянами, которые одни только составляли филы и сословие евпатридов; пеласги были вне фил, назывались димотами (т. е. демотами) и составляли класс геоморов.

Расцвет деятельности М. С. Куторги совпадает приблизительно с тем периодом, который мы рассматриваем теперь. Куторга был тогда профессором в Петербургском университете (1835-69).

К этому времени принадлежат: «Греческая история до начала Персидских войн» (1843), «О поэтической и философической стороне афинской образованности» (1843), «История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада» (1848), статья о Перикле (в «Современнике» за 1850 г.) и о «Законодательстве Алкмеонида Клисфена» (Прописи. Т. III. 1853)³, «Хронологические разыскания, относящиеся к событиям Персидских войн» (1853), вышедшие потом (1858) в измененном и дополненном виде под заглавием «Персидские войны. Критические исследования событий

¹ *Kutorga M. S.* Essai sur l'organisation de la tribu en antiquité. 1839.

² Beitrag zur Erklärung der vier ältesten attischen Phylen. 1851.

³ Есть и на немецком языке.

этой эпохи...» (пер. на французский язык 1861); актовая речь о разделении собственности в Афинах и о «трапезитах», или банкирах¹ (1858); мемуар на французском языке о персидской партии и о процессе Фемистокла² (1860); историческое исследование «О дне и празднике нового года у афинян перед Пелопоннесскою войною, с объяснением одной Оропской надписи» (1865); «Введение в историю греческой образованности» (ЖМНП. 1867. Январь) и проч.

В 1869 г. Куторга перешел в Московский университет, а через несколько лет (1874) он окончательно покинул кафедру. С тех пор и до самой смерти (1886) он жил безвыездно в деревне. Но и тут, живя в уединении, он продолжал по-прежнему заниматься греческою историею, пользуясь своею богатою библиотекою.

В 1874-1875 гг. в «Русском вестнике» появились его статьи: описание «Платеи», отрывок из путешествия по Греции, и «Борьба демократии с аристократией в древних эллинских республиках пред Персидскими войнами»; затем — большая критическая статья о Перикле («Русский вестник», 1880), по поводу «Очерка государственной деятельности и частной жизни Перикла» П. И. Люперольского. Уже по смерти М. С. Куторги, в ЖМНП за 1891-1892 гг. были напечатаны некоторые его работы, оставшиеся в бумагах; а в 1894—1896 г. вышло «Собрание сочинений» М. С. Куторги в двух больших томах, куда, кроме только что упомянутых статей из ЖМНП, вошли и другие посмертные труды его, дотоле неизданные³. Им дано одно общее заглавие: «Афинская община по известиям эллинских историков», но содержание их очень разнообразно, например, об изу-

¹ На французском языке: Essai historique sur les trapésites ou banquiers d' Athènes / Mémoire lu à l'Académie des sciences morales et politiques. 1859.

² Mémoire sur le parti Persan dans la Grèce ancienne et le procès de Thémistocle // Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et belles-lettres. Paris, 1860.

³ Кроме исследования о Таманском полуострове, напечатанного в 1870 г.: *Куторга М. С.* О Таманском полуострове. Археологическая топография Таманского полуострова // РВ; отдельный оттиск: М., 1871.

чении эллинизма на Западе с эпохи Возрождения, о правительственной деятельности афинских граждан, понятиях древних эллинов о службе и учении философов о государстве; о положении рабов и вольноотпущенных в Афинской республике (т. I); о достоверности древнейшей греческой истории, историках и логографах; об афинской политике как особом виде республики, ее происхождении, свойстве и всемирно-историческом значении; о Финикии, Кирине (т. е. Кирене) и влиянии Востока на развитие греческой образованности.

По своему характеру труды эти, хотя они написаны в 70-х и 80-х годах (а изданы лишь в 90-х), принадлежат скорее к рассматриваемому периоду; между прочим, в них мало использован эпиграфический материал, на который стали обращать такое внимание с конца 60-х годов истекшего столетия; вообще сочинения М. С. Куторги во многих отношениях являются теперь уже устарелыми.

Труды М. С. Куторги в области греческой истории были многочисленны и разнообразны. Но все же его преимущественно интересовала Афинская республика. На эту республику он высказывал своеобразный взгляд: по его мнению, при Перикле демократия заменилась политией, особым, высшим видом республиканских учреждений, являвшимся «существенным выражением государственного ума эллинов»; «аристократия и демократия были только подготовлением и переходом к состоянию, увенчанному политиею». Аристотель знал и превозносил политию, но новейшие ученые, к изумлению, ее проглядели: они говорят о демократии в Афинах, о Политии же вовсе не упоминают, не произносят даже ее имени, «как будто бы такого вида древних эллинских республик и не существовало».

«В своем постепенном и долговременном изучении истории Греции,— писал М. С. Куторга незадолго до смерти I, как бы высказывая свою profession de foi,— я дошел до вывода, что Πολιτεία, т. е. гражданство или гражданская община, была высшим государственным строем, до коего достигли древние эллинские республики: и что в этой политии эллины выработали две

¹ Письмо к Г. С. Дестунису, 1883 г.; см.: Собрание сочинений. Т. I. Предисловие. С. VII.

идеи, составляющие их величие и неоспоримую собственность: идею свободы гражданина и идею свободы мысли. Эти две идеи и доставили эллинам всемирно-историческое значение, ибо они послужили основанием последовавшего успеха. Перенесенные, вследствие завоеваний Александра Македонского, в Азию, они преобразили Восток и подготовили древний мир к пониманию и принятию христианства. Поняты вновь в Западной Европе в эпоху Возрождения, они равномерно преобразили Западную Европу и доставили ей, всеми нами признаваемое и как бы созерцаемое, первенство. Излагая эти мысли, я старался побудить своих слушателей к изучению древней Греции и к точному уразумению ее значения. Но, кроме того, я указывал и постоянно выставлял необходимость изучения древней Греции, вернее говоря эллинизма, для знания нашей собственной русской народности, ибо ни одно начало не произвело на русскую народность такого сильного влияния и не проникло так глубоко, как начало эллинское». По мнению М. С. Куторги, «изучая историю древних греков, мы изучим историю своих, если позволено выразиться, духовных праотцев» 1.

Другие русские ученые этого периода. В среде русских ученых вообще обнаруживалось больше интереса и симпатии к древней Греции, нежели к древнему Риму.

Греческой истории посвящена была и диссертация харьковского профессора М. М. Лунина 2 (1807—1844), который для Харькова был тем, чем Т. Н. Грановский для Москвы. Древнюю историю, Востоком и Грецией занимался и другой профессор Харьковского университета — А. П. Рославский-Петровский 3 (1816—1872). Среди специалистов по греческой истории мы можем назвать также

1 См.: *Мищенко Ф. Г.* // УЗКазУ. 1895; ФОб. XIII.

2 Prolegomena ad res Achaeorum, quibus mythica Argolidis historiae primordia breviter adumbrantur. Dorpat, 1832. О М. М. Лунине моя статья: *Бузескул В. П.* Профессор М. М. Лунина (1806—1844). «Харьковский Грановский». К столетию Харьковского университета // ЖМНП. 1905. Февраль; Исторические этюды. «Харьковский Грановский». СПб., 1911.

3 Его труды по греческой истории: *Рославский-Петровский А. П.* Очерк быта и правления древней Спарты. Сочинение Ксенофонта

И. К. Бабста (1824—1881) 1 (впоследствии занимавшегося политической экономией), М. М. Стасюлевича (1826—1911) 2 (бывшего профессора С.-Петербургского университета, потом редактора «Вестника Европы»), В. В. Бауера 3 (1833—1884), профессора Санкт-Петербургского университета, который потом специализировался на новой истории, П. И. Люперольского 4 (бывшего профессора Нежинского историко-филологического института, 1836—1903).

Известный византист акад. В. Г. Васильевский (1838—1899) начал свою ученую деятельность трудами по греческой истории: его магистерская диссертация посвящена была «Политической реформе и социальному движению в древней Греции в период ее упадка» (1869) 5; здесь обращает на себя внимание, помимо прекрасной обработки исследуемого вопроса, самая тема:

Λαξεδαίονίων πολιτεία, разобранное и представленное в связи с другими источниками». Харьков, 1838; Обзорение истории древнего мира. Вып. 2. История греков до начала борьбы их с персами. Харьков, 1852; Введение в курс истории главнейших народов древнего мира и их цивилизаций. Харьков, 1870; Персидские войны // ЖМНП. 1871. Ч. 154 и др. Об А. П. Рославском-Петровском см. между прочим: Лицей кн. Безбородко. СПб., 1859; Историко-филологический факультет Харьковского университета. Юбилейное издание. Биографический словарь. 1908.

1 *Бабст И. К.* Государственные мужи Греции в эпоху ее распада. М., 1851; об этой книге см.: *Грановский Т. Н.* Сочинения. СПб., 1900.

2 *Стасюлевич М. М.* Афинская игемония. СПб., 1849; *он же.* Ликург Афинский. СПб., 1851; *он же.* Защита Кимонова мира. СПб., 1852; *Бузескул В. П.* Труды М. М. Стасюлевича по древней истории // ВЕ. 1911. Март.

3 *Бауер В. В.* Афинская игемония. СПб., 1858; *он же.* Эпоха древней тирании в Греции. СПб., 1863.

4 Люперольский *П. И.* Храмовой город Дельфы с оракулом Аполлона Пифийского в древней Греции. СПб., 1869; *он же.* Очерк государственной деятельности и частной жизни Перикла // ИНИФИ; отдельный оттиск: Киев, 1877.

5 ЖМНП. 1868—1869; В. Г. Васильевскому принадлежит также статья: Взгляд Грота на историю афинской демократии // ЖМНП. 1867. Апрель.

известно, что до последнего времени не только у нас, но и в иностранной ученой литературе социальная история древности почти не затрагивалась. В конце рассматриваемого периода появилась и диссертация проф. Ф. Ф. Соколова: «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии» (СПб., 1865), и большая статья о «гомеровском вопросе» 1, против теории Вольфа; но о ^{мнение} Ф. Ф. Соколове мы будем ^{теперь} ещё говорить далее, по поводу успехов эпиграфики у нас в России. Здесь же я остановлюсь несколько на трудах К. Я. Люгебиля (1830—1887), профессора классической филологии в Санкт-Петербургском университете, писавшего частью на русском, частью на немецком языке.

К. Я. Люгебель. К. Я. Люгебилю принадлежит, во-первых, исследование об остракизме (на немецком языке) ², в котором он развивает далее мысль, высказанную некогда мимоходом Рошером ³; по его мнению, остракизм — это вотум недоверия: настоящею целью его было удаление вождя одной из борющихся партий, — того, к которому большинство питало недоверие. Во-вторых, ему принадлежат «Историко-филологические исследования» (СПб., 1868) на русском языке, напечатанные потом на немецком в несколько измененном виде ⁴. Из этих исследований одно касается «Афинского царя Кодра и отмены царской власти в Афинах», другое — «архонтства и стратегии в Афинах во время Персидских войн». В первом К. Я. Люгебель приходит к выводу, что монархическое правление не было отменено после смерти Кодра, что пожизненные архонты были те же цари и что не только они, но и десятилетние

¹ Соколов Ф. Ф. Гомеровский вопрос // ЖМНП. 1868. Ноябрь; см. также: Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910.

² Lugebil K. Ueber das Wesen und die historische Bedeutung des Ostrakismos in Athen // Jahrbücher für klassische Philologie. 1861. IV. Supplementumband.

³ Roscher W. A. Leben, Werk und Zeitalter des Thukydides. Göttingen, 1842. S. 381.

⁴ Lugebil K. Zur Geschichte der Staatsverfassung von Athen // NJb. 1871. V. Suppl.-band.

архонты носили царский титул, который в Афинах существовал всегда. Как известно, изложение «Афинской политики» до некоторой степени подтвердило то, что доказывал К. Я. Люгебель. Во втором исследовании автор касался столь спорного прежде — до открытия Аристотелева трактата — вопроса о жребии и времени введения его; он относил это введение ко времени Эфиаль-
опрровергаемое свидетельством «Политии».

Развитие эпиграфики и раскопки 70-х и 80-х годов

Семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия характеризуются прежде всего развитием эпиграфики ¹ и великими открытиями в области греческой археологии.

Эпиграфика до конца 60-х годов. А. Бёк, как мы видели, положил начало современной эпиграфике.

В 1842—1855 г. уже известный нам (см. с. 321) выдающийся деятель на поприще науки, греческой литературы и политики А. Р. Рангави (Rangabé) издал «Antiquitéshelléniques» (2 Vol.), в которых собраны надписи, найденные в Греции со времени ее освобождения. С конца 40-х годов начали опубликовываться результаты археологической экспедиции Ф. Леба в Грецию и Малую Азию в 1843—44 гг. и собранные при этом надписи с комментарием самого Леба, У. Г. Уоддингтона и затем П. Фукара ². Тот же Фукар вместе с К. Вешером издал надписи, собранные в Дельфах, в начале 60-х годов ³. Английский эпиграфист Ч. Т. Ньютон в 1855 г. на Константинопольском ипподроме находит знаменитый треножник, который после битвы при Платеях принесен был греками в дар в Дельфы и на котором начертаны были имена греческих государств, участвовавших в борьбе против персов, и затем делает ряд других открытий по части надписей, например, на малоазиатском побережье и т. д.

¹ См. выше: с. 12 след.; указания на пособия там же, в примечаниях.

² Le Bas Ph., Waddington W. H., Foucart P.-F. Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure... II-me partie: Inscriptions grecques et latines. 3 Vol. Paris, 1847-1870; ср. выше: с. 318.

³ Wescher C, Foucart P.-F. Inscriptions recueillies à Delphes. Paris, 1863.

Начало нового периода. «Corpus inscriptionum atticarum». Но все же со времени Бёка и до конца 60-х годов по изучению надписей, говоря вообще, было сделано сравнительно немного и на них не обращали такого внимания, какого они заслуживали. В конце 60-х и в начале 70-х годов прошлого столетия начинается новый период. Ад. Кирхгоф издает исследование о греческом алфавите I; Ульрих Кёлер — свои «Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes»², первостепенный труд по истории Делосско-аттического союза, основанный на надписях, подвергнутых образцовому анализу; греческий эпиграфист Куманудис собирает аттические надгробные надписи³, и, наконец, что главное, Берлинская Академия наук приступает к изданию нового монументального собрания — «Corpus inscriptionum atticarum», — которое начало выходить с 1873 г.⁴ Дело в том, что новый материал по части аттических надписей так разросся, что его невозможно было издавать в виде «добавлений» (Supplementa) к «Corpus inscriptionum graecarum», как некогда предполагалось; достаточно сказать, что у Бёка, в I томе, всех аттических надписей собрано менее 1000; а в новом собрании, т. е. в «Corpus inscriptionum atticarum», их насчитывается около 10 000. Притом желательнее было дать более исправный, точный текст уже изданных надписей, по лучшим копиям. И действительно, в этом отношении «Corpus inscriptionum atticarum» стоит гораздо выше собрания Бёка.

Инициатором нового собрания был упомянутый уже раньше проф. Берлинского университета Ад. Кирхгоф (1826—1908)⁵. Он же обработал I том, содержащий в себе надписи до архонтства Евклида, т. е. до 403 г. до Р. Х., и часть IV тома, содержавшего дополнение (Supplementa)⁶; кроме того, ему

¹ *Kirchhoff Ad.* Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets // ABAW. 1863, потом (в 1867 г.) отдельно; 4-е изд.: Gütersloh, 1887.

² *Köhler Ub.* ABAW. 1869.

³ *Kumanudis S.* *Αττικής επιγραφαι επιτύμβιοι. Αθήνησιν,* 1871.

⁴ Ср. выше: с. 73.

⁵ О нем на русском языке: *Латышев В. В.* // ИАН. 1908. № 6 (некролог); *Жебелев С. А.* // Гермес. 1908. № 7 (некролог).

⁶ Теперь нумерация изменена; см. выше: с. 73, примеч. 1.

принадлежат отдельные исследования эпиграфического материала I. Его сотрудниками по «Corpus inscriptionum atticarum» были У. Кёлер и В. Диттенбергер. Кёлер (1838—1903)², автор упомянутого замечательного исследования о Первом афинском союзе, бывший секретарь прусского посольства в Афинах³, а затем профессор в Страсбурге, с 1875-го по 1886 г. стоял во главе только что основанного тогда отделения Немецкого Археологического института в Афинах⁴. Большую часть надписей, входящих в «Corpus inscriptionum atticarum», Кёлер собственноручно скопировал или сличил на месте; кроме того, он взял на себя обработку II тома (1877—1888) этого собрания, т. е. надписей от архонтства Евклида до Августа, и «Supplementa» к нему в IV т., а Диттенбергер (1840—1906) обработал III т. (1878—1882), содержащий аттические надписи времен Римской империи. Диттенбергер известен также своим сборником избранных надписей — «Sylloge inscriptionum graecarum» (с. 74).

В 1882 г. Берлинская же Академия наук издает сборник древнейших греческих надписей в обработке Рёля (с. 74, примеч. 3). Вообще издание «Corpus inscriptionum atticarum» было лишь началом целой серии собраний, о которых я упоминал в начале, на с. 72 след., и которые большею частью принадлежат уже последнему периоду. В настоящее время под редакцией Г. Кирхнера выходит editio minor «Аттических надписей» — издание меньшего формата и более доступное⁵.

¹ *Kirchhoff Ad.* Bemerkungen zu den Urkunden der Schatzmeister der anderen Götter // ABAW. 1864; *id.* Zur Geschichte des Athener Staatsschatzes im V. Jahrhundert // ABAW. 1876; *id.* Ueber die Tributpflichtigkeit der attischen Kleruchen // ABAW. 1873.

² О нем на русском языке: *Жебелев С. А.* // ЗКОРАО. Т. III. 1904 (некролог).

³ Прусское правительство имело обыкновение на должность секретаря посольства назначать в Афины ученых.

⁴ В 1886 г. Кёлер занял кафедру в Берлинском университете.

⁵ *Kirchner J.* Inscriptiones atticae. Berlin, 1913. Vol. II—III editio minor. Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. Paris, 1913 sqq.

Эпиграфика в Англии, Франции и Италии. Почти одновременно с берлинским «Corpus inscriptionum atticarum» в Англии появилась своя коллекция надписей: известные знатоки эпиграфики Ч. Т. Ньютон, о котором я уже упоминал, и Дж. Хикс, которому принадлежит «A Manual of Greek Historical Inscriptions» (1882), в 1874 г. начали издавать при участии Г. Гиршфельда собрание надписей, имеющихся в Британском музее (Collection of Ancient Greek Inscriptions in the British Museum) ¹.

Из французских ученых в области эпиграфики в рассматриваемый период выдавались А. Дюмон ² и особенно П. Фукар (с. 371), стоявшие во главе Французской школы в Афинах, о деятельности которой мне еще придется говорить. А из итальянских ученых успехам эпиграфики много содействовал Д. Компаретти: при его посредничестве командирован был на о. Крит Ф. Хальбхер (Halbherr), открывший вместе с немецким ученым Фабрициусом в середине 80-х годов знаменитую Гортинскую надпись (см. выше, с. 63).

Эпиграфика в России. В деле собирания и изучения греческих надписей в рассматриваемый период далеко не последнее место принадлежит русским ученым. Из более ранних известны, напр., труды Н. Н. Мурзакевича и В. Н. Юргевича по части надписей юга России. Но занятия эпиграфикой у нас развились преимущественно с конца 70-х и начала 80-х годов прошлого века. В России первый крупный сборник надписей принадлежит проф. И. В. Помяловскому; в 1881 г., к V Археологическому съезду в Тифлисе, он издал «Сборник греческих и латинских надписей Кавказа».

Ф. Ф. Соколов и его ученики. На развитие эпиграфики в России оказал большое влияние профессор Петербургского уни-

¹ Аттические надписи находятся в 1-й части.

² Ему между прочим принадлежат: *Dumont A.* Essai sur la chronologie des archontes athéniens postérieurs à la CXXII Olympiade et sur la succession des magistrats éphébiques. Paris, 1870; *Fastes éponymiques d'Athènes, nouveau mémoire sur la chronologie...* Paris, 1874; *La population de l'Attique d'après les inscriptions récemment découvertes.* Paris, 1873; *Essai sur l'éphébie attique.* 2 vol. Paris, 1875—1876.

верситета Ф. Ф. Соколов (1841—1909), как своими исследованиями ¹, так в особенности практическими занятиями со своими слушателями. Почти все современные русские эпиграфисты вышли из его школы. С 1880 г. в течение нескольких лет Министерство народного просвещения посылало в Грецию для занятий эпиграфикой молодых людей, обыкновенно на два года; так, командированы были В. В. Латышев (ныне академик), В. К. Ернштедт (академик и профессор Санкт-Петербургского университета, ум. 1902 г.) ², затем Д. Н. Корольков, А. В. Никитский (бывший профессором в Юрьеве и затем в Москве), Н. И. Новосадский (профессор сначала в Варшаве, теперь в Москве) ³, А. Н. Шукарев (приват-доцент Санкт-Петербургского университета, ум. 1900 г.), — все ученики Ф. Ф. Соколова. Немало надписей было ими открыто, собрано и опубликовано, частью в русских изданиях (например, в ЖМНП), частью в иностранных, — в «Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Institutes in Athen», «Bulletin de correspondance hellénique», *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική*. Результатом

¹ Например: *Соколов Ф. Ф.* Списки дани союзников афинских. Труды II Археологического съезда. СПб., 1876; особенно: он же. Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского // ЖМНП. 1879. Ноябрь; и ряд статей под общим заглавием: В области древней истории // ЖМНП. 1897. 1902 след. Вообще проф. Ф. Ф. Соколов в своих исследованиях чаще всего касается III и отчасти II в. до Р. Х. — темной, тогда еще малоисследованной поры в истории Греции. См., например, кроме упомянутых статей, его речь: Третье столетие до Р. Х. // ЖМНП. 1886. Июль. Сборник «Трудов Ф. Ф. Соколова» издан его учениками после его смерти (СПб., 1910). Статьи о нем: *Жебелев С. А.* // ЖМНП. 1909. Сентябрь; Латышев *В. В.* II Гермес. 1909. № 15; *Толстой И. И.* // ЗКОРАО. VI.

² *Ернштедт В. К.* Сборник статей по классической филологии. СПб., 1907. О нем: *Жебелев С. А.* // ЖМНП. 1902. Октябрь (Некролог); *Церетели Г. Ф.* // ЗКОРАО. 1904. (Некролог.)

³ Кроме исследований (*Новосадский Н. И.* Элевсинские мистерии. СПб., 1887; Культ кавиров в древней Греции. Варшава, 1891; Орфические гимны. Варшава, 1900 и др.), см.: *его же.* Греческая эпиграфика. М., 1909. Ч. I.

занятий А. Н. Шукарева, так безвременно скончавшегося 39 лет от роду 1, были между прочим его «Исследования в области каталога афинских архонтов III в. до Р. Х.» (1889)², материалом для которых послужили главным образом надписи; А. В. Никитский занимался преимущественно дельфийскими надписями; результаты свои он обнаружил (если не считать отдельных статей)³ позже⁴, уже в 90-х годах (в «Дельфийских эпиграфических этюдах» [Одесса, 1894—1895])⁵ и даже в 1901 г. (в «Исследованиях в области греческих надписей» [Юрьев, 1901], затрагивающих и методологические вопросы)⁶. Ему же принадлежит ряд статей, касающихся и других надписей, в ЖМНП за последние годы.

В. В. Латышев. Но особенно многочисленны и важны для историка, интересующегося судьбою древнегреческих колоний в пределах нынешней России, труды В. В. Латышева (род. в 1855 г.), занимающего одно из первых мест среди современных эпиграфистов⁷. Начиная с 1880 г. им опубликован целый ряд работ, перечислять которые мы здесь, конечно, не можем. Отметим

¹ См.: ЖМНП. 1900. Ноябрь (Некролог); ФОб. 1900. XVIII (Некролог); ЗИМАО (С. А. Жебелев. Некролог).

² В ЖМНП. 1889; отдельный оттиск: *Шукарев А. Н.* Исследования в области каталога афинских архонтов III в. до Р. Х. СПб., 1889.

³ В ЖМНП; Mittheilungen; Hermes.

⁴ До некоторой степени его выводы предвосхитил немецкий ученый Г. Помтов (*Pomtow H.* Beiträge zur Topographie von Delphi. Berlin, 1889; *id.* Fasti Delphici // NJb. 139. Bd. [1889]), который поставлен был в гораздо более благоприятные условия.

⁵ Ср. рецензии: *Соколов Ф. Ф.* // ЖМНП. 1895. Декабрь; *Жебелев С. А.* // ФОб. X.

⁶ Ср.: *Соколов Ф. Ф.* // ЖМНП. 1902. Июнь; *Жебелев С. А.* Ц 1901. ФОб. XX (рецензия).

⁷ О нем см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за 1869—1894. СПб., 1896. Т. I; Краткий очерк 25-летней литературной деятельности В. В. Латышева. СПб., 1903; «Список трудов» по поводу тридцатилетия его деятельности (СПб., 1908).

лишь некоторые, например «Эпиграфические этюды» (в ЖМНП за 1880-й и следующие годы), исследование «О некоторых эолических и дорических календарях» (1883); но главный труд В. В. Латышева — собрание всех сохранившихся греческих и латинских надписей Северного побережья Черного моря (Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. 1885—1901)¹, исполненное им по поручению Императорского Русского археологического общества. В этом собрании мы имеем свой «Corpus», занимающий место наряду с лучшими изданиями подобного рода на Западе, сделавший имя В. В. Латышева хорошо известным в ученом мире и за пределами России, доставивший ему звание члена нашей Академии наук и члена-корреспондента Берлинской Академии.

К этому главному труду примыкают и многие другие работы В. В. Латышева, более или менее связанные с названным собранием, например, доклады В. В. Латышева на Одесском Археологическом съезде (1884): «Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсониса Таврического»², «О календарях Тиры, Ольвии и Херсониса Таврического»³; диссертация «Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии» (СПб., 1887)⁴; «Краткий очерк Воспорского царства» (Симферополь, 1893)⁵; «Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг.» (1892)⁶, где

¹ Т. I, II и IV; III т. еще не вышел; его подготавливает Е. М. Придик.

² ЖМНП. 1884. Июнь. На французском языке: Bulletin de correspondance hellénique. IX.

³ Труды VI Археологического съезда. Одесса, 1884.

⁴ ЖМНП. 1887. Январь-апрель.

⁵ Русский перевод «Введения» (на лат. яз.) ко II т. «Сборника» (1890), содержащему надписи Воспорского царства; теперь и в сборнике «Pontica»: *Латышев В. В.* Pontica. Изборник научных и критических статей по истории, археологии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.

⁶ Материалы по археологии России, изданные Императорской Археологической комиссией.

между прочим обработана и комментирована одна из любопытнейших надписей — присяга херсонесцев I, и вообще многочисленные «Дополнения и поправки» к Собранию надписей Северного побережья Черного моря, опубликованные в «Записках Императорского русского археологического общества» (т. IV, V, VII) и преимущественно в «Известиях Императорской археологической комиссии»; сборник надписей, находящихся в музее Суручана в Кишиневе (1894)²; «Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России» (СПб., 1896), и проч. Многочисленные статьи В. В. Латышева по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря имеются теперь в «Изборнике» под заглавием ПОНТИКА (СПб., 1909). Отчасти в связи с этими трудами стоит и сборник «Известий древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» (Scythica et Caucasia), текст и русский перевод, изданный В. В. Латышевым при сотрудничестве других лиц (1893 след.)³.

Наконец, к области эпиграфики относится и одна из работ акад. П. В. Никитина, автора известного исследования «К истории афинских драматических состязаний» (СПб., 1882); я разумею его «Обзор эпиграфических документов по истории аттической драмы»⁴.

Из представленного очерка успехов эпиграфики, я думаю, видно, как развилось собрание, издание и изучение надписей в 70-х и 80-х годах XIX ст. К началу 90-х годов всех известных

¹ Изданная В. В. Латышевым также и в «Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften». 1892. XXVII; теперь — и в его «Pontica».

² Издано совместно с И. К. Суручаном: *Surutschan I. C., Latyschev V.* Inscriptions graecae et latinae novissimis annis (1889—1894) Museo Surutschaniano, quod est Kischinevi, inlatae. СПб., 1894.

³ От эпиграфики в последнее время В. В. Латышев переходит и к изучению агиографической литературы византийского времени; он издал: «Житие св. епископов херсонесских». СПб., 1906 (исследование и текст); *Menologii Anonymi byzantini s. X quae supersunt.* СПб., 1911 след; *ego же.* Неизданные греческие агиографические тексты. СПб., 1914.

⁴ ЖМНП. 1881. Декабрь.

надписей насчитывалось уже до 50 000. С каждым годом эпиграфический материал все растет; не проходит, можно сказать, дня, чтобы не открывалась новая надпись...

Раскопки. Еще замечательнее успехи археологии — в широком смысле — в рассматриваемый период¹. Поразительные открытия Г. Шлимана² относятся именно к 70-м и 80-м годам истекшего века.

1 *Belza S.W.* srod ruin Grecji. Krakow, 1903; *Павловский А. А.* Значение и успехи классической археологии // ЗНУ. 1892. Т. 57: *Мальмберг В. К.* Успехи современной археологии // Ученые записки Юрьевского университета. 1896. № 1; *Die W. E.* Excursions archéologique en Grèce. Paris, 1894. 2-е изд. (русский перевод: По Греции. М., 1913); *Baedeker K.* Griechenland. Handbuch für Reisende. Leipzig, 1908; *Cardner P.* New Chapters in Greek History. London, 1892; в особенности же *Michaëlis A.* Die archäologischen Entdeckungen des XIX. Jahrhunderts. Leipzig, 1906 (2-е изд. под заглавием: Ein Jahrhundert kunstarchäologischen Entdeckungen. Leipzig, 1908; русский перевод: Художественно-археологические открытия за сто лет. М., 1913).

² См. отчеты и труды самого Шлимана: *Schliemann H.* Trojanische Aterthümer. Leipzig, 1874; *он же.* Ilios. Leipzig, 1881; *он же.* Troja. Leipzig, 1884; *он же.* Bericht über die Ausgrabungen in Troja im J. 1890. Leipzig, 1891; *он же.* Mykenae. Leipzig, 1878; *он же.* Tiryns. Leipzig, 1886; *он же.* Orchomenos. Leipzig, 1881 (на русском языке отрывок: ЖМНП. 1881. № 6). О Трое главный теперь труд: *Dörpfeld W.* Troja und Ilion. Athen, 1902. Кроме того см.: Königliche Museen zu Berlin. Schliemanns Sammlung trojanischer Altertumer beschrieben von H. Schmidt. Berlin, 1902; *Schuchhardi C.* Schliemann's Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenae, Orchomenos, Ithaka im Lichte der heutigen Wissenschaft dargestellt. Leipzig, 1890 (есть 2-е изд.: там же. 1891). О микенской культуре: *Dussaud R.* Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la Mer Egée. Études de préhistoire oriental. Paris, 1910; *Lichtenberg R. v.* Die Ägäische Kultur. Leipzig, 1911 (рус. перев.: Доисторическая Греция. СПб., 1913); *Fimmen D.* Zeit und Dauer der kritisch-mykenischen Kultur. Mit einer synchronistischen Tabelle. Leipzig; Berlin, 1909. Затем: *Milchhofer A.* Die Anfänge der Kunst in Griechenland. Leipzig, 1883; *Heibig W.* Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. 2-te Aufl. Leipzig, 1887; *Furtwängler A., Löschke C.* Mykenische Vasen. Berlin, 1886; *Furtwängler A.* Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im classischen Alterthum. Leipzig, 1900.

XIX столетие, подобно переходной эпохе, лежащей на рубеже средних и новых веков, по справедливости может быть названо веком великих изобретений и великих открытий. Нов XV и в начале XVI ст. отважные мореплаватели, как Колумб, и смелые авантюристы, так называемые конквистадоры, подобные Кортесу и Писарро, открывали Новый Свет и новые страны; в наше же время действуют больше открыватели другого рода: из недр земли, из-под слоя многовекового мусора они извлекают развалины древних городов, храмов и дворцов, гробницы и мумии знаменитых царей, надписи, свитки папируса и целые библиотеки, утварь, оружие и т. п. остатки далекого прошлого, и таким образом перед нами открывается новый мир, со своими народами, языками, с своеобразной культурой, о существовании которой раньше и не подозревали или лишь смутно догадывались.

3 Bde.; *Noack F.* Homerische Paläste. Leipzig, 1903; *Reichel W.* Ueber Homerische Warfen. Wien, 1894 (2-е изд.: 1901); *Poulsen Fr.* Der Orient und die frühgriechische Kunst. Leipzig, 1912; *Busolt C.* Die älteste Culturepoche Griechenlands // Deutsche Rundschau. 1896. Mai—Juni; *Drerup E.* Homer. Die Anfänge der hellenistischen Kultur. München, 1903 (итальянское издание: 1910); *Tzuntas (Tsountas) Ch., Manatt J. I.* The Mycenaean age. London, 1913; *Hall H. R.* The oldest civilisation of Greece. London, 1901; *Ridgeway W.* The Early Age of Greece. Cambridge, 1901; *Peroutka Em.* Dèjiny Recké. Praha, 1908. Т. I, и другие общие труды по истории Греции (в особенности: *Meyer E.* Geschichte des Altertums во 2-м и 3-м изд.) и по истории искусства (например, *Perrot C., Chipiez Ch.* Histoire de l'art dans l'antiquité. Vol. VI (La Grèce primitive, l'art mycénien). Paris, 1882-1903. 8 Vol.). На русском языке: *Герц К. К.* Генрих Шлиманн: его жизнь, раскопки и литературные труды // РВ. 1882. Февраль; *Теплое В.* Поездка в Троаду // ВЕ. 1889. Август-сентябрь; *Булгаков Ф. И.* Шлиман и его археологическая деятельность // ИВ. 1891. Кн. 2; *Бузескул В. П.* Раскопки Шлимана в Трое, Микенах и Тиринфе // ФОб. 1891.1; *Фармаковский Б. В.* Микены и Финикия // Там же. 1896. XI; *Фельсберг Э. Р.* Микенский период истории Греции. Юрьев, 1907; *Vinner P. Ю.* Древний Восток и эгейская культура. М., 1913; *Соколовская Т. О.* Микенская керамика. СПб., 1904, и многочисленные статьи Е. Е. Кагарова и С. П. Сингалевича в «Гермесе» за последние годы. На болгарском языке: ст. Г. И. Кацарова (Периодические списки. LXVII).

Шлиман. Генрих Шлиман принадлежал к числу таких великих открывателей нашего времени. Имя его пользуется особенной известностью и популярностью. И это вполне понятно: имя Шлимана связано с именами Трои, Микен, Тиринфа, городов, окруженных ореолом легендарной славы. Его находки пролили новый свет на гомеровский вопрос и гомеровскую эпоху, на древнейший период греческой истории, на давние культурные связи и взаимодействия стран, прилегающих к восточной половине Средиземного моря; он открыл так называемую «микенскую культуру», или, правильнее, «крито-микенскую», иначе «эгейскую». Самая судьба Шлимана замечательная, почти сказочная, и его биография полна глубокого интереса: тут перед нами новое доказательство того, что значит энтузиазм, вера в свое дело и энергия. Сам Шлиман познакомил нас с своею сказочною судьбою, дав нам свою автобиографию в начале книги «Plios»¹, и каждое свое открытие он сопровождал изданием подробного отчета, выходявшего обыкновенно в виде объемистого тома, со множеством рисунков, с предисловием известных ученых, большею частью одновременно на трех языках — немецком, английском и французском.

Генрих Шлиман — сын бедного протестантского пастора — родился в Мекленбург-Шверине, в 1822 г. В своей автобиографии он указывает на те впечатления детства, под влиянием которых зародилась в нем страсть к археологии и мечта об открытии гомеровской Трои. В местечке, где он провел свое детство, ходило немало рассказов о таинственных кладах, зарытых по соседству. Особенно же любопытство ребенка возбуждал старинный средневековый замок, с крепкими стенами, с таинственными ходами, о владельце которого существовали разные невероятные предания. Однажды отец Шлимана, любивший древнюю историю и часто рассказывавший сыну о Троянской войне, подарил ему на Рождество иллюстрированную «Всемирную историю для детей», где между прочим изображена была и объятая пламенем

¹ Ср. его «Ungedruckte Briefe», опубликованные в «Deutsche Rundschau». 1906. Juni.

Троя с ее стенами и Скейскими воротами, и мальчик пришел к непоколебимому убеждению, что именно в таком виде существовала некогда Троя, что ее колоссальные стены не могли быть окончательно разрушены, а лишь скрыты под мусором столетий, и что он впоследствии откопает Трою. Ему было тогда всего только восемь лет. Но, казалось, этим мечтам не суждено было сбыться: вскоре семью Шлимана постигает ряд несчастий, и он должен был покинуть сначала гимназию, куда он было поступил, потом и реальное училище, и наняться сидельцем в мелочную лавку; ему было тогда 14 лет. Здесь Шлиман занят был с утра до вечера,— продавал масло, кофе, картофель, соль, подметал лавку и т. д. Тут уже было не до образования. Но и среди этой тяжелой обстановки Шлиман не оставлял мечты о Трое. Он рассказывает в своей автобиографии, как памятен остался для него на всю жизнь тот вечер, когда однажды в лавку зашел пьяный мельник, получивший порядочное образование, знавший наизусть сотни стихов Гомера и начавший их декламировать с большим одушевлением. Шлиман не понимал ни слова (он не знал греческого языка), но мелодичный язык произвел на него сильное впечатление; слезы текли по его лицу; он угостил мельника на те немногие пфенниги, которые были у него в кармане и которые составляли почти все его состояние.

Между тем здоровье Шлимана пошатнулось; он стал страдать кровохарканьем; пришлось оставить место в лавке. Тогда он пешком идет в Гамбург. Но здесь не находит места: больного никто не хотел держать. В отчаянии Шлиман решает поступить юнгой на корабль, плывший в Америку, в Венесуэлу. Но у голландских берегов корабль терпит крушение, и Шлиман едва спасается от гибели. Теперь он очутился в чужой стране, без всяких средств к жизни. Но о возвращении на родину Шлиман не думал: так горька была его жизнь там. Он решил искать счастья в Амстердаме, поступить там хотя бы в солдаты. По дороге туда он должен был просить милостыню. В Амстердаме Шлиман долго не мог пристроиться. Чтобы не умереть с голоду, он притворился больным и поступил в госпиталь. Из такого отчаянного положения его вывела помощь одного знакомого, жившего в

Гамбурге и приславшего ему порядочную сумму денег, собранных в его пользу, и рекомендации. Благодаря этому Шлиман получил, наконец, место в одной торговой конторе.

Здесь занятия его состояли в том, чтобы штемпелевать векселя, сдавать и получать письма на почте и т. п. Теперь свободного времени было у него сравнительно достаточно, и вот Шлиман принимается за свое образование, прежде всего за изучение иностранных языков. Половину своего годового жалованья он употреблял на это, жил на чердаке, довольствовался самым скудным завтраком и обедом, работал неутомимо. Начал он с изучения языка английского. Тут он держался особой методой: переводов не делал, а старался побольше громко читать, писал упражнения на разные темы, исправлял их под руководством учителя, заучивал потом их наизусть и т. д. Чтобы усвоить себе хорошее произношение, Шлиман по воскресеньям посещал английскую церковь и, слушая проповедь пастора, повторял про себя каждое ее слово. На посылках он всегда имел при себе книгу, из которой заучивал что-нибудь наизусть; во время долгих ожиданий на почте не терял времени и читал. Благодаря такому неустанному труду, Шлиман по прошествии 6 месяцев уже мог писать и говорить по-английски. Таким же способом он затем изучил языки французский, голландский, испанский, итальянский и португальский. В 1844 г. Шлиман перешел на службу в другую контору. Здесь положение его еще более улучшилось. Теперь он принимается за изучение языка русского. Дело было трудное: учителя нельзя было найти, и приходилось учиться по-русски, имея под рукой лишь грамматику, лексикон и плохой русский перевод «Похождения Телемака». Шлиману казалось, что дело пойдет успешнее, если при нем будет кто-нибудь, кому он может пересказывать похождения Телемака. И вот он нашел одного бедного еврея, который за 4 франка в неделю каждый вечер приходил к нему на квартиру и слушал его декламации, из которых не понимал ни слова. Через 6 недель Шлиман в состоянии был уже написать письмо по-русски.

Еще более счастливый оборот в судьбе Шлимана наступает с переездом его в Петербург (1846), где он поселился сначала в

качестве агента торгового дома, а вскоре стал вести и самостоятельную торговлю, преимущественно индиго. Счастье необыкновенно благоприятствовало Шлиману. Во время Крымской кампании, когда другие капиталисты опасались пускаться в большие предприятия, Шлиман расширил еще более свои операции. В это время он был так занят торговыми делами, что изучение им иностранных языков не могло идти по-прежнему. Но все же он выучился по-шведски и по-польски. А в 1856 г. взялся наконец за греческий язык, изучить который он давно уже страстно желал, но опасался, что это изучение слишком увлечет его и повредит таким образом его торговым делам. И тут он придерживался своей обычной, чисто практической методы. Начал он с языка новогреческого, а потом уже перешел к древнегреческому, причем на грамматику не тратил много времени, а больше читал авторов. В течение двух лет он прочел всех главнейших греческих писателей курсорно, а Одиссею и Илиаду несколько раз. Затем Шлиман взялся за изучение латинского языка, которому он учился еще в детстве, но с тех пор успел позабыть.

Раскопки на Гиссарлыке. В 1858 г. Шлиман предпринимает путешествие по Европе, а затем едет в Египет и Сирию; по дороге учится арабскому языку; летом 1859 г. посещает Циклады и Афины. Но тут процесс, начатый против него одним русским купцом, заставляет его возвратиться в Петербург. Ведя процесс, Шлиман снова принимается за торговые операции в широких размерах, и счастье благоприятствует ему по-прежнему. В 1863 г. он был уже миллионером. Он решается ликвидировать окончательно свои дела (тем более, что к тому времени и процесс уже окончился в его пользу) и приняться за осуществление еще с детства лелеемой мечты — за открытие гомеровской Трои. Но прежде чем всецело предаться археологии, Шлиман, по собственному выражению, хотел еще «повидать свет». В 1864 г. он посетил северный берег Африки, развалины Карфагена, а затем отправился в Индию, к берегам Китая и Японии и в Америку; ехать туда его побуждали личные дела. Дорогой он пишет первую книгу: «Китай и Япония» (на франц. яз.). В 1866 г. Шлиман возвратился в Европу и поселился в Париже.

Тут он принялся за изучение археологии; он готовился наконец осуществить мечту всей своей жизни.

В 1868 г. Шлиман посетил Ионические острова, в том числе Итаку, как родину Одиссея, затем Пелопоннес и Афины, а отсюда уж отправился в Троаду для предварительных раскопок на месте Трои. Дело в том, что прежде всего нужно было решить спорный вопрос: где искать древнюю Троию? Относительно этого существовало несколько мнений: в древности господствовало убеждение, что гомеровская Троя находилась там, где в греко-римскую эпоху был «Новый Илион», а с конца XVIII столетия стало распространенным мнение, по которому гомеровскую Троию следовало искать несколько южнее и далее от морского берега, у нынешней деревни Бунарбаши. Шлиман, прибыв в Троаду и сделав предварительные исследования, вскоре убедился, что последнее мнение неосновательно, что раз существовала в действительности древняя Троя, то ее следует искать на холме Гиссарлык, т. е. там, где в греко-римскую эпоху находился «Новый Илион». И он решил именно здесь предпринять свои грандиозные раскопки.

За эти раскопки он окончательно принялся по получении разрешения от турецкого правительства — осенью 1871 г. и производил их в течение многих лет, исключительно на свои собственные средства. Энергичною помощницею Шлимана в деле раскопок является его вторая жена, Софья, родом гречанка, такая же почитательница Гомера, как и он сам. Удивительны то увлечение, то терпение и энергия, которые обнаружили Шлиман и его жена в своих поисках за гомеровскою Троей. Имея возможность жить среди полного комфорта и роскоши, они добровольно взяли на себя великий труд, мирились с тяжелыми условиями бивуачной жизни, переносили всевозможные неудобства, терпели зной и стужу. Особенно тяжело было для Шлимана и его жены начало 1873 г., когда работы, на зиму обыкновенно прекращавшиеся, возобновлены были очень рано, в самом начале февраля. Сквозь деревянные стены дома, построенного Шлиманом, дул резкий северный ветер, нельзя было зажечь лампы, холод в комнатах достигал до 4° по Реомюру, вода замерзала. Днем все это было

еще сносно, благодаря тому, что приходилось быть в постоянном движении на воздухе, но вечером, говорит Шлиман в своей автобиографии, «кроме нашего одушевления к великому делу открытия Трои, мы не имели ничего, что согревало бы нас». Но зато именно в 1873 г. раскопки Шлимана шли особенно успешно; тогда открыт был им большой клад, отрытый им собственноручно. Любопытны подробности этого открытия. Рабочие натолкнулись во время раскопок на золотой предмет. Шлиман тотчас догадался, что тут скрывается важная находка; но он опасался, что рабочие могут похитить вещи. И вот, чтобы спасти находку от алчности рабочих, он дает раньше обыкновенного времени сигнал для завтрака; рабочие удаляются, он сам собственноручно принимается за раскопку, можно сказать, с опасностью для жизни — так как стена, под которой приходилось копать, ежеминутно грозила обрушиться; а жена Шлимана прятала отрытые вещи под мантилью и уносила в дом. Так открыт был и спасен для науки «большой клад». Этот клад состоял из нескольких серебряных слитков, многих сосудов (медных, серебряных, золотых) разной формы и величины, причем в одной из серебряных ваз найдено две великолепных диадемы, головная повязка, множество мелких золотых вещиц (до 8700), немало серег, браслетов, два кубка и т. д.; кроме того, в состав клада входило оружие из бронзы.

В 1874 г. Шлиман на время приостановил свои раскопки на Гиссарлыке и обнародовал результаты своих исследований в книге под заглавием «Trojanische Altertümer» (потом вскоре же вышли французский и английский перевод ее). Тут ярче всего сказался энтузиазм Шлимана, его благоговение и преклонение пред Гомером. Для него гомеровские поэмы — подлинный исторический источник, более того — священная книга, свидетельство которой непреложно. По Шлиману, все до мельчайших подробностей должно было быть и в действительности именно так, как говорится у Гомера. Нужно заметить, что впоследствии он сделался осторожнее в своих выводах и гипотезах.

Следующие затем годы Шлиман проводит в исследованиях на месте древних Микен, исследованиях, давших столь поразительные

результаты, в раскопках на Итаке, хлопотах о новом фирмане для дальнейших раскопок на Гиссарлыке. Сюда он возвратился лишь осенью 1878 г. В следующем году в Троаду, на раскопки Шлимана, прибыли известные ученые — Рудольф Вирхов и Эмиль Бюрнуф. Оба они оказали немало содействия Шлиману. В 1881 г. Шлиман издал большой труд на английском языке, тотчас же явившийся и в немецком переводе, труд, в котором подробно сообщает о своих открытиях и находках на Гиссарлыке («Ilios»). После того Шлиман произвел исследования в Орхомене (в Беотии), где находилась знаменитая, так называемая «Сокровищница царя Миния».

Но и впоследствии Троя продолжала привлекать к себе Шлимана. В 1882 г. он опять возобновил раскопки на Гиссарлыке, при содействии известного ученого архитектора Вильгельма Дёрпфельда. Результаты новых своих открытий Шлиман обнародовал в книге «Троја». Большую часть своих троянских находок Шлиман, несмотря на выгодные предложения Англии, принес в дар немецкому народу «в вечное владение и не раздельное хранение в столице империи».

Общие результаты и выводы, к которым привели Шлимана его раскопки на Гиссарлыке, таковы. По Шлиману, на Гиссарлыке существовало 7 городов I, последовательно возникавших один на месте другого; из этих городов — пять доисторических, 6-й — лидийский, а 7-й — греко-римский «Новый Илион». Наиболее интересны два древнейших поселения, первый и второй город, считая от материка.

От первого города сохранились небольшие остатки нескольких параллельных стен, затем жилищ, много каменных орудий (между прочим из нефрита) и глиняных черных сосудов, крайне примитивных. Второй город, по мнению Шлимана, и был гомеровская Троя. От этого города сохранилась довольно хорошо окружная стена, с башнями и воротами, а внутри — остатки большого здания, оказавшегося дворцом, с портиками, с двумя половинами, мужской и женской, с залой (вроде гомеровского

¹ На самом деле их было больше: Дёрпфельд насчитывает девять.

мегарона) и очагом. Из находок, сделанных в слое второго города, особенно замечателен упомянутый уже выше большой клад. Из сосудов обращают на себя внимание особенно те, которые имеют изображение головы (по Шлиману, это голова совы, по Вирхову — неумелое изображение головы человеческой). Оружие — преимущественно бронзовое. Замечательно, что на Гиссарлыке не найдено совсем мечей, а есть только копья и стрелы. Железо составляло величайшую редкость; лишь в 1890 г. Шлиман нашел здесь пару железных предметов.

Но Шлиман ошибся, приняв этот второй город за гомеровскую Трои; он, всю жизнь мечтавший об открытии Трои, не дождался до того момента, когда его сотрудником Дёрпфельдом открыты были на том же Гиссарлыке древности города, который скорее всего можно отождествить с Троей Гомера: это — так называемый шестой город, относящийся к микенской эпохе, тогда как культура второго города древнее не только гомеровской, но и микенской: ее относят к III тысячелетию до Р. Х. Культуру этого второго города принято называть троянскую (в отличие от микенской и собственно гомеровской).

Что касается ее типа и характера, то наряду с чертами чрезвычайно своеобразными, в ней имеются точки соприкосновения с другими культурами древнего мира, в том числе и с микенской.

Еще важнее по своим результатам открытия Шлимана в Микенах.

Микены. В легендарной истории Греции Микены играют видную роль. Предание гласит, что их воздвиг Персей, причем их строителями были циклопы. В числе микенских царей легенды называют Еврисфея, на службе которому Геркулес совершил свои знаменитые двенадцать подвигов, и Агамемнона, вождя греков под Троей. Микены были театром трагических событий и сцен — гибели Агамемнона, убитого вместе со своими спутниками вероломною своею женою Клитемнестрою и ее возлюбленным Эгисфом, горя Электры и кровавого мщения Ореста за смерть отца. Вообще поэтические сказания греков говорят нам о былой славе, богатстве и могуществе Микен, а Гомер прямо называет их «златообильными». В преданиях Микены являются

центром сильного и богатого царства, резиденцией могучих владык. Открытия Шлимана блистательно подтвердили это. Давно уже известны были развалины Микен — остатки стен, сложенных из колоссальных камней, с знаменитыми «Львиными воротами», и куполообразная могила, слышавшая под именем «Сокровищницы царя Атрея». Об этих развалинах, свидетельствовавших о былом величии Микен, говорит и Павсаний, греческий писатель II в. по Р. Х. В 1876 г. Шлиман подробнее исследовал эти памятники и, кроме «Сокровищницы царя Атрея», открыл еще несколько подобных же куполообразных могил.

Но главное свое внимание Шлиман сосредоточил на микенском акрополе. Еще в конце 60-х годов он пришел к убеждению, что могилы Агамемнона и его спутников, о которых говорит Павсаний, следует искать не вне, а внутри акрополя. И вот он задался мыслью открыть эти могилы. 7 августа 1876 г. внутри акрополя, недалеко от Львиных ворот, раздались первые удары заступа, а через несколько уже недель перед глазами Шлимана открылся мир новой, дотоле неизвестной нам культуры. Не будем здесь подробно описывать находки Шлимана; скажем только, что Шлиман открыл тут круг, состоящий из двойного ряда или кольца каменных плит, ниже этого круга — алтарь циклопической постройки, затем несколько каменных стел, из которых на некоторых изображены сцены охоты и сражения, например, колесница, запряженная лошадей, вооруженный мечом воин, а внизу и сверху — спирали, обычный орнамент на микенских памятниках, и, наконец, еще ниже открыто 5 могил. В этих могилах оказалось до 17 тел, в том числе несколько женских и детских. Тела, можно сказать, были завалены драгоценностями всякого рода. Тут были золотые маски, диадемы, нагрудники, перевязи, бляхи, украшавшие одежду, перстни с прекрасными изображениями охоты и сражения, браслеты, масса оружия (особенно замечательны бронзовые мечи с изображениями, например, борьбы со львами и т. д.), множество сосудов металлических, нередко очень массивных, глиняных, отличавшихся легкостью, изображения бычачьих голов, разного рода животных,

натуральное страусовое яйцо, несколько золотых идольчиков, изображающих божество вроде Астарты, и т. д., и т. д.

Таковы были открытия Шлимана в Микенах. Успех был поразительный и превзошел самые смелые его ожидания. То, что раньше признавалось лишь поэтическим вымыслом, оказалось действительностью: сказания о богатстве и могуществе Микен нашли себе полное подтверждение. Можно даже сказать, что в данном случае поэтическая фантазия во многих отношениях оказалась ниже действительности. Поэтому нам вполне понятен восторг Шлимана, его увлечение, его уверенность, что им открыты именно могилы Агамемнона и его спутников, так трагически погибших по возвращении из Трои, хотя мы можем и не разделять этой уверенности, так как против мнения Шлимана говорит многое. Но несомненно то, что могилы, открытые Шлиманом в Микенах, — могилы царские.

О своем открытии Шлиман поспешил известить греческого короля телеграммой и в конце ее говорил, между прочим, что открытые им сокровища «сами по себе достаточны для того, чтобы наполнить собою большой музей, который будет самым чудесным в мире и который в течение следующих столетий будет привлекать в Грецию тысячи иностранцев со всех концов света». Дело в том, что драгоценные свои находки, сделанные в Микенах, Шлиман, согласно существующему в Греции закону, представил в распоряжение греческого правительства, и они хранятся в настоящее время в Афинах, в Национальном музее.

Тиринф. Очень важным дополнением к микенским находкам служат открытия Шлимана в другом древнем городе Арголиды — Тиринфе. Тиринф по преданию тоже являлся сооружением циклопов; он считался даже древнее Микен, которые, возвысившись, затмили его славу и даже подчинили его себе. Развалины Тиринфа представляли груды камней, еще более колоссальных, нежели те, какие находятся в Микенах. Свои раскопки в Тиринфе Шлиман производил в сотрудничестве с Дёрпфельдом, главным образом в 1884 г. В результате их разысканий оказалось пролитие нового света на систему тиринфских укреплений и открытие остатков громадного дворца, по своему плану

напоминавшего дворцы, описываемые Гомером I. Оказывается, что в тиринфских стенах была сеть подземных галерей и камер со стрельчатым сводом, своего рода казематов, служивших, по всей вероятности, магазинами или кладовыми, что в этих стенах было два входа, или двое ворот. Тут мы видим целую сложную систему укреплений, устроенных по строго обдуманному плану. Чтобы выполнить подобный план, чтобы, например, возвести стены из огромных каменных глыб, весивших до 200 и даже до 800 пудов каждый, нужны были, конечно, более или менее опытные и искусные архитекторы, целые отряды рабочих и громадные средства! Что касается тиринфского дворца, открытого Шлиманом и Дёрпфельдом, то тут мы видим пропилеи, портики, двор с алтарем, мужскую половину помещения с залой (гомеровский мегарон), посреди которой возвышался домашний очаг, с комнатой, служившей баней, пол которой состоял из одного цельного камня колоссальной величины, весом в 1200 пудов. Стены тиринфского дворца украшены были живописью *al fresco*. В Тиринфе известно было 5 красок: белая, черная, желтая, красная, голубая. На стенах изображались не только спирали и розетки, но и целые сцены, — например, сохранилась часть картины, представляющей мчащегося быка, а на нем человека, который одной ногой касается спины быка, а другая нога его приподнята.

Таковы главнейшие памятники, которые открыты были Шлиманом.

Последние годы Шлимана. В последние годы своей жизни время, свободное от раскопок и путешествий, Шлиман проводил обыкновенно в Афинах. Там он выстроил себе обширный дом или дворец, в котором все напоминало Гомера. Увлечение Шлимана Гомером и вообще греческими мифами доходило до того, что он прислуге давал имена греческих героев и героинь, а его сын и дочь от второго брака носят имена Агамемнона и Андромахи. Но не подолгу проживал Шлиман в своем афинском

¹ Ср., впрочем: *Noack F.* Homerische Paläste, который указывает на отличие «микенских» дворцов от гомеровских.

дворце. И последние годы он немало путешествовал и немало совершил раскопок, по своим результатам, конечно, далеко уступающих его открытиям на Гиссарлыке, в Микенах и Тиринфе.

За год до смерти Шлиман опять посещает Трою и принимается за новые разыскания: ему приходилось отстаивать свое дело от нападок яркого противника, выступившего с теорией, которая подрывала все значение сделанных открытий. Этим противником был Эрнст Бёттихер, утверждавший, что открытый Шлиманом на Гиссарлыке «второй город» есть не что иное, как некрополь, и обвинявший Шлимана и Дёрпфельда даже в недобросовестности. Тогда Шлиман предложил Бёттихеру отправиться в Троаду, чтобы на месте убедиться, кто из них прав, причем все расходы по такому путешествию брал на себя. Противники съехались на Гиссарлыке в декабре 1889 г. Тогда же составлен был протокол осмотра Гиссарлыка, а весной 1890 г. международная конференция решила спор в пользу Шлимана. Тем не менее Шлиман решился предпринять новые раскопки на Гиссарлыке. Эти раскопки продолжались до августа 1890 г. Шлиман надеялся возобновить их на следующую весну. Но в декабре того же года он скончался в Неаполе от болезни уха, осложненной мозговыми страданиями. Похоронен Шлиман в Афинах.

В своем предисловии к книге Шлимана «Ilios» Р. Вирхов замечает, что в том увлечении и фантазии, которые составляют слабую сторону Шлимана, кроется вместе с тем и тайна его успеха. И в самом деле, без воодушевленной веры в действительность своих грез, всего того, что описывает Гомер, Шлиман не мог бы совершить того, что он совершил. Мы можем отвергать его выводы и толкования, как не выдерживающие критики, как фантастические; но от этого не умалится значение сделанных им открытий и находок: они останутся неоцененным сокровищем в смысле научного материала. Шлиман, повторяем, приподнял ту завесу, которая скрывала от нас древнейший период греческой истории; он открыл перед нами новый горизонт и поставил ряд проблем, над разрешением которых придется потрудиться, быть может, еще не одному поколению ученых.

Дальнейшие исследования, уже по следам Шлимана, открыли новый материал и пролили новый свет на многие вопросы. Во многих других местностях Элады были тоже найдены памятники микенской культуры. О результатах раскопок сотрудника Шлимана Дёрпфельда и о других открытиях в этой области, относящихся уже к 90-м годам XIX ст., я упомяну далее.

После открытий Шлимана важнейшие предприятия в этом роде были раскопки немцев в Олимпии и в Пергаме. Они происходили почти в одно время с тем, как Шлиман открывал троянские и микенские древности.

Раскопки в Олимпии. Олимпия, священное в глазах эллинов место, где происходили их национальные игры, представляла собой своего рода музей греков I: тут были собраны священные дары или приношения с разных концов эллинского мира, от государств и отдельных лиц; тут были алтари и храмы; множество статуй богов, героев и атлетов (в римскую эпоху этих статуй насчитывали более 3000), произведения знаменитых художников и проч. При императоре Феодосии I Олимпийские игры были запрещены и многие памятники искусства из Олимпии перевезены в Константинополь, в том числе знаменитая статуя Зевса работы Фидия, впоследствии там, в Константинополе, и погибшая во время пожара. Затем многое подвергли разрушению и грабежу готы Алариха. Олимпия опустела. Феодосий II приказал сжечь ее здания. Землетрясения и наводнения довершили дело разрушения. Развалины зданий, памятники, место, где

¹ Die Ausgrabungen von Olympia / Hrsg. von E. Curtius et al. Berlin, 1876-1881. 5 Bde.; Die Funde von Olympia. Berlin, 1882; *Curtius E., Adler F.* Olympia. Die Ergebnisse der von dem Deutschen Reich veranstalteten Ausgrabungen. Berlin, 1890-1897; *Boetticher Ad.* Olympia, das Fest und seine Stätte. Nach den Berichten der Aten und den Ergebnissen der deutschen Ausgrabungen. Berlin, 1886; *Laloux V., Monceaux P.* La restauration d'Olympie. Paris, 1889 (на русском языке в изложении К. М. Мазурина. М., 1892); *Hachtmann K.* Olympia und seine Festspiele. Gütersloh, 1899; *Luckenbach H.* Olympia und Delphi. Karlsruhe, 1904; Путеводитель по Олимпии: *Κοροννιώτης Κ. Ἀθήνησιν*, 1904; *Weniger L.* Das Hochaltar des Zeus von Olympia // NJb. XXXI.

происходили состязания,— все это мало-помалу занесено было илом и толстым слоем песка, на 5 или 6 метров в глубину.

О раскопках в Олимпии едва ли не первый заговорил бенедиктинец Бернар де Монфокон (Montfaucon) в XVIII в. О них мечтал Винкельман; он был уверен, что открытия в Олимпии превзойдут всякие ожидания и прольют новый свет на историю греческого искусства, и горячо пропагандировал мысль о необходимости произвести раскопки в Элиде. В 1766 г. англичанин Р. Чендлер посетил место, где находилась Олимпия, и нашел там развалины храма, признанного вслед за тем (Фовелем) за храм Зевса.

Собственно первые раскопки в Олимпии были произведены уже известною нам (см. выше, с. 318) французскою экспедицией) 1829 г.; найдены были некоторые остатки скульптурных памятников, метопа с изображением Геркулеса, усмиряющего критского быка, и т. п.; но эти раскопки вскоре были прерваны.

Настоящие раскопки в Олимпии, по широкому плану, начались в 70-х годах и были делом прежде всего Эрнста Курциуса. Мы видели, что еще в 1852 г. Курциус обращался с призывом произвести раскопки в Олимпии; но тогда обстоятельства не благоприятствовали; он не встретил надлежащего сочувствия и отклика, и только через 20 с лишком лет после того он увидел осуществление давней мечты своей и своего учителя, К. О. Мюллера.

После кровавой войны 1870—1871 г. у немцев явилось, как говорит сам Курциус, благородное желание совершить мирное дело в интересах науки, и германское правительство решило произвести на свой счет раскопки в Олимпии (1874 г.). Кронпринц Фридрих, воспитанник Курциуса, взял на себя инициативу и посредничество в этом деле. Курциусу поручено было заключить договор с греческим правительством касательно раскопок, и германский рейхстаг единогласно вотировал сотни тысяч на эти раскопки, несмотря на то, что все найденные предметы должны были оставаться в Греции, а на долю Германии доставалась лишь слава.

В октябре 1875 г. приступлено было к раскопкам, а весной 1881 г. они были закончены. Велись они с замечательною осто-

рожною и систематичностью по образцовому методу, с тщательным сохранением памятников, с обращением внимания на все детали. Во главе дела стояли Э. Курциус, Ф. Адлер и член от министерства иностранных дел. На месте находилась комиссия из археологов (например, О. Гиршфельд, А. Фуртвенглер, Пургольд) и архитекторов (Э. Бёттихер, Р. Дёрпфельд). В их распоряжении было до 300 рабочих. Работы производились в течение 6 лет ежегодно, с октября по март, и раскопки стоили Германии 800 000 марок. Раскопан был не только священный округ (Альтис), но и окрестные здания, служившие помещением для лиц, заведовавших играми, и для гостей. Перед нашим взором теперь открывается весь план Олимпии. О богатстве находок могут дать понятие следующие цифры: в общем открыто было 130 статуй или барельефов мраморных, 13 000 бронзовых предметов, 6000 монет, 400 надписей, 1000 предметов из терракоты, 40 памятников, и в числе находок — такие произведения, как фронтоны храма, статуя Ники Пеония и Гермес Праксителя, найденный как раз на том месте, где он, по словам Павсания, стоял! На месте раскопок воздвигнут был музей на средства грека Сингроса, ив нем помещены найденные древности.

Курциус с особенным интересом наблюдал за ходом раскопок. Он несколько раз посещал Олимпию и принимал деятельное участие в разработке тех вопросов, которые возникали по поводу открытий. При его участии издавались ежегодные отчеты — «Ausgrabungen von Olympia» и «Funden von Olympia»; совместно с Адлером им издано топографическое описание Олимпии и ее окрестностей («Olympia und Umgegend», 1882), а в 90-х годах предпринято огромное роскошное издание — «Olympia», с объяснительным текстом, в котором перу Курциуса принадлежит «История раскопок» и «История Олимпии». — Всеобщее признание заслуг Курциуса в деле раскопок в Олимпии ярко сказалось по случаю празднования его 80-летия. По этому поводу решено было поставить мраморный его бюст на самом месте раскопок, в Олимпии, у входа в воздвигнутый там музей. Торжественное открытие этого бюста последовало в апреле

1895 года, и тут представители различных стран, не только Германии, но и Греции, Англии, Америки, даже Франции в лице директора Французской школы в Афинах Ж.-Т. Омоля, наперерыв воздавали заслуженную хвалу Курциусу.

Раскопки в Пергаме. Раскопки в Пергаме I, произведенные при содействии и на средства Пруссии, хотя и с гораздо меньшими затратами, дали тоже богатые и в многих отношениях неожиданные результаты. Они открыли дивные и грандиозные произведения искусства и показали, как процветало оно в те времена, которые считались эпохой упадка, и до какой степени реализма доходили греческие художники.

Пергам — древний город в Малой Азии (в Мизии), в долине Каика, расположенный на возвышенности, некогда столица Пергамского царства и центр эллинизма в Азии, теперь — довольно значительный город Бергама (с 18 000 жителей), который находится у подножия древнего акрополя. Самостоятельная политическая жизнь Пергама продолжалась недолго, каких-нибудь 150 лет, но он одно время был важным культурным центром. При дворе его владетелей оказывалось покровительство

¹ Издаваемые по поручению прусского Министерства народного просвещения «*Altertümer von Pergamon*» (с 1885 г.). Предварительные отчеты: Conze A., Humann C. Die Ergebnisse der Ausgrabungen von Pergamon // *Jahrbücher der Königlichen Preussischen Kunstsammlungen*. 1880.1; 1882. II; 1888. XI. Обзор раб от за 1887—1898 гг.: Conze A., Schuchhardt C. Die Arbeiten zu Pergamon // *AM*. 1899. XXIV. Кроме того: Pergame. Restauration des monuments de l'Acropole. Restauration par Pontremoli, texte par Collignon. Paris, 1900; *Ussing J. L.* Pergamos, seine Geschichte und Monumente. Berlin; Stuttgart, 1899 (немецкая обработка датского издания); на русском языке ср.: *Жебелев С. А.* Археологическая хроника // *ФОб*. 1899. XVII. 2. С. 288 след.; *Nachtmann K.* Pergamon. Gütersloh, 1900; *Salis A. v.* Der Altar von Pergamon. Ein Beitrag zu Erklärung der hellenistischen Barockstils in Kleinasien. Berlin, 1912; *Гельд Г. Г.* Алтарь Зевса в Пергаме. Ревель. 1906; *Благовещенский Н. М.* Винкельман и поздние эпохи греческой скульптуры. СПб., 1891, и известное письмо И. С. Тургенева о «Пергамских раскопках»: *Тургенев И. С.* Пергамские раскопки. Письмо в редакцию // *ВЕ*. 1880. № 4.

литературе, науке и искусству; в Пергаме работали замечательные художники; он славился своею медицинскою школою; в нем основана была знаменитая библиотека, в которой хранилось до 200 000 свитков и которая уступала одной только Александрийской библиотеке; в Пергаме же впервые стал употребляться новый писчий материал взамен папируса — пергамент.

Расцвет Пергама¹ и его культуры относится ко второй половине III и к первой половине II в. до Р. Х., ко времени Аттала I, которого Моммзен называет Лаврентием Великолепным древности и победы которого над галлами, или галатами, послужили одной из любимых тем для тогдашней скульптуры и его преемника Евмена II. В 129 г. Пергам превращен в римскую провинцию, а со времен византийского господства начинается полный упадок его. Памятники его подверглись разрушению; великолепные мраморы, статуи и горельефы пошли на устройство крепостной стены, что, впрочем, для них было спасением: замуравленные в этой стене, под толстым слоем извести, они лучше сохранились от дальнейшего разрушения.

Как открытие троянских и микенских древностей неразрывно связано с именем Шлимана, так открытие пергамских древностей связано с именем Карла Гумана.

Гуман. В 1864 г. Карл Гуман, в то время еще молодой инженер (он родился в 1839 г.), по поручению Фуада-паши строя мосты и проводя дороги в Малой Азии, посетил Пергам. Со скорбью видел он, как гибнут сокровища древности: пергамский акрополь превращен был в каменоломню; его памятники шли на постройки и на обжигание извести, не говоря уже о мелких расхищениях. Гуман прежде всего употребил все усилия, чтобы положить конец дальнейшему разрушению. Он убедил знакомого ему грека, врача Ралли, тоже любителя древностей, отправить приобретенный им мраморный горельеф, изображавший льва, нападающего на человека, в Константинополь². Там на этот

¹ *Cardinali C.* И regno di Pergamo. 1906.

² Этот горельеф был пожертвован греческому «силлогу» и впоследствии передан в Берлинский музей.

горельеф обратил внимание великий визирь, и турецкое правительство запретило расчищать пергамские древности и употреблять их на постройки.

В 1866 г. Гуман снова посетил Бергаму, а в 1868 г. поселился в ней, занятый по поручению турецкого правительства проведением дороги из Константинополя в Смирну. Время от времени ему удавалось открывать древние горельефы, но он мечтал о раскопках в широких размерах, об открытии древнего Пергама со всеми уцелевшими его памятниками.

В 1871 г. Бергаму посетили Э. Курциус и Ф. Адлер. Гуман обратил их внимание на византийскую стену, в которую вделаны были античные скульптуры, и в доказательство того, как их много и как легко открыть, тут же на глазах извлечено было два прекрасных горельефа, которые и были отправлены в Берлин. Несмотря на сочувствие Курциуса, настояния и старания Тумана, убеждавшего прусское правительство предпринять раскопки в Пергаме, долго оставались без результата: внимание и средства в то время отвлечены были раскопками в Олимпии. Только в 1878 г. эти старания наконец увенчались успехом, благодаря поддержке известного археолога А. Конце, недавно перед тем назначенного директором Берлинского музея, и тому интересу, который обнаружил и к этому делу кронпринц (впоследствии император Фридрих III). Конце первый пришел к заключению, что находимые в Пергаме горельефы принадлежат к изображению «гигантомахии», борьбы богов с гигантами, на колоссальном жертвеннике или алтаре, о котором упоминает один из позднейших писателей древности (некий Ампелий) в числе чудес света. По побуждению Конце прусское правительство решило дать средства на пергамские раскопки, которыми должен был руководить Гуман, и выхлопотало необходимое разрешение турецкого султана.

В сентябре 1878 г. Гуман с увлечением и энергией приступил к раскопкам, которые сопровождались блестящим успехом.

¹ Об отношении Э. Курциуса к Туману: *Kern O.* // *Deutsche Literaturzeitung.* 1913. № 19.

Вскоре ему удалось открыть то место, где находился алтарь, о котором мы выше упоминали, его фундамент и большое число плит с изображением сцен из гигантомахии. Уже в начале раскопок Гуман сообщал в Берлин: «Мы открыли целую художественную эпоху, в наших руках величайшее из уцелевших от древности произведений искусства». С каким увлечением Гуман относился к раскопкам, лучше всего показывает следующий эпизод.

Гуман с особенным нетерпением ждал находки тех плит, на которых должно было находиться изображение Зевса как главной фигуры в борьбе с гигантами. И вот однажды — это было в июле 1879 г. — он отправился на акрополь осматривать открытые, но еще не очищенные плиты, лежавшие на мусоре; очистили первые 4 плиты, и оказалось, что на них изображен бог и три гиганта. Гуман догадался, что это и есть изображение Зевса. «Я чувствую твое приближение, Зевс», — воскликнул он. И действительно, плиты подходили одна к другой и изображали главную сцену горельефа — Зевса, поражающего трех гигантов. Для полной уверенности в этом недоставало лишь изображения обычных атрибутов царя богов; но когда перевернули еще одну плиту, то Гуман, полный нетерпения и ожидания, наскоро ногтями отцарапал целые слои извести, покрывавшие плиту, и видит эгиду. «Глубоко потрясенный, — рассказывает он в своем дневнике ¹, — я приник к Зевсу и залился обильными слезами радости» ². Мы поймем увлечение Тумана, если вспомним, как восторженно описывал эти горельефы И. С. Тургенев в своем известном письме о пергамских раскопках; он видел их в 1880 г. в Берлинском музее, где они были тогда разложены на полу: «Выходя из музеума, — говорит Тургенев в конце письма, — я подумал: „Как я счастлив, что я не умер, не дожив до последних впечатлений, что я видел все это!..“».

¹ Дневник К. Тумана помещен в «Die Ergebnisse der Ausgrabungen von Pergamon» // *Jahrbuch der Königlichen Preussischen Kunstsammlungen.* 1880. I; besonders abgedruckt: Berlin, 1880.

² *Благовещенский Н. М.* Винкельман и поздние эпохи греческой скульптуры. С. 66—67.

В помощь Гуману прусским министерством командирован был архитектор Р. Бон (Böhn) для реконструкции алтаря; вскоре место раскопок посетил и Конце. Между тем истек срок договора с Турцией и пришлось хлопотать о новом разрешении. Таким образом за первую кампанию (1878—1879) последовала вторая (1880—1881), а за нею и третья (1883—1886). В общем, кроме упомянутых горельефов гигантомахии и мелких находок, открыты были надписи, статуи, остатки храмов, дворца, театра и проч. Раскопки и исследования на месте древнего Пергама продолжались и впоследствии, в конце 80-х и в 90-х годах (Шуххардтом, Фабрициусом, Конце, Боном)¹, и еще в 1898 г. Конце в своей речи «Pro Pergamo» призывал к продолжению работ, которые должны дать дальнейшие результаты, а в последнее время там производил раскопки Дёрпфельд (см. дальше).

В силу первоначального договора и турецких законов из пергамских древностей Пруссии должна была достаться лишь 1/3, а 2/3 — Турции²; но потом и эти две трети были уступлены Пруссии частью в дар, частью за денежное вознаграждение. Таким образом, все найденные пергамские скульптуры перешли в Берлин. Доставка их из Пергама к морскому берегу и затем на суда сопряжена была с большими трудностями; но Гуман преодолел все. Большая часть древностей из Смирны была отправляема на пароходе в Триест, а оттуда по железной дороге в Берлин. Здесь целая комиссия археологов с помощью итальянских мастеров работала над приведением их в порядок. К счастью, плиты снабжены были буквами или знаками, так что для каждой из них можно было определить место и надлежащим образом сопоставить их. Для пергамских древностей был устроен особый музей³; в нем горельефы расположили так, как они были некогда в

¹ Подробный отчет: Mittheilungen. 1899. XXIV.

² Собственно — 1/3, а другая треть — владельцу участка; но в данном случае таким владельцем была Турция же.

³ Гуман не дождался открытия этого музея: он умер в 1896 г. Упомянутый музей просуществовал всего несколько лет и в 1908 г. был снесен в виду предпринятой новой грандиозной постройки музеев.

действительности. Издаются и монументальные «Пергамские древности» («Alterthümer von Pergamon») — результаты раскопок I. Раскопки эти продолжались и потом.

Успехам эпиграфики и археологии много способствовали те иностранные учреждения — школы или институты, — которые основаны были в Греции.

Французская школа в Афинах. По времени первым таким учреждением является Французская школа в Афинах (École française d'Athènes)¹, во главе которой стоит директор и куда посылаются стипендиаты на два или три года. Основана она была еще в 1846 г. «для изучения языка, истории и древностей греческих», но скорее по политическим, нежели научным мотивам, — с целью поддержать влияние и престиж Франции, в противовес Англии. Сначала она преследовала больше литературные и общеобразовательные цели, чем специальные, ученые разыскания, и долгое время, до 70-х годов прошлого века, мало проявляла свою деятельность. За этот период можно отметить лишь открытия Ш. Э. Бёле (Beule) в акрополе (1852—1853), исследовавшего лестницу, ведущую к пропилеям, — открытия, в свое время произведшие большое впечатление и вызвавшие оживленную полемику; затем — разыскания П. Фукара и К. Вешера в Дельфах (1860—1862), путешествия (1861) Озэ (Heuzey) и Доме (Daumet) по северной Греции, Македонии и Фракии и Ж. Перро (Perrot) — по Малой Азии³.

Новая эра в деятельности Французской школы в Афинах начинается с середины 70-х годов, когда во главе ее стал А. Дюмон

¹ Сюда входят и пергамские надписи (т. VIII), изданные в обработке М. Френкеля (Frankel).

² Radet C. L'histoire et l'œuvre de l'École française d'Athènes. Paris, 1901; на русском языке о Французской школе: Цыбульский С. О. Французский археологический институт в Афинах (École d'Athènes) // Гимназия. 1891; вообще об иностранных школах и институтах в Афинах: Кагаров Е. Е. Из заграничных впечатлений // Гермес. 1911. № 8.

³ Из путешествий, предпринятых лицами, не принадлежавшими к французской школе в Афинах, следует отметить путешествие де Вогюе в Сирию: Vogué M. M. de. Les Événements de Syrie. Paris, 1860—1862.

(Dumont) (1875—1878) и она преобразована была в ученое учреждение, в своего рода «Institut de correspondance hellénique», получавший корреспонденции из Смирны, Александрии, Константинополя и т. д., служивший как бы посредником между Востоком и Западом. С 1877 г. школа издает и свой орган — «Bulletin de correspondance hellénique», где сосредоточиваются сообщения о новейших открытиях и где наряду со статьями на французском языке — иногда ученых разных национальностей¹ — отведено было место и статьям на языке новогреческом. Более крупные мемуары и монографии помещаются в «Bibliothèque des écoles d'Athènes et de Rome» (с 1881 г.). Дальнейшего развития и процветания Французская школа достигла при преемниках Дюмона — П. Фукаре², известном знатоке надписей, при котором и преобладало эпиграфическое направление, и Ж.-Т. Омолле³, прославившемся своими раскопками на Делосе и в Дельфах.

Раскопки эти были самым выдающимся делом Французской школы.

Раскопки на Делосе. Древности Делоса⁴, священного для греков острова, родины Аполлона и одно время центра Афинского союза, испытали обычную, печальную участь: еще в I в. до Р. Х., во времена Митридата, остров подвергся разорению, а в средние и новые века служил каменоломней. Госпиталиты и жители соседних островов брали отсюда материал для построек; церковь на Тиносе, например, вся выстроена из античного мрамора. В XV в. из-

¹ В том числе и русских эпиграфистов.

² Родился в 1836 г.; директором школы был с 1878 г.

³ Т. Омоль (Hornolle) родился в 1848 г.; директором состоял с 1891 г. до 1904 г. его преемником назначен М. Олло (Holleaux).

⁴ О раскопках на Делосе — отчеты в «Bulletin de correspondance hellénique»; *Diehl M. Ch.* Excursions archéologique; *Radet C.* L'Histoire et l'œuvre de l'école française d'Athènes; Delos // RE. 1899. Bd. 4; *Phadelpheus Al.* 'Ο Δήλος. Συντόμος Ιστορία... Αθήνησιν, 1909; *Schoeffer V.* (Шеффер В. А.). De Deli insula; rebus. Berlin, 1889; *Шульце Э.* Новые раскопки на Делосе // ЖМНП. 1883. Сентябрь. С 1910 г. публикуется «Exploration archéologique de Délos», под ред. Т. Омолля и М. Олло.

вестный любитель археологии, Кириак из Анконы, обратил внимание на Делос. В XIX в. здесь производил исследования еще Л. Росс. В 1873 г. один из членов Французской школы Лебег (Lebègue) начал раскопки на горе Кинфе и между прочим нашел пещеру, служившую древнейшим храмом. Его исследования продолжал, по поручению греческого Археологического общества, И. Стаматакис и открыл святилище иноземных (египетских) богов — Сераписа, Исиды и Анубиса. Но только с 1877 г. Французскою школою начаты на Делосе систематические, в широких размерах, раскопки, давшие богатые результаты. Руководство ими поручено было Омоллю, который повел их по новому плану (1877—1880). В 1885 и 1888 г. Омолль снова возвращался на Делос для продолжения своих раскопок. В промежутки другие члены Французской школы (Б. Оветт (Hauvette), С. Рейнак (Reinach), Г. Фужер (Fougères) и проч.) с своей стороны исследовали разные части острова и дополнили таким образом разыскания Омолля.

В результате открыты были остатки священного города, храма и различных зданий — пропилеев, театра, гимназии, святилищ, помещений, принадлежавших разным коллегиям или корпорациям, и т. п., — в общем до 60, гавани, любопытные архаические статуи и в особенности надписи, числом более 1500 (теперь их известно более 3000). Таким образом пролит свет на историю храма, его управление, на развитие греческой скульптуры, особенно в более древний период, и т. д. Мы поймем все значение сделанных находок, преимущественно надписей, если вспомним, что храм делосский служил своего рода архивом, казнохранилищем и музеем, что здесь хранились различные акты, копии с договоров и других документов, и что остров Делос был одним из центров не только религиозной жизни, но и торгового движения.

Систематические, сопровождавшиеся замечательными открытиями раскопки в Дельфах относятся уже к 90-м годам истекшего столетия, а потому о них я скажу далее.

Другие раскопки Французской школы. К открытиям на Делосе и отчасти в Дельфах близко стоят по своему характеру открытия на месте святилища Аполлона Птоиского в Беотии.

Раскопки здесь вел Олло (Holleaux) в 1884—1891 гг. Им найдены развалины храма, священные дары, в том числе интересные статуи, бросающие свет на историю греческого архаического искусства, и надписи почти за 1000-летний период, начиная со второй половины VI в. до Р. Х.

Членами Французской школы производились раскопки также и в других местностях Греции — в Элатее, Феспиях, в Пелопоннесе; здесь заслуживают быть отмеченными исследования Фужера в Мантинее I. А на острове Санторине (древней Фере) Gogseix, вслед за геологом Фуке (Fouqué), открыл (1869—1871) следы древнейших поселений и архаической культуры. П. Жирар (Girard) исследовал Самос и приобрел для Луврского музея знаменитую статую Геры Самосской. В Малой Азии в Мирине (близ Смирны) под руководством Поттье (Pottier) и С. Рейнака раскопан некрополь² со множеством терракотовых статуэток, подобных танагрским. Член Французской школы Райе (Rayet) на средства Ротшильдов произвел в 1872—73 г. раскопки в Милете и его окрестностях, на месте оракула Аполлона Бранхидского, в Магнесии, Приене и т. д.³ Во Фригии, Ликии производили исследования Раде (Radet)⁴, Г. Кузен (Cousin), М. Ш. Диль (Diehl) и др.; найдены были, между прочим, интересные эпиграфические памятники, напр. письмо Дария Гистаспа, рескрипт Антиоха II (относительно культа царицы Лаодикеи) и даже целый философский трактат⁵.

Французские ученые второй половины XIX в. Членам Французской школы в Афинах, кроме того, принадлежит ряд бо-

¹ Fougères С. Mantinee et l'Arcadie orientale. Paris, 1898, где сведены результаты и предшествовавших его работ.

² Pottier Ed., Reinach S. La Nécropole de Myrina. Paris, 1887. 2 vol.

³ Rayet O., Thomas A. Milet et le golfe latmique, Tralles, Magnésie du Méandre, Priène, Milet, Didymes, Héraclée du Latmos. Fouilles et explorations archéologiques. Paris, 1877—1882. 3 vol.

⁴ Radet G La Lydie et le monde grec au temps des Mermnades. Paris, 1892.

⁵ Г. Кузен описал его в 1889 г. (Bulletin de correspondance hellénique. 1892. XVI), а затем (в 1905 г.) R. Heberdey и E. Kaiinka (ibid. 1897. XXI).

лее или менее крупных монографий и исследований по греческой истории, государственным и частным древностям и искусству. Можно сказать, что большая часть выдающихся специалистов Франции второй половины XIX в. в этих научных областях — Н. Д. Фюстель де Куланж, Ж. Перро, П. Фукар, А. Дюмон, Колиньон, Ж.-Т. Омоль, П. Жирар, Б. Оссулье, Б. Оветт, Поттье, С. Рейнак, Монсо, Э. Ардальон, Ф. Дюррбах и др.¹ — вышли из Французской

1 О Ф. Де-Куланже выше, с. 353 след.; Ж. Перро (Perrot) вместе с Ш. Шипье (Chipiez) издает с 1882 г. капитальную «Histoire de l'art dans l'antiquité» (ему принадлежит также «Essai sur le droit public d'Athènes. Paris, 1867»); П. Фукар (Foucart) известен исследованиями, преимущественно по надписям: *Foucart P.* Mémoire sur l'affranchissement des esclaves par forme de vente à une divinité. Paris, 1863; *его же.* Les associations religieuses... Paris, 1873; *его же.* Mémoire sur les colonies athéniens. Paris, 1878; *его же.* Les grands mystères d'Eleusis. Paris, 1900; *его же.* Les Mystères d'Eleusis. Paris, 1914; *его же.* Le culte de Dionysos en Attique. Paris, 1904; о А. Дюмоне — выше, с. 374 и 402; Л. М. Колиньон (Collignon) — историк искусства (например: Histoire de la sculpture grecque. Paris, 1892—1897. 2 vol.); Ж. Т. Омоль (Homolle) известен раскопками (а из его работ отметим: «Reglements de la phratry des Labyades» (ВСН. 1895. XIX) и «Archives de l'intendance sacrée de Délos»); П. Жирару (Girard) принадлежит монография «L'éducation athéniens. Paris, 1889»; Б. Оссулье (Haussoullier) — «La vie municipale en Attique». Paris, 1884; Б. А. Оветту (Hauvette) — Les stratèges athéniens. Paris, 1885 и *ему же* — Hérodote, historien des guerres médiques. Paris, 1894; Э. Поттье (Pottier), С. Рейнак (Reinach) — археологи (см. например, их «La Nécropole de Myrina». Paris, 1887. 2 vol.); П. Монсо (Monceaux) — автор «Les proxénies grecques». Paris, 1885; *он же.* La Grèce avant Alexandre. Paris, 1882; Э. Ардальону (Ardaillon) принадлежит монография «Les mines de Laurion dans l'antiquité». Paris, 1897, а археолог Ф. Дюррбах (Durrbach), автор работы «L'orateur Lycurgue». Paris, 1890, известен теперь исследованиями на о-ве Делосе. Можно назвать еще: *Dugit E.* Étude sur l'aréopage athénien. Paris, 1867; *Dubois M.* Les ligues étoliene et achéene, leur histoire et leur institutiones, nature et durée de leur antagonisme. Paris, 1885; *Martha Jul.* Les sacerdoces athéniens. Paris, 1882; *Clerc M.* Les métèques athéniens, étude sur la condition légale, la situation moral et le rôle social et économique des étrangers domiciliés. Paris, 1893.

школы в Афинах, и многие из их монографий напечатаны в «Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome».

Говоря об участии французских ученых в разработке греческой истории, можно отметить еще, что во Франции в 1867 г. возникло общество для поощрения изучения Греции («Association pour l'encouragement des études grecques»), которое издает и свой орган — «Revue des études grecques».

Немецкий институт в Афинах. В 1874 г. и немцы основали в Афинах учреждение, подобное Французской школе, в виде отделения Немецкого Археологического института.

Институт этот впервые основан был в 1829 г. в Риме, по инициативе Эд. Герхарда (см. с. 312), в целях оживления сношений в области археологии и скорейшего обнаружения вновь открываемых памятников. Он являлся первоначально частным обществом и носил международный характер: к нему принадлежали и в его работах принимали участие лица различных национальностей — не только немцы, но и итальянцы, и французы; издания его («Bulletino», «Annali», «Monumenti inediti») выходили большей частью на итальянском языке и проч. Наибольшую поддержку ему оказывало прусское правительство и Берлинская Академия наук. В 1871 г. институт превратился в прусское учреждение, а в 1874 г. — в имперское, под именем «Императорского Немецкого Археологического института». Почти одновременно, в том же 1874 г., по проекту Э. Курциуса в Афинах основано было его отделение. Каждым из двух отделений, Афинским и Римским, заведуют по два секретаря, а центральная дирекция находится в Берлине. На обязанности секретарей лежит редактирование «Известий» («Mittheilungen»), чтение лекций или объяснение памятников, руководство занятиями стипендиатов, которых ежегодно командировается несколько, устройство археологических экскурсий, ведение заседаний и т. п. В числе

¹ *Michaelis Ad.* Geschichte des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin, 1879; *id.* Die Aufgaben und Ziele des Kaiserlichen Deutschen Archäologischen Instituts // Preussische Jahrbücher. 1889. Bd. 36.

секретарей Афинского отделения мы видим таких лиц, как У. Кёллер (до 1886 г.), которому так много обязана эпиграфика (см. с. 373 след.), и ученый архитектор В. Дёрпфельд (Dörfeld) ¹. Институт располагает значительным бюджетом; он имеет свой орган — «Mittheilungen», из которых один отдел выходит в Афинах ², а другой — в Риме. Кроме того, в Берлине существует центральный орган — сначала «Archäologische Zeitung», а потом — «Antike Denkmäler» и «Jahrbuch» (с 1886 г.), с приложением («Archäologischer Anzeiger», с 1889 г.). Ежегодные отчеты о деятельности Немецкого Археологического института печатаются в «Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaft».

Немецкий Археологический институт в Афинах очень много способствовал дальнейшему изучению истории, археологии и топографии Греции. Между прочим, при содействии этого учреждения и при участии Курциуса предпринята была громадная работа — топографическая съемка Аттики немецкими офицерами генерального штаба. Результатом этих исследований явились совместные издания Э. Курциуса и И. А. Кауперта: «Атлас Афин» (1878) и «Карты Аттики» (1881-1894/5), с объяснительным текстом, в котором описание Афин и их окрестностей принадлежит самому Курциусу, а остальное — его ученику А. Мильхёферу (Milchhöfer), известному знатоку топографии Аттики.

Британская школа и общества. В 1886 г. возникла Британская школа в Афинах (British School at Athens) ³, по побуждению Р. Дж. Джебба, на частные взносы, без субсидии со стороны правительства, но все-таки выдающая стипендию

¹ О его ученой деятельности в Греции — речь В. Стаиса: *Stais V. hi Elládi v̄pertrixhōntaxetis dhōsis ton Daip̄p̄feld* // AM. 1913. XXXVIII. В 1912 г. Дёрпфельд ушел на покой; вместо него секретарем теперь — Г. Каро (Caro).

² В «Mittheilungen» есть статьи и русских ученых.

³ *Gardner P.* The British School at Athens. Oxford; Cambridge, 1907; краткий обзор деятельности школы за 25 лет см. в ее Annual (за 1910-1911 гг.). № XVII. 1912.

(из фонда, основанного в честь эпископа Ч. Т. Ньютона). Она издает журнал («The Annual of the British School at Athens») и ведет раскопки. Она принимала деятельное участие в раскопках на о. Кипре¹ (доставшемся Англии в 1878 г.), где еще в 70-х годах с большим успехом производил разыскания североамериканский консул граф Чеснола², не совсем, впрочем, надежный свидетель, а затем немецкий ученый М. Г. Онефальс-Рихтер (Ohnefalsch-Richter)³, издававший даже специальный орган «The Journal of Cyprian Studies». При поддержке этой школы, Британского музея, некоторых ученых обществ и университетов, образовался особый «Cyprus Exploration Fund» (1887), благодаря которому раскопки продолжались далее, а в Никосии основан музей кипрских древностей.

В таком же направлении действуют ученые английские общества — «Society for the promotion of Hellenic Studies», издающее «Journal of Hellenic Studies», и в особенности «Egypt Exploration Fund»⁴ (основан мисс Амелией Эдварде в 1882 г.). Последним, под руководством Фл. Питри, А. Г. Гардинера и Ф. Гриффита, предприняты были раскопки на месте греческой колонии Навкратис (1884—1886)⁵,

¹ *Oberhammer E.* Die Insel Cypern. Eine Landeskunde auf historischer Grundlage. München, 1903. I; *Lichtenberg R. Fr. v.* Beiträge zur ältesten Geschichte von Kypros. Berlin, 1906.

² *Cesnola [L.] P. di.* Cyprus, its ancient cities, tombs and temples. London, 1877; нем. пер.: *Cyprus, seine alte Städte, Gräber und Tempel* Autorisierte deutsche Bearbeitung von L. Stern. Mit einleitendem Vorwort von G. Ebern. Iena, 1879.

³ См.: *Ohnefalsch-Richter M. H.* Kypros. Die Bibel und Homer. Berlin, 1893; Myres / L., *Ohnefalsch-Richter M. H.* A Catalogue of the Cyprus Museum, with a Chronicle of Excavations... Oxford, 1899.

⁴ О нем между прочим: *Ermann Ad.* // Berliner Philologische Wochenschrift. 1890. № 29/30.

⁵ *Flinders-Petrie F., Cardner P., Griffith F.* Naukratis. London, 1886-1888. 2 vol.; *Flinders-Petrie.* Ten years digging in Egypt. London, 1892; ср. его же: *Kahun, Gurob and Hawara.* London, 1890; *его же.* Illahun, Kahun and Gurob. London, 1891; *Prinz H.* Funde aus Naukratis. Leipzig, 1908; ср.: *Шестаков С. П. H.* Prinz. Funde aus Naukratis. Beiträge zur Archäologie

поведшие к богатым и неожиданным результатам: открыт городской округ со святилищами и немало надписей, по древности не уступающих надписи в Абу-Симбеле. Большая часть найденных древностей перевезена в Англию, и лишь незначительная часть поступила в Булакский музей.

Из отдельных лиц следует назвать еще Ч. Феллоуза (Fellows), который в конце 30-х и в начале 40-х годов изъездил Ликий и открыл многие памятники, в том числе памятники гарпий и nereид; затем — английского архитектора Дж. Вуда (Wood), многолетние раскопки которого в Эфесе увенчались, наконец, открытием в 1874 г. знаменитого храма Артемиды I, и уже известного нам эпископа Ньютона, сделавшего интересные открытия на месте храма Аполлона Бранхидского (колоссальные статуи — по дороге, ведущей к этому храму) и в Галикарнассе (мавзолей).

Американская школа. В 1881 г., на счет Американского Археологического института, начаты раскопки в Ассосе², а в 1882 г. учреждена Американская школа в Афинах (American School of Classical Studies)³; ее журнал с приложением («Papers of the American School of Classical Studies of Athen») выходил сначала в Бостоне—Балтиморе (1-я серия,— 1885—1897), а потом в Нью-Йорке—Лондоне (2-я серия). Наиболее выдающийся эпископ этой школы — С. Дж. Стеррет (Sterrett). Американская школа производила раскопки в Аттике, Сикионе, Платеях и т. д.⁴

und Wirtschaftsgeschichte des VII. und VI. Jahrhunderts vor Chr. Geb. Leipzig, 1908; см. также: *Шестаков С. П.* // ЗКУ. 1909. Январь.

¹ *Wood J. T.* Discoveries at Ephesus, including the site and remains of the great temple of Diana. London, 1876.

² *Clarke, Bacon F. G., Koldewey R.* Investigation at Assos... Edit, with explanatory notes by Bacon (Expedition of the Archaeological Institute of America). Part I. London; Cambridge; Leipzig, 1902.

³ Отчет о деятельности за первые 20 лет — Р. Сеймура де Ричи (Seymour de Ricci). New York, 1902.

⁴ Отчеты: American Journal of Archaeology and of the history of the fine arts (Балтимор).

Исследования в Малой Азии. В Америке образовалось особое Общество для исследования Малой Азии — «Asia Minor Explorations Fund», поддержку коему оказали и англичане.

По поручению этого общества английский археолог У. И. Рамсей (Ramsay) вместе с упомянутым выше американским эпиграфистом Стерреттом предпринял экспедицию в Карию и во Фригию (1883). На следующий год Рамсей вместе с англичанином А. Г. Смитом снова посетил эти страны и Писидию. Исследования эти имели большое значение в деле изучения топографии и археологии Малой Азии. А Стерретт предпринял экспедицию в Малую Азию сначала на свой счет (1884), а потом (1885) — на средства, данные мисс Вулф (Wolfe) 2.

Австрийские экспедиции. Малая Азия служила предметом изучения особенно со стороны австрийских ученых. До последнего времени Австрия не имела учреждения, подобного упомянутому выше школам или Немецкому институту; эпиграфические же и археологические исследования и сообщения австрийских ученых печатались обыкновенно в «Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn», где встречаем работы таких специалистов, как О. Бенндорф (Benndorf), А. Домашевский (Domaszewski), Т. Гомперц (Gomperz), Б. Гиршфельд (Hirschfeld), Э. Чанто (Szanto), Свобода (Swoboda). Зато обращают на себя внимание австрийские ученые экспедиции.

Таковы экспедиции на о-в Самофракию в 1873-м и 1879 гг. (А. Конце, Хаузер и Ниман), а в особенности на юго-запад Малой Азии в 1881—1882 г. (Бенндорф и др.) 3, в Памфилию и Писидию в середине 80-х годов (гр. Лянкорон-

¹ Результаты сведены: *Ramsay W. I.* Historical geography of Asia Minor. London, 1890.

² Результаты опубликованы в Papers of the American School of Classical Studies at Athens.

³ *Benndorff O.* Reisen im Südwestlichen Kleinasien. Wien, 1884—1889. 2 Bde; *Помяловский И. В.* Австрийские ученые экспедиции в Ликийю // ЖМНП. 1883. Ноябрь.

ский с Ниманом, Е. Петерсеном, Лушаном и многими молодыми сотрудниками) 1, в Гельбаши-Трису 2 и др. Князь Лихтенштейн в 1890 г. открыл Венской Академии наук кредит на несколько лет для дальнейших археологических исследований Малой Азии.

Что касается Италии, то и она пока не имела в Афинах особого учреждения, но, как мы уже знаем, итальянский ученый Федерико Хальбхер (Halbherr, по происхождению собственно тиронец) производил в середине 80-х годов раскопки на Крите, на месте древней Гортины, и открыл там знаменитую надпись.

Греческое Археологическое общество. Я говорил до сих пор об основанных в Афинах иноземных учреждениях, школах и институтах и об экспедициях. Но и местное Греческое Археологическое общество в свою очередь немало сделало по части раскопок и открытий 3. Основанное впервые еще в 1837 г., потом на время прекратившее было свое существование, оно в 1858 г. вновь возникло, но лишь с конца 60-х и особенно с 80-х годов прошлого столетия обнаружило энергичную деятельность. Оно издает ряд публикаций — *Αθήναιον* (1872—81), *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική* (с 1883 г.), *Πρακτικά* (с 1872 г.), *Δελτίον ἀρχαιολογικόν* в течение нескольких лет (с 1888 г.), *Ἀρμενία* (с 1900 г.); оно ведет удачные раскопки в Афинах, Элевсине, Оропе, Эпидавре, Танагре, Микенах и т. д.

Раскопки в Афинах. Первое место среди этих раскопок занимают открытия на афинском акрополе 4. Раньше здесь

¹ *Lanckoronski K.* Städte Pamphyliens und Pisidiens. Wien, 1890—1892. 2 Bde.

² *Benndorf O., Niemann C.* Das Heroon von Gjölbaschi-Trysa. Wien, 1899.

³ Καβαδίας Π. *Ἱστορία τῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἐταιρίας... Ἀθήνησιν*, 1900.

⁴ Главный труд: *Kavvadias P., Kawerau H.* Die Ausgrabung des Akropolis vom Jahre 1885 bis zum 1890. Athen, 1906; 1909 (на немецком и новогреческом). Кроме того: *Betticher K.* Die Akropolis. Berlin, 1888; *Wachsmuth C.* Geschichte der Stadt Athen. Leipzig, 1874—1890. 2 Bde. (ср. *его же*: Athen // RE. Supplement-Bd. 1.1903); *Curtius E.* Die Stadtgeschichte von

(с. 320) производили разыскания Л. Росс, Питтаки, Беле; в 1862 г. в Афины снаряжена была прусская экспедиция при участии Э. Курциуса; тогда же Э. Бёттихер вел раскопки на акрополе. Дальнейшие, большею частью случайные, находки указывали на то, что здесь под мусором и грудой развалин скрываются интересные памятники древности ¹. В 1876/77 г. Греческое Археологическое общество очистило южный склон акрополя, а в 1882 г. оно, под руководством эфора П. Каввадия, предприняло систематические раскопки, которые и привели в 1885—1889 гг. к замечательным открытиям. Исходя из убеждения, что среди мусора, послужившего для уравнивания площади акрополя и заполнившего все неровности его поверхности во время строительной деятельности Периклова века, должно находиться немало памятников, погибших при нашествии персов, Греческое Археологическое общество задалось целью дойти до самой скалы. Ожидания оправдались; из этого насыпного слоя извлечена масса памятников, наполняющих теперь несколько зал Акропольского музея (не говоря уже об отдельных экземплярах и фрагментах в различных других музеях) и, несомненно, относящихся ко времени до Греко-персидских войн. Среди них особенно любопытны статуи; многие

Athen. Berlin, 1891; Luckenbach H. Akropolis von Athen. Karlsruhe, 1905 (2. Aufl.); Gardner P. Ancient Athens. London, 1902; D'Ooge B. L. The Acropolis of Athens. New York, 1908; Weller Ch. H. Athens and its Monuments. London, 1914; Collignon L. M. Le Parthenon, l'histoire, l'architecture et la sculpture. Paris, 1914 (ср.: Perrot G. // Journal des Savant. 1914. Mars—avril); Lechat H. Au Musée de l'Acropole. Études sur la sculpture en Attique avant la ruine de l'Acropole lors de l'invasion de Xerxès. Lyon; Paris, 1903; ego же. La sculpture attique avant Phidias. Paris, 1905; Schröder H. Archaische Marmor-Sculpturen im Akropolis-Museum zu Athen. Wien, 1909; ego же. Auswahl archaischen Marmor-Sculpturen im Akropolis-Museum. Wien, 1912; Wiegand Th. Die archaische Porös-Architectur der Akropolis zu Athen. Cassel; Leipzig, 1914; Павловский А. А. Скульптура в Аттике до Греко-персидских войн // Записки Императорского Русского Археологического общества. СПб., 1896. Т. VIII; труды по топографии Афин: J. F. Judeich (на немецком языке) и Fr. Groh (на чешском языке).

¹ Между прочим найдена была статуя, известная под названием Мосхофора.

из них раскрашены. В шутку их назвали «тетками». Эти находки осветили многое в истории греческого искусства, особенно начального периода, и в истории самого акрополя, тем более что Археологическим обществом, кроме того, открыты на акрополе остатки «Пеласгической стены» и древнего дворца микенской эпохи.

Элевсин. В Элевсине ¹ еще в 1815 г. начаты изыскания одним английским обществом, образовавшимся в Лондоне с целью изучения античных памятников. К 1860—1861 гг. относятся раскопки Ф. Ленормана; но систематические раскопки начаты только в 1882 г. Греческим Археологическим обществом. Греческое правительство экспроприировало дома, построенные на месте развалин, что, конечно, стоило немалых сумм, но зато дало возможность надлежащим образом исследовать священный округ. Раскопки (под руководством Д. Филиоса) производились деятельно и дали немаловажные результаты в виде произведений искусства и многочисленных надписей; выяснен и план, и расположение зданий.

Эпидавр. В Эпидавре, где было святилище Асклепия, раскопки велись под наблюдением П. Каввадия (1881—1887) и привели к открытию святилища и разного рода памятников ².

¹ Отчеты в «Практика» (с 1882 г.), «*Εφημερίς αρχαιολογική*» (с 1883 г.), «Bulletin de correspondance hellénique» (с 1884 г.) и др.; Корольков Д. Н. Новые раскопки в Элевсине // ЖМНП. 1884. Апрель; Philios D. Eleusis, ses mystères, ses ruines et son musée. Athènes, 1896; об Элевсинских мистериях — его же (сокращенный русский перевод: СПб., 1911), Новосадский Н. И. Элевсинские мистерии. СПб., 1887; труды П. Фукара (Paris, 1900 и 1914).

² Cavvadias P. Fouilles d'Épidaure. Athènes, 1893, и его же более новый труд: Το ιερόν του Ασκληπιού εν Έπιδαύρω και ή θεραπεία των ασθενών. Αθήνησι. 1900 (результаты раскопок 1881—1898 г.); Défasse A. Lechat H. Epidaure. Restauration et description des principaux monuments de sanctuaire d'Asclépios. Paris, 1895; Caton R. Two lectures on the Temples and Ritual of Asclepius at Epidauros and Athens. London, 1899; на русском языке ср.: Жебелев С. А. Религиозное врачевание в древней Греции. СПб., 1893; Александровский Н. А. Раскопки Эпидаврйского святилища Асклепия // ЖМНП. 1890. Июнь.

Микены. Исследования и раскопки Греческого Археологического общества в Микенах в 1887—1888 гг., уже после Шлимана, пролили новый свет на отношение микенской культуры к чисто эллинской. Так, в нижнем городе, т. е. у подножия акрополя, открыто несколько десятков небольших могил, из коих одна куполообразная вроде «сокровищницы царя Атрея», а остальные высечены в скале; при этом найдены бритвы, круглые металлические зеркала в оправе из слоновой кости, фрагмент стеклянной вазы, несколько железных колец и бронзовых фибул, — важные находки, ибо до тех пор именно в отсутствии железа и фибул видели одну из характерных особенностей микенской культуры и одно из главных ее отличий от культуры гомеровской. В Микенах открыты также развалины дворца, подобного тиринфскому.

Танагрские фигуры. Иного рода были находки в Танагре (в Беотии), относящиеся преимущественно к 70-м годам истекшего века I.

Здесь давно уже местные жители при обработке земли наталкивались на древние могилы, содержавшие множество статуэток. Около 1870 г. начались более деятельные разыскания: некий Георгий Анифантис, родом из Корфу, более известный под именем «старого Георгия», принялся за тайные раскопки некрополя в Феспиях, а потом перенес свою деятельность в Танагру, где его ожидали еще более обильные находки, которые он выгодно сбывал. Так мало-помалу развился целый промысел, и танагрские могилы подверглись массовому расхищению, большая же часть находок перешла за границу. Наконец, греческое правительство и Археологическое общество приняло меры. В 1873 г. послан был агент общества даже с военным отрядом, чтобы ос-

¹ *Kekule von Stradonitz R.* Thonfiguren aus Tanagra. Stuttgart, 1878; *Pottier E.* Les statuettes de terre-cuite en Grèce (ср.: *Pottier E., Reinach Th.* La Nécropole de Myrina. Paris, 1882. 2 vol.); *Danielli J.* Les figurines de Tanagra et de Myrina. Paris, 1904; *Гегу, К. К.* Греческие статуэтки из Танагры // РВ. 1878. № 5; Собрание сочинений в 9 вып. СПб., 1898—1901. Вып. V: Статьи по археологии восточной, классической и древнехристианской. 1856-1882; *Кондаков Н.П.* // ЗОО. 1879. XI.

тановить тайные раскопки. В 1873—1876 гг. Общество приняло раскопки, причем разрыто было несколько тысяч могил. С 1888 г. раскопки возобновились. Находимы были преимущественно мелкие предметы, статуэтки. Но самая богатая коллекция их собрана в Лувре; затем немалое количество их имеется в Британском музее и в собрании Сабурова (одно время бывшего русским посланником в Афинах), приобретенном Берлинским музеем I.

Танагрские фигуры (названные так по месту нахождения; изготовлялись же они большею частью в Авлиде) открывают нам новую сферу или сторону греческого искусства; они вводят нас в повседневную жизнь греков, знакомят нас с их занятиями, забавами, костюмами. Они изображают нам то женщин, занятых своим туалетом или своим хозяйством, печением хлеба и т. п., то цирюльника, стригущего своего клиента; то повара, готовящего обед; то торговца, выкрикивающего свой товар; то детей, играющих или пишущих и т. д.

Открытие Додоны. Открытием развалин Додоны ², где был древнейший оракул, очень почитаемый греками, наука обязана не какому-либо обществу, а отдельным лицам. Долгое время в точности не было известно даже местоположение Додоны; следы некогда знаменитого оракула, казалось, исчезли навсегда, и еще Байрон, посетивший эту местность, говорил в «Чайльд-Гарольде»:

Додона! где ж твоя дубрава?
Ручей пророческий был там.
Где твой оракул вещий, слава?
Где громовержца вечный храм?
Их нет кругом... ³

Только в середине 70-х годов прошлого века окончательно определено местоположение Додоны, открыты ее развалины и

¹ Часть коллекции Сабурова попала и в Императорский Эрмитаж.

² *Karapanos K.* Dodone et ses ruines. Paris, 1878; *Pomtow H.* Die Orakelschriften von Dodon // NJb. 1883.

³ II песнь, 53 строфа / Перевод Д. Д. Минаева.

остатки святилища, причем найдено много мелких предметов, служивших обетными приношениями, бронзовых треножников, ваз, а также свинцовых табличек, на которых писались обращенные к оракулу вопросы, самые разнообразные и, так сказать, — житейские, даже, например, относительно пропавших вещей. Открытия эти связаны с именем богатого грека — Г. Карпана¹.

Сидонские саркофаги. В самом Константинополе, благодаря стараниям образованного турецкого археолога Османа Хамди-бея (Hamdy-Bey), основан был в 1881 г. музей, главной достопримечательностью которого являются т. наз. «Сидонские саркофаги»², случайно открытые в 1887 г., в том числе саркофаг Александра Великого с рельефами, изображающими сцены из сражения македонского царя с персами (при Иссе), а на другой стороне — сцены из охоты.

Нам остается сказать здесь еще об участии русских ученых в археологических изысканиях.

Открытия древностей в южной России. Россия не имела и не имеет какой-либо школы или института в Афинах (Русский Археологический институт существует в Константинополе, да и то недавно), и командированным в Грецию³ молодым ученым, за неимением русского учреждения, приходилось так или иначе

¹ Заслуги его, впрочем, подвергаются сомнению: говорят, что он обязан трудам других — польского инженера Сигизмунда Минейко, производившего раскопки на месте Додоны в 1875 г.: Карпан, ведший раскопки чрез уполномоченного не совсем успешно, скупил большую часть найденных Минейко предметов и издал свою публикацию. *Мухомелл Е. П.* Художественно-археологические открытия за сто лет. С. 143.

² *Hamdy-Bey O., Reinach Th.* Une nécropole Royale à Sidon. Paris, 1892—1893. 2 vol.; *Winter F.* Der Alexandersarkophag aus Sidon. Strassburg, 1912.

³ Из экспедиций в Азию можно назвать экспедицию кн. С. С. Абамелека-Лазарева в Пальмиру (Пальмира. Археологическое исследование. СПб., 1884). Ср.: *Dessau H.* Der Steuertarif von Palmyra // *Hermes*. XIX; *Фармаковский Б. В.* Живопись в Пальмире // *ИРАИК*. 1903. VIII.

пользоваться содействием Французской школы или Немецкого института, и их работы нередко помещались в «Bulletin de correspondance Hellénique» и в «Mittheilungen...». На долю России выпало главным образом изучение тех древностей, которые находятся в нынешних ее пределах, на юге, на месте греческих колоний.

Исследование края в археологическом отношении началось вскоре после покорения его Россией, причем в этом исследовании принимали участие не только русские, но и иностранцы. В 20-х годах истекшего века появились работы И. П. Бларамберга¹, Д. Рауль-Рошетта², П. И. Сидонского³, классической археологии южной России положил петербургский академик Кёлер⁴. Появились затем историко-археологические обзоры — Г. И. Спасского (Боспор Киммерийский с его древностями и достопримечательностями. М., 1846), А. Б. Ашика (Боспорское царство. Одесса, 1848—1849), В. В. Григорьева (Цари Боспора Киммерийского. СПб., 1851); но особенно важны были «Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря» (СПб., 1851—1856. 2 вып., и на франц. яз.) незабвенного в летописях русской археологической науки гр. А. С. Уварова; следует упомянуть также о работах Ф. К. Вруна (Черноморье. Одесса, 1879—1880) и «Древности Босфора Киммерийского»⁵. Общий обзор классических древностей южной России дал I выпуск известного издания гр. И. И. Толстого и акад. Н. П. Кондакова («Русские древности в памятниках

¹ Между ними, например: *Blaramberg I. P.* Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou d'Olbis. Paris, 1828 (есть русский перевод) и др.

² *Raoul-Rochette D.* Antiquités Grecques du Bosphore Cimmerien. Paris, 1823.

³ *Koppen P. I.* Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823 (есть на русском языке).

⁴ *Köhler H.* Gesammelte Schriften. СПб., 1850—1853. 6 Bde. Этого Кёлера, конечно, не нужно смешивать с известным эпиграфистом Ульрихом Кёлером.

⁵ СПб., 1854. В 3 т.; ср.: *Reinach S.* Antiquités du Bosphore Cimmerien rééditées. Paris, 1892.

искусства») и новейший труд — англичанина Миннза (*Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913*). Нумизматический материал исследован Б. В. Кёне (Köhne), П. О. Бурачковым, А. В. Орешниковым². О сборниках надписей И. В. Помяловского и В. В. Латышева и об эпиграфических исследованиях последнего я уже говорил раньше (с. 374—378). К новейшим трудам в области изучения классических памятников юга России мы еще вернемся.

По исследованию древностей и истории северного побережья Черного моря много сделано Одесским Обществом истории и древностей (см. его «Записки...» с 1844 г.), Императорским Русским археологическим обществом (его — «Записки», «Мемуары» [на франц. яз.] и «Известия» с 1846 г.) и Императорскою Археологическою комиссиею, основанною в 1859 г. с целью разыскания и охранения предметов древности; в ее «Отчетах» и «Известиях» сообщается о новых находках; в них помещены дневники и журналы раскопок (напр., за 1851—1881), с приложением объяснения памятников, составленного акад. Л. А. Стефани, монографий и исследований; описания археологических раскопок и находок в черноморских степях находятся и в изданных ею «Древностях Геродотовой Скифии» (СПб., 1866—1872. Вып. 1—2)³.

Находимые в южной России классические памятники важны не только с точки зрения русской истории⁴, они имеют немалое значение и для истории греческой. Некоторые из эллинских колоний на юге России были крупными культурными и торговыми

¹ Ср. рецензии: *Ростовцев М. И.* // ЖМНП. 1913. Ноябрь; *Жебелев С. А.* // Гермес. 1913. № 15; *Шкорпил В. В.* // Listy Filologické. 1914. XL1; *Seure C.* // Journal des Savant. 1913. Novembre—décembre.

² Например: *Орешников А. В.* Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. М., 1884; *его же.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. М., 1914.

³ Первый и на французском языке: *Stepani L. A.* Recueil des antiquités de la Scythie... Paris, 1866.

⁴ С этой точки зрения их обзор можно найти в недавно вышедшей книге: *Багалей Д. И.* Русская история. М., 1914. Т. I. Гл. 2—4.

пунктами; некогда здесь процветало Боспорское царство. С этими колониями Эллада поддерживала тесные торговые сношения. Из Припонтийских стран получались хлеб (особенно пшеница), соленая рыба, лен, пенька, смола, строевой лес, шкуры, воск, мед, даже рабы, а туда отправлялись глиняная посуда, масло, предметы роскоши, разные изделия и т. д.¹ Интересно также проследить греческое влияние на соседних скифов и вообще варваров, а с другой стороны — смешение греческих элементов с скифо-сарматскими и восточными — иранскими и проч. На все это археологические данные проливают свет...

Пантикапей. Из раскопок на юге России² в рассматриваемый период обращают на себя внимание прежде всего керченские, на месте древнего Пантикапея, столицы Боспора.

¹ *Мищенко Ф. Г.* Торговые сношения Афинской республики с Босфором. Киев, 1877; *Латышев В. В.* Краткие очерки истории Боспорского царства (см. его «Pontica»); *Кулаковский Ю. А.* Греческие города на Черноморском побережье и «Прошлое Тавриды». Киев, 1906; *Погодин А. А.* О сношениях Босфорского царства с варварскими народами. Сборник статей по археологии и этнографии. СПб., 1902; *Штерн Э. Р. ф.* Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации // ЗОО. XXII; *Stern E. v.* Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung // Kllo. 1909. Bd. 9; *Ростовцев М. И.* Боспорское царство и южно-русские курганы // ВЕ. 1912. Июнь (см. также: Труды I съезда преподавателей древних языков. СПб., 1912 и отдельно); *его же.* Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. СПб., 1913; *его же.* Научное значение истории Боспорского царства // Сборник в честь Н. И. Кареева. СПб., 1914; *Бороздин И. Н.* Памятники античной культуры на юге России. М., 1915

² О них, кроме названных раньше трудов: *Леонтьев П. М.* Обзор исследований о классической древности северного берега Черного моря // Прописи. Т. 1. М., 1851; *Ланно-Данилевский А. С.* Скифские древности. СПб., 1887; *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. I (текст) и атлас. СПб., 1913—1914; *Bonnell E.* Beiträge zur Aterthumskunde Russlands, von den ältesten Zeiten bis zum das Jahr 400. n. Chr., hauptsächlich aus den Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteilern zusammengestellt. 2 Bde. СПб., 1882—1897.

Первые разыскания тут были сделаны французом А. Дюбрюксом¹ еще в начале XIX ст. В 1826 г. учрежден музей местных древностей². В 1831 г. в кургане Куль-Оба в нескольких верстах от Керчи при ломке камня для построек открыта была гробница с саркофагами, скелетами и различными вещами, в числе их — знаменитая ваза из смеси золота и серебра (электрона) с изображениями скифов, поражающими своим реализмом (выдергивание больного зуба, перевязка ноги, царь и лазутчик). С следующего года начаты более или менее постоянные раскопки. Но первое время работы велись без строгой системы; копали, ища больше «золотых вещей»; к самым сооружениям относились без должного внимания, и открытые памятники, их местоположение, забывались, затеривались. Такова была участь одного из замечательнейших склепов, открытого в 1841 г. А. Б. Ашиком; склеп В. В. Стасова, исследованный в 1872 г., был потерян надолго и вновь найден лишь в 1899 г. Памятники страдали от хищничества и невежества обывателей. Напр., владелец усадьбы, где был склеп Анфестерия, из боязни, что из-за склепа может лишиться владения, живопись соскреб железной лопатой, а из склепа сделал погреб; иногда гробницы превращали в помойные ямы и т. п.; случалось, что со стен соскабливали яркую краску и, разбавив ее в воде, красили баркас. Разысканию и охранению древностей содействовала Императорская Археологическая комиссия. Митридатова гора и керченский некрополь подверглись мало-помалу исследованию; открыты катакомбы, многие с интересными фресками; найдено множество предметов, так что коллекция древностей Босфора Киммерийского в Эрмитаже, по одному только разряду золотых вещей, к концу 80-х годов возросла до 10 000 предметов.

¹ *Латышев В. К.* Неизданные рукописи Дюбрюкса // ЗОО. XV.

² Большая часть керченских древностей находится однако в Эрмитаже. Каталог их был составлен: [*Жиль Ф. А.*] Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. 2 тома и атлас. СПб., 1854-1855. (Надписи изданы и объяснены во II томе академиком Л. Стефани.)

По богатству памятниками декоративной живописи гробницы Керчи и ее окрестностей занимают едва ли не первое место среди других центров греческой культуры. Памятники эти идут от IV в. до Р. Х. по IV в. после Р. Х., почти непрерывно. Первый из таких склепов был открыт (Д. В. Карейшей) в 1832 г. — «склеп пигмеев», названный так по росписи, изображающей чрезвычайно живо битву пигмеев с журавлями. В 1841 г. Ашиком открыт склеп, «поражающий необычайным богатством росписи, ее пышностью и торжественностью», массовым характером реалистических сцен, с замечательными изображениями, кроме мифологических картин, — погребальной процессии, конного боя, охоты, гладиаторов. В 1872 г. исследована В. В. Стасовым не менее важная катакомба¹ с фресками, изображающими зверей, деревья, битву и сцену, быть может, пожалования власти, чему параллель дают памятники Сассанидской Персии. Открытый в 1877 г. склеп Анфестерия тоже представляет интересную роспись: мы видим здесь палатку, сбоку ее сидящую женщину, детей, подъезжающего всадника, затем другого всадника, держащего лошадь на поводу, за ним бежит еще лошадь². Несколько склепов открыл и исследовал профессор Ю. А. Кулаковский (в 1890 и 1891 г.)³. А в последующие годы расследования производил главным образом В. В. Шкорпил, заведующий Керченским музеем древностей; им раскопан целый ряд

¹ *Стасов В. В.* Отчет Императорской археологической комиссии за 1872 г. СПб., 1875; см. также: Собрание сочинений В. В. Стасова. 1847—1886: В 4 т. СПб., 1894. Т. 1.

² Со многих открываемых памятников делал рисунки художник Гросс; рисунки эти служат важным материалом, особенно в тех случаях, когда памятник утрачен или сильно попорчен.

³ *Кулаковский Ю. А.* Две керченские катакомбы с фресками // МАР. № 19; *он же.* Керченские христианские катакомбы // Там же. № 6; *его же:* Керченская христианская катакомба 491 г. // Православная богословская энциклопедия. Т. IX; ср.: *Латышев В. В.* ПОНТИКА; *Ростовцев М. И.* Роспись Керченской гробницы, открытой в 1891 г. // Сборник статей, поднесенный гр. А. А. Бобринскому. СПб., 1911.

гробниц I. Живопись, отчасти при его же содействии, исследовал М. И. Ростовцев².

Группа курганов Юз - Оба близ Керчи исследована с конца 50-х годов, наиболее крупный Змеиный — А. Б. Ашиком, Н. П. Кондаковым (в 80-х годах), гр. А. А. Бобринским. В 17 верстах от Керчи открыты развалины Нимфея.

Тамань и Кубань. По ту сторону пролива, на Тамани и по реке Кубани также сделаны интересные открытия. На Тамани (в 1859 г.) вел раскопки К. К. Герц³. По дороге из Тамани в Темрюк И. Е. Забелиным (в 1864 г.) и А. Е. Люценко⁴ раскопан курган «Большая Близница», с большим количеством предметов; по-видимому, это — гробница жрицы Деметры или, по крайней мере, ее мисты. Раскопки эти продолжал бар. В. Г. Тизенгаузен. Неподалеку, на Васюринской горе, им открыто (1868—1872) погребение с конем, саркофагом, остатками колесницы. Он же исследовал Артюховский курган, в котором между прочим найдена золотая диадема весом в 36 зол., и в 1875 г.— «Семь братьев» (Темрюкский уезд, Кубанской

¹ См. его отчеты и статьи в «Известиях Императорской археологической комиссии».

² *Ростовцев М. И.* Керченская декоративная живопись и ближайшая задача археологического исследования Керчи // ЖМНП. 1906. Май, и в особенности его новый капитальный труд (см. выше, с. 357, прим. 1). К литературе о керченских древностях: *Марти Ю. Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. Одесса, 1913; *Durm J.* Die Kuppelgräber von Pantikapaum // Jahresberichte des (Esterreichischen Archäologischen Instituts. 1907. X; *Kieseritzky C. v., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909; *Watzinger C.* Griechische Holz Sarkophage aus der Zeit Aexander des Grossen. Leipzig, 1909; из более старых: *Mac Pherson.* Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerischen Bosphor. London, 1857.

³ *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870 (см. также: Собрание сочинений: В 9 т. 1898—1901. I т.); см.: *Малеин А. И.* К. К. Герц. Биографический очерк. СПб., 1912.

⁴ Его отчет (краткий): Отчет Императорской Археологической комиссии за 1864 г.; полный издан В. В. Шкорпилом // ИТУАК. 1908. № 42.

области). По реке Кубани, близ станицы Крымской, в 1888 г. Е. Д. Фелициным раскопан курган Карагодеуашх, древности которого исследованы А. С. Лаппо-Данилевским и В. К. Мальмбергом I; они являются одною из замечательнейших находок на юге России — царское погребение с несколькими сотнями различных предметов золотых, серебряных, бронзовых и т. д., из которых особенного внимания заслуживают золотая пластинка головного убора и серебряный ритон по находящимся на них изображениям².

Херсонес. С 1888 г. начались систематические раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе³ (Корсунь наших летописей, близ Севастополя) по поручению

¹ *Мальмберг В. К.* Древности Южной Росии // МАР. 1894. № 13; *Шварц А. Н.* К истории древнегреческих рельефов на золотых вещах, найденных в Южной России // ТрМАО. 1894. XV.

² *Придик Е. М.* Два серебряных ритона... // *Пролетария.* Сб. статей в честь Э. Р. ф. Штерна, Одесса, 1912; *Ростовцев М. И.* Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. СПб., 1913.

³ Отчеты К. К. Косцюшко-Валюжинича: ИАК; Крымский Вестник за соответствующие годы; *Мальмберг В. К.* Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888—1889 г. // МАР. 1892; *Бертье-Делагард А. Л.* Раскопки Херсонеса // Там же. 1893. № 12; его же. О Херсонесе. СПб., 1907; ср.: *Штерн Э. Р. ф.* О местоположении древнего Херсонеса. Одесса, 1908; *Латышев В. В.* ПОНТИКА; Памятники христианского Херсонеса, изданные гр. П. С. Уваровой. М., 1905 след. (вып. I / Под ред. Д. В. Айналова; вып. III / Под ред. С. П. Шестакова); *Энгель М. Я.* Русская Помпея. Севастополь, 1904; *Бобринский А. А.*, гр. Херсонес Таврический. 1905; *Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический. Симферополь, 1912. Из более ранних: *Кене Б. В.* Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. СПб., 1848 (дополнения — 1850); *Латышев В. В.* Археологические исследования в Херсонесе. 1879—1880 // ЖМНП. 1882. Февраль; его же. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // Там же. 1884. Июнь (на французском языке: Bulletin de correspondance hellénique. 1885. IX); *Яшуржинский Х. П.* Очерки археологической разведки и исследований в области Херсонеса Таврического // ИТУАК. 1888. № 5; Отчеты Одесского общества истории и древностей (1880—1886).

Археологической комиссии — раскопки, сопровождавшиеся, как известно, большим успехом; но они относятся главным образом к следующему периоду, и мы скажем о них потом.

Ольвия. Среди древних греческих колоний по северному побережью Черного моря видное место занимала также Ольвия. Ее надписи принадлежат к числу наиболее интересных среди эпиграфического материала, собранного в пределах южной России; вспомним например, о знаменитом декрете в честь Протогена (см. выше с. 69). Об исследовании В. В. Латышева, посвященном истории и государственному устройству Ольвии, я уже упоминал. Производились и некоторые разыскания на месте древней Ольвии; делались иногда любопытные находки (например, золотая маска, хранящаяся в Эрмитаже); но правильные, систематические раскопки начались лишь в XX столетии (о них дальше), а тем временем предметы древности нередко расхищались.

Приднепровье. Из курганов в Приднепровье в 1851—1855 гг. А. Терещенко и А. Е. Люценко исследован Александропольский (иначе Луговая могила), огромный курган, имевший в диаметре 150 саж. и 10 саж. в высоту. — В 20 верстах от Никополя (Екатеринослав. губ.) в 1862 г. И. Е. Забелиным раскопан Чертомлыцкий курган, давший между прочим знаменитую серебряную вазу с необыкновенно живыми изображениями скифов и их лошадей, то спутываемых, то с трудом удерживаемых на поводу, то пасущихся. Как и большинство других находок в курганах южной России, ваза эта находится в Эрмитаже.

Так составила замечательная коллекция золотых и серебряных изделий, античной торовтики коллекция, которая теперь признается в своем роде «единственной в мире как по количеству и разнообразию ее состава, так и по высоким художественным качествам некоторых предметов». Возникает, естественно, вопрос: были ли эти шедевры произведениями греческих мастеров привезенными или же местного производства? В настоящее время специалисты приходят к заключению, что это — произведе-

¹ Обработка металлов для художественных целей.

ния греческих малоазиатских (ионийских) мастеров, работавших по заказу скифских и сарматских владетелей, и большинство относит эти древности к IV—III ст. до Р. Х.¹

Обработка греческой истории в 70—80-х годах²

Само собою понятно, что развитие эпиграфики и великие открытия 70-х и 80-х годов должны были сильно повлиять на обработку греческой истории. Пришлось многие вопросы пересмотреть вновь, многое изменить в установленных мнениях, целые отделы переделать... В особенности это нужно сказать относительно древнейшего периода греческой истории, некоторых отделов государственных и правовых древностей, археологии и топографии.

Труды по топографии. В последней области выдавались, например, монография Курта Ваксмута (автора «Введения в изучение древней истории», на которое мне приходилось часто ссылаться при обзоре источников) — «Die Stadt Athen im Altertum» (т. I — 1874; т. II — 1890)³, имевшая значение и для общей истории Афин, и труды Г. Г. Лоллинга, отличного эпиграфиста, списавшего массу надписей, и знатока страны,

¹ Например, Е. М. Придик, М. И. Ростовцев (в названной статье). Б. В. Фармаковский, прежде тоже принимавший эту дату, теперь стоит за II в. См.: *Фармаковский Б. В.* Золотые обивки налучий из Чертомлыцкого кургана...// Сборник археологических статей, поднесенных гр. А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства в Археологической комиссии. СПб. 1911; его же. Новейшая датировка Карагодешского кургана // ИТУАК. Симферополь. 1913. № 50; *Мальберг М. К.* Воин, защищающий павшего товарища на Чертомлыцких ножнах и другие памятники греческого искусства // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. 1914.

² См.: *Шварц А. Н.* Новейшие исследования в области древнегреческой истории // КО. 1880. № 6—7; мою статью: *Бузескул В. П.* Научная литература по греческой истории за последние годы (1880—1892) в ее главных явлениях // ФОб. 1893. IV.

³ Ср. новейшую его статью: *Wachsmuth C.* Athen // RE. Supplem-Band.

написавшего для коллекции И. фон Мюллера очерк «Географии и топографии Эллады и эллинских колоний» (1889) и в частности — «Топографию Афин»¹, а для издательства Бедекера — «Путеводитель по Греции».

Крайний критицизм. Что касается господствовавших в ту пору направлений и воззрений, то 70-е годы и первая половина 80-х есть время крайностей критики, реакции против взгляда Грота и его последователей, против преклонения перед Афинами и их демократией, время — иногда ожесточенных — нападков на нее, развенчания ее деятелей, ниспровержения того, что казалось общепризнанным и непоколебимо установленным, отрицания фактов, казалось несомненных. По крайней мере, это можно сказать о немецкой исторической и филологической литературе. Г. Мюллер-Штрюбинг², как мы видели (с. 153 след.), в целом ряде работ выступил с нападками на Фукидида и подверг его беспощадной, но большей частью несправедливой, критике. Несколько ученых — Ю. Пflug-Гартунг (Pflugk-Harttung)³, Макс Дункер⁴ и отчасти Юлиус Белох⁵, почти одновременно, но независимо один от другого, пытались развенчать Перикла, как государственного деятеля и полководца⁶.

¹ Новейшие общие крупные труды по топографии Афин: И. Ф. Юдейха (Judeich). München, 1905 в той же коллекции и Фр. Гроха (Groh) на чешском языке: Praha, 1909—1913.2 части.

² Тот самый Мюллер-Штрюбинг, с которым был дружен Тургенев и о котором он упоминает, например, в письме к Виардо (1848 г.): «Я вижу отсюда, как к вам входит милый Герман Мюллер-Штрюбинг с сиреневой веткой в руках».

³ Pflugk-Harttung Jul. v. Perikles als Feldherr. Stuttgart, 1884.

⁴ Duncker M. Geschichted. Alterthums. N. F. H I. Bd. Lpz., 1884-1886.

⁵ Beloch K. J. Die attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884.

⁶ Критику этих попыток можно найти в моей книге: Бузескул В. П. Перикл. Историко-критический этюд. Харьков, 1889; ср.: Delbrück H. Die Strategie des Perikles, erläutert durch Strategie Friedrich der Grossen // Preussische Jahrbücher. 1889. LXIV.

Последние тома «Истории древностей» Макса Дункера. Таким образом к этому направлению примыкает и Макс Дункер в последних двух томах своей «Geschichte des Altertums», составляющих «Новую серию» («Neue Folge»). Они — характерное явление, на котором следует остановиться. Макс Дункер, как уже сказано (с. 350 след.), не был мирным кабинетным ученым, занятым исключительно наукой; он был публицистом и политическим деятелем, принимавшим самое живое участие в том движении, которое предшествовало объединению Германии под главенством Пруссии, ревностным немецким патриотом и сторонником германского единства, либералом, но врагом радикализма и демократии. С пылом политика относился он и к явлениям прошлого, к событиям и деятелям греческой истории. Нередко он судит о них с точки зрения XIX столетия. При изложении истории Греции он часто имеет в виду современное ему положение дел, те политические вопросы и интересы, которые его занимали или волновали. Он сам признавался, что при характеристике Фемистокла, этого «основателя аттического могущества, прозорливейшего и энергичнейшего из всех эллинов», пред ним невольно носился образ германского канцлера — Бисмарка, сторонником которого он был. Понятно поэтому, что мы не можем ожидать от Дункера строгой объективности.

Все это особенно бросается в глаза в изложении и оценке афинской истории времен Кимона, Эфиальта и Перикла. Здесь Дункер обнаруживает себя большим поклонником побед и завоеваний, внешнего могущества государства, какою бы дорогою ценою это могущество ни приобреталось. У него заметно как бы преклонение перед силою, как бы ее культ, и в этом, быть может, следует видеть влияние немецких побед и политики «крови и железа», отражение того настроения, которое овладело немецкими патриотами особенно после 1870 г. Этот культ силы мы наблюдаем не раз в новейшей немецкой ученой и философской литературе. Великий Моммзен призывал немцев быть жестокими по отношению к чехам, ибо «чешская башка разумных доводов не принимает, но

для ударов и она доступна»¹; не говоря уже о том, что еще в своей «Римской истории» он всегда на стороне победителя. Немецкие юристы провозглашают, что сила рождает право, что последнее есть та же сила, но лишь дисциплинированная, словом — что «право есть политика силы» (Иеринг). В философии Ницше мы видим то же преклонение перед силой: философия эта презирает слабого и превозносит силу и сильного; ее лозунг: «Смерть слабому!» Она выставляет закон, что природа хочет права сильного; сильная воля по праву поработывает слабую в борьбе за существование... Для Дункера блестящая эпоха в истории Афин, апогей их внешнего могущества и славы, период здоровой государственной жизни, — время влияния Кимона, «бывшего великим полководцем и вместе с тем государственным человеком». Яркими красками описывает Дункер также успехи и могущество Афин в начале 50-х годов V века, в начале «Первой Пелопоннесской войны», когда афиняне одновременно вели борьбу в разных пунктах, на море и на суше, в Европе и Африке, и одерживали верх. По его словам, никогда еще афиняне не вели такой «величественной политики». Главную заслугу здесь Дункер приписывает Эфиальту (которого, надо заметить, тогда уже не было в живых!). Совсем иначе относится Дункер к Периклу. Его время он противопоставляет времени Кимона. У Дункера мы находим строгую и беспощадную критику действий Перикла как полководца и государственного человека: он открывает в них целый ряд ошибок. По его мнению, следовало действовать совсем иначе, нежели действовал Перикл. Внешнюю политику последнего он признает неудачной, то не в меру уступчивой, то «безумно смелой» и вызывающей. Как полководец Перикл в характеристике Дункера является в сущности бездарностью и делает одну ошибку за другой. Он оказывается виною и последующих неудач афинян. Перикловы реформы признаются вредными; по отзыву Дункера, это — целая система подкупов, еще невиданная дотоле в Греции, причем, вопреки прочно установленному уже в конце 70-х годов мнению (окончательно подтвержденному потом свидетельством Аристотеля в

¹ Письмо к австрийским немцам: Neue Freie Presse. 31. Oktober 1897.

«Афинской политики»), Периклу по-прежнему приписывается и введение платы за посещение народного собрания. И хотя общий отзыв Дункера о Перикле в конце концов более благоприятен, чем можно ожидать, судя по предшествовавшим его замечаниям, тем не менее с точки зрения Дункера время Перикла — начало упадка Афин, и виновником такого упадка является именно Перикл.

Со многими приемами Дункера в последних двух томах никоим образом нельзя согласиться. Мы встречаем у него здесь много гипотетического, много комбинаций, слишком шатких и слишком смелых, чтобы не сказать фантастических. Обращение с источниками у Дункера произвольное: ни на чем не основанные гипотезы и мало вероятные комбинации смешиваются с положительными данными, с прямым свидетельством памятников; иногда голословно отвергается показание источников, иногда извращается смысл их слов или делаются натяжки, не всегда обращается внимание на разницу в достоверности известий и т. п. В оценке исторических деятелей подчас видна как бы предвзятая мысль — одного во что бы то ни стало восхвалить, в действиях другого — во что бы то ни стало найти побольше ошибок. У Дункера, например, две разные мерки: одна по отношению к Кимону и Эфиальту, другая — по отношению к Периклу. Отдельному лицу ставится в вину или похвалу то, что в сущности являлось естественным следствием предшествующего исторического процесса, что создалось самою силою вещей.

Юлиус Шварц. Но самым крайним выразителем критического, враждебного отношения к Афинам и их деятелям явился мадьярский ученый Юлиус Шварц (Schvarcz) В своем сочинении о демократии¹. Ввиду оригинальности книги и того внимания,

¹ *Schvarcz Jul.* Die Demokratie. I. Bd., посвященный афинской демократии (Leipzig, 1877-1882; 2. Thelauflage — 1884; 2. Aufl. — 1901). В предисловии к 1-му выпуску II тома, трактующего о демократии Рима, описываются, по фрагментарным, конечно, данным, остальные демократии как Эллады, так и колоний (Leipzig, 1891). Шварцу принадлежит еще курс греческой истории (на венгерском языке, 1900), вышедший всего за несколько недель до его смерти.

которое она возбудила при своем появлении, ее нельзя обойти молчанием.

Автор задумал свой труд по чрезвычайно широкому плану: он предполагал рассмотреть как древние, так и новые демократии, и решить важные проблемы, касающиеся государственного устройства и международных отношений. По его собственному признанию, его история афинской демократии составляет плод 15-летней работы и размышлений. Ю. Шварц обращается не столько к филологам, сколько к государствоведам. Он ставит вопрос: насколько афинская демократия содействовала или препятствовала духовному, нравственному или материальному развитию человечества или, по его выражению, «человеческого капитала», и доказывает, что преклонение перед Афинами — «предрассудок». Вся книга (1 т.) представляет не что иное, как нескончаемый ряд беспощадных и страстных нападок на афинскую демократию. Чуть не на каждой странице встречаем мы едкие замечания и злобные насмешки.

Разбору, например, знаменитой речи Перикла при погребении воинов Ю. Шварц посвящает ровно 100 стр. (S. 164—264). С сарказмом и иронией доказывает он, что тут одни лишь фразы и ложь, что тогдашняя действительность далеко не соответствовала описанию Перикла. Разобрав эту речь, Ю. Шварц, для контраста, переходит к бедствиям первых лет Пелопоннесской войны, причем на полях ставит заглавие: «Конец песни!» («Das Ende des Liedes!»). Сократ был прежде всего «ein kluger Lebemensch». Платон был гений, но его несчастье в том, что он жил в Афинах, где его способности не могли развиваться, а могли быть только подавлены. В Аристотелевой «Политике» Ю. Шварц видит «довольно пустые разглагольствования». Но особенно характерны его замечания относительно Фукидида, которых мы уже касались (с. 154—156). Зато Ю. Шварц очень сочувствует тиранам и превозносит те государства, где в особенном блеске проявлялась культура чисто внешняя или непомерная роскошь и богатство. По поводу военных и денежных средств афинян он иронически замечает: «У них было войско малочисленнее той свиты, с которою цари великих монархий (Востока) отправлялись на охоту, и едва ли большая сумма денег, чем сколько стоил — не говорю: один пир македонскому

завоевателю несколько поколений спустя, но около того же времени, в Италии, — один парадный костюм Алкисфену». Но в особенности Ю. Шварц стоит, по-видимому, за правление «ученых» и «философов». Его идеал — Деметрий Фалерский. Своим немногим излюбленным героям, в том числе и Деметрию, Ю. Шварц прощает и безнравственность.

Общий вывод Ю. Шварца тот, что заслуги Афин ограничиваются областью пластики и драмы, что даже в т. наз. «период процветания» Афины не способствовали развитию талантов и наук, не знали свободы мысли, не знали истинного равенства; их демократия не имела того гуманного характера, какой ей приписывают; через всю государственную и народную жизнь афинян проходит яркая черта поистине зверской жестокости: всюду корыстолюбие, алчность, подкупность; измена отечеству была глубоко вкоренившимся, почти обыденным злом в Афинах и т. д. Этой демократии не подобает занимать то место, которое фантазия целых столетий отводила ей в истории человечества. Такими словами заключает Ю. Шварц свой первый том. В предисловии ко II тому изложение более объективное и тон более спокойный.

Таково произведение Шварца. Автор обнаруживает большую эрудицию, но еще большую страстность в нападках. Его книга написана с большим пылом; она дышит иронией и сарказмом, полна парадоксов. В ней есть, несомненно, отдельные верные и остроумные замечания. Но в общем, это, конечно, не «История афинской демократии»; это — страстная речь обвинителя или памфлет. Тут нет ни чувства меры, ни малейшего чувства справедливости, не говоря уже об отсутствии строгой объективности: выставляется — и притом без разбора, подчас в извращенном виде и совершенно произвольном толковании — все, что говорит не в пользу Афин; тщательно подбираются все факты, лежащие пятном на их истории; развенчиваются их великие деятели; оттеняются одни темные стороны и все прочее игнорируется; меркой при определении значения Афин в истории человеческой культуры служат понятия XIX века и т. д. Поэтому книга Шварца интересна только как реакция против другой — противоположной — крайности, против излишнего преклонения

перед Афинами, в котором повинны многие филологи и историки, часто ставившие их деятелей на особый пьедестал, говорившие о них особым восторженным тоном. Удивительно не столько то, что нашелся автор, высказавший подобный взгляд, сколько то, что взгляд этот нашел себе некоторое сочувствие¹.

В русской литературе мы встречаем взгляд, сходный со взглядом Шварца, у А. Н. Гилярова в его сочинении «Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции» (М., 1888).

Вторая половина 80-х гг. Подобные увлечения и крайности гиперкритики в свою очередь, естественно, должны были вызвать реакцию — в противоположном направлении, — и вторая половина 80-х годов XIX в. есть время такой реакции против крайностей и ухищрения критики, время более спокойного и беспристрастного отношения к фактам и источникам греческой истории, возвращения во многих отношениях к прежним взглядам.

Подобно середине 50-х годов, вторая половина 80-х и начало 90-х годов ознаменовались появлением целого ряда выдающихся общих трудов по истории Греции; очевидно, являлась потребность подвести итог при помощи нового материала.

В Германии в середине 80-х годов, почти одновременно, начали выходить две «Истории Греции» — Адольфа Гольма и Георга Бузольта.

Гольм. Адольф Гольм (Holm)² (1830—1900) прежде всего приобрел известность своею «Geschichte Siciliens im Alterthum» в 3 т., начатую им еще в то время, когда он был учителем француз-

¹ Так, один из рецензентов считает точку зрения Шварца несомненно верною и основательною и называет его труд «грозою, очищающею воздух во время летнего удушливого зноя», «ein hochbedeutendes, ein reinigendes Gewitter zur Zeit der Sommerschwüle» (*Schneider* С. J. // *Berliner Philologische Wochenschrift*. 1883. № 52). Не без сочувствия относится, по-видимому, к основному взгляду Шварца и А. И. Покровский в своей статье: *Покровский А. И.* Новые явления в области разработки древнегреческой истории // ИОб. Т. I. С. 193. Верную оценку труда Шварца дал Ад. Гольм: *Holm A.* // *Revue historique*. 1885. Mai—juin.

² О нем — некролог: *Duhn F. v.* // *Jahresbericht*. 1901. CXI.

ского языка в гимназии своего родного города Любека (I т. — 1870), и законченною незадолго до смерти (III т. — 1898) Труд этот доставил Гольму кафедру в Палермском университете (во второй половине 70-х годов), а оттуда он потом перешел в Неаполь. В связи с «Историей Сицилии» находится совместная работа Гольма и Каваллари — «Topographia archeologica di oiracusa» (1883).

Занимая кафедру древней истории в Неаполитанском университете, Гольм написал — на немецком языке — второй крупный труд — «Griechische Geschichte» (Berlin, 1886—1894. 4 Bde.)².

Если у Дункера, особенно в последних двух томах, мы находим смелые, но произвольные гипотезы и комбинации, то в своей «Греческой истории» Гольм старался «в сравнительно небольших рамках, с одной стороны, изложить только самое важное, а с другой — ясно отметить, что может считаться достоверным и что — гипотеза», «где древняя традиция и где новейшая комбинация».

Гольм, следовательно, имеет в виду довольно широкий круг читателей. Его «Греческая история» состоит из 4 томов небольшого формата и доведена до битвы при Акции. Материал у Гольма очень расчленен: каждый том разделяется на небольшие главы (около 30 в томе), причем автор старался чтобы каждая из них представляла по возможности нечто законченное. Крупных отделов при подразделении нет. Это имеет свою дурную сторону: деление слишком уж дробно, утрачивается цельность общего, связь между частями больше механическая, и изложение оказывается несколько отрывочным. За каждую главою идут примечания,

¹ История Сицилии здесь доведена до арабского завоевания.

² О ней на русском языке есть несколько статей: *Нейфельд А. И.* Adolf Holm. Griechische Geschichte bis zum Untergange der Selbständigkeit des griechischen Volkes // ЖМНП. 1887. Апрель; *Покровский А. И. (Покровский)*. Adolf Holm. Griechische Geschichte von ihrem Ursprünge bis zum Untergange des griechischen Volkes // Там же. 1892. Июль; *Виноградов П. Г.* Новейшие работы по истории Греции // РМ. 1893. Март.

обыкновенно представляющие краткие библиографические указания и ссылки на важнейшие источники и новейшие труды, а нередко — и критический разбор источников, опровержение мнений других ученых, обоснование взгляда автора, высказанного лишь кратко в самом тексте и т. п. Иногда такие примечания разрастаются в целые экскурсы.

Как и следовало ожидать от неаполитанского профессора и автора «Истории Сицилии», Гольм в своей «Греческой истории» обращал большое внимание на Сицилию и южную Италию. Но он был одним из лучших знатоков греческой истории вообще, и его «*Griechische Geschichte*», хотя по своему характеру и назначению сочинение скорее популярное, представляет, однако, интерес и для специалиста. Это не компиляция, а самостоятельный труд, основанный на близком изучении источников и новейшей литературы, труд, в котором мы нередко встречаем и новый взгляд, и новое освещение фактов.

Из источников Гольм придает большое значение монетам. Для него данные нумизматики, наряду с топографией, одна из главных основ. Обзору монет посвящена большая часть его экскурсов в примечаниях; из данных нумизматики он извлекает материал для истории — новые факты. Так, например, он говорит о заключении союза между различными греческими городами после битвы при Книде, союза, о котором, по его собственным словам, мы узнаем только благодаря монетам. Зато, в отличие от большинства других новейших специалистов по греческой истории, Гольм сравнительно мало пользуется данными эпиграфики, имеющей в настоящее время такое значение.

Но главным источником для Гольма служили все же произведения греческих историков, причем на эти произведения он высказывал иногда взгляд, значительно уклонявшийся от дотоле господствовавшего в Германии направления. Гольм с полным основанием вооружался против этого направления. Он полагал, что «исследователи в области критики... более, чем следует, теряют из виду целое». «Мы занимаемся,— говорил Гольм,— критикою источников, но мы от этого мало получаем плодов; мы ссылаемся на основные правила исторического метода, но мы несог-

ласны в их применении... Мы... анализируем писателей, но в большинстве случаев не для того, чтобы на основании этого составить повествование, а чтобы построить идеального Эфора или Феоппа, который скоро и исчезает, так как, благодаря каждой новой диссертации, он получает новый вид». Исследование источников, по мнению Гольма, должно исходить не из реконструкции утраченных авторов, а из изучения особенностей тех, которые налицо.

Гольм восстал против мнения, в то время очень распространенного, будто Плутарх рабски списывал свои источники и будто мы можем почти дословно выделить те источники, коими он пользовался. Он даже Диодора ставит сравнительно высоко: по его мнению, Диодор не только прагматик, но и художник; материал его нередко плох; но значение Диодора заключается в том, что он универсальный историк. Но с особенною симпатией (которую едва ли однако можно вполне разделять) относится Гольм к Ксенофону, как историческому свидетелю. Подобно Брейтенбаху (в его введении к изданию *Ἑλληνικά* Ксенофонта) и Э. Р. фон Штерну (в его известной монографии: *Geschichte der spartanischen und thebanischen Hegemonie vom Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea*. Dorpat, 1884), он не считает его пристрастным. Это, по его словам, чистосердечный, симпатичный писатель, который, как истинный ученик Сократа, свободен от всяких фраз, и его порицатели сами признают его превосходные качества тем, что подробно воспроизводят его лучшие рассказы. Что касается Фукидида, против которого Мюллер-Штрюбинг выступил с такими нападками, то Гольм полагал, что в общем старое воззрение не поколеблено, именно, что Фукидид — правдолюбивый писатель. Пытались уличить его в грубых неточностях, но это не удалось, и Гольм, между прочим, как мы видели (с. 159), говорит, что проследил топографически известия большей части VI и VII книг и нашел, что чем точнее взвешиваешь слова Фукидида и чем точнее изучаешь местность, тем яснее делаются текст и события. Он находит у Фукидида только некоторую ограниченность горизонта: Фукидиду недостает универсального, обнимающего время и страны, взгляда Геродота.

Геродотово произведение в глазах Гольма — одно из совершеннейших художественных созданий в своем роде по плану и выполнению, по мысли и стилю. Геродот беспристрастнее, чем иногда принимают.

Гольм не идеализирует греков, не преклоняется слепо перед ними, как делают нередко другие историки. Он не смотрит на греков как на народ, который во всех важнейших отраслях жизни каждый раз находил самое лучшее, а видит в них лишь «die vorzugsweise Suchenden unter den Nationen». Такими греки были, по его словам, и в своей политической жизни, и с этой точки зрения он оценивает их деятельность: величайшие государственные люди Афин, говорит Гольм, не всегда в каждом данном случае находили самое верное. На Аристиде Гольм еще в 1889 г. (во II т.) высказал взгляд, который совершенно отличался от общепринятого дотоле и который нашел себе опору в открытой Аристотелевой «Политии»: по Гольму, мнение, будто Фемистокл — демократ, а Аристид, напротив, аристократ, неосновательно и есть не что иное, как вымысел: на самом деле Аристид — демократ, завершитель начатой Клисфеном демократизации Афин. Гольм высказывается против чисто субъективных приемов Дункера и отдает Периклу должное. Клеона он находит правым в деле переговоров со спартанцами о мире во время осады Сфактерии и думает, что под внешнею грубостью в нем скрывалась большая политическая хитрость. Гипербола и Евбула он берет под свою защиту.

Только говоря о Демосфене, Гольм меняет обычный объективный и спокойный тон. Он относится к великому оратору с явным несочувствием и даже иронией. Если в остальных отделах своей «Греческой истории» Гольм чужд той гиперкритики, которую мы замечаем у Дункера и которой он сам не одобряет, то здесь его суждения и самый тон напоминают отношение Дункера и других новейших порицателей к Периклу. Зато Филиппа Гольм старается защитить и обелить. В его глазах Филипп не только гениальный политик и первостепенный полководец, но и с нравственной точки зрения вовсе не заслуживает обычных порицаний, особенно если его сравнить с его афинскими противниками. На Александра Ма-

кедонского Гольм смотрит приблизительно так, как и Дройзен. — Но, оправдывая Филиппа и осуждая Демосфена, Гольм, однако, полагает, что Дройзен заходил слишком далеко, когда считал победу Македонии соответствующею интересам самой Греции, которая разлагалась «in der Verkrüppelung des Kleinlebens»; по мнению Гольма, в этом отношении македонское владычество ничего не улучшило: спасение заключалось в чистосердечном и добровольном союзе с Македонией в духе Исократова.

Вообще афинской демократии Гольм не унижает и не относится к ней так враждебно, как, например, Юлиус Шварц. Он считает неверным утверждение одного из новейших историков Греции (Белоха), будто духовный уровень афинян соответствует в среднем уровню современных рабочих классов; по мнению Гольма, афинский гражданин в умственном отношении стоял выше жителя нынешних больших городов, и в отношении образования между богатыми и бедными в Афинах не было большого различия. В противоположность Курциусу, с которым он вообще довольно часто полемизирует то открыто, то косвенно, Гольм доказывает, что никакой особенной роскоши в Афинах IV в. не было, а что, напротив, в тогдашней жизни господствовала сравнительная простота. Деморализация афинян IV в. тоже, по его мнению, мнимая. Демократия в Афинах не была элементом разложения, а напротив — фактором нравственного спасения города. Нравственный упадок обнаруживался больше в поведении отдельных народных вождей, чем в поведении народа, как целого. Причины падения независимости Греции лежат не в нравственном вырождении народа, а в природном его характере, — в стремлении отдельных общин к изолированию и затем в неимении в решительный момент хорошего полководца. А если поражения нельзя было потом заглаживать, то тут причина заключается еще в другом: македоняне явились представителями великого принципа — национальности. Надеждой на триумф греческого имени в Азии они увлекли за собою почти все более деятельные личности греческих республик, и последние не имели больше сил свергнуть совершенно македонское иго. Пренебрежение национальным чувством лишило их мирового положения.

Нужно заметить, что ни один из новейших историков Греции не доводил так далеко своего изложения, как Гольм I: он доводит его почти до нашей эры; целый том (IV) посвящен времени от смерти Александра до битвы при Акции, причем еще имеется глава и о «политических отношениях греков при первых императорах».

В истории Греции Гольм был скорее самоучкой и среди немцев стоит как бы особняком². Он не примыкает к какой-либо школе или определенному направлению. Он и не эпитафист. По своим воззрениям и симпатиям Гольм скорее приближался к английским историкам, например, Гроту. Недаром его «Греческая история» переведена на английский язык.

Бузольт. Совсем иным характером отличается «Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia» Георга Бузольта (профессора прежде в Киле, а теперь — в Геттингене), входящая в состав издаваемой Пертесом коллекции: «Handbücher der alten Geschichte», и начавшая выходить почти в одно время с «Историей» Гольма: первый ее том в первом издании появился в конце 1885 г., всего за несколько месяцев до выхода первого тома «Греческой истории» Гольма, а второй («Die Perserkriege und das attische Reich»), обнимающий период высшего блеска и могущества Греции и в частности Афин — от ионийского восстания до Пелопоннесской войны — издан в начале 1888 (в 1-м изд.; о коренным образом переделанном 2-м издании и о продолжении я скажу дальше).

Отличие труда Бузольта от труда Гольма обнаруживается с первого же взгляда. Оно заметно в самом плане и расчленении материала. Если у Гольма мы видим небольшие главы и слишком дробное деление, то у Бузольта наоборот. Особенно это нужно сказать о I т. в 1-м изд.: обширная книга в 600 с лишком стра-

¹ Если не считать новых изданий «Очерка» Р. Пёльмана, о котором ниже.

² Что имело и свою хорошую сторону: Гольм отнесся ко многим вопросам, например, к источникам, без предвзятой идеи. См. статью: *Duhn Fr.* v. S. 91.

ниц состоит всего из двух глав, из коих каждая подразделяется на более или менее крупные параграфы. Неудобство такого деления сознал потом сам автор и поэтому во II томе каждый параграф в видах наглядности разбил еще на мелкие отделы. Каждый параграф у Бузольта начинается обыкновенно обзором или перечнем источников и литературы вопроса; самый текст постоянно сопровождается подробнейшими ссылками и примечаниями.

«Греческая история» Бузольта — плод больше трудолюбия, нежели таланта. Мы не найдем в ней широких обобщений, глубоких и блестящих новизною взглядов, ярких и метких характеристик, художественного изложения. Да Бузольт к этому и не стремился. Он пишет свой труд не для широкого круга читателей, а для тех, кто желает ознакомиться с положением того или другого вопроса в современной науке, с источниками и литературой предмета, — кто желает иметь под рукой необходимые указания и справки. В сжатом и систематическом виде он дает свод материала и результатов исследований, подводит итог тому, что сделано в области греческой истории, и помогает ориентироваться в обширной литературе предмета. При всей ясности и точности, какими отличается изложение Бузольта, такую книгу, конечно, читать не легко: она слишком суха; да и предназначена она, по собственным словам автора, не столько для чтения, сколько для штудирования, «mehr zum Lernen, als zum Lesen». Это не популярная история Греции, а справочное пособие, настольное руководство, и, как таковое, она в высокой степени полезна и незаменима. В ней, пожалуй, иногда не столько важен самый текст, сколько те многочисленные примечания, которыми он сопровождается и которые занимают едва ли не больше места, чем текст: на них, можно сказать, и падает центр тяжести.

Над своей «Греческой историей» Бузольт начал работать еще с конца 1879 г.; но все-таки, как сознается и сам автор, «материал оказался слишком обширным для того, чтобы с ним можно было справиться и обработать равномерно, с одинаковою силою и свежестью, с тою же самою смелостью и с тем же самым знанием». Лучшая часть — о Пятидесятилетии, в особенности те отделы, которые касаются внутреннего строя, области т. наз.

«древностей», и тут выдается параграф о положении союзников. Бузольт является здесь вполне самостоятельным исследователем; он — один из лучших знатоков этого вопроса, и его статья: «Der Phoros der athenischen Bündner», появившаяся в печати (Philologus. XLI) за несколько лет до его «Греческой истории», пролила новый свет на историю Афинского союза. Очень хороши также анализы источников.

Вообще труд Бузольта нельзя считать простою компиляцией, лишь сводом чужих мнений. Он основан на первоисточниках. В ряду их Бузольт, в противоположность Гольму, первое место отводит эпиграфическим данным; он много и с большим умением пользуется ими. Если первый обширный труд Бузольта «Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen» (Leipzig, 1878)¹ вызвал довольно суровые отзывы и упрек в том, что автор слишком склонен к неосновательным комбинациям², то в своей «Греческой истории» Бузольт обнаруживает трезвость взгляда, критический такт и большую осторожность по отношению как к источникам, так и к новейшей литературе. Он относится довольно скептически, например, к попыткам с точностью определить, у кого взята Плутархом та или другая фраза, или к гипотезе, что для каждой биографии Плутарх пользовался одним каким-либо источником, вроде Стесимброта Фасосского, и т. д. Подобно Гольму, он не считает Плутарха простым переписчиком и думает, что тот пользовался многими источниками. Касаясь какого-нибудь спорного вопроса, Бузольт приводит указания на весь материал и на все существующие на этот счет мнения и самым осторожным образом взвешивает данные. А его хронологические определения могут служить образцом точности и осмотрительности. Бузольт, например, еще до открытия «Афинской политики» Аристотеля, благодаря чрезвычайно внимательному отношению

¹ Бузольту принадлежат еще: *Busolt C.* Forschungen zur griechischen Geschichte. Breslau, 1880.

² См. критическую статью: *Niese B.* Kritische Bemerkungen über ältere griechische Geschichte und ihre Überlieferung // HZ. 1880. XLIII и примечание редакции «Historische Zeitschrift» к статье самого Бузольта: «Das Ende der Perserkriege», помещенной в этом журнале (1882).

к словам Геродота, пришел к заключению, что попытка Килона должна была предшествовать Драконову законодательству, — заключению, находящему себе подтверждение в свидетельстве Аристотелева трактата.

Изложение у Бузольта строго фактическое, так сказать деловое, сухое, но зато чисто объективное. Главное же значение его труда заключается, как было упомянуто, в чрезвычайно подробных литературных указаниях и ссылках. Свидетельства источников и особенно надписей, работы новых ученых — крупные труды, статьи, бесчисленные диссертации и программы, — все это отмечается самым тщательным образом, до последних мелочей, по каждому вопросу.

Бузольту принадлежит и другой труд, появившийся вслед за первым томом его «Греческой истории» и отличающийся такими же качествами, — «Griechische Staats- und Rechtsalterthümer», 1886 (в известной коллекции И. фон Мюллера «Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft»). В 1890 г. вышел русский перевод под заглавием: «Очерк государственных и правовых греческих древностей. Перевод с немецкого студентов Императорского Харьковского университета А (М + В) 1. Харьков». Специально для этого перевода Бузольт вновь пересмотрел свой труд, пополнил литературные указания и внес некоторые изменения в самое изложение, приняв во внимание результаты появившихся тем временем исследований (преимущественно — относительно Ликурга и аттических фратрий), и кроме того прибавил очерк Ахейского и Этолийского союзов, которого не было в немецком подлиннике; переводчики же с своей стороны приложили перечень русских сочинений, имеющих отношение к греческим древностям. А в 1892 г. вышло второе издание немецкого подлинника (Die griechischen Staats- und Rechtsalterthümer. München, 1892, в той же коллекции И. фон Мюллера)². Об этой переработке, ровно как и о втором издании «Греческой истории», к которому Бузольт приступил в начале 90-х годов,

¹ А. Д. Маляренко и А. С. Вязигина.

² Готовится 3-е издание.

прежде чем окончить свой труд, я еще упомяну далее при обзоре работ последнего десятилетия XIX в., ибо эти новые издания являются как бы новыми трудами: так велики в них перемены.

Гильберт. В первой половине 80-х годов, еще раньше «Древностей» Бузольта, в **Германии** вышло другое прекрасное руководство по государственным древностям, в таком же роде и с такими же подробными литературными указаниями. Это — «Handbuch der griechischen Staatsalterthümer» Густава Гильберта (Leipzig, 1881—1885. 2 Bde.), перед тем приобретшего известность своими «Studien zur altspartanischen Geschichte» (Göttingen, 1872) и «Beiträge zur innern Geschichte Athens im Zeitalter des Peloponnesischen Krieges» (Leipzig, 1877). По своим достоинствам труд Гильберта не уступает труду Бузольта. Те упреки, которые иногда ему делаются¹, с таким же правом могут быть сделаны и руководству Бузольта, да и почти всякому пособию, имеющему назначение быть своего рода компендиумом. Если по систематичности, точности и основательности, по самостоятельной обработке эпиграфических данных (по крайней мере в I т.) труд Гильберта иногда, быть может, несколько и уступает труду Бузольта, то по богатству и разнообразию содержания и по легкости изложения он стоит выше его. Бузольт даже в новом издании оставляет в стороне почти все второстепенные греческие государства, например Коринф, Сикион, Сиракузы и т. п.; он о них или вообще не говорит, или упоминает лишь мимоходом². У Гильберта же во II томе мы находим сведения об областях и городах всего греческого мира: Эллады, островов, Малой Азии (не исключая и Ликии), берегов Понта и Пропонтиды, Халкидики, Кирены и Запада — Сицилии, Великой Греции, отдаленной Массалии. Очерку их внутренней истории и строя посвящает он большую часть II тома своего руководства. Самый план у Гильберта иной,

¹ См. замечания В. А. Шеффера: *Шеффер В. А.* Афинское гражданство и народное собрание. М., 1891. С. 2, приводящего и отзыв У. фон Вилламовиц-Мёллендорфа.

² На этот пробел справедливо указывает Дж. В. Хедлем (Headlam) в своем отзыве о новом издании руководства Бузольта // *Classical Review*. 1893. № 4. P. 177.

нежели у Бузольта. Последний придерживается обычного порядка: сначала идет у него «Введение», «Основы греческой государственной жизни», «Государственные формы и их развитие», «Отношения государств между собою», затем «Лакедонское государство», «Крит», «Афины» и наконец «Важнейшие союзы». У Гильберта же весь I том отведен Спарте и Афинам, а II состоит из двух частей — «статистической», где, как было упомянуто, даются сведения о второстепенных греческих государствах, и «систематической», где речь идет о греческом государстве вообще, его развитии, об элементах населения, о государственной власти, администрации, суде, военном деле, финансах, об отношении греческих государств друг к другу, о международном праве, метрополии и колониях, о союзах.

В 1893 г. Гильберт выпустил в свет новое издание I тома своего руководства. Подобно тому, как у Бузольта, оно оказалось значительно переработанным и дополненным, причем и в нем, в виду открытия Аристотелева трактата, изменениям особенно подвергся отдел об афинских древностях.

Герцберг. Популярным, живым и в то же время научным изложением отличается «Geschichte von Hellas und Rom» Густава Герцберга (Hertzberg) (в известной коллекции В. Онкена «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen»), которому принадлежит также монография о Греции под римским владычеством¹ и история Греции в средние и новые века². Первый том посвящен истории Греции до Навпактского мира 217 г. и в подлиннике вышел еще в 1879 г.; в 1881 г. появился его русский перевод (История Греции. Пер. А. В. Прахова. СПб., 1881). Сочинение Герцберга как в подлиннике, так и в переводе снабжено было многочисленными рисунками и картами. Можно только сожалеть, что в русском переводе слишком уж последовательно проводится рейхлиновское произношение, и например,

¹ *Hertzberg C.* Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer. Halle, 1866-1875. 3 Bde.

² *Hertzberg C.* Die Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart. Gotha, 1876—1879. 4 Bde. (в серии: Geschichte der europäischen Staaten).

вместо обычных: демос, демократия, Пелопоннес, Гера, Гомер, читатель здесь встречает: дим, димократия, Пелопоннис, Ира, Омир и т. д., чтт делает чтение перевода утомительным и даже затруднительным¹. Впрочем, «История Греции» Герцберга, как и вообще труды, вышедшие до начала 90-х годов прошлого века, устарела.

Говоря о немецкой научной литературе по истории Греции за 70-е и 80-е годы, следует упомянуть об А. Гутшмиде, одном из самых даровитых, широко образованных и разносторонних филологов, у которого было немало работ, касающихся и греческой истории (см. его «Kleine Schriften», собранные Ф. Рюлем).

Французская литература. Во французской литературе после «La cité antique» Н. Д. Фюстель де Куланжа не появилось новой сколько-нибудь выдающейся общей обработки греческой истории, если не считать переделки более раннего труда В. Дюрюи².

Зато обращает на себя внимание ряд превосходных монографий и исследований, о которых было уже раньше упомянуто, по поводу деятельности Французской школы в Афинах (с. 405), и

¹ Герцберг написал и другой совершенно подобный труд, популярного характера и тоже с иллюстрациями и картами: *Hertzberg C. Geschichte der Griechen im Alterthum.* Berlin, 1885.

² Книга П. Гиро (*Guiraud P. La vie privée et la vie publique des Grecs.* Paris, 1890), входящая в состав коллекции «Lectures historiques» и переведенная на русский язык («Частная и общественная жизнь греков». 1897; есть несколько изданий), — полезное пособие для знакомства в особенности с культурною жизнью греков, но она не претендует на самостоятельность. Это — своего рода хрестоматия, дающая отрывки из лучших сочинений, как французских, так и немецких. Заметим кстати, что вообще в последнее время французы обнаруживают стремление к знакомству не только с произведениями английской научной литературы, интерес к которой у них и прежде был (сочинение, например, Грота давно переведено на французский язык), но и немецкой; так во Франции появились переводы сочинений Курциуса, Герцберга, Дройзена, Эд. Мейера и проч., и притом переводы, принадлежащие большею частью знатокам классической древности.

обширный «Словарь греческих и римских древностей», издаваемый Ш. Дарамбером и Э. Сальо (*Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments etc.*)¹. Многие из помещенных в нем статей — значительного объема, подробны, принадлежат перу специалистов и представляют научный интерес. Словарь этот занимает место наряду с немецкою «Реальною энциклопедией по классической древности» А. Ф. Паули, выходящей теперь в новой переработке под редакцией сначала Г. Виссова, а затем — В. Кролля. К сожалению, издание словаря подвигается слишком медленно: начал он выходить (в новой переработке) еще в середине 90-х годов и до сих пор не окончен; немало прекрасных статей тем временем успело уже устареть.

Среди английских историков этого периода видное место занимают Фриман и Магаффи.

Фриман. Эд. Фриман, о котором я уже упоминал по поводу его «History of Federal Government» (с. 340), стоял вообще за применение сравнительного метода² и за единство истории: он был против разделения истории на древнюю и новую. Он находил, что греки, римляне, германцы имели много общих учреждений и что историк не должен узко специализироваться на изучении так называемой древности, совершенно отделяя от нее новое время и оставляя последнее в стороне³. Сам Фриман занимался всеми периодами и больше всего известен своим обширным трудом о норманском завоевании Англии («The Norman Conquest»). В истории он следит за развитием политических форм; он видит в ней науку о человеке, как существе политическом: по его определению, «история есть политика прошлого и политика есть история настоящего».

¹ Его редактором состоял притом и Э. Потье (Pottier).

² См. его лекции: *Фриман Эд.* Сравнительная политика. Шесть лекций, читанных в Королевском институте в январе и феврале 1873 г.; имеющиеся в русском переводе Н. Коркунова: СПб., 1880.

³ См.: *Фриман Эд.* Методы изучения истории. Восемь лекций, читанных в 1884 г.; русский перевод П. Николаева: М., 1893.

Последние годы своей жизни Фриман занят был большим трудом по истории Сицилии; но он успел издать три тома¹ (до Агафокла); IV том издан уже после его смерти, на основании рукописи.

Магаффи. Дж. П. Магаффи, профессор в Дублине, издатель папирусов Флиндерса Питри, о которых придется еще упомянуть, в своих многочисленных трудах, соединяющих научные достоинства с интересом темы и прекрасным, доступным изложением, дает изображение преимущественно культурной, в частности литературной, жизни греков. Русским читателям наиболее известна его «История классического периода греческой литературы», имеющаяся в русском переводе (М., 1882—1883. 2 т.). Но Магаффи написал целую серию сочинений, из которых более общим содержанием отличаются его книги о социальной жизни в Греции (*Social Life in Greece*, 1874)², о греческой жизни и мысли в Александрийский период (*Greek Life and Thought from Alexander to Roman Conquest*), «Греческий мир под римской властью» (*The Greek World under Roman Sway*, 1890; во 2-м издании, в значительно переработанном виде, — *The Silver Age of the Greek World*, 1906), «Проблемы греческой истории» (*Problems in Greek History*, 1892); в последней книге автор, охарактеризовав важнейшие из прежних трудов по греческой истории, трактует о разнообразных вопросах, являющихся в исторической литературе более или менее спорными или вызывающих разногласие, — об отношении к мифам, о теоретической хронологии, о тиранах и демократиях, о великих историках Греции, политических теориях и экспериментах в IV веке до Р. Х., практических политиках IV же в., об Александре Великом, о Греции после Александра и о римлянах в Греции³. Книга эта появилась в начале 90-х годов, и, следова-

¹ *Freeman Ed.* History of Sicily. Oxford, 1891-1892. 3 vol.; IV vol. (1894) — с добавлениями и примечаниями А. Эванса (Evans). Фриману принадлежит и более краткая обработка этой темы. То и другое имеется в немецком переводе.

² На русском языке: *Магаффи Дж. П.* Древнегреческая жизнь. СПб., 1879.

³ См. об этой книге: *Шварц А. Н.* // ФОб. III.

тельно, говоря о ней, я выхожу за пределы рассматриваемого пока периода. То же следует сказать и по поводу наиболее общих по теме трудов Магаффи — его обзора всей греческой цивилизации, вышедшего в 1897 г. (*A Survey of Greek civilisation*), и того, что дали греки современной цивилизации (*What Have the Greeks Done for Modern Civilisation?* New-York; London, 1909). В последнее время, ввиду массы нового открытого материала по внутренней истории Египта времен Птолемеев и римского господства, Магаффи преимущественно занимается этой историей, равно как и историей эллинизма вообще I.

Об Эбботе я буду говорить далее, так как хотя I т. его труда вышел в 1888 г., но остальные относятся к более позднему времени.

П. И. Аландский. Что касается русской литературы, то в рассматриваемый период вышла «История Греции» П. И. Аландского (1-е изд. — Киев, 1885)². Это — лекции, читанные им в Киевском университете и на Высших женских курсах в конце 70-х и начале 80-х годов (П. И. Аландский умер в 1883 г.) и изданные после его смерти под редакцией профессора Ю. А. Кулаковского и профессора А. Козлова. Они начинаются обширным введением — о предмете и задачах исторической науки и об источниках греческой истории. П. И. Аландский обнаруживал склонность к социологии и держался направления, так сказать, социологического. «Научным типом истории» он считал тот, который ставит задачу «открытие законов, т. е. единообразий в сосуществовании и последовательности явлений», а предмет истории, по его мнению, составляет изучение различных форм «общественности» и изменения в их строении и отправлениях, т. е. изменения их политического строя. Сообразно с этим, П. И. Аландский останавливает свое внимание на истории внутренней — следит за судьбою городских общин, преимущественно спартанской и афинской, как «средоточий политической

¹ *Mahaffy J. P.* The Empire of the Ptolemies. London, 1895; *он же.* A history of Egypt under Roman rule. Oxford, 1899; *id.* The Progress of Hellenism in Alexander's empire. Chicago; London, 1905.

² О ней: *Мищенко Ф. Г.* // ЗКУ. 1890.1.

жизни Эллады вплоть до исхода IV в.», за теми метаморфозами, которые они переживали, и преимущественно этому вопросу посвящены все главы, за исключением упомянутого введения и небольшой 1-й главы: «Эллада и эллины», представляющей прекрасный очерк природных условий Греции и ее этнографии. В афинской демократии автор видит «наиболее совершенную форму общинного быта древних греков, представляющую собою наиболее полное выражение того идеала общежития, который сложился в уме эллинов». Изложение доведено до конца V в. до Р. Х., причем история упадка и разложения общинного быта в древней Греции изложена лишь в самых кратких чертах. Внешняя история — борьба греков с варварами, их междоусобия и т. п. — оставлена П. И. Аландским совсем в стороне, а без этого, конечно, и самое объяснение внутренних перемен в строе греческих государств, преимущественно Афин, не может быть полным и точным. — Изложение отличается историко-философским характером. В книге имеются библиографические указания. Лекции Аландского в настоящее время устарели, а вышедшее в 1899 г. 2-е издание их — повторение первого, без всяких перемен и добавлений.

Историко-философским характером отличается и «Введение в курс истории древнего мира» Н. И. Кареева (Варшава, 1882; 2-е издание — с небольшими лишь изменениями — СПб., 1886). В этой небольшой книжке, написанной живо и ясно и в свое время хорошо известной русским читателям, в общих чертах характеризуется ход прогресса в древности I.

В. В. Латышев. По древностям мы имеем «Очерк»², составленный нашим известным эпиграфистом В. В. Латышевым.

¹ Полезным пособием, в издании с добавлениями А. Н. Щукарева, служила книга: *Гуревич Я. Г.* История Греции и Рима. СПб., 1876.

² **Латышев В. В.** Очерк греческих древностей. Ч. I. Государственные и военные древности (1-е изд. вышло в Вильне в 1880 г. и потом было коренным образом переработано [2-е изд.: СПб., 1888; 3-е, пересмотренное А. Н. Щукаревым: 1897]); он же. Очерк греческих древностей. Ч. II. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1889; 2-е изд. — 1899.

Это учебник, могущий служить прекрасным пособием для «начинающих филологов»¹ и — добавим от себя — историков, прежде всего, конечно, для студентов. Автор воспользовался новейшей литературой предмета, главным же образом известными трудами Бузольта и Гильберта, а также и источниками, в особенности надписями, как и следовало ожидать от такого знатока их. Обыкновенно в конце каждого параграфа помещены библиографические указания; но, имея в виду иную цель, нежели Гильберт и Бузольт, предназначая свое руководство не для специалистов, а для «начинающих филологов» и даже «гимназистов старших классов», В. В. Латышев ограничивается в ссылках и указаниях лишь самым необходимым, делает выбор из множества иностранных работ по тому или иному вопросу, и такой прием оказывается, конечно, вполне целесообразным, иначе недостаточно еще подготовленные лица не могли бы разобраться в той массе литературных указаний, какую находим, например, у Бузольта и Гильберта. Зато В. В. Латышев обращает большое внимание на русскую литературу и в свои библиографические перечни внес указания на русские книги и статьи. В 3-м издании этого «Очерка», пересмотренном А. Н. Щукаревым (1897), приняты во внимание данные вновь открытых источников.

Ф. Г. Мищенко. К 70-м и 80-м годам прошлого века относятся и главные труды русского эллиниста — Ф. Г. Мищенко, бывшего одно время профессором в Киеве, а потом в Казани (ум. в 1906 г.)², много работавшего и много сделавшего для распространения в России знаний о греческих писателях, преимущественно историках, и о греческом мире. Он дал переводы Страбона (1879), Геродота (2-е изд. — 1888), Фукидида (1888) и

¹ Автор свою книгу скромно называет «пособием для гимназистов старших классов и для начинающих филологов», но в данном случае мы скорее разделяем мнение А. Н. Щукарева (см. его отзыв: ЖМНП. 1889. Февраль, и ответ В. В. Латышева: По поводу рецензии А. Н. Щукарева // ЖМНП. 1889. Март) и думаем, что по своему объему и серьезности — это не гимназическое пособие.

² О нем: **Шестаков С. П.** Некролог // ЖМНП. 1907. Июль.

Полибия (1890 сл.), не свободные, правда, от недостатков¹, но являющиеся все же крупными трудами, с обширными вступительными статьями, содержащими биографию переводимого автора, критический разбор его сочинения и мнений о нем и т. д. Кроме этих переводов, из многочисленных работ Ф. Г. Мищенко в области греческой литературы, истории и древностей, следует особенно отметить тут: «Отношение трагедий Софокла к современной поэту действительной жизни в Афинах» (Киев, 1872), «Опыт по истории рационализма в древней Греции» (Киев, 1881), в котором автор касается главным образом Фукидида и его мировоззрения, и исследование о Фукидиде, в виде «Послесловия к переводу» (М., 1888), представляющее всестороннюю характеристику величайшего историка древности, критический разбор нападок на него и полную беспристрастную оценку его. Разнообразные по содержанию статьи Ф. Г. Мищенко, которые мы здесь не имеем возможности перечислять, рассеяны по разным периодическим изданиям — «Киевские университетские известия», ЖМНП, «Записки Казанского университета», «Филологическое обозрение», «Русская мысль», а также в «Энциклопедическом словаре» изд. Брокгауза и Ефрона.

Можно упомянуть еще о работах проф. Д. Ф. Беляева, касающихся Еврипида и его воззрений (см. с. 86, примеч.), и проф. Л. Ф. Воеводского — по греческой мифологии: «Каннибализм в греческих мифах» (СПб., 1874)² и «Введение в мифологию Одиссеи» (Одесса, 1882)³. Что касается Э. Р. фон Штерна, бывшего профессором в Одессе, а в 1911 г. занявшего кафедру в Галле, то к рассматриваемому периоду относится его первый большой труд, непосредственно касающийся греческой истории, написанный на немецком языке: «История спартанской и фиванской гегемонии» (Geschichte der spartanischen und thebanischen Hegemonie. Dorpat, 1884), лучшая, основная монография по дан-

¹ См. например, рецензию А. Н. Шукарева на 1-е изд. перевода Геродота: ЖМНП. 1886. Январь.

² Отдельный оттиск из: ЖМНП. 1873—1874.

³ Ему принадлежит также «Карта древних поселений на юге России», составленная к VI Археологическому съезду в Одессе в 1884 г.

ному вопросу; другие же главные его труды и расцвет его деятельности принадлежат следующему периоду; поэтому о профессоре Э. Р. фон Штерне мы будем еще говорить.

Открытия

90-х годов XIX и начала XX века

Открытие папирусов

90-е годы XIX и начало XX в. ознаменованы замечательными открытиями по части папирусов¹, и с этого момента папирология становится рядом с эпиграфикой.

Начало открытия греческих папирусов. Отдельные находки папирусов делались уже давно. Первый греческий папирус был

¹ *Wilcken Vir.* Griechische Papyri. Die griechischen Papyrusurkunden. Berlin, 1897 (Vortrag); *его же.* Der heutige Stand der Papyruskunde // NJb. 1909. VII, и в особенности его введение к I т. «Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde», составленных им и Л. Миттейсом (Mitteis). Leipzig; Berlin, 1912; *Gradenwitz O.* Einführung in die Papyruskunde. Leipzig, 1900; *Mitteis L.* Aus den griechischen Papyrusurkunden. Leipzig, 1900; *Partsch J.* Papyrusforschung (Vortrag). Leipzig, 1914; *Hohlwein N.* La papyrologie grecque. Louvain, 1905; *Couvreux P.* Inventaire sommaire des textes grecs classiques retrouvés sur papyrus // Revue de philologie. 1896. XX; *Jouguet P.* Chronique des papyrus // REA. 1903. V; 1905. VII; *Seymour de Ricci R.* Bulletin Papyrologique // REG, с 1901 г.); Egypt Exploration Fund. Archaeological Report. 1892 след. Перечни обнаруженных папирусов в «Archiv für Papyrusforschung», в «Jahresbericht für Atertumswissenschaft»; *Bauer A.* Die Forschungen zur griechischen Geschichte. 1888—1898. München, 1899; *его же.* Bulletin // RH. 1901. Septembre-octobre. На русском языке: *Хвостов М. М.* Краткий отчет о заграничной командировке // ЗКУ. 1902. Март; *его же.* Обзор публикаций греческих папирусов // ЗКУ. 1904. Апрель; *Шестаков Д. П.* Новейшее изучение древнегреческой литературы и жизни // ЗКУ. 1904; *его же.* Сохранность греческой литературы и египетских папирусов // Гермес. 1911. № 11—13; *Церетели Г. Ф.* Памятники греческой письменности из Египта // ЖМНП. 1904. Ноябрь; *Придик А. М.* Греческие папирусы. Варшава, 1907; *Фрезе Б. Н.* О греко-римских папирусах // Юридические записки Демидовского лицея. 1908.1; *его же.* Греко-египетские частно-правовые документы // Там же. 1911.1; *Зарин С. А.* Современные открытия в области папирологии и надписей в их отношении в Новом Завете. СПб., 1914.

найден в Египте еще в 1778 г. и издан в 1788 г. (т. наз. «Charta Borgiana»); а в 40-х годах истекшего века английским ученым Гаррисом были вывезены из Египта отрывки речей Гиперида. Но массовые открытия начинаются с 1877—1878 г., когда в Фаюме, преимущественно в Крокодилополе или Арсиное, туземцами найдено было, среди разных отбросов, множество папирусов: они валялись здесь на месте развалин и представляли, по-видимому, остатки многочисленных архивов и библиотек. Папирусы эти, благодаря германскому консулу Травельсу и австрийскому — Графу, перешли частью в Берлин, частью в Вену, где они составили известную коллекцию эрцгерцога Райнера.

Великие открытия 1891 г. Но самые поразительные открытия в этом роде относятся к последнему десятилетии истекшего столетия. Можно сказать, что со времен гуманизма и Возрождения не было таких находок по части древних рукописей, какими ознаменовалось начало 90-х годов XIX в.¹

Папирусы Флиндерса Питри. Уже известный нам исследователь Египта англичанин Флиндерс Питри (см. выше, с. 408) в том же Фаюме, в Гуробе, сделал интересную находку в картонажах, в которые положены были мумии: картонажи эти делались из папирусов, служивших, очевидно, макулатурой; папирусы удалось отделить, и среди них оказались очень древние рукописи III в. до Р. Х., в том числе рукопись Платонова «Федона», на 1100 с лишком лет древнее самой старинной из известных нам раньше; фрагменты из X песни «Илиады», из утраченной пьесы Еврипида — «Антиопы»; текст, касающийся Третьей Сирийской войны времени Птолемея Эвергета (247/46); отрывок из т. наз. *υόμινα βαρβαρικά*, приписываемых Аристотелю; фрагменты описания Аттики, составленного каким-то перизетгом начала III в. до Р. Х., с интересными подробностями относительно Пирея, Мунихии и в особенности стен Конона², и разного рода доку-

¹ Blass F. Die Entdeckungen auf dem Gebiete der klassischen Philologie im Jahre 1891. Kiel, 1892.

² Текст этих фрагментов разобран и восстановлен У. Вилькенем. См. выше: с. 231.

менты — завещания, контракты, счета, расписки, судебные решения, письма и т. п.

Сообщение об этой находке появилось еще в конце 1890 г. 1, а в 1891 г. известный дублинский профессор Магаффи опубликовал 1-ю часть «Папирусов Флиндерса Питри»²; в 1893 г. издана им 2-я часть, и в 1894 г. — приложения к ним (Appendix).

Открытие «Афинской политики». В самом начале 1891 г. разнеслась весть об еще более важной и неожиданной находке: на столбцах «Таймс», от 19 января (н. ст.), вдруг появилось сообщение, что Британским музеем незадолго перед тем приобретена была в Египте — из источника, который по некоторым причинам неудобно называть (sic!)³ — коллекция папирусов, содержание коих при покупке не было известно, и что при ближайшем исследовании среди них оказался трактат об афинской конституции, приписываемый Аристотелю, — трактат, составлявший часть знаменитых «Политий», которые, казалось, утрачены были навсегда и об утрате которых так скорбели историки и государственоведы. Тут же давалось краткое описание рукописи, приводилось ее содержание и заявлялось, что издание ее уже готово и через несколько дней будет опубликовано⁴.

Известие «Таймс» о находке утраченного трактата Аристотеля, тотчас переданное телеграфом во все концы культурного мира, взволновало специалистов и возбудило внимание образованного общества. С нетерпением и некоторым сомнением ожидали исполнения обещания — опубликования драгоценной находки. И действительно, 30 января 1891 г. текст новообретенного произведения Аристотеля появился в виде изящной книги, в издании Кениона (см. выше, с. 198), ассистента в отделении рукописей в Британском музее. Таким образом, между первю

¹ Mahaffy J.P. // The Athenaeum. 25 October and 6 December.

² Mahaffy J. P. On the Flinders Petrie Papyri. With transcriptions, commentaries and index. Dublin, 1891—1894.

³ По-видимому, приобретение это — один из результатов «английского хозяйничанья» в Египте.

⁴ См.: Бузескул В. П. «Афинская политика» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века. Харьков, 1895.

вестью о находке и опубликованием трактата прошло всего 11 дней; очевидно, издание подготавливалось уже в течение некоторого времени, но дело держалось в строгой тайне.

Несмотря на некоторые недостатки и промахи, опечатки, ошибки против грамматики и ударения, довольно понятные, если вспомнить, с какою поспешностью готовилось издание, несмотря на пробелы, обнаруживающиеся в комментарии, особенно там, где дело идет о литературе предмета, — это editio princeps является во многих отношениях замечательным трудом. Задача Кениона была чрезвычайно трудная, и он выполнил ее если и не безупречно, то все-таки с большим успехом. Он не только прочитал рукопись, далеко не столь разборчивую и не столь хорошо сохранившуюся, как говорит он в своем введении, не только дал более или менее связный текст, восстановив его во многих местах, но и снабдил свое издание комментарием, касающимся преимущественно содержания трактата, и обширным введением, в котором описал рукопись, доказал тождество изданного текста с «Афинской политией» Аристотеля и изложил в общих чертах историю государственного строя Афин, как она представляется на основании нового источника.

Издание Кениона встречено было с необычайным интересом. Его требовали нарасхват, и уже через несколько дней понадобилось второе издание, а еще через месяц появилось и факсимиле папируса I, которое окончательно должно было рассеять всякие подозрения в фальсификации, если таковые и существовали. Появился ряд изданий текста «Афинской политики» и в других странах; многочисленные переводы ее быстро следовали один за другим. Специальные ученые органы, популярные журналы и газеты, все спешили наперерыв ознакомить своих читателей с замечательною находкою и выяснить значение ее. По вопросу о новооткрытой «Политии» возникла целая, почти необозримая, литература, которой я уже касался раньше (с. 199 след.).

Другие публикации Кениона. Фр. Дж. Кенион в том же 1891 г. опубликовал литературные тексты и других папирусов

¹ *Ἀθηναίων Πολιτεία* — Aristotle on the Constitution of Athens. Facsimile of Papyrus CXXXI in the British Museum, etc. 1891.

Британского музея («Classical Texts from Papyri in the British Museum»), между которыми оказались большой отрывок одной из утраченных речей Гиперида¹ и комические бытовые сценки или мимиамбы Герода (Геронда)², — литературные произведения, о которых раньше мы не имели никакого понятия. Далее, он же издал первые три тома «Greek Papyri in the British Museum. Catalogue with texts» (1893—1897)³, — описание и текст папирусов, преимущественно счетов и иных документов, имеющих значение главным образом для хозяйственной истории Египта в эллинистическую и римскую эпоху. А в 1897 г. Кенионом открыто и издано около 20 од или баллад Бакхилида⁴. Наконец, ему же принадлежит «Палеография греческих папирусов» (Palaeography of Greek Papyri, 1899), с каталогом литературных текстов, и изданный в честь голландского ученого Herwerden'a трактат, в котором опубликован между прочим отрывок из эпоса о Дионисе (1902).

¹ *Шварц А. Н.* Новые отрывки речей Гиперида // ФОб. 1893. III.

² Новые отрывки из Герода опубликованы Ф. Кенионом: Archiv für Papyrusforschung. 1.1901. На русском языке о мимиамбах Герода: *Зелинский Ф. Ф.* Герод и его бытовые сценки // ФОб. 1892. II; см. также: *Зелинский Ф. Ф.* Из жизни идей. Т. I. Пг., 1905; *Воеводский Л. Ф.* Мимиамбы Герода и реализм в греческой литературе. Одесса, 1894; *Церетели Г. Ф.* Герод и реализм в александрийской поэзии. Юрьев, 1906. Новейший комментарий издания Герода: *Ἡρόδου Μίμιαμβοί.* The Mimes of Herodas / Ed. by J. A. Nairn. Oxford, 1904; относительно формы Herodas или Herondas см.: *Бекетрем А. Г.* // ЖМНП. 1914. Октябрь.

³ В I т. описаны папирусы, приобретенные до 1890 г., а во II приобретенные с 1890 по 1895 г.; III т. издан при участии Белла. IV т. содержит папирусы из Афродитона и издан Г. Беллом (Bell): The Aphrodito Papyri ed. by H. J. Bell (с приложением коптских папирусов, изданных Сгит'ом). L., 1910.

⁴ *Kenyon F.* The poems of Bacchylides. 1897; новейшее изд.: *Jebb R. C.* Cambridge, 1906; *Wilamowitz-Möllendorff U.* v. Bacchylides. Berlin, 1898; французский перевод: *Eichthal C. de.* Bacchylide. Paris, 1898 и Т. Рейнака (Reinach). Paris, 1898; *Weil H.* // Journal des savants. 1898 (ср.: *id.* Études sur l'antiquité grecque. Paris, 1900); на русском языке о Бакхилиде: *Зелинский Ф. Ф.* Из жизни идей. Т. I.

Публикации Гренфелла и Ханта: Оксиринхские папирусы и др. Между тем в Англии же начали появляться замечательные публикации Б. П. Гренфелла (Grenfell) и Э. С. Ханта (Hunt).

Так, в 1896 г. опубликован любопытный папирус, приобретенный Флиндерсом Питри и содержащий податной устав Птолемея Филадельфа 259/58 г. до Р. Х.¹ Нечего и говорить, как важен этот документ для хозяйственной истории Египта той эпохи. В том же году (1896) вышло другое издание Гренфелла, заключающее в себе отрывок одной александрийской поэмы эротического содержания², и некоторые иные папирусы эпохи Птолемеев, большею частью документы, касающиеся займов, купли-продажи и т. п.³ Продолжением этого издания была «вторая серия», изданная Гренфеллем совместно с Хантом⁴. Здесь находится между прочим фрагмент из Гомера (рукопись III в. до Р. Х.), неизвестный дотоле отрывок из произведения Ферекида Сирского⁵ и тоже многочисленные документы эллинистической, римской и византийской эпохи.

Открытие и публикации новых папирусов много содействовало уже известное нам общество «Egypt Exploration Fund», учредившее даже особую секцию с специальной целью — открывать и изучать остатки греко-римской культуры в стране фараонов⁶. По поручению этого общества Гренфелл и

¹ Grenfell B. P., Mahaffy J. P. The revenue laws of Ptolemy Philadelphos. Oxford, 1896; здесь Магаффи принадлежит введение, а Гренфеллу комментарий.

² О ней на русском языке: Зелинский Ф. Ф. Новонайденная эротическая поэма александрийской эпохи // ФОб. 1896. XI.

³ Grenfell B. P. An Alexandrian erotic fragment and other Greek Papyri. Oxford, 1896.

⁴ Grenfell B. P., Hunt A. S. Greek Papyri. Series II. New classical fragments and other Greek and Latin Papyri. Oxford, 1897.

⁵ Об этом отрывке: Weil H. Un nouveau fragmet de Phérécyde de Syros // REG. 1897; *его же*. Études sur l'antiquité grecque. Paris, 1900.

⁶ С 1892 г. Общество начало издавать, под редакцией Гриффита и при участии Кениона, ежегодные отчеты (Archaeological report) о раскопках и находках в Египте.

Хант произвели раскопки в Оксиринхе (ныне Behnesch в 120 английских милях к югу от Каира, на границе Ливийской пустыни), — раскопки, сопровождавшиеся поразительными результатами. В первые же годы здесь найдены целые тысячи папирусов самого разнообразного содержания, большая часть которых уже опубликована¹. Среди них, кроме отрывков религиозного характера (например, *Лбуа* Иисуса Христа), имеются раньше неизвестное стихотворение Сафо²; хронологический обзор греческой, римской и восточной истории с 355-го по 315 г. до Р. Х. (ср. выше, с. 229); списки победителей на Олимпийских играх³; фрагмент письма к македонскому царю, касающийся союза Фив в Олифоне против Аминты; трактат или руководство по метрике, приписываемое Аристоксену, и разные документы и частные письма. Не останавливаясь на их перечислении, укажу лишь в виде примера, что между прочим сохранился изящный пригласительный билет на свадьбу приблизительно такого содержания: «Такая-то (*имярек*) просит тебя принять участие в обеде по случаю свадьбы ее детей, в ее доме, завтра, 5-го, в 3 часа». Или, например, одна домовладелица клятвенно уверяет, что в ее доме, «кроме вышепрописанных лиц, нет никого другого, ни александрийца, ни римлянина, ни египтянина»; очевидно, администрация требовала точных сведений о жильцах⁴. Интересно также, особенно для юристов,

¹ Grenfell B. P., Hunt A. S. The Oxyrhynchus-Papyri. Oxford, 1898 ff. Теперь уже 10 т. Тома VII—IX изданы одним Хантом, так как Гренфелл тяжело болел. Но в X т. мы видим опять имя Гренфелла. Из рецензий на первые томы: Wilamowitz-Möllendorff U. v. // GGA. 1898.

² Лепер Р. Х. Оксиринхская ода Сафо // ЖМНП. 1901; *он же*. // Commentationes Nikitinae. Сб. ст. по классической филологии в честь П. В. Никитина. СПб., 1901.

³ См. выше: с. 98, примеч. 2.

⁴ По этому поводу нужно заметить, что, например, в гор. Арсиное для каждого околотка или улицы был назначаем надзиратель, который вел точный список движения населения в своем округе. До нас дошли папирусы с такими списками, и они дают нам сведения о возрасте, смертности, рождаемости и приросте, национальности, обложении податями, личном составе населения одной из улиц: мы узнаем имена 35 домовладельцев, по которым назывались и дома (номеров домов не было); перечисляются и

обширное прошение некоей Дионисии к префекту (186 г. по Р. Х.) по делу о приданом с ссылками на прецеденты, проливающее свет на тогдашнее право и судопроизводство, и эдикт префекта (II в. по Р. Х.), касающийся ведения архивов. Есть и «курьезы» вроде письма сына к отцу, «балованного мальчика», с трудом еще выводящего буквы и плохо владеющего орфографией; мальчик огорчен тем, что отец не взял его с собою в Александрию, и грозит, в случае неисполнения его желания, не писать больше отцу, ничего ни есть, ни пить, а по возвращении отца из Александрии не здороваться с ним, не подавать ему руки 1. В III томе «Папирусов из Оксириха» находим раньше неизвестные отрывки, например из Пиндара, Менандра «Льстеца», какого-то мима или пьесы вроде Геродовых, популярной биографии Алкивиада (ничего, впрочем, нового, сравнительно с прежними нашими источниками, не дающей) и учебника по риторике на дорическом диалекте и т. д.; а в IV том (1904) вошли находки 1903 г.; между ними — фрагмент из какого-то евангелия, некоторые новые для нас эпиграммы, новый отрывок из Пиндара и диалог, в котором рассказчик в числе беседующих выводит тирана Писистрата.

В Оксирихе же, зимою 1905—1906 г., Гренфелл и Хант нашли массу разорванных папирусов, до 30 000; между ними, по-видимому, — остатки библиотеки какого-то ученого. Здесь оказались неизвестные дотеле стихотворения, например пэаны Пиндара и большой отрывок (около половины пьесы) из трагедии Еврипида «Ипсила», а из прозаических произведений особенное внимание обращают на себя большие отрывки из «Греческой истории», касающиеся событий 396—395 гг. до

квартиранты, а иногда также отсутствующие члены семьи, в общем на этой улице числилось 346 жителей мужского пола. *Wessely C.* Die Stadt Arsinoë (Krokodilopolis) in griechischer Zeit. Wien, 1902; *Сингалевич С. II.* О составе населения Оксириха // Сб. статей, посвященный Д. А. Корсакову. Казань, 1913. О вновь найденном пэане Пиндара см.: *Jurenka H.* Pindaros' neugefundener Pasan für Abdera // Philologus. 1912. LXXI.

1 *Bloss F.* Ein Curiosum aus Oxyrhynchos // Hermes. 1899. XXXIV; *Preisigke F.* Familienbriefe aus alter Zeit // Preussische Jahrbücher. 1902. CVIII.

Р. Х.¹ Об этой «Греческой истории» мы уже говорили (с. 181—183). Кто был этот «Оксиринхский историк» — Феопопли, Кратипп или кто-либо другой, — мнения, как мы видели, расходятся. Но после «Афинской политики» Аристотеля это наиболее крупная и важная находка текста чисто исторического содержания. Тогда же найдены между прочим новые отрывки из Каллимаха (в т. VII) и из «мелиамбов» киника Керкида (в т. VIII)². IX т. «Оксиринхских папирусов» (1912) дал еще более замечательную находку в области классической литературы — сатирическую драму Софокла «Следопыты» (*Ἰχνευται*), от которой сохранилось около 400 стихов³. Тут же издан отрывок из трагедии Софокла «Еврипил»⁴ и часть биографии Еврипида, написанной Сатиром. А недавно (1914) вышедший X т. содержит, между прочим, отрывки из христианской литературы (из апокрифического евангелия или из «слов» (*λόγια*) Иисуса Христа, вроде раньше найденных), из Сафо и Алкея, какую-то «Хрестоматию», в которой находим, в числе других, перечень лиц, стоявших во

¹ Как пэаны, так и эти отрывки изданы в V т. «The Oxyrhynchus-Papyri» (относительно «Оксиринхского историка» библиографию см. выше: с. 181—182, примеч.), а «Hypsipyle» — в VI т. Об этой трагедии и ее переводе см.: *Зелинский Ф. Ф.* Царица-прислужница. Новонайденная трагедия Еврипида. I—IV // ВЕ. 1909. Июль-август; на немецком языке: *Wessely C.* Wien, 1910; *Wecklein N.* München, 1910.

² *Диль Э. В.* Развитие украшающего искусства. Украшение тела: раскрашивание и татуирование // Гермес. 1911. № 20; *он же.* Мелиамбы Керкида // Гермес. 1913. № 11-12; *Maas P.* // Berliner Philologische Wochenschrift. 1911. № 32; *Arnim H. v.* Zu den Gedichten des Kerkidas // WS. 1912; *Croiset M.* Kerkidas de Mégapolis // Journal des Savants. 1911. Novembre.

³ См.: *Зелинский Ф. Ф.* Новонайденная сатирическая драма Софокла (с переводом) // ВЕ. 1914. Январь-февраль; его же. Софокл. Драмы: В 3 т. Пер. со введением и вступительным очерком. Т. III. М., 1914 [1916]; *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* // NJb. 1912. XXIX; его же. Die Spürhunde des Sophocles (отдельно). Leipzig, 1913; *Robert C.* Berlin, 2. Aufl. (перев.).

⁴ *Диль Э. В., Зелинский Ф. Ф.* «Еврипил» Софокла // ЖМНП. 1913. Апрель.

главе Александрийской библиотеки, разных нововводителей и изобретателей, и, наконец, отрывок о посольстве александрийцев и иудеев к императору Траяну 1.

Поразительна и та быстрота, с какою Гренфелл и Хант обнаруживают свои богатые находки. Они не только откапывают папирусы, но и не хоронят их вновь, как делают это многие издатели памятников, держа под спудом, медля с публикацией. В течение 15 лет Гренфеллом и Хантом издано 10 объемистых томов одних только «Оксиринхских папирусов», причем не только разобран и восстановлен текст папирусов, но и дается превосходный комментарий и перевод на английский язык.

Но «Оксиринхскими папирусами» Гренфелл и Хант не ограничились. Так, зимою 1899—1900 г., производя раскопки по поручению Калифорнийского университета, Гренфелл и Хант открыли развалины города Тебтунис и при этом в мумиях священных крокодилов нашли большое число свертков папирусов — документов Птолемеевой эпохи, преимущественно с 130 по 80 г. до Р. Х., освещающих внутреннюю историю Египта². Одна серия этих документов содержит копии более 40 декретов³ одного из Птолемеев (Эвергета II) и важна для истории администрации того времени: в ней идет речь о гарантиях против насилия, произвола и злоупотреблений чиновников. Очень важны также документы, представляющие опись земель одной деревни (Керкезири), с указанием владельцев, лежащих на них сборов, доходности земли и с любопытными подробностями относительно солдат-поселенцев (клерухов).

¹ Диль Э. В. Новые литературные тексты в X томе папирусов из Оксиринха // Гермес. 1914. № 10; Wilamowitz-Möllendorff U. v. // NJb. 1904. XXXIII.

² The Tebtunis Papyri. Edit, by B. P. Grenfell, A. S. Hunt and J. G. Smyly. London, 1902-1907; 2 Th.; о них: Хвостов М. М. Новые документы по социально-экономической истории эллинистического периода // ЖМНП. 1904. Сентябрь.

³ Wenger L. Rechtsurkunden aus Tebtunis // Archiv für Papyrusforschung. II.

В 1900 г., совместно с Д. Дж. Хогартом и при содействии «Egypt Exploration Fund», Гренфеллом и Хантом изданы «Fayûm Towns and Their Papyri», содержащие описание раскопок в Фаюме во второй половине 90-х годов и самые тексты, между которыми обращает на себя внимание между прочим отрывок из романа (Харитона), и затем «Папирусы лорда Амхерста» (Amherst Papyri. 2 P. 1900—1901). В последнем собрании находим отрывок из трагедии, именно из сцены, в которой Гектор готовится к бою с Ахиллом 1; отрывок также из комментария Аристарха к одному из прозаиков и опять документы...

А во время раскопок зимою 1901—1902 и 1902—1903 г. в Hibeh, на правом берегу Нила, неподалеку от Оксиринха, Гренфелл и Хант извлекли из могил много папирусов, составлявших картонажи для завертывания мумий. Папирусы эти² — III в. до Р. Х., времени первых Птолемеев, и содержат частью литературные тексты, частью — и притом большею — документы. Обращает на себя внимание календарь, составленный около 300 г. последователем Евдокса, а в особенности деловая корреспонденция и журнал почтовой станции или конторы в Среднем Египте³, относящийся приблизительно к 255 г. до Р. Х., с обозначением проходившей через эту станцию правительственной корреспонденции, дня и часа прибытия и отправления почты, числа пакетов, кому адресовались, кто сопровождал почту, кому, при отправлении со станции, она вручалась и т. д.⁴

Публикации на континенте. В то же время на континенте Европы одна публикация папирусов следовала за другою. В 1892 г. предпринято издание папирусов берлинских музеев, при участии таких специалистов, как У. Вилькен,

¹ Есть мнение, что этот отрывок из «Гектора» Астидама.

² The Hibeh-Papyri. London, 1906. I.

³ См. также Wilcken Vir. Chrestomathie, n°435; Preisigke F. Die Ptolemeer Staatspost // Klio. 1907. VII.

⁴ Тому же А. Ханту принадлежит еще одна публикация: Hunt A. S. Catalogue of the Greek Papyri in the John Rylands Library Manchester. I. Literary Texts. Oxford, 1911.

Фр. Кребс ("†"), П. Фирек (Viereck) и др.¹ Среди этих папирусов обращают на себя внимание, например, документы, касающиеся банков, счет доходов и расходов храма Юпитера в Арсиное, проливающий свет особенно на обширные денежные операции этого храма (III в. по Р. Х.), и счет управляющего крупным имением, характеризующий хозяйство III в. по Р. Х.

Из новейших приобретений Берлинского собрания, среди находок юридического содержания, первое место занимает обширная инструкция сановнику. Liber mandatorum. Почти в каждом из ее 118 параграфов содержится что-либо новое, в особенности относительно права наследственного, семейного и т. п. Папирус разобран В. Шубартом и вскоре появится в V т. берлинского издания «Griechische Urkunden». Берлинские же литературные тексты издаются в собрании «Berliner Klassikertexte» (1904 ff.). Из них обращают на себя внимание комментарий Дидима (см. выше, с. 233), новые отрывки из Сафо², Софокла (из его трагедии «Собрание ахейцев») ³, «Каллимаха» ⁴.

Упомянутый выше В. Шубарт издал таблицы с образцами Берлинских папирусов⁵, опубликовал интересные документы (контракты) в «Archiv für Papyrusforschung» (V, 1909) и — для широкой публики — сборник писем на немецком языке с объяснениями, под заглавием «Ein Jahrtausend am Nil» (Berlin, 1912).

¹ Ägyptische Urkunden aus den Königlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden (в 1912 г. закончен IV т.); см. также: *Krebs Fr.* Aus den Papyrus der königlichen Museen. Handbücher der königlichen Museen zu Berlin, 1899 (большое число текстов в переводе и с комментариями).

² *Blass F.* Die Berliner Fragmente der Sappho // Hermes. 1902. XXXVII; *Solmsen F.* Die Berliner Bruchstücke der Sappho // RhM. 1902. LVII.

³ Berliner Klassikertexte. Bd. V. 1907; см.: *Сребрный С. С.* Δίμοι Евполида // ЖМНП. 1913. Декабрь.

⁴ О них: *Гельд Г. Г.* Новые отрывки Каллимаха // Гермес. 1912. № 13.

⁵ *Schubart W.* Papyri graecae Berolinenses. 1911, в собрании: Tabulae in usum scholarum / Hrsg. von H. Lietzmann.

В 1895 г. в Вене вышел I т. коллекции эрцгерцога Райнера, под редакцией Вессели I, который издает папирусы и в своих «Studien zur Paläographie und Papyruskunde»².

В Германии, кроме берлинских, публикуются также греческие папирусы, хранящиеся в Лейпциге (изд. Л. Миттейс [Mitteis], при содействии У. Вилькена)³, Страсбурге (изд. Фр. Прейсигке [Preisigke])⁴, Гессене⁵, Гамбурге⁶, Мюнхене⁷. В Галле находится большой папирус — извлечения из александрийских законов и распоряжений, чрезвычайно важный источник для изучения греческого права. Он издан при содействии нескольких ученых (У. Вилькена, Э. Р. фон Штерна и др.) под заглавием «Dikaiomata» (Berlin, 1913). Есть издания частных писем, сохранившихся на папирусах⁸.

¹ Corpus Papyrorum Raineri Archiducis; о папирусах Райнера: *Härtel W.* Über die griechischen Papyri Erzherzog Rainer. Vortrag. Wien, 1886.

² Например, 5-й вып. (1905) содержит «Corpus Papyrorum Hermetopolitanorum»; 3-й и 8-й — (1904 и 1908) — «Griechische Papyrusurkunden kleinerer Formate» (большую часть из коллекций эрцгерцога Райнера).

³ Griechische Urkunden der Papyrussammlungen zu Leipzig / Hrsg. von Ulr. Wilcken, L. Mitteis. I. 1906.

⁴ Griechische Papyri der Kaiserlichen Universität und Landesbibliothek zu Strassburg, 1906 ff. Ф. Прейзишке, кроме того, издал «Griechische Urkunden der Ägyptischen Museen zu Kairo» (Strassburg, 1911) и собрал отдельно изданные вне больших коллекций греческие документы: *Preisigke F.* Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg, 1912—1913; ср.: *его же.* Berichtsliste der griechischen Papyrusurkunden aus Ägypten. Strassburg, 1913.

⁵ Griechische Papyri im Museum des Oberhessischen Geschichtsvereins zu Glessen im Verein mit O. Eger hrsg. und erklärt von E. Kornemann и P. M. Meyer. Glessen, 1910 ff.

⁶ Griechische Papyrusurkunden der Hamburger Stadtbibliothek / Hrsg. und erklärt von P. M. Meyer. Leipzig, 1911 ff.

⁷ Byzantinische Papyri in der königlichen Hof- und Staatsbibliothek zu München / Hrsg. von Aug. Heisenberg und L. Wenger. München, 1914.

⁸ *Witkowski St.* Epistulae privatae Graecae, quae in papyris aetatibus Lagidarum servantur. Lipsiae; B. G. Teubner, 1906 (2. Aufl.— 1911); Papyri

Ж. Николь обнаружил женевиские папирусы¹ и, кроме того, отдельно, — отрывок из комедии Менандра под заглавием «Земледелец»², из защитительной речи Антифона³ и из хроники Аполлодора, отрывок, касающийся процесса Фидия⁴.

Во Франции выходит также немало публикаций папирусов. Здесь Э. Ревилью (Reveillout) и Эйзенлохр (Eisenlohr) положили начало изданию «Corpus Papyrologum / Egypti». Обнаружены были между прочим и новые отрывки речей Гиперида⁵, приобретенные Ревилью для Луврского музея еще в 1888 г., а его «Mélanges sur la métrologie, l'économie politique et l'histoire de l'ancienne Egypte» (1895) служили как бы дополнением к берлинским папирусам и к тем, которые изданы в Англии. Позже Т. Рейнак (Reinach), в сотрудничестве с В. Шпигельбергом (Spiegelberg) и Сеймур де Ричи (Seymour de Ricci), издал «Papyrus grecs et demotiques recueillis en Egypte» (1905), среди которых обращают на себя внимание контракты, а П. Жуге (Jouguet) и Г. Лефевр (Lefebvre) опубликовали⁶

Jandanae cum discipulis / Ed. C. Kalbfleisch. Fasc. II: Epistulae privatae Graecae. Leipzig, 1913, и упомянутая книга: *Schubart W.* Ein Jahrtausend am Nil. Berlin, 1912; *Preisigke F.* Familienbriefe aus alter Zeit // Preussische Jahrbücher. CVIII, 1902; *Gleichen-Russwurm A. v.* Antikes Leben in Briefen. Berlin, 1911.

¹ *Nicole J.* Les papyrus de Genève. 1896—1906. Ср.: *его же.* Textes grecs inédits de la Collection papyrus de Genève. 1908.

² Он же. Le laboureur de Ménandre. Genève, 1898 (другое издание этих отрывков принадлежит Гренфеллу и Ханту). См.: *Groh Fr.* // Listy filologické. 1898; на русском языке статья со стихотворным переводом: *Церетели Г. Ф.* Комедия Менандра «Земледелец» // ЖМНП. 1910. Август.

³ *Nicole J.* L'apologie d'Antiphon ou λόγος περὶ μεταστάσεως, d'après fragments inédits sur papyrus d'Egypte. Genève, 1907.

⁴ Он же. Le procès de Phidias dans les chroniques d'Apollodore. Genève, 1910.

⁵ В III т. О них кроме статьи А. Н. Шварца (см. выше, с. 454, примеч. 1); *Weil H.* Du discours d'Hypéride contre Philippides // RÉG. 1892. avril—juin; *его же.* Etudes des antiquités grecques. Paris, 1900.

⁶ *Lefebvre G.* // BCH. 1902 ss. и издание, названное в следующем примечании.

папирусы из деревни Магдолы, найденные в Мединет-эн-Нахас, в южной части Фаюма, и содержащие жалобы царю, — интересный материал в культурно-историческом отношении. Под редакцией того же Жуге в сотрудничестве с другими учеными, издаются папирусы Лильского университета¹, найденные в картонажах мумий, в некрополях Фаюма и содержащие разнообразный материал, между прочим касательно орошения, землемерных работ и проч. Жуге издан также «Папирус из Феадельфии»² (в западной части Фаюма), с интересными подробностями касательно провинциальной администрации. А знаменитый Масперо публикует «Греческие папирусы византийской эпохи».

В Италии Accademia dei Lincei приступила к изданию «Греко-египетских папирусов» в 1906 г., под редакцией Дж. Виттели и Д. Компаратти³, а в 1908 г. основалось особое «Итальянское общество для разыскания папирусов», которое имеет свои издания⁴; уже появился (1912) том, содержащий папирусы, частью найденные при раскопках общества на месте Оксиринха и Гермополя, частью приобретенные покупкой. В числе издателей этого собрания — две итальянки (Тереза Лоди и Медея Норса).

«Персы» Тимофея. К первым годам XX в. относятся две очень важные и интересные находки, на которых следует остановиться. В 1902 г. Л. Борхгардтом по поручению Немецкого восточного общества, предприняты были раскопки в Абусире, неподалеку от Каира, причем на древнем кладбище, в одном из гробов, в головах покойника, по всей вероятности какого-то грека, найден папирус, содержащий значительную часть (приблизительно половину) текста «Персов» Тимофея Милетского (ок. 400 г. до Р. Х.), до сих пор известного нам, можно сказать, лишь по имени. Это —

¹ *Lefebvre C.* Papyrus grecs. Institut de papyrologie de l'Université de Lille, 1907 ss.

² *Jouguet P.* Papyrus de Theadelphia. Paris, 1911.

³ *Comparetti D.* Papiri greco-egizii. Firenze, 1906.

⁴ *Comparetti D.* Pubblicazione della Società italiana per la ricerca dei Papiri greci e latini in Egitto.

дифирамб или, точнее, «ном», касающийся Персидских войн, на тему о поражении царя в морском сражении — конечно, при Саламине, — первый дошедший до нас образчик произведений подобного рода и древнейшая рукопись из всех сохранившихся на папирусах: она, вероятно, не позже конца IV в. до Р. Х., и лишь около полувека отделяет ее от смерти автора 1.

Менандр. Еще более важная находка сделана несколько лет спустя французом Г. Лефевром: в одной деревне, на месте прежнего Афродитополя на левом берегу Нила, среди развалин древнего жилища, им найден папирус из 17 листков — не в виде обычного свитка, а в виде книги или кодекса, — содержащий до 1300 стихов поэта IV в. Менандра. Папирус этот был тотчас же издан Лефевром 2. В нем более или менее крупные отрывки из 4 пьес Менандра — из «Героя» (заглавие пьесы в папирусе не сохранилось, но предположение, что это — «Герой», подтвердилось), «Третьей суда» (*Επιτρέποντες*), «Самиянки» и «Стриженной» или «Отрезанной косы» (*Περιγερομένη*) и незначительные обрывки 5-й пьесы. Особенно много стихов сохранилось из «Третьей суда» — более 500, т. е. около половины комедии, причем уцелел почти весь второй акт. Вскоре в Египте же было найдено два листика пергамента, содержащие в себе частью уже известные, частью неизвестные отрывки из *Περιγερομένη* 3, а в 1911 г. Лефевр вновь опубликовал Каир-

¹ Рукопись хранится в Берлинском музее. Фотографический снимок с самой рукописи, с гроба и покойника, ее владельца, в «Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orientgesellschaft»: Der Timotheus-Papyrus. Leipzig, 1903; комментированное изд.: *Wilamowitz-Möllendorff U. v.* Leipzig, 1903. На русском языке см.: *Церетели Г. Ф.* «Персы» Тимофея Милетского // ЖМНП. 1903. Июнь; *Шестаков Д. П.* «Персы» Тимофея. Казань, 1904. Французский перевод: *Mazort P.* // Revue de philologie. 1903. XXVII.

² *Lefebvre C.* Fragments d'un manuscrit de Ménandre. Le Caire, 1907. Открытые раньше отрывки из Менандра собраны: *Kreischmar P.* De Menandri reliquiis purer repertis. Leipzig, 1906.

³ *Körte B. C.* Zwei neue Blätter der Periceiomene // SB I. 1908. LX. Небольшой отрывок из Менандра имеется в бывшей коллекции

ский папирус Менандра, с некоторыми новыми фрагментами из «Героя», «Третьей суда» и «Отрезанной косы» 1. Нечего и говорить, как важна такая находка. Только теперь мы можем иметь настоящее понятие о Менандре, о том, как развивалось у него действие, каковы его приемы, как обрисовывались характеры и изображалась аттическая частная жизнь с ее нравами; это бросает новый свет и на подражателей Менандра, римских комедиографов и т. д. 2 — В новом издании папируса Менандра, опубликованном Лефевром, **находятся** и новые отрывки (более 100 стихов) из комедии Евполида *Δήμοι* 3.

В. С. Голенищева; см.: *Церетели Г. Ф.* Греческие литературные папирусы // ЖМНП. 1909. Февраль.

¹ См.: *Catologue général des antiquités égyptien du Musée du Caire.* № 43 227; *Papyri de Ménandre.* Le Caire, 1911. Другие издания: *Leeuwen J. v.* Leiden, 1908; *Sudhaus S.* Bonn, 1909; *Jensen Chr.* De Menandri codice Cairensi. Frankfurt am Main, 1910; *Körte G.* Menandrea. Ed. minor, ed. maior, Leipzig, 1912; *Capps E.* Four plays of Menander: the Hero, Epitrepontes, Periceiomene, and Samia. Edited, with introductions, explanatory notes, critical appendix and bibliography. [1910]; из них лучшее: *Körte C.* (2-е изд., maior); нем. пер.: *Robert C.* Berlin, 1908; ср.: его же: *Der neue Menander; Anselme di Bella.* La commedia di Menandro. Catania, 1912; *Варнеке Б. В.* Новые комедии Менандра. Казань, 1906, где дан и перевод (прозаический); ср.: *его же:* Menandrea // ЖМНП. 1909. Февраль; *его же.* «Кифарист» Менандра. Одесса, 1913 (Из сборника в честь Ф. И. Миленского); его же. Кисторитипа «Хвастливого воина» // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914.; его же. Комедия и риторика // ЖМНП. 1914. Июнь; *Церетели Г. Ф.* Новооткрытая комедия Менандра *Επιτρέποντες* // ЖМНП. 1908. Октябрь (отд. оттиск: СПб., 1908); в особенности его книга: *Церетели Г. Ф.* Новые комедии Менандра. Юрьев, 1914 (исследование, в котором находится и стихотворный перевод); рец. на эту книгу: *Толстой И. И.* // ЖМНП. 1914. Август.

² *Legrand P.-A.-E.-F.* Daos, tableau de la comédie grec pendant la période dite nouvelle (*Κομωδία, νέα*). Lyon, 1910; *Arnim G. v.* Kunst und Weisheit in der Komödie Menandres // NJb. 1910. XXV; *Черняев П. Н.* Отражение новой комедии, преимущественно комедий Менандра в пьесах Теренция. Харьков, 1913.

С. *Δήμοι* Евполида // ЖМНП. 1913. Ноябрь.

Найдено и новое сочинение знаменитого Архимеда — его послание к Эратосфену о некоторых теоремах механики 1.

Есть тексты и исторического содержания, кроме упомянутого уже большого отрывка из Оксирина (с. 181). Так, в Вюрцбургской коллекции папирусов имеется фрагмент Сосила², Ганнибалова спутника и учителя греческого языка; в фрагменте описывается морская битва между римлянами и карфагенянами и по поводу этого вспоминается сходный эпизод при Артемисии. Раньше мы не имели ни одной строчки этого писателя. А среди папирусов В. С. Голенищева имеется alexandрийская христианская «Всемирная хроника» с миниатюрами 3. Что касается «Страсбургского анонима», «Anonymus Argentinensis», папируса, принятого сначала за отрывок исторической хроники, которой издатель этого папируса Бруно Кейль посвятил целую монографию (1902), где, стараясь восстановить наполовину утраченный текст, высказал ряд смелых, остроумных и, по-видимому, блестящих догадок, комбинаций и выводов, то, как показал Вилькен⁴, это не есть историческая хроника, а, вероятно, комментарий к речи Демосфена против Андрогиона, и блестящие построения Кейля, его смелые восстановления текста и выводы разрушились.

¹ Heiberg J.L., Zeuthen H. C. Eine neue Schrift des Archimedes. Leipzig, 1907; есть в русском переводе: Одесса, 1909; Hermes. 1907. XLII; Archimedi opera omnia / Hrsg. v. J. L. Heiberg (2. Aufl.); Simon Max. Geschichte der Mathematik im Altertum in Verbindung mit antiker Kulturgeschichte. Berlin, 1909.

² Wilken Ulr. Ein Sosylos-Fragment in der Würzburger Papyrusammlung // Hermes. 1906. XLI.

3 Bauer A., Strzygowski J. Eine alexandrinische Weltchronik. Denkschriften der Wiener Akademie. Wien, 1905.

⁴ Wilken Ulr. Der Anonymus Argentinensis // Hermes. 1907. XLII; на русском языке: Толстой И. И. Anonymus Argentinensis // ЗКОРАО. 1908. Т. V. По Лакёру (Laqueur R. Die litterarische Stellung des Anonymus Argentinensis // Hermes. 1908. XLIII) это не комментарий, а «die Capitulatio eines Buches περί Δημοσθένους», может быть, Дидима.

Есть греческие папирусы медицинского содержания¹ и даже химического или алхимического².

Значение открытых папирусов. Благодаря всем этим открытиям и публикациям, общее число новообнаруженных текстов чрезвычайно возросло. Некоторое понятие об этом могут дать следующие цифры. По подсчету, сделанному еще в середине 90-х годов, найдено 24 рукописи с произведениями Гомера, 9 — с произведениями Еврипида, 5 — Аристотеля, Гиперида и Гесиода, а всего 112 рукописей одних литературных произведений, из коих 49 содержат новые для нас отрывки или сочинения. Но с середины 90-х годов материал наш еще более возрос, и в течение последних лет XIX в. издано около 1200 новых папирусных текстов. Теперь число таких текстов доходит до 10 000.

Нечего, конечно, и говорить о том, как важны для нас вновь обнаруженные произведения, раньше считавшиеся совершенно утраченными или бывшие совершенно неизвестными³. Но имеют

папирусы собрания В. С. Голенищева // ЖМНП. 1909. Ноябрь; Sudhoff K. Ärztliches aus griechischen Papyrus Urkunden. Leipzig, 1909; о новооткрытом сочинении милетского натурфилософа см.: Diel H. // Deutsche Literaturzeitschrift. 1911. № 30; Roscher W. H. Die neuentdeckte Schrift eines miletischen Naturphilosophen. Stuttgart, 1912; ego же. Über Ater, Ursprung und Bedeutung der Hippokratischen Schrift von der Siebenzahl.

² Например: Papyrus Graecarum Holmiensis (P. Holm). Rezepte für Silber, Steine und Purpur, bearbeitet von O. Lagercrantz. Leipzig, 1913.

³ Кроме раньше уже названных изданий, см. еще: Diehl E. Supplementum lyricum. 1910. 2. Aufl. (новые отрывки Архилоха, Алкея, Сафо, Коринны, Пиндара); ego же. Supplementum Sophocleum; Arnim Ulr. v. Supplementum Euripides (все три «Supplementa» — в коллекции «Kleine Texte...» / Hrsg. von H. Lietzmann. Bonn); Edmonds I. M. The new fragments of Alcaeus, Sappho and Corinna. Cambridge, 1909; Hunt A. S. Tragicorum Graecorum Fragmenta Papyracea nuper reperta. Oxford, 1912; Jander K. Oratorum et rhetorum Graecorum nova fragmenta collecta adnotationibusque instructa. Bonnae, 1913; ср. ego же диссертацию об этих фрагментах (Bonn, 1913).

немалое значение и те папирусы, которые содержат текст уже известных нам раньше сочинений, так как нередко они представляют рукописи гораздо более древние, чем наши прежние, иногда — лет на 800 и даже 1000 древнее известных нам раньше кодексов. Есть рукописи, относящиеся к III в. до Р. Х., и таким образом в папирусах мы имеем традицию, которая непрерывно тянется в течение почти 1000 лет, с III в. до Р. Х. и до VIII столетия по Р. Х. (Вилькен). Папирусы, следовательно, важны и для установления надлежащего текста, для интерпретации и т. д. Что касается папирусов, содержащих документы, то, как мы уже говорили не раз, это самый разнообразный материал — счета, квитанции, контракты, завешания отдельных лиц, правительственные распоряжения, приказы, донесения, судебные приговоры, прошения, жалобы, письма и проч., — материал, знакомящий с государственным устройством, администрацией, судебными порядками, финансовой системой, хозяйством и вообще с состоянием Египта в александрийскую эпоху; и не только в александрийскую, но и в византийскую и даже арабскую: документы эти тянутся через огромный период, около 1300 лет, начиная с 311 г. до Р. Х. и кончая 996 г. по Р. Х. (Вилькен). На основании их возникла уже богатая литература. Каким драгоценным материалом могут служить эти папирусы в руках исследователя, в виде примера можно указать на капитальный труд русского ученого М. И. Ростовцева о колонате (*Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates*. Leipzig, 1910 [I. Beiheft zu Archiv für Papyrusforschung])¹, давший столько нового и подчас неожиданного. Но папирусы не только воскрешают перед нами, казалось, утраченные навсегда произведения классической литературы, не только содержат в себе документы, рисующие нам отношения между государством и населением, положение его юридическое, финансовое, социально-экономическое и т. п.; они поистине являются «человеческими документами», «documents humains», вводят нас в повседневную жизнь, раскрывают перед нами отношения людей друг к другу, их горе и радость,

¹ Резюме на русском языке: *Ростовцев М. И.* Римский колонат // Современный мир. 1912. Январь—февраль.

их заботы, их чувства. В особенности это нужно сказать о многочисленных дошедших до нас частных письмах I: то, как мы видели, родители приглашают гостей на свадьбу детей, то влюбленный пишет своей возлюбленной, то женщина — быть может, дочь или верная раба — жалеет, что не имеет крыльев, чтобы прилететь и поклониться «своему господину», то выражается сочувствие в горе, то мать тревожится о сыне, как его здоровье: «ты ведь знаешь тревогу матери», — пишет она; или интересуется ходом его учения; то сын, солдат, настойчиво просит прислать ему денег, то кредитор напоминает о долге, то записочка сопровождает посылку подарка или гостинца, то перед нами ряд приветствий и поклонов, и т. д...

В настоящее время коллекции папирусов находятся не только в крупных центрах; в Германии, например, почти каждая порядочная университетская библиотека стремится иметь свою коллекцию папирусов. Имеются они и в Африке (в Каире, Александрии), и в Америке (Чикаго). Существуют и частные собрания (например, лорда Амхерста (Amherst), у нас — В. С. Голенищева)².

В виду разбросанности подобного рода материала, посвященных ему публикаций и исследований, явилась настоятельная необходимость в каком-либо центральном органе, в котором сосредоточивались бы сведения по папирологии. Таким органом является «Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete» (1-й выпуск — 1900), основанный У. Вилькеном, одним из самых выдающихся современных знатоков папирусов. Другой известный специалист в этой области К. Вессели основал журнал «Studien zur Paläographie und Papyruskunde». Мелькает мысль и об издании полного собрания папирусов, «Corpus Papyrologum», наподобие «Corpus Inscriptionum»; но осуществление ее признается преждевременным, рискованным, ввиду не прекращающихся

¹ Об изданиях этих писем — выше: с. 463—464, примеч. 8.

² Этой коллекции, находящейся теперь в Москве, в Музее Изысканных искусств имени Императора Александра III, касаются первые выпуски «Памятников» названного музея (М., 1912).

крупных и совершенно неожиданных находок в области папирологии.

Зато после многолетней подготовки осуществлено другое издание — «Хрестоматия» папирусов, собрание наиболее важных и интересных образцов, целиком или в отрывках, нечто вроде «Sylloge inscriptionum graecarum» Диттенбергера. Это — «Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde», изданные под редакцией Л. Миттейса и У. Вилькена (Leipzig; Berlin, 1912), в 2 частях и в 4 книгах 1. Вилькен, профессор древней истории, обработал «Историческую часть»; другой, Миттейс, известный ученый-юрист и вместе с тем знаток греческого языка и греческих папирусов, обработал часть «Юридическую». Каждая из этих частей состоит из двух отдельных объемистых книг. В одной книге мы находим «Grundzüge», «Основные черты», или результаты исследования папирусов, обзор Египта времен Птолемея, эпохи римской, византийской и арабской, у Вилькена — с исторической стороны, у Миттейса — с юридической. Другая книга — собственно «Хрестоматия», содержащая интереснейшие греческие папирусы, знакомящие нас со строем и жизнью Египта, начиная с эпохи эллинизма и кончая господством арабов. Таким образом, в общем издание это не только «Хрестоматия»: «Grundzüge» как Вилькена, так и Миттейса представляют собою сжатые, но обстоятельные обзоры, крупные ученые труды, весьма ценные монографии, принадлежащие перу лучших специалистов. Так, Вилькен в своих «Grundzüge» дает «введение», в котором содержатся сведения относительно папирологии (открытие папирусов, издание их, язык, письмо и т. п.), затем — общий исторический очерк формы правления, местной администрации, греческих городов, населения (гл. I), религии и культа (гл. II), воспитания (гл. III), финансов (гл. IV), податной системы (гл. V), промышленности и торговли (гл. VI), поземельных отношений (гл. VII), повинностей (гл. VIII), продовольственного дела (гл. IX), почтового и транспортного (гл. X), военного и полиции (гл. XI), нако-

¹ Рецензии (на английском языке): *Bell H.J.; Winogradov P. C.* // *Klio*. 1913. XIII.

нец — характерные черты из народной жизни (гл. XII). По таким же рубрикам распределены и папирусы в «Хрестоматии». В «Grundzüge» почти в каждой главе обзор ведется по эпохам Птолемеевой, римской, византийской, арабской. Это — капитальное пособие и для изучения эллинизма.

Собрание греческих папирусов, содержащих документы, можно найти также в упомянутом уже издании Фр. Преисигке 1.

Несколько изданий более популярного или доступного характера со своей стороны удовлетворяют потребности иметь сборник или хрестоматию наиболее характерных папирусов ². С палеографией папирусов, их начертанием и видом знакомят названные уже раньше (с. 462) таблицы В. Шубарта, а также К. Вессели в своем издании «Papyrologum Scripturae graecae Specimina isagogica» (1900). Грамматику греческих папирусов времени Птолемея составил Эд. Майзер (Mayer) ³.

Над разбором, изданием и исследованием греческих папирусов в настоящее время работает ряд ученых. Кроме уже названных выше, следует отметить еще имена Дж. Лумброзо ⁴ и немецких юристов Л. Миттейса 5,

¹ *Sammelbuch der griechischen Urkunden aus Ägypten* / Hrsg. von Preisigke E Strassburg, 1913; *Wessely K.* Griechische Papyrusurkunden kleinerer Formats // *Studien zur Paläographie und Papyrusurkunden*. H. III [1904] und VIII [1908]). Вилькен готовит издание «Urkunden der Ptolemäerzeit».

² *Milligan C. D. D.* Selections from the Greek Papyri. Cambridge, 1910; *Helbing R.* Auswahl aus griechischen Papyri. Leipzig, 1912; *Laudien A.* Griechische Papyri aus Oxyrhynchos für den Schulgebrauch ausgewählt. Berlin, 1912; *Ziebarth E.* Aus der antiken Schule. Sammlung griechischer Texte auf Papyri, Holztafel, Ostraka... // *Kleine Texte*. Bonn, 1910.

³ *Mayer E.* Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit... Lpz., 1906; ср.: *Thumb A.* Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Strassburg, 1901.

⁴ *Lumbroso C.* Recherches sur l'économie politique de l'Égypte sous les Lagides. Turin, 1870,— труд, составивший эпоху; *id.* L'Egitto al Greci e dei Romani. Roma, 1895 (2-е изд.).

⁵ Ему принадлежит капитальный труд: *Mitteis L.* Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Lpz., 1891, в котором он воспользовался папирусами. О «Хрестоматии» — выше.

О. Граденвица¹, Л. Венгера², у нас — из юристов — Б. Н. Фрезе³ и Г. А. Семеку-Максимовича⁴, из историков — М. М. Хвостова⁵, из филологов — Г. Ф. Церетели, А. Г. Бекштрема. И тем не менее издана лишь часть громадного материала; еще меньшая доля его разработана; остальное ждет еще публикаций и дальнейших исследований.

Острака. По характеру и содержанию близко стоит к рассмотренным публикациям папирусов издание У. Вилькена «Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien» (Leipzig; Berlin, 1899. 2 Bde.)⁶, предпринятое им по побуждению Моммзена. В Египте черепки служили даровым писчим материалом; ими, между прочим, пользовались банковские чиновники и сборщики податей для квитанций. Изданные Вилькеном надписи и представляют подобного рода расписки. При всей незначительности каждой из них в отдельности, в общем они в свою очередь проливают немало света на финансовое управление. Египта в греко-римскую эпоху. Вилькен не только их издал, но и снабдил обширным введением, в котором сумел выяснить все значение этого

¹ *Gradenwitz O.* Einführung in die Papyruskunde. Leipzig, 1900, и статьи в «Archiv für Papyrusforschung»; *Gradenwitz O.*, *Preisigke F.*, *Spiegelberg W.* Ein Erbstreit aus dem Ptolemäischen Ägypten. Strassburg, 1912.

² *Wénger L.* Rechtshistorische Papyrusstudien. Graz, 1902; *он же.* Papyrusforschung und Rechtswissenschaft. Graz, 1903; *он же.* Die Stellvertreter im Rechte der Papyri. Leipzig, 1907.

³ *Фрезе Б. Н.* Греко-египетские частно-правовые документы // Юридические записки Демидовского лицея. 1911.1; *он же.* Очерки греко-египетского права. Ч. I. Ярославль, 1912.

⁴ *Семека-Максимович Г. А.* Ptolemäer Prozessrecht. München, 1913. Heft. I. (до последнего времени Г. А. Семека был приват-доцентом в Мюнхене, теперь — в Харькове).

⁵ См. далее. О Г. Ф. Церетели — выше, с. 467, примеч. 1; о А. Г. Бекштреме — с. 500, примеч. 1.

⁶ *Ростовцев М. И.* Новые данные для истории финансового управления греко-римского Египта // ЖМНП. 1900. Март.

на первый взгляд однообразного и скучного источника и осветить с помощью его историю финансового управления греко-римского Египта¹.

Пергаментные рукописи. В конце XIX и начале XX в. сделаны замечательные открытия не только по части папирусных рукописей, но и иных. Так, Р. Рейтценштейн (Reitzenstein) открыл в одном ватиканском палимпсесте отрывки из 7-й книги «Истории диадохов» Арриана (см. с. 230); А. И. Пападопуло-Керамевс обнаружил новые отрывки из лексикона, из истории Александра Македонского (неизвестного автора) и из Аполлодоровой «Библиотеки». Среди рукописей, поступивших в Императорскую Публичную библиотеку от епископа Порфирия Успенского, В. К. Эрнштедт открыл на лоскутках пергамента фрагменты из Менандра². Отрывки эти отчасти были уже известны до того: их издал К. Кобет в 1876 г. по копии Тишендорфа; но рукопись считалась затерянной. Еп. Порфирий нашел ее в монастыре Св. Екатерины на Синае. В. К. Эрнштедт не только, так сказать, вторично открыл отрывки, но и прочитал в рукописи вдвое больше, чем Тишендорф.

В том же монастыре Св. Екатерины на Синае две англичанки, сестры Льюис, среди христианских рукописей нашли и некоторые сочинения древних авторов. — Недавно в Курдистане, к северу от Багдада, местные крестьяне случайно нашли глиняный сосуд с тремя пергаментными свитками, один из которых написан по-гречески, другой — по-гречески и по-пехлевийски,

¹ Ср.: Gardiner. Al., *Thompson H.*, *Milne J. G.* Theban ostraca. Edited from the originals, now mainly in the Royal Ontario Museum of Archaeology, Toronto, and the Bodleian Library, Oxford. Part I. Hieratic Texts: by Alan H. Gardiner; Part II. Demotic Texts: by Herbert Thompson; Part III. Greek Texts: by Joseph Grafton Milne; Part IV. Coptic Texts: by H. Thompson. Toronto, 1913; *Preisigke F.*, *Spiegelberg W.* Die Prinz-Joachim-Ostraka. Strassburg, 1913.

² *Ernstedt В. К.* Порфирьевские отрывки из аттической комедии. СПб., 1891.

третий — только на пехлевийском языке. Документы относятся к I в. до Р. Х. и касаются наследственной аренды земли I. Находятся они теперь в Кембридже.

В числе недавних находок не лишены интереса также свинцовые или деревянные таблички с разными надписями. Например, на одной свинцовой табличке Берлинского музея дошло до нас в оригинале «древнейшее греческое письмо» (V—IV вв. до Р. Х.)². Другое подобное же частное письмо в оригинале (первой половины IV в.) и тоже на свинцовой табличке, быть может, из Ольвии, приобретенное в 1902 г. Императорскою Археологическою комиссиею, в нескольких строках, в чрезвычайно лаконической форме, содержит в себе поручение некоего Артикона его «домашним» (*τοῖς ἐν οἴκῳ*)³. Некоторые таблички принадлежат к числу школьных документов; это прописи⁴ с увещанием учителя: «старайся», или с угрозой: «будь прилежен, мальчик, чтобы тебя не драли».

Впрочем, здесь мы входим уже в область эпиграфики.

Эпиграфика и раскопки

Эпиграфика. Эпиграфика в 90-х годах истекшего и в начале XX века стояла, по сравнению с папирологией, как бы на втором плане, но и она продолжала развиваться⁵. Именно к рассматриваемому периоду относится большинство тех изданий, которые упомянуты раньше, на с. 75. Открыто много новых важных и интересных надписей; некоторых из них я

¹ Предварительное сообщение Дейсмана из Берлинского Археологического общества; см. заметку М. М. Хвостова // Русские ведомости. 1914. 9 января.

² *Wilhelm Ad.* Der älteste griechische Brief // Jahreshefte des Oesterreicher Archäologischen Instituts in Wien. VII.

³ *Латышев В.В.* // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 10 (1904). С. 10-13.

⁴ Две таких таблички имеются в Эрмитаже: *Церетелу Г. Ф.* Памятники греческой письменности из Египта // ЖМНП. 1909.

⁵ Кроме уже указанных, см., например: *Reinach A.* Bulletin annuel d'épigraphie grec. Paris, 1909.

коснусь далее, в связи с раскопками. Общее число известных теперь надписей доходит до 100 000. Между прочим подготавливается «Corpus inscriptionum christianarum»; обработка материала распределена между Ж. Лореном (Laurent) и Фр. Кюмоном (Cumont)¹. Возникли новые эпиграфические журналы².

К именам уже нам известных знатоков надписей следует присоединить из иностранных ученых прежде всего имена И. Ф. Гиллер фон Гертингена (Hiller von Gaertingen), исследовавшего преимущественно надписи о. Феры, и в особенности даровитого австрийского эпиграфиста Адольфа Вильгельма (род. в 1864 г.), «этого истинного художника в деле чтения, восстановления, а иногда и объяснения греческих эпиграфических текстов, как новых, так и старых»³, которому принадлежит ряд замечательных трудов⁴. Затем можно назвать французских ученых Ф. Дюррбаха (Durrbach), редактирующего издание делосских надписей в «Inscriptiones Graecae» (т. XI) и

¹ Есть сборник: *Lefebvre G.* Recueil des inscriptions grec chrétiennes. Le Caire, 1907. О греческих христианских надписях — несколько интересных «Заметок» Н. И. Новосадского // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914. Из новейших американских изданий можно назвать: *Prentice W. K.* Greek and latin... Inscriptions in Syria. Leyden, 1908 [-1922].

² Например: «Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts»; «Revue épigraphique» (новая серия под ред. Ад. Рейнака); «Αθηναίς»; «Ἀρχαιολογία».

³ *Жебелев С.А.* Новые материалы по греческой эпиграфике // ЖМНП. 1910. Ноябрь.

⁴ Например: *Wilhelm Ad.* Urkunden dramatischer Aufführungen in Athen. 1906 (по поводу этого: *Варнеке Б. В.* Новые документы по истории аттического театра. Казань, 1908); *Wilhelm Ad.* Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. 1909 (о них — названная статья С. А. Жебелева); *Wilhelm Ad.* Neue Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. 1911; *он же.* Attische Urkunden. 1911; *он же.* Urkunden des attischen Rechtes // SB Wien. 1909. X; *он же.* Die lokrische Mädcheninschriften // JOAI. 1911. XIV; ср.: *Никитский А. В.* *Αἰωνεῖα* // ЖМНП. 1913. Январь-февраль.

опубликовавшего¹ найденные на Делосе при раскопках 1906—1909 г. документы финансового управления, Э. Бурге (Bouguet) и Колена (Colin), работающих над дельфийскими надписями², греческого — А. С. Арванитопуло, издавшего большое число фессалийских надписей³, немецких — рано умершего (в 1894 г.) Г. Г. Лоллинга (см. выше, с. 425), инспектора Эпиграфического музея в Афинах, В. Ларфельда, автора руководства по греческой эпиграфике (см. с. 59, примечание, и с. 75—76), Г. Свободу⁴, Вольтерса, а у нас — С. А. Жебелева⁵, Р. Х. Лепера⁶, А. М. Придика⁷ и Е. М. Придика⁸, С. А. Селиванова⁹, В. В. Шкорпила, публикующего надписи боспорские¹⁰.

К рассматриваемому периоду относится появление в свет и крупных работ А. В. Никитского, которые посвящены

¹ *Durrbach F.* // BCH. XXXV-XXXVI.

² См.: Fouilles de Delphes, exécutées aux frais de gouvernement Français par l'École Française d'Athènes sous la direction de Th. Homolle (1892—1901). Vol. III, с надписями.

³ В «Revue de philologie» и «*Ἐφημερίς Αρχαιολογική*» за последние годы.

⁴ См.: *Swoboda H.* Die griechischen Volksbeschlüsse. Leipzig, 1890.

⁵ *Жебелев С. А.* Религиозное врачевание в древней Греции. СПб., 1893 (отдельный оттиск из ЗКОРАО. VI); *его же.* К истории образования после-Клисфеновых фил // *Στέφανος*. Сб. ст. в честь Ф. Ф. Соколова. СПб., 1895; *его же.* Из истории Афин. 229—231 годы до Р. Х. СПб., 1898; *его же.* *Ἀρχαϊκά*. В области древностей провинции Ахайи. СПб., 1903.

⁶ Лепер Р. Х. К вопросу о демах Аттики // ЖМНП. 1891-1893; *его же.* Die Trittyen und Demen Atticas // AM. 1892. XVII.

⁷ *Придик А. М.* De Cei insulae rebus. Dorpat, 1892.

⁸ Им, например, изданы с объяснениями (ЖМНП. 1900. Апрель) некоторые малоазиатские надписи, списанные Я. И. Смирновым во время экспедиции в Малую Азию, а в «Известиях Русского Археологического института в Константинополе» [ИРАИК] (1896), — фессалийские.

⁹ Кроме статей, см.: *Селиванов С. А.* Очерки древней топографии о-ва Родоса. Казань, 1892.

¹⁰ См.: Известия Императорской Археологической комиссии.

дельфийским надписям и о которых я уже раньше упоминал¹, равно и его «Критических заметок» по поводу издания Пелопоннесских надписей² и серии других статей по эпиграфике³, всегда богатых тщательными наблюдениями, нередко новыми восстановлениями и интересными методологическими замечаниями.

Среди греческих археологов, кроме названных уже раньше, следует отметить еще В. Стаиса и Х. Цунтаса.

Археологические институты. В 1899 г. при Эпиграфическо-археологическом семинарии в Вене, основанном А. Конце и Гиршфельдом, образовался Археологический институт⁴, органом которого служат «Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts in Wien», издание, заменившее прежнее «Archäologisch-epigraphischen Mittheilungen aus Oesterreich-Ungarn», и австрийские ученые начали принимать более деятельное участие в раскопках в пределах древнегреческого мира.— Италия, раньше не имевшая особого учреждения в Афинах, в 1909 г. учреждает там свой Археологический институт, открытый весной следующего года. Как энергично итальянцы работают, показывает следующий пример: во время войны с Турцией в 1912 г. на занятых

¹ См. выше, с. 375. О В. В. Латышеве и некоторых других русских эпиграфистах см. там же.

² *Никитский А. В.* Критические заметки // ЖМНП. 1903. Ноябрь — 1904. Март; ср.: *он же.* Автофон Баунака // ЖМНП. 1900. Ноябрь.

³ См. ЖМНП за последние 10 лет. Из них главнейшие: *Никитский А. В.* Эпидаврийский список павших в Исфмийской битве 146 г. до Р. Х. // ЖМНП. 1905. Март—апрель; *его же.* К Амфикиониевским надписям этолийского времени // ЖМНП. 1912. Март; *его же.* Римляне о царе Персее // ЖМНП. 1906. Апрель; *его же.* О западно-локридской надписи // ЖМНП. 1911. Январь—март; *его же.* О списках пожертвований IV в. на Дельфийском храме // ЖМНП. 1912. Май, и в особенности статья в январско-февральской книге за 1913 г. о локридской надписи, касающейся посылки девушек в Илион как очистительной жертвы, дающая много поправок к реконструкции такого знатока, как Вильгельм.

⁴ *Studniczka F.* Das Oesterreichische Archäologische Institut und seine Zeitschrift // NJb. 1899. III; (*Eier.* (Oesterreichische Forschungen// Jahresberichte des K. K. Maximilians-Gymnasium. München, 1903—1904.

итальянцами островах Эгейского моря находилась их археологическая миссия (под руководством Gerola) для изучения античных и средневековых памятников. Центром миссии служил Родос, откуда предпринимались поездки на другие острова. По окончании миссии здесь оставлен был Итальянским институтом в Афинах специалист (Тогго) для продолжения исследований и раскопок. — В 1899 г. учреждено английское общество для производства археологических разысканий на Крите — «Cretan Exploration Fund».

Основанный в Константинополе Русский Археологический институт (1894) имеет более в виду византийские памятники; его цель — «направлять на месте научные занятия русских ученых древностями и историей Греции, Передней Азии и вообще земель, входивших в состав Византийской империи, преимущественно времен христианства». Тем не менее и он содействовал изучению памятников классической древности, особенно в лице Б. В. Фармаковского, специалиста по классической археологии I, и уже упомянутого Р. Х. Лепера, бывших в течение нескольких лет секретарями Института. — В Бейруте французскими иезуитами основан университет Св. Иосифа (Université Saint-Joseph); его восточный факультет издает (с 1906 г.) «Mélanges», в которых публикуются греческие и латинские надписи Сирии.

Раскопки. В конце XIX и начале XX в. раскопки² продолжались почти во всех тех местах, где производились они и раньше; частью велись в некоторых новых. Усовершенствованные пути сообщения, применение фотографии и т. п. много способствовали их успеху.

¹ См. например: **Фармаковский Б. Ф.** Микены и Финикия // ФОб. 1896. XI (по поводу теории Гельбига); **он же.** Лесха кнудян в Дельфах // ИРАИК. 1899. IV; Вазовая живопись и ее отношение к монументальному искусству в эпоху после Греко-персидских войн // ЗИМАО. 1899 след. (дисс.). О его раскопках в Ольвии — ниже.

² **Hiller Gxrringen F. von.** Ausgrabungen in Griechenland. Berlin, 1901; **Bosanquet R. C., Todd M. N., Dawkins R.M. et al.** Archaeology in Greece // JHS. XXII ff; **Шукарев А. Н., Жебелев С. А.** Археологическая хроника (раздел)//ФОб. (с 1891 г.).

Самыми замечательными из них являются раскопки Дёрпфельда в Афинах и Трое, Французской школы в Дельфах и особенно открытия англичанина А. Эванса и итальянских археологов на Крите.

Раскопки Дёрпфельда в Афинах. В. Дёрпфельд, архитектор и археолог, участвовавший в раскопках в Олимпии, сотрудник Генриха Шлимана, своими изысканиями в Афинах пролил новый свет на строительную деятельность времен Кимона и Перикла и поднял ряд вопросов, отчасти еще не вполне решенных и теперь.

Дёрпфельд исследовал Пропилеи¹ и уже в 80-х годах пришел к заключению, что план их был задуман еще в Кимонову эпоху и притом в более грандиозном виде, нежели в каком он был потом осуществлен. По Дёрпфельду, фундамент для Парфенона заложен тоже при Кимоне. Таким образом, археологическими изысканиями его, а отчасти и других, опровергается мнение, по которому Кимон в отношении строительной деятельности противопоставлялся Периклу; первый, оказывается, был в этом отношении предшественником второго, который лишь продолжал его дело; органичность и преемственность развития в истории Афин находит себе подтверждение и в результатах археологических исследований... Дёрпфельд открыл тоже рядом с Эрехтейоном древний храм (Афины или старый Гекатомпедон) времен еще Писистратидов² и тем еще более подтвердил мысль, что среди мусора, оставшегося со времени нашествия персов, скрываются многочисленные памятники, которые еще могут быть извлечены на свет.

Дёрпфельд исследовал театр Диониса и выставил новую теорию касательно устройства греческих театров вообще, по которой актеры играли не на т. наз. проскении или сцене, а у проскения, на оркестре³. Далее, он произвел раскопки между ареопагом и

¹ **Dörpfeld W.** Mittheilungen. X. 1885.

² Там же. XI. 1886; XII. 1887.

³ **Dörpfeld W., Reisch E.** Das griechische Theater. Beirträge zur Geschichte des Dionysos-Theater in Athen und anderen griechischen Theatern. Athen, 1896. О греческом театре: **Müller Alb.** Lehrbuch der griechischen Bühnenalterthümer (в новом издании Hermann's Lehrbuch, о котором на с. 322); новейший большой труд: **Groh Fr.** Recke divadlo. Praha, 1909.

Пниксом, вообще исследовал топографию Афин. Греческое правительство экспроприировало весь западный склон ареопага и передало его в ведение Немецкого Археологического института, по поручению которого Дёрпфельд и начал свои раскопки. Его разыскания касались главным образом источника, принимаемого им за *έννεακροῖνος*, — гипотеза, вызвавшая тоже спор 1, — и округа, посвященного Дионису; по мнению Дёрпфельда, здесь находился Ленеийон, святилище Диониса Ленеийского, что в «Болотах».

Говоря о раскопках Дёрпфельда в Афинах, мы должны упомянуть и о греческих археологах. Так, П. Каввадий произвел раскопки у акропольской скалы и нашел здесь надпись середины V в. до Р. Х., которая может решить спорный вопрос о времени построения храма Бескрылой Победы (Бенндорф относил это построение к эпохе Кимона, а Фуртвенглер — к 426/425 г.): из надписи видно, что строителем храма был знаменитый Калликрат и что постройка относится ко времени Перикла.

Еще важнее раскопки Дёрпфельда на месте древней Трои².

Исследование VI города на Гиссарлыке. Генрих Шлиман, как известно, всю свою жизнь мечтал об открытии гомеровской Трои и полагал, что открыл ее в слое второго города на Гиссарлыке. Но незадолго до своей смерти, в 1890 г., в слое шестого го-

¹ На русском языке: *Малинин А. А.* Спорные вопросы топографии Афин. СПб., 1900; то же и на немецком языке; *его же.* Hat Dörpfeld die Enneakrunos-Episode bei Pausanias tatsächlich gelöst?.. Wien, 1906; ср.: *Prdsek J. V.* // Ceske Museo Filologicke. 1897. III; *Groh Fr.* // Listy Filologicke. 1897.

² *Dörpfeld W.* Troja. 1893. Bericht über die im Jahre 1893 in Troja veranstalteten Ausgrabungen... Leipzig, 1894; *он же.* Troja und Ilion. Athen, 1902. 2 Bde.; см. также: *Mdchhöfer A.* Auf den Pfaden Homers // Deutsche Rundschau. 1896, April; «Археологическая хроника» С. А. Жебелева, со слов М. И. Ростовцев а (*Ростовцев М. И.* Археологическая хроника римского Запада // ФОб. 1895. IX); *Бердяев С.* Новые раскопки в Трое // ИВ. 1895. Январь.

рода (который он ошибочно признавал за лидийский и который еще глубже зарыл массой земли, сбрасываемую на периферию холма во время раскопок нижних слоев) он нашел фундаменты и черепки микенской эпохи и предполагал в будущем точнее исследовать этот шестой город. Но Шлиман умер, и его дело продолжал его сотрудник Дёрпфельд.

Раскопки Дёрпфельда, которые он вел в 1893 г. на средства г-жи Шлиман, привели к чрезвычайно важным результатам, и на следующий год он их возобновил уже на средства, данные императором Вильгельмом. Шестой слой был раскрыт. Оказалось, что это был большой город или, точнее, акрополь, равный тирифскому. Он окружен колоссальной каменной стеною, подобною тем, какие существовали в Микенах и Тиринфее, но более усовершенствованной кладки, из прекрасно пригнанных один к другому камней. Стена идет полукругом, ломаную линию, с небольшими выступами на известном расстоянии. Южная, восточная и отчасти западная сторона ее сохранились; северо-западная же, по-видимому, была разобрана еще в древности на постройку соседних городов. В стене имелось по трое ворот и по три башни, из которых особенно интересна северо-восточная, больших размеров, с крепкими стенами и с колодцем внутри. Самый акрополь поднимался террасами. Найдены развалины зданий, из коих некоторые из прекрасно тесанных камней (вспомним *θάλαμοι ξεστοῖο λιθοῖο* у Гомера), и многочисленные сосуды (между ними огромные пифосы) и черепки микенской эпохи.

В. Дёрпфельдом в сотрудничестве с другими лицами обнародован обширный труд: «Troja und Ilion» (1902), в котором в ясной и сжатой форме излагаются результаты всех открытий на Гиссарлыке, начиная с первых раскопок Шлимана и кончая 1894 г., и таким образом подводится итог всему сделанному и открытому. В общем получается картина смены или развития культуры на Гиссарлыке в течение долгого периода существования здесь разных поселений и городов. С точки зрения историка особенно интересны в этой книге «История раскопок», «Гомеровская

Троя» (оба отдела принадлежат самому Дёрпфельду) и «История Трои и Илиона» (написанная Альфредом Брюкнером [Brückner]). Главный же результат раскопок Дёрпфельда тот, что и на месте древней Трои существовала микенская культура и что если можно отождествлять какой-либо город на Гиссарлыке с Троей Гомера, то лишь шестой, несомненно принадлежавший к микенскому периоду, а не второй, который был принят Шлиманом за гомеровскую Трою, но который в действительности гораздо древнее не только ее, но и микенской эпохи.

Затем Дёрпфельд был занят исследованием Левкадии, которая, по его мнению, и есть гомеровская Итака I, родина Одиссея, раскопками в Пергаме и в древнем Пилосе, у нынешнего Kakovatos, где найдены куполообразные могилы микенской эпохи².

Раскопки в Дельфах. Древности Дельф³, этого общенационального греческого святилища, «общего очага Эллады» (*κοινή*

¹ *Dörpfeld W.* // JDAI. XVII; *его же.* Leukas. 1905; *Ruler H.* Mit Dörpfeld nach Leukas-Ithaka und dem Pelopon. Halberstadt, 1911. За Дёрпфельда: *Coessler P.* Leukas-Ithaka, die Heimat des Odysseus. Stuttgart, 1904; против: *Michael H.* Das homerische und das heutige Ithaka. Jauer, 1902; *он же.* Die Heimat des Odysseus. Jauer, 1905. Вообще по этому вопросу мнения спорные и большая литература; обзор ее: *Draheim P.* // Wochenschrift für klass. Philologie. 1906. № 49, который еще до Дёрпфельда высказывал сомнения относительно Итаки как родины Одиссея. Ср. еще: *Goekopp.* Ithaque la Grande. Athènes, 1908 (за Кефалонию); *Engel E.* Der Wohnsitz des Odysseus, Ithaka oder Leukas. Leipzig, 1912 (против Дёрпфельда); *Stürmer F.* Zur Frage des Homerischen Dulichion // Berliner Philologische Wochenschrift. 1913. № 52.

² *Dörpfeld W.* At-Pylos // MDAI. 1908. XXXIII; 1913. XXXVIII; *Müller K.* // Ibid. 1909. XXXIV.

³ *Foucart P.-F.* Mémoire sur les ruines et l'histoire de Delphes (написано в 1861 г., напечатано в 1865 г. в «Archives des Missions scientifique et littéraire»); отчеты о раскопках преимущественно Ж. Омолля (Homolle), Э. Бурге (Bourguet), Ж. Колена (Colin) в ВСН и в Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions; а в особенности — выходящее теперь монументальное (5 т.) издание: Fouilles de Delphes, exécutées aux frais de gouvernement Français par l'École Française d'Athènes sous la direction de

εστία της Ελλάδος), должны были, естественно, возбуждать к себе особый интерес археологов. Однако от древностей этих, до начала исследований, казалось, почти не осталось следа, и один французский ученый говорил в 20-х годах истекшего века: «Тщетно искать в Дельфах следов славного храма Аполлона, местоположение которого совершенно неизвестно». Начало разысканиям в Дельфах положил К. О. Мюллер исследованием т. наз. полигональной или пеласгической стены и собранием дельфийских надписей. Затем другим пионером в этой области явился П. Фукар, который далее исследовал полигональную стену и открыл немало надписей, частью сам, и притом по собственной инициативе (1860), частью вместе с Вешером (1861). Последний продолжил разыскания Фукара (1862) и исследовал¹ знаменитую так называемую «двуязычную надпись», «monument bilingue» (на греческом и латинском языке), относящуюся ко времени Траяна² и касающуюся пограничных или межевых споров дельфийцев с соседями. После сравнительно долгого перерыва Б. Оссулье открыл новые части полигональной стены, портик афинян и священную дорогу. Желая систематически исследовать Дельфы, французы вступили в переговоры с греческим правительством относительно раскопок и необходимого для этой цели отчуждения земли. Но долго переговоры эти ни к чему не приводили. Одно время греческое

Th. Homolle (1892—1901). Кроме того: *Bourguet E.* Les Ruines de Delphes. Paris, 1914; *Philippson A., Hiller von Gaertingen, Pomtow H.* Delphoi // RE. Bd. IV; *Luckenbach H.* Olympia und Delphi. 1904; исследования Г. Помтова (Pomtowa) (Beiträge zur Topographie von Delphi. Berlin, 1889; *Pomtowa H.* // RhM. 49, 51-52; NJb. 153; AM. XX; Philologus; Berliner Philologische Wochenschrift. 1906, 1909, 1911-1912; Klio. 1907 ff., 1912); *Perdrizet M.* Die Hauptergebnisse der Ausgrabungen in Delphi // NJb. 1908. XXI; *Люперсолюский П. И.* Храмовой город Дельфы... СПб., 1869; *Никитский А. В.* Дельфийские эпиграфические этюды. Одесса, 1894—1895.

¹ *Wescher K.* Etude sur le monument bilingue de Delphes. Paris, 1868. Текст надписи: CIG. 1711; CIL. III. 567.

² См.: *Жебелев С. А.* *Ἀρχαία*. С. 115 след.

министерство предлагало даже Германии получить право на раскопки в Дельфах; но Берлинская Академия наук весьма великодушно отказалась, в виду, так сказать, нравственных прав на это Франции¹. Тем временем в Дельфах произведены были исследования немецким ученым Г. Помтовым (Pomtow) и нашим соотечественником проф. А. В. Никитским (с. 375).

Наконец, в 1891 г., когда во главе Французской школы в Афинах стал Ж. Т. Омолль, по мнению которого школа должна брать на себя предприятия, непосильные для отдельного лица, в министерство Буржуа старания французов увенчались успехом: французская палата вотировала кредит в 500 000 на раскопки, и с Грецией подписан был договор, предоставлявший Франции монополию археологических разысканий в Дельфах на 10 лет.

На первых порах Французской школе, на которую выпало выполнение задачи, приходилось бороться с большими трудностями. Нужно было экспроприировать до 1000 домов или земельных участков, целую деревню (Кастри) перенести на другое место, проложить дороги по крутизнам. Местные жители оказывали противодействие работам, и дело доходило даже до волнений и нападений. Сначала приходилось вести раскопки под прикрытием вооруженной силы... Тем не менее, начиная с 1893 г. идет ряд замечательных открытий, а по поводу уже раскопок следующего года известный немецкий археолог Ад. Фуртвенглер заметил, что «раскопки эти дали нам такие сокровища, о существовании которых мы даже и не подозревали». Раскопаны священная дорога, терраса, поддерживавшая храм, развалины самого храма и других зданий. Храм, впрочем, не оправдал ожиданий и несколько разочаровал французов: он почти ничего не дал. Дело в том, что, как это установлено благодаря дельфийским же открытиям, старый храм, построенный Алкмеонидами, был разрушен ок. 373 г. пожаром или землетрясением, а новый

¹ Два американских капиталиста в свою очередь не жалели денег, лишь бы получить право на раскопки и на отчуждение участков.

храм тоже пострадал от пожара (в 83 г. до Р. Х.). Зато в других пунктах результаты оказались блестящими и во многих отношениях неожиданными. Так, открыто несколько сокровищниц, — сокровищница афинян, здание, очевидно, начала V в. до Р. Х., с замечательными метопами, с декретами, которыми исписаны были ее стены, с гимном Аполлону и с столькими архитектурными остатками, что оказалось возможным ее реставрировать; сокровищница кидяев, с ее фризами и фронтоном, сикионцев, фокидян, сифнийцев; фундамент лесхи кидяев, которая была украшена живописью Полигнота. Открыты театр, стадион, Касталии, храм Афины Пронаи. Найдено множество произведений искусства, из которых, кроме уже упомянутых метоп и фризов, достаточно назвать бронзовую статую т. наз. «возницы» (держашего в руке поводья; от колесницы и коней сохранились лишь фрагменты)², аканфовую колонну с кариатидами, мраморные копии с произведений Лисиппа. Число найденных надписей достигает нескольких тысяч (более 4500, а с прежде известными — около 6000). Особенно многочисленны документы об отпущении рабов на волю, затем декреты относительно амфиктионий и проксений, списки проксенов и победителей, дельфийских архонтов (с начала Третьей священной войны, 357 г. до Р. Х., до смерти Плутарха, т. е. до конца 20-х годов II в. по Р. Х.). Большинство надписей восходит, правда редко, к V в. и имеет отношение преимущественно к Дельфам; но надписи эти хорошо знакомят с гражданским устройством Дельф, с их властями, храмовым управлением и персоналом, генеалогией родов, с историей религиозных учреждений, процессий и почестей, с топографией и хронологией, с положением и формами отпущения рабов, с отношениями Дельф к Афинам и другим греческим

¹ О ней: *Фармаковский Б. В.* Лесха кидяев в Дельфах // ИРАИК. 1899. Вып. IV.

² Относительно этой статуи: *Washburn* // Berliner Philologische Wochenschrift. 1905. № 42; *Svoronos J. N.* // Ibid. № 49; *Duhn Fr. v.* Zum Wagenlenker von Delphi // MDAI. XXXI и др.

государствам, к эллинистическим монархиям и к Риму, с историей Этолийского союза¹. Между ними находятся такие интересные документы, как, например, устав фратрии Лабиадов², или как решение римского сената, вырезанное на цоколе сокровищницы афинян и касающееся распри между двумя обществами динисовых артистов³; найдена также пятистишная эпиграмма в честь Лисандра, декрет в честь Аристотеля за составление им списка победителей на Пифийских играх⁴. Наконец, дельфийские надписи важны в диалектическом отношении, для истории греческих диалектов. Но что особенно обратило на себя внимание среди дельфийских находок, так это гимны к Аполлону, на стенах афинской сокровищницы, даже с музыкальными знаками⁵, и пэан Дионису.

Таковы, в общих чертах, результаты раскопок в Дельфах, которые вела Французская школа. 10 лет и более 800 000 фр. было употреблено на них. Раздавались подчас жалобы — и не без основания — на то, что французы слишком медлят с публикацией открытых ими сокровищ. В настоящее время выходит в свет капитальное издание, посвященное раскопкам в Дельфах

¹ См. теперь III т. издания «Fouilles de Delphes», содержащий эпиграфический материал (Épigraphie); ср.: *Jardé*. Inscriptions de Delphes. Actes amphictyoöniques de la domination étolienne // BCH. 1903. XXVI; *Никитский А. В.* // ЖМНП. 1905. Март-апрель; *Colin J.* // BCH. 1903. 1906; *Cavaignac E.* Inscriptions de Delphes // Ibid. 1904); *Bourguet Em.* L'administration financière du sanctuaire Pythique au IV siècle. Paris, 1905.

² О нем: *Homolle Th.* // BCH. 1895. XIX; на русском языке: *Никитский А. В.* Дельфийские Лавиады // ЖМНП. 1898. Январь; февраль; октябрь; ноябрь.

³ *Colin J.* Inscriptions de Delphes // BCH. 1899. XXIII; *Dittenberger W.* IP, 930; по поводу этой надписи: *Жебелев С. А.* 'Αρχαία. С. 43 след.

⁴ *Colin J.* Notes de chronologie Delphique // BCH. 1898; *Pontow H.* // Berliner Philologische Wochenschrift. 1899. № 8.

⁵ А. Вейль их издал в BCH, а Т. Рейнак объяснил с музыкальной стороны и переложил на современные ноты; *Colin J.* L'auteur du deuxième hymne musical de Delphes // Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-rendus. 1913. Novembre.

(«Fouilles de Delphes»). Оно состоит из пяти томов, из коих I т. содержит введение, историю города Дельф, историю раскопок, собрание текстов, касающихся Дельф; II — посвящен топографии и архитектуре; III — эпиграфике; IV — скульптуре и V — малым бронзам, терракотам и различным древностям. Но и это издание подвигается очень медленно.

В ознаменование юбилея Французской школы в Афинах грек А. Сингрос, на средства которого воздвигнут музей в Олимпии, дал средства на устройство подобного же музея в Дельфах. Весною 1903 г. последовала передача французским правительством греческому дельфийских раскопок и торжественное открытие музея, закончившееся открытием бюста Сингроса. Можно отметить и другое щедрое пожертвование Французской школе в Афинах: богатый американец, француз по происхождению, герцог де Луба пожертвовал этой школе 300 000 на раскопки.

Тогда как в Англии, Америке, Германии успеху археологии содействовали частные общества своею деятельною поддержкою и субсидиями, во Франции до последнего времени не было подобного общества; но в январе 1904 г. и здесь возникло такое же общество для содействия археологическим исследованиям и раскопкам — «Société française de fouilles archéologique» под председательством Э. Бабелона (Babelon),

Открытия на Крите. Открытия начала XX в. на о. Крите¹ — едва ли не величайшие из всех, сделанных на греческой почве со времени Шлимана.

¹ Отчеты А. Эванса (Evans) в JHS и в ABSA, а также отдельно: *Evans A.* The palace of Knossos. Provisional report of the excavations... (отд. оттиск из ABSA. VII. 1900-1901); *Mackenzie D.* Cretan palaces and /Egeancivilization // ABSA. XI-XIV, 1904/5-1907/8; *Burrows R. M.* The Discoveries in Crete and their bearing on the History of ancient civilisation. London, 1908 (3 ed.); *Lagrange P. M. J.* La Crète ancienne. Paris, 1908; *Mosso A.* Excursioni nel Mediterraneo e gli scavi di Creta. Milano, 1910² (в английском переводе под заглавием: «The palaces of Crete and their builder». London, 1907); *он же.* Le Origine della civiltà mediterranea. 1912 (нов. изд.); *Maraghiannis C.* Antiquités Cretaises. Candie. 1907—1911 (2 серии, альбом рисунков с текстом G. de Karo); *Noack F.* Ovalhaus und Palast in Kreta.

С именем Крита связаны мифы о Зевсе, в образе быка похитившем прекрасную дочь Кадма, Европу, и уведшем ее на этот остров, сказания о Миносе, могущественном повелителе на море и одном из трех судей в подземном царстве, об изобретательном архитекторе Дедале и построенном им лабиринте, о чудовище Минотавре, Тесее и Ариадне. Остров этот находился близ восточных культурных стран, на периферии греческого мира, так сказать, на перепутье, при скрещении морских путей в восточной части Средиземного моря, и еще в начале 80-х годов прошедшего века А. Мильхёфер¹ указывал на Крит как на пункт, где надо искать разгадки микенского вопроса.

В конце 70-х годов к югу от Кандии (или Гераклиона), на месте древнего Кносса, «великого города», как называет его Одиссея, предполагаемой столицы Миноса, местный купец Минос Калокеринос открыл развалины древнего большого здания и несколько сосудов. Но что это за здание, было тогда еще не ясно; не-

Lpz., 1908; *его же*. Homerische Paläste. Leipzig, 1903; *Dörpfeld W.* Die kretischen, mykenischen und homerischen Paläste // MDAI. 1905. XXX; *Mdchöfer A.* // Deutsche Rundschau. 1912. Juni; *Gerland C.* // NJb. 1902. IX; *Titel.* // Ibid. 1903. XI; *Goeßler P.* Die Ausgrabungen aus Kreta // Preussische Jahrbücher. 1905. CXIX; ср.: 1907. CXXX; *Reinach A.* Les fouilles de Crète // Journal des Savant. 1909. October; 1910. Mars—mai; названные на с. 379, примеч. 2, труды, особенно Р. Дюссо (Dussaud), Р. фон Лихтенберга (Lichtenberg) (русский перевод: Лихтенберг Р., фон. Доисторическая Греция (Эгейская культура) / Пер. Г. Г. Генкеля; под ред. Б. В. Фармаковского. СПб., 1913); ср. *Lichtenberg F. G.* Über gegenseitigen Einfluß von Orient und Occident // Orientale Architektur. 1912. II. 4. Juli; Эд. Мейер (Meyer), Эм. Перютка (Peroutka), Д. Фиммен (Fimmen), А. Перро (Perrot) и Ш. Шипье (Chipiez) (т. VI); на русск. яз.: *Успенский Ф. И.* Вестник самообразования. 1904. № 13; *Bunper P. Ю.* Древний Восток и эгейская культура. М., 1913; *Сингалевич С. П.* Крит в начале исторического существования. Казань, 1912, и статьи в «Гермесе» за последние годы; *Кагаров Е. Е.* Основные моменты в истории крито-микенского искусства // ЗОО. XXIX, и его статьи в «Гермесе» за последние годы (с 1909 г.); о. *П. Флоренский.* Напластования эгейской культуры // Богословский вестник. 1913. Июнь. О раскопках итальянцев — ниже.

¹ *Milchhöfer A.* Die Anfänge der Kunst in Griechenland. Leipzig, 1883.

которые (например, Штильман (Stillmann), производивший раскопки здесь в 1881 г.) полагали, что это развалины лабиринта. Затем здесь намерен был производить раскопки Шлиман; но он встретил препятствия к приобретению участка, на котором должны были вестись раскопки; кроме того, он был отвлечен спором с Бёттихером из-за Трои (см. с. 392). Он умер, не успев осуществить свое намерение. В последующие годы, во время восстания на Крите и политических осложнений, не могло быть, конечно, и речи о правильных археологических исследованиях на острове. Только после его умиротворения, в самом конце XIX столетия, представилась возможность приняться за такие исследования.

«Дворец Миноса». Англичанин Артур Эванс, хранитель музея в Оксфорде, еще в 1894 и 1897 г. открывший на Крите памятники древнего, доэллинического письма, в целях дальнейших находок подобного рода на частные средства предпринял раскопки на месте древнего Кносса. Он приобрел в собственность участок, где находились развалины, получил разрешение критского правительства на производство раскопок и в марте 1900 г. начал их. Первая кампания продолжалась два месяца с небольшим; но результаты ее были изумительны.

Оказалось, что некогда здесь действительно существовал обширный дворец, по размерам далеко превосходивший дворец, открытый Шлиманом в Тиринфе; одна его половина, раскопанная в 1900 г., — почти такой же ширины, как тиринфский дворец, и длиннее его в полтора раза. По своему устройству он был гораздо сложнее; план его запутаннее и загадочнее, по крайней мере на первый взгляд. Он не был окружен циклопической стеною, подобно тому как это было в шестом городе на Гиссарлыке, в Микенах и Тиринфе.

Развалины этого дворца находятся на незначительной глубине (от 1 до 2 метров) от нынешнего уровня земли, и если от него сохранились остатки, то благодаря только тому, что местность эта в течение 3000 с лишком лет не была тронута ни заступом, ни плугом.

Стены дворца построены преимущественно из хрупкого материала, глиняных кирпичей и т. п.; но цоколи снаружи стен,

основания колонн и проч. состоят из каменных плит; местами, впрочем, кладка — из тщательно отесанных камней — превосходит даже кладку стены шестого города в Трое. Столпы были деревянные, и вообще дерево было в большом употреблении.

Развалины не достигают большой высоты; если тем не менее возможно судить об украшении стен, то потому, что штукатурка отвалилась от верхних частей здания, и Эванс чрезвычайно осторожно и предусмотрительно собрал эти остатки, предварительно скрепив гипсом лежавшие на земле куски штукатурки.

Не останавливаясь подробно на описании дворца, его плана и отдельных частей, я отмечу лишь самое характерное. Такова, например, зала с троном. Находящееся перед нею пространство было открыто во всю ширь; по-видимому, здесь были колонны; вело в это помещение 4 ступени; вдоль боковых стен шли каменные скамьи. В самой зале — седалище из алебастра в виде трона на 4 ножках, с высокою спинкою. Справа и слева от него тоже скамьи. На одной из стен, по бокам двери, изображено два грифа. В зале находилось нечто вроде бассейна или водоема, и в то время как одни считали эту залу «тройною», другие видят в ней купальню, а третьи сравнивают ее с impluvium помпейских домов.

С запада ко дворцу прилегал вымощенный плитами двор (другие два двора, восточный и южный, были внутренние, включены в самое здание). С юга к нему вел длинный коридор, который Эванс назвал «коридором процессии» (corridor of procession); по стенам его — фрески, изображавшие, по-видимому, какие-то процессии: нарисованы человеческие фигуры в натуральную величину, юноши, в пестрых передниках, с чашами в руках, мужчины в праздничном наряде и женщины. К сожалению, сохранились лишь одни нижние части фресок. Но пол можно различить по краске: тела женщин изображены белыми, а тела мужчин — темно-коричневыми. А в одном параллельном, более узком, коридоре имеется лучше сохранившееся изображение юноши: юноша с длинными локонами, одет лишь в пестрый передник; на шее — ожерелья, на руках — запястья, на ногах — тоже украшения; он держит перед собою чашу голубого

цвета. В другой части дворца найдено изображение мальчика, собирающего на лугу цветы в сосуд. По типу, одежде и атрибутам фигуры эти сходны с теми, которые изображают на египетских памятниках вельмож страны Кефта.

Еще интереснее своего рода миниатюры, открытые в других частях дворца, — небольшие фигуры, на белом фоне, изображающие элегантных «дам», кокетливо разряженных, с вычурною прическою, с длинными, ниспадающими черными волосами, очень декольтированных, с перетянутою талиею, в украшенных воланами платьях голубого и желтого цвета, с широкими, вздутыми рукавами, которые соединялись, по-видимому, на спине. Контуры фигур довольно резко обрисованы черными линиями, так что получается впечатление рисунка как бы пером. Дамы сидят и, по-видимому, ведут разговор. Вокруг них, на втором плане, изображены мужчины. — Имеется также рисунок головы девушки, белой и румяной, с черными «как смоль» локонами, названной «парижанкой». Встречаются и пейзажи.

Фрески эти впервые дали ясное понятие о живописи крито-микенской эпохи.

Распространенный в памятниках микенской эпохи мотив — скачущий бык, его ловля и усмирение, — мотив, который мы видим на фреске в Тиринфе и на золотом кубке из Вафио, встречается и в Кноссе: одна фреска изображает, например, разъяренного или скачущего быка, которого схватывают за рога; здесь же изображены мужчина, готовящийся сделать прыжок на спину быка, и женщина. Вообще в Кноссе нередко изображения быка, иногда в естественную величину, то в виде фрески, то в виде рельефа; есть раскрашенная скульптура головы быка.

Особенно часто во дворце в Кноссе встречаются изображения двойного топора; на камнях и других предметах имеются изображения демонов или существ с звериными головами (по мнению некоторых, — минотавра), и др.

Из помещений во дворце обращает на себя внимание ряд магазинов, или кладовых, с коридорами. Еще в момент открытия их Эвансом в них стояли рядами вдоль стен огромные, в человеческий рост, кувшины, или пифосы, служившие, очевидно, для

зерна, масла и проч. В полу устроены были особые помещения для хранения, по-видимому, самых ценных предметов; они состояли из тонких каменных плит, обложенных, кроме того, свинцом, и прикрывались каменными плитами, в уровень с полом. К сожалению, они оказались пустыми...

У магазинов и в разных помещениях найдены тысячи продолговатых глиняных табличек, с письменными знаками, подвергшихся действию огня и благодаря этому сохранившихся, сложенных массами, в некотором порядке. Это — уцелевшие архивы. Письмена двух систем: одна приближается к иероглифам, «пиктографическая», образное письмо; по предположению Эванса, оно господствовало в восточной части Крита и принадлежало его первобытному, туземному населению, этеокритянам. Другая система приближалась к буквенным знакам, причем строчки разделены линиями. На многих табличках имеется изображение колесницы, людей, лошадиных голов и т. д. Найдены и глиняные предметы, с отверстиями, вероятно для шнура; предметы эти, надо полагать, привешивались к табличкам и служили печатями. Письмена критские пока не разобраны; язык их неизвестен; но полагают, что упомянутые таблички содержат в себе разного рода инвентари, счета, квитанции и т. п. Кроме того, имеются письменные знаки на камнях и других предметах, сделанные, по-видимому, каменотесами или мастерами, как помета принадлежности, — знаки, подобные тем, которые встречаются в разных местностях на протяжении многих веков.

Наконец, найдены разные сосуды из камней; вазы вроде микенских или вроде рога изобилия, одна — в форме львиной головы; фрагменты глиняной посуды² и проч. Из произведений ке-

¹ *Evans A.* Scripta Minoa. Oxford, 1909; *Weil R.* La question de l'écriture linéaire... // RA. 1903; *Gleye A.* Kretische Studien // ИТУ. 1912. 4. XLVII; *Flinders P.* The formation of the alphabet // British School of Archaeology in Egypt. Study Series. III. London, 1912; *Sundwall J.* Ueber die vorgriechische Schrift auf Kreta. Helsingfors, 1913.

² *Mackensie D.* The pottery of Knossos // JHS. 1903. XXIII; Reisinger. Kretische Vasenmalerei vom Kamares bis zum Palast-Stil. Leipzig, 1912.

рамических особенно выдаются вазы так наз. стиля «камарес» (по имени деревни, у которой они впервые найдены).

В следующие годы Эванс продолжал свои разыскания, которые уяснили план дворца I. Открыта другая половина его с царскими покоями и обширными залами (в числе их и «зала двойного топора», названная так потому, что в ней — изображение двойного топора), которые своими размерами решительно превосходят помещения, открытые в первый год раскопок: по сравнению с ними, например, «тронная зала», о которой мы выше говорили, оказывается незначительной. Обнаружены ясные следы существования второго этажа и даже третьего. Четыреугольные столпы Эванс ставил в связь с культом². И здесь встречаются, в числе других изображений, изображения двойного топора, которые могли иметь религиозное значение³.

Центральную часть дворца составлял внутренний двор, окруженный лабиринтом многочисленных комнат и всякого рода ходов — галерей, коридоров, лестниц. Дворец был как бы целым городом: тут и дворы, и жилые комнаты, и залы, и помещения для культа, для администрации, для хранения запасов, кладовые и казнохранилища, и мастерские для скульптур, для керамики и фаянсовых изделий, и жилища для рабочих; были даже, по-видимому, помещения и для школы, где изучалось письмо. Опять найдено много табличек с доисторическими письменами; одна из них, величиною больше всех раньше найденных, содержит, по

¹ По Ноаку (*Homerische Paläste. Leipzig, 1903*), в критских дворцах приемные комнаты отделяются от внутренних, предназначенных для семьи и вообще для домашней жизни; первые группируются около большого западного двора, находящегося у внешней стороны дворца, а вторые — у внутреннего, восточного, который окружен со всех сторон строениями.

² *Evans A.* Mycen. Tree and Pillar cult... // JHS. XXI; *Würz.* Der Ursprung der kretisch-mykenischen Säulen. München, 1913.

³ Ф. И. Успенский в своей статье (указ. на с. 490, примеч.), обращает внимание на знак креста, встречающийся то отдельно и самостоятельно, то в различных сочетаниях и комбинациях, служащий большею частью орнаментом, но иногда означающий символ или идею (с. 502-504).

предположению Эванса, список должностных лиц. Между прочим найдены шашки из слоновой кости, горного хрусталя, с украшением из золота и серебра; алебастровая ваза и громадная, каменная, по выражению Эванса — «царь микенских vaz»; фрагменты человеческих фигур из цветного гипса. Особенно поражает реальностью изображения фрагмент руки в натуральную величину, с изображением мускулов и даже жил.

В 1903 г. Эванс открыл в Кноссе древнейший в мире театр. По крайней мере, при исследовании северной части вымощенного двора, прилегающего ко дворцу с запада, он обнаружил двойной ряд широких ступеней, которые, образуя прямой угол, спускались вниз. Большая часть плит попадала; но все же лестницы сохранились настолько, что можно судить о их высоте и ширине: ширина восточной лестницы — от 18 до 35 ф., а южной — даже до 50. Сохранились во всю длину и нижние ряды опорной стены на севере. Чтобы придать этой постройке такой вид, какой она когда-то имела, и предохранить от дальнейшего разрушения, Эванс реставрировал ее. Ступени, столь широкие, по его мнению, служили местом для сидения, откуда удобно было наблюдать зрелище, а двор, находящийся внизу, — местом действия. Таким образом, по Эвансу, мы имеем здесь прототип, зародыш всех последующих театров. По его расчету, этот примитивный театр мог вмещать около 500 зрителей.

Раскопки в окрестностях дворца привели к открытию городского квартала, окружавшего дворец с северо-востока; между прочим открыт довольно хорошо сохранившийся большой дом или царская вилла, отличавшаяся симметрией плана (в противоположность дворцу).— За городским кварталом открыт большой некрополь с могилами двух типов — шахтообразными и куполообразными¹; найдены небольшие глиняные или терракотовые саркофаги, имеющие форму галоши (ларнаки), с костями, оружие и разные предметы. Несколько далее к северу, в Исопате, Эванс нашел гробницу со сводом, принадлежащую, по

¹ *Hatzidakis C. N.* Kretische Gräber // MDAI. XXXVIII.

его мнению, одному из царей, быть может Идоменею; к сожалению, она оказалась уже разграбленной.

Среди находок близ «царской виллы» обращают на себя внимание фаянсовые статуэтки — женские идолы, между ними — изображение богини или жрицы с головным убором в виде тиары, обвитой змеей, и с тремя змеями, обвивающими туловище. А из фаянсовых пластинок замечательно по естественности и удивительной реалистичности изображение козы с детенышами.

Замечательно, что среди находок в Кноссе нет металлических предметов: дворец погиб, очевидно в пламени; по крайней мере, заметны следы огня на глиняных предметах, на штукатурке, на дереве, значительно обуглившимся, и по всей вероятности, перед разрушением все казавшееся ценным, особенно металлические предметы, было унесено.

Эванс полагает, что им открыт дворец Миноса. Во всяком случае дворец этот существовал за 2000—1500 лет до Р. Х., в микенскую и даже домикенскую эпоху. В существовании его, очевидно, было несколько периодов, и он подвергался перестройкам и был созданием нескольких поколений; древнейшая постройка восходит к неолитической эпохе. Неолитический слой в Кноссе поражает своей толщиной, доходящей до 7 метров. По мнению Эванса, культура этого слоя существовала в течение 12 000—14 000 лет!¹ Поверх нее он различает три слоя или периода, которые он называет «раннеминойским» (= миносским), *Early Minōan*, «среднеминойским», *Middle-Minōan*, и «позднеминойским», *Late Minōan*, подразделяя каждый в свою очередь на три эпохи, например, *Early Minōan I, II, III* и т. д.² В Кноссе найдена между прочим

¹ В. Фольграф (Vollgraff), наоборот, ограничивает этот период всего 1300 годами (RhM. 1908).

² *Evans A.* Essai de la classific des époques de la civilisation minoenne. Londres, 1906; *Fimmen D.* Zeit und Dauer der kretisch-mykenischen Kultur. 1909. — Дёрпфельд (MDAI. 1905. XXX) предложил другую классификацию. Он различает два периода: более древний, критский или карийско-ликийский, и более поздний, микенский или ахейский, когда

крышка из египетского алебастра с именем и титулами Хиана, царя гиксосов (приблизительно XVIII ст. до Р. Х.), что указывает на очень древние сношения Крита с Египтом. На это в свою очередь указывают и критские глиняные сосуды, найденные Флиндерсом Питри в Египте, в гробах Кахуна (Kahun) времен XII династии, т. е. за 2000 лет до Р. Х. О сношениях с Востоком свидетельствует и найденная на Крите вавилонская печать в виде цилиндра. С памятниками микенской культуры Кносский дворец представляет много общего. Но критская культура охватывает гораздо больший период, и, как выразился один ученый, Микены по сравнению с Кноссом — провинция; там все, что производилось на месте, а не ввозилось, — мелко, грубо, первобытно по сравнению с тем, что найдено в Кноссе и что характеризует цивилизацию «века царя Миноса» (Поттье).

Открытия в Фесте и в его окрестностях. В то время как Эванс сосредоточил свое внимание на Кноссе, итальянская археологическая экспедиция, снаряженная министерством народного просвещения и академиями наук Римской (dei Lincei), Туринской и Неаполитанской, под руководством Хальбхерра и при участии Савиньони, Де-Санктиса, Пернье и др., занялась исследованием южной части Крита, где находился некогда гор. Фест². Под руководством Хальбхерра, известно-

ахейане, как он полагает, завоевали Крит, изгнали карийцев и на месте прежних разрушенных зданий, не имевших ничего общего с дворцами микенскими и гомеровскими, построили новые дворцы по совершенно иному уже плану, с обширными залами, мегаронами и т. д., подобно микенским и гомеровским. Но общепотребительна классификация Эванса.

¹ Отличия от дворцов «микенских» отмечает Ф. Ноак (*Noack F.* Homerische Paläste). Возражения Дёрпфельда в упомянутой выше статье.

² Кроме названных раньше на с. 489, см.: *Reinach S.* Les fouilles de Phaestos en Crète // *Antropologie.* 1901; *Duhn Fr. v.* Italienische Entdeckerarbeit auf Kreta // *Deutsche Rundschau.* 1903. September; *Sam Wide.* // *Berliner Philologische Wochenschrift.* 1901. № 41; *Karo C.* //

го открытием Гортинской надписи, римский археолог Пернье открыл развалины дворца в Фесте, почти столь же грандиозного по своим размерам, как и дворец в Кноссе. Вокруг обширного внутреннего двора расположена одна половина дворца, — разного рода службы и помещения для слуг, кухни, ванны, широким коридором отделенные от кладовых, которые в свою очередь отделены от семейных покоев, куда ведет прекрасно устроенный ход, с полуколоннами и нишами по сторонам: эти покои, колоннады и портики, открытые террасы обращены на север, с прекрасным видом на горы. Другая половина дворца, для приемов, с обширными комнатами, находится, как и в Кноссе, на западной стороне. Дворец в Фесте в особенности характеризуют многочисленные коридоры и лестницы, что отчасти объясняется местоположением (он находился на горе). Особенно замечательна широкая лестница, которая от западного двора ведет вверх. Ступени ее, как предполагают, служили сиденьем для зрителей, а зрелища происходили внизу, во дворе. Таким образом, и в Фесте, подобно тому как в Кноссе, по-видимому, существовал в глубокой древности театр.

Вообще дворец устроен был с большим комфортом и со всеми удобствами; для воды проведены были трубы и т. д.

Из находок, по-видимому, не столь многочисленных, как в Кноссе, отметим каменные вазы, одну из алебастра, бронзовую

Ibid. 1903. № 41; заметки в *Deutsche Literaturzeitung.* 1902. № 32, 39; *De-Sanctis C.* La civiltà micenea e le ultime scoperte in Creta // *RF.* 1902. I; *Pernier.* Recenti scoperte archeologiche degli italiani a Creta // *Nuova Antologia.* 1902. № 2; официальные отчеты: *Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filologiche.* Vol. VIII ss.; *Monumenti Antichi pubblicati per cura della Reale Accademia dei Lincei.* Vol. IX ss.; ср.: *American Journal of Archaeology.* V—VI; *Memorie del Reale istituto Lomboso di scienze et lett.* 1905. XXI; доклад Савиньони (Savignoni) и Пернье (Pernier) на Историческом конгрессе в Риме 1903 г. // *Atti della Congresso.* 1904. III; *Pernier.* Scavi della Missione archeologica italiana in Creta nel 1907 // *Bulletin d'Arte.* 1907.

пилу почти в 2 метра, много микенских идолов и разных камней. Подобно тому, как и в Кноссе, имеются фрески. Одна из фресок представляет ряд цветущих растений, связанных между собою спиралями; на другой весьма натурально изображены ветви с листьями и цветами, олеандры и т. п.; на четырех рельефах представлены человеческие фигуры со звериными или птичьими головами. Есть в этом дворце и скамьи, вроде тех, которые встречаются в Кноссе; печати с критскими (догреческими) письменами; много терракотовых фигурок примитивного характера.

Дворец в Фесте — микенской эпохи; но под ним обнаружены развалины более древнего, домикенского дворца и даже неолитической стоянки. Открыто между прочим помещение с гипсовыми скамьями, шедшими вдоль стен, а посередине — стол из грубой глины, по-видимому для жертвенных возлияний, на том самом месте, где он стоял и в глубокой древности. Тут же прекрасные расписные вазы из терракоты и камня. Открыт и ряд кладовых, в которых сохранились на своих местах сосуды, около 30 больших кувшинов, много небольших амфор и расписных чашек, фрагменты каменных предметов и костей животных, а на глубине 2 1/2 метров найдена каменная утварь и различные керамические предметы.

Несколько лет тому назад (1908 г.) в Фесте найден интересный небольшой терракотовый диск I, с обеих сторон испещренный изображениями, по-видимому письменными знаками; чаще всего встречаются двойной топор, лира и особенно — человеческая голова в короне, или шлеме с перьями, изображение, которое можно сопоставить с тем, как изображается на египетских памятниках времен Рамсеса III народ Пуласата.

Летом 1902 г., на цепи холмов неподалеку от Феста, там, где теперь стоит небольшая византийская церковь Св. Троицы (Hagia Triada), итальянцы открыли здание, которое они на-

¹ Meyer E. Der Diskus von Phcestos und die Philister auf Kreta // S B Berlin. 1909; Reinach A. J. Le disque de Phaistos et les peuples de la mer // RA. 1910. XV. Janvier—avril; Бекштрем А. Г. Загадочный диск // ЖМНП. 1911. Декабрь.

звали летним дворцом царей Феста¹. Это небольшая постройка из двух флигелей, сходящихся под прямым углом; в южном флигеле — хозяйственные помещения и кладовые; верхний этаж был деревянный; в другом флигеле обращает на себя внимание большая зала с колоннами и примыкающая к ней комната, у входа в которую стояли еще на своих местах и в момент открытия два высоких каменных канделябра. Перед дворцом, в северо-западном углу, — открытая колоннада, с которой открывался великолепный вид на равнину, на высокие цепи гор до самой Иды и на море. Этот дворец, по-видимому, был богаче украшен, нежели большой, в Фесте. В одной комнате штукатурка сохранилась настолько, что ее куски удалось соединить. Она оказалась раскрашенной, с фресками тонкого рисунка, весьма реально и в живых красках изображающими природу. Перед нами пейзаж, животные и птицы: то пестрый фазан сидит на ветке, а из-за куста выглядывает дикая кошка, стерегущая его жадными глазами; то темноватый бык пробирается через кустарник, между деревьями, и своими рогами раздвигает ветви; то заяц бежит по полю, усеянному цветами, и проч. Одна фреска изображает женщину, нарядно одетую в платье небесно-голубого цвета, с красной каймой, с пестрыми воланами; она сидит, по-видимому, на троне, а вокруг — яркая зелень...

Здесь же найдены многочисленные глиняные идолы, таблицы с письменами, глиняные печати, с гербами, наподобие иероглифов, куски меди (быть может, «таланты»), бронзовая и глиняная утварь, каменные вазы, из коих — три из стеатита, чудной, художественной работы с рельефными изображениями.

Одно из них обратило на себя особенное внимание². Изображается какая-то процессия: мужчины шествуют или маршируют попарно; все они обнажены по пояс, без бороды и усов, на голове волосы стянуты как бы тюрбаном, правая рука на груди, сложена в

¹ Есть мнение, что это отдельный самостоятельный дворец.

² Savignoni. Il Vaso di Haghia Triada // Reale Accademia dei Lincei, 1903. XIII. Monumenti Antichi; Duhn Fr. v. 1. c; Weill R. Le vase de Phaistos; un document de l'histoire du monde créto-asianique // RA. 1904. Janvier—février и другие.

кулак; на левом плече у каждого какое-то виллообразное орудие, с тремя зубьями. Впереди — фигура крупнее всех остальных, с обнаженною головою, с длинными ниспадающими сзади волосами, с изогнутою тростью на правом плече, в тунике или панцире, который не прилегает к телу, а отстает внизу. Почти в середине процессии идет человек с широко открытым ртом, — очевидно, он громко, «во все горло», поет; в руках у него музыкальный инструмент, похожий на египетский «систр»; а за ним три женщины, с откинутыми назад головами, тоже громко поющие. В одном из задних рядов изображен упавший на землю человек; идущий впереди него оборачивается, по-видимому, с раздражением. По мнению Хальбхерра и Савиньони, это военное шествие с музыкой; более основательно другое мнение I, по которому тут перед нами религиозная процессия в праздник жатвы или фаллофория. Но что бы ни изображал рельеф, по выразительности и естественности — это замечательное художественное произведение, которое можно сравнить с произведениями флорентийских мастеров времен Возрождения.

В церкви Hagia Triada найден (в 1903 г.) Хальбхерром также замечательный саркофаг², каменный, покрытый штукатуркой, на которой — фрески: по узким сторонам изображены две женщины на колеснице, которую везут — на одной стороне — грифы, на другой — лошади, а по длинным сторонам этого саркофага — картины с человеческой фигурой, завернутой в плащ из звериной шкуры, словно в саван, с жрицами, жертвенными животными, плодами, жертвенником, столпами или деревьями, сверху которых — двойной топор с сидящей на нем черной птицей и т. п. Словом, перед нами погребальный ритуал, жертвоприношение умершему³. В окрестностях Hagia Triada открыты и

¹ Г. Каро (Karo), Цан (Zahn), Р. Вейль (Weill).

² Опубликован Paribeni в Monumenti antichi dei Lincei. 1908. XIX; об этом саркофаге: *Duhn Fr. v. Der Sarkophag aus Hagia Triada* // Archiv für Religionswissenschaft. 1909. XII; *Petersen E. Der kretische Bildersarg* // JBAI. 1909. XXIV; *Sittl* // Jahresberichte des Oesterreichischen Instituts; *Dussaud R.* P. 261 ss.

³ Ср.: *Богаевский Б. Л.* Новое минойское кольцо с изображением культового танца // ЗКОРАО. 1913. VII.

развалины большой куполообразной могилы, из грубо отесанных камней; к ведущему к ней ходу (dromos) примыкают 12 малых камер. Все это оказалось полно скелетами: Хальбхерр насчитал их до 200 в куполообразной могиле и 50 в камерах. Найдены остатки глиняных ящиков или гробов, бронзовое оружие и разные предметы из золота, слоновой кости, стеатита, глины и проч. — серьги, ожерелья, амулеты, статуэтки и в особенности многочисленные печати различной формы и с различными изображениями.

Открытия в окрестностях Феста тоже говорят о некогда существовавших тесных сношениях Крита с Египтом: в одной богатой могиле найдена египетская печать с именем царицы Ти, жены фараона Аменофиса III (XV в. до Р. Х.); вспомним также о «систре», египетском музыкальном инструменте, изображение которого мы встретили на описанной выше вазе.

По следам Эванса и итальянцев ревностно работают над открытием древностей на Крите и другие археологи. Британская школа вела раскопки в восточной части острова, в Пресе, где между прочим найдена негреческая надпись, начертанная греческими буквами. Раскопки Британской школы в Палеокастро¹ привели к открытию города с предметами эгейской культуры. Д. Хогарт в пещере Закро² тоже нашел остатки этой культуры, а в середине острова он открыл Диктейскую пещеру³, с которой связаны мифы о рождении Зевса, и в ней остатки каменного алтаря и древних жертвоприношений. Молодая американка Г. Бойд при поддержке Пенсильванского университета произвела раскопки в Гурнии⁴ и открыла древний

¹ *Bosanquet R. C.* Excavation at Palaiokastro // ABSA. 1902-1903. IX.

² *Hogarth D. C.* Excavations at Zakro, Crete // ABSA. 1900-1901. VII.

³ Против отождествления пещеры Psycho с Диктейскою — *Toutain* // Revue de l'histoire de religion. 1911. Septembre—octobre, который указывает, как на местонахождение последней, на восток Крита, у Преса.

⁴ *Boyd-Hawes Harriet.* Gournia, Vasiliki and other prehistoric cities of the isthmus of Hieropetra (Crete). Excavation of the Wells-Houston-Cramp expedition in 1901, 1903, 1904. Philadelphia, 1909; *Pottier Ed.* Gournia // Journal des Savants. 1910. Avril.

небольшой город, с домами, улицами, тесными, но мощеными, с каналами для стока воды.

Предметы, найденные на Крите Эвансом и другими, помещаются теперь в музей, устроенном в Кандии (Гераклионе). Нужно заметить, что критское правительство провело закон, подобный тому, какой существует в Греческом королевстве, а именно, что сделанные в пределах Крита находки не могут быть вывозимы за его пределы и составляют его собственность.

Описанные выше открытия, в особенности Эванса, подтверждают свидетельство древности о том преобладании, которым некогда пользовался Крит; они говорят о высокой технике и высокой внешней культуре тогдашнего общества; они дают новый богатый материал для решения вопроса об эгейской культуре, ее происхождении, характере, ее носителях, ее отношении к культуре восточной и последующей чисто эллинской. Они, наконец, помогут объяснить происхождение греческих сказаний о Миносе, лабиринте 1, Минотавре и проч., связанных с Критом.

Раскопки в Орхомене. С критскими древностями, как теперь оказывается, имеют связь и древности минийского Орхомена. В предании греков обитателями окрестностей Копайдского озера, в Беотии, были минии, с которыми связаны сказания не о Трое, а о Фриксе и Гелле, золотом руне и походе аргонавтов. Столицей их считался Орхомен; издавна известна была здесь «Сокровищница царя Миния», на самом деле бывшая куполообразною могилой, наподобие тех, которые встречаются в Микенах. Еще Шлиман² производил тут раскопки (см. выше, с. 387). В 1893 г. в восточной части Копайдского озера (которое англо-французская компания осушила), на скалистом острове Gha, или Gulas, Риддер (Ridder) открыл развалины огромного древнего акрополя и дворца микенской эпохи, окружен-

¹ Некоторые сопоставляют столь часто встречающееся в Кноссе изображение двойного топора с названием *λάβρον* (греч., что значит «топор»); см. однако: Meyer E. Geschichte des Alterthums. I², 637. Anm.

² Schliemann H. Orchomenos. Leipzig, 1881; на русском языке извлечение: ЖМНП. 1881. Июнь.

ного циклопической стеною, по размерам превосходящего микенский и тирифский; по мнению Ф. Ноака (Noack), это — древний минийский город Арнэ I.

В первые годы XX в. Ад. Фуртвенглер (скончавшийся в 1907 г.) в сотрудничестве с Г. Булле и Рицлером по поручению Баварской Академии наук и на пожертвование одного частного лица (Bassermann-Jordan), произвел раскопки в Орхомене, давшие важные результаты². В верхнем слое найдены остатки дворца микенской эпохи и образцы живописи, напоминающие фрески Кносса и Тиринфа, многочисленные вазы, причем на одной оказалась надпись большими буквами, наподобие критских писем, — первая найденная на почве собственно Эллады. Под слоем микенской культуры открыты следы культуры более древней и менее развитой, конца неолитической эпохи, и представляющей сходство с находками в южной Фессалии. В минийском Орхомене оказался ряд поселений, одно над другим; древнейшие восходят к III тысячелетию до Р. Х. Следов окружающей стены в Орхомене не обнаружено: по-видимому, ни в микенскую, ни в минийскую эпоху он не был укреплен. Различные исследователи высказывали предположение о существовании древнего типа кругловидных построек. Это предположение оправдалось: в древнейших слоях Орхомена найдены круглые и овальные строения, которые послужили образцом для последующих куполообразных могил. В Орхомене найдено погребение домикенской эпохи: покойников хоронили внутри домов, в согнутом, сторбленном положении. Среди находок можно отметить еще уварь из тонкой серой глины.

Открытия в Фессалии. В Фессалии найдены не только микенские памятники, куполообразная могила в Воло, но и слои гораздо более древней, неолитической культуры, открытые

¹ Отчеты Kambanis в BCH. XVI ss.; Curtius E. Die Deichbauten der Minyer // SB Berlin. 1892 и в его Gesamnte Abhandlungen. I); Philippson. Der Kopaissee // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde. 1894; Noack F. Arne // MDAI. 1894. XIX.

² Bulle H. Orchomenos. I. Die älteren Ansiedlungsgeschichten. München, 1907.

греческими археологами В. Стансом и Х. Цунтасом, «доисторические акрополи» в Сескло и Димини I, могилы у стен домов или в самых жилищах. Упомянутый уже раньше греческий эпиграфист А. С. Арванитопуло (с. 478), кроме многочисленных фессалийских надписей, нашел на месте развалин в Пагасах (Воло) большое количество могильных стел с различными изображениями в красках, затем в могиле древнего Метрополя (недалеко от Кардицы) открыл большую золотую и серебряную сокровищницу (относящуюся приблизительно к 200 г. до Р. Х.) со многими художественными предметами и украшениями, а в акрополе Gonnos'a им открыто кругообразное здание — храм богини Афины, — представляющее собой эпиграфическую сокровищницу².

Этолия. Этолию в 1892 и 1893 г. исследовал У. Вудхауз (Woodhouse) и дал описание страны и ее памятников — «Aetolia, its Geography, Topography and Antiquities» (Oxford, 1897).

В Ферме³ (в Этолии), равно как и в Феспиях (в Беотии)⁴ производились раскопки.

Аттика. В Афинах, кроме Дёрпфельда, производило разыскания Греческое Археологическое общество, в особенности П. Каввадий (с. 412—413). Немецкий ученый А. Брюкнер (Brueckner) исследовал Керамик и кладбище⁵. В 1890 г. производились раскоп-

¹ Τσούντας Χ. Αι προϊστορικά] 'ακροπόλεις Διμηνίου και Σέσκλου. Αθήνησιν, 1908 (ср.: Phul E. // GGA. 1910. XII); Stähelin F. Blätter für das Gymnasialschulwesen. XLVI. 5; Jolies. // Archäologischer Anzeiger. 1909. 3; Kazarov E. E. // Гермес. 1909; Wace A. J. B.. Thompson M. S. Prehistoric Thessaly. Cambridge, 1912.

² Άρβανιτόπουλος Α. Θεσσαλικά Μνημεία... 1909; Arvanitopoulou A. S. // Έφημερίς αρχαιολογική. 1908; id. Inscriptions inédites de Thessalie // Revue de philologie. 1911. XXXV; Fouilles et Recherches en Thessalie (отдельный оттиск); Rodenwaldt C. //MDAI. 1910. XXXV; 1912. XXXVII.

³ Отчет: Έφημερίς αρχαιολογική. 1903.

⁴ Jamot P. Fouilles de Thespies // BCH. 1902. XXVI.

⁵ Brueckner A. Kerameikos-Studien // MDAI. XXXV. 3; он же. Der Friedhof am Eridanos bei der Hagia Triada in Athen. Berlin, 1909.

ки в Марафоне, с его курганом I. Член Французской школы Эдуар Ардалльон исследовал Лаврион (1892-1894)². Продолжались разыскания в Элевсине. Исследования храма на мысе Сунии показали, что это храм не Афины, как прежде считали, а Посейдона; фундаменты же храма Афины открыты ниже его. На юго-восточном склоне Гиметта Американскою школою исследован грот Вари³. Известен он был и раньше, равно как и надписи, в которых некий Архедам, вероятно каменотес, увековечил свое имя. Но американцы первые проникли в глубину пещеры, и их исследования раскрыли историю культа в этом гроте, посвященном нимфам и Пану. — В Эретрии раскопаны храм, театр и другие здания.

Пелопоннес и соседние острова. В Коринфе два молодых американца в 1900 г. натолкнулись на античные водопроводные сооружения, и Американская школа предприняла, под руководством проф. Ричардсона, дальнейшие разыскания, которые пролили свет на историю сооружений и на самый способ снабжения Коринфа водою⁴. В Сикионе открыт театр. Между Аргосом и Микенами, на месте храма Геры Аргосской, Американскою школою предприняты были раскопки в 1892 г. под руководством Ч. Вальдштейна⁵. В Аргосе, на средства одного голландского мецената, производил раскопки В. Фолльграф⁶. В Тиринфе раскопки последних лет привели к открытию куполообразного погребения, новых фресок во дворце, из которых особенно интересна картина охоты на кабана, и под дворцом микенской эпохи — следов более древнего, гораздо

¹ Селуванов С. А. Заметки о раскопках в Греции // ЖМНП. 1891. Январь.

² Ardaillon E. Les mines du Laurion dans l'antiquité. Paris, 1897.

³ American Journal of Archaeology. 1903. VII; ср.: Wilamowitz-Möllendorff U. v. // Deutsche Literaturzeitung. 1904. № 8.

⁴ О раскопках в Коринфе между прочим: Heermance // AJA. 1904. VIII.

⁵ Waldstein (Walston) Ch. The Argive Heraeum. Boston; New York, 1902-1905. 2 Vol.; ср. рецензию: Furtwängler Ad. // Berliner Philologische Wochenschrift. 1904, № 26.

BCH. 1904, 1906.

меньшего I.— В Олимпии найдены остатки очень древнего поселения с круглыми и овальными постройками. П. Каввадий, руководитель раскопок на месте святилища Асклепия в Эпидавре, обнародовал главные результаты своих открытий, как новейших, так и за прежние годы, в книге *Το ιερόν του Ασκληπιού εν Ἐπιδαύρῳ καὶ ἡ θεραπεία των ασθενών* (1900, в «Библиотеке Археологического общества»). В Калаврии производили раскопки шведы (Sam Wide). Раскопки происходили в Тегее², Мантинее, Спарте.

Спарта и вообще Лакония являлись с 1905 г. на греческом континенте главным средоточием работ Британской школы в Афинах, под руководством директоров Роберта К. Босанкета (Bosanquet) и затем Ричарда М. Доукинса. Раскопки в Спарте позволяют теперь проследить развитие города с древнейшего времени, начиная с дорического завоевания. Исследована городская стена сравнительно позднего времени, а главное — открыты святилище Артемиды Орфии, на месте более древнего, и т. наз. Менелайон, затем — остатки храма Афины *Χαλκίοικος*, театра, построенного в римскую эпоху, надписи, проливающие новый свет на обычаи и организацию спартанского общества и т. д.³ А неподалеку от Спарты у Амикл Фуртвенглер открыл трон Аполлона Амиклейского, о котором говорит Павсаний (III, 18—19). Дальнейшие исследования показали, что этот трон был из камня, именно из мрамора, и имел вид четырехугольной, продолговатой постройки⁴.

¹ См. издание: Tiryns. Die Ergebnisse der Ausgrabungen des Kaiserlichen Deutschen Archäologischen Instituts in Athen. 1912 ff.; предварительные отчеты: AM. 1905, 1911 (XXXVI), 1913 (XXXVIII); Archäologischer Anzeiger, 1908—1910; Захаров А. А. Вновь открытые фрески Тиринфского дворца // Гермес. 1912. № 13.

² Mendel. Fouilles de Tégée // Гермес. 1901.

³ Отчеты: Annual of the British School at Athens. XV. 1910 (Session 1908-1909); Thompson M. S., Wace A. J. B. A Catalogue of the Sparta Museum. Oxford, 1908.

⁴ Описание и попытка реконструкции см.: Έφημερίς αρχαιολογική. 1913. III—IV.

Известный археолог Ад. Фуртвенглер на средства, дарованные баварским принцем-регентом, производил раскопки на о. Эгине. Оказалось, что святилище, которое принимали раньше за храм Афины и фронтонам которого принадлежали знаменитые «Эгинские мраморы» (с. 317), посвящено было древнему местному божеству Афее I.

Находки делаются и на дне морском: занимающиеся ловлею губок нашли в 1900 г. у острова Чериготто (древняя Антикифера) на большой глубине целый груз бронзовых и мраморных статуй, разной утвари и других предметов; это были античные памятники, очевидно, потонувшие некогда во время перевозки. Греческое правительство не жалело средств, чтобы извлечь драгоценный груз со дна моря; при содействии Археологического общества, это удалось (1900—1901), благодаря немощным усилиям водолазов, из которых многие заболели, а один даже умер, и теперь большая часть предметов извлечена, очищена и выставлена в Национальном музее в Афинах². Среди них особенное внимание возбудила прекрасная медная статуя юноши, по поводу которой велся спор, кого она изображает: сначала ее приняли за изображение Гермеса и находили его прекраснее Праксителева; есть много других объяснений; одно из них принадлежит Н. Свороносу, по которому это — Персей, другое — Стаису, по которому это — Парис Евфранора, и проч.

¹ Отчет Фуртвенглера: SB München. 1901; ср.: Furtwängler A. // Berliner Philologische Wochenschrift. 1901. № 18, 20, 31-32, 51; Жебелев С. А. Аφαία//ЖМНП. 1902. Май-июнь; Furtwängler A. /Egina. Des Heiligtum Aphaia. München, 1906. 2 Bde.; id. Die /Egineten der Glyptothek König Ludwigs I. nach den Resultaten der neuen Bayerischen Ausgrabungen. München, 1906.

² История извлечения и публикация находок: Cavvadias P. // Έφημερίς αρχαιολογική; Svoronos J. N. Das Athener Nationalmuseum. Athen, 1903; Stais V. Τα εξ Αντικυθήρων ευρήματα, χρονολογία, προελευσις, χαλκοίς έφηβος. 1905.

И. Ф. Гиллер фон Гертринген исследовал о. Феру I. На Мелосе, в Филакопи, Британскою школою под руководством Д. Дж. Хогарта открыты древнейшие поселения каменного века и следы крито-микенской культуры².

Делос. На Делосе³ Эдуар Ардальон, при содействии Конвера (Convert) и Л. Кува (Couve), исследовал гавань, доки и частные дома, прекрасно сохранившиеся, богато украшенные, по свежести красок, роскоши и сохранности мозаик не уступающие помпейским домам⁴. Ардальон и Конвер, кроме того, составили археологическую карту Делоса (1893—94). Начиная с 1903 г., Французская школа вела свои раскопки на Делосе на средства герцога де Луба, который ассигновал на это большую сумму. Теперь местность у подножия горы Кинфа разрыта почти совершенно, и взору открывается древний город с узкими, но хорошо вымощенными улицами, с каменными домами, магазинами и лавками, с прекрасным театром. В последние годы исследования здесь производили А. Жарде (Jardé) и в особенности Ф. Дюррбах, опубликовавший много надписей, например финансовые документы⁵. Ему поручено редактирование делос-

¹ *Hiller von Gærtringen J. F. C.* Thera. Untersuchungen, Vermessungen, und Ausgrabungen in den Jahren 1895—1898... Berlin, 1899 ff; *его же.* Die archaische Kultur der Insel Thera. Berlin, 1897; *Duhn Fr. v.* Thera // Deutsche Rundschau. 1905. CXXXIV; *Kührstedt U.* Zur Kykladenkultur // MDAI. XXXVIII.

² Отчет: *Hogarth D.J.* // Annual of the British School at Athens. IV—V. 1897—1899; *его же.* Excavations at Phylakopi in Melos conducted by the British School at Athens. London, 1904.

³ *Ardailon Ed.* Отчеты в ВСН, Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-rendus des Séances... Теперь главная публикация относительно раскопок: Exploration archéologique de Délos, faite par l'Ecole française d'Athènes sous les Auspices du Ministère d'instruction publique et aux frais de M. leduc de Loubat et publiée sous la direction de Th. Homolle et M. Homolleaux. Paris, 1910ss.; по поводу ее: *Pottier Ed.* // Journal des Savantes.

⁴ См.: *Жебелев С. А.* Археологическая хроника (со слов М. И. Ростовцева) // ФОб. 1895. IX; *Bulard.* Peintures murailles et mosaïques de Délos (Monuments Piot, XIV). Paris, 1908.

⁵ *Durrbach F.* // ВСН.

ских надписей для большого берлинского собрания «Inscriptiones Graecae» (с. 73). Том этот (XI) уже начал выходить в свет I, Общее число надписей Делоса — более 3000.

Среди них интересен, например, закон, не так давно найденный², регулирующий продажу угля (древесного) и дров, причем запрещается продавать как дороже, так и дешевле раз объявленной цены; устанавливается как бы *prix fixe* и не допускается скупка товара на месте продажи в целях перепродажи. Эта делосская надпись, говорит один из новейших русских исследователей по теории и истории хозяйственной жизни³, «представляет огромный интерес и имеет крупнейшее универсально-историческое значение. При свете этой эпиграфической находки все прежние отрывочные намеки и известия, по которым можно было догадываться о том, что тенденции и институты, считавшиеся характерными для средневекового городского хозяйства, были присущи античному миру, получают новое подтверждение и гораздо более определенный смысл... Издатели делосского закона справедливо сопоставляют его с соответствующими постановлениями европейского, в частности, французского средневековья».

Тенос, Парос, Лесбос, Хиос. На о. Тиносе (Теносе) Французскою школою открыт храм Посейдона и Амфитриты. Раскопки бельгийцев⁴ на этом острове привели к открытию значительного числа надписей; из находок особенно обращают на себя внимание солнечные часы астронома Андроника, строителя «башни ветров» в Афинах, с 12 ямбическими триметрами на оборотной стороне.— На Паросе, как было уже упомянуто (с. 71), найден новый отрывок хроники — «Паросского

¹ IG. XI, 2: Inscriptiones Deli. 1912 сл. По поводу их: *Clotz C.* Les salaires a Délos // Journal des Savant. 1913. Mai—juin.

² Издан: ВСН. 1907. Janvier-mars; русский перевод см.: *Спрыев П. Б.* Хозяйство и цена. СПб., М., 1913. I, 213 след.

³ *Спрыев П. Б.* Указ. соч. С. 216—217.

⁴ *Demoulin.* Fouilles et inscriptions de Ténos. Lauvain, 1904; *Graindor P.* Les fouilles de Ténos // Musée Belge. 1906. X.

мрамора», содержащий хронологический обзор от смерти Филиппа Македонского (336 г.) до архонтства Евктемона (299 г.).— На Лесбосе по поручению Немецкого Археологического института произвел разыскания Р. Кольдевей (Koldewey) 1.— На о. Хиосе недавно открыта надпись, важная в том отношении, что она показывает, как стары демократические черты политического строя у ионян и как много общего тут с конституцией Солона: из этой надписи ², начертанной на камне в форме пирамиды (ср. Солонеры «кирбы») и относящейся приблизительно к 600 г. до Р. Х., мы видим уже в то время на Хиосе конституцию с ответственными «царями», демархами и народным советом (*Βουλὴ δημοσία*), по 50 членов от филы, собирающимся в полном составе раз в месяц в качестве совещательного органа и апелляционного трибунала.

Самос. Исследование Бёлау (Bcehlau) некрополя на Самосе ³ не было богато результатами. Но недавно (1910) под руководством Т. Виганда (Wiegand) вновь начаты раскопки на Самосе у Герейона ⁴; под фундаментом более позднего храма открыт древний, законченный еще при Поликрате. Фрагменты и черепки всякого рода, даже из Месопотамии, указывают на далекие международные сношения ионян. А из надписей, найденных на Самосе, особенно интересен закон о приобретении и раздаче населению хлеба на общественный счет (II в. до Р. Х.) ⁵. Для покупки хлеба собран был капитал по подписке (до нас дошли в надписи, хотя и в обрывках, имена подписавшихся с обозначением подписанной каждой суммы, большую часть по 100 драхм). Капитал этот особыми избранными лицами помеща-

¹ Koldewey R. Die antiken Baureste der Insel Lesbos. Berlin, 1890.

² Wilamowitz-Möllendorff U. v. Nordionische Steine // ABAW. 1909.

³ Bcehlau. Aus ionischen und italienischen Nekropolen. Leipzig, 1898; рецензия: Шукарев А. Н. // ФОб. 1898. XV.

⁴ Отчет: ABAW. 1911.

⁵ Wiegand T. H., Wilamowitz-Möllendorff U. v. // SB Berlin. 1904, XXVII (текст надписи, перевод и объяснение); ср.: Thalheim Th. // Hermes. 1904. XXXIX; Струве П. Б. Хозяйство и цена. I. С. 210 след.

ем был под залог имущества, в ипотеки, и под поручительство, а на покупку хлеба шли лишь проценты. «Заведующие хлебом» приобретали хлеб, получаемый в виде двадцатой доли урожая от обработки священной земли богини Геры,— земли, находившейся на азиатском берегу и составлявшей в сущности общественную собственность Самоса. Покупать они должны были «по цене не меньше той, какую раньше установил народ», и купленный хлеб распределять между гражданами «по тысячам» (на которые подразделялось гражданское население Самоса) бесплатно, по две меры на каждого ежемесячно. Мера эта была не временная, а имела длительный характер.

Эфес. В Эфесе, где в конце 60-х и в начале 70-х годов прошлого века открыт был Дж. Вудом (Wood) знаменитый храм Артемиды, систематические раскопки начались лишь с середины 90-х годов ¹. Во главе этого дела стоит Австрийский Археологический институт, главная же заслуга принадлежала О. Бенндорфу (f 1906 г.) и Р. Хебердею (Heberdey) (тоже недавно скончавшемуся). Особенно интересны здесь театр, обширной, подковообразной формы, из дорогого материала (столбы — из полированного гранита и мрамора); агора, которую окружали крытые колоннады; в одной из них, как оказывается из надписей,

¹ Предварительные сообщения: Benndorf O., Heberdey R. // Anzeiger der Wiener Akademie der Wissenschaften, 1897—1898; Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts. VII—VIII; теперь главное издание: Forschungen in Ephesos, veröffentlichte vom Oesterreichischen Archäologischen Institut. I. Zur Ortskunde und Stadtgeschichte. Von O. Benndorf. Wien, 1905; II. Das Theater in Ephesos, bearbeitet von R. Heberdey, G. Niemann, Wilberg. Wien, 1912; Petersen E. // NJb. 1906. XVII; Burchner // RE. s. v.; Radet C. // Journal des Savantes. 1906. Mai; ego же. Ephesiaca. Bordeaux; Paris, 1908; Hogarth D. Excavation at Ephesos. London, 1908. 0 малоазиатских городах и раскопках в них: Sartiaux F. Villes mortes d'Asie Mineure: Pergame, Ephèse, Priène, Milet, Didymeion, Hiéropolis. Paris, 1911; Ziebarth E. Kulturbilder aus griechischen Städten. Lpz., 1912 (2. Aufl.); Kalinka E. Die neueren Forschungen in Kleinasien // NJb. 1899. III; Rüge W., Friedrich. Archäologische Karte von Kleinasien. Halle, 1899; Wace A. J. B. Recurrent Excavation in Asia Minor // JHS. 1903. XXIII.

помещался городской архив, содержащий акты рождений и браков, юридические документы, протоколы и т. п.; библиотека (римской эпохи), в несколько этажей, в стенах которой сохранились еще ниши для книжных полок, украшенная статуями, изображающими науку, мудрость, добродетель, с лестницею, барельефы которой представляют военные сцены из сражений римлян с парфянами. Из надписей обращает на себя внимание та, которая начертана на высоте 4 метров от земли, на башне Лисиماховой городской стены, т. наз. «Павловой темнице», и которая свидетельствует, что у подножия башни раньше было море.

Милет. С распространением политического и экономического влияния Германии в Малой Азии шли рука об руку и ученые разыскания. Немцы вели их в Милете, Приэне, Магнесии на Меандре, не говоря уже о Пергаме.

На месте древнего Милета, этой торговой метрополии и как бы столицы малоазиатских греков, новейшие раскопки Виганда и его сотрудников, ведущиеся с 1899 г. от имени берлинских Королевских музеев, дали богатые результаты: исследована стена, шедшая вокруг города, и ее направление и устройство теперь ясно; открыты два рынка, из которых больший, южный, окружен двухэтажною дорическою колоннадой и магазинами; роскошный «Нимфейон» с бассейном и трубами для воды; гимнасий, термы, булевтерион — здание совета или думы, с пропилеями, передним двором, алтарем и главным помещением, представляющим залу с сиденьями, наподобие театральной, сохранившееся настолько, что его удалось восстановить, и таким образом впервые получилась ясная картина греческого булевтериона. Но в особенности замечателен театр, развалины которого

¹ **Wiegand Th.** Miletische Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahr 1899. Berlin, 1906 ff. (в 1913 г. — III т.). Предварительные отчеты: SB Berlin. 1901, 1904 ff.; Anzeiger des Archäologischen Jahrbuches. 1902 ff.; **Wilamowitz-Möllendorff U. v.** // GGA. 1904. II; **Salis A. v.** // NJb. 1910. XXV; **Schede M.** // Archäologischer Anzeiger. 1911.

возвышаются на 30 м, имеющий в поперечнике 140 м, а в окружности до 500, и вмещавший до 25—30 тыс. зрителей, самый большой из всех малоазиатских; театр этот — римской эпохи, но построен он на месте более древнего, греческого, и с его ступеней открывался величественный вид на гавань, на море с близлежащим островом Лада; вершины Самоса и мыс Микале окаймляли картину справа, а известковые горы Карию — слева... Не буду перечислять отдельных находок; скажу только, что между надписями есть длинное письмо царя Евмена II к ионийскому городскому союзу, фрагменты милетского календаря начала II в. до Р. X., устав общества певцов¹ и постановление народного собрания по поводу пожертвования гражданина Евдема на образование «свободных» мальчиков (см. выше, с. 70).

Приэна. В Приэне систематические раскопки начаты в 1895 г. под руководством известного К. Гумана, а после его смерти велись под наблюдением Т. Виганда². Открыт целый город, с ясными очертаниями улиц и площадей, с остатками окружной стены, храма, портиков, театра, гимнасия, частных домов... Нигде картина греческого города — эллинистической и римской эпохи — не представляется так наглядно, как здесь; в этом отношении Приэну с полным основанием называют «Малоазиатскими Помпеями». Например, стоят еще и теперь довольно высокие стены гимнасия; можно даже вычислить число

¹ **Wilamowitz-Möllendorff U. v.** Satzungen einer milesischen Sängergilde // SB Berlin. XIX. 1904.

² Königliche Museen zu Berlin. Priene. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895—1898 von Th. Wiegand und Hans Schröder. Berlin, 1904; Inschriften von Priene... / Hrsg. von F. Hillerv. Gaertringen. Berlin, 1906, и отдельный оттиск из этого издания: Geschichte und Erforschungen von Priene. Berlin, 1906; **Кепп F.** Ausgrabungen der Königlichen Preussischen Museen in Kleinasien // NJb. 1905. XV; ср.: **Кайинка E.** // NJb. 1899. III; **Wiegand Th.** // NJb. 1908; **Conze A.** // JDAI. 1897; **Collignon L.M.** // Revue des Deux Mondes, 1901. 15 novembre; **Жебелев С.А.** Археологическая хроника // ФОб. и проч.

кубических аршин в классных комнатах; у дверей одной из них — историческая работа воспитанника: список эфоров. Стены гимназия испещрены надписями, сделанными учениками, их именами; некоторые надписи едва нацарапаны, с большими описками. Другие документы говорят о приглашении преподавателей, о гимнасиархах, о их карьере (например, Эмилия Зосима, после 84 г. до Р. Х.). Все это свидетельствует о той жизни, которая некогда была ключом в этих, ныне опустелых стенах 1... Характерна надпись — уже римской эпохи, — из которой мы узнаем, что одна богатая женщина в Приэне вновь устроила на свой счет бассейн и глиняные трубы, и в благодарность за это она, женщина, была удостоена почетной должности «стефанора». Среди мелких надписей, найденных в Приэне, интересны печати с именами стефаноров на сосудах, содержащих в себе медицинские средства, — гарантия того, что содержимое этих сосудов не фальсификация 2.

Магнесия. Раскопками в Магнесии на Меандре руководил сначала тоже Гуман (1891—1893) 3. Кроме других древностей, здесь найдено много надписей, в том числе отрывок легендарной истории города 4.

Дидимы. Новые разыскания Б. Оссулье и Э. Понтремоли, а также Виганда на месте святилища Аполлона Ди-

¹ *Ziebarth E.* Aus dem griechischen Schulwesen. Berlin; Leipzig, 1914 (2. Aufl.); *Варнеке Б. В.* Жизнь школы 2100 лет тому назад // РШК. 1911. Март; моя в «Вестнике Европы»: *Бузескул В. П.* Школьное дело у древних греков // ВЕ. 1911. Апрель; Античность и современность. СПб., 1914 (2-е изд.).

² *Новосадский Н. И.* Греческая эпиграфика. 1, 98.

³ Königl. Museen zu Berlin. Magnesia am Mäander. Bericht über die Ausgrabungen des Jahres 1891—1893 von C. Humann, die Bauwerke von J. Kohte, die Bildwerke von C. Watzinger. Berlin, 1904, и упомянутые выше статьи Коэппа и Е. Каиинка.

⁴ Die Inschriften von Magnesia am Mäander / Hrsg. von O. Kern. Berlin, 1900.

димейского раскрыли фасад и план этого колоссального храма (1895-1896) 1.

Пергам. В Пергаме возобновлены раскопки, на этот раз Немецким Археологическим институтом 2. С 1900 г. они велись под наблюдением Дёрпфельда 3. Открыты городские ворота, рынок, гимназии, улицы, стоа, храм Деметры, остатки большого водоема, надписи, скульптуры и проч. Обращают на себя внимание гимназии в Пергаме. Их было несколько. Самый большой из них занимает обширное пространство и представлял собой величественное здание, выходившее на главную улицу. Чтобы вполне раскопать его и исследовать, понадобился не один год. В сущности это было соединение трех учебных заведений, построенных на трех террасах. Круглые пропилеи составляли общий вход. На нижней террасе расположен был гимнасий для мальчиков младшего возраста, над ним — гимнасий эфебов, а на самой верхней террасе — гимнасий «молодых». Пергамский гимнасий устроен был с большим комфортом и даже роскошью. В мраморной зале текла вода из мраморных львиных голов в прекрасные большие каменные тазы или ванны. В честь лиц, преимущественно гимнасиархов, которым принадлежали заслуги в устройстве или развитии гимназия, стоят статуи и колонны; на базах этих колонн и на мраморных таблицах начертаны их имена с перечислением их заслуг. Мы узнаем, что гимнасиарх Диодор восстановил пришедший было в разрушение гимнасий «молодых» (Νεοί), сделал

¹ *Pontremoi Em., Haussoullier B.* Didymes. Fouilles de 1895 et 1896. Paris, 1903; ср.: *Haussoullier B.* Études sur l'histoire de Milet et du Didymeion. Paris, 1902.

² Отчеты и сообщения: MDAI; см. примеч. на с. 396; кроме того, *Lamer H.* Die Arbeiten in Pergamon // NJb. XIV; ср.: *Lamer H.* // Гермес. 1909, II; *Seiffert O.* Die Ausgrabungen auf dem unteren Teile des Stadtberges von Pergamon. Breslau, 1913 (Programm); *Koepf F.* Pergamon Skulpturen // NJb. XIII.

³ С уходом Дёрпфельда дело это перешло ко второму секретарю Афинского института Knackfuss'y.

пристройку, устроил мраморную эседру и мраморное помещение для купанья или умывания, причем стены были обложены деревом и разрисованы; что гимнасиарх Метродор не только пожертвовал мраморные ванны, но и устроил разные приспособления, между прочим для хранения платья купающихся; что гимнасиарх Стратон на собственные средства нанимал новых учителей для полноты преподавания и т. п. До нас дошли списки учеников, отличившихся, получивших награды при школьных испытаниях или агонах, состязаниях, с обозначением класса или возраста («старшие», «средние», «младшие», «эфебы», «мальчики») и предмета состязания, или удостоенных перевода, как например, тот список 178 удостоенных перевода из разряда «мальчиков» в разряд «эфебов», который они выставили в 147/146 г. до Р. Х. в одной из ниш пергамского гимнасия вместе со статуей принца Аттала, в честь последнего.

Из пергамских надписей замечателен также римский эдикт, касающийся городского банка в Пергаме, а в особенности упомянутый уже раньше (с. 70) «царский закон» об астиномах, их правах и обязанностях, ставший известным в 1902 г.¹ Им предписывалось наблюдать за тем, чтобы улицы не занимались и не застраивались частными лицами. Точно определялась ширина улицы и дорог, устанавливалась в точности обязанность владельцев убирать и держать в чистоте улицы. Кто загрязняет улицы сваливанием мусора или навоза, должен озаботиться об их очистке на свой счет; в противном же случае эта работа сдается астиномами, и расход, с добавлением денежного штрафа, взыскивается с виновного. Если владелец, в случае новой постройки, воспользуется улицей, чтобы тесать камни, месить глину, рыть землю и класть на поверхности водосточные трубы, то за всякую подобную попытку налагался штраф в 5 драхм; сюда присоединялся, если дело шло о водосточных трубах, еще расход на устройство подземных каналов, которые владелец принуждаем был делать. За очистку улиц от навоза и нечистот отвечали сообща владельцы и обыкновенно сдавали это на общий счет тем, кто меньше запрашивал. В Пергаме, городе, расположенном по крутым склонам горы, были точные предписа-

¹ MDAI. 1902. XXVII.

ния относительно построек, как одна к другой должна примыкать, относительно прохода между ними, свободного перехода через соседние владения и т. п. — Для охраны источников принимались меры. В Пергаме, например, объявлялось: «никому не разрешается в общественных источниках поить свой скот, мыть одежду, полоскать посуду или вообще что-либо подобное». Кто в этом подался, тот, если он был свободный, терял свой скот, одежды, посуду и сверх того уплачивал еще 50 драхм штрафа; если же это был раб, то кроме отнятия скота, одежд, посуды, он подвергался ударам и даже аресту. О загрязнении источника каждый обязан был доносить и за это получал половину штрафной суммы, а другая половина шла в пользу святилища нимф. Также и в частных домах цистерны и водоемы подлежали надзору; велись даже списки всех таких водоемов, и домовладельцы были обязаны снабжать их крышками и беречь, чтобы не были они засориваемы; в противном случае предписывалось немедленно произвести очистку под угрозой штрафа в 100 др.

Русским архитектором Ивановым были завещаны Немецкому Археологическому институту средства, на которые в 1905—1906 гг. раскопаны курганы под городом Пергамом; в них найдено по саркофагу с совершенно истлевшими трупами; но среди предметов выдается драгоценный золотой веночек с изображением Ники, весом более 400 граммов.

В древних Траллах производил раскопки от имени Константинопольского музея турецкий археолог Эдхем-бей, сын директора этого музея, известного О. Гамди-бея².

Кос. Крупные открытия сделаны на о. Косе³. Здесь в древности процветала медицинская школа знаменитого Гиппократы и

¹ *Ziebarth E.* Kulturbilder aus griechischen Städten. 1912 (2. Aufl.). S. 37-38.

² См. сообщение Edham-Bey // BCH. 1904; RA. 1904. Novembre-décembre.

³ Сообщения Э. Герцога (Herzog) // MDAI. 1898. XXIII; Archäologischer Anzeiger. 1901, 1903, 1905; *Herzog E.* Koische Forschungen und Funde. Lpz., 1899; *Reinach S.* Les fouilles de Cos // RA. 1904. Janv.-févr.

господствовал культ Асклепия. Давно уже являлась мысль об открытии храма Асклепия, «Асклепиейона», существовавшего на этом острове. В 1898 г. немецкий ученый Э. фон Герцог (Herzog) начал свои разыскания. На первых порах главным результатом их были многочисленные надписи. Но в 1902 г. по указанию У. Пэйтона (Paton), который сам занимался надписями Коса I, Герцог начал раскопки в получасовом расстоянии от города, у монастыря, где виднелись остатки древнего большого храма. Это и был Асклепийон, который давно искали. Он был весь из белого мрамора, окружен портиками и стоял на обширной террасе, к которой вела большая мраморная лестница в 60 ступеней; построен он около начала II в. до Р. Х. Ниже его — еще два храма и алтарь. Раскопки 1903 г. показали, что один из этих храмов — более древний Асклепийон. Следуя указанию одной надписи, Герцог нашел подземную сокровищницу храма, но она оказалась пустою. На нижней террасе открыт прекрасный бассейн, в который вода текла из источника между алтарем и 3-м храмом. Близ него — большая площадь, служившая рынком и в то же время местом прогулки для пациентов. Благодаря открытию, теперь мы имеем ясное представление об Асклепийоне. — Из многочисленных надписей, открытых Герцогом, наиболее обращают на себя внимание постановление по поводу поражения галлов у Дельф 279 г., — постановление, по которому в Дельфы снаряжается посольство с приношениями, а в самом Косе вводится особое празднество; надпись относительно устройства великого празднества, совершаемого в честь Асклепия каждые 4 года, и ответы — на извещение о празднествах — разных городов и царей, причем ответ Спарты поражает своим «лаконизмом», а вифинский царь пишет длинное послание на плохом греческом языке; благодарность критского правительства за присылку военного врача и вообще надписи в честь врачей и третейских судей, приглашавшихся из Коса в другие города, — очевидно, Кос славился в древности как теми, так и другими — и проч.

¹ Paton W. R., Hicks E. L. The Inscriptions of Cos. Oxford, 1891.

Родос. На Родосе одно время производил исследования наш соотечественник С. А. Селиванов I, а с осени 1902 г. раскопки велись в городе Линдосе Фондом Карлсберга под руководством датских ученых Блинкенберга и Кинча (Kinch)²: совершенно открыты пропилеи и храм; найдено много надписей, большую часть касающихся истории искусства (они содержат известия о художниках), а один камень дает полный список всех должностных лиц и жрецов города. Но в особенности замечательна недавно открытая «Хроника храма» в Линдосе, о которой мы уже упоминали (с. 71)³. Затем найдено много кусков ваз и терракотовых женских фигурок VI и V ст. и более древних фигур, из терракоты и фарфора, мелких вещей из слоновой кости и проч., по-видимому ввезенных из Финикии, Кипра и Египта. Оригинальный памятник найден Кинчем на акрополе в Линдосе: сложенный из камней, он изображает корабельный нос в натуральную величину и был посвящен (в середине III в. до Р. Х.) офицерами и гарнизоном, участвовавшими в морской войне.

Кипр. На Кипре исследования производил М. Онефальс-Рихтер; потом здесь предприняты были раскопки Британским музеем. Велись они под руководством Дж. Мёррея (Murray)⁴ и сопровождались замечательными находками: найдено свыше

¹ Селиванов С. А. Очерки древней топографии о-ва Родоса. Казань, 1892. С. А. Селиванов умер в 1908 г. О нем: Латышев В. В. // Гермес. 1908. № 20. (Некролог.)

² См. их сообщения в Berliner Philologische Wochenschrift. 1903. № 30, и в особенности: Exploration archéologique de Rhodes (из Bulletin de l'Académie Royale des Sciences et Lettres de Danemark, начиная с 1903 г.). Ср.: Btinkenber Chr. Archäologische Studien. Kopenhagen; Leipzig, 1904; Hiller von Gaertringen J. F. G. Lindos im Lichte der dänischen Ausgrabungen // Archäologischer Anzeiger. 1904.

³ Изд. Блинкенбергом (см. примеч. 3 на с. 71); содержание ее по-французски: Reinach A. // Revue épigraphique. I. 1913.

⁴ Murray J., Smith, Walters. Excavations in Cyprus. London, 1901; Ridder A. de. Les antiquités chypriotes. Paris, 1908. Означении Кипра в истории культуры: Кагаров Е. Е. Из новейшей литературы о крито-микенской (эгейской) цивилизации // Гермес. 1914. № 3 (по поводу статьи: Ohnefalsch-Richter M. H. Der Orient und die frühgriechische Kunst (Orient. Arch.).

100 микенских гробниц, с большим числом предметов из золота, слоновой кости и проч. А недавно (1910) Цан (Zahn), по поручению Берлинской Академии произведя раскопки у древнего Пифоса, открыл следы святилища, посвященного, по-видимому, культу Афродиты, и вблизи, между прочим, посвященные надписи Афродите и Аполлону, начертанные кипрским слоговым письмом ¹.

Продолжались раскопки и в Южной России ².

Раскопки на юге России. Херсонес. В Херсонесе ³ это дело продолжал вести, еще с большим успехом, К. К. Косцюшко-Валюжинич, по словам которого Херсонес может быть назван не только «русскою Помпеею, но и русскою Троею». Им исследованы, между прочим, городские стены громадной толщины с башнями и воротами, греческой и римской эпохи; нижняя часть их впоследствии (в I в. по Р. Х.) была искусственно засыпана землею, и внутри этой засыпи были сложены склепы и проложены гончарные трубы водопровода; исследован также некрополь, в некоторых могилах которого нашлось немало урн (одна из них — с надписью: «приз (с праздника) Анакий», *αθλον Ανακίων*) и украшений — золотых бляшек, перстней, ожерелий, ушных подвесок, лампочек, флаконов и т. п.; открыты могилы и склепы римской эпохи ⁴, а также следы

¹ Опубликованы Meister'ом // SB Berlin. 1911; Zahn // Berliner Philologische Wochenschrift. 1911. S. 155; Larfeld W. Griechische Epigraphik ³. 76-77.

² См. «Отчеты» и «Известия Императорской Археологической Комиссии»: *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России // Материалы по археологии России. № 34. Пг., 1914; *Штерн Э. Р. ф.* О значении керамических находок на юге России... // ЗОО. 1899. XX; *его же.* // Кlio. IX, 2. 1909; *Бороздин И. Н.* Некоторые итоги русских археологических исследований последних лет. М., 1911; *его же.* Памятники античной культуры в России. М., 1915; *Багалей Д. И.* Русская история. М., 1914. 4. 1.

³ Литературу о Херсонесе см.: с. 423, примеч. 3.

⁴ *Латышев М. И.* Римский фамильный склеп II—X вв. в Херсонесе, открытый в Херсонесе в 1907 г. // ИТУАК. 1911. № 45; *Косцюшко-Ва-*

неолитической культуры I. Не говорю уж об открытии памятников позднейших эпох, например, византийского храма. В Херсонесе устроен музей местных древностей. Приемником и продолжателем К. К. Косцюшко-Валюжинича, скончавшегося в 1907 г., является Р. Х. Лепер. Кроме того, недавно (1910) на месте старого страбоновского Херсонеса производил археологические разыскания полковник Н. М. Печенкин ²; результатом их между прочим было открытие частных домов и остатков виноградников. Это решило вопрос о т. наз. старом Херсонесе и вместе с тем выяснило систему земельного уклада и аграрного быта жителей древнего Херсонеса ³.

Кроме замечательной надписи в честь Митридатова полководца Диофанта, известной уже давно (ее комментировал еще В. Н. Юргевич в «Записках Одесского общества», XII), из эпиграфических находок рассматриваемого периода в Херсонесе следует отметить, например, новый гимн в честь Гермеса (стихотворение, по-видимому, II в. по Р. Х.), начертанный на благодарственном приношении одного гимнасиарха, Демотела, за победу на играх ⁴, почетный декрет римской эпохи в честь некоего гераклеяского гражданина (Херсонес был колонией Гераклеи Понтийской), — декрет, сообщающий интересные данные относительно государственного устройства Херсонеса ⁵, и в особенности ту «присягу херсонесцев», о которой уже упоминалось (с. 69). Плита с этою надписью найдена в раскопанной

люжинич Д. Н. Некрополь у крестовидного храма в Херсонесе // ИТУАК. 1912. № 47.

¹ *Данилевич В. Е.* Остатки неолитической культуры на территории Херсонеса // Сб. ХИФО. 1911. XIX.

² *Печенкин Н. М.* Археологические разведки в местности старого Херсонеса // ИАК. Вып. 42.

³ *Ростовцев М. И.* Боспорское царство и южно-русские курганы; *Багалей Д. И.* Русская история. I, 70.

⁴ *Латышев В. В.* Новый гимн в честь Гермеса // ЖМНП. 1895. Май; *он же.* Pontica.

почетный декрет // ЖМНП. 1907. Март; *он же.* Pontica.

христианской церкви (византийской эпохи), где она была употреблена в качестве материала для настилки пола. Присяга эта, очевидно, гражданская. Именем «Зевса, Земли, Солнца, Девы, богов и богинь Олимпийских и героев, кои владеют городом и землю и укреплениями Херсонеситов» дается клятва заботиться о благосостоянии и свободе города и граждан, не предавать ни Херсонеса, ни его владений никому, не нарушать демократии и не позволять другим этого, служить демиургом и членом совета «как можно лучше и справедливее для города и граждан», не выдавать тайн, не давать и не принимать даров во вред городу, не вступать в заговор, а о существующем доводить до сведения демиургов, «хлеба вывозного с равнины не продавать и не вывозить в другое место с равнины, а только в Херсонес»... Мы видим из этой надписи, что в Херсонесе была демократия, с советом, коллегией демиургов, народным судом, куда доступ открыт был всем полноправным гражданам; видим, что владения Херсонеса не ограничивались одним городом и его ближайшими окрестностями, но простирались на целую область, «равнину»¹. Интересно также, какое значение херсонесцы придавали хлебной торговле, доставлению хлеба в их город²...

Ольвия. С 1900 г. начались, наконец, систематические раскопки на месте древней Ольвии³. Ольвия — «торжище Бо-

¹ *Латышев В. В.* // Pontica. С. 142 след.; ср. выше: с. 69, примеч. 4.

² Еще должна быть упомянута надпись, содержащая договор херсонеситов с Фарнаком; она опубликована: *Лепер Р.Х.* // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 45.

³ «Известия» и «Отчеты Императорской Археологической комиссии» (в 1914 г.: Отчет за 1909—1910 г.), в том числе: *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1901—1903 г. // ИАК. Вып. 13, и отдельно: СПб., 1906 (ср. рецензию: *Ростовцев М. И.* // ЖМНП. 1907. Май); его доклад на французском языке на Археологическом конгрессе в Каире: Olbia // ИАК. Вып. 33. 1909; ср. также: *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1907 г. // Гермес. 1907. № 1-3; Диль Э. *В.* Ольвия // Гермес. 1914. № 1—2). История Ольвии написана В. В. Латышевым: Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.

рисфенитов» (Герод., IV, 17), некогда богатый город, основанный колонистами из Милета в VII в. до Р. Х., у устьев Буга. Она насчитывала 1000 лет в своем существовании; разоренная гетами в середине I в. до Р. Х., она впоследствии несколько возрождается под римским владычеством, пока не погибла окончательно (развалины ее находятся у нынешнего села Парутина). Еще в 70-х годах прошлого века И. Е. Забелин пытался найти следы Ольвии, которая, «заброшенная на край цивилизованного мира, окруженная варварами», как предполагалось, должна была иметь сильные укрепления, — но безуспешно. Теперь раскопки на месте Ольвии ежегодно ведет Б. В. Фармаковский, по поручению Императорской Археологической комиссии, которой А. А. Мусин-Пушкин предоставил право производить раскопки на принадлежащей ему земле, а председатель Комиссии гр. А. А. Бобринский выхлопотал на это средства. В 1901 г. Б. В. Фармаковским исследован некрополь, раскопан любопытный склеп Еврисибия, к сожалению, разграбленный; открыто много могил преимущественно III—II вв. до Р. Х.; найдены разнообразные вещи; вообще теперь получается полная картина обряда погребения в Ольвии. Из найденных украшений обращают на себя внимание, например, прекрасные ушные подвески и ожерелье ионийской работы VI в., а из сосудов — терракотовые вазы с рельефными изображениями; одна из них представляет *unicum* среди археологических находок юга России: это — эффектная амфора, покрытая коричневым лаком, имеющая на плечах, ручках и крышке белую облицовку и украшенная разноцветными рельефными изображениями аканфовых и виноградных листьев и человеческими головками.

1902 г., по словам Б. В. Фармаковского, открывает новую эру в истории археологического исследования Ольвии; после долгого перерыва (со времени раскопок И. Е. Забелина и бар. В. Г. Тизенгаузена) снова могли быть производимы раскопки на месте древнего города. Удалось сперва найти остатки стен с грандиозными башнями римской эпохи, составлявших как бы цитадель и занимавших сравнительно небольшое пространство;

мошеную улицу; следы большого здания, быть может храма Аполлона; под большим курганом на берегу Буга — обширный погребальный склеп римской эпохи (II—III в. по Р. Х.), состоящий из двух комнат со сводом в виде арки, хорошо сохранившийся, но разграбленный, а в некрополе — многочисленные древние могилы VI—V вв., так что в Ольвии оказались представленными все последовательные эпохи, начиная с VI в. до Р. Х. и кончая III в. по Р. Х. найдены художественные фрагменты из мрамора (выдаются три мраморных головы), предметы архаической эпохи, ионийские расписные вазы, пифосы, амфоры, монеты. Но особенно интересна площадка, вымощенная разноцветными камешками, образующими красивый ковровый узор с фигурами животных, например, крылатого льва. По-видимому, это — двор, который окружен был с трех сторон портиками: открыты остатки дома эллинистической эпохи, представляющего аналогию греческому дому в описании Витрувия и составляющего как бы среднее звено между домами в Приэне и на о. Делосе.

В 1904 г. открыты, наконец, следы древнего города с VII в. до Р. Х. по IV в. после Р. Х., с его грандиозными стенами. Главная задача разрешена только в 1907 г.: открыты большая выемка или ров, за ним следы древнейших стен на широких фундаментах, очень прочных, устроенных — с целью укрепления почвы — из слоев золы, перемешанной с углем, и трамбованной глины, и остатки двух башен у ворот. В земляном полу одной из них — склеп из штучного прекрасного камня. В древнейшую пору город занимал обширную территорию, гораздо большую, нежели в римскую эпоху. Остатки городских стен Ольвии древнейшей эпохи ничтожны. Раскопками 1907 г. определено местонахождение этих стен, а раскопки 1908 г. определили место главных городских ворот; открыты остатки монументальных сооружений — башен: с запада и севера город укреплен был мощными стенами и башнями; точно установлены границы города в догетскую эпоху; найдены остатки городских построек и трупосожжения; сделаны многочисленные мелкие находки (более 4000 предметов), имеющие значение для истории искусства и художественной промышленности в Ольвии и для характеристики отношения Ольвии в разные эпохи к цент-

рам античной культуры. Раскопки 1909—1910 гг. показали, что город расположен был амфитеатром, напоминая в этом отношении Приэну. По аналогии с последней надо полагать, что главная часть Ольвии находилась именно в приречной местности. Продолжалось и исследование некрополя; открыт ряд могил архаической эпохи, эллинистической и римской. Среди остатков построек замечателен дом с двором, имеющим 4 портика по сторонам. Он напоминает дом, открытый в 1902/1903 г. Во дворе — алтарь, культовая комната, посвященная Кибеле, и Б. В. Фармаковский ставит вопрос, не имел ли этот дом общественное значение, тем более что он по своему плану напоминает пританейон Приэны? Не представляет ли открытый в 1909/1910 г. дом пританейон Ольвии? Он приблизительно одного времени с домом, открытым в 1902/1903 г., немного лишь позднее (по типу двора с четырьмя портиками по сторонам), не ранее второй половины II в. до Р. Х. — Из находок изяществом отличается рельефный медальон чаши, крытый бурым лаком, с изображением бюста Эрота с плюшевой гирляндой на груди; стиль свидетельствует о пергамском происхождении оригинала медальона; затем большая ваза, крытая бурым лаком, в виде смеющегося и хватающегося за голову силена. В некрополе найдены предметы архаической эпохи, например, ионийские сосуды; интересен небольшой сосуд из египетского фаянса в виде группы ежа с человеком, — амулет, для хранения ароматической жидкости; следует отметить также архаические серьги, архаическое ожерелье.

При раскопках 1913 г. внимание обращено было главным образом на некрополь. Найдено более 100 могил; значительная часть погребений — архаического времени, преимущественно VI в. до Р. Х., затем эллинистической и римской (императорской) эпохи; к собственно классической эпохе относятся лишь немногие. Раскопан и большой курган, названный «курганом С. А. Половцовой», — с каменным склепом и дромосом; но погребение разграблено совершенно. Из находок последнего времени обращает на себя внимание известняковая плита в виде надгробного памятника, с изображением сидящей Кибелы с львенком на коленях.

Вообще в художественном отношении в Ольвии обнаруживается сначала влияние Милета и других ионийских городов, потом Афин, наконец Пергама и Александрии.

Из ольвийских надписей первое место занимает, конечно, знаменитый декрет в честь Протогена, давно уже известный, о котором было упомянуто выше (с. 69); тут, наряду с щедротами ольвийского гражданина-патриота, «пред нами живая цепь бедствий, одолевших Ольвию: жадные и дикие варвары, грозный царь Сайтафарн, недород, недостача в хлебе, безденежье» (Ю. А. Кулаковский). А из надписей, найденных в Ольвии за последнее время, в историческом отношении важен декрет в честь одного «корабельщика», устанавливающий факт сношений граждан Ольвии с Митридатом, которому она, по-видимому, была подчинена и от которого имела гарнизон I.

Пантикапей. В Пантикапее, или нынешней Керчи, как было уже упомянуто, в начале 90-х годов XIX ст. производил исследования проф. Ю. А. Кулаковский; им открыто было несколько склепов, из которых некоторые до тех пор были совершенно неизвестны, а другие забыты, затеряны, и им вновь найдены. Затем (1896—1899) на восточном склоне Митридатовой горы делал раскопки К. Е. Думберг, причем открыты остатки нескольких античных построек — эллинистических зданий и римских бань. Исследование же керченских древностей за последние годы связано главным образом с именем В. В. Шкорпила, заведующего Керченским музеем, и проф. М. И. Ростовцева. Первый вел раскопки, открыл ряд гробниц и других памятников, опубликовал надписи². Второй занимался преимущественно изучением живописи керченских гробниц, и результатом его долгих и тщательных исследований явился монументальный труд, мимохо-

¹ Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. Вып. 18. 1906. С. 96 след.; Ростовцев М. И. Митридат Понтийский и Ольвия // Там же. Вып. 23. 1907.

² См. «Известия» и «Отчеты Императорской Археологической комиссии»; ср. еще: Марти Ю. /О., Шкорпил В. В. Керамические надписи, хранящиеся в Мелек-Чесменском кургане в Керчи. Одесса, 1910.

дом нами уже названный: «Античная декоративная живопись на юге России», дающий текст (Т. I. СПб., 1914) и роскошный атлас (1913) I. М. И. Ростовцев не только тщательно и методически исследует эту живопись: он ставит свое исследование чрезвычайно широко, объясняя ее из наблюдений над совокупностью памятников и обширного сравнительного материала. Мы видим у него анализ и сравнение каждого памятника с родственными ему и аналогичными памятниками других частей древнего мира (в том числе и с помпейским стилем); материал часто собран заново; объяснение и освещение — тоже часто новое.

Катакомбы, или склепы, с их росписью составляют, как мы видели (с. 421), главную достопримечательность древней столицы Боспорского царства. О наиболее замечательных из них, открытых до начала 90-х годов, мы уже упоминали. В рассматриваемый период сделан ряд выдающихся находок в этом роде. Таков склеп, открытый Ю. А. Кулаковским в 1891 г., со сценами загробной трапезы (между прочим изображена девочка-нянька, качающая люльку), выезда, жертвоприношения²; склеп, случайно открытый в 1895 г. во дворе Зайцевой владельцами усадьбы; центральная картина его изображает похищение Персефоны Плутоном. В 1900 г. на Глинище при раскопках (по словам К. Е. Думберга) или кладоискателями (по В. В. Шкорпилу) найден большой саркофаг (конца I или начала II в. по Р. Х.), вырезанный из глыбы известняка и сплошь расписанный внутри: изображены гирлянда, загробная трапеза, художник-портретист в своей мастерской, юноша с лошастью, танец пигмеев, сидящая женщина, два всадника, из которых один с нагайкой, музыканты. Саркофаг этот, в миниатюре настоящая погребальная камера,

¹ Ср.: Ростовцев М. И. Керченская декоративная живопись... // ЖМНП. 1906. Май; *его же*. Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. // Сборник археологических статей, поднесенный гр. А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства в Археологической комиссии. СПб., 1911.

² Об этой росписи — указанная выше статья М. И. Ростовцева в «Сборнике, <...> поднесенном гр. А. А. Бобринскому». СПб., 1911.

находится теперь в Эрмитаже. Отметим еще склеп с 4 саркофагами, стоящими на полу (открыт в 1902 г.); ряд гробниц в усадьбе Фельдштейна, найденных в 1905 г.; семейное погребение, открытое В. В. Шкорпилом в 1908 г.; им же открытые (в 1910 г.) две каменных гробницы, из которых в каждой сохранились остатки больших деревянных саркофагов, и несколько склепов в геометрическом стиле, найденных в течение 1873—1912 гг. и принадлежавших, по-видимому, сабасиастам.

М. И. Ростовцев производил исследования также в Ай-Тодоре. В области изучения античных древностей Тавриды немало обязаны мы также А. Л. Бертье-Делагарду, вице-президенту одесского Общества истории и древностей.

Танаис. Наиболее далеким пунктом греческой колонизации в пределах нынешней России был Танаис, обширное торжище эллинов с варварами, основанное боспорскими греками за несколько веков до Р. Х. в низовьях Дона (Танаиса). Но до последнего времени местоположение его не было в точности определено: одни указывали на станицу Елисаветовскую, другие — на Недвиговку. Раскопки 1908—1909 гг., ведшиеся у станицы Елисаветовской А. А. Миллером и у Недвиговки — Н. И. Веселовским¹, привели к открытию могил и различных находок и к тому общему выводу, что Танаис древнейший, разрушенный боспорским царем Полемоном в конце I в. до Р. Х., находился там, где теперь станица Елисаветовская, а впоследствии

¹ См.: ИАК; *Миллер А. А.* К вопросу о Танаисе // Гермес. 1909. № 3; *Веселовский Н. И.* Танаис младший. Археологические раскопки 1908 года // Гермес. № 6; *Ильин А. М.* Танаис, Тана и Азов. Ростов-на-Дону, 1908; *его же.* Монеты древнего Танаиса. Ростов-на-Дону, 1912; *Матвеев А. С.* К раскопкам древнего Танаиса // Записки Ростовского общества. Т. I. 1913; *Краснянский М. Б.* Остатки древних греческих поселений на территории г. Ростов-на-Дону // Приазовский край. 1910. 12 декабря. — В Ростове-на-Дону существует музей и Общество истории, древностей и природы, которое издает свои «Записки» (с 1912 г.). — В 50-х годах XIX столетия на месте Танаиса производил исследования П. М. Леонтьев; см.: *Леонтьев У. М.* // Пропилеи. Т. IV. 1854.

(во II в. по Р. Х.) возник новый, или младший, Танаис у нынешней Недвиговки; первый был обширнее, второй — меньше.

Следы греческой культуры имеются и в Закавказье, например, развалины греко-римского храма в Гарни (Эриванской губернии), исследованные Н. Я. Марром при участии других лиц, в их числе — Я. И. Смирновым.

Раскопки на Березани. На острове Березани, близ Очакова, раскопки проф. Э. Р. фон Штерна¹ открыли греческое поселение VI и начала V в. с характерными признаками ионийской колонии, — единственный случай у нас в России городка той эпохи, сохранившегося в первобытной своей форме, без надстроек и поселений из более поздних периодов; добыт богатый материал древнемилетской керамики, редкой и на почве самой Греции; найдены остатки здания, с сохранившимися на значительной высоте стенами, так что видны отверстия для окон и дверей; исследован некрополь, причем получены любопытные выводы относительно трупосожжения и трупоположения у греков (ионяне сжигают покойников, а с проникновением аттической культуры и аттического влияния замечается переход к трупоположению); найденные ольвийские рыбки и «ассы» освещают некоторые вопросы из области нумизматики и т. д.²

В Николаеве близ адмиралтейства открыто древнегреческое кладбище со многими гробницами и различными находками, и следы греческого поселения.

¹ Доклады его на Международном Археологическом конгрессе в Афинах (1905) и на XIII Археологическом съезде в Екатеринославе (1905; см. об этом съезде: *Редун Е. К.* // ЖМНП. 1906. Июль), главным же образом — его сообщения в «Отчетах Археологической комиссии» и статьи в «Klio»; см. также: *Штерн Э. Р. фон.* Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря по археологическим данным // Сборник археологических статей, поднесенных гр. А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства в Археологической Комиссии. СПб., 1911.

² Э. Р. фон Штерн производил раскопки и в Аккермане (ЗОО. XXXI). — О находках в Евпатории: *Штифтар В.* Археологические находки в Евпатории // Гермес. 1911. № 18.

Курганы. «Солоха». В курганах Южной России, в Приднестровье, находят, как мы видели (с. 424), иногда замечательные следы греческой культуры. Проф. Ф. А. Брауном в 1898 г., а затем (1909—1910 гг.) Н. И. Веселовским исследована Чмырева могила близ Б. Белозерки, Мелитопольского уезда, Таврической губернии, с интересными находками. В 1901—1902 гг. в Малых Ильинцах, Липовецкого уезда, Киевской губернии, раскопан курган генералом Н. Е. Бранденбургом; склеп оказался разрушенным и разграбленным, но несколько вещей осталось, и между ними — пластинка, обивка горита, вроде Чертомлыцкой 1. Делались находки и в Воронежской губ. Но особенно замечательно царское погребение, открытое проф. Н. И. Веселовским в кургане «Солоха»², в 12 верстах от с. Большой Знаменки, Мелитопольского уезда, Таврической губернии.

Этот огромный курган, заостренный сверху, возвышается, наподобие египетской пирамиды, среди ровной степи и виден издали за 20 верст. Окружен он группой мелких курганов. В 1912 г. Н. И. Веселовскому удалось открыть в нем глубокую яму (до 4 саж. глубины), по-видимому, могилу царицы (найлены золотая иголка и серебряный фиал); она была ограблена, но несколько предметов осталось, например, вызолоченный бронзовый сосуд, несколько греческих амфор, большой бронзовый котел, в котором были деревянный ковш и кости цельного

¹ Б. В. Фармаковский считает этот горит оригиналом, а Чертомлыцкий — копией: см. его статью, упомянутую выше: с. 425, примеч. 1.

² **Веселовский Н. И.** К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве // ИАК. Вып. 47.1913; Иллюстрированное прибавление к «Новому Времени». 19 октября и 30 ноября 1913 г.; **Бобринский А. А., гр.** Вновь открытая могила скифского царя // ИАК. Вып. 50 (прибавление); **Половцова С. А.** Курган Солоха близ с. Б. Знаменки Мелитопольского уезда, Таврической губернии // Гермес. 1914. № блед.; **ее же** (на франц. языке) // RA. 1914.1; **Ростовцев М. И.** // Festschrift für Montelius. Stockholm, 1913; **его же.** Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49.1913; **Фармаковский Б. В.** // Archäologischer Anzeiger. 1913.

барашка, квадратный бронзовый предмет на 4 низких ножках с колесиками, с орнаментом по углам и скрещивающимися железными прутьями посредине, — вероятно, подвижная жаровня. Выше этого погребения — могила меньших размеров; в ней две лошади с дорогой сбруей; обращают на себя внимание золотые нашечники и налобник в форме большой гладкой рыбы, с оттиснутыми на ней маленькими рыбами и орлами; здесь предметы эти впервые найдены *in situ*, на лошадиных костях, и таким образом мы узнаем назначение подобных украшений в виде рыб.

В 1913 г. Н. И. Веселовский продолжал раскопки кургана Солохи, и они увенчались еще большим успехом. В другой части кургана оказался широкий коридор, спускающийся в большое могильное помещение; повыше могилы — большая яма, с деревянной настилкой, уже истлевшей, и с 5 отделениями; в каждом по лошади; при лошадях — различные бронзовые украшения сбруи и уздечек, золотые украшения в виде грифов, бус, нашечников, бляшек. За лошадьми скелет конюха и около него — наконечники стрел. В коридоре у входа в царскую могилу — скелет слуги. В самой могиле посередине покоился, очевидно, царь. Одежда его истлела, но сохранились золотые бляшки (ок. 300), которые на ней были нашиты; на шее царя — большое великолепное ожерелье из дутого золота с рельефными головами львов на обоих концах; на руках — 5 золотых браслетов. За головой тоже ожерелье. Остов царя обставлен со всех сторон вооружением и различными вещами; обращают на себя внимание большой бронзовый шлем греческого образца; 2 меча железных и золотые ножны с интересными изображениями, и — большая редкость — бронзовая булава на деревянной рукоятке, снизу окованной медью, вероятно, знак царского достоинства. Но самая замечательная находка, редкий шедевр, — лежавший тут же, около правого плеча царя, золотой гребень чудной работы, в верхней части украшенный изображением боя всадника с двумя пешими; на земле, ногами кверху, изображена лежащая раненая лошадь. «Трудно передать словами все изящество этих изваяний. Все эти воины и лошади вылеплены в форме маленьких статуэток, высотой от 4 до 5 сантиметров... Каждая фигурка выделана с поразительным

талантом. Не только мельчайшие подробности вооружения воспроизведены с невероятной отчетливостью, но и лица воинов, с длинными волосами, усами и бородами, представляют бесспорно творение первоклассного художника. Даже выражение лиц этих маленьких золотых человечков врезывается в память... Движение лошадей поразительно реально. Вообще во всей композиции боя и в позах действующих лиц чрезвычайно много движения... Для изучения древнего вооружения мы приобретаем новый неоценимый материал» (гр. А. А. Бобринский). Следует отметить еще серебряные вазы, найденные там же, около плеча царя, разных форм и величины, с прекрасно исполненными изображениями грифов и других животных, охотничьих сцен — скифов, верхом на коне борющихся со львами или гонящихся за другими зверями, — женщин, пляшущих или играющих на музыкальных инструментах и проч. Неподалеку, в углу могилы, 3 больших бронзовых котла; в одном — кости коров и обломки черпал, в других — кости баранов; тут же большая греческая амфора и бронзовое сито. В стене, близ тела царя, в особой нише или тайнике, найдены большой колчан с замечательным изображением рукопашного боя и золотое блюдо, в своем роде уник, с изображением 21 сцены, расположенных в 3 ряда, — львов, нападающих на лошадей, оленей и т. п. В этой же могиле, у стены — другой покойник, вероятно оруженосец; в соседней нише — несколько предметов, из золота или обитых золотом, а поодаль, в особом углублении, — 10 стоящих в ряд больших глиняных амфор, из которых некоторые имеют надпись греческими буквами.

Погребение это относят к IV в. до Р. Х. Вспоминаются слова Геродота о Герросе, где находились могилы предков скифов...

Миннз. «Суммарий» того, что известно об археологии, этнологии и истории стран между Карпатами и Кавказом, о классических памятниках на юге России, дает обширная и прекрасно изданная книга англичанина Эллиса Миннза (*Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913*)¹, знающего русский язык и первоначаль-

¹ Ср. выше стр. — где указаны и рецензии на нее.

ально, ввиду того что для западноевропейских ученых затруднительно пользоваться русской литературой, имевшего намерение «снабдить ключом к тому, что написано русскими учеными». Книга Миннза дает богатую библиографию.

«Трипольская культура» (Хвойко). Говоря о древнейшей греческой культуре на юге России, нельзя не упомянуть о замечательных находках В. В. Хвойко (хранителя музея в Киеве, ум. в 1914 г.). Он открыл в Киевской губернии остатки своеобразной неолитической культуры, которую он назвал по месту нахождения ее «трипольскою» (от местечка Триполье) и которую часто называют по имени лица, ее открывшего, «культурой Хвойка»¹. Это прямоугольные «площадки», близко лежащие одна от другой, с плотно утрамбованным глиняным полом, со следами глиняной обмазки на круглых бревнах, и многочисленная утварь — биноклеобразные и грушевидные, книзу суживающиеся сосуды со спиральным узором, небольшие кубки, чашки и кружки, украшенные шнуровым и пунктирным орнаментом, фрагменты более тонких, лучше обработанных глиняных сосудов с орнаментами, окрашенных черной, красной и темно-коричневой краской

¹ Хвойко В. В. Каменный век среднего Приднепровья (Труды XI Археологического съезда. I); Киевокирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи Мадлен // АЛЮР. 1903. № 1; *его же*. Раскопки в области Трипольской культуры // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Московского Археологического общества. V. Вып. 2; *его же*. Начало земледелия и бронзовый век в среднем Приднепровье // Труды XIII Археологического съезда); *его же*. Поля погребения в Среднем Приднепровье // ЗИМАО. XII. Вып. I; *его же*. Отчет о раскопках площадок в селе Крутобородницах... и близ села Веремье... // Древности. Труды ЗИМАО. XXII. Вып. 2. 1909; *его же*. Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913 (ср. рецензию: *Бороздин Н.Н.* // НИЖ. 1914. № 3), и труды Э. Р. ф. Штерна, о которых ниже. Ср.: *Веселовский Н. И.* Алебастровые и гипсовые статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе. СПб., 1910. Общая характеристика «трипольской культуры»: *Багалей Д. И.* Русская история. Т. I.

на гладком полированном желтом или коричневом фоне, а также человекообразные идола из глины, кремневые ножи, метательные камни и т. п.

Раскопки Э. Р. фон Штерна в Петренах. Аналогичная культура, в которой усматривались некоторые черты сходства с культурой троянской и микенской, обнаружена в России на большом районе — от Черниговской губ. к Галиции. Проф. Э. Р. фон Штерн открыл ее следы, ведущие к Балканам. В 1902—1903 г. он произвел раскопки в деревне Петрены (Бессарабской губернии) I, причем им открыты были тоже «площадки» с трамбованной глиняной почвой, служившие, по его мнению, не для поселения, а для трупосожжения и жертвоприношений. Найдены и разные предметы чисто неолитической эпохи — камни для метания из пращи, каменные молотки, топоры, ножи или пилы из кремня, кости животных, разные фигуры — быка, коровы, теленка, глиняный идол и сосуды, сделанные без гончарного круга, большинство со своеобразным орнаментом. Расписная керамика особенно интересна по сходству ее с микенской.

Но Э. Р. фон Штерн полагает, что она возникла не под влиянием микенской, не есть отражение последней, а наоборот — является первоначальной ступенью, прототипом микенской вазовой живописи. Подтверждение этому он находит в том, что в Фессалии (в Сескло и Димини) В. Стаис и Х. Цунтас открыли неолитическую стоянку с подобною же расписною керамикой глубоко под слоем памятников микенской культуры — дворцовых сооружений, открытых там же. Следовательно, эта неолитическая культура, простиравшаяся через всю Киевскую и Подольскую губ., встречающаяся в Бессарабии и далее — в Галиции, Буковине, Венгрии, Румынии и на Балканском полуострове, доходящая на западе до Моравии и южной Австрии, гораздо древнее микенской: она может быть датирована III тысячелетием до Р. Х., как показывают упомянутые находки в Фессалии.

¹ См. его исследование на русском и немецком языках: *Штерн Э. Р. ф.* Доисторическая греческая культура на юге России // Труды XIII Археологического съезда. М., 1906. Т. I (и отдельно).

Э. Р. фон Штерн полагает, что культурное движение идет в данном случае с севера на юг; мы можем проследить его путь с Черниговской, Киевской и Бессарабской губ. по Балканскому полуострову до Фессалии, по островам через Трою до Крита (вазы типа «камарес»). Племена, жившие первоначально в этот неолитический период на юге России, двигаются дальше на юг и заселяют т. наз. греческий мир, где и выработалась вскоре высокая эллинская культура¹. Такова, вкратце, гипотеза Э. Р. фон Штерна, вызывающая, однако, и возражения. Из них главное сводится к тому, что, принимая ее, мы должны допустить более раннее появление греков или их предков на юге Европы, чем обыкновенно полагают на основании разных данных.

Экспедиции в Малую Азию, Сирию и проч. В припонтийские страны Малой Азии и в Армению были предприняты экспедиции бельгийских ученых братьев Кюмон и англичанина Дж. Андерсона (Anderson) (1900) и затем (1907) бельгийца А. Грегуара (Grégoire). Результаты их исследований опубликованы в совместном их труде — «Studia Pontica»², в том числе и собрание надписей Понта (северо-восточного побережья Малой Азии) и Армении.

В Лидии, в Сардах, производили раскопки американцы³; главный результат их — открытие большого храма Артемиды и двуязычной надписи — на лидийском и арамейском языке. Американцами У. Баклером (Buckler) и Д. Робинсоном (Robinson)

¹ Мысль эту Э. Р. ф. Штерн высказал еще на Археологическом съезде в Харькове в 1902 г.; потом изложил результаты своих раскопок в Петренах и свою гипотезу вкратце на международном Археологическом конгрессе в Афинах и Археологическом съезде в Екатеринославе в 1905 г. (см.: «Известия» съезда и *Редин Е. К.* // ЖМНП. 1906. Июль), а в более подробном виде в названном уже исследовании: *Штерн Э. Р. ф.* Доисторическая греческая культура на юге России.

² Studia Pontica. I. Anderson / C. S. A journey of exploration in Pontus. Bruxelles, 1903; II. Cumont Fr., Cumont Eug. Voyage d'exploration archéologique dans le Pont et le Petite Arménie. 1907; III. Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie publié par J. G. S. Anderson, Fr. Cumont, H. Grégoire. 1900 (Fase. 1).

³ Отчеты: *Buttler S.* // AJA. XVI ss.

издаются и греческие надписи из Сард 1. В Лидию предприняты были австрийские экспедиции Иозефа Кейля (Keil) и А. фон Премерштейна (Premerstein) (в 1906 и 1908 г.), причем открыто много новых надписей, большею частью на эолийском диалекте, а некоторые — на лидийском языке 2. Из других экспедиций следует отметить экспедицию О. Бенндорфа в сопровождении Э. Калинки и Нала в Ликию и Карию, путешествие К. Тумана и О. Пухштейна (Puchstein) в Малую Азию и северную Сирию 3, Р. Хебердея и А. Вильгельма (Wilhelm) — в Киликию (1891—1892) 4, Леонгарда (Leonhard) — в Пафлагонию 5, Ютнера (Jüthner), Кнолля (Knoll), Партча (Patsch) и Свободы — в Исаврию 6, поездку нашего соотечественника Я. И. Смирнова по Киликии, Пафлагонии и Каппадокии 7, кн. С. С. Абамелека-Лазарева — в Джераш 8. Известный исследователь Фригии У. М. Рамсей (Ramsay) издал в рассматриваемый период новый дальнейший свой труд — «The Cities and Bishoprics of Phrygia» (1895-1897) 9. В древней столице Фригии, Гордии, производили раскопки братья А. и Г. Кёрте (Körte); их находки в некрополе, в некоторых разрытых могильных холмах, проливают свет на древнейшую культуру фригийского населения. В Мизии, в долине верхнего Каика, Годен (Gaudin) в некрополе Yortan открыл культуру, родственную культуре второго

¹ *Robinson D. M.* Greek Inscriptions from Sardes // AJA.

2 Отчет: *Premmerstein A. v.* //DKAW. LIII (1908); LIV (1909); *ero же* // Verhandlungen der 50. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner im Graz. 1909. Leipzig, 1910.

³ *Humann K., Puchstein O.* Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Berlin, 1890.

⁴ *Wilhelm A.* Reisen in Kilikien... Wien, 1894.

⁵ *Leonhard.* Paphlagonische Denkmäler... Breslau, 1893 (из «Jahresberichte der Schlesischen Gesellschaft für vaterländische Kultur»).

⁶ Предварительный отчет: Prag, 1903.

⁷ См. выше, с. 478, примеч. 8.

⁸ *Абамелек-Лазарев С. С.* Джераш — Gerasa. СПб., 1897.

⁹ Ср. изданные им: *Ramsay W. M.* Studies in the history and art of the Eastern Provinces of the Roman Empire. Aberdeen, 1906, написанные частью им, частью его учениками.

города Шлимана на Гиссарлыке и восходящую к началу II и концу III тысячелетия до Р. Х.

Но особенно важны и интересны раскопки Г. Винклера ¹ на месте древней столицы хеттов в нынешней турецкой деревне Багазкёе (в Каппадокии, на р. Галисе), открывшего в 1906 г. архив хеттских царей, не говоря уже о скульптурах, остатках укреплений, храмов, дворцов и других следах хеттской культуры, имевшей точки соприкосновения с культурой крито-микенской.

Наконец, можно упомянуть еще об американских экспедициях в Сирию (1899, 1904-1905 и 1909 г.) ², результатом которых между прочим было открытие и опубликование найденных там греческих и латинских надписей, о раскопках в Кирене ³, раскопках Тиршата и Тирша-сына в Александрии, на месте Серапеума ⁴, и о немецкой экспедиции в Абиссинию (Aksum-Expedition), собравшей надписи, в том числе и греческие ⁵.

Новейшие труды по истории Греции

Влияние открытий на обработку греческой истории. Со времени открытий начала 90-х годов, в особенности «Афинской политики», разработка греческой истории, в частности афинской, вступила в новый фазис; для нее началась новая эра. Историю

¹ *Winckler H.* Vorderasien im zweiten Jahrtausend auf Grund archivistischen Studien // MVÄG. 1913; *его же.* Nach Boghasköi (Der alte Orient); *Puchstein O.* Boghasköi // Wissenschaftliche Veröffentlichungen der deutschen Orient-Gesellschaft. Leipzig, 1912.

² The Publications of an American Archaeological Expedition to Syria in 1899—1900; Publications of the Princeton University Archaeological Expedition to Syria 1904-1905 and 1909; здесь: *Littmann E., Magie D., Stuart D. R.* Greek and latin inscriptions in Syria. Leiden, 1910—1913.

³ *Norton Ch., Hoppin, Curtis, Sladden.* The Excavation at Cyrene (1910-1911), 1912 // Bulletin of the Archaeological Institut of America. II. New York.

⁴ *Фармаковский Б. В.* Об Археологическом конгрессе в Египте // ЖМНП. 1910. Январь.

⁵ Deutsche Aksum-Expedition. Bd. IV. Berlin, 1913.

Греции, преимущественно Афин, пришлось во многом переделывать, и 1891 г. составляет в деле ее разработки резкую грань: все труды, вышедшие в свет до этого года, сразу оказались устаревшими в отделе об Афинах. То же надо сказать и о древнейшей истории Греции, в которой открылся для нас громадный период — крито-микенский, и о позднейшей — эллинистической эпохе, для которой папирусы дали новый, богатый материал.

Какие понадобились переработки прежних трудов для того, чтобы поставить их в уровень с современным научным движением и быстро следовавшими одно за другим открытиями, лучше всего показывает сравнение первого издания «Греческих древностей» и «Греческой истории» Георга Бузольта со вторым.

Второе издание «Древностей» и «Греческой истории» Бузольта. Второе издание «Die griechischen Staats- und Rechtsalterthümer» Г. Бузольта вышло, как мы видели (с. 441), в 1892 г. Оно с полным правом названо на заглавном листе — «Zweite umgearbeitete und sehr vermehrte Auflage». Вместо прежних 222 страниц это издание имеет 384. Не только приняты в соображение вновь найденные надписи и результаты новых работ, пополнены библиографические указания ¹, но прибавлены или переделаны целые отделы. Особенно важной и коренной переработке подвергся здесь «Очерк истории афинского государственного строя», на основании открытого перед тем трактата Аристотеля. Второе издание «Древностей» Бузольта явилось первым во времени крупным общим трудом, в котором вполне приняты во внимание данные нового для нас источника и на основании их представлена история постепенного развития государственного строя Афин, хотя автор не мог воспользоваться непомерно разрасставшеюся литературой об «Афинской политике» ².

¹ Некоторые упущения отмечены В. Тумзером (Thumser) в его рецензии (Berliner Philologische Wochenschrift. 1892. № 52).

² Текст последней опубликован, как известно, в начале 1891 г.; рукопись же Бузольта была уже окончена в августе того же года, а книга вышла в свет в мае 1892 г. В 1914 г. вышла «Griechische Staatenkunde» Бузольта, являющаяся новою переработкою его «древностей», но этой книги вследствие войны я не мог получить.

Бузольт отнесся к новооткрытому источнику с большим, чтобы не сказать с излишним, доверием. Он большею частью следует в своем изложении «Афинской политике», хотя иногда и с оговорками в примечаниях, указывая на некоторые неточности или преувеличения. Принимает он здесь и все сообщения «Политии» о Драконовой конституции ¹. Некоторым увлечением Бузольта новооткрытым памятником объясняется, вероятно, и то, что он в своем столь вообще сжатом руководстве подробно излагает олигархические проекты 411 г., придерживаясь почти дословно «Афинской политике», чем нарушает равномерность частей, тем более что проекты эти остались, так сказать, лишь на бумаге. Само собой разумеется, что Бузольт воспользовался новыми данными и для «систематической части» своих «Древностей» ².

Значительно переделал, как мы уже говорили (с. 443), свое руководство по древностям и Г. Гильберт для второго издания (1 т.) ³.

Еще крупнее дополнения и изменения, сделанные Бузольтом в новом издании его «Griechische Geschichte».

Над нею Бузольт работает уже более 30 лет: начал он ее в конце 1879 г.; в 1885 г. появился I том ее, в котором изложение было доведено до Греко-персидских войн, а в 1888 г. — II том, обнимающий период борьбы с персами и «Пятидесятилетие», до начала Пелопоннесской войны; в III томе автор предполагал довести изложение до Херонейской битвы и этим закончить. Но прежде чем труд был закончен, понадобилось новое издание уже вышедших томов, и Бузольт принялся за коренную переработку

¹ Во II т. нового издания своей «Греческой истории», вышедшем позже «Древностей», Бузольт отнесся к этим сообщениям уже с большою осторожностью и сомнением.

² К оставшимся экземплярам русского перевода «Древностей», упомянутого раньше, переводчики присоединили «Приложения», в которые между прочим вошли очерки «древнеаттического племенного строя» и «законодательства Дракона».

³ Напомню, что переработке подверглись также и труды Германа и Шёмана.

их. Во втором «дополненном и совершенно переработанном издании», вышедшем в свет в течение 1893—1897 гг. уже не в двух, а в трех томах, эта часть «Греческой истории» Бузольта является, по справедливому выражению самого автора, как бы новым трудом: так велики перемены и добавления. Самый объем труда чрезвычайно разросся. На изложение истории Греции до Пелопоннесской войны вместо прежних двух книг понадобилось три. В I томе в начале прибавлена, например, целая обширная глава о микенской эпохе; зато из этого тома пришлось выделить всю историю Аттики и отнести ее к тому II; в то время как в первом издании II том обнимал историю Греции от ионийского восстания до начала Пелопоннесской войны, в новой переработке во II томе изложение заканчивается отражением персов; история «Пятидесятилетия», блестящего промежутка между отражением персов и началом Пелопоннесской войны, занимавшая раньше лишь половину II тома, всего около 300 стр., теперь составила целую обширную книгу почти в 600 стр., как I часть III тома, вторая часть которого, по плану Бузольта, должна была заключать в себе окончание всего труда, что заранее, однако, казалось неисполнимым. Примечания, на которые и прежде падал, можно сказать, центр тяжести, в новом издании занимают еще более видное место и нередко разрастаются в целые экскурсы.

Таким образом, «Griechische Geschichte» Г. Бузольта, это незаменимое пособие и настольная книга для всех занимающихся греческою историею, в новом издании представляется по своему содержанию и громадному материалу еще более богатою, чем в первом. А в 1904 г. Бузольт выпустил и 2-ю половину III т., огромную книгу, более 1000 страниц, посвященную истории Пелопоннесской войны, с подробным обзором источников в начале (S. 591—756).

Наряду с открытиями на новейшую обработку греческой истории должно было сильно повлиять еще и другое обстоятельство.

Новейшее направление в исторической науке. Известно, что воззрения на историю, ее предмет, задачи и основные факторы исторического процесса меняются, и мне уже в начале настоящего очерка (с. 292—293) приходилось указывать на ту тесную связь, которая существует между состоянием общества, его стро-

ем и настроением, идеалами и умственными течениями, с одной стороны, и взглядами историков — с другой 1.

Было время, когда в истории искали главным образом «деяний»; интересовались по преимуществу «великими людьми», в них видели главные, основные факторы исторического процесса. В наш демократический век и историческая наука обнаруживает тенденцию к некоторой, так сказать, нивелировке; она умаляет значение отдельной личности, роль «великих людей», и на первый план выдвигает массу, общество. Одним из самых ярких выразителей такого направления в настоящее время можно считать известного немецкого историка Карла Лампрехта, взгляды которого возбуждают в Германии горячий и даже страстный спор и вызвали целую литературу². Сам Лампрехт свое направление называет «коллективистическим» и противопоставляет его прежнему, «индивидуалистическому». По его воззрениям, личное начало совершенно ступшевуется; генеричными, лишенными всякой свободы признаются поступки только массы, и поэтому принцип причинности оказывается применимым лишь в истории быта, состояния масс: тут именно сфера эволюции, здесь особый метод сравнительно с историей выдающихся личностей.

Вообще идея эволюции, имеющая столь важное значение в естественных науках, переносится и в область наук общественных и исторических. Статистический метод, с таким успехом применяемый при изучении явлений социальной жизни, начинает применяться и историками к явлениям более или менее далекого прошлого³.

¹ Ср.: *Петрушевский Д. М.* Тенденции современной исторической науки // Образование. 1899. № 5—6; мою статью: *Бузескул В. П.* Характерные черты научного движения в области греческой истории за последние 30 лет // РМ. 1900. Февраль (перепечатана в моих «Исторических этюдах». СПб., 1911).

² На русском языке см.: *Малинин А. А.* Старое и новое направления в исторической науке // Сб. рефер. Исторического общества при Московском университете. II.

³ См.: *Beloch K. J.* // Historische Zeitschrift. 3-te F. 1912. XV.

Если прежде ограничивались историей внешней, военной и дипломатической, если затем интерес сосредоточивался преимущественно на истории государства, государственных учреждений, политических партий и их борьбы и отчасти на истории культуры, то в наше время, в век капитализма и рабочего пролетариата, могущества денег, развития торговли и промышленности, когда вопросы и отношения социально-экономические стоят на первом плане, интересуют и волнуют каждого мыслящего человека, и историческая наука, при изучении прошлого, обращает особенное внимание на них, на состояние общества и общественных классов, на борьбу этих классов, на отношение к ней государства. Это введение общества в круг исторических исследований, этот «социально-исторический метод» и анализ, который различает государство и общество и выясняет взаимные отношения между первым и общественными элементами, в глазах одного из представителей новейшего направления в изучении греческой истории, Роберта Пёльмана, — самый важный и богатый последствиями успех, достигнутый исторической наукою в новейшее время¹.

Социально-экономическое направление можно считать теперь преобладающим в исторической науке. Оно впадало иногда даже в такую крайность и односторонность, как т. наз. «экономический», или «исторический материализм». Он явился протестом против идеалистического понимания истории; он попытался свести весь сложный исторический процесс к одному началу — к экономическому фактору. Фундаментом истории он признал производственные отношения: по словам Карла Маркса, способ производства материальных средств жизни обуславливает социальный, политический и духовный жизненный процесс вообще: не сознанием людей определяется быт, а наоборот, их общественным бытом определяется сознание. Говоря словами его последователей, направляющим и определяющим моментом в последней инстанции является производство; экономическое со-

¹ Pöhlmann W. Aus Alterthum und Gegenwart. München, 1895. S. 51. 246-247.

стояние — базис; все остальное — надстройка; среди условий, при которых совершается история, экономические в конце концов являются решающими и ими обуславливается исторический процесс; политическое, юридическое, философское, религиозное, художественное и всякое иное развитие покоится на экономическом и т. д. Но это есть грубое искажение истории, и в последнее время замечается в свою очередь реакция против материалистического понимания истории, как бы возрождение идеалистического направления. Сами последователи исторического материализма уже делают оговорки и уступки. Они признают значение политических и иных условий; они допускают, что эти условия развиваются по свойственным им законам; они отстаивают лишь положение, что в историческом процессе экономические факторы наиболее важные, что их влияние на прочие отношения сильнее, чем влияние последних на экономию.

Не буду, наконец, говорить о том критицизме, который свойствен новейшей науке.

Отражение его в области изучения греческой истории. Естественно, что общее движение исторической науки, перемены во взглядах на нее, на ее предмет и задачи, на факторы исторического процесса, в связи с переменной общественной настроением, идеалов и интересов, — все это не могло не отразиться и на обработке греческой истории. По верному замечанию Р. Ю. Виппера, например, «типичный немецкий историк эпохи, предшествующей войнам 1866—1870 годов, считал кульминационным пунктом греческой истории Греко-персидские войны; он сравнивал их с освободительным движением своей родины против Наполеона в 1808—1814 гг.; в демократии середины V в. до Р. X. он видел главный плод греческой национальной борьбы, потому что он признавал первую цель своего времени достижение равенства политических прав, потому что он или сам бился в 1848 г. за политическую вольность, или сочувствовал борьбе за принципы народного верховенства»¹. В эпоху реакции первой половины XIX ст., под

¹ Виппер Р. Ю. Очерки исторической мысли XIX века // МБ. 1901. март.

впечатлением воспоминаний о французской революции, историки часто склонны были выступать с нападками против демократии. Победа либерализма привела к противоположному воззрению. В греческой демократии стали видеть образец и осуществление идеалов, которыми увлекались. Это настроение, как известно, нашло себе выражение в труде Дж. Грота.

В настоящее время историки подходят к греческой древности с иной точки зрения, с иными запросами и интересами. То новейшее направление в исторической науке, о котором я говорил, нашло себе отражение, в большей или меньшей степени, и в области обработки греческой истории. Главными представителями его являются Белох, Эд. Мейер и Пёльман. Все трое — почти сверстники (Ю. Белох родился в 1854 г., Эд. Мейер — в 1855, Р. Пёльман — в 1852 г.). Самый типичный из них вообще — Белох; более умеренный, чуждый односторонности и в то же время самый крупный ученый — Эд. Мейер, а самый яркий представитель изучения социально-экономических вопросов античного мира — Пёльман.

Белох. Юлиус Белох, немец по национальности, долгое время бывший профессором древней истории в Римском университете, а теперь — в Лейпциге, приобрел известность прежде всего своею монографией) об аттической политике со времени Перикла (*Die attische Politik seit Perikles*. Lpz., 1884), в которой он чрезвычайно сурово отнесся к вождям афинской демократии, и затем своим исследованием о численности населения греко-римского мира (*Historische Beiträge zur Bevölkerungslehre*. I. Th. *Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt*. 1886) 1, где применил в широких размерах статистический метод к древней истории 2 и между прочим доказывал положение, которое потом было развито и Эд. Мейером, именно, что рабы в древности

¹ Более популярная статья его же на ту же тему: *Beloch K. J.* // *Zeitschrift für Socialwissenschaft*. 1899. Heft 7—9.

² На русском языке об этой книге есть рецензия: *Шамонин Н.Н.* // ЮВ. 1888. № 5; ср.: *Хвостов М. М.* Изучение экономического быта древности // ЖМНП. 1900. Июнь.

вовсе не были так многочисленны, как принято думать, и рабство не играло той видной роли, какую ему обыкновенно приписывают. В предисловии к своему исследованию Белох заявляет, что до тех пор не было предпринято попытки изучить движение населения на обширном пространстве и в течение длинного периода, на основании систематически собранного и критически разобранного имеющегося налицо материала; а между тем это — единственный путь для реального понимания истории и для выработки прочной теории населения. К современным историкам, по его мнению, применимы слова Полибия относительно Филарха: «каждый прежде всего поражается непониманием и незнанием расходов и богатства эллинских государств; а историкам это должно быть известно прежде всего». Приемы и выводы Белоха вызвали сильные возражения 1; действительно, приемы его иногда слишком смелы, а выводы шатки и гипотетичны; но им впервые собран обширный материал, все, что может пролить свет на статистику населения древнего мира, и впервые этот материал подвергнут критике 2. К той же теме Белох возвращается в своей вступительной лекции в Лейпцигском университете (1912) 3, которую он посвятил «численности населения, как фактору и показателю исторического развития». Даже умственные течения, по его мнению, в гораздо большей мере доступны статистической обработке, чем думают те, кто видит в истории не что иное, как собрание биографий героев. Конечно, замечает Белох, для достижения этой цели еще далекий путь. Но только тогда, когда такой путь будет пройден, история может стать тем, что она теперь еще не есть, но чем должна быть, — наукой.

¹ Преимущественно в статье О. Зеека о применении статистического метода в древней истории: *Seeck O.* // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 3-te F. 1897. XIII; ответ Белоха — там же. Об этой полемике см.: *Хвостов М. М.* Изучение экономического быта древности // ЖМНП. 1900. Июнь.

² См. отзыв: *Wachsmuth C.* // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 1887; *М. М. Хвостов*. С. 302.

³ *Beloch K. J.* Die Volkszahl als Faktor und Gradmesser der historischen Entwicklung // *HZ*. 3-te F. 1913. XV.

Радикальный критицизм Белоха, крайне скептическое отношение его к традиции, ясно выразились уже в его статье «Die Dorische Wanderung» (Rheinisches Museum. 1890), в которой он смело отрицал такой общепризнанный факт, как вторжение дорян в Пелопоннес.

Но самый крупный труд Белоха — «Греческая история», в которой отражаются все наиболее характерные черты его направления. В 1891 г. вышло начало ее, на итальянском языке I, касающееся лишь древнейшей Греции и заканчивающееся главою о гомеровской эпохе (насколько мне известно, продолжение ее на итальянском языке не выходило). Но в 1893 г. Белох начал издавать «Греческую историю» по-немецки² и сперва (1893—1897) довел в 2 томах изложение до завоевания Персии Александром Македонским включительно³, но потом продолжил: в 1904 вышел III том «Die griechische Weltherrschaft»⁴, в двух отделениях; он заканчивается битвой при Селласии и появлением римлян в Иллирии, причем второе отделение касается источников, хронологии и отдельных специальных вопросов.

«Griechische Geschichte» Белоха предназначалась первоначально не столько для специалистов, сколько для образованных читателей, интересующихся историей. Этим обуславливался объем, характер и изложение первых двух томов. По своим размерам труды даже Курциуса и Гольма слишком обширны для

¹ *Beloch K. J.* Storia Greca. Parte prima. La Grecia antichissima. Roma, 1891.

² *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Strassburg; русский перевод М. О. Гершензона: История Греции. М., 1897—1899. В 2 т. (есть 2-е издание перевода, сокращенное).

³ Из рецензий отметим: *Niese B.* // GGA. 1894. № XI; *id.* Über einige neuere Erscheinungen der griechischen Geschichte // NJb. 1899. III; *Holm A.* // Berliner Philologische Wochenschrift. 1894. S. 371-400; 1897, S. 1257.

⁴ По поводу этого тома: *Kromayer J.* Alexander der Große und die hellenistische Entwicklung in dem Jahrhundert nach seinem Tode // HZ. 3. F. 1908. IV.

широкого круга читателей. «Греческая история» Белоха сначала уступала им по своему объему. История самостоятельной Греции в I-м издании состояла всего из двух томов, из коих I т. доводил изложение до Сицилийской экспедиции времен Пелопоннесской войны и до победы «просвещения» (Aufklärung) и нового направления в области философии, а II т. обнимал историю Греции, кончая Аристотелем и завоеванием Азии Александром. В ней нет многочисленных и обширных примечаний, подробных библиографических указаний; Белох ограничивается лишь самым необходимым. Его «Греческая история» отличается прекрасным изложением, читается легко и с интересом. Даже самая внешность ее в немецком подлиннике производит благоприятное впечатление своим изяществом.

«Греческая история» Белоха представляется характерною по воззрениям, по плану и по тому, какие стороны исторической жизни греков в ней преимущественно затронуты или выдвинуты на первое место.

Главными деятелями в истории Белох теоретически признает народные массы. «Кто видит движущую силу исторического развития в отдельных личностях, в „великих людях“, а не в народных массах, стремления которых воплощаются в этих героях, тот пусть лучше не прикасается к древней истории», — замечает он. Но нельзя сказать, чтобы Белох последовательно проводил эту точку зрения. На практике он отступает от своей теории и впадает в противоречие с собой, приписывая отдельным личностям слишком большое значение, возлагая на них ответственность за такие явления, которые были результатом целого сложного процесса, многих условий и причин. Так, например, Пелопоннесская война, по мнению Белоха, вспыхнула по вине Перикла, который стремился к ней по соображениям внутренней политики и по эгоистическим мотивам.

У Белоха история Греции не сводится, как это часто бывает, преимущественно к истории Спарты и Афин: Афины и Спарта не стоят у него на первом плане, заслоняя собою всю остальную Грецию. Напротив, их история введена, так сказать, в общую рамку, излагается не отдельно, не как особые отделы, под

особыми рубриками, а в неразрывной и органической связи с историей всего греческого мира, с ее постепенным развитием и с точки зрения общегреческой.

Белох не отводит первого места политической истории; отделы, посвященные ей, отличаются сравнительно краткостью. Это — «не *histoire bataille*», как справедливо заметил его издатель. Уже из поставленных в заголовке I и II тома (1-го изд.) частных заглавий («*Bis auf die sophistische Bewegung und Peloponnesische Krieg*» — I т., и «*Bis auf Aristoteles und die Eroberung Asiens*» — II т.) видно, какое значение Белох придает истории умственного движения и факты какой категории выдвигает он на первый план: как конечный предел для I т. ставится прежде всего «софистическое движение», для II — «Аристотель», а потом уже «завоевание Азии».

Впрочем, на умственную жизнь и вообще культуру Греции обращали большое внимание и другие историки, например, Э. Курциус. Но **что** составляет особенность «Греческой истории» Белоха, отличающую ее от всех предшествующих и общую ей с трудом Эд. Мейера и «Очерком» Пёльмана, о котором мы еще скажем, так это то, что в ней выдвинута социально-экономическая сторона жизни древней Греции. Белох отнесся к фактам из этой области с полным вниманием, и у него мы найдем целые отделы, посвященные описанию перемен в хозяйственном быту греков,— очерки торговли, промышленности, сельского хозяйства, сведения о положении разных классов населения, особенно рабов, и т. д., т. е. найдем то, чего до тех пор не было в других общих трудах по истории Греции или **что** затрагивалось в них мимоходом. Белох же первый воспользовался, например, и материалом, который содержат для хозяйственной истории списки дани афинских союзников; он же указал на такую большую революцию в ценах, которая произошла в IV в. Какое внимание он обращал на численность населения и какое значение он придавал этому фактору в историческом развитии, мы говорили. Уже ввиду этого «*Griechische Geschichte*» Белоха представляет особый интерес и для специалистов.

Другая характерная черта Белоха — это его крайний, можно сказать разрушительный, критицизм, слишком скептическое отношение к преданию, к источникам. Белох враг авторитетов. По его мнению, легенда оказала слишком большое влияние на греческую историографию, которая охотно черпала из этого источника, чтобы пополнять пробелы действительного исторического предания, не боясь в то же время недостающее возмещать собственными комбинациями, пока не получалось, наконец, подобие прагматических рассказов, и потому своею ближайшею задачею Белох считает «разрушение этих произвольных построений». И действительно, его критика радикальная. Самым ярким примером служит то, что он и в своей «Греческой истории» повторяет гипотезу, развитую им в одной из предшествовавших статей (см. выше, с. 548) и отвергающую факт дорянского вторжения в Пелопоннес, признавая предание об этом вторжении лишенным всякой достоверности и сложившимся сравнительно поздно. Сопорно с этим — в I-м издании своей «Греческой истории» — он относил господство микенской культуры в Греции к сравнительно позднему времени; эта культура, по убеждению Белоха, господствовала в Греции до VIII ст. Он отвергал влияние в древности финикийян и существование их поселений на островах и континенте Греции; торговые сношения их с греками тоже относил к сравнительно позднему времени, к VIII—VII в. Белох невысокого мнения об авторитете Фукидида и Аристотеля (в «Афинской политике»); он не только отрицает существование Драконовой конституции, как о ней говорит 4-я глава «Афинской политики», и не только признает за анекдот, не имеющий никакой цены, рассказ об участии Фемистокла в проведении реформы ареопага — с чем нельзя не согласиться,— но он, следуя за Б. Низе, отрицает существование совета 400 при Солоне; отрицает даже возможность, чтобы жребий введен был Солоном хотя бы в смешанном виде; вопреки свидетельству Геродота и Аристотеля, признает лишь однократное изгнание и возвращение Писистрата; сомневается в достоверности свидетельства «Афинской политики» относительно избрания стратегов с 501 или 502 г.; отвергает, чтобы ареопаг

усилился после Саламинского сражения, и проч. Этот крайний скептицизм и гиперкритика составляют один из самых крупных недостатков интересного труда Белоха.

И в оценке лиц и явлений Белох нередко отступает от общепринятой точки зрения. Одновременно с Ю. Пфлуг-Гартунгом (Pflugk-Harttung) и М. Дункером, но независимо от них и вполне самостоятельно, еще в своей монографии «Die attische Politik seit Perikles» он пришел к отрицательному взгляду на Перикла, как полководца и государственного деятеля. И в своей «Греческой истории» он повторяет его, хотя в более умеренной форме: Белох сомневается, был ли Перикл великим государственным человеком, ибо ему не удалось удержать Афинскую державу на той высоте, на какую возвели ее Фемистокл и Кимон; но «он был, как мы сказали бы теперь, великим парламентским деятелем» («ein grosser Parlamentarier»). Еврипида Белох ставит выше Софокла; софистов он, подобно Гроту, берет под свою защиту; он выставляет их заслуги и вовсе не считает их «учителями безнравственности». Для Белоха софистическое движение — синоним научного просвещения; а просвещение и науку он ставит чрезвычайно высоко, выше всяких иных идеальных благ. Преклоняясь перед наукой и просвещением, Белох готов набросить тень на Сократа и Платона, как на «реакционеров». Вообще Белох ценит греков главным образом как искателей пути современной науки; он судит о лицах и эпохах преимущественно с точки зрения отношения их к прогрессу и просвещению. Почти всюду чувствуется, что автор имеет в виду аналогию с современными явлениями, что он, так сказать, модернизирует греческую историю. Местами проглядывает некоторая поверхностность. Но в отсутствии оригинальности и смелости Белоха никоим образом нельзя упрекнуть: это — ученый с самостоятельными взглядами, с новыми приемами исследования античной древности, и его «Греческая история» вовсе не простая компиляция популярного характера. Специалист найдет в ней немало интересных точек зрения, хотя и не со всем можно согласиться; а то, что Белох обратил такое внимание на явления социально-

экономической жизни Греции, составляет положительную его заслугу.

По своему сравнительно небольшому объему, интересному живому содержанию и прекрасному изложению, первые два тома «Греческой истории» Белоха в 1-м издании являлись как нельзя более подходящим пособием для всякого образованного читателя; нужно только иметь в виду, что Белох не свободен от крайностей и увлечений. Эти томы имеются и в русском — и притом прекрасном — переводе М. О. Гершензона 1.

Белох, как было упомянуто, продолжил свою «Греческую историю», издав III том, посвященный «Греческому мировому господству» (Die griechische Weltherrschaft), — эпохе эллинизма. Но этот том отличается несколько иным характером, нежели первые два: изложение в нем гораздо подробнее — столетию с небольшим от образования монархии Александра Великого до утверждения римлян в Иллирии отведено более 750 стр., — и вообще этот том специальное предыдущих: вопросам источниковедения, хронологии и другим, чисто специальным, уделена целая вторая часть, составляющая особую книгу.

С 1912 г. начало выходить новое, совершенно переработанное, видеоизмененное издание «Греческой истории» Белоха 2.

¹ М. О. Гершензон, известный теперь своими трудами в области истории русской литературы, превосходно владеет литературным языком и сам занимался греческой историей; ему принадлежат работы: «Аристотель и Эфор» (составляет второй отдел «Исследований по греческой истории». М., 1894, первый отдел коих составляет исследование В. А. Маклакова: «Избрание жребием в афинском государстве») и «Афинская полития Аристотеля и жизнеописание Плутарха». М., 1895.

² *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. neugestaltete Aufl. I. Bd. Die Zeit vor den Perserkriegen. 1. Abt. Strassburg, 1912; 2. Abt. 1913; II. Bd. Bis auf die sophistische Bewegung und den Peloponnesischen Krieg. 1. Abt. 1914; [2. Abt. 1916; III. Bd. Bis auf Aristoteles und die Eroberung Asiens. 1. Abt. 1922; 2. Abt. 1923; IV. Bd. Die griechische Weltherrschaft. 1. Abt. 1925; 2. Abt. 1927]; большая рецензия на 1-й том Белоха в новом издании: *Nilsson M. P.* // GGA. 1914. № 9-10.

По плану и характеру оно подходит к III тому: и тут каждый том делится на две части, из которых одна дает изложение истории, а другая — ряд специальных экскурсов. За 20 лет, протекших между 1-м и 2-м изданиями, чрезвычайно увеличился материал, совершено много открытий, научное исследование сделало большие успехи, и естественно, что труд Белоха разросся, многое в нем прибавлено и многое пришлось изменить. На историю Греции до «софистического движения и Пелопоннесской войны» (включительно) теперь понадобилось два тома — и притом каждый в двух отделениях — вместо прежнего одного¹; времени до Персидских войн отведен весь I том. В начале прибавлено особое «введение» — «Личность в истории». Взгляд Белоха на ничтожность роли личности в истории развит здесь подробнее; но он по-прежнему не чужд противоречий, причем Белох делает характерное для современного немецкого историка признание: «только тот, — говорит он, — будет иметь успех в борьбе за могущество, кто в состоянии, если это нужно, отбросить нравственные сомнения...² Успех есть последний и единственный судья в исторических вещах» (с. 11—12). В новом издании есть глава о «прибрежных странах Эгейского моря», — географический очерк, которого не было в первом издании, и проч. К вопросам, затронутым во «введении» в начале 1-го отделения, Белох возвращается и в начале 2-го отделения, в главе «Zur historischen Methode», в конце которой признает, что история, хотя и покоится на научных основаниях, есть, однако, искусство и, как таковое, следует художественным законам (с. 8—9). Затем идет краткий обзор новейших исследований и источников древнейшей греческой истории, а далее — ряд экскурсов по самым разнообразным вопросам.

От некоторых из прежних взглядов Белоху пришлось отказаться, например, на микенскую культуру и ее время; но в общем

¹ В первом издании изложение в I т. доведено было до Сицилийской экспедиции; теперь II т. заканчивается олигархией Тридцати.

² С оговоркой, впрочем: «естественно, насколько это позволяет внимание к общественному мнению».

у него и в новом издании та же оригинальность, та же смелость и подчас резкость суждения, то же ультракритическое направление. Так, Дракон у него не историческая личность, а бог-змей; деление Аттики на 10 фил — дело не Клисфена, а Писистрата (I², 2 Abt., 327 ff.; в соответствующем месте 1-го отделения Белоха, следуя традиции, приписывал это еще Клисфену); Килонову смуту, вслед за итальянским ученым Г. Де-Санктисом, своим учеником, Белох относит тоже ко времени Писистрата, к середине VI в., что, впрочем, имеет некоторые основания, и т. д.¹

Эд. Мейер. С «Греческою историею» Белоха имеет сходные черты «Geschichte des Alterthums» Эд. Мейера (одно время бывшего профессором в Бреславле, потом — в Галле, а теперь занимающего кафедру в Берлине), II—V томы которой в 1-м издании касаются главным образом греческой истории (II том ее вышел почти одновременно с I т. Белоха). Сходство это обнаруживается в приемах, в том внимании, какое уделяет Эд. Мейер социально-экономическим явлениям, в некоторых положениях или выводах и даже в частностях; например, и Эд. Мейер склонен модернизовать древность; и он доказывает, что число рабов в древности не было особенно велико и рабство не имело того значения, какое ему приписывают; и он отвергает рассказ о двукратном изгнании и возвращении Писистрата и т. п. Но, при всем сходстве, в научном отношении труд Эд. Мейера стоит выше труда Белоха — по строгости метода, по основательности, по свободе от крайностей и односторонности, по обширности и разносторонности знаний автора, по широте универсально-исторического взгляда. «Geschichte des Alterthums» Эд. Мейера — труд во всех отношениях более крупный и капитальный, нежели «Греческая история» Белоха.

¹ Белоху принадлежит еще краткая история Греции (Die Griechen bis auf Alexander den Großen) в коллекции «Ullsteins Weltgeschichte», изданной под редакцией Ю. фон Пфлуг-Гартунга (Pflugk-Harttung): Berlin, 1910, и краткая же история Греции со времен Александра в: Einleitung in die Altertumswissenschaft / Hrsg. von A. Gercke und E. Norden. Bd. III. 1912.

«Geschichte des Alterthums» Эд. Мейера начала выходить 30 лет тому назад: I т. ее (в I-м издании) появился в 1884 г. и всецело посвящен истории Древнего Востока. Он занял одно из первых мест в литературе по этому отделу. На первых страницах этого тома Эд. Мейер высказывает общий взгляд свой на историю и исторический процесс. По его мнению, историческая жизнь состоит в борьбе «индивидуализирования» против силы предания и господствующих воззрений, против всеобщности и единообразия. Поэтому история, хотя она и подчинена всеобщим законам, однако никогда не может быть всецело сведена к ним или просто превращена в формулы. Она по необходимости многообразна, и ни один отдел или период ее не тождествен с другим. Рядом с закономерным и всеобщим в ней господствует случай и свободная воля (в обыденном смысле) отдельного лица. Историческая наука не принадлежит к философским или естественным, и всякая попытка измерять ее их масштабом недопустима. Она соприкасается с обеими, ибо она имеет задачу исследовать всеобщие законы и формы исторической жизни и указывать сцепление причины и действия в отдельных событиях. Но настоящее ее призвание — нисходить к деталям, сделать за развитием в отдельных случаях; правда, она занимается и типичными формами, но преимущественно и на первом месте — разнообразием (1, 13–15).

Почти через 10 лет после I тома в 1893 г. вышел том II («Geschichte des Abendlandes bis auf die Perserkriege»); затем опять после долгого промежутка, в 1901 г., — том III («Bis zu den Friedensschlüssen von 448 und 446 v. Chr.»), за которым быстро последовали томы IV, в том же 1901 г. («Athen vom Frieden von 446 bis zur Kapitulation Athens im Jahre 404 v. Chr.»), и V, в 1902 г. («Der Ausgang der griechischen Geschichte»), заканчивающийся битвою при Мантинее I. Эд. Мейер думает продолжать свой труд и далее.

Во всех вышедших томах, начиная с тома II, история Греции занимает главное место; история Востока, а тем более Рима и

¹ О III–V тт. обстоятельная рецензия Э. Р. ф. Штерна // GGA. 1903. № 4.

Карфагена, стоит на заднем плане. Тем не менее у Мейера — универсально-историческая точка зрения. Эд. Мейер решительно восстает против той крайней специализации, которая вообще свойственна XIX в. Специализация эта и «разделение труда», говорит он, являются, конечно, необходимым следствием развития науки, непомерно увеличившегося материала и роста литературы, и в значительной мере обуславливают это развитие; но они имеют и свою вредную сторону. Благодаря специализации почти совершенно рушилось единство исторической науки: исследователю в области средних веков и нового времени обыкновенно недостает универсально-исторического интереса и действительно знания древности. При такой изолированности сильно пострадало и изучение древней истории: вместо того, чтобы решать задачи в большей связи и искать поучения в параллельных явлениях, оно по принципу не считает нужным заглядывать далее своих узких границ. По мнению Эд. Мейера, настоятельно необходимо, чтобы историческое исследование — здесь, как и везде — снова возвысилось до более универсальной точки зрения (II, 32). Специализация должна служить только средством: для великих задач исторического исследования вся надежда в том, чтобы оно снова сознало свой универсальный характер как в современной, так и в античной области (II, Vorwort. С. VI).

Мысль эту Эд. Мейер высказывает и в своей речи при вступлении в Берлинскую Академию наук в 1904 г. I, — речи, в которой он упоминает о ходе своего научного развития в молодости и о том, как рано история древности в ее целом стала задачей его деятельности. «Что занятие историей должно быть призванием моей жизни, это, — говорит Эд. Мейер, — для меня было твердо решено, как только подобные вопросы стали вообще возникать у меня. И всегда моим стремлением было охватить историю как целое, как историю универсальную. Ограничение оказалось, конечно, тотчас необходимым. Что я обратился к истории древности, это было довольно понятно для сына филолога, у которого тут с самого начала были в распоряжении источники в широком объеме.

I Напечатана: SB Berlin. 1904. XXXIV.

Искушение, которому поддались многие другие, — перейти к новой истории — ко мне никогда не являлось: сильное очарование, которое производил на меня самый предмет, было подкреплено живым интересом к изучению языков и прежде всего — к проблемам религиозной истории. Мысль разработать историю древности во всем ее объеме и представить ее в цельном виде стала жить во мне очень рано. Во время моих занятий я мог всецело посвятить себя необходимой предварительной подготовке — изучению восточных языков. Таким образом я мог потом тотчас же приступить к исполнению моего плана. И этот труд („История древности“) будет и в будущем давать направление моей научной деятельности».

«Geschichte des Alterthums» Эд. Мейера по теме напоминает аналогичный труд Макса Дункера. Но разница между ними большая, показывающая, какой шаг сделала наука за последние десятилетия. Притом Эд. Мейер обладает всеми данными для такого широкого построения и всестороннего изучения: он — ориенталист и эллинист, историк и лингвист; он прекрасно знает и политическую экономию. Немногие из современных ученых имеют такие всесторонние знания, как Эд. Мейер; А. Бауэр¹ справедливо о нем выразился, что Мейер может рассуждать как самостоятельный исследователь, с Ю. Оппертом о тексте сузских клинообразных надписей, с ассириологами — о вавилонских контрактах на табличках, с Ю. Велльгаузенем и другими критиками Ветхого Завета — об Эзре, Неэмии, книге Эсфири и проч., с филологами-классиками — о возникновении Фукидидова труда.

Метод Эд. Мейера может быть назван сравнительным. Мейер нередко прибегает к аналогии, приводит примеры из новой истории. Вообще он сближает древность и новое время, находит много сходства и аналогии в их историческом развитии. По его мнению, и в древней Греции были свои «средние века»², имею-

¹ *Bauer A.* Neue Bücher zur griechischen Geschichte // NJb. 1902. IX.

² Применение этого термина в греческой истории мы встречаем еще у Т. Бергга (Bergk) в его «Griechische Literaturgeschichte». Сравнение между концом Средних веков на Западе и эпохой тирании в Греции как веком «новеллы» находим мы в статье: *Erdmannsdorfer B.* Das Zeitalter der Novelle in Hellas // PJb. 1869. XXV.

щие много общего с германским средневековьем. Это — период, начинающийся переселениями племен, вторжением дорян, эпоха Гомера и Гесиода, — «эпоха могущества знати, рыцарских подвигов и героической песни». Состояние Греции во времена, например, Гомера и Гесиода — это состояние христианско-германского средневековья: резкое разграничение наследственных сословий, господствующее положение землевладельческой военной знати, все усиливающаяся зависимость крестьянства, начиная от смягченных форм крепостничества или подданничества до полнейшей закабаленности, наконец, презираемое и мало развитое ремесло 1. Словом, по Мейеру, гомеровская эпоха стоит на одном уровне с первой эпохой в истории христианско-германских народов и, подобно этой последней, может быть названа «средневековьем» («das griechische Mittelalter»). Цветущая пора древности соответствует новому времени: VII и VI в. — XIV и XV ст., V—XVI, а культура эллинизма может быть сравниваема с современной.

Тут в сущности заключается целая новая концепция всемирно-исторического процесса, совершенно отличная от обычной, с ее делением всемирной истории на древнюю, среднюю и новую (а иногда и новейшую), причем каждый из этих периодов представляется продолжением развития предыдущего. По мнению Эд. Мейера, единого, непрерывного прогрессивного развития нет, а есть два параллельных процесса, два параллельных периода в истории развития народов, живущих у Средиземного моря²: с падением древнего мира развитие начинается сызнова; оно опять возвращается к тем первым ступеням, которые уже были пройдены, — воззрение, кстати сказать, несколько напоминающее идеи Дж. Вико, автора «Новой науки». Древний мир, говорит Эд. Мейер, погиб не вследствие какого-нибудь разрушительного внешнего переворота, а благодаря действию

¹ Кроме «Geschichte des Alterthums», см.: *Meyer Ed.* Die Sklaverei im Alterthum. Dresden, 1898 (русский перевод: *Мейер Эд.* Рабство в древнем мире / Пер. А. Вихерского. М., 1899).

² См.: *Meyer Ed.* Die wirtschaftliche Entwicklung des Alterthums. Jena, 1895 (русский перевод М. О. Гершензона. СПб., 1898; 1909 — 3-е изд.); см. *его же:* Die Sklaverei im Alterthum.

внутренних сил, — «вследствие разложения совершенно выработанной и по своему существу вполне современной культуры, умершей естественной смертью». «Средневековой мировой порядок во второй раз стал господствовать». Таким образом, человечество, по этому воззрению, как бы обречено на своего рода Сизифову работу... Эд. Мейер забывает то, что он сам говорил на первых страницах своего труда, а именно, что в истории ни один период не может быть тождествен с другим; он упускает из виду или не считает нужным отметить два важных обстоятельства: во-первых, при всем параллелизме и аналогии в историческом развитии древности, с одной стороны, средних и новых веков, с другой, нет полного тождества и повторения; в христианском, западноевропейском средневековье наблюдаются новые черты и элементы, которых нет в античной древности, которые последней совершенно чужды; и, во-вторых, предшествующий период развития не прошел бесследно: в наследие от него осталось много, что пережило века и влияло на последующее развитие, — некоторые идеи, учреждения, культура. Эд. Мейер как бы отрицает здесь могущество и преемственность исторической традиции ¹.

Он признает сходство и в хозяйственном развитии древности и нового времени: по Мейеру, Греция в этом отношении прошла в сущности через те же стадии и уже в ней существовали высшие формы экономических отношений; например, Афины в V и IV в. стоят так же под знаменем капитализма, как и Англия с XVIII столетия или Германия с XIX (III, 550).

Естественно после этого, что Эд. Мейер не мог сочувствовать господствовавшей еще недавно теории примитивности хозяйственных форм древности, по которой древнее хозяйство было будто бы хозяйством οἰκοσ'α, т. е. автономным хозяйством

¹ В своем трактате «Zur Theorie und Methodik der Geschichte». Halle, 1902 (см. ниже), Мейер сам признает, что западноевропейское Средневековье переняло и сохранило остатки высшей культуры от более ранней эпохи, а с ними и идею универсальности, религиозного и политического единства человечества.

«дома», собственными силами удовлетворяющим все свои потребности. Теория эта еще в 60-х годах была высказана И. К. Родбертусом, а затем уже в 90-х годах истекшего столетия развита и несколько видоизменена известным ученым Карлом Бюхером (в его «Происхождении народного хозяйства») ¹, по которому народное хозяйство не древнее современного государства и вся древность, равно как и первая половина средних веков (приблизительно до начала текущего тысячелетия), относится к первому периоду в истории экономического развития — периоду «замкнутого домашнего хозяйства», «чистого производства на себя», «хозяйства без обмена», где «продукты потребляются в том же хозяйстве, которое их производит», так что «весь хозяйственный оборот, от производства до потребления, совершается в замкнутом кругу дома (семьи, рода)». Далее зачатков высшей формы и меновых сделок, как единичных явлений и лишь в пределах одного города, древность, по мнению Бюхера, не пошла, так что о народном хозяйстве, о постоянной торговле и торговом классе, об экономическом расчленении общества не может быть и речи. Против этой теории и выступил Эд. Мейер в своем докладе, читанном на съезде немецких историков в 1895 г., — «Об экономическом развитии древнего мира» ². Рядом фактов он опровергает положение Родбертуса и его последователей и показывает, что уже в древности существовали высшие формы экономических отношений, что уже тогда промышленность, торговля, деньги, капитал играли чрезвычайно важную роль, существовал класс промышленников и купцов, были даже и товарищеские предприятия, торговые общества и т. д.

¹ *Bücher K.*. Die Entstehung der Volkswirtschaft. 1. Aufl. — 1893; 2-е, очень дополненное и измененное, — 1898; после того еще несколько изданий. Есть русский перевод: СПб., 1907. К. Бюхеру же принадлежат: *Die Wirtschaft der Naturvölker*. Dresden; Arbeit und Rythmus. 2. Aufl. Leipzig, 1899.

² *Meyer Ed.* Die wirtschaftliche Entwicklung des Aterthums. Jena, 1895, имеющееся, как было упомянуто уже, и в русском переводе (1898).

С этим тесно связан вопрос о рабстве, о числе рабов и роли рабского труда в древности. В лекциях, посвященных этому вопросу¹, Эд. Мейер приходит к выводу, что в древности число рабов не было особенно велико, что рабство в экономическом отношении играло лишь весьма подчиненную роль, не представляло господствующего фактора экономической жизни античного мира и что, кроме рабов, существовал многочисленный класс свободных рабочих. По Эд. Мейеру, свободный труд — не преемник рабства, а, напротив, «возникает в тот самый момент, когда и рабство начинает выступать в качестве экономически значительного фактора: оба они одного возраста и представляют лишь две различные конкурирующие между собою формы, в которых пытаются найти удовлетворение одна и та же экономическая потребность, — формы, в которых выражается один и тот же экономический переворот. Капитал нуждается в дешевых и подвижных, освобожденных от естественно выросших отношений патриархального средневекового общества рабочих силах, которые стараются использовать в возможно полном объеме; а правовая форма, в которой они ему предлагаются, стоит экономически на втором плане»². Эд. Мейер и тут усматривает некоторую аналогию между развитием древности и нового времени. Эпохой развития рабства, по его словам, была эпоха расцвета демократии, и рабство этого периода вызвано теми же причинами, что и свободный труд нового времени: они стоят на одной линии.

Вообще, по Эд. Мейеру, «в древности преобладали, хотя на гораздо меньшем пространстве и в иных формах, те же влияния и противоположности, которые управляют и современным развитием»³.

¹ Meyer Ed. Die Sklaverei im Alterthum; см. русский перевод; ср. итальянское сочинение. Ciccotti Ettore. Il tramento della schiavitù nel mondo antico. 1897.

² Id. Die Sklaverei im Alterthum. S. 38 ff.; русский перевод: с. 45 след.

³ Возражения против Мейера в рецензии: Hartmann J. H. // Zeitschrift für Socialwissenschaft und Wirtschaftsgeschichte. 1896. IV. О взглядах Мейера и Бюхера см.: Хвостов М. М. Изучение экономического быта древности // ЖМНП. 1900. Июнь; ср.: Гревс И. М. Очерки из

Воззрения эти, хотя и в иной, более краткой форме, высказывает Эд. Мейер и в своей «Geschichte des Alterthums».

Уже из предыдущего видно, что Мейер обращает большое внимание на социально-экономические вопросы¹. Ему, наравне с Белохом и Пёльманом, мы более всего обязаны выяснением этой стороны в истории Греции. В своей «Geschichte des Alterthums» он отводит надлежащее место социально-экономическим факторам, но без крайностей и односторонности. Он далек от «экономического материализма», от того, чтобы все объяснять экономическими мотивами, и с таким же вниманием и глубиной изучает политическую, религиозную и вообще культурную жизнь греков, как и их общественную и хозяйственную. Очерки религиозных воззрений греков, наряду с очерками хозяйственного быта, принадлежат к лучшим местам в труде Мейера. Политическая история излагается тоже подробно. Словом, не забыта ни одна сторона; каждой уделено подобающее место, и явления в различных сферах приводятся в тесную, органическую связь между собою, взаимно обуславливают друг друга, а не представляются изолированными или лишь механически сопоставленными.

Эд. Мейер своим трудом показал, как на практике примиряется старое направление школы Л. фон Ранке и то новое, представителем которого является Лампрехт. Он придает большое значение материальным и иным общим условиям и интересам. Но, говорит он (III, 400), как бы сильно ни действовали хозяйственные факторы, политические интересы, общее настроение, — решающее значение повсюду имели руководящие государственные деятели, которые реформировали государственный строй и определяли политическое направление государства. Правда, предание

истории римского землевладения. I. СПб., 1899. О стадиях хозяйственного развития на русском языке: Ден В. Э. // ИС. 1905. IV

¹ Э. Мейеру принадлежит статья о финансах в Греции: Handwörterbuch der Staatswissenschaft. II Suppl.-Bd. 1897 (имеется и в русском переводе в кн.: Очерки из экономической и социальной истории Древнего мира и Средних веков / Пер. под ред. В. Э. Дена. СПб., 1897).

почти только в одних Афинах дает возможность представить себе их индивидуальность и деятельность, по крайней мере в самые решающие моменты; однако не подлежит никакому сомнению, что пути и таким государствам, как Коринф, Аргос, Спарта, города Ионии и Запада, указаны были руководящими личностями, хотя часто они совершенно забыты. Какое значение придает Эд. Мейер личности в истории, видно из его отношения к Фемистоклу, которого он считает истинным основателем афинской демократии и величайшим человеком, какого когда-либо видели Афины. Но само собою понятно, он не считал личность всемогущею. По поводу Эпаминонда он замечает, что как раз в ту эпоху, которая выше всего ценила личность, и в ней одной признавала настоящую движущую силу, в судьбе Эпаминонда для глубже смотрящих только яснее выступила зависимость личности от исторических условий ее деятельности (V, 475).

«Geschichte des Alterthums» Мейера, равно как и тесно связанные с нею его «Forschungen zur alten Geschichte», интересны и в методологическом отношении. У Мейера мы находим тщательный, мастерский анализ исторических конструкций и свидетельств традиции; в пример можно привести разбор известий о Ликурге и о пеласагах (в I т. «Forschungen»). В его трудах рассеяно множество трезвых, метких замечаний; укажу, например, на его сличение сообщений Аристотеля и Фукидида об олигархическом перевороте 411 г. и на замечание о том, можно ли безусловно полагаться на показания официальных актов и, основываясь на них, отвергать, без дальнейших рассуждений, свидетельство надежного историка (во II т. «Forschungen»). Замечательны также характеристики и оценка историков у Мейера, в особенности Фукидида. Критика Мейера вообще осторожнее, умереннее и в то же время глубже критики Белоха. Его скептицизм не простирается так далеко. Например, относительно вторжения дорян в Пелопоннес и Мейер считает традиционную историю не имеющей никакой цены; но завоевание, по его мнению, есть факт, один из несомненно установленных в древнейшей греческой истории, хотя о самом ходе его мы ничего не знаем. Мейер верит рассказу о судьбе, постигшей в Спарте и в Афинах

персидских послов, явившихся требовать «земли и воды»; при описании Марафонского сражения он, за некоторыми исключениями, близко держится Геродотовой традиции. Он не отвергает рассказа о хитрости Фемистокла при постройке афинских стен; признает, что в 448 г. заключен был мир между Афинами и Персией и т. д. Немало у Мейера оригинальных взглядов на лица и события. Например, победе над персами, событиям 480 и 479 гг. Греция, по его мнению, обязана тем, что в ней не развилось господство жречества и теологии (III, 448). Он думает, что уже Фемистокл стоял во главе государства, как впоследствии Перикл. Последнего он готов сравнить с каким-либо великим английским парламентским деятелем (IV, 5), что напоминает нам отзыв Белоха; но Мейер более высокого мнения о Перикле и судит о нем справедливее, чем Белох. Мейер показал, что новые идеи, проникавшие в афинское общество второй половины V в., идеи «просвещения», находили себе сочувствие преимущественно в аристократии, а демос в сущности был их противником и проч.

Необходимо отметить еще одну черту Мейера: широта взгляда у него соединяется с редкою основательностью знания; наряду с широкими построениями он обнаруживает интерес к самым кропотливым, детальным исследованиям, казалось бы, самых мелких вопросов, например, в области хронологии. Он пользуется и филологией и полагает, что если дело идет о реконструкции и правильной интерпретации какого-либо документа, то Sprachphilologie более надежная руководительница, нежели Sachphilologie.

Таким детальным исследованиям по более специальным вопросам Мейер отводит место преимущественно в своих «Forschungen zur alten Geschichte» (1892—1899. 2 Bde.). Эти «Forschungen» служат как бы дополнением или приложением к его «Geschichte des Alterthums»: в них вошли экскурсы и исследования по таким вопросам, на которых Мейер считал неудобным подробно останавливаться в своей «Истории», не желая уклоняться в сторону, прерывать нить изложения или нарушать пропорциональность и историческую перспективу. Статьи

же, касающиеся теории истории и истории хозяйственной или политической, не столь специальные, которые могут представлять интерес для более широкого круга, Эд. Мейер собрал под заглавием «Kleine Schriften» (Halle, 1910) 1.

Доведя греческую историю до падения самостоятельности Эллады, Эд. Мейер принялся за коренную переработку первых томов своего труда для нового издания, сообразно новому богатому материалу и научному исследованию за почти 25-летний промежуток. В 1907 г. вышла 1-я половина I тома, а в 1909 г. — 2-я во 2-м издании². Здесь начало труда Эд. Мейера получило совершенно новый вид.

Вся первая половина представляет собою — в отдельной книге — «Введение. Элементы антропологии». Она касается первых начал человеческой культуры и общежития — государственного, социального и духовного развития, истории и исторической науки. По многим вопросам тут Эд. Мейер оказывается против новейших современных конструкций и систем. Он ожидает упрека, что недостаточно современен (modern), что он отсталый и не может следовать за полетом ушедшего вперед познания нашего времени; но, замечает он, в течение десятилетий, которые он мог окинуть взором как учащийся и участвовавший сам в работе, он столько видел теорий и систем появляющихся и исчезающих,

¹ Тут между прочим и упомянутые выше статьи о хозяйственном развитии древности и о рабстве, и статьи «Der Gang der alten Geschichte: Hellas und Rom»; «Alexander der Große und die absolute Monarchie», и одна статья на английском языке: «The Development of Individuality in Ancient History». Кроме того, Эд. Мейер, как известно уже (с. 181, примеч. 2), издал фрагменты Оксиринхского историка, с большими комментариями и экскурсами, под заглавием: Theopompus Hellenica. Halle, 1909; это целая монография. О трудах Эд. Мейера по истории Египта (в том числе об арамейских папирусах из Элефантины — «Der Papyrusfund von Elephantine». Leipzig, 1912), Иудеи и Рима мы не говорим. Недавно им издано исследование о культуре хеттов. Эд. Мейеру принадлежит также: Geschichte des Königreichs Pontos. Lpz., 1879.

² В 1910—1913 гг. появилось уже 3-е издание этого тома. Труд Эд. Мейера переводится и на французский язык.

которые думали перевернуть все доселе бывшее знание и на его месте насадить новую твердо установленную истину, что подобные замечания его не могут смутить (I², 1, Vorwort, S. VI).

Вторая половина I тома почти на 900 страницах доводит историю всех известных народов вокруг Средиземного моря только до половины II тысячелетия до Р. Х. Конечно, она касается преимущественно древнего Востока; но последняя ее треть посвящена «народам севера и запада» — миру эгейской культуры, начаткам культуры в Европе и первоначальному быту индоевропейцев или, как выражается Эд. Мейер по обыкновению немецких ученых, «индогерманцев». Крито-микенскую культуру он не находит возможным рассматривать отдельно от Востока, и этот отдел в изложении Эд. Мейера в новом издании чрезвычайно важен.

«Geschichte des Alterthums» Эд. Мейера принадлежит к тем трудам, которые не только подводят итог предыдущим исследованиям, но и пролагают новые пути. Это — общий лучший труд по истории Греции, вполне удовлетворяющий требованиям современной науки. Я бы сказал, что мы в нем имеем «последнее слово науки», если бы это выражение не было таким тривиальным. Написан он простым, ясным языком, но местами несколько сухо и вообще в художественном отношении, как «Kunstwerk», он уступает, например, произведению Э. Курциуса.

В заключение этой характеристики Эд. Мейера нельзя не остановиться на том, что в своей «Истории древности» он явился представителем новейшего направления в исторической науке, но по своим теоретическим воззрениям на историю, ее предмет, задачи и действующие в ней силы он примыкает скорее к прежним направлениям. Так он высказывается и в своем «историко-философском исследовании» «Zur Theorie und Methodik der Geschichte» (Halle, 1902)¹. Здесь Эд. Мейер отчасти отказывается от того, что прежде утверждал в начале своей «Geschichte des Alterthums» (в 1-м изд.); по его мнению, исторических законов нет и быть не может, и это коренится в самой сущности истории:

¹ Перепечатано в «Kleine Schriften». Русский перевод: Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1911. 2-е изд.

все, что в природе и в человеческой жизни совершается закономерно, в истории просто предполагается как данное; предметом истории всегда является исследование и изображение частных единичных фактов, того, что обозначается термином «индивидуальное». Господствующее место Эд. Мейер отводит здесь истории политической, которая, по его словам, остается центром истории, пока человеческая жизнь не изменит совершенно своей сущности, и в конце резюмирует свой взгляд так: «сколько стараний ни было приложено к тому, чтобы навязать истории совершенно новое содержание и новые задачи, как бы с течением времени ни меняли объект исторического интереса, — несмотря на все это, есть и всегда будет только один тип истории и один метод исследования исторических проблем — тот, совершенный и до сих пор не превзойденный образец которого представил афинянин Фукидид». А какое громадное значение придает Эд. Мейер личности, это он показал в своем реферате об императоре Августе, прочитанном на съезде немецких историков в Гейдельберге в 1903 г. I: он останавливается на этом деятеле именно как на примере того, какое выдающееся значение может приобретать отдельная личность, в руки коей попадает решение мировой важности.

Пёльман. Третий крупный представитель новейшего направления в обработке греческой истории, самый ревностный поборник исследования ее социально-экономической стороны — Роберт Пёльман, прежде профессор в Эрлангене, теперь — в Мюнхене.

В 1884 г. Пёльман выпустил в свет монографию, несколько соприкасающуюся по теме с одной из монографий Белоха, — «Die Uebervölkerung der antiken Großstädte mit der Gesamtentwicklung städtischer Civilisation»; а затем для коллекции Ив. Мюллера дал очерк греческой истории («Grundzüge der politischen Geschichte Griechenlands»; 1-е изд. — 1888)². В 1-м издании этого очерка он ставил себе целью представить обзор исключительно внешней, политической истории Греции. Это был обзор чрезвычайно

¹ Meyer Ed. // HZ. N. F. 1903. LV; перепечатано в «Kleine Schriften».

² Пёльман Р. Краткий очерк греческой истории / Пер. с нем. Н.Н. Шамонина. М., 1890.

сжатый, краткий и сухой, но систематический и дельный, строго фактический и объективный, с очень обстоятельными литературными указаниями. Он мог служить хорошим конспектом внешней истории греков. В 1896 г. «Очерк» Пёльмана вышел в совершенно переделанном виде. Сохраняя за ним по-прежнему назначение дать критический обзор важнейших событий, который бы помогал ориентироваться и служил путеводною нитью среди лабиринта фактов и мнений, давая вместе с тем необходимые литературные указания, Пёльман значительно распространил свой очерк, который в новом издании утратил свою прежнюю сухость и конспективность; он довел изложение до времен Римской империи (точнее — до Веспасиана), прибавил обстоятельные обзоры источников в начале каждой главы и наряду с политической стороной выдвинул социальную, уделив большое внимание борьбе общественных классов в древней Греции. Сообразно с этим и самое заглавие было несколько изменено: «Grundriss der griechischen Geschichte nebst Quellenkunde» — так называется очерк Пёльмана во 2-м издании. Последующие издания этого «Очерка», быстро следовавшие одно за другим, все более и более расширялись. Автор особенно старался выдвинуть то, что он называет «духовным содержанием греческой истории», ее внутренний смысл, чтобы его «Очерк» мог служить «политической книгой для чтения» («als politisches Lesebuch») — «для познания форм, в которых совершается политическое и социальное развитие, для поднятия политического образования, которое для настоящего времени, с прогрессирующей демократизацией общественной жизни, стало потребностью первой степени». Последнее издание (5-е, 1914) озаглавлено уже не как «Очерк» (Grundriss), а прямо: «Griechische Geschichte», и представляет собою книгу более чем в 370 страниц. В таком виде труд Пёльмана служит одним из лучших новейших пособий по греческой истории, особенно для начинающих заниматься ею I.

¹ Кроме 1-го изд., на русский язык переведены: 2-е изд.: Пёльман Р. Очерк греческой истории в связи с источниковедением / Пер. А. Н. Русакова, Н. Н. Кремлевой и Е. Л. Бекетовой. СПб., 1906; 3-е изд. в кн.: Общая история европейской культуры. СПб., 1908; 4-е — под ред. С. А. Жебелева. СПб., 1910.

Но Пёльман преимущественно занимается историей социального вопроса в древности. Ему принадлежит «История античного коммунизма и социализма»¹ или, как она озаглавлена во 2-м издании, «История социального вопроса и социализма в античном мире» (*Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt*. München, 1912)² и целая серия статей на сходные темы, большая часть которых собрана в отдельной книге под заглавием «Aus Altertum und Gegenwart»³. Пёльман требует от исторического труда, имеющего своим предметом развитие античных республик, чтобы он вместе с тем содержал историю общества и социального движения. С его точки зрения главная задача даже политической историографии указать, в каком отношении находится государство к общественным элементам и эти последние к государству. В особенности необходимо, по мнению Пёльмана, различать «общество» и «государство» в греческой истории, потому что нигде антагонизм между ними не проявляется так резко, нигде индивидуалистические тенденции отдельных общественных слоев не выражаются так ясно, нигде могущество общества в государстве и над государством не обнаруживается так решительно, как в древних республиках, не исключая и демократических, в которых в идее существовал суверенитет народа, а на деле — суверенитет общества, т. е. господствующих общественных классов: эти классы заставляли государственные учреждения служить их выгодам, их интересам; даже радикаль-

¹ *Pöhlmann R.* Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. München, 1893—1901. 2 Bde. (русский перевод см. в коллекции: Общая история европейской культуры. СПб., 1910). На эту тему есть еще сочинение: *Adler F.* Geschichte des Socialismus und Kommunismus, 1-я часть которой касается древности; но это слабая работа, равно как и *Wolf H.* Geschichte des antiken Sozialismus und Individualismus. Gütersloh, 1909, не отличающаяся самостоятельностью.

² 2-е изд. отличается от 1-го главным образом построением, — иным, более стройным и последовательным расположением глав и добавлением главы о социализме в античном христианстве.

³ 1-е изд.: München, 1895; 2-е — 1911. Есть и новая серия (*Neue Folge*) этого сборника статей: München, 1911.

ная демократия в Афинах IV в. не могла сломить господства капитализма и смягчить экономические контрасты.

Основная идея Пёльмана та, что те великие жизненные вопросы, перед которыми стоит современное общество, волновали уже древних. Пёльман указывает на существование уже в Греции капитализма и его спутников — пауперизма, пролетариата, борьбы имущественных классов, социального вопроса, и сближает эти явления с соответствующими современными явлениями. Везде он проводит аналогию между древностью и нашим временем¹; он более, чем кто-либо, показал, насколько древность, в сущности, нам близка и сколько поучительного для нас в ее истории. Пёльман доказывает, что социально-экономический элемент был могущественным фактором и в истории Греции, что им в значительной мере обуславливался ход этой истории, борьба партий, перевороты, самое падение греческой независимости и торжество Македонии. В наших литературных источниках, у древних авторов, оказался богатый и почти непочатый материал, освещающий общественные и экономические отношения и воззрения греков. Этим материалом прежде всего воспользовался Пёльман. Он, между прочим, отметил и вполне оценил значение воззрений Платона и Аристотеля, раскрывающих язвы тогдашнего политического и общественного строя, и выяснил связь этих воззрений с современною им действительностью².

Изучение экономической и социальной истории Греции.

Вообще в течение последнего 25-летия обнаруживается особый интерес к изучению экономической и социальной истории Греции³. Так, французский ученый П. Гиро, ученик Фюстель де

¹ Заметим, что Пёльман, подобно Эд. Мейеру, тоже употребляет название «Средние века» в применении к Греции.

² Другие новейшие работы Р. Пёльмана: *Sokrates und sein Volk*. München, 1899; *он же*. *Zur Geschichte der antiken Publicistik*. München, 1904, и в особенности: *Isokrates und das Problem der Demokratie*. München, 1913. Р. Пёльман теперь — редактор той коллекции *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*, которой положил начало Iw. v. Müller.

³ *Besnier M.* *Récents travaux sur l'histoire économique de l'antiquité grecque et romaine* // *Journal des Savants*. 1910. Novembre.

Куланжа, написал обширный труд о поземельной собственности а затем — монографию о промышленности в древней Греции². На последнюю тему имеется еще более обстоятельный труд известного бельгийского ученого А. Франкотта³, вышедший почти одновременно с книгой П. Гиро. О рабочем классе и о рабах в древности, кроме упомянутых раньше лекций Мейера, есть книга Дж. Чикотти (на итальянском языке)⁴ и немало статей⁵. Есть труды по истории вообще экономической жизни в древнем мире⁶. У. Каннингем дал обзор западной цивилизации с экономической точки зрения⁷. Итальянский ученый Дж. Сальвиоли рассматривает капитализм в античном

¹ Guiraud P. La propriété foncière en Grèce. Paris, 1893.

² Id. La main-d'œuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. Paris, 1900 (Bibliothèque de la faculté des lettres); его же сборник статей под заглавием: Études économique sur l'antiquité. Paris, 1905. Из более ранних работ в этой области можно назвать: Büchschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Aterthum. Halle, 1869; Blumner H. Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Aterthums. Leipzig, 1869.

³ Francotte H. L'industrie dans la Grèce ancienne. Bruxelles, 1900—1901. 2 vol. Из предшествовавших работ Франкотта отметим: L'organisation de la cité athéniens et la réforme de Clisthènes. Paris; Bruxelles, 1893; Formation des villes, des états, des confédérations et des ligues dans la Grèce ancienne // Bulletin de l'Académie Belgique. 1901 (épreuve), которые, вместе с некоторыми другими, вошли в состав его книги: La Grèce antique. Paderborn, 1907 (Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums). «Мемуары», касающиеся финансов Греции, соединены Франкоттом в книгу под заглавием: Les finances des Cités Grecques. Paris, 1909.

⁴ Cicotti C. Il tramento délia schiavitù nel mondo antico. Turino, 1897.

⁵ Например: Cauer P. // NJb. 1899; Waszynski. Ueber die rechtliche Stellung der Staatssclaven in Athen // Hermes. 1899. XXXIV; ср. также: Richter W. Die Slaverei im griechischen Aterthum. Breslau, 1886.

⁶ Pestalozza. La vita economica ateniese della fine del secolo VII alla fine del IV sec. av. Cr. Milano, 1901; Platon. La démocratie et le régime fiscal à Athènes, à Rome et de nos jours и др.

⁷ Cunninham W. An essay on western civilisation in its economical aspects (Ancient times). Cambridge, 1898; русский пер.: Кеннингем У. Западная цивилизация с экономической точки зрения. Древний мир. М., 1902.

мире¹. Э. Шпек написал «Историю торговли в древности»². Ряд статей и брошюр касается социального вопроса в Элладе³. П. Кауэр в своей книжке «Parteien und Politiker in Megara und Athen» (Stuttgart, 1890) отмечает преимущественно социально-экономические причины борьбы партий в Греции в эпоху тирании и т. д. Русские ученые тоже начинают обнаруживать интерес к экономической истории древнегреческого мира. В особенности здесь обращают на себя внимание труды М. И. Ростовцева и М. М. Хвостова. М. И. Ростовцев в своем замечательном труде, изданном на немецком языке, — «Studien zur Geschichte des Römischen Kolonats» (I. Beiheft zur Archiv für Papyrusforschung. 1910) — исследовал происхождение римского колоната и нашел его корни еще на эллинистическом Востоке⁴; а М. М. Хвостов исследует историю торговли и промышленности

¹ Salvioli C. Le capitalisme dans le monde antique. Paris, 1896 (пер. с итальянского).

² Speck E. Handelsgeschichte des Altertums. II. Bd. Die Griechen. Leipzig, 1901.

³ См., например, брошюру Людвиг Штейна (Stein) о возникновении социального вопроса у греков: Das erste Auftauchen der socialen Frage bei den Griechen. Bern; Leipzig, 1896; речь Wetzel'я о значении классической древности для разрешения социальных задач нашего времени: Die Bedeutung des klassischen Aterthums für die Lösung der socialen Aufgaben der Gegenwart. Paderborn, 1895; статью Дитцеля (Dietzel) по истории социализма и коммунизма в древности: Dietzel. Beiträge zur Geschichte des Socialismus und Kommunismus // Zeitschrift für Litteratur und Geschichte der Staatswissenschaft. 1903. I; Adler C. Die Socialreform in Altertum // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Jena, 1897; в русском переводе: Адлер Г. Исторический очерк социально-реформаторских движений в древности // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и Средних веков. СПб., 1899; Hodermann M. Xenophons Wirtschaftslehre unter dem Gesichtspunkte sozialen Tagesfragen betrachtet. Wernigerode, 1899. (Progr.)

⁴ Резюмирующая статья его на русском языке: Ростовцев М. И. // Современный Мир. 1912. Январь—февраль; его же. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // РМ. 1900. Март; ср. также первые страницы его книги: Ростовцев М. И. История государственного откупа

в греко-римском Египте В иностранной литературе также имеется теперь ряд работ по истории хозяйства и финансов Египта эпохи эллинизма (об этом — несколько ниже).

Исследователям хозяйственной и социальной жизни древности пришлось так или иначе коснуться спора Мейера и Бюхера, высказаться по вопросу о хозяйственных формах античного мира. Одни ближе держатся точки зрения Бюхера, другие — и таких теперь большинство — становятся на сторону Эд. Мейера. Вновь открываемый обильный материал, в виде папирусов и острака, дает новые данные для решения вопроса и подтверждает скорее мнение Эд. Мейера².

Благодаря открытым папирусам чрезвычайно подвинулась и разработка истории эллинистической эпохи, особенно греко-римского Египта.

Труды по истории эллинизма. Долгое время единственным крупным общим трудом по истории эллинизма, как известно, являлось произведение И.-Г. Дройзена (с. 323 след.), да и оно

в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1999; *Rostovzeff M.* Kornerhebung und Transport im griechisch-römischen Ägypten // Archiv für Papyrusforschung. 1904. III.

¹ *Хвостов М. М.* История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907 (ср. рецензию: *Ростовцев М.И.* // ЖМНП. 1907. Октябрь); *Хвостов М. М.* Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. Казань, 1914 (ср. рецензию: *Ростовцев М.И.* j/ЖМНП. 1914. Окт.). Статьи М. М. Хвостова по истории хозяйственной жизни: Сисахтия Солона и разложение эвпатридского землевладения // ФОб. 1897. XIII; его же. Изучение экономического быта древних // ЖМНП. 1900. Июнь; его же. Хозяйственный переворот в древней Спарте // УЗКазУ. 1901. Ноябрь). М. М. Хвостову принадлежит также статья об общественных работах в эллинистическом Египте // Сб. статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914. Поземельных отношений в Греции касается и: *Бороздин И. Н.* Заметки по греческому эмфитевзису // Гермес. 1909. № 4—5.

² *Wilcken Vir.* Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien. Leipzig; Berlin, 1899. 2 Bde.; *Ростовцев М. И.* Новые данные по истории финансового управления греко-римского Египта // ЖМНП. 1900. Март; *Mitteis L.* Aus den griechischen Papyrusurkunden. Leipzig, 1900.

касалось только истории внешней, политической и военной. Господствовавшее направление в классической филологии и древней истории, распространенный взгляд на эпоху эллинизма, как период упадка и разложения чисто эллинских начал, скудость и отрывочность источников, все это отталкивало от занятий этою эпохою и мешало более интенсивной разработке ее истории. Но в течение последнего 25-летия отношение к эпохе эллинизма изменилось; значение ее, как важного момента в развитии мировой истории и мировой культуры, сознано и признано, и появилось несколько новых крупных трудов в этой области, тем более что открыт новый материал в папирусах и надписях.

Эллинистического периода подробно коснулся Адольф Гольм (с. 432 след.), в своей общей «Истории Греции» отведя ему конец III и весь IV т. Ему посвящен, как мы видели (с. 553), III т. «Истории Греции» Ю. Белоха¹, Есть и отдельные труды по истории этого периода. Таковы уже известные нам монографии английского ученого Магаффи (с. 446); затем — «Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea» (Gotha, 1893—1903, 3 Bde.) Б. Низе (профессора сначала в Марбурге, потом в Галле, род. в 1849 г., ум. в 1910), входящая в состав той же коллекции, к которой принадлежит и «Греческая история» Г. Бузольта, и отличающаяся подобным же характером, т. е. сжатым, сухим текстом, многочисленными примечаниями, большим фактическим материалом и массой библиографических указаний²; но выполнение у Низе значительно слабее, чем у Бузольта. Дает он только внешнюю, политическую историю. Наоборот, в еще не законченном превосходном труде Ю. Керста «Geschichte des hellenistischen Zeitalters», первый том (Leipzig; Berlin, 1901) которого носит подзаголовок: «Die Grundlegung des Hellenismus», том II — в своей первой половине (1909) — «Das

¹ См. также «Краткий очерк греческой истории со времени Александра» Ю. Белоха в: Einleitung in die Altertumswissenschaft / Hrsg. von Alf. Gercke und Ed. Norden. III.

² Общая характеристика эллинистического мира в речи Б. Низе (Niese). Die Welt des Hellenismus. Marburg, 1900.

Wesen des Hellenismus», освещается преимущественно внутренняя сторона, смысл и связь явлений эллинизма, его возникновение и его сущность. Автор не имеет намерения дать детальное описание исторических событий, в особенности с их военной стороны. Центр тяжести изложения у него лежит не в этом, а в раскрытии общей эллинистической культуры, к которой относится и эллинистическое государство, как одно из ее своеобразнейших проявлений. Керст поставил задачу — проследить превращение государства-города в обширные политические организации эллинистического времени, эллинской культуры — в эллинистическую мировую и изобразить сущность этих новых универсальных образований, действующие силы, важнейшие тенденции развития. А. П. Вендланд в своем выдающемся труде² рассматривает эллинистическо-римскую культуру в ее отношении к иудейству и христианству.

Нейман, проводящий мысль о зависимости античных государственных форм от хозяйства, о взаимодействии государства и хозяйства, дал краткую историю эллинистических государств (и римской республики) в коллекции «Ullsteins Weltgeschichte», изд. под ред. Ю. фон Пфлуг-Гарттунга. Популярные обзоры эллинистической культуры найдем у Ф. Баумгартена, Ф. Поланда и Р. Вагнера (Baumgarten F., Poland F., Wagner R. Die Hellenistisch-Römische Kultur. Leipzig; Berlin, 1913, с хорошими иллюстрациями), а также в небольших очерках Э. Цибарта (Ziebarth E. Kulturbilder aus griechischen Städten. Leipzig, 1912. 2. Aufl.).

Во французской литературе есть прекрасная монография об отношениях между Грецией и Римом и о греческом влиянии на

¹ Ср.: *Kerst J.* Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum. München; Leipzig, 1898, и вступительную лекцию: Die antike Idee der Oekumene in ihrer politischen und kulturellen Bedeutung. Leipzig, 1903.

² *Wendland P.* Die hellenistisch-römische Kultur in ihren Beziehungen zu Judentum und Christentum. 1907 (2-е и 3-е изд. — 1912); *его же.* Beiträge zur athenischen Politik und Publicistik des IV. Jahrhunderts // NGG. 1910.

последний с 200 до 146 г. до Р. Х. — Ж. Колена (Colin J. Rome et la Grèce de 200 a 146 avant J. Chr. Paris, 1905 [Bibliothèque de l'École française d'Athènes]), а О. Буше-Леклерк дал обширную четырехтомную «Историю Лагидов» (Bouche-Lecclercq Aug. Histoire des Lagides. Paris, 1903—1904)¹ и затем «Историю Селевкидов» (Histoire des Seleucides. Paris, 1913)². В английской литературе имеется также история дома Селевка Э. Р. Бивена (Bevan E. R. The House of Seleucus. London, 1902, 2 Vol.) — хорошая монография, вступительная глава которой говорит вообще об эллинизме, о сущности, влиянии и значении эллинистической культуры для Востока. Целая большая книга, более 500 страниц, на английском языке, посвящена Антигону Гонату Тарном (Tarn W. W. Antigonos Gonatas. Cambridge, 1913). Афинскую историю эллинистического периода много занимается американский ученый У. Фергюсон (W. S. Ferguson, профессор сначала в Сан-Франциско, теперь в Гарвардском университете): в этой области ему принадлежит ряд работ, из которых самые крупные — «The Priests of Asclepius» (University of California Publications // Classical Philology. V. I. № 5. 1906), исследование, дающее «новый метод датирования афинских архонтов»³, и в особенности «Hellenistic Athens» (London, 1911), в виде отдельной монографии значительного объема (ок. 500 стр.) излагающая афинскую историю с 323 г. по 86 г. до Р. Х.⁴ С точки зрения истории культуры, в частности — высшего образования того времени и более позднего,

¹ На немецком языке есть: *Strack.* Die Dynastie der Ptolemäer. 1897.

² По поводу ее: *Ростовцев М. И.* Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов // НИЖ. 1913. № 1; ср.: *Radet G.* L'empire des Seleucides // Journal des Savants. N. S. 1913. XI.

³ Ср.: *Kolbe W.* Die attischen Archonten von 293/2—31/0 vor Christenthum. Berlin, 1908 (оттиск из: AGG. Neue Folge. X). О русских работах относительно афинских архонтов той эпохи — ниже.

⁴ Другие работы У. С. Фергюсона (Ferguson): The Oligarchical Revolution at Athens of the Year 103/102 // Beiträge zur alten Geschichte. IV; *id.* Athenian politics in the early third century // *ibid.* V; The Laws of Demetrius of Phalern and Their Guardians // Klio. X.

интересна книга Дж. У. Уолдена (Waiden J.W. The Universities of Ancient Greece. New-York, 1909)¹.— Из монографий на итальянском языке можно назвать Касси (Cassi. Vita et arte ellenistica. Catania, 1910).

У нас, в России, на македонский период обращал большое внимание Ф. Ф. Соколов. Кроме речи, характеризующей «Третье столетие до Р. Х.», и исследования об афинском постановлении в честь Аристомаха Аргосского, значительная часть его статей под общим заглавием «В области древней истории» касается этого периода². Ученик Ф. Ф. Соколова, А. Н. Щукарев, как упомянуто уже (с. 376), написал «Исследования в области каталога афинских архонтов III в. до Р. Х.» (1889); другой его ученик, С. А. Жебелев из того же времени брал темы для своих диссертаций «Из истории Афин 229—31 до Р. Х.» (СПб., 1898), «*Ἀρχαία*. В области древностей провинции Ахайи» (СПб., 1903) и тоже касался вопроса об афинских архонтах III, II и I вв. до Р. Х. (ЖМНП. 1909. Июль), а К. В. Хилинскому принадлежит статья о хронографии и хронологии македонских царей после Александра Великого (ЖМНП. 1905. Январь). Некоторые статьи А. В. Никитского тоже имеют отношение к истории эллинистического периода. Из других русских ученых А. Н. Деревницкий в своей диссертации «О начале историко-литературных занятий в древней Греции» (Харьков, 1891) касается александрийской образованности и Александрийского музея. Характеристику эллинистической эпохи можно найти и у Н. И. Кареева в его книге «Монархии древнего Востока и греко-римского мира» (СПб., 1904; 3-е изд.— 1912). О трудах М. И. Ростовцева и М. М. Хвостова мы уже упоминали (с. 573). К некоторым из только что названных трудов мы еще вернемся.

Гельсингфорскому ученому И. Зундваллю (Sundwall) принадлежит работа «De institutis reipublicae Atheniensium post Aristotelis

¹ Ср.: Petit de Julleville, L'École d'Athènes au IV siècle après J.-Chr.

² См.: Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910.

aetatem commutatis» (Helsingfors, 1906 // Acta societ. Scientiarum Fennicae. XXXIV. № 4).— Кроме статей¹, в иностранной литературе на немецком языке имеются монографии о Малой Азии под властью Александра Великого (Baumbach A. Kleinasien unter Alexander dem Grossen. Jena, 1911), о союзе «островитян» в эпоху эллинизма (König. Der Bund der Nesioten. Ein Beitrag zur Geschichte der Kykladen und benachbarten Inseln im Zeitalter des Hellenismus. Halle, 1910), об эллинизме в Малой Африке (Thieling W. Der Hellenismus in Kleinafrika. Leipzig, 1911) и т. д. Источники по истории времени диадохов исследовал Р. Шуберт в особой монографии (с. 231, примеч), а об языке эллинистического периода есть исследования К. Дитериха (Dieterich K. Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache von der hellenistischen Zeit bis zum X. Jahrhundert nach Chr. 1898) и Тумба (Thumb A. Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Strassburg, 1901).

Не говорю уже о статьях и исследованиях, вызванных открытием новых для нас памятников или надписей, например Пергама и других малоазиатских городов. Но особенное оживление обнаружилось в разработке истории греко-римского Египта. Открытие многочисленных папирусов дало могучий толчок и богатый материал для работ в этой области. Стоит вспомнить о трудах Вилькена, Миттейса, Венгера², Прейсигке³, М. И. Ростовцева, М. М. Хвостова⁴.

¹ Из которых можно назвать: Köhler A. Das asiatische Reich des Antigonos // SB Berlin. 1898; *id.* Reichsverwendung und Politik Alexanders des Großen // Beiträge zur alten Geschichte. V; Meyer Ed. Alexander der Große und die absolute Monarchie // Kleine Schriften; Förster. Antiochia // Das Erbe der Antike.

² См. выше: с. 471 след.

³ Кроме упомянутых уже на с. 461, примеч. 3, с. 463, 473, 474, примеч. 1, изданий: Presigke F. Städtisches Beamtenwesen im römischen Egypten. Halle, 1903; *id.* Girowesen im griechischen/Egypten. Strassburg, 1910; *id.* Das Wesen der *βιβλιοθήκη ἐγκτήσεων* // Klio. XII).

⁴ См. выше: с. 573.

Исследовались администрация и военное дело¹ в греко-римском Египте, финансы², хозяйство и поземельные отношения³, торговля и промышленность⁴, суд и право⁵, религия и

¹ Кроме названных уже трудов Ф. Прейсигке см.: *Jouguet P.* La vie municipale dans l'Égypte romaine. Paris, 1911; *Hohlwein N.* L'Égypte Romaine. Recueil des termes techniques relatifs aux institutions politiques et administratifs de l'Égypte romaine. Bruxelles, 1912; *Biedermann E.* Δερ Βασιλικός γραμματεύς. Studien zur ägyptischen Verwaltungsgeschichte in der ptolemäer-römischen Zeit. Berlin, 1913; *Cohen D.* De magistratibus /Egyptiis extemas Lagidarum regni provincias administrantibus. Haag, 1912; *Mariano San Niccolo.* Ägyptisches Vereinswesen zur Zeit der Ptolemäer und Römer. München, 1913. I; *Martin V.* Contribution à l'étude des institutions de l'Égypte greco-romain. Genève, 1911 (см. рецензию С. П. Сингалевича // ЖМНП. 1912. Ноябрь); *Lesquier J.* Les instituts militaires de l'Égypte sous les Lagides. Paris, 1911; *Meyer P.* Das Heerwesen der Ptolemäer und Römer zu /Egypten. 1900; *Schubart W.* Quaestiones de rebus militaribus quales fuerint in regno Lagidarum. 1900.

² *Maspéro C. C. Ch.* Les finances de l'Égypte sous les Lagides. 1905; *Grenfell B. P., Mahaffy J. P.* The revenue laws of Ptolemy Philadelphos. Oxford, 1896; *Steiner A.* Der Fiskus der Ptolemäer. Leipzig; Berlin, 1913. I; о монетах Птолемея: *Svoronos J. N.* Τα νομίσματα του κράτους των Πτολεμαίων. 1904. 3 vol. (4-й т. составляет нем. пер.: Die Münzen der Ptolemaer. IV. Bd. Deutsche Übersetzung des I. Bds. (Athen, 1908); *Ertel F.* Die Liturgie. Leipzig, 1914; *Струве В. В.* К истории *αρχόμοιρα* // ЖМНП. 1913. Декабрь; *Миrotворцев И. В.* К вопросу о девальвации египетской серебряной драхмы // Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова по поводу сорокалетия его ученой и пятидесятилетия учено-литературной деятельности. Казань, 1913.

³ Кроме исследований И. Ростовцева о колонате (с. 573): *Wachsmuth C.* Wirthschaftliche Zustände in /Egypten während der griechisch-römischen Periode // Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik. III. Folge XIX; *Waszynsky St.* Die Bodenpacht. I. Bd. Lpz., 1905; *Salluzzi.* Sui prezzi in Egitto nell'eta Tolemaica // Rivista di storia antique. 1901; *Миrotворцев И. В.* Цены на рабов в греко-римском Египте // ЖМНП. 1914. Апрель.

⁴ Кроме трудов М. М. Хвостова: *Fitzler K.* Steinbrüche und Bergwerke im ptolemäischen und römischen Ägypten. Leipzig, 1910; *Reil Th.* Beiträge zur Kenntnis des Gewerbes im hellenistischen Ägypten. Leipzig, 1914 (Diss.).

⁵ См. упомянутые выше (с. 473—473) труды Миттейса, Венгера, Г. А. Себеки, Б. Н. Фрезе; *Zucker Fr.* Beiträge zur Kenntnis des Gerichts-

культу, отношения между различными элементами населения², местная история³ и т. д.

Буркхардт. Совершенно в стороне от господствующего теперь направления стоит «Grieschische Kulturgeschichte» Якоба Буркхардта (Burckhardt). Это — лекции, много раз читанные Буркхардтом в 70-х и первой половине 80-х годов прошлого века и изданные после его смерти Я. Эри (Oeri) в течение 1898—1902 гг. в 4 томах⁴. I т. состоит, кроме общего введения, из небольшого отдела о греческом мифе и гораздо более крупного — о государстве и нации, где говорится о полисе, развитии государственных форм и национальном единстве у греков. Далее, во II т., говорится о религии и культе, об узнавании будущего и (употребляя выражение самого Буркхардта) подводится «общий баланс греческой жизни», причем речь идет главным образом об этике греков и их пессимизме. Следующие отделы,

Organismus im ptolemäischen und römischen /Egypten. Leipzig, 1911; *Gentili.* Dagli antichi contratti d'affitto. Firenze, 1905 (Studi Italiani di Filologia Classica. XIII).

¹ *Otto W.* Priester und Tempel im hellenistischen /Egypten Leipzig; Berlin, 1905-1908. Bd. I—II (ср. рецензию М. И. Ростовцева // GGA. 1909. № 8); *Reitzenstein R.* Die hellenistischen Mysterienreligionen. Leipzig, 1910; *id.* Hellenistische Wunderzählungen. Leipzig, 1911; *Weber W.* /Egyptisch-griechische Götter im Hellenismus. Groningen, 1912 (речь); *Cumont Fr.* Les religions orientales dans le paganisme romain. Paris, 1907.

² Например, *Wilcken Ulr.* Zum Alexandrinischen Antisemitismus // ASGW. 1909. XXVII; *Bludau A.* Juden und Judenverfolgung im alten Alexandria. Münster, 1906; *Stähelin F.* Der Antisemitismus des Altertums in seiner Entstehung und Entwicklung. Basel, 1905; *Pärvan Vasile.* Die Nationalität der Kaufleute im römischen Kaiserreich. Breslau, 1909.

³ *Plaumann G.* Ptolemäer in Oberägypten. Leipzig, 1910 (Leipziger Historische Abhandlungen); *Сингалевич С. П.* Состав населения города Оксириха в первые три века римского господства в Египте // Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова... Казань, 1913; *ежо же.* Совет города Оксириха III в. по Р. Х. // Сб. статей в честь В. П. Бузескула. 1914 и проч.

⁴ Grieschische Kulturgeschichte / Hrsg. J. Oeri. Berlin; Stuttgart. [Б. г.] Есть несколько изданий.

составляющие содержание III т., посвящены искусству, поэзии и музыке, философии, науке и красноречию, а последний том весь состоит из одного обширного отдела, дающего характеристику грека в разные эпохи его исторического существования («Der hellenische Mensch in seiner zeitlichen Entwicklung»).

Появление подобной «Культурной истории Греции», вышедшей из-под пера Буркхардта, должно было вызвать особый интерес. Якоб Буркхардт (1818—1897), долгое время бывший профессором в Базеле, — едва ли не главный представитель культурного направления в историографии второй половины XIX в. 1, автор таких произведений, как монография о времени Константина Великого, «Cicero» и в особенности замечательные очерки по «Культуре Ренессанса в Италии», в которых он путем скорее дивинации устанавливает ту точку зрения на сущность гуманизма, какую потом развил и обосновал русский ученый, проф. М. С. Корелин (в своем «Раннем итальянском гуманизме и его историографии»).

Свой взгляд на значение культурной истории Буркхардт высказывает и во введении к «Griechische Kulturgeschichte». Касаясь отличия своего курса от курса обычных «греческих древностей», он говорит, что рассказ о событиях и критическое исследование отняло бы слишком много времени. Притом «события» легко изучить и по книгам. Он же желает установить точки зрения на события; его задача — дать историю греческого мировоззрения, стремиться к познанию тех живых сил, созидających и разрушающих, которые действовали в греческой истории. Он имеет в виду преимущественно историю греческого духа. Единичное, отдельное должно быть приводимо лишь в свидетельство об общем, а не ради самого себя. Говоря о преимуществах культурно-исторической точки зрения, Буркхардт указывает прежде всего на большую достоверность

1 О нем: *Trog H.* Jacob Burckhardt. Basel, 1898; *Gotthein.* // Preussische Jahrbücher. 1897. XC; *Neumann K. F.* // Deutsche Rundschau. 1898. März; *Geher H.* // Zeitschrift für Kulturgeschichte. 1900. VII (Ausgewählte kleine Schriften. 1907); ср.: Allgemeine Deutsche Biographie. XLVII.

важнейших культурно-исторических фактов по сравнению с историческими в обычном значении, — с «событиями», которые составляют предмет рассказа, ибо культурная история существует тем, что сообщают источники непреднамеренно, бескорыстно, невольно и бессознательно, и даже вымыслы для нее важны. Она имеет в виду постоянное, типичное; это постоянное величественнее и важнее моментального, важнее отдельного деяния: мы познаем «вечного» грека, тип его, вместо отдельного, единичного фактора. Индивидуумы, «великие люди», являются здесь лишь как иллюстрация. Дальнейшее преимущество культурной истории Буркхардт видит в том, что она группирует и выдвигает факты по их пропорциональной важности и не топчет ногами всякое чувство пропорциональности: она выдвигает те факты, которые способны войти во внутреннюю связь с нашим духом, возбудить действительное участие в нас, вследствие ли своего сродства или контраста. Впрочем, Буркхардт не скрывает и многих трудностей культурно-исторической обработки.

Цель Буркхардта, как он сам говорит, побудить других к наблюдению над культурно-историческими фактами, причем он имеет в виду и не филологов, а всякого гуманистически образованного человека. Он желает ввести не в специальные исследования в обычном смысле слова, а вызвать интерес к целому, к пониманию греческого мира вообще. Об учености заботится нынешняя историко-антикварная литература, говорит Буркхардт; он же стремится поддержать интерес к древнему греческому миру.

Но несмотря на это, несмотря на признание оригинальности и гениальности греческого народа и его заслуг в деле культуры, Буркхардт далек от прославления греков, от какого-либо преклонения перед ними; в сущности в своих воззрениях на них он является скорее пессимистом. В числе основных положений его мы встречаем и слова Бёка, что «греки были несчастнее, нежели большинство думает»; Олимпию и Дельфы он называет «музеями национальной ненависти», выставляет на вид политическую рознь греков, их нравственные недостатки, особенно лживость и проч.

«Griechische Kulturgeschichte» Буркхардта вызвала противоположные отзывы. Одни встретили ее с большими похвалами 1, другие — в том числе такие ученые, как Эд. Мейер и У. фон Вилламовиц-Мёллендорф, — с неодобрением, чуть не с негодованием 2. Во всяком случае, мне кажется, она не оправдала тех ожиданий, которые вызывало имя Буркхардта. Задумана она, конечно, прекрасно; многие замечания и наблюдения и оригинальны, и метки, хотя бы, например, о пессимизме греков; такие отделы, как подведение «общего баланса греческой жизни», как характеристика грека в разные эпохи его исторического существования, дающая вместе с тем характеристику нравов и быта и даже обзор всей греческой жизни, начиная с героической эпохи и кончая временем диadoхов, — такие отделы должны представлять большой интерес. И тем не менее все это иногда тонет в массе более или менее общеизвестного. Отдел, например, о греческом полисе представляет несомненный интерес для историка и по теме несколько совпадает «La cité antique» Фюстель де Куланжа; но вместе с тем какая разница! как он бледен по сравнению с этим последним произведением! А главное, Буркхардт сознательно, с умыслом, игнорирует новейшую литературу, и понятно, это не могло не отразиться невыгодно на его труде. Наконец, лекции Буркхардта изданы почти в том виде, в каком они остались в его бумагах, без существенной переработки или добавлений со стороны редактора; а составлены они, как мы видели, в 70-х и в первой половине 80-х годов прошлого столетия. Поэтому во многом они оказываются уже устаревшими; например, не привлечены даже такие данные, как сообщения «Афинской политики» Аристотеля. Редактор заявляет, что он преднамеренно не воспользовался ими, полагая, что читателю доставит удовольствие самому это сделать и сообразно с этим углубить или видоизменить находящиеся в издаваемом труде воззрения!

¹ См., например, большую хвалебную статью: *Neumann K. F.* // *Historische Zeitschrift*. N. F. 1900. XLIX.

² Мейер, например, говорит, что «исследователь с негодованием отбросит в сторону подобные труды» (III, 291).

Другие труды по культурной истории. Не блещет оригинальностью, но оказывается очень хорошим, полезным пособием, стоящим на уровне современной науки, прекрасно изданное с многочисленными иллюстрациями «Die hellenische Kultur» трех авторов — Ф. Баумгартена, Ф. Поланда и Р. Вагнера 1 (есть в русском переводе). Поланд обработал отделы, касающиеся государства и религии, Баумгартен — главы, посвященные искусству, а Вагнер дал характеристику умственной жизни и литературы. Своею целью авторы поставили представить в цельном изложении выводы современных исследований в доступной для каждого образованного читателя и удобочитаемой форме. Это пособие в Германии имеет большой успех 2. По тому же образцу и теми же авторами составлено как бы его продолжение — «Die Hellenistisch-Römische Kultur» (Leipzig; Berlin, 1913).

¹ *Baumgarten F., Poland F., Wagner R.* Die hellenische Kultur. Leipzig; Berlin, 1905 (3. Aufl. — 1912). Русский перевод издан сначала отдельною книгою (СПб., 1906), с таким же числом иллюстраций, что и немецкий подлинник, потом перепечатан в I т. «Общей истории европейской культуры», причем число иллюстраций очень ограничено.

² По культурной истории Греции имеются еще: *Guhl, Koner.* Leben der Griechen und Römer (несколько изданий; 6-е — 1893); *Forbiger, Winckler H.* Hellas und Rom. 1876-1882. 3 Bde.; *Falke.* Hellas und Rom. Stuttgart, 1878 (рус. пер.: СПб., 1880-1881); *Becker W. A.* Charikles. Bilder altgriechischen Sitte... 1840; с тех пор несколько изданий; есть русский перевод: Беккер В.А. Харикл. Сцены из жизни древних греков. СПб., 1876; *Вегнер В.* Эллада. Очерки и картины древней Греции для любителей классической древности и для самообразования / Изд. 4-е. Пер. с нем. П. Евстафьева. СПб., 1900; *Tucker T. C.* Life in ancient Athens. London, 1907; *Ламер А.* Греческий мир (Культурно-исторический альбом. Древний мир. Вып. II). М., 1914 (перевод с немецкого); *Велицкий Ф. - Ф.* Быт греков и римлян / Пер. с чешского. Прага, 1878 и проч. О книгах Дж. Магаффи и П. Гиро (La vie privée et la vie publique des Grecs. Paris, 1890) уже было упомянуто. Сюда можно отнести и руководства по частным греческим древностям. Очень полезны «Таблицы» С. О. Цыбульского — иллюстрации быта древних греков и римлян, изданные в сотрудничестве с известными специалистами, с объяснительным текстом.

Культурной истории посвящен коллективный труд — «Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwicklung und ihre Ziele», издаваемый с 1905 г. под редакцией П. Гиннеберга по чрезвычайно широкому масштабу, охватывающий религию и философию, литературу и язык, искусство и науку, государство и общество, право и хозяйство в их прошлом, настоящем и отчасти даже в будущем. В составлении этого громадного труда принимают участие более 150 ученых. Соответствующие отделы принадлежат перу выдающихся специалистов; например, отделы о государственном строе европейской древности (Die Verfassung und Verwaltung des Europäischen Altertums, 1911) и о праве греков и римлян (Das Recht der Griechen und Römer, 1914) принадлежат Венгеру, а краткий, но блестящий очерк греческой литературы и очерк греческого государства и общества написаны Виламовицем-Мёллендорфом.

Виламовиц. Говоря о разработке греческой истории в наше время, нельзя не остановиться на этом выдающемся современном немецком филологе-классике. У. фон Виламовиц-Мёллендорф I (род. в 1848 г.), профессор в Грейфсвальде, затем в Гёттингене, а с 1898 г. — преемник Э. Курциуса в Берлине, председатель комиссии по изданию греческих надписей, — один из самых талантливых, оригинальных и плодовитых ученых, замечательный, глубокий знаток греческой древности и литературы, оказавший сильное влияние на их изучение. В Виламовице прежде всего поражает разносторонность его сведений в области греческой филологии в обширном смысле этого слова и разнообразие тем его работ, начиная с изданий и критики текста и кончая поэтическими переводами греческих трагиков и задачами чисто историческими. Не касаясь его многочисленных статей и небольших исследований по отдельным вопросам истории, древностей

¹ Характеристика Виламовица: **Кагаров Е.Е.** Из заграничных впечатлений // Гермес. 1910. № 8; в «Очерках» А. Драхмана: **Drachmann A. B.** Udvalgte Afhandlinger. Kjöbenhavn og Kristiania, 1911; отрывки на русском языке в рецензии Е. Е. Кагарова (Гермес. 1914. № 11/12); **Perrot C.** Un helléniste allemand... // Journal des Savantes. N. S. 1913. IX.

и литературы, я здесь назову более крупные его труды, важные в том или другом отношении для историка. Таково его издание «Геракла» Еврипида (2-е изд. — 1895 г., в 2 т.), в котором мы находим введение (где Виламовиц между прочим касается пеласгов, переселений и вторжения дорян), греческий текст и перевод, а во 2-м томе — обширный комментарий; таковы его «Reden und Vorträge» I, в том числе речь «Von des attischen Reiches Herrlichkeit» (1880), первоначально вместе с экскурсами и приложениями занимавшая почти весь первый выпуск² издававшихся Кисслингом и Виламовицем «Philologische Untersuchungen», и затрагивающая многие — и притом самые разнообразные — вопросы из истории Афинской державы V в.; его обширная монография об Антигоне из Кариста и «Гомеровские исследования» (в тех же «Philologische Untersuchungen»); его статья «Die Thukydidlegenden» (Hermes. XII); упомянутые блестящие очерки как истории греческой литературы, так и греческого государства и общества в коллекции «Die Kultur der Gegenwart» (1910).

Но самым крупным трудом Виламовица, касающимся греческой истории, является, конечно, его монография «Aristoteles und Athen» (1893), в 2 томах (см. выше, с. 204). Посвящена она главным образом трактату Аристотеля об афинском государственном строе, но содержание ее чрезвычайно богато и разнообразно. I том представляет ряд «анализов» Аристотелева трактата, преимущественно с целью определить его ценность и, следовательно, его источники. Свое исследование тут Виламовиц распределяет по тем писателям, которыми пользовался Аристотель. Но этому он предпосылает главу о хронологии у Аристотеля, так как хронология служит связью для всей исторической части трактата; затем уже идут главы, посвященные преимущественно анализу различных отделов «Политии», соответственно ее

¹ 1-е изд. — 1901, в 1913 — 3-е. По поводу последнего упомянутая статья Пеппо в «Journal des Savantes», 1913.

² Он носит несколько странное название: «Aus Kydathen». В «Reden und Vorträge» названная речь перепечатана без приложений и примечаний.

источникам. К этому присоединены еще две главы — о судьбе и влиянии трактата в последующее время и о его цели и значении в связи с жизнью и философскою деятельностью Аристотеля. Последняя глава I т. заканчивается определением современных задач греческой истории. II том состоит из исследований в области афинской истории на основании Аристотелевой «Политии» и из целой серии «Приложений», из которых только немногие имеют хотя некоторое отношение к трактату Аристотеля. Вообще в монографии этой затрагивается множество вопросов из области греческих древностей, истории и литературы. Можно согласиться с тем, что «Aristoteles und Athen» Виламовица — самое важное исследование о трактате Аристотеля и вообще в области собственно аттической истории за последние десятилетия I.

Виламовиц отличается удивительно начитанностью в памятниках, знанием и пониманием самого духа греческой древности. Он необыкновенно живо представляет себе эту древность. Он обладает замечательным даром комбинации, богатством идей; в его произведениях рассеяно много интересных, блещущих смелостью и оригинальностью мысли гипотез, замечаний и тонких наблюдений.

Но в то же время на читателя неприятно действует отсутствие простоты, какая-то манерность и претенциозность изложения, явное стремление к оригинальности, тон оракула, намеки, часто неясные, на других ученых, мнения которых Виламовиц не разделяет, и на явления современной политической жизни. Кроме того, Виламовиц игнорирует новейшую литературу и открыто сознается в этом, как бы гордясь и выставя напоказ свое пренебрежительное отношение к ней; а такое игнорирование не всегда проходит безнаказанно: иногда это ведет к тому, что Виламовиц приписывает себе то, **что** принадлежит другим, — открытия и выводы, уже сделанные другими, — и таким образом, хотя и невольно, нарушает правило *suum cuique*².

1 Ср.: *Bauer Ad.* Die Forschungen... S. 292.

2 Примеры см. в моей «Афинской политии». С. 67. Примеч. 1.

Обращает на себя внимание также отсутствие системы и последовательности в изложении у Виламовица, и этот видимый беспорядок, несоответствие заглавия статьи или главы с ее содержанием, вовсе не случайны и не результат спешности работы: здесь скрывается та же манерность и стремление к оригинальности. Этим отличается и его «Aristoteles und Athen». Распределение материала и изложение страдает здесь повторениями и отсутствием строгой связи, **что** до некоторой степени сознает и сам автор I. Например, о Драконовой конституции говорится, по меньшей мере, в трех местах: в 3-й главе I т., посвященной Солону; в 4-й, озаглавленной «Drakons Verfassung» (которая не предшествует, а следует за главой о Солоне), и во II т. на стр. 55 след. В главе 5 (I т.): «Thukydides», анализ начинается с истории Четырехсот, потом Виламовиц переходит к Писистратидам. Глава 6-я (I т.) озаглавлена «Die Demagogen des fünften Jahrhunderts»; на самом же деле это есть исследование преимущественно о том тенденциозном сочинении, которым пользовался Аристотель. Анализ и тут идет с конца — с истории Тридцати — и заканчивается Фемистоклом и Аристидом, после чего Виламовиц, говоря об олигархическом источнике Аристотеля, останавливается на Фераме, как предполагаемом им авторе этого источника, и вообще на политической литературе греков. Во II т. одна из глав носит заглавие «3000 Hopliten von Acharnai», но о 3000 ахарян говорится тут всего лишь на одной странице, в самом конце, а раньше, на нескольких страницах, речь идет по поводу сообщения трактата о разных категориях граждан, получавших содержание от государства.

¹ «Названия глав, — говорит он, — вряд ли позволят признать наличие продуманной диспозиции материала; тем не менее таковая существует, и потому мне хотелось бы обратиться к читателю с просьбой следовать при чтении тому порядку, в коем расположены мои отдельные изыскания» («Die Titel der Capitel lassen vielleicht keine überlegte Disposition des Stoffes erkennen; sie ist aber vorhanden, und wenn ich bitten darf, so lese man in der Reihenfolge, wie ich die einzelnen Untersuchungen angeordnet habe» (I. 3).

Виламовиц проникнут идеализмом; он полон воодушевления; это — натура поэтическая. По его собственным словам, еще в юности избрал он Motto: «хранить верность музам», и это стало обетом всей его жизни. Виламовиц владеет стихом и прекрасный переводчик; он глубоко симпатизирует Гомеру и Пиндару, великим трагикам и Платону, таким историкам, как Геродот. К более трезвым реалистам, к Фукидиду и Аристотелю, он не чувствует такой симпатии. Фукидида он называет «великим софистом», Геродота — его «более великим предшественником». Признавая, что античная культура есть нечто цельное и единое, Виламовиц, в противоположность Эд. Мейеру и Пёльману, энергично стоит за то, что изучение древней истории есть дело филологов, а не историков; что отделять здесь язык и литературу от истории отнюдь нельзя. Он глумится над известным кратким обзором источников «Abriss der Quellenkunde» Арн. Шефера и считает его в значительной мере виною того, что студенты думают, будто греческой истории мы можем научиться преимущественно из историков: по Виламовицу, главные источники древнего времени — поэты ¹.

Тем характернее, что Виламовиц выступил с требованием создать наконец историю государственного права Афин. Он считает это главной задачей, стоящей на очереди и ждущей разрешения. В конце I т. своей монографии «Aristoteles und Athen» Виламовиц говорит о «путях и целях греческой истории» и при этом указывает на ее отсталость по сравнению с римскою: живо чувствуется потребность в новом изложении греческой истории и греческих «древностей». То, что Моммзен сделал для римского государственного права, должно быть сделано теперь для Греции.

Э. Роде. Другой выдающийся эллинист, главные труды которого принадлежат к лучшим произведениям в области культур-

¹ Отчасти в связи с этим находится излишнее изолирование греков у Виламовица, который преувеличивает их независимость от культурного Востока.

ной истории Греции и интересны не для одних специалистов-филологов, — Эрвин Роде ¹, родившийся в 1845 и умерший профессором в Гейдельберге в начале 1898 г. В молодости на него оказала сильное влияние философия Шопенгауэра, дружба с Ницше, вместе с которым он слушал лекции в Лейпциге, и с композитором Вагнером. Ницше, столь прославленный впоследствии философ, как известно, по специальности сначала был филологом, и когда в 1872 г. он издал свое произведение «Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» ², из-за которого поднялся горячий спор, то Роде выступил на защиту своего друга, между прочим и против Виламовица ³; но впоследствии между ними стало обнаруживаться отчуждение и пути их постепенно разошлись в разные стороны.

Роде принадлежат два замечательных труда: один появился в середине 70-х годов прошлого столетия и посвящен греческому роману (Der griechische Roman und seine Vorläufer. 1876) ⁴, другой вышел двумя выпусками в 1890—1894 гг. и под заглавием «Psyche» дает историю верований греков в бессмертие

I Crusius O. Erwin Rohde. Ein biographischer Versuch. Tübingen; Leipzig, 1902; **Schmid W.** // Jahresberichte über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft. 1900. СНИ; **Immisch O.** // NJb. 1902. X; **Зелинский Ф.Ф.** // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1902. № 98.

² Есть в русском переводе [Ницше Фр. Рождение трагедии из духа музыки / Пер. Г. А. Рачинского. Собр. соч. Т. I. М., 1912]. Ницше принадлежит также исследование об источниках Диогена Лаэртия (RhM. 1869—1870) и трактат против исторического направления: «Ueber den Nutzen und Vorteil der Historie für das Leben». 1874. В собрании сочинений Ницше «Philologica» занимают последние три тома (XVII—XIX) («Рождение трагедии» («Die Geburt der Tragödie») входит в I т.; см.: Фр. Ницше. Поли. собр. соч. / Пер. под общей ред. Ф. Ф. Зелинского и С. Франка. СПб., 1912 след.). Биография Ницше написана его сестрой Елизаветой Фёрстер-Ницше (Förster-Nietzsche); ср.: Галеви. Жизнь Фридриха Ницше / Пер. с французского. СПб., 1911.

³ О Роде, «собрате по оружию Ницше», — книга Seillière, имеющаяся и в нем. пер. (Berlin, 1911).

⁴ 2-е изд. 1900; см.: Веселовский А. Н. // ЖМНП. 1876. Ноябрь.

души 1. Первый важен для решения вопроса о происхождении романа вообще, и едва ли нужно распространяться об интересе этой темы; второй интересен не только для историка или филолога-классика, но и для этнолога и психолога; недаром уже в 1898 г. понадобилось второе издание этой книги, а затем вышло и третье². Оба труда написаны прекрасным языком, и им обоим предшествовали продолжительные подготовительные работы Роде³. «Psyche» Роде, по мнению К. Ф. Неймана⁴, это — гармония формы и содержания, в художественном отношении совершеннейшее научное произведение филологии XIX в.

Узенер. Культурной истории, преимущественно мифологии, касаются труды и Германа Узенера, бывшего профессором в Бонне в течение почти 40 лет и скончавшегося в 1905 г. после полувековой ученой деятельности⁵. Его крупный труд, «Die Gotternamen» (Bonn, 1896), представляет новую попытку основать науку о религии на изучении языка: чтобы изучить религиозные понятия в их генезисе, Узенер обращается к языку, исходя из того, что «имена богов» едва ли не самое древнее, что мы знаем о богах, а потому, исследуя эти имена, мы исследуем и образование религиозных понятий⁶. Вообще это был много-

¹ На русском языке есть популярная книжка: Кулаковский Ю. А. Смерть и бессмертие в представлении древних греков. Киев, 1899.

² Оба последние издания — в 2 т.

³ Небольшие статьи и работы Роде собраны после его смерти в 2 т., под заглавием «Kleine Schriften» (Tübingen; Leipzig, 1901).

⁴ Neumann K. F. Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte. Strassburg, 1910. S. 84.

⁵ О нем: Bücheler F. // NJb. 1905. XV; Dieterich A. // Archiv für Religionswissenschaft. 1906. VIII; Wendland P. // Preussische Jahrbücher. 1905. Dezember; Schwartz Ed. Berlin, 1906.

⁶ По поводу этого исследования: Трубецкой С. Н. кн. // Χαρι-σθηα. Сб. ст. по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша. М., 1896; ср.: его же. Этюды по истории греческой религии // НС. 1903. № 2,5; 1904. № 9-10.

сторонний филолог, занимавший видное место среди немецких ученых

Ученику Узенера Альберту Дитериху (Dieterich), скончавшемуся в расцвете лет, тоже принадлежит ряд выдающихся исследований в области истории религии, например «Neukya» (Leipzig, 1893), «Mutter Erde» (1-е изд. 1905, 2-е — 1913). Дитерих редактировал «Archiv für Religionswissenschaft». — О трудах Рейтценштейна мы уже упоминали (с. 581, примеч. 1).

Эд. Целлер. Среди крупных ученых XIX в. в области изучения греческой древности следует назвать и Эдуарда Целлера (1814—1908), автора известной «Philosophie der Griechen», в которой представлено развитие греческой философской мысли в различных ее системах и направлениях, собран и критически разработан громадный материал. «Philosophie der Griechen» Целлера впервые появилась в 1844—1852 гг. и с тех пор несколько раз переиздавалась, сохраняя за собою в течение всего этого долгого времени значение первостепенного, капитального труда по истории греческой философии².

Другие немецкие филологи и историки. Из других немецких филологов и историков позднейшего времени назовем преемника Роде по кафедре в Тюбингене, а затем и в Гейдельберге О. Крузиуса, Ф. Дюммлера (f)³, Ф. Бласса (автора «Die attische Beredsamkeit», уже умершего), К. Ваксмута (f 1905), которому, как

¹ Ср.: Usener H. Göttliche Synonyme // RhM. 1898. LUI; id. Dreiheit // ibid. 1903. LVIII; id. Sintfluthsagen. Bonn, 1899 и др. Его работы (Kleine Schriften) собраны в 4 т.: Leipzig; Berlin, 1912—1914.

² Целлеру принадлежит и краткий «Очерк истории греческой философии», переведенный на русский язык (есть переводы с 9-го и 10-го немецких изданий). Небольшие работы Целлера изданы в 3 т.: Kleine Schriften. Berlin, 1910 ff.

³ Dümmeler F. Kleine Schriften. Leipzig, 1901. 3 Bde.; в числе их особенно см.: Prolegomena zu Platons «Staat» und der Platonischen und Aristotelischen Staatslehre (1891).

было уже упомянуто, принадлежит монография «Die Stadt Athen im Alterthum» и обширное «Введение», «Einleitung in das Studium der alten Geschichte» (1895), где собран богатый материал, хотя и без надлежащей системы и неодинаково обработанный; Ю. Липсиуса, знатока преимущественно правовых древностей¹; Г. Дильса; Иво Брунса, скончавшегося далеко не старым, автора прекрасных сочинений «Das literarische Porträt der Griechen» (1896) и «Die Persönlichkeit in der Geschichtschreibungen der Alten» (1898)²; Бруно Кейля, которому, кроме монографии «Die Solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte», уже упомянутой (с. 204), и других, принадлежит превосходный очерк греческих государственных древностей в III т. «Einleitung in die Altertumswissenschaft», изд. А. Герке и Э. Норденом; Ф. Леман-Гаупта, профессора в Ливерпуле, одного из редакторов немецкого журнала по древней истории «Klio», знатока Армении³, автора краткого обзора греческой истории в упомянутом коллективном издании «Einleitung...»; Р. Гирцеля (Themis, Dike und Verwandtes. Leipzig, 1907), Ф. Поланда, которому принадлежит очень обстоятельная «Geschichte des griechischen Vereinswesens» (Leipzig, 1909); военного историка Ганса Дельбрюка (Die Perserkriege und die Burgunderkriege, 1887; Geschichte der Kriegskunst in Rahmen der politischen Geschichte. Bd. 1. 1908 [2-е изд.] и австрийских ученых — филолога и историка греческой философии Т. Гомперца (1832—1912; см. главным образом его «Griechische Denker» [Wien, 1896 ff. 3 Bde.]⁴; В. А. Гартеля (Härtel) (Studien

¹ Новейший труд его: *Lipsius J.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Leipzig, 1905-1908. 2 Bde.

² См. еще: *Brunns I.* Vorträge und Aufsätze. München, 1905, — собрание статей, изданное после его смерти. О нем: *Варнеке Б. В.* // ЖМНП. 1907. Январь.

³ *Lehmann-Haupt K. F.* Armenien, Einst und Jetzt. Berlin, 1910.

⁴ Есть 2-е изд. Имеется рус. пер. (I и части II т.). Избранные небольшие работы свои Гомперц собрал под заглавием «Hellenica» (Leipzig, 1912. 2 Bde.); *его же.* Essays und Erinnerungen. Stuttgart; Leipzig, 1905, где и его автобиография. Некролог Гомперца, составленный П. В. Никитиным // ИАН. 1912. № 15.

über attisches Staatsrecht und Urkundenwesen. 1878)¹ Э. Чанто (Szanto) (Das griechische Bürgerrecht. 1892); Ад. Бауэра, которому принадлежат критические исследования о Геродоте (см. выше, с. 111, прим.; 120, прим.), Фемистокле (Themistokles. Studien und Beiträge zur griechischen Historiographie und Quellenkunde. 1881), об Аристотелевой «Политии» (с. 201), обширный обзор работ по греческой истории за 10 лет, с 1888 по 1898 (Die Forschungen zur griechischen Geschichte. 1899) и «Греческие военные древности» в коллекции Ив. Мюллера, не говоря уже о многочисленных его рецензиях и бюллетенях; Г. Свободу, которому, кроме уже упомянутой книги «Die griechische Volksbeschlüsse» (1890), принадлежит между прочим миниатюрная «Griechische Geschichte» (1896)²: здесь в книжке маленького формата, на 200 с небольшим страничками, вкратце излагается вся греческая история, с обзором источников и (в приложении) с очерком судьбы Греции в средние и новые века вплоть до 1881 г. Г. Свобода, кроме того, написал для новейшего издания учебника греческих древностей Германна, как было уже упомянуто (с. 322), 3-й отдел «Государственных древностей», представляющий собою большой том, состоящий из трех главных частей: 1) очерка общего развития греческих государств; 2) обзора колоний и 3) важнейших греческих государств.

Богатый материал по части воззрений на эллинов и эллиновство собрал цюрихский ученый Г. Биллетер (Billeter) в своей книге «Die Anschauungen von Wesen des Griechentums» (Leipzig, 1900). Он обнаружил замечательную начитанность; ему знакома и русская литература.

Коллективные и справочные пособия. Из коллективных трудов по классической древности (на немецком языке) важны не раз упомянутая огромная коллекция «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft», которая издавалась под редакцией Ив. Мюллера, а теперь редактируется Р. Пельманом, и в состав которой входят такие крупные произведения, как, например, «Греческие государственные и правовые древности» Бузольта,

¹ О нем: *Frankfurter.* Wien; Leipzig, 1912.

² В коллекции Göschen'a (Leipzig.). В 1901 г. вышло 2-е изд.

«Греческая история» Пёльмана, «История греческой литературы» В. Криста (Christ) и т. п., и небольшая трехтомная «Einleitung in die Altertumswissenschaft» (2-е изд.), под редакцией Герке и Нордена, имеющая в виду дать студентам и преподавателям путеводную нить в обширной области науки о древности. В ней особенно обращает на себя внимание отмеченный уже очерк греческих государственных древностей, написанный Бр. Кейлем: в сущности это очерк государственного права Греции.

Из справочных пособий главное место занимает «Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft» Ф. А. Паули, вышедшая в 1839—1852 гг. в 6 т. и издаваемая теперь (с 1893 г.) в совершенно новой переработке, сначала под редакцией Г. Виссова, а затем В. Кролля при участии многих специалистов: она представляет, так сказать, кодификацию современных сведений по классической древности. Очень полезен словарь Фр. Любкера¹ в новейшей редакции (Lübkers Reallexikon des klassischen Altertums. 8. Aufl. / Hrsg. J. Geffcken und E. Ziebarth. Leipzig; Berlin, 1914).

Французская литература. Во французской литературе за последние годы, как и за предыдущие, нельзя указать какого-либо особенно крупного общего труда по истории Греции, если не считать «Histoire de l'antiquité» Кавеньяка.

Кавеньяк. Эжен Кавеньяк (Cavaignac) известен, кроме статей², своими этюдами по финансовой истории Афин V в. (Etudes sur l'histoire financière d'Athènes au V siècle. Paris, 1908),

¹ Имеется в двух русских переводах (с прежнего издания) (Реальный словарь классических древностей по Любкеру... СПб., 1885; Любкер Ф. Реальный словарь классической древности. СПб., 1887). Отметим еще «Словарь древностей» Ресз'а, первый изданный в Венгрии труд этого рода. По мифологии выдается словарь Рошера: Roscher W. H. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, (1884 ff.).

² Например: Cavaignac Eug. Les classes soloniennes et la répartition de la richesse à Athènes // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1911; id. La population du Péloponèse // Klio. 1912 и др.

в которых он расходится с Эд. Мейером по некоторым вопросам об афинской казне с 480 по 404 г. Что касается его «Истории древности», то пока вышел только II т. ее, с подзаголовком — «Athènes (480—330)». (Paris, 1913), так как в нем на первом плане история Афин. Автор предполагает выпустить потом I т. (до 480 г.) и III (330-110 гг. до Р. Х.). Если он начал со II т., то это он мотивирует двумя соображениями: 1) это период наиболее известный, следовательно, представляющий наиболее непосредственный педагогический интерес, и 2) открытия, которые теперь происходят, по-видимому, не изменят существенно того, что мы знаем об этой эпохе: здесь работа синтеза не столь преждевременна.

Цель автора — дать учащимся, студентам Франции, а также Бельгии и Романской Швейцарии «эквивалент, скромный, быть может, но французский, того, что представляют собой на немецком языке руководства Эд. Мейера и Белоха, а на английском — Бьюри (Bury)». Вышедший том составляет объемистую книгу более 500 стр. убористой печати. Начинается он «прелиминарной главой», характеризующей положение древнего мира около 480 г. и заканчивается 330 г.— завоеванием Персии Александром Великим, главами о Македонии, о Карфагене и народах Италии, о Риме и Капуде; последняя глава — о греческой цивилизации в век Аристотеля. Так как это «История древности», а не только Греции, то Кавеньяк касается и Востока, и Карфагена, и Италии и даже кельтов. В истории Греции значительное место он отводит Спарте и Сиракузам. Есть главы о греческом искусстве (V гл. I кн.), науке (X гл.), аттическом воспитании (XI гл.). Существует обыкновение, говорит Кавеньяк, предоставлять эти предметы специальным пособиям, и такое обыкновение имеет свои основания. Не следуя ему, он, однако, систематически ограничивается лишь указанием связи, которая соединяет общую социальную историю с производством художественным или научным. Большое место уделяется материалу статистическому,— величине поверхности, численности населения, количеству денежных и военных ресурсов и т. п., особенно в «прелиминарной главе» —

о положении древнего мира в 480 г.,— хотя в этой статистике у Кавеньяка есть неточности 1.

К афинянам и вообще к демократии Кавеньяк относится с явной антипатией. События, которые обеспечили положение, завоеванное греческой расой в области Средиземного моря, выдвинули, говорит он, на первый план «народ, у которого достоинства и недостатки, добродетели и пороки доходили до пароксизма, временами карикатурного,— Афины» (с. 39). Демагогов Кавеньяк называет «les aboyeurs» (с. 126, 131), народ в его глазах «la canaille» (с. 177, 206, 493); демократия — это анархия (с. 134); господствующее чувство правящей массы — недоверие по отношению к тем, кто выше, и период 403—322 гг.— «смягченный террор» («cette Terreur adoucie», с. 197)...

Особенными достоинствами труд Кавеньяка не отличается и труда Эд. Мейера, конечно, заменить не может.

А. Круазе. Во французской литературе об античных демократиях есть особая, правда, небольшая книга, которая тем более способна возбудить внимание, что ее автор Альфред Круазе, член Института, профессор и декан Faculté des lettres в Парижском университете,— известный ученый: ему принадлежит превосходное издание первых двух книг Фукидида и он же, вместе с своим братом Морисом Круазе, написал «Историю греческой литературы»². Новое произведение А. Круазе, «Les Démocraties antiques» (Paris, 1909), входит в состав коллекции «Bibliothèque de Philosophie scientifique», редактируемой Густавом Ле-Бомом, и имеет в виду широкий круг читателей: оно носит популярный характер. Из 335 стр. этой книжки — небольшого формата — 18 стр. уделено «Введению», 240 стр., составляющих 4 главы,— афинской демократии, около 30 — остальным греческим демократиям, 3 стр.— Карфагену, 30 — Риму, и

¹ См. рецензию: *Glutz C.* // *Revue critique*. 1912. 28 décembre, и ответ Кавеньяка: там же. 1913.1 mars.

² Обширную в 5 т. и более краткую в 1 т. Последняя имеется в русском переводе [*Круазе А. и М.* История греческой литературы / Пер. с 7-го франц. изд. В. С. Елисейевой под ред. С. А. Жебелева. СПб., 1912].

последние 12 стр. посвящены общему заключению. Таким образом, афинская демократия — центр изложения. А. Круазе говорит, что не ставит себе целью входить во все подробности организации и истории афинской демократии: он хочет осветить главным образом самый дух ее и существенный характер ее деятельности. Он желает показать, как она возникла, каковы главные фазисы ее эволюции до того момента, когда эта эволюция закончилась и когда демократический организм всецело сформировался. Затем А. Круазе ставит себе задачей анализировать «главные органы и их характерные черты». Он желает изучить в особенности то, как функционировала эта демократия, ибо политическая конституция сама по себе — только «абстрактная рамка», а то, как она действует, и есть самая важная вещь и истинная реальность (с. 2—3).

Альфред Круазе, как было упомянуто,— известный ученый; но тем сильнее может быть разочарование читателя его книжки; в общем она не оправдывает ожиданий: она поверхностна, написана, по-видимому, наскоро и даже несвободна от фактических, чисто элементарных ошибок, не говоря уже об опечатках 1. Чрезвычайно важной Эфиальтовой реформе ареопага Круазе уделяет буквально лишь несколько строк, не касаясь ни ее значения, ни тех перемен, которые связаны с нею. И что удивительно — он допускает участие Фемистокла в этой реформе: по его словам, Эфиальт провел ее «по подстрекательству Фемистокла». Очевидно, Круазе принимает за достоверное анекдот, рассказываемый в 25-й главе дошедшего до нас текста «Афинской политики» Аристотеля. Казалось бы, относительно недостоверности этого анекдота не может быть уже никаких сомнений... Самый год реформы у Круазе показан неверно — 463 (надо 462/461 — «архонтство Конона»). О Перикле и его нововведениях мы находим в книжке Круазе тоже всего несколько строк. О дальнейшем развитии демократий до самой потери независимости Греции говорится на двух приблизительно страничках. По Круазе, гелиасты выбирались из граждан, имевших от роду более 40 лет

1 Моя рецензия: ЖМНП. 1909. Июнь.

(вместо 30). Кимон назван победителем при Микале (вместо при Евримедоне). Преемственными вождями демократии названы Фемистокл и Перикл; Эфиальт пропущен. По словам Круазе, Алкивиад, как предводитель Сицилийской экспедиции, был замещен Никием (с. 240), что по меньшей мере неточно. Автор говорит об умеренности и сдержанности, проявленной в борьбе в период от Персидских войн до Пелопоннесской войны (с. 210); он забывает об убийстве Эфиальта. По Круазе, Лукулл был первым по времени из «потентатов», созданных войною; Марий и Сулла идут после него (с. 320). По мнению Круазе, социализм если и не остался совершенно чуждым афинскому духу, то, во всяком случае, играл очень незаметную роль во внутренней истории Афин и никогда не представлял истинной опасности (с. 220). После трудов Пёльмана и Эд. Мейера такое утверждение не может не показаться неожиданным. Зато вполне можно согласиться с Круазе, когда он не раз отмечает индивидуализм грека и в особенности афинянина. Действительно, пора уже оставить ходячую, общую формулу о всемогуществе государства в античной Греции, о подавлении им личности, об отсутствии всякой гарантии для последней и т. п.; надо и в Греции различать разные государства и разные эпохи.

Можно еще отметить собрание статей «Études sur l'antiquité grecque» (Paris, 1900) широко образованного и разностороннего французского эллиниста Анри Вейля (Weil), немца по рождению, переселившегося еще в молодости во Францию, этого «старца трех поколений» (он умер в 1909 г. 91 года) а также лекции по греческой истории (Leçons d'histoire grecque. Paris, 1900, 2-е изд.—1913) — на различные темы — Буше-Леклерка, автора известной и в русском переводе «Histoire de la divination dans l'antiquité» и упомянутых уже монографий о Лагидах и Селевкидах (с. 577); «Conférences» поэта Ж. Ришпена (Richepin) под заглавием «L'Ame athénienne», и «Conférences faites sous les auspices de la Ligue française pour la défense des droits de l'hellénisme» нескольких ученых, в том

1 О нем — некролог П. В. Никитина: ИАК. 1909.

числе Омолля, Фужера, Т. Рейнака, под общим заглавием «La Grèce» (Paris, 1908) 1. Что касается книги Г. Лефевра «La Grèce antique» (Paris, 1900), то она посвящена верованиям греков, а «Introduction à l'histoire ancienne» Виктора Фурнье (Paris, 1901) касается преимущественно доисторического периода.

Центр тяжести во французской литературе в рассматриваемый период, как и в предыдущий, падал на отдельные монографии и исследования, большую часть уже названные (с. 406, 577, 600). К ним надо присоединить монографии Г. Глоца, (L'ordalie dans la Grèce primitive. Paris, 1904; La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. Paris, 1904); его же «Études sociales et juridiques sur l'antiquité grecque» (Paris, 1906); Ж. Колена (Rome et la Grèce de 200 à 146 avant J.-Ch. Paris, 1905 2; Le culte d' Apollon Pythien à Athènes. Paris, 1905), и труды бельгийских ученых, отчасти уже названные, — А. Франкотта (L'industrie dans la Grèce ancienne» (Bruxelles, 1900-1901, 2 vol.; La Polis grecque. Paderborn, 1907; Les finances des Cités grecques. Paris, 1909), и Ф. Кюмона, которому принадлежат замечательные исследования в области истории религии — «Les Mystères de Mithra» (Paris, 1900, 2-е изд.

¹ Из не крупных популярных общих обзоров или учебников назовем: *Blanchetet Toutain*, Histoire grecque... (sommaries, récits, lectures). Paris, 1900; *Boxler, Abbé A.* Histoire de la Grèce ancienne. Paris, 1901; *Seignobos Ch.* Histoire narrative et descriptive de l'antiquité. Paris, 1902; *id.* Histoire de la civilisation ancienne. Paris, 1903; *id.* Histoire ancienne: Grèce. Paris, 1911; *Aymès.* La Grèce antique. Paris, 1910; *Fougères G.* La vie publique et privée des grecs et des romains. Album... 2-me éd. 1900; *id.* Grèce. Paris, 1911 (Collection des Guides-Joanne); *id.* Athènes. Paris, 1912 (серия: Les villes d'art célèbres); *Trawinski Fl.* La Grèce (La vie antique, manuel d'archéologie grecques et romaine. Paris, 1913); *Laurand L.* Manuel des études grecques et latines. Paris, 1913 sq.; *Paris P.* Lexique des antiquités grecques. Paris, 1909; Apostolopoulos Mel. Histoire de la Grèce. Athènes, 1899, и проч.;

Besnier M. Хроника древней истории // Revue des questions historiques.
² Ср.: Pefi/ *de Julleville.* Histoire de la Grèce sous la domination Romaine; *id.* L'École d'Athènes au IV s. après J.-Chr.

1902) и «Les religions orientales dans le paganisme Romain» (Paris, 1907) ¹.

Английская литература. Эббот. В Англии первую более или менее значительную «Историю Греции» после Грота явилась «A History of Greece» Ивлина Эббота (Abbot). Из трех томов ее первый (1888), по обыкновению, доводит изложение до Ионийского восстания, второй (1892) обнимает период от 500 г. до Тридцатилетнего мира 445 г., а третий (1900) — 445 - 403 гг.

Приступая к своему труду еще в 80-х годах, автор сам признавал, что трудно после таких предшественников, как Грот, Дункер, Бузольт и Гольм, прибавить что-нибудь новое к существующим изложениям греческой истории. По его скромному заявлению, его труд написан с мыслью дать в небольших размерах исторический очерк греческой цивилизации, а не в надежде пролить новый свет на старые неясности или процитировать новое свидетельство там, где все свидетельства давно уже собраны. Но после того, как слова эти были написаны и I том издан, произошло неожиданное открытие нового для нас источника — «Афинской политики» Аристотеля, и Эббот воспользовался ею во II томе, который представляет для нас более интереса, нежели первый, уже потому, что тут Эбботу приходилось высказать свои воззрения и на афинскую демократию, и на ее вождей, т. е. по вопросам, которые с такою горячностью обсуждались в 80-х годах.

Здесь интересно сравнить взгляды Эббота со взглядами его знаменитого предшественника, Грота. Между ними обнаруживается значительная разница. Эббот не является «адвокатом» афинской демократии, как Грот, но и не нападает на нее так резко и страстно, как, например, Ю. Шварц или даже Белох. Впрочем, нельзя сказать, чтобы его взгляды были вполне ясны и определен-

¹ *Cumont F.* Textes et monuments relatifs aux mystères de Mithra. Bruxelles, 1899; *id.* A propos de Sabazius et du judaïsme. Paris, 1910; *id.* Astrology and Religion among the Greeks and Romans. N.-Y.; London, 1912 (American Lectures on the History of Religions).

ны: он не чужд колебаний и противоречий. В особенности это сказывается в оценке реформы ареопага и платы судьям. Усилия Кимона спасти ареопаг и поддержать конституцию Клисфена Эббот называет дальновидными и мудрыми; но и ограничение власти ареопага он считает неизбежным и полезным (sic); с другой стороны, говорит он, дальнейший ход афинской истории показывает, что падение ареопага жестоко чувствовалось, и Эфиальт сделал ошибку, какую склонны делать все реформаторы: он разрушил учреждение вместо того, чтобы приспособить его к потребностям времени. Плату судьям Эббот называет совершенную новостью, последствия которой были огромны и пагубны: эта плата знаменует начало крайней демократии в Афинах. Но тут же сам Эббот указывает, что при этом имелось в виду дать суду более крепкое и широкое основание, приобрести ему поддержку народа и предохранить его от пагубных влияний.

Изложение фактов у Эббота подробное. Автор — особенно когда дело идет о вопросе спорном — приводит вкратце свидетельства источников и мнения новейших ученых и взвешивает их. При этом он обнаруживает тоже осторожность и даже нерешительность. В отношении к греческой традиции Эббот склонен к консерватизму и нередко предпочитает держаться этой традиции. По поводу, например, описания Марафонской битвы и возникающих тут недоумений он говорит, что лучше оставить эти рассказы так, как мы их находим. Нужно еще сказать, что Эббот большое внимание обращает и на другие области, кроме Лаконии и Аттики, и история последних занимает сравнительно небольшую часть его труда.

Бьюри. Новейшая лучшая общая история Греции в английской литературе принадлежит известному ученому Джону Бьюри I, автору выдающихся трудов по истории Греции, в том числе и монографии о древнегреческих историках (с. 97, прим.). По всесторонности, знанию литературы и источников, по сравнительно небольшому объему (в I-м изд. в одном томе — вся

¹ *Bury J. B.* History of Greece to the death of Alexander the Great. London, 1900.

история Греции до смерти Александра Македонского), наконец, по изложению — это одно из лучших и наиболее удобных общих пособий. История литературы и искусства, хозяйства, религии, философии, все это излагается в связи с политической историей. Отметим еще между прочим, что у Бьюри история греческой колонизации предшествует истории Спарты и Афин; борьба греков с персами и карфагенянами, история греческого востока и запада излагаются параллельно; микенскую культуру Бьюри считает скорее догреческою, нежели негреческою; сношения эллинов с финикийцами относит к сравнительно позднему времени, подобно Белоху; Ликурга признает мифическою личностью; сравнительно подробно останавливается на истории Востока и т. п.

О Д. Дж. Магаффи я уже говорил.

В английской литературе имеется сочинение, затрагивающее ту же тему, что и «La cite antique» Фюстель де Куланжа; это — Fowler W. Ward. *The City-State of the Greeks and Romans. A survey introductory to the study of ancient history*, 1893; по оригинальности и научным достоинствам эту книгу, популярного характера, однако нельзя и сравнивать с произведением Фюстель де Куланжа

В американской литературе довольно видное место занимает исторический очерк развития афинской конституции до начала Пело-

¹ Книг более или менее популярного характера по греческой истории и древностям вообще немало в английской литературе. Таковы: Cox C. *W. History of Greece*. London, 1874. 2 vol.; *id.* *Lives of Greek statesmen. Solon — Themistokles*, 1885-1886. N.-Y., 2 Vol.; *Hammond B. E.* *The Political Institutions of the ancient Greeks*, London, 1895; *Oman Ch. W.* *A History of Greece*. N.-Y., 1895; *Greenidge A. H. J.* *Handbook of Greek constitutional history*. London; N.-Y., 1896; *Gardner P., Jevons F.B.* *Manual of Greek antiquities*. 1895; *Alkroft A. H.* *History of Greece*. London, 1909; *Shuckburgh E. S.* *A Short History of the Greeks...* Cambridge, 1901; *id.* *Greece from the coming of the Hellenes to A. D. 14*. London, 1905; *Cotteril.* *Ancient Greece: A Sketch of its Art, Literature and Philosophy*. London, 1913; *Gulick Ch. B.* *The life of the ancient Greeks*. N.-Y., 1901, и упомянутая на с. 585, примеч., книга: *Tucker T. C.* *Life in ancient Athens*. London, 1907.

Есть новое издание словаря: *Smith W., Wayte W., Marindin G. E.* *Dictionary of Greek and Roman antiquities...* London, 1890—1891. 2 Vol.

понесской войны Дж. У. Ботсфорда (Botsford) — «*The Development of the Athenian Constitution*» (*Cornell Studies in Classical Philology*. 1893); автор особенно подробно останавливается на вопросе о родовом устройстве; этому посвящено около половины книги. Ему же принадлежит краткая популярная общая история древнего мира (*A History of the Ancient World*, 1911). обстоятельная «*Древняя история Ближнего Востока*» написана Холлом (Hall H. R. *The Ancient History of the Near East from the Earliest Times to the Battle of Salamis*. London; New-York, 1913).

Циммерн. Но и в английской литературе конца XIX и начала XX в., подобно тому, как во французской, центр тяжести падал на монографии, а не на общее изложение греческой истории. Из них наиболее общий интерес представляет книга Циммерна «*The Greek Commonwealth. Politics and Economics in V century Athens*» (Oxford, 1911). Автор — не классик; он — «лектор политико-экономической науки»; но он хорошо знает греческую древность, источники и литературу. Его задача — уяснить себе, чем были в действительности Афины V ст., и он изучает природу, влияние и взаимодействие политических и экономических факторов в Афинах. Теперь, говорит Циммерн, общепризнано, что ни отдельная личность, ни нация не могут быть поняты без знания окружающих их условий и средств существования, другими словами — их географических и экономических условий. Традиции классической науки и недостаточность относящихся сюда свидетельств удерживали эллинистов от соприкосновения с новыми методами социальных исследований. Но в течение последних двух поколений, благодаря преимущественно археологам, этот недостаток восполнен; большая и все умножающаяся масса известий дает возможность делать заключения относительно экономической стороны греческой жизни. Это накопление новых свидетельств более, чем что-либо другое, отличает Грецию современной науки от Греции Грота и наших дедов. Но тут возникают свои опасности. Это, во-первых, — чрезмерная специализация и односторонность, склонность из-за деревьев не видеть леса, — искушение, которое овладевает каждой наукой в стадии очень быстрого накопления

материала. Во-вторых, заблуждение, от которого труднее предостеречь себя; это — применение современных методов и идей к античному времени без достаточной оценки разницы между древней Грецией и современными условиями. Например, экономические причины играли большую роль в деле возникновения Пелопоннесской войны, но мы не имеем права объяснять эту борьбу современными экономическими терминами. Здесь иной основной фон, и правильный путь к разрешению проблемы — идти назад, к первым началам, тщательный анализ обычных древних терминов и процессов.

Циммерн не думает излагать часть греческой истории. Его цель — сгруппировать факты и наметить ход известных идей, которые делают более понятными нам историю и людей, в ней действовавших. Он рассматривает прежде всего географическую обстановку (часть I, с. 11—51), потом политические учреждения, эволюцию от семьи к государству-городу (ч. II, с. 53—204), далее — экономические условия, хозяйственные формы, причем отмечает отличие греческой древности в экономическом отношении от современности, — бедность и ограниченность тогдашней жизни, малое развитие финансового хозяйства (ч. III, с. 205—413) — самый большой отдел, составляющий почти половину книги — и наконец, в виде «заключения», говорит о Пелопоннесской войне (с. 414—437), — о том конфликте, который возник, подобно тому как он возник и в некоторых современных цивилизованных общинах, между настоятельной необходимостью экономического развития и полученными от прошлого учреждениями и идеалами. Циммерн рассматривает греческую цивилизацию по направлению, противоположному тому, которое часто избирается современными авторами, именно рассматривает с той стороны, с которой она наиболее явно отличается от нашей.

Итак, Циммерн — в известном смысле — против сближения античного мира с современным; он против господствующего модернизирующего античную историю направления. Не точки соприкосновения между античной Грецией и современностью подчеркивает он, а отличие. С автором не всегда можно согласиться, но

книга его богата интересными замечаниями и сопоставлениями, живо, наглядно изображает природу, политическую и экономическую жизнь преимущественно Афин.

Многие английские монографии — например, Гранди (Grundy) о Фукидиде и его веке, труды по гомеровской эпохе, по истории эллинизма, и проч. — были уже названы. Из английских эллинистов можно назвать еще Хэдлэма, которому принадлежит очень хорошее исследование о жребии (Headlam J. Election by Lot at Athens. Cambridge, 1891), Л. Уибли (Whibley L. Political parties in Athens during the Peloponnesian war. Cambridge, 1889; Greek Oligarchies, their Character and Organisation. Cambridge, 1896 [1-е изд.], 1913 [2-е])¹, К. Фримана (Freeman K. J. Schools of Hellas. London, 1907), А. Верролла (Verrall A. W. Collected Literary Essays; Collected Studies in Greek and Latin Scholarship. Cambridge, 1913), Колмана Филлипсона (Coleman Phillipson. The International Law and Custom of Ancient Greeks and Romans. London, 1911, 2 Vol.). Но особенно многочисленны и замечательны английские исследования по истории первобытных религий, в том числе и греческой, с преобладанием социологической и этнологической точки зрения, — Э. Лэнга², Дж. Фрэзера, автора огромного труда под оригинальным заглавием «The Golden Bough» («Золотая ветвь»), первоначально (в 1-м изд.) в 2 т., а теперь в VII ч. и в 10 томах³, Л. Фарнелла (Farnell L. R. The Cults of the Greek States. Oxford, 1896-1909, 5 Vol.), А. Фэрбэнкса (Fairbanks A. A Handbook of

¹ Под его редакцией издана коллективная своего рода хрестоматия: A Companion to Greek Studies. Cambridge, 1905; очень полезный сборник также: Hill C. Sources for Greek History. Oxford, 1907 (2-е изд.), для периода 480-430 г.

² Lang A. The Secret of the Totem. London, 1905; *id.* Mythology, Ritual and Religion и др. О нем: Rait, Reinach S., Murray J., Millar // Quart. Revue. 1913. CCXVIII.

³ Первые тома уже в 3-м изд. (1911). Есть французский перевод: Le rameau d'or; *его же*. Totemism and Exogamy. London, 1910. 4 vol.; *его же*. The Belief in Immortality and the Worship of the Dead. I vol. (1913).

Greek Religion. New-York, 1911), Дж. Мэррея (Murray J. Four Stages of Greek Religion. London, 1912) и г-жи Дж. Гаррисон (Harrison J. E. Mythology and Monuments of Ancient Athens. London, 1890; Prolegomena to the Study of Greek Religion. Cambridge, 1903; Religion of Ancient Greek. London, 1905; Themis. A Study of the Social Origin of Greek Religion, 1912).

Итальянская литература (Де-Санктис). Из сочинений на итальянском языке самыми крупными за рассматриваемый период являются труды Э. Пайса (Pais E. Storia della Sicilia e della Magna Grecia. Torino, 1894. I) и в особенности Г. Де-Санктис (De Sanctis G. *Αρχή*. Storia della repubblica Ateniese... Torino, 1898, недавно вышедшая вторым изданием, 1912) Де Санктис, профессор Туринского университета,— один из наиболее выдающихся современных итальянских специалистов по древней истории². Историк, он в то же время и эпиграфист и археолог (известно его участие в критских раскопках). Он ученик Белоха и находится под сильным влиянием его: тот же, подчас крайний, скептицизм по отношению к традиции, то же ультракритическое направление, тот же синтез наряду с критическим анализом, то же признание важности социально-экономических факторов в истории³, та же резкость в суждениях и отзывах. В первом издании «История афинской республики» Де-Санктиса заканчивалась реформой Клисфена; во втором издании, помимо других изменений, прибавлено две новых главы и изложение заканчивается временем Перикла, победой демократов. Автор останавливается перед Пелопоннесской войной; эволюция афинской конституции, по его мнению, к тому времени завершилась. Из отдельных мест книги отметим, что Де-Санк-

¹ О первом изд.: *Продук А. М.* // ЖМНП. 1901. Январь; по поводу второго: *Reinach A.* // Revue de synthèse historique. 1912. XXIV—XXV.

² Кроме названной книги и различных статей, ему принадлежит: *Storia dei Romani* (1907. 2 vol.).

³ См. собрание этюдов: *De Sanctis C.* Per la scienza dell'antichità. Torino, 1909.

тис попытку Килона относит к середине VI в., ко времени Писистрата (с. 280 сл.), и готов приписать Клисфену «эпихиротонию» законов и «номофесию» (с. 356²).

Русская литература. Э. Р. фон Штерн. Переходя к русской литературе за последнее 25-летие в области изучения греческой истории, мы прежде всего должны упомянуть о проф. Э. Р. фон Штерне, выдающийся труд которого по истории спартанской и фиванской гегемонии появился еще в 1884 г. (см. с. 450) и который пишет частью на немецком языке, частью на русском. Проф. Штерн является как бы посредником между немецкою и русскою наукой, как бы связующим звеном между ними. Из его многочисленных работ I за рассматриваемый период следует отметить исследование (на нем. яз.) об эфоре в Спарте («Zur Entstehung und ursprünglichen Bedeutung des Ephorats in Sparta. Berlin, 1894»)¹, — исследование, в котором Э. Р. фон Штерн возникновение этого учреждения выводит из договора между народом и царскою властью; небольшую по объему, но интересную по высказанным в ней взглядам статью — на русском языке — о Солоне и делении аттического гражданского населения на имущественные классы³, в которой автор старается доказать, что учреждение этих классов не есть результат законодательной деятельности Солона; обстоятельный критический разбор III—IV тт. «Geschichte des Alterthums» Эд. Мейера⁴ и в особенности исследования по археологии южной России. Э. Р. фон Штерн один из первых признал и доказал подделку пресловутой тиары Сайтафарна, приобретенной Луврским музеем; открыл виновников этой и других фальсификаций предметов классической древности на юге

¹ Полный перечень их, с 1883 по 1911 г., приложен к: *Пролеттѳриа*. Сб. статей в честь Э. Р. ф. Штерна, Одесса, 1912.

² Из «Berliner Studien». XV. 2.

³ Помещена в: *Харитѳриа*. Сб. статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша. М., 1896.

⁴ На немецком языке см.: GGA. 1903. № 4.

России I; издал и исследовал многие памятники античной керамики²; он производил известные (с. 531 и 536—537) раскопки на о. Березани и в Петренах (в Бессарабии) и вообще пролил новый свет на историю греческой колонизации Черноморского побережья³.

В. А. Шеффер. Частью по-русски, частью по-немецки (и по-латыни) писал и В. А. Шеффер, профессор Московского университета⁴. В его студенческой работе — «Очерки греческой историографии» (Киевские университетские известия. 1883—1884) мы находим перевод фрагментов пяти логографов, с критическим разбором и оценкой их. Его магистерская диссертация — «De Deli insulae rebus» (Berlin, 1889) являлась основной монографией по данному вопросу, одною из лучших в ряду, теперь довольно длинном, работ по местной истории Греции. А докторская диссертация «Афинское гражданство и народное собрание» (М., 1891) имела целью заменить известную в свое время, но уже устаревшую книгу Шёмана «De comitiis Atheniensium» «достойным ее преемником»; план труда задуман был широко, все исследование рассчитано было на три части, но из этого обширного плана была выполнена только первая часть. Автору пришлось касаться многих темных и спорных вопросов относительно родового строя, выходить из пределов собственно классической филологии и даже истории. Для нас наибольший интерес представляет II глава, в которой подробно излагается

¹ Доклад на Археологическом съезде в Риге в августе 1896 г. (см.: ЖМНП. 1896. Декабрь).

² В том числе терракоты музея Одесского Общества истории и древностей (совместно с А. Н. Деревницким и А. А. Павловским, 2 вып. 1897—1898); Феодосия и ее керамика («Музей Императорского Одесского Общества истории и древностей». Вып. III. 1905).

³ См.: *Штерн Э. Р. фон.* Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской цивилизации // ЗОО. 1900. XXII; *его же.* Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischen Forschungen // Klio. 1909. IX и др.

⁴ О нем см.: ФОб. 1900. XVIII.

история родового строя в Афинах и борьба территориального принципа с родовым; особенно же обстоятельно рассматривается реформа Клисфена. Едва ли не главное значение этого труда В. А. Шеффера заключается в том, что автор один из первых воспользовался только что открытым тогда трактатом Аристотеля и притом воспользовался критически и в широких размерах. В. А. Шеффер и потом много занимался этим трактатом; ему принадлежат, например, «Афоризмы и заметки к „Афинской политии“ Аристотеля» (Филологическое обозрение. VII. 1894) и систематичные, отличающиеся полнотою, обзоры (на нем. яз.) обширной литературы о «Политии» в «Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft» (по 1895 г.)¹. Посмертным трудом В. А. Шеффера, безвременно скончавшегося в 1900 г., была его большая статья о демократии в «Real-Encyclopädie» А. Ф. Паули и Г. Виссова (Supplem. 1903).

Ф. Ф. Зелинский. Разнообразных тем из области греческой литературы, религии, нравственности, мысли и культурной истории вообще касается проф. Ф. Ф. Зелинский в своих блестящих статьях, собранных им под общим заглавием «Из жизни идей» (СПб., 1905—1907)², в 3 т., причем второй том носит еще и особое заглавие «Древний мир и мы», а третий — «Соперники христианства»: разумеются здесь «те течения античной религиозной и миросозерцательной мысли, которые в большей или меньшей степени удовлетворяли тем же потребностям человеческой души, как и христианство, и поэтому должны были вступить с ними в борьбу». Ф. Ф. Зелинский — широко образованный, глубокий знаток античности, блестящий стилист, и его статьи, написанные к тому же мастерски, представляют особый интерес. Несмотря на разнообразие тем, почти все они задуманы как составные части единого здания. Для автора античный мир «не тихий и отвлекающий от современной жизни музей, а живая

¹ О работах других русских ученых относительно Аристотелевой «Политии» см. выше: с. 151—152.

² I и III т. имеются во 2-м изд. (1908 и 1910), а т. II — в 3-м (1911).

часть новейшей культуры»; он видит «преимущественное значение античности в том, что она была родоначальницей тех идей, которыми мы и ныне живем. Изучая, таким образом, античность, если можно так выразиться, с наклоном к современности, «я,— говорит Ф. Ф. Зелинский,— намечил план гигантского научного здания, которое бы обнимало и биографию, и биологию тех идей, совокупность которых составляет современную умственную культуру».

Ф. Ф. Зелинскому принадлежат и другие многочисленные работы, частью специальные, чисто научные I, частью популярные — в лучшем значении этого слова: ими он пробуждает в нашем обществе интерес и любовь к античности. Ему мы обязаны и русским переводом Софокла (в «Памятниках мировой литературы». М., 1914. 3 т.), с введениями и вступительной статьей. Он же составил и учебник по истории античной культуры (М., 1915).

М. И. Ростовцев. О замечательных трудах ученика Ф. Ф. Зелинского, проф. М. И. Ростовцева, трудах, которыми по праву может гордиться русская наука, мы уже упоминали (с. 422, 529, 573)². Его исследование — на немецком языке³ — по истории римского колоната, «*Studien zur Geschichte des römischen Kolonates*» (Leipzig, 1910), где он, основываясь на новом обширном материале, папирусах, раскрывает генезис крепостных отношений, поскольку они были подготовлены эволюцией эллинистически-римского мира, сами немцы называют «grundlegend», и такой специалист по папирологии, как

¹ В числе их одним из первых по времени появления было исследование на немецком языке: *Die Gliederung der altattischen Komödie*. Leipzig, 1885. Для коллекции «*Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*» (основана И. фон Мюллером) Ф. Ф. Зелинский дает Энциклопедию филологии («*Grundlegung und Enzyklopädie der Philologie*»).

² К ним надо еще присоединить: *Ростовцев М. И.* Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж // ЗКОРАО. 1908. Т. VI и обработку этого исследования на немецком языке: *Rostowzew M. I.* Hellenistisch-Roemische Architekturlandschaft // *Roemische Mitteilungen*. 1911.

³ На русском языке см.: Современный мир. 1912. Январь—февраль.

Вилькен, в своих известных «*Grundzüge*» (см. выше, с. 472), касаясь земельного хозяйства в греко-римском Египте, тех, «кто желает глубже вникнуть в эти трудные вопросы», отсылает «прежде всего к книге М. И. Ростовцева» (с. 272).

М. М. Хвостов. Упоминали мы уже и о выдающихся исследованиях профессора Казанского университета М. М. Хвостова, посвященных торговле и промышленности греко-римского Египта (с. 573). Здесь добавим лишь, что М. М. Хвостову, кроме статей по истории Греции, принадлежит и общий краткий очерк греческой истории в «Энциклопедическом словаре» братьев А. и И. Гранат (7-е изд.).

С. А. Жебелев. Среди современных русских специалистов по греческой истории видное место занимает также С. А. Жебелев. В своем лице он соединяет археолога, эпиграфиста, историка и филолога-классика. Наиболее крупные его труды¹ посвящены детальному исследованию темных, еще не разработанных вопросов времени упадка Греции и носят очень специальный характер. Такова его магистерская диссертация «Из истории Афин. 229—31 годы до Р. X.» (СПб., 1898), написанная на основании преимущественно документальных источников, надписей; в главной части книги С. А. Жебелев касается лишь политической истории — следит за историей падения Афин; но «приложения» представляют экскурсии в область истории афинских художников II в. до Р. X.

В связи с названною диссертациею стоит другой еще более крупный труд С. А. Жебелева, являющийся как бы ее продолжением; это — его «*ΑΧΑΪΚΑ. В области древностей провинции Ахайи*» (СПб., 1903)², ряд этюдов, посвященных вопросам опять-таки мало исследованным, — о времени организации провинции Ахайи, о ее территории, переменах в административном положении, общинах, союзах; о государственном устройстве

¹ Из более ранних его работ следует отметить: *Жебелев С. А.* Религиозное врачевание в древней Греции // ЗИРАО. 1893.

² Рецензия: *Соколов Ф. Ф.* // ЖМНП. 1904; см. также: Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910.

Спарты в эпоху Римской империи, о жречествах и празднествах императорского культа провинции Ахайи и о государственном строе последней. Материал и здесь, главным образом, эпиграфический. Все вопросы исследованы с обычной у С. А. Жебелева осторожностью и обстоятельностью 1.

Н. И. Кареев. Совершенно иным характером отличаются новые работы Н. И. Кареева — «Государство-город античного мира» (СПб., 1903, 3-е изд. — 1910), «опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин», и «Монархии древнего Востока и греко-римского мира» (СПб., 1904, 3-е изд. — 1912), «очерк политической, экономической и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий». Это — курсы, которые читаны были автором на экономическом отделении Петербургского политехникума и, следовательно, имеют в виду не ученых специалистов, а учащуюся молодежь и вообще широкий круг читателей; это — книги популярного характера. В том и другом курсе Н. И. Кареев рассматривает известный исторический тип: в одном — государство-город у греков и римлян, в другом — монархии древности. Тема первой книжки — та же, **что** и у Фюстель де Куланжа; но, помимо уже всего остального, схема, точка зрения и выводы иные: Н. И. Кареев не разделяет основных воззрений Фюстель де Куланжа на значение религии; затем, Фюстель де Куланж, как известно (см. выше, с. 356), исходил из мысли о несходстве античного мира с новым европейским, а Н. И. Кареев, напротив, старается показать, как близок нам античный мир. Если тема первой книжки не нова ², то совершенно новы и оригинальны тема и план второй: она показывает, **что** от монархий древнего Востока воспринято было эллини-

¹ С. А. Жебелеву принадлежат многочисленные статьи и рецензии по греческой истории, археологии и истории греческой литературы. Он дал хороший перевод «Политики» Аристотеля (с приложением статьи о развитии греческой политической мысли), взамен неудовлетворительного перевода Н. Е. Скворцова, и ожидается его перевод Фукидида.

² Кроме Фюстель де-Куланжа, см. У. Фаулера (Fowler) (выше: с. 604) и Я. Буркхардта.

стическими царствами, а от последних — Римской империей. Н. И. Кареев — специалист по новой истории, а не по древней; но это имеет и свою хорошую сторону: он мог взглянуть на историю древности с свежей, с иной и более широкой точки зрения; он мог пользоваться сравнительным методом, приводить много аналогий и делать сравнения. Н. И. Кареев пользуется преимущественно пособиями (из источников он чаще всего, конечно, цитирует Аристотеля); но лучшие из новейших сочинений ему хорошо известны, в особенности труды Белоха и Эд. Мейера. Словом, обе его книжки, вовсе не претендующие на самостоятельность научных исследований, являются полезными популярными пособиями и достигают той цели, о которой заявляет сам автор, — «возбудить в читателе интерес к античности, к которой, к сожалению, всем хорошо известные обстоятельства внушают большую часть только чувства, противоположные всякому желанию подойти к предмету ближе».

«Лекции» **Р. Ю. Виппера.** Новейший общий курс греческой истории в русской литературе принадлежит московскому профессору Р. Ю. Випперу ¹ (Лекции по истории Греции. М., 1905; 3-е изд. — 1909). Пока вышла только 1-я часть, заканчивающаяся кризисом демократии в конце V в. Цель курса Р. Ю. Виппера — «дать основу для университетских занятий по истории Греции, т. е. наметить главные вопросы в изучении социального и политического развития греческих общин и указать важнейшие места в источниках, на основании которых можно выяснить существенные черты этого развития». На первом плане ставится «воссоздание социальных отношений».

В «Лекциях» Р. Ю. Виппера есть некоторые пробелы; оставлена в стороне, напр., крито-микенская эпоха, так как, по мнению автора, многочисленный материал, открытый благодаря раскопкам, относится главным образом к истории искусств, технической и внешней культуре и мало дает для «воссоздания социальных отношений», между тем как в действительности этот материал дает картину пышно расцветшей цивилизации,

¹ Моя подробная рецензия: ЖМНП. 1905. Октябрь.

проливает свет на политические, торговые и вообще культурные связи, и на основании его можно даже сделать вывод об общем типе государств той эпохи; Спарта стоит слишком уж далеко на заднем плане; о сицилийских городах почти ни слова не сказано; почти ничего нет и о греческой религии, искусстве. Зато прекрасно освещена другая сторона — политико-социальная. Современная историческая наука отличается большим натурализмом, и Р. Ю. Виппер стремится изобразить жизнь греков как можно реальнее и прозаичнее. В этом и достоинство, и недостаток его «Лекций». В его курсе много оригинального, но вместе с тем и спорного. Курс этот отличается слишком уж скептическим отношением к нашим источникам, к исторической традиции. Автор нередко впадает в гиперкритику. В свидетельстве Аристотеля и Плутарха о бедственном положении земледельческого населения Аттики перед реформой Солона Р. Ю. Виппер, например, видит «формулу и программу, слишком явно напоминающие характер общественных отношений и настроений во многих греческих общинах в эпоху социального кризиса Пелопоннесской войны». Раздел земель (*γῆς ἀναδάσιμος*) и кассирование долгов (*χρεῶν ἀποκοπή*) составляли, по его словам, формулу, лозунг радикально-социалистических партий конца V в. Но Аристотель и Плутарх в своем свидетельстве цитируют отрывки самого Солона, говорят его словами, и картина, изображаемая ими, в общем, если исключить некоторые не совсем верные подробности, соответствует тому, что говорит и Солон, современник и участник-очевидец.

Но «Лекции» Р. Ю. Виппера отличаются и большими достоинствами. Это — труд талантливый, во многом оригинальный и во всяком случае интересный. Положение и отношение классов населения, общественная организация и т. п. изображаются здесь мастерски. Удачно выбранными цитатами и отрывками из литературных произведений греков автор ярко и метко характеризует настроение, явление. Очень хороши главы об Афинах и их демократии, и нельзя не согласиться с тем, что говорит Р. Ю. Виппер о сдерживающих началах в этой демократии, о

реформе ареопага и т. д. Он справедливо отмечает, в какой степени элемент контроля был развит в афинской политической жизни. «Это был, — по его выражению, — очень сложный, тонкий, осмотрительно выработанный порядок... Афинский многоголовый государь не был капризным деспотом, он был весьма добросовестным и точным в исполнении обязанностей конституционным правителем». Подобно Н. И. Карееву, Р. Ю. Виппер — специалист преимущественно по новой истории, и он внес в изучение греческой истории свежесть, широту и непредубежденность взгляда, чуждого рутинности, хотя, нужно сказать, он нередко впадает в излишний модернизм. Р. Ю. Виппер широко пользуется аналогией, делая частые сопоставления между явлениями греческой истории и истории других эпох и народов.

В другом курсе Р. Ю. Виппера — «Древний Восток и эгейская культура» — Греции касается лишь одна глава — пятая («Малая Азия и Эгейское побережье во 2-м тысячелетии до Р. Х.») ¹.

«История афинской демократии». Истории афинской демократии посвящена моя книга, вышедшая в 1909 г. (СПб.). При изложении этой истории я имел в виду не только самый строй и учреждения, но и среду, воззрения, настроения. Свою книгу я предназначал не столько для специалистов, сколько для более широкого круга — для университетских слушателей, для ищущих самообразования, для интересующихся историей, в особенности историей политических форм. Поэтому я избегал вдаваться в мелкие подробности, пускаться в сколько-нибудь рискованные гипотезы. А в своей книжке «Античность и современность. Современные темы в античной Греции» (2-е изд. — СПб., 1914) я хотел рядом примеров, хотя бы отрывочных,

¹ По истории древнего Востока мы имеем в русской литературе превосходный труд: *Тураев Б. А.* История Древнего Востока. Ч. 1—2. СПб., 1913. Р. Ю. Випперу принадлежит еще сборник статей, из которых некоторые имеют отношение к греческой истории, под заглавием: «Две интеллигенции и другие очерки». М., 1912.

осветить ту сторону эллинского мира, которая делает этот мир для нас живым, особенно близким и родным.

Греческой истории более или менее касаются и труды А. Н. Шварца, Ю. А. Кулаковского¹, Н. И. Новосадского, А. М. Придика, А. Н. Деревницкого, С. П. и Д. П. Шестаковых, Б. В. Варнеке, Г. Ф. Церетели, М. И. Мандеса², А. И. Покровского, Р. Х. Лепера и других ученых, упоминаемых выше, в соответствующих местах. К ним надо присоединить Е. Е. Кагарова³, В. П. Клингера⁴, Б. Л. Богаевского⁵, С. Я. Лурье⁶.

В чешской литературе имеются крупные труды Гроха о греческом театре и о топографии Афин⁷, не говоря уже о его статьях. Перютка (Peroutka) начал «Историю Греции»; но появилась в свет только 1-я часть ее (1908), содержащая в себе «Доисторическую эпоху»: смерть помешала автору продолжить свой труд. Известны также работы Прашека (Prásek), специалиста и по истории древнего Востока.

В Болгарии историей Греции занимается профессор Софийского университета Г. И. Кацаров, который печатает свои работы в различных журналах на русском, болгарском и других европейских языках.

Всемирные истории. Для полноты очерка надо хотя вкратце упомянуть о всемирно-исторических обзорах, «Всеобщих» или

¹ О его трудах: **Варнеке Б. В.** Записка об ученых трудах Юлиана Андреевича Кулаковского... // ИОФИЭКаЗУ. 1906. XXIII.

² Кроме исследования о Диодоре см. еще: **Мандес М. И.** Мессенские войны и восстановление Мессении. Одесса, 1898. (Диссертация.)

³ Кроме раньше названных его работ: **Кагаров Е. Е.** Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913. (Диссертация.)

⁴ **Клигер В. П.** Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911 и упомянутая на стр. 122, примеч. 1 работа.

⁵ Статьи по истории религиозных верований и древнему фольклору, преимущественно в ЖМНП за последние годы.

⁶ **Лурье С. Я.** Беотийский союз. СПб., 1914.

⁷ **Groh Fr.** Recké divadlo. Praha, 1909; *id.* Topografie starych Athen. Praha, 1909-1912. 2 ч.

«Всемирных историях», куда как часть, разумеется, входит и история Греции. Подробно говорить о них я, однако, здесь не имею возможности.

Знаменитый некогда труд Шлоссера теперь совершенно устарел¹; «Всеобщая история» Вебера, в которой о Греции говорится во втором томе, — сухая компиляция, тоже не соответствующая современному состоянию науки². Даже во многих отношениях замечательная «Weltgeschichte» «старого мастера немецкой исторической науки» («Altmeister der deutschen Geschichtswissenschaft») Л. Ранке, первая часть которой появилась в 1880 г.³, при всей своей оригинальности⁴, имеет крупные пробелы и недостатки и притом написана до открытия «Афинской политики» Аристотеля. Более новыми, хотя и более заурядными пособиями являются: «Всеобщая история» Оскара Иегера⁵, в последних ее изданиях⁶; «Всемирная история» Шпамера (Spamer's Illustrierte Weltgeschichte), в 3-м издании (1896) коей греческая история обработана Рёзигером, причем особенное внимание обращено на культурную сторону, и «Weltgeschichte» Германа Шиллера (I. Bd.: Berlin, 1900). В «Weltgeschichte» Г. Гельмольта⁷, представляющей коллективный труд и составленной по особому, своеобразному плану, краткий очерк истории Греции находится в IV т. и принадлежит Р. фон Скале (Scala), известному своим исследованием о Полибий и изданием «Die Staatsverträge des Altertums». А в иллюстрированной «Weltgeschichte», изданной фирмой Ульштейна под ред. Ю. фон Пфлуг-Гарттунга,

¹ Старинная «Weltgeschichte» Беккера в 80-х годах была издана в переработанном виде; имеется и в русском переводе: **Беккер К. Ф.** Древняя история, вновь обработанная В. Мюллером. СПб., 1890-1891.

² В русском переводе II т. во 2-м изд. — 1886 г.

³ Последующие издания — без перемен.

⁴ Подробнее в моей статье: **Бузескул В. П.** Научная литература по греческой истории за последние годы (1880—1892) в ее главных проявлениях // ФОб. 1893. IV.

⁵ Есть и отдельная «История Греции» О. Иегера.

⁶ Русск. пер. I т., содержащего древнюю историю: СПб., 1894.

⁷ Переведено и по-русски: **Гельмгольт Г.** История человечества / Пер. А. И. Браудо. СПб., 1903.

греческая история написана Ю. Белохом, история эллинистической эпохи — Нейманом (см. выше, с. 576). Сжатым конспектом или «репетиторием» может служить работа В. Штреля (Strehl W. Kurzfassetes Handbuch der Geschichte) I, особенно в новейшей ее переработке (Strehl Willy; Soltau Wilh. Grundriss der alten Geschichte und Quellenkunde. 2-te Aufl. I. Bd. Orientalische und griechische Geschichte. Breslau, 1913).

Во французской литературе имеется «Histoire universelle» Мариуса Фонтана²; но хотя столь авторитетный журнал, как «Revue historique» и дал о ней как-то сочувственный отзыв, тем не менее на самом деле это — крайне поверхностное произведение, избилующее общими местами и фразами, а в блестящей книжке Э. Лависса (Lavissee), «Vue générale de l'histoire politique de l'Europe» (Paris, 1890; есть русский перевод), Греции посвящено только три странички.

В русской литературе, если оставить в стороне учебники и пособия, имеющие в виду главным образом потребности средней школы³, можно отметить «Лекции по всемирной истории» проф. М. Н. Петрова (Т. I. «История древнего мира», обработанная А. Н. Деревицким. 2-е изд. СПб., 1907). Лекции эти представляют общий

¹ 1-е изд. 1892; 2-е изд.: Grundriss der alten Geschichte und Quellenkunde. I. Griechische Geschichte, bearb. von Habel. 1901.

² Fontane M. Histoire universelle. T. V. La Grèce (de 1300 à 480 avant J. Ch.). Paris, 1885; t. VI. Athènes (de 480 à 336). Paris, 1889.

³ Каковы: *Гуревич Я. Г.* История Греции и Рима. Пг., 1914; *Иловайский Д. И.* Очерки и рассказы из всеобщей истории; *Чистяков В.* Древняя Греция. М., 1914; Книга для чтения по древней истории / Сб. статей, под редакцией А. М. Васютинского, М. Н. Коваленского, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. Ч. I. М., 1913; Древний мир и Средние века. Исторический очерк / Сост. И. Н. Бороздин, проф. С. А. Котляревский, В. В. Филатов, А. Г. Штейгер и М. А. Эртель. Изд. 2-е. М., 1913; *Кулжинский Яр., Нейкирх В.* Историческая хрестоматия.— Древняя история. СПб.; Киев, 1910; *Берлин.* Очерки древнегреческой культуры. Из светлых дней Эллады. М., 1914; *Ростовцев М. И.* Из прошлого Греции и Рима. М., 1915. «История античной культуры» Ф. Ф. Зелинского упомянута выше: с. 612.

курс, читанный покойным профессором в Харьковском университете в течение 70-х и первой половины 80-х годов истекшего столетия и оставшийся после его смерти в виде литографированных записок слушателей. А. Н. Деревицкий, где нужно, исправил и внес добавления, что требовало большого труда ввиду значительной отсталости курса, и в особенности пополнил библиографические указания, поместив их в начале каждой главы и в виде подстрочных примечаний в соответствующих местах. М. Н. Петров преимущественно следил за связью фактов, стараясь представить самый «механизм исторического движения». Но отсюда же сжатость изложения и отсутствие фактических подробностей, и в этом проф. Петров заходил, к сожалению, слишком уж далеко, давая иногда меньше фактического материала, нежели даже гимназические учебники. Не будучи самостоятельным исследователем в области древней истории, основываясь на трудах иностранных ученых, М. Н. Петров умел, однако, отлично сгруппировать, осветить и осмыслить факты; тут обнаруживался тонкий ум и талантливость профессора. Прибавим к этому образцовый по сжатости, выразительности и изяществу язык, что вполне гармонирует с даваемым М. Н. Петровым определением истории как научного и вместе художественного воспроизведения прошлого.

Истории Греции касаются и авторы двух весьма интересных и оригинальных по проводимым в них взглядам трудов, возбудивших немалое внимание,— К. Брейзиг (Breysig) в 1-й половине второго тома своей «Kulturgeschichte der Neuzeit» (Berlin, 1901), представляющей «сравнительную историю развития главных народов Европы и их социальной и духовной жизни», и Х. С. Чемберлен¹ в своих «Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts», в течение четырех лет потребовавших 4 изданий². Брейзиг доказывает параллелизм развития греко-римского и германо-романо-славянского мира, а Чемберлен во многом сходится с Юлиусом Шварцем (см. с. 429 след.), но очень высоко ценит греков как художников, обладавших творческою фантазиею.

¹ Его не надо смешивать с известным английским государственным деятелем.

² 1-е изд. — 1899, 4-е — 1903.

Журналы. Много статей, касающихся греческой истории, можно встретить в таких журналах, как «Historische Zeitschrift» и «Revue historique», в особенности же — в «Rheinisches Museum», «Philologie», «Neue Jahrbücher für die klassischen Philologie und Pädagogik», преобразованных в «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Litteratur»; «Hermes», «Klio», «Revue de philologie», «Revue des études grecques», «Revue des études anciennes», «Revue archéologique», «Classical Review», «Rivista di filologia», «Listy Filologicke», «Ceske Museum Filologicke», «Журнале Министерства народного просвещения» (преимущественное «Отделе классической филологии»), «Филологическом обозрении», «Гермес» и т. п., не говоря уже о «Mittheilungen», «Bulletin de correspondance hellénique» и некоторых других, о которых речь шла раньше. Обзоры литературы помещаются в большинстве из упомянутых журналов¹, преимущественно же в «Jahresberichte der Geschichtswissenschaft», «Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft» (основан К. Бурзианом, изд. потом Ив. Мюллером, а теперь — Гурлиттом и Кроллем), «Berliner Philologische Wochenschrift», «Wochenschrift für die klassische Philologie» и проч.

Хронология. Историка постоянно приходится иметь дело с хронологией. Помимо специальных исследований по тому или другому вопросу касательно греческой хронологии, мы располагаем и общими справочными трудами, каковы «Fasti Hellenici ab Ol. LV ad CXXXIV conversi» Клинтона в обработке К. Крюгера (Lipsiae, 1830) и «Хронологические таблицы» К. Петера (пер. с нем. В. В. Смирнова. М., 1893). Важны руководства К. Иделера (Ideler K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Berlin, 1825-1826. 2 Bde.), и новейшее под таким же заглавием —

¹ Например, в «Revue historique» (1910. Juillet—août; 1911. Septembre—octobre) прекрасные обзоры G. Glotz за 1909—1911 г. В русских общих журналах следует отметить чрезвычайно полный библиографический обзор «Русской литературы по всеобщей истории», который велся под редакцией Д. Н. Егорова в «Русской мысли» за последние годы; есть отдельный оттиск: М., 1913—1914. 2 вып.

Гинцеля (Ginzel) (Leipzig, 1906-1911. 2 Bde.). См. также: Schmidt Ad. Griechische Chronologie. Jena, 1888. К хронологии имеют отношение и труды Авг. Моммзена¹.

География и топография. По географии древней Греции известны труды Г. Киперта², К. Бурзиана³, Г. Лоллинга⁴, в особенности — К. Неймана и Й. Партча⁵, А. Филиппсона⁶, путеводители Бедекера, географический словарь М. Бенье⁷ и атласы того же Киперта, К. Шпрунера и Менке (Atlas antiquus. 3. Aufl. 1862—1864) в новой обработке В. Зиглина и Кисслинга (1893-1835), «Карта Греции» Г. Блюмнера⁸, «Карты Аттики» Э. Курциуса и И. Кауперта; по топографии — А. Мильхёфера⁹,

¹ *Mommsen A.* Chronologie. Untersuchungen über das Kalenderwesen der Griechen. Leipzig, 1883; *id.* Feste der Stadt Athen im Alterthum. Leipzig, 1898. См. еще: *Lersch.* Einleitung in die Chronologie. 2. Aufl. Freiburg in Bresgau, 1899. 2 Th. (о календаре и хронологии греков — в первой части); *Лебедев Д., свящ.* К истории времяисчисления у евреев, греков и римлян // ЖМНП. 1914. Июнь, август и далее.

² Kiepert C. Lehrbuch der alten Geographie. Berlin, 1878; *id.* Forma: orbis antiqui.

³ *Bursian K.* Geographie von Griechenland. Leipzig, 1862—1872. 2 Th.

⁴ См. выше: с. 425.

⁵ *Partsch J.* Physikalische Geographie Griechenlands. Breslau, 1885.

⁶ *Philippson A.* Der Peloponnes. Berlin, 1892; *id.* Das Mittelmeergebiet. Leipzig, 1904 (рус. пер.: *Филупсон А.* Средиземье. М., 1911); *id.* Thessalien und Epeiros. Berlin, 1897; *id.* Beiträge zur Kenntnis der griechischen Inselwelt // Petermanns Mitteilungen. 1901. Ergänzungs-Heft. 134; *id.* Reisen und Forschungen im westlichen Kleinasien. Gotha, 1910—1911, I—II // *Ibid.* Ergänzungs-Hefte. 167, 172; *id.* Topographische Karte des Westlichen Kleinasien. Gotha, 1911.

⁷ *Besnier M.* Lexique de géographie Ancienne. Paris, 1914.

⁸ *Blümner H.* Karte von Griechenland zur Zeit des Pausanias sowie in der Gegenwart. Bern; Leipzig, 1912.

⁹ *Milchhöfer A.* Ueber Standpunkt und Methode der attischen Demenforschungen // S B Berlin. 1887; *id.* Untersuchungen über die Demenordnung des Kleisthenes // ABAW. Anhang. 1892; текст к «Karten von Attika», изд. Курциусом и Каупертом.

К. Ваксмута, Юдейха, Гроха¹, Фужера², Р. Х. Лепера³ и др.⁴ Более общее значение имеют выдающиеся труды по исторической географии Ф. Ратцеля⁵.

Истории литературы, философии, искусства и проч. Историк-у приходится часто обращаться к трудам по истории греческой литературы, философии, греческого искусства.

Лучшим, капитальным новейшим пособием по истории греческой литературы служит «Geschichte der griechischen Litteratur» В. Криста, входящая в состав коллекции Ив. Мюллера: она имеет уже 6 изданий; 5-е и 6-е (первая половина — 1912) — в обработке Вильг. Шмида. Об очерке У. фон Виламовица-Мёллендорфа мы уже упоминали (с. 586—587). В немецкой литературе можно назвать еще работы Т. Бергка (Bergk Th. Griechische Litteraturgeschichte. 1872 ff., 4 Bde.). Зиттля (Sittl. Geschichte der griechischen Litteratur bis auf Alexander den Grossen. 1887. 3 Bde.)⁶ и старинные труды, впоследствии не раз переиздававшиеся, Г. Бернгарди⁷ и К. О. Мюллера⁸; кроме того, имеется специальная история

¹ См. выше: с. 618.

² Выше, с. 404, примеч. 1.

³ *Лепер Р. Х.* К вопросу о демах Аттики (ЖМНП. 1901-1903); на нем. яз. (по поводу исследования А. Мильхёфера): *он же.* Die Trittyen und Demeu Atticas // AM. 1892. XVIII (сп. ответ А. Мильхёфера: *Milchhöfer A.* Zur attischen Localverfassung // AM. 1893. XVIII); Древний город Афины. СПб., 1913 (популярн.).

⁴ Например: *Селиванов С. А.* Очерк древней топографии острова Родоса. Казань, 1892; *Малинин А. А.* Спорные вопросы топографии Афин. СПб., 1900 и то же на немецком языке; *его же.* Заметки по географии древней Таврии // ЖМНП. 1913. Ноябрь.

⁵ Ср. еще: *Kretschmer P.* Historische Geographie. München; Leipzig, 1904; *Cousin C.* Études de géographie ancienne. Paris; Nancy, 1906.

⁶ См. еще миниатюрную: *Gercke A. v.* Griechische Litteraturgeschichte. Leipzig, 1898, а также: *Штоль Г. В.* Великие греческие писатели. Очерк классической литературы греков в биографиях / Пер. с нем. 2-е изд. СПб., 1900.

⁷ *Bernhardy C.* Grundriss der griechischen Litteratur. 2 Bde. (1. Aufl.: 1836-1845).

⁸ См. выше, с. 314.

греческой литературы в александрийский период — Ф. Зуземиля I. В «Geschichte der Weltliteratur» Баумгартнера, в третьем томе (1900; нов. изд. — 1902), найдем обзор классической литературы. На французском языке есть обширная «Histoire de la littérature grecque» братьев Круазе (5 т. 1887—1899) и их же более краткое «Руководство» в одном томе, переведенное на рус. яз. (СПб., 1912); кроме того — Нажотт (Nageotte E. Histoire de la littérature grecque, 2-е изд.), а в английской литературе отметим труды Д. Магаффи и Р. Джебба².

Важнейшие пособия по истории греческой философии названы в примеч. 2 на с. 90. Из них на первое место, конечно, следует поставить известный капитальный труд Эд. Целлера «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung»³. «Griechische Denker» (1896 ff.; 2-е изд. — 1903) Т. Гомперца — талантливая и общедоступная история античной философии, в связи с научными теориями и вообще умственной жизнью того времени⁴. Оригинальная, можно сказать, художественно написанная «The Philosophy of Greece» (1898) А. У. Бенна (Benn) рассматривает философию в ее отношении к характеру и истории народа. Чрезвычайно полезным пособием является «История древней философии» В. Виндельбанда⁵. Отмечу еще «Первые шаги греческой науки»

¹ *Susemihl F.* Geschichte der griechischen Litteratur in der Alexanderzeit. Leipzig, 1891-1892. 2 Bde.

² Имеются и в русском переводе. В «Истории всеобщей литературы», изданной под ред. В. Ф. Корша и А. И. Кирпичникова, обзор греческой литературы составлен первым из названных редакторов (Дж. Магаффи). Он неудовлетворителен и устарел. «Очерки по истории древней литературы» Когана (Греческая литература. Т. I. М., 1907) — популярные.

³ На русском языке есть: *Целлер Эд.* Очерк истории греческой философии / Пер. с 10-го нем. изд. М., 1913.

⁴ Есть русский перевод (I т. и первой части II): *Гомперц Т.* Греческие мыслители. Т. I—II. СПб., 1911-1913.

⁵ 4-е изд. русского перевода (*Виндельбанд В.* История древней философии. СПб., 1908) сделано со 2-го изд. немецкого подлинника. 3-е изд. подлинника, в обработке Bonhöffer'a, появилось только в 1914 г.

Таннери¹ (рус. пер.: СПб., 1902), «Введение в философию» В. Вундта², «Die Ethik der alten Griechen» Л. Шмидта и более новейший интересный труд Макса Вундта о том же, «Geschichte der griechischen Ethik» (1908—1911. 2 т.)³, в русской литературе⁴, кроме выдающегося для своего времени, но теперь устарелого труда О. Новицкого (Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Киев, 1860-1861. 4 т.), следует отметить монографии А. Н. Гилярова (Греческие софисты [см. выше, с. 432]; Платон как исторический свидетель. Киев, 1891) и в особенности труды кн. С. Н. Трубецкого (Метафизика в древней Греции. М., 1890; История древней философии. Ч. I-II. М., 1906-1908)⁵.

По истории искусства есть руководство Ф. Куглера⁶, «Die Kunst des Altertums» В. Любке⁷, известное сочинение М. Карриера: «Искусство в связи с общим развитием культуры» (т. II, рус. пер.: 1871), все уже устарелые, «История искусств» Ш. Байэ (Киев, 1902; пер. с добавлениями проф. Г. Г. Павлуцкого); важнее

¹ Ср. *его же*: Mémoires scientifiques, publiés par Heiberg et Zeuthen. I. Sciences exactes dans l'antiquité, 1876—1884. Paris, 1912; *Loua*. Le scienze esatte nell'antica Grecia. Milano, 1914 (2-е изд.). Для истории греческой науки важны также: *Berger A.* Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipzig, 1903; *id.* Mythische Kosmographie der Griechen. Leipzig, 1905. См. еще: *Milhaud*. Science grecque et science moderne // Académie des sciences morale et politique. Comptesrendus. 1904. Février.

² Есть несколько русских переводов.

³ Ср. его популярную книжку: *Wundt Max.* Griechische Weltanschauung. Leipzig, 1910.

⁴ Обзор того, что можно читать на русском языке по истории философии, сделан Э. Л. Радловым в «Вестнике и библиотеке самообразования». 1903. № 3 след.

⁵ См. и его этюды по истории греческой религии // Н С . 1903-1904. На польском языке см.: *Heinnch.* Filos. gr. do Platona. Warszawa, 1914.

⁶ См.: *Куглер Ф.* Руководство к истории искусства / Пер. с нем. Е. Ф. Корша. В 2 т.. М., 1869-1870.

⁷ 1-е изд. 1860; новая обработка Semrau, 1899.

(не говоря уже о Винкельмане) труды Г. фон Брунна¹, этого «Нестора классической археологии»², И. А. Овербека³, Л. М. Коллиньюна⁴, Ад. Фуртвенглера⁵, Р. Кекуле фон Страдоница⁶, А. Конце⁷, имя которого связано с раскопками в Пергаме (см. выше, с. 398), и обширная общая история искусства в древности Ж. Перро и Ш. Шипье (вышло уже 10 т.). В «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft» выходит «Handbuch der Archäologie», составленный Г. Булле⁸ при участии многих специалистов. Прекрасная книжка С. Рейнака под заглавием «Apollo» (лекции, читанные в École du Louvre в 1902/1903 г.; несколько изданий; есть русский перевод: М., 1913) дает краткое руководство по всеобщей истории пластических искусств. Полезным пособием по-прежнему служит А. Шпрингер (Handbuch der Kunstgeschichte. I. Das Altertum) В

¹ *Brunn H. v.* Geschichte der griechischen Künstler (1853); *id.* Griechische Kunstgeschichte (1893; только начало); *id.* Griechische Götterideale in ihren Formen erläutert (1893).

² См.: *Цветаев И. В.* Гейнрих Брунн (Биография Брунна и о его трудах по истории античного искусства) // ФОб. 1893. V.

³ *Overbeck J. A.* Geschichte der griechischen Plastik. 4. Aufl. Leipzig, 1892-1894. 2 Bde.

⁴ *Colignon J. M.* Histoire de la sculpture grecque. Paris, 1892—1897. 2 vol.

⁵ Например: *Furtwängler Ad.* Meisterwerke der griechischen Plastik. Leipzig; Berlin, 1893; *id.* Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Aterthum. Leipzig; Berlin, 1900. 3 Bde.; *id.* Griechische Vasenmalerei. 1900 ff. (в сотрудничестве с Reichhold'ом); *id.* Denkmäler griechischer und römischer Skulpturen. 3. Aufl. München, 1911; Kleine Schriften. München, 1912. 3 Bde.; об Ад. Фуртвенглере на русском языке: *Жебелев С. А.* // ЖМНП. 1907. Декабрь; *Фармаковский Б. В.* // Гермес. 1908. № 5-6.

⁶ *Kekulé von Stradonitz R.* Die griechische Sculptur // Handbücher der königlichen Museen zu Berlin. 1906.

⁷ † в 1914. Заметка о нем: *Смолин В. Ф.* // ЖМНП. 1914. Сентябрь.

⁸ См. также: *Bulle H.* Der schöne Mensch im Alterthum. München; Leipzig, 1912. 2. Aufl.

новой обработке А. Михаэлиса (9-е изд. 1911). Полезен и словарь Авг. Баумейстера, (*Denkmäler des classischen Altertums*. 1885—88. 3 Bde.), нуждающийся, однако, уже в новой обработке, и проч. 1. В русской литературе в настоящее время имеется немало монографий и исследований из области истории греческого искусства, например, А. В. Прахова², В. К. Мальмберга³, А. А. Павловского⁴, Д. В. Айналова⁵, Б. В. Фармаковского⁶, известного своими раскопками в Ольвии, и т. д., не говоря уже об упомянутых раньше трудах Н. П. Кондакова, Э. Р. фон Штерна, М. И. Ростовцева, Ю. А. Кулаковского и др. касательно древностей Южной России.

По нумизматике важны труды Ф. Имгоф-Блумера (*Imhoof-Blumer*), Э. Баблона, Дж. Хилла, И. Н. Сворноса⁷.

¹ Кроме раньше упомянутых (с. 54, примеч. 2), например, еще *Sybel L. v. Weltgeschichte der Kunst*. 1905 (2. Aufl.); *Burger*. Handbuch der Kunstwissenschaft (предположено 20 т.); *Murray J.* Handbook of greek archaeology. London, 1892; *Cardner P.* A handbook of greek sculpture. London, 1905, и имеющиеся в русском переводе: *Верман К.* История искусств всех времен и народов. СПб., 1903; *Розенберг А.* История искусств с древних времен до наших дней // Мир Божий. Приложение (печатается с 1905 г.); *Вельфлин Г.* Классическое искусство. 1911. В предпринятое в 1914 г. издание «Всеобщая история искусств» включается только что упомянутый труд Г. Вельфлина и «Аполлон» С. Рейнака.

² Прахов А. В. Исследования по истории греческого искусства. СПб., 1871.

³ Мальмберг В. К. Метопы древнегреческих храмов. Казань; Дерпт, 1890—1892; *его же*. Древнегреческие фронтоновые композиции. СПб., 1904.

⁴ Павловский А. А. Скульптура в Аттике до Греко-персидских войн. СПб., 1896; *его же*. Курс истории древнего искусства. Одесса, 1905.

⁵ Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства // ЗРАО. 1901. XII.

⁶ Фармаковский Б. В. Аттическая вазовая живопись и ее отношения к монументальному искусству в эпоху непосредственно после Греко-персидских войн. СПб., 1902.

⁷ См. выше: с. 580, примеч. 2.

Заключение. Общий характер современного научного движения в области греческой истории

Подведем теперь, так сказать, итог, — резюмируем сказанное и охарактеризуем в общих чертах современное научное движение в области древнегреческой истории I.

В обществе — по крайней мере, так было до недавнего времени — широко распространено мнение, что в древней истории все уже изучено до последних подробностей, что все здесь давно уже известно и исследователю, работающему в этой области, ничего не остается, как только повторять зады, старое, избитое. Нет ничего ошибочнее подобного мнения. Наоборот, ни в одной, быть может, сфере исторического знания не замечается такого оживления, не совершается такого быстрого движения, не делается таких открытий, как в греческой истории. При этом тут наблюдается интересное совпадение: с одной стороны, меняются вообще воззрения на исторический процесс и его факторы; обращается внимание на такие явления исторической жизни, которые до сих пор оставались в пренебрежении, в тени: к истории, как к науке, предъявляются новые требования, ей ставятся новые задачи; с другой стороны, открывается новый материал для решения этих задач в области греческой истории.

Рост материала. Начало современного движения в изучении греческой истории относится к 70-м годам XIX в., и первое, что характеризует его, есть именно чрезвычайный рост материала, открытие новых данных.

Этим мы обязаны прежде всего археологии — тем замечательным раскопкам, которые начались с 70-х годов прошлого века.

¹ См. мою статью: *Бузескул В. П.* Характерные черты научного движения в области греческой истории за последние 30 лет // РМ. 1900. Февраль; Исторические этюды. СПб., 1911; *Бороздин И. И.* К вопросу о современных направлениях в изучении древней истории // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1913.

Можно сказать, что почти все нации образованного мира, начиная с немцев и кончая практическими янки, отдельные лица, ученые общества и учреждения, правительства — все соперничают друг с другом на этом поприще, употребляют громадные средства, иногда сотни тысяч, и каждая из наций имеет обыкновенно как бы свой излюбленный район, где преимущественно ее представителями или на ее счет производятся раскопки.

Среди материала для истории Греции особенно видное место заняли надписи, имеющие для нее то же значение, что для новой — архивные документы. Это — как бы «каменный архив» Эллады.

Надписями интересовались и раньше. Ими пользовался Бёк для своего известного труда о «Государственном хозяйстве афинян»; он же положил начало научному изданию их и явился основателем особой дисциплины — эпиграфики. Но все же это были скорее исключения, единичные явления, и после Бёка до самого конца 60-х гг. XIX в. надписями, говоря вообще, пользовались сравнительно мало; их оценили не сразу, и как исторический источник они долго еще стояли на заднем плане. Вполне надписи оценены и на них обращено надлежащее внимание лишь с 70-х годов прошлого столетия; за последние десятилетия эпиграфика сделала громадные успехи, достигла блестящего развития, и в изучении греческой истории возобладало эпиграфическое направление, с его нередко крайностями и односторонностями.

Что касается монет, то хотя последние десятки лет и появилось несколько выдающихся исследований, посвященных им каталогов и описей, но все-таки, несмотря на значение нумизматических данных как источника для истории торговли, экономических и даже внешних, политических отношений, новейшие историки Греции в общем уделяли им сравнительно мало внимания, за исключением Ад. Гольма.

Наряду с археологическими раскопками и разысканиями шли исследования по топографии Греции, которым наука обязана новыми данными для истории и географии древней Эллады, час-

тью подкрепляющими, частью исправляющими свидетельства древних авторов.

Наконец, поразительно увеличился и материал рукописный, особенно за последнее двадцатипятилетие. Найдена масса папирусов, содержащих разного рода документы, отрывки и даже целые произведения древних авторов, между ними такие, которые раньше были не известны нам или считались утраченными навсегда. Наступила пора «папирологии».

Отношение к материалу. Но не только чрезвычайно возрос материал по греческой истории; изменилось и самое отношение к материалу.

Во-первых, между тем как прежде историю Греции излагали, основываясь почти исключительно на древних авторах, теперь первое место нередко отводится надписям и — в последнее время — папирусам, т. е. материалу по преимуществу документальному, в своем роде архивному. Таким образом, история Греции получила характер документальный. Другими словами, в ее разработке совершилась такая же перемена, какая в разработке новой истории произошла гораздо раньше, еще в 20-х годах XIX ст. Было время, когда, например, и историю Западной Европы в XV и XVI вв. излагали по историческим сочинениям Гвиччардини, Бокера и т. п. Подобно тому, как исследователи новой истории обращаются к наполненным бумагами архивам, так и новейшие историки Греции обращаются к «каменному архиву» Эллады, и как в области разработки новой истории «архивное направление» подчас вырождается в крайность и односторонность, так и в области разработки древней увлечение эпиграфическим материалом заходит иногда слишком далеко, и из-за этого материала слишком пренебрегаются источники литературные.

Изменился и взгляд на древних авторов. В 60-х и отчасти в 70-х годах прошлого столетия господствовала так называемая «Einquellentheorie», т. е. мнение, будто древние авторы, подобные Плутарху и Диодору, клали в основу своего изложения каждый раз лишь один какой-нибудь источник, списывая его

механически или дословно. В сущности это было распространение на античную историографию того положения, которое было применимо к средневековой. По большей части это была бесплодная работа, и в настоящее время «Einquellentheorie» может считаться уж оставленной, как совершенно неверная по отношению к древним авторам, хотя за последние годы и обнаруживаются попытки как будто вернуться к ней (статьи О. Зеека и Месса об «Афинской политике» Аристотеля).

XIX век отличался, между прочим, высоким развитием исторической критики. Последняя доходит иногда даже до крайности, до натяжек и ухищрений, превращается в гиперкритику и в излишний скептицизм. Такое направление отразилось и на разработке греческой истории. Оно выразилось, во-первых, в оценке древних историков (например, в нападках Г. Мюллер-Штрюбинга на Фукидида, в отзывах об открытом трактате Аристотеля)¹. Во-вторых, крайности критики проявлялись также в отношении к фактам и в отзывах об исторических деятелях древней Греции (в непризнании факта вторжения дорян у Ю. Белоха, в нападках на Перикла, в отношении Ю. Шварца к афинской демократии).

Но рядом с таким скептицизмом и гиперкритикой существовало и иное, более умеренное направление, и оно восторжествовало. Многие вопросы были пересмотрены вновь, и нападки и сомнения представителей крайнего критического направления оказались далеко не во всем основательными. Вообще мы склонны теперь относиться доверчивее к исторической традиции греков. Новейшие великие открытия, как ни поразительны их результаты, в некоторых отношениях подтвердили, однако, свидетельство поэтов и историков и должны были подействовать умеряющим образом на наш скептицизм, внушить больше доверия к

¹ В русской литературе возврат к гиперкритике мы видим в статье: *Успенский К.* Реформа или тирания Клисфена? // *Гермес.* 1914. № 5 сл.; автор говорит о Геродоте, будто бы тот хочет скрыть правду, но невольно выдает себя, «лжет, но словно краснеет» (с. 150), — приемы и тон, совершенно напоминающие Мюллер-Штрюбинга.

античной традиции. Открытия Шлимана и др. показали, что в гомеровском эпосе не все ложь и вымысел: на месте древнего Илиона, как оказалось, действительно был город, во многом похожий на гомеровскую Троию; Микены действительно были резиденцией владык и «златообильными», как их называет поэт. Новейшая литература по гомеровскому вопросу склоняется к тому, чтобы признать действительное существование самого Гомера. Предания о влиянии культурных стран древнего Востока тоже нашли себе подтверждение в данных археологии. Затем оказалось, что документальные свидетельства, которые могли лечь в основу исторической традиции греков, восходят к сравнительно более древнему времени; например, уже в VI в. в Афинах имелись начертанные на камне надписи, и, следовательно, аттические хронисты могли пользоваться ими.

А в результате резких нападков на афинскую демократию и ее деятелей, подобных, например, Периклу, вместо прежнего, нередко слепого, преклонения перед ними, явилось более беспристрастное отношение к ним, более сознательное признание их заслуг, причем роль отдельных личностей в деле развития афинской демократии пришлось значительно ограничить и признать замечательную последовательность, закономерность и, так сказать, органичность этого развития.

К тому же общее направление исторической науки должно было отразиться и на изучении истории древней Греции.

Умаление роли личности. Наблюдаемое в наше время стремление к умалению роли личности отражается и в разработке греческой истории. Мы видели его, например, у Белоха; господствует также взгляд, по которому в Спарте вовсе не было «великого законодателя», давшего ей государственное устройство. В этом устройстве видят частью создание глубокой древности, сохранившееся только в Спарте, частью продукт постепенного развития, под влиянием и взаимодействием различных факторов; а личность Ликурга большинством ученых признается мифической, хотя и не без возражений со стороны меньшинства.

Идея эволюции. Идея эволюции находит себе применение и в истории Греции. А наш новый материал как археологический, так и литературный, дает ей новую опору. Благодаря ему открываются промежуточные звенья между периодами и явлениями, не имеющими, казалось бы, ничего общего между собою, разделенными, по-видимому, целою пропастью, и устанавливается неразрывная связь там, где ее прежде и не подозревали. Так, открытая Шлиманом микенская культура на первых порах поразила своею своеобразностью и отличием от культуры позднейшей, чисто эллинской; а благодаря новейшим раскопкам и находкам между ними открываются все новые и новые точки соприкосновения и переходные ступени. Противопоставление Кимона и Перикла в отношении строительной деятельности оказывается неверным, и один является продолжателем другого. Много из того, что признавалось созданием отдельной личности и более позднего времени, при ближайшем исследовании и благодаря новым данным оказывается созданием чисто народным, существовавшим уже гораздо раньше. В этом отношении важен и открытый трактат Аристотеля: из него мы видим, с какою последовательностью, без скачков, чисто органически, развивался государственный строй Афин.

Интерес ко второстепенным общинам и к эллинизму. С общим направлением современной исторической науки, с ее нивелирующей тенденцией, с ее стремлением изучать историю народной массы, а не только «великих людей», обращать внимание больше на «состояние», чем на «события», может быть поставлено отчасти в связь и то обстоятельство, что в последнее время исследователи стали особенно интересоваться жизнью и судьбою даже второстепенных и третьестепенных греческих городских общин, а также историей Афин во времена их упадка и утраты политической самостоятельности. В этом отношении характерна «История Греции» Белоха, в которой Спарте и Афинам вовсе не отводится такого главного, можно сказать привилегированного, места, как обыкновенно. Кроме того, появился целый ряд специальных монографий и исследований, посвященных истории разных второстепенных государств или Афин III—II вв. до Р. X.

Но, с другой стороны, несомненно, что пробуждение такого интереса к этой истории находится в прямой связи с открытием новых надписей: именно надписи впервые дали для нее надлежащий материал. Прежние исследователи, если бы даже и интересовались судьбою и жизнью второстепенных городских общин Эллады, ничего не могли бы сделать в этой области просто за недостатком материала. Теперь же надписи пролили свет на внешние отношения и положение этих городов и на историю Афин времени македонского и римского владычества. Таким образом, для исследователей открылась новая, еще не разработанная область, и естественно, что они обратили сюда свое внимание. Открытием нового материала, папирусов, объясняется главным образом и тот интерес, который обнаруживает современная наука к эпохе эллинизма.

Интерес к социально-экономической стороне. Современную историческую науку особенно интересует социально-экономическая сторона. Интерес к ней обнаружился — преимущественно с начала 90-х годов прошедшего века — в области изучения греческой истории. Об этом свидетельствует ряд монографий и исследований, появившихся в последнее время и касающихся социальных и экономических отношений в древней Элладе. Но для выяснения этой стороны в истории Греции более всего сделали Ю. Белох, Эд. Мейер и Р. Пёльман, которые вообще являются главными представителями современного направления в изучении истории древнего мира. До тех пор в общих трудах по истории Греции социально-экономическая сторона обыкновенно игнорировалась или оставалась слишком в тени. Английский историк Дж. Грот, современник парламентской реформы, сам политический деятель, либерал и приверженец манчестерской школы с ее девизом «laissez faire, laissez passer», интересовался преимущественно политической историей и политической борьбой партий. Э. Курциус писал свою «Греческую историю» больше как археолог и эстетик. Белох впервые уделил надлежащее место социально-экономическим отношениям в истории Греции. Большое внимание на эту сторону обращает также Эд. Мейер, прекрасно выясняющий значение

социально-экономических факторов в истории Греции, хотя он и чужд всякой крайности и односторонности и далек от «экономического материализма». Особенно же интересуется социально-экономической историей древнего мира Пёльман.

Но если теперь обращается такое внимание на хозяйственные отношения древних греков, то и тут, кроме общего преобладающего течения в современной исторической науке, влияло также открытие нового материала, именно — надписей, без которых многие вопросы и стороны хозяйственной жизни Эллады оставались бы по-прежнему невыясненными и даже не могли быть изучаемы. Как было уже упомянуто, надписи не только знакомят нас с положением и устройством финансов, но и сообщают, например, сведения о величине процентов, арендной и заработной платы, об урожаях, о ценах на хлеб, масло и другие продукты, о стоимости скота, одежды, жилых помещений, строительного материала и проч. Следовательно, и здесь мы видим совпадение и, так сказать, взаимодействие между новыми открытиями и новыми воззрениями в исторической науке: надписи дают материал для решения многих из тех вопросов, которые ставит современная наука. То же следует сказать и о папирусах по отношению к истории эллинизма, особенно истории греко-римского Египта.

Таким образом, в настоящее время интерес сосредоточивается преимущественно на истории общества и общественных классов.

Модернизация греческой истории. При подобной точке зрения невольно напрашивалось сравнение древности с новыми веками, с нашим временем. И действительно, одной из главнейших особенностей современного направления в разработке греческой истории является черта, которую я бы назвал модернизацией этой истории. Спешу, однако, оговориться: под модернизацией я разумею не искажение древней истории посредством сообщения ей совершенно чуждых начал, не тенденциозное подновление и, так сказать, фальсификацию ее, а скорее сближение и сопоставление ее с современностью, проведение аналогии между развитием древнего мира и нового времени. Но и такая модернизация

имеет, конечно, свою опасную сторону: тут легко впасть в крайность и натяжки, усмотреть сходство там, где его вовсе нет или где оно только кажущееся; сосредоточивая все внимание на аналогичных моментах, исследователь легко может оставить в стороне и недостаточно оттенить особенности, специфически свойственные древности и отличающие ее от нового времени, или упустить из виду характерные черты последнего.

Была пора, когда в греках видели «аристократов человеческой породы», героев и людей, витавших лишь в сфере «возвышенного», «великого», «прекрасного»; на них долго господствовала романтически-сентиментальная точка зрения; перед ними слепо преклонялись и идеализировали их; в греческой жизни искали и видели одну «гармонию». Жан-Поль Рихтер, например, полагал, что «современное человечество опустилось бы в бездонную пропасть, если бы юношество на пути к ярмарке жизни не прошло через тихий храм великой классической старины». По выражению Виламовица, в представлении прежних историков Греция являлась страной «прекрасных, возвышенно настроенных мужей и юношей, которые поклонялись красоте и жили в мире грез о прекраснейшей жизни, между тем как над ними улыбалось вечно голубое небо»¹. Правда, уже Бёк в своем «Государственном хозяйстве афинян» заговорил о таких прозаических вещах, как финансы, доходы и расходы, стоимость жилищ, хлеба и прочих съестных припасов, и т. п., а Грот и другие исследователи тщательно изучали политический строй Греции. Но все же древность казалась чем-то очень далеким от нас, и мы с трудом могли представить себе греков в их действительной, обыденной жизни, с их прозаическими, повседневными потребностями, заботами и интересами. В сущности для этого и надлежащего материала было мало. Едва ли не единственным источником, кроме — тогда еще сравнительно немногочисленных — надписей, служил Аристофан, который в своих комедиях, действительно, дает типы заурядных афинских граждан, вводит в

¹ *Wilamowitz-Möllendorff U. v. Arisroteles und Athen. I, 378.*

их жизнь, с ее повседневными интересами и обыденными явлениями, и изображает эту жизнь наглядно и ярко с ее грубой, подчас даже циничной, стороны.

Последние десятилетия XIX в. характеризуются стремлением к натурализму; мы видим его проявление и в литературе, и в искусстве. Современное направление исторической науки тоже отличается большим реализмом, стремится изучить реальную жизнь¹. Да и материал наш для знакомства с действительной жизнью древних греков значительно увеличился за последнее время. Кроме Аристофана, мы теперь имеем бытовые сцены Герода. В том же направлении влияют и археологические находки. Вспомним хотя бы о «танагрских фигурах», этих статуэтках, которые изображают греков, в особенности женщин и детей, за их повседневными занятиями, играми, туалетом и т. п.

В этом отношении чрезвычайно любопытны и недавно открытые в Кноссе миниатюрные фрески, изображающие нарядных декольтированных дам, в платьях с воланами и широкими, вздутыми рукавами. «Какой археолог или художник,— говорит по поводу их современный французский исследователь,— представляя себе Федру или Пасифаю, помыслил бы сблизить ее образ с образом своей бабушки в бальном костюме, танцевавшей при дворе Карла X или Луи Филиппа?» Не говорю уже о надписях, число которых так увеличилось в течение последних десятилетий и которые дают такой богатый материал для знакомства с хозяйственной жизнью греков. Немудрено поэтому, что греческая древность уже не кажется нам теперь столь чуждой и далекой; она представляется нам во многом близкой и понятной, подчас носящей отпечаток как бы современности.

И вот, если в 60-х годах Фюстель де Куланж в своей известной книге «La cité antique», исходил из мысли о радикальном, существенном различии между античным и современным обществом, говоря, что «в новое время нет ничего похожего на Грецию

¹ Ср.: *Петрушевский Д. М.* Тенденции современной исторической науки // Образование. 1899. № 5—6.

и Рим, ничего похожего не может быть и в будущем», то господствующее теперь течение в области греческой истории, в лице преимущественно Эд. Мейера и Пёльмана, напротив, сближает древность и новое время и особенно выставляет на вид аналогию и параллелизм в их историческом развитии.

По Эд. Мейеру, как мы видели, единого, непрерывного прогрессивного развития в истории народов, живущих у Средиземного моря, нет, а есть два параллельных процесса, два параллельных периода: с падением древнего мира развитие начинается сызнова. И Эд. Мейер применяет название «средневековье», «средние века» и в истории Эллады. Термин этот употребляет и другой представитель новейшего направления в изучении греческой истории — Пёльман. Между западноевропейским и греческим средневековьем оба усматривают сходство во многих отношениях, между прочим, в государственном, общественном и экономическом строе их. Некоторые историки идут далее и восстают вообще против той всемирно-исторической концепции, которая видит в отдельных историях народов древнего и нового мира одно непрерывное целое, историю единого человечества, а в истории каждого отдельного народа — ступень, фазис в общем развитии целого. С точки зрения сторонников новой концепции «древность», «Средние века», «Новое время», это — социологические или исторические типы, не периоды в последовательной истории культурного человечества, как целого, а фазисы в развитии отдельных обществ или народов¹. Бесспорно, в основании такой концепции лежат верные наблюдения; но эта точка зрения не охватывает всего исторического процесса; она имеет в виду только одну

¹ См. например: *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907; ср. и *Вуннер Р. Ю.* Преподавание древней истории и новая историческая наука // ВВ. 1899; *его же.* Несколько замечаний о теории исторического познания // ВФП. 1900. Май—июнь; *его же.* Очерки теории исторического познания. М., 1911. В защиту всемирно-исторической точки зрения: *Кареев Н. Н.* // РШк. 1904; см. также: *Кареев П. И.* Общий ход всемирной истории // Вестник и библиотека самообразования. (Приложение.) СПб., 1903.

сторону его и иногда упускает из виду другую, несомненно существующую преемственность и связь между последующим и предыдущим развитием, между отдельными народами и странами, их взаимодействие, наследие и влияние исторического прошлого, силу исторической традиции и т. д.

Мейер выступает и против теории И. Родбертуса и К. Бюхера о примитивности хозяйственных форм древности. На смену другому прежде ходячему мнению, связанному с теорией Родбертуса и принимаемому почти за аксиому, а именно, будто в древности число рабов было очень велико и далеко превосходило число свободного гражданского населения, будто античное общество покоилось исключительно на рабском труде, не знало — совершенно или почти совершенно — свободных рабочих и презирало физический труд, — на смену этому мнению является теперь совершенно иной взгляд, проводимый теми же представителями новейшего направления в области изучения греческой истории — Белохом, Пёльманом, Эд. Мейером, — по которому рабство не было таким экономически важным фактором в жизни греков и наряду с ним развивался свободный труд, причем и тут проводится аналогия между античной древностью и новыми веками: рабство в эпоху расцвета демократии сопоставляется с свободным трудом нового времени. Другой автор (Ветцель [Wetzel]) сравнивает роль рабов в древности с ролью машин в наше время и по этому поводу вспоминает слова Аристотеля, что если бы ткацкие челноки ходили сами собой, то больше не было бы надобности и в рабах.

«В древности преобладали, хотя на гораздо меньшем пространстве и в иных формах, те же влияния и противоположности, которые управляют и современным развитием», — говорит, как мы видели, Эд. Мейер. «Древний мир волновали те же жизненные вопросы, которые еще и теперь, отчасти нерешенные, занимают каждого мыслящего человека» — такова основная идея, которая красной нитью проходит и через все работы Пёльмана, касающиеся древности. По воззрениям Пёльмана и других представителей новейшего направления в изучении греческой истории, язвы, от которых страдает современное общество, далеко не специфическая черта нового времени, лишь ему свойственная. Мы

видели, какое значение придает Пёльман введению в сферу исторического исследования понятия общества и анализа отношения к нему государства. В этом, равно как и в сознании назначения государства как посредника между общественными классами и представителя общего интереса в противовес отдельным, эгоистическим классовым стремлениям, он видит лишь возвращение к воззрениям Платона и Аристотеля I.

Пёльман и другие новейшие историки проводят и далее аналогию между древностью и нашим временем. Они сопоставляют стремление к «опрощению», восхваление «натурального» состояния, среди утонченно-развитой цивилизации тогда и теперь; они сравнивают взгляды, например, Дикэарха из Мессаны, ученика Аристотеля, и идеи Руссо и гр. Л. Н. Толстого (Р. Пёльман, Людв. Штейн); утопии древности и утопии нового времени, имеющие как бы свой прообраз в социальной поэзии греков (Пёльман); некоторые воззрения греческой философской мысли и новейшие научные теории (Т. Гомперц); даже способы тогдашней и нынешней медицины (Ю. Гиршберг)²; космополитизм в древности и космополитизм нового времени (Эд. Мейер) и т. д.³ Модернизация сказывается и в том, что некоторые историки, например, А. Гольм, отчасти и Эд. Мейер, любят сравнивать деятелей Эллады с деятелями XIX в. Так, Демосфен напоминает Гольму Гладстона. Однако в последнее время увлечение модернизмом и вообще чрезмерными новшествами начинает остывать. Один из самых ярких представителей модернистского направления — правда, не в области греческой, а в области римской истории — итальянец Г. Ферреро, автор наделавшего много шума сочинения о величии и упадке Рима («Grandezza e decadenza di Roma»), теперь готов возвратиться во многом к прежней традиции и сравнивает

¹ Pöhlmann R. Aus Atertum nnd Gegenwart. Например, с. 6—7.

² Hirschberg J. Geschichte der Augenheilkunde. Leipzig, 1.1899.

³ Ср. сопоставление «античности и современности» в моей книжке, названной на с. 617: Бузескул В. П. Античность и современность. Современные темы в античной Греции. СПб., 1914.

себя с путником, который, после долгих скитаний, пришел к родному, старому месту ¹.

Если допустить параллелизм и аналогию (хотя бы и не в такой мере, как делают это крайние сторонники модернизации), то изучение греческой истории представляет не один только чисто научный, теоретический интерес; оно получает и практическое значение: история эта делается глубоко поучительною для нас. Так и смотрит на нее Пёльман: по его словам, во многих своих стадиях она является типическою.

Сравнительная, общеисторическая точка зрения. Сближая древность с так называемыми «средними» и «новыми» веками, Эд. Мейер и Пёльман уже тем самым становятся на сравнительную, общеисторическую точку зрения, и это стремление выйти из рамок узкой специализации, это возвращение к более универсально-исторической точке зрения, на которой настаивал, между прочим, еще и Нибуэр, является в свою очередь одною из характерных особенностей новейшего движения в области изучения греческой истории.

Историк или филолог должен заниматься древней историей? Здесь мы должны коснуться еще одного спорного вопроса: кто должен заниматься древнею историей — филолог или историк? У. фон Виламовиц-Мёллендоф, например, утверждает, что это дело исключительно филологов-классиков; он предъявляет притязание на своего рода монополию в пользу последних в деле изучения греческой истории ². Наоборот, Пёль-

¹ В речи «Roma nella cultura moderna» (1910); *Бороздин И. Н.* К вопросу о современном направлении в изучении древней истории. С. 8.

² У. фон Виламовиц-Мёллендоф основывается на том, что древняя культура отличается единством, представляет собою нечто особенно цельное. На это справедливо возражают (например: *Bauer Ad.* // *Preussische Jahrbücher.* 1896. LXXXIV), что то единство, о котором говорит У. фон Виламовиц-Мёллендоф, скорее свойственно тому условному представлению, которое мы составили себе о древности со школьной скамьи, и что еще с большим правом можно говорить о единстве культуры Средних веков, а между тем это не мешает отделять их историю от языка и литературы и с успехом заниматься ею именно историкам. Наконец, «История древности»

ман указывает на односторонность и недостатки филолого-антикварной школы, не удовлетворяющей уже, по его мнению, современным требованиям, настаивает на необходимости более широкого взгляда и полагает, что разработка греческой истории — дело историка. В этом отношении он сходится с Нибуэром, который как-то выразился, что «филологи неспособны представлять себе филологический материал, как нечто реальное». Эд. Мейер в своем трактате «К теории и методике истории» тоже полагает, что древняя история — дело историка. По его словам, попытки свести филологию и историю к одной формуле и по возможности отождествить их не привели ни к каким удовлетворительным результатам; хотя обе дисциплины и соприкасаются многими своими сторонами, тем не менее они принципиально различны, и их слияние под одним общим понятием «науки о древности» (*Alterthumswissenschaft*) не имеет оснований и даже вредно: оно еще более усилило насильственный разрыв тесно связанных между собою отделов и ту крайнюю специализацию, которою так гордится наше время, как только может гордиться какой-нибудь человек или народ своими слабостями. В некоторых немецких университетах, замечает Эд. Мейер, преподавание древней истории ведется не в исторических семинарах, в связи с новой историей, а в связи с классическою филологией в «Институтах для изучения древности»; такую постановку он считает совершенно неправильной и вредной: история древности не может быть ничем иным, как частью единой, всеобщей истории, и этого не должна забывать ни древняя, ни новая история. Белох ¹ в свою очередь подчеркивает разницу между филологом и историком и говорит, что как ни важно увеличение нашего материала вследствие новейших открытий, но все это на втором плане: гораздо важнее, что история древности начала отрешаться от филологии, из которой она вышла.

(«Geschichte des Alterthums») Эд. Мейера служит блестящим опровержением основательности исключительных притязаний филологов и вместе доказательством того, чего можно ждать от разработки греческой истории не с филолого-антикварной, а с широкой исторической точки зрения.

¹ В новом издании своей «Griechische Geschichte»: 1, 2, 15.

После всего изложенного на предыдущих страницах едва ли есть надобность подробно останавливаться на этом вопросе; спор о том, кому заниматься греческой историей, нам кажется в сущности лишним. Дело ведь не в словах, не в ярлыке. Филологи и историки в области изучения древности могут и должны идти рука об руку. Ведь исходною точкою для каждого историка-исследователя служит текст, все равно — будет ли то документ или свидетельство какого-либо автора, и первое условие — уметь точно и правильно понимать текст, на котором основываются исторические построения и выводы. Историк греческой древности должен обладать надлежащим знанием античной литературы, археологии, эпиграфики. С другой стороны, филологу не должна быть чужда широкая историческая точка зрения. И примеры показывают, что в деле разработки греческой истории мы многим обязаны как тем, так и другим. Дж. Грот и Эд. Мейер — историки, А. Бёк и У. фон Виламовиц-Мёллендорф — филологи; М. И. Ростовцев — тоже филолог... Весьма важно и участие юристов, которые напрасно до последнего времени пренебрегали изучением греческой истории и греческого права, но которые теперь, по крайней мере за границей, уже сознали важность этого изучения¹. Недаром Моммзен говорил, что необходимо, чтобы за

¹ Из изданий и работ, касающихся права, назовем сборник: *Telfy Iv.* Corpus juris atticī. Pesth, 1868; *Thonissen J. C.* Le droit pénal de la république Athen. Bruxelles, 1875; по истории частного афинского права можно указать на «Этюды» Кайллемера: *Caillemer.* Études sur les antiquités juridiques d'Athènes; le droit de succession légitime à Athènes, 1879 и на обширный 4-томный труд на французском языке: *Beauchet L.* Histoire du droit privé de la république athénienne. 1897. Вообще французские юристы сравнительно ранее начали интересоваться греческой историей (преимущественно Дарест, который принял участие и в издании греческих юридических надписей). Из немецких филологов Липсиус особенно настаивал на необходимости тщательнее изучить греческое право; см. также речь: *Hitzig H.* Die Bedeutung des altgriechischen Rechtes für die vergleichende Rechtswissenschaft. Stuttgart, 1906; *Wenger L.* Römische und antike Rechtsgeschichte. Wien, 1905; Glotz C. L'étude du droit grec // *L a Revue de Paris.* 1905. 1 octobre. В области изучения греческого права за

историю государственного строя греков взялся юрист, и недаром даже Виламовиц, с его поэтической натурой и симпатиями к идеализму, — тот самый Виламовиц, который стоит за исключительную привилегию филологов заниматься античною историей, — настаивает на необходимости создать историю государственного права Афин.

Таковы наиболее характерные черты научного движения в области греческой истории за последние десятилетия. Как быстро идет разработка этой истории, видно хотя бы из того, что все труды, вышедшие до 1891 г., оказываются во многих частях уже совершенно устарелыми. Разрастается материал, меняются воззрения, расширяются задачи исторического исследования...

последние годы появилось немало выдающихся трудов. Не говоря уже о Липсиусе (см. выше: с. 594), очень важны, например, труды Р. Гирцеля (с. 594), юриста Л. Миттейса (с. 463, 472, 473), Л. Венгера (с. 408; *Das Recht der Griechen und Römer.* 1914. В коллекции «Die Kultur der Gegenwart»), Йоз. Парча (Partsch) (*Griechische Bürgerschaftsrecht.* Leipzig, 1909. I), Лаума (Laum) (*Stiftungen in den griechischen und römischen Antike.* Leipzig, 1914. 2 Bde.), Брука (Bruck) (*Die Schenkung auf den Todesfall im griechischen Recht.* Breslau, 1900), У. Колера (Kohler) и Э. Цибарта (Ziebarth) (*Das Stadtrecht von Gortyn und seine Beziehungen zu gemeingriechischen Rechte.* Göttingen, 1912); *Swoboda H.* Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte.* Weimar, 1905; *Radin.* The Legislation of the Greeks and Romans on Corporations. Columbia-University, 1910. Во французской литературе, кроме упомянутых Даресте, Боше, выдаются работы Г. Глотца (см. выше: с. 601; ср. о них: *Dareste R.* // *Journal des Savants.* 1905. Février). На русском языке: *Бурзу Б. В.* Об источниках афинского права // *И Н И Ф И.* 1903. январь—февраль; труды Б. Н. Фрезе: *Фрезе Б. Н.* Греко-египетские частно-правовые документы. Ярославль, 1911; *он же.* Очерки греко-египетского права. Ярославль, 1912; и — на немецком языке — Г. А. Семек-Максимовича (с. 474). — Интересные данные, наблюдения и выводы, касающиеся регулирования цен и других вопросов, связанных с ценою — ценностью в древности, с привлечением эпиграфического материала, находим у русского экономиста: *Струве П. Б.* Хозяйство и цена. СПб.; М., 1913. Ч. I. Другой наш экономист В. Ф. Левитский в своей «Истории политической экономии в связи с историей хозяйственного быта» (Харьков, 1914) уделяет надлежащее внимание и древности.

II. Очерк разработки греческой истории. XIX и нач. XX в.

При том быстром научном движении, которое замечается в разработке греческой истории, понятно, что многие из общепринятых и, казалось бы, твердо обоснованных воззрений и гипотез скоро устраняются и заменяются другими, новыми. Но это не должно смущать исследователя и действовать на него подавляющим образом. Новый материал не только подрывает прежние взгляды и обличает наши ошибки: часто он блистательно подтверждает догадки и мнения, высказанные раньше на основании лишь скудных данных или слабых намеков источников. И таких примеров немало. Исследователь с бодростью и энергией может работать в области греческой истории: это — область интересная и благодарная, далеко еще не вполне со всех сторон исследованная.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абамелек-Лазарев С. С. 538, 416	Антиох Сиракузский 138, 189, 238
АвлГеллий109,126,134,282	Аполлодор 234, 267, 288, 464, 465,475
Агафархид 287	
Адлер Фридрих (Adler F.) 393, 570	Арат Сикионский 231, 251, 253, 273,278
АйналовД. В. 623,628	АрванитопулоА. С. 478,506
Акусилай (логограф) 101	Ардальон Эдуар (Ardaillon Ed.) 405
Аландский П. И. 309,447,448	
Александр Полигистор 233	Аристарх 234,461
Алкей 83	Аристей97,130
Алкивиад66, 148,178,336,458, 600	Аристоксен 278,457
Ампелий 398	Аристобул 230
Амхерст (Amherst) 461,471	Аристодем 285
Анаксимандр 103	Аристотель 91,98,119,126,159, 162,174,177,192,194,195— 202, 204-223, 225-228, 232, 252,255, 276,278,279, 286, 296, 312, 313, 323, 330, 337, 338, 367, 371, 428, 430, 436,440,441,443,452-454, 459,469,488,541,549-551, 564,571,584,587-590,597, 599, 603, 611, 615, 616, 619, 632,634,640,641
Анаксимен из Лампсака 228	
Андерсон Джон Джордж Кларк (Anderson J. G. С.) 74,537	
Андокид 94,222	
Андротион 182,192,220,468	
Анифантис Георгий 414	
Антигон из Кариста 233, 280, 587	
Антисфен 250,251	

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЛЮР — Археологическая летопись Южной России.
Анн. — *Анналы. Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией наук.* Кн. I—IV. Пг.
ВЕ — *Вестник Европы.* СПб.—Пг.
ВиР — *Вера и Разум.*
ВХИ-ФО — *Вестник Харьковского Историко-филологического общества.*
ЖМНП — *Журнал Министерства Народного просвещения.* СПб.—Пг.
ЗВОРАО — *Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества.* СПб.—Пг.
ЗИМАО — *Записки Императорского Московского Археологического общества.* СПб.—Пг.
ЗКОРАО — *Записки Классического Отделения Русского Археологического общества.* СПб.—Пг.
ЗНеоФО — *Записки Неофилологического общества.* СПб.—Пг.
ЗОО — *Записки Одесского общества истории и древностей.*
ЗРАО — *Записки Русского Археологического общества.* СПб.
ЗХУ — *Записки Харьковского университета.*
ИАК — *Известия Археологической Комиссии.* СПб.—Пг.
ИИРАО — *Известия Императорского Русского Археологического общества.*
ИНИФИ — *Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине.*
ИОАИЭКаЗУ — *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.*
ИРАИК — *Известия Русского Археологического Института в Константинополе.*
КУИ — *Киевские Университетские известия.*
МАР — *Материалы по археологии России.* СПб.—Пг.

Список сокращений

- МАСП — *Материалы по археологии Северного Причерноморья.*
МБ — *Мир Божий.*
РМ — *Русская мысль.*
РШк — *Русская школа.* СПб.—Пг.
Сб. ИФОН — *Сборник историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине.*
Сб. ХИФО — *Сборник Харьковского Историко-филологического общества.*
УЗКаЗУ — *Ученые записки Казанского университета.*
ФОБ — *Филологическое обозрение.* М.

AGG — *Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philosophisch-historische Klasse.* Berlin.
AM — *Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung.*
APAW — *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.* Berlin.
ASAE — *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte.* Le Caire.
BCH — *Bulletin de correspondance hellénique.*
BIFAO — *Bulletin de l'Institut Français d'archéologie Orientale.* Le Caire.
CIA — *Corpus Inscriptionum Atticarum. Vol. I—IV.* Berlin, 1873—1897.
CIG — *Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. I—IV.* Berlin, 1828—1877.
DA — *Daremberg Ch. et Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. T. I-V.* Paris, 1877-1919.
DKAW — *Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.* Wien.
Dieh1ALG³ — *Diehl E. Anthologie Lyrica Graeca. Editio III. Fase. 1—3.* Leipzig, 1954—1955.
Ditt. Syll.³ — *Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Editio III. Vol. I-IV* Leipzig, 1915-1924.
FHG — *Muelleri K. et Th. Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. I-V.* Paris, 1841-1872.
GGA — *Göttingische Gelehrte Anzeigen.* Göttingen.
HSCIPh (HSPH) — *Harvard Studies in Classical Philology.*
HZ — *Historische Zeitschrift.*
IG — *Inscriptiones Graecae. Vol. I—.* Berlin, 1873—
IG* — *Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. I—II/III-* Berlin, 1913—1924.
JclPh — *Jahrbücher für classische Philologie.*
JDAI — *Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts.*

- JHS — The Journal of Hellenic Studies.
 JNG — Jahrbücher für Numismatik und Geldgeschichte.
 JOAI — Jahreshefte des CEsterreichischen Archäologischen Institutes in Wien.
 IOSPE — Latyshev B. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. Ы 1, IV. Petropoli, 1885-1890, 1901 (Vol.P:1916).
 JRS — The Journal of Roman Studies.
 MAL — Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie. Classe di scienze morali, storiche e filologiche.
 Michel Ch. — Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Paris, 1900. Supplement: Paris, 1912
 MMAFC — Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire. Le Caire.
 NGG — Nachrichten von der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.
 NJb — Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Paedagogik.
 OLZ — Orientalistische Literaturzeitung. Leipzig.
 PSBA — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. London.
 RA — Revue archéologique. Paris.
 RAL — Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti. Classe di scienze morali, storiche e filologiche.
 REA — Revue des Études Anciennes.
 REG — Revue des Études Grecques.
 RE — Pauly's Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart—München, 1894-1978.
 RF — Rivista di filologia e di istruzione classica.
 RH — Revue historique.
 RhM — Rheinisches Museum für Philologie.
 RPh — Revue philosophique.
 SB Berlin — Sitzungsberichte der (Preussischen) Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse.
 SB Leipzig — Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse.
 SB München — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Philosophisch-philologische und historische Klasse.
 SB Wien — Sitzungsberichte der CEsterreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.
 WS — Wiener Studien.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Общие труды по истории исторической науки в России

- Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. I—II. Киев, 1891-1908.
 Лебедев Г. С. История отечественной археологии. СПб., 1992.
 Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М. Н. Тихомирова и М. В. Нечкиной. Т. I-V. М., 1955-1985.
 Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Часть I—III. Л., 1961-1971.
 Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.
 Соболевский С. А. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.
 Соболевский С. А. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии (СОРЯС. Т. 88. № 3). СПб., 1910.
 Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.
 Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.
- ### 2. Труды по истории русской науки об античности
- Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979.
 Бузескул В. П. Исторические этюды. СПб., 1911.
 Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Изд. 3-е. Пг., 1915.
 Бузескул В. П. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. 1-И. Пб., 1923-1924.
 Бузескул В. П. Разработка древнегреческой истории в России // Анналы. Т. IV. 1924. С. 139-153.
 Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 141. Л., 1929-1931.

Гранстрем Е. М. Греческая палеография в России // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 2. Л., 1969. С. 121—134.

Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVI II—XIX веков. М.; Л., 1964.

Захаров А. А. Очерк изучения римской истории во второй половине XIX и начале XX в. // Ферреро Г. Величие и падение Рима / Пер. с франц. А. А. Захарова. Т. V М., 1925. С. 313-372.

Зубов В. П. Аристотель. М., 1963.

Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980.

Коваленская Н. Н. Русский классицизм. Живопись, скульптура, графика. М., 1964.

Курбатов Г. Л. История Византии (историография). Л., 1975.

Лобода А. М. К истории классицизма в России в первую половину XVIII столетия (отд. оттиск из кн. «Serta Borysthenica» [сб. в честь Ю. А. Кулаковского]). Киев, 1911.

Мищенко Ф. Г. Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения // Годичный акт в имп. Казанском университете 5 ноября 1893 г. Казань, 1893. С. 1-49.

Негушил И. В. Краткое обозрение разработки римской истории // Записки имп. Харьковского университета. 1916. Кн. 2—3. С. 1—43 особой нумерации (отд. оттиск: Харьков, 1916).

Перетц В. Н. Сведения об античном мире в древней Руси XI—XIV вв. // Гермес. 1917. № 13/14. С. 205-210; 15/16. С. 227-229; 17/18. С. 243-247; 19/20. С. 259-262; 1918, выпуск за 2-е полугодие. С. 180-185.

Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.

Фролов Э. Д. Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999.

Черняев П. Н. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. Материалы для истории классического образования в России в библиографических очерках его деятелей былого времени (оттиск из «Филологических записок» за 1904—1905 гг.). Воронеж, 1906.

Черняев П. Н. Пути проникновения в Россию сведений об античном мире (оттиск из «Филологических записок» за 1910—1911 гг.). Воронеж, 1911.

Busch W. Horaz in Russland. Studien und Materialien. München, 1964.

Swoboda K. Die klassische Altertumswissenschaft im vorrevolutionären Russland // Klio. Bd. XXXVII. 1959. S. 241-267.

Wes M. A. Classics in Russia 1700-1855. Between Two Bronze Horsemen (Brill's Studies in Intellectual History. Vol.33). Leiden; New York; Köln, 1992.

3. Указатель литературы

по истории русской исторической науки

История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1965.

4. Указатели литературы

по русскому антиковедению

Воронков А. И. Древняя Греция и древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895—1959 гг.). М., 1961 (продолжение, составлявшееся М. И. Фурсовой, И. Е. Борщ и А. Н. Старицыным — в ВДИ. 1962. № 1 и следующие номера).

Маленн А. И. Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке // Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения / Пер. с нем. под ред. М. И. Ростовцева. Изд. 2-е. СПб., 1908.

Нагуевский Д. И. Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 год (из Ученых записок Историко-филологического факультета имп. Казанского университета за 1889 г.). Казань, 1889.

Нагуевский Д. И. Основы библиографии по истории римской литературы. Пособие для студентов-филологов (из Ученых записок Ист.-фил. ф-та имп. Казан, ун-та). Казань, 1889.

Прозоров П. И. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 год на русском и иностранных языках. С прибавлением за 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1898.